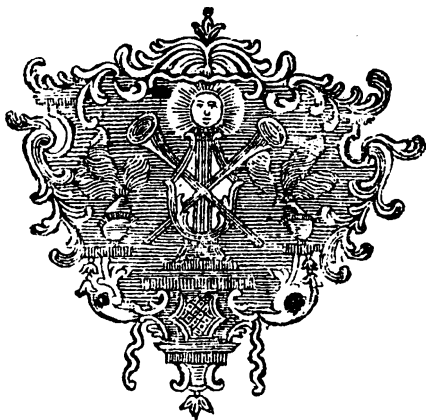

ТРУДОЛЮБИВАЯ
П Ч Е Л А.

Генварь 1759 года.

ВТОРЫМЪ ТИСНЕНИЕМЪ,

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
при Императорской Академіи Наукъ
1780 года.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
ГосударынѢ Великой КнягинѢ ,
ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ.

УмомѢ и красотой и милостью Божья ,
О просвѣщенная **ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ!**
ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ отверзѢ къ наукамѢ РоссамѢ
дверь ,
И вводилѢ въ ону насѢ **ЕВО** премудра **ДЩЕРЬ,**
СЪ ЕКАТЕРИНОЮ ПЕТРУ подобясь нынѢ ,
И образецѢ дая сѢ **ПЕТРОМЪ ЕКАТЕРИНѢ :**
Возвысь сей низкій трудѢ примѢрамн **ЕЯ,**
И покровительствомѢ , **Минерва** будь моя!

*

*

*

I.

О П О Л Ъ З Ъ

М И Т О Л О Г И И.

Многіе какъ изъ древнихъ, такъ и изъ новыхъ писали о Миѳологіи, то есть, о баснословіи. Нѣкоторые собрали имена и различныя названія боговъ и богинь; другіе изъяснили оныхъ родословіе; иные о значнѣйшихъ ихъ дѣлахъ подали извѣстіе; изображенія каждаго представили; храмы, жерпвоприношенія, свѣйства и силу ихъ показали; опредѣлили, которые каждому изъ нихъ птицы, звѣри и дерева собственны; какія одежды и украшенія всякому приличествуютъ, объявили; наконецъ означили изобрѣшенныя ими науки, художества и орудія. Есть и такіе, которые Героевъ и Героинь житія, браки, дѣтей, путешествія, подвиги и прочія обсто-

ятельства подробно описавъ , въ сочи-
 веніяхъ своихъ потомкамъ оставили. О
 чудныхъ и ужасныхъ приключеніяхъ, не-
 вѣроятныхъ преображеніяхъ и превраще-
 ніяхъ почерпнутыхъ изъ временъ въ
 предѣлахъ исторіи невключенныхъ на-
 ходимъ мы разныя книги. Сколько въ
 свѣтѣ издано многоразличныхъ полко-
 ваній на басни, по естественныхъ, по
 историческихъ, по нравоучительныхъ ;
 сколько имѣемъ мы мнѣній о происхожде-
 ній многобожія; сколько возраженіи на
 мнимыя языческихъ боговъ чудеса, лож-
 ныя ихъ прореченія, и на оказанное имъ
 вшуне божественное почитаніе. Наипа-
 че достойно здѣсь упомянуть о тѣхъ,
 которые разсѣянныя повсюду до древня-
 го баснословія принадлежащія частіи, не
 иначе какъ сожалѣнія достойныя Египъ,
 раздробленные и раскиданные суровою
 Мидіею неповиннаго Авсирта члены,
 прилѣжно собирая составили цѣлую си-
 стему, или цѣлое Миѳологіи тѣло. Сіи
 писатели неусыпными своими трудами
 заслужили себѣ великую похвалу у ис-
 кусныхъ и знающихъ людей, просвѣтили
 бывшее чрезъ толь долгія лѣта во тьмѣ
 сіе ученіе , и пріобрѣли имени своему
 безсмертную славу. Всѣ просвѣщенные
 народы пользуются презрѣдыми ихъ
 сочи-
 не-

сочиненіями, во всѣхъ порядочно учрежденныхъ училищахъ полкуютъ ихъ книги, любители наукъ читаютъ оныя съ крайнимъ удовольствіемъ. Однако сего всего не довольно, чтобъ заградить уста хулителей сей науки: не взирая на пользу ея и красоту, ругаютъ оную и поносятъ вездѣ непристойными словами, и бесполезною называютъ. А во утвержденіе своего мнѣнія приводятъ нѣкопорыхъ изъ числа ученыхъ людей, которые прилѣжа къ вышнимъ, какъ они говорятъ, наукамъ, Миеологію, не имѣя вовсе объ ней яснаго понятія, и не проникнувъ внутренняго ея состава, или презираютъ, и за бездѣлицу и сказки дряхлыхъ старухъ, выдуманная для потѣхи малымъ ребятамъ почитаютъ, или углублены мыслями своими въ хрустальные небеса, въ солнечныя пылинки, въ потаенныя качества, въ превращеніе круговой поверхности въ чепыреугольникъ, въ нераздѣлимая количества, и въ пустоту наднебесную молчаніемъ своимъ а иногда и высоковажною усмѣшкою соглашающа на ругательства ихъ. Но чтобъ неосновательное сіе многихъ мнѣніе опровергнуть, и достоинство Миеологіи, сколько возможно, возстановить и укрѣпить, намѣренъ я здѣсь вкратцѣ

о пользѣ Миеѳологіи любопытнымъ и правду любящимъ читателямъ предложитъ. Не сыщеть никто въ семъ сочиненіи ни громкихъ словъ, ни замысловатыхъ рѣчей, ни красно и искусно сплетеннаго слога; но одну только истинну простыми словами изображенную, которая, какъ Еврипидъ говоритъ, не требуетъ никакихъ украшеній. Лжѣ свойственно прикрывать наготу своѳ свѣпдыми и златопканными одеждами, а истинна напрошивъ того и въ черномъ сіяетъ вретницѣ.

Великое человѣческому роду дарованіе божіе, умъ мыслящій и рассуждающій не только о всѣхъ видимыхъ, но и отъ зрѣнія нашего сокровенныхъ вещахъ, не только о вещественныхъ тѣлахъ, но и о духахъ веществу вовсе непричастныхъ: не меньшій во истинну даръ и слово, безъ котораго мы, можемъ быть, не столь различествовали бы отъ прочихъ звѣрей. Есть и въ нихъ, хотя не на такой степени, какъ въ человѣкѣ, понятіе, рассужденіе и память; имѣютъ они между собою отъ естества знаки, которыми одинъ другому показать и извяснить желанія свой и страсти могутъ и имѣютъ: однако лишены слова изображающаго удобно всѣ мысли человѣческія

ческія и всѣ оныхъ малѣйшія части, преимущество какъ въ вышепоказанныхъ ума дѣйствіяхъ, такъ и въ семъ уступають человѣку. И для того отецъ бывшихъ всѣхъ и будущихъ спихотворцевъ Омиръ не могъ людей называть лучшимъ и оптѣннимъ, отъ другихъ именемъ, какъ только симъ, что они умѣють дѣлать голосъ свой на мѣлкія чаши. Отъ сихъ двухъ ввожденныхъ намъ свойствъ произошли науки, въ которыхъ состоить человѣческое блаженство. Науки насъ отъ самаго малолѣтства будто млеко и сокомъ питають, въ цвѣтущемъ возрастѣ обуздываютъ страсти наши, и прямой путь къ добродѣтели показываютъ, а въ старости изможденныя силы плѣла и разума нашего ободряють и оживошворяють. Сіи благородныя ума и слова челоѣческаго опрасли рожденіе свое, сколько намъ изъ древности извѣстно, имѣли въ Азїи, откуда чрезъ путешеспвія и странствованія любопытныхъ и разумныхъ мужей перешли пошомъ въ Грецію; а изъ Греціи разлились по пространымъ Римскимъ областямъ, въ которыхъ чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ вездѣ распространившись, наконецъ стали увядать такъ, что и со всѣмъ было исчезли. Наступили внезапно темныя и

варварскія времена ; вся почти Европа помраченная невѣжествомъ подъ игомъ незнанія спенала , пока опять изъ Греціи , гдѣ еще нѣкоторыя ихъ остатки , какъ скрытыя въ пепелѣ таились искры , варварами въ Италію те были изгнаны. Достойное удивленія приключеніе ! Варвары причину подають къ истребленію варварства. Въ Италіи впервые благополучной для нихъ вѣкъ возобновился , попомъ начали вездѣ приходиться въ прежнее свое достоинству , и такъ вся Европа вскорѣ просвѣтилась. Нѣтъ теперь въ ней ни одного государства , гдѣ бы не процвѣтали науки , и общаго благополучія не умножали. Произвели древнія времена остроумныхъ Философовъ , краснорѣчивыхъ Ораторовъ , прилѣжныхъ и безпристрастныхъ Историковъ , сладостныхъ стихотворцевъ , и нынѣшніе производятъ. Сколько осталось намъ Греческихъ и Латинскихъ писателей , коихъ сочиненія всему свѣту пріятны и любимы , сколько и теперь имѣемъ Французскихъ , Италіанскихъ , Англинскихъ , Нѣмецкихъ , Гишпанскихъ , Шведскихъ , Датскихъ , Голландскихъ , Польскихъ и нашихъ Россійскихъ книгъ , изъ которыхъ иныя въ переводахъ , а иныя въ самихъ подлинникахъ читаемъ , и чтеніемъ ихъ насла-

наслаждаемся. Весьма мало сыщется, я думаю такихъ, кои бы не употребляли времени на чтеніе полезныхъ и увеселительныхъ книгъ. Но къ совершенному разумѣнію безчисленнаго ихъ множества на разныхъ языкахъ сколь полезна и сколь нужна Миѳологія, томъ подлинно знаетъ, кто взявъ какую нибудь по правиламъ благоразумія и искусства сочиненную книгу, не съ великою и почти невѣроятною скоропоспѣшностію оную прочитываетъ, или лучше сказать, пробѣгаетъ не взирая ни на какія, которыя въ ней могутъ случиться, трудности и препятства, но съ зрѣлымъ рассужденіемъ о всемъ томъ, что ему не извѣстно или не понято покажется, прилѣжно старается получить довольное знаніе и въ тонкость постигнуть. О древнихъ не упоминаю, въ которыхъ вездѣ, ежели шакъ сказать можно, царствуетъ баснословіе. Не увидите не только у Стихотворцевъ, оныхъ которыхъ какъ отъ нѣкоего источника всѣ басни для разныхъ причинъ вымыслены, умножены и украшены, но и у Ораторовъ, Историковъ, Географовъ, Натуральной исторіи писателей и Философовъ, не увидите почти ни одной страницы, на которой бы не было именъ изъ Миѳологіи взятыхъ

и заклю-

и заключающихъ въ себѣ пространныя размышленія, но естли оныя чипателямъ не будутъ извѣсны, то не будутъ они чувствовать пѣхъ пріятностей и красотъ, которыя возвели древнихъ на самую высочайшую степень мудрости и ученія, и славу ихъ даровали вѣчность. И для того многіе будучи ужè увѣрены о превосходныхъ качествахъ Греческихъ и Латинскихъ писателей, и языки разумѣя, отъ чтенія ихъ не могутъ получить себѣ пользы и желаемого увеселенія. Правда что довольное искусство въ разныхъ наукахъ пребуется къ отвращенію сего препятства, просвѣщенный благороднымъ воспитаніемъ умъ, обхожденіе съ разумными людьми; однако и Миѳологія непоследнее между прочими занимаетъ мѣсто. Желалъ бы я знать хотя одного человѣка, которой бы не преткновенно могъ чипать и разумѣть ихъ книги, не упражняясь въ Миѳологіи. Но можетъ бытъ новыя писатели и безъ нее разумительны? Никакъ. Они послѣдуя стопамъ древнихъ учителей и истинныхъ натуръ подражателей, узнавъ преимущества ихъ баснословія, удержали оное, и украсили имъ также и свой сочиненія. Тѣже имена боговъ и богинь у нихъ находимъ, которыя были у древнихъ,

хотя

хотя со всѣмъ для другой причины; по-
 лубоги, Нимфы, Сапиры и Силваны,
 названія разныхъ живошныхъ и безду-
 шныхъ вещей, преизрядныя подобія и
 сравненія по большей части не изъ дре-
 вняго ли баснословія приняты? И такъ
 пщательному и любопытному чинапелю
 незнающему Миеологіи и новыхъ австо-
 ровъ книги не меньше причинятъ пруд-
 ности. Темны ему покажутся многія
 мѣста, неприличное а иногда и против-
 ное вообразить себѣ оныхъ знамено-
 ваніе, и какъ бы съ предвѣдущимъ и
 послѣдующимъ смыслъ ихъ согласить
 недоумѣвать станеть. Чтожъ касается
 до нѣжныхъ рѣчей, великолѣпныхъ словъ,
 остроумныхъ замысловъ и прочихъ скла-
 да красотъ зависящихъ отъ Миеологіи,
 то смѣло могу сказать, что оныхъ безъ
 довольнаго въ ней знанія и со многими
 прудомъ отккрыть не возможно. Предста-
 вимъ себѣ въ примѣръ сіе слово: АРГО-
 НАВТЫ. Оно одно, но цѣлая подѣ
 онымъ разумѣется исторія, которую изъ
 Греческихъ Аполлоторъ Родійскій, а изъ
 Латинскихъ спихотворцевъ Кай Валерій
 Флаккъ пространно описали. Должно
 при семъ словѣ знать, кто они были,
 и кого предводителемъ имѣли; кто на-
 чальникъ ихъ путешествія, какія онѣ
 причины

причины представляя съвѣтуя имъ сей путь воспріять, и съ какимъ пайнымъ умысломъ; кто изъ боговъ и богинь вспомошествовали имъ въ семъ предпріятіи, кто напротивъ того препятствовалъ, и для чего; кто соорудилъ корабль, какое оному имя, и кто на немъ былъ кормщикъ; откуда они въ путь отправились, чрезъ которыя моря пробѣжали, какія преодѣвали трудности, къ которымъ приставали островамъ, гдѣ на матерую землю выходили, что съ ними тамъ достопамятное здѣлалось; кто отъ нихъ отсталъ, и какъ послѣ опять соединился; кто умеръ на пути, что происходило по пріѣздѣ ихъ къ уреченному мѣсту, какъ они были приняты, и какимъ образомъ намѣреніе свое произвели въ дѣйство, какъ возвратились въ отечество, и что потомъ воспослѣдовало. Сіе все вкратцѣ мною сказанное, и еще далеко больше изъ пространной сей матеріи надлежитъ знать тому, кто хочетъ имѣть точное понятіе объ Аргонавтахъ. И другія Мифологическія слова толковать короче почти нельзя за тѣмъ, что одна басня соединяется со многими другими.

Исторія представляетъ намъ начала, укрѣпленіе и распространеніе государства, подаетъ основательныя правила

правила, и показываетъ въ самомъ дѣлѣ
 збывшіеся примѣры ко управленію цѣ-
 лыхъ народовъ, описываетъ прехвальныя
 и вѣчной славы достойныя дѣла мужей
 знаменитыхъ, опредѣляетъ почное время,
 когда, какимъ образомъ и кѣмъ насе-
 лены ужасныя пустыни и непроходимыя
 дубравы, когда пагубными непріятель-
 скими войнами, или междуособными раздо-
 рами цвѣтущія предъ тѣмъ разрушились
 царства. Сія пользѣ нужная, полезная
 и пріятная наука не можетъ достигнуть
 къ совершенству безъ Миѳологіи. При-
 чину сему легко узнать можно, еслии
 приведемъ на память то, что перь-
 вые писатели были стихотворцы, и
 что всѣхъ земель исторія приближаясь
 къ своимъ началамъ теряется наконецъ
 въ Миѳологіи. Гдѣ сыщемъ мы о древ-
 нѣйшихъ народахъ извѣстія; откуда
 узнаемъ ихъ происхожденіе, правленіе и
 случившіяся въ немъ переменны; кто обв-
 явитъ намъ имена, родословіе, добрыя
 и худыя поступки ихъ владѣльцевъ; отъ
 кого увѣдомимся, гдѣ и кѣмъ изобрѣ-
 шены и заведены различныя науки и ху-
 дожества; кѣмъ построены часто въ
 исторіяхъ упоминаемые города, храмы
 и прочія удивительныя зданія? Миѳоло-
 гія насъ изъ сего недоумѣнія выведетъ, и
въ

въ шолікоѣ шѣмѣ нѣкоторой евѣтѣ по-
дашь можеть. Въ ней обрѣшаемъ мы
Троянскую исторію баснями предѣ невѣ-
жами нѣсколько закрытую, а предѣ гла-
зами разумныхъ людей великолѣпно укра-
шенную. Финикіянѣ морскія путеше-
ствія въ отдаленныя страны, преселе-
ніе одной ихъ часпи въ Віотію, а дру-
гой въ Африку, и созданіе городовъ
тамъ Фивѣ, а здѣсь Кархидона остались
бы на вѣки въ забвеніи, естѣ ли бы въ
баснословныхъ повѣстяхъ не были со-
хранены. Фивейскія плачевныя приклю-
ченія, убіеніе отца, бракосочетаніе
матери, въ незнаніи кровосмѣшеніе сына,
воспаніе двухъ родныхъ братьевъ другъ
на друга, опчаянное ихъ сраженіе и про-
чія всѣ бѣдственныя слѣдствія, на ко-
нецъ паденіе всего Царскаго дома Стихо-
творцы чипапелямъ въ басняхъ, какъ
на нѣкоторомъ позорищѣ, смѣшивая съ
правдою вѣроящныя хопя неистинныя
вымыслы, пакъ ясно представили, что
безъ страха и отвращенія обѣ оныхъ
не лзя и помыслишь. О благополучномъ
состояніи Аркадскихъ жителей, кото-
рое подѣ именемъ злапаго вѣка нынѣ во
всей подсолнечной прославляется, столь-
ко бы мы знали, сколько о древнихъ
Камтадальскихъ и Американскихъ дѣй-
ствіи-

ствіяхъ , ежели бы не имѣли басенъ. Не упоминаю о прочихъ бывшихъ близъ Аркадіи на томъ же полуостровѣ Пелопоннисѣ , какъ то о Лакедемонянахъ , Коринѳянахъ , Аргіянахъ и Пиліянахъ , о многихъ островахъ Кикладскихъ и другихъ на Средиземномъ морѣ вездѣ разсѣянныхъ. Представьте себѣ въ мысляхъ вашихъ Миноя , Радаманѳа , Идоменея , Дедала , Кориваніповъ , гору Илу и другія имена въ прешьей книгѣ Виргиліевой Енеиды помянутыя , не принадлежатъ ли оныя къ исполкованію исторіи Критской? Аѳины славою своею до небесъ превознесенныя , и весь свѣтъ приведшія во удивленіе о первыхъ своихъ временахъ , Царяхъ и о храбрыхъ Герояхъ только тѣ имѣютъ преданія , которыя находятся въ баснословіи. И хотя изъ сихъ примѣровъ явно , что Миѳологія исторіи много способствуетъ ; однако для яснѣйшаго доказательства еще одинъ предложитъ за благо разсуждаю. Большая часть писателей въ томъ согласны , что древняя исторія простирается до четвертаго вѣка послѣ Рождества Хрїстова , въ которомъ Римское государство раздѣлилось на двѣ части , то есть на Восточное и Западное. Изъ чего слѣдуетъ , что изъ древнихъ временъ нѣтъ

ближайшей къ нашему вѣку исторіи какъ Римская. Ктожъ будетъ и о томъ сомнѣваться, что въ ней больше подлинныхъ извѣстій находится, нежели въ другихъ. Однако чѣмъ ближе къ началамъ оныя приступаемъ, тѣмъ яснѣе видимъ, что и она изъ Мифологіи какъ изъ общаго всѣхъ исторій источника происходитъ. Откуда взяли историки Аборигиновъ, Іана, Сатурна, Пика, Фавна, Евандра, Кака, Латина и Енея, которой хотя и не въ одно время жилъ съ Дидоною, однако для застарѣлой и непримирительной взаимной между Римлянами и Карфагенянами ненависти будто огорченіемъ Боговъ съ самаго ихъ начала вкорененной совокупленъ съ нею отъ Латинскаго Омира нарочно для того, чтобъ онъ ее разгнѣвалъ, принудилъ къ самоубійству, и жестокою своею поспулкою всѣялъ въ сердца сихъ двухъ народовъ сѣмена свирѣпой той вражды, которая попомъ усилившись безчисленное множество людей съ обѣихъ сторонъ погубила, и не только Сицилію, Гишпанію, Галлію, Италію, Африку, но и пространныя моря кровію убіенныхъ обагрила.

Теперь вникнемъ во святилище и другихъ наукъ, въ которое, по мнѣнію многихъ, тѣмъ только входъ отворенъ, кои одну

одну которую нибудь изъ нихъ избравъ во всю жизнь свою за оною слѣдуютъ, хотя то не рѣдко случается, что и шаковыя увидѣшь оныя лица, и благо-склоннымъ ея взоромъ пользоваться не удостоиваются для того, что на рабынь, сверстницъ, подругъ и наперстницъ госпожи своей гордымъ и презрительнымъзираютъ окомъ. Я говорю объ Астрономіи, Физикѣ и Исторіи натуральной. Первая Астрономія, сколько одолжена Миѳологіею, изъ того довольно явствуетъ, что она всѣхъ планетъ имена, раздѣленіе неизчепной сіяющихъ на шверди небесной огней громады на созвѣздія, и всѣхъ ихъ, также и значнѣйшихъ частей названія отъ Миѳологіи получила, и хотя ненавистники всѣ силы свой на то употребили, чпобы взявша изъ Миѳологіи слова въ сей звѣздочесцевъ наукѣ истребить, однако не могли достигнуть къ св ему намѣренію. Былъ нѣкто Іулій Шиллеръ, которой послѣдую совѣшу Бѣды, проименованнаго Почитаемымъ, изъ баснословнаго, какъ онъ самъ говоритъ, Христіанское небо здѣлать старался, и для того переѣнилъ всѣмъ созвѣздіямъ названія; вмѣсто древнихъ въ соблазнъ по его миѳнію приводящихъ именъ далъ Свя-

тыя и Божественныя, однако не имѣлъ
 никакого успѣха въ дерзновенномъ своемъ
 предпріятіи. Нѣкоторые новому его вы-
 мыслу удивлялись, иные за ревность къ
 благочестію похваляли, многіе смѣялись
 и презирали, а другіе негодовали, что
 онъ желая священныя вещи больше про-
 чихъ почитать, меньше нежели надлежало,
 имъ чести здѣлалъ; да и въ подозрѣніе
 себя привелъ, будто онъ такимъ обра-
 зомъ, какъ подъ медомъ желчь, подъ
 святостью скрываетъ хотѣлъ злочестіе. Я
 не утверждая ни одного изъ сихъ мнѣній,
 предложу здѣсь всякому на разсужденіе
 нѣкоторыя имъ выдуманная созвѣздій
 названія. Большую медвѣдицу называетъ
 онъ Святымъ Архангеломъ Михаиломъ;
 Дракона младенцами избѣенными отъ
 Ирода; Делфина водоносомъ въ Канѣ Гали-
 лейской; Андромеду гробомъ Христо-
 вымъ; овна Святымъ Апостоломъ Пе-
 тромъ; быка Святымъ Андреемъ; Оріона
 Святымъ Іосифомъ обручникомъ прене-
 порочной дѣвы, и прочая подобнымъ обра-
 зомъ. Ерардъ Вейгель видя Шиллерову
 неудачу, оставивъ богословію обратил-
 ся къ политикѣ, и для сысканія себѣ
 у высокыхъ особъ милости, и у всѣхъ
 людей похвалы вознамѣрился выдумать
 новое небо, которое онъ назвалъ Герал-
 диче-

дическимъ, и вмѣспилъ въ оное гербы Европейскихъ Государей, Князей и прочихъ людей. Напримѣръ большую медвѣдицу превращаетъ онъ въ слона Королевства Датскаго, лебедя въ руту съ мечами двора Саксонскаго, Пліяды въ Пифагорову таблицу, которую онъ за гербъ купеческой почиталъ. Однако сіи новости всѣмъ славнымъ Астрономамъ не понравились; и такъ Миѳологическія имена и до сего времени оспались въ употребленіи, не только для того, что давно ужѣ, въ обыкновеніе вошли, и во многихъ древнихъ и новыхъ книгахъ находятся, но и для точнаго нѣкоторыхъ съ тѣми вещами, которыя чрезъ нихъ означаются, подобія, также для изображенія свойствъ тѣхъ временъ и погодъ, которыя случаются, когда они надъ горизонтомъ видимы, или когда восходятъ и заходятъ. Сіе восхожденіе и захожденіе звѣздъ есть проясное, какъ то, вечернее, мѣрное и солнечное. Древніе Спихотворцы наипаче въ книгахъ о земледѣліи, о праздникахъ, и почти вездѣ, такъ часто оныя употребляли, что отъ чтенія ихъ весь народъ восхожденіе и захожденіе звѣздъ такимъ же образомъ какъ и они означали, которому обыкновенію послѣдовали писа-

шли о домостроительствѣ, деревенской жизни и прочее. Опъ чего послѣ и Астрономы прицуждены были Пинтичское восхожденіе и захожденіе извяснить, и въ книгахъ своихъ особливую для онаго главу опредѣлишь, которую и поныи видимъ мы во всѣхъ Астрономіяхъ.

О пользѣ Миеологіи въ Фисикѣ развѣ потѣ будепъ сомнѣваться, кто не знаетъ, что Стоики и другіе Философы баснословіе почипали за науку о естествовѣ вещей, и о происхожденіи ихъ; о свойстввахъ и перемѣнахъ случающихся въ натурѣ. Во свидѣтельство призываю я Стоической Философіи въ новѣишія времена возобновителя Іуста Липсія, которой въ полкованіяхъ своихъ на четвертую книгу Сенеки о благодѣніяхъ пишетъ такъ: *Стоики толковали стихотворческія басы о естественныхъ вещахъ, много въ томъ утражнялись, и заключали въ нихъ все таинства Натуры. Чтожъ? надлежитъ ли ихъ за то обвинять? Нѣтъ, не думаю. Да и Омиръ уловательно тѣже мысли имѣлъ.* Лукрецій послѣдователь Епикура въ началѣ книгъ своихъ о Натурѣ вещей призывая и описывая Венеру, не ясно ли намъ показываетъ, что онъ подъ именемъ сей Богини разумѣетъ всемірную иъкоторую Фисиче-

сическую по своей Философїи силу всѣмъ вещамъ бытіе и пребываніе дающую. Истодово родословіе Боговъ въ самомъ началѣ не что иное есть, какъ Философское мнѣніе, какимъ образомъ сей міръ сошворенъ. Знали подлинно шворцы басней, что солнце есть огненное шгло, отъ чего бывающъ громы и землсрясенія, происхолятъ источники и рѣки, раждаются вѣтры, для чего жителя горячаго пояса черны, какая причина затмѣнія солнечнаго и луннаго, что шому виною, что возы небесныя, изъ кошорыхъ большой Грекамъ, а малой Финикїянамъ въ мореплаванїи путь показывалъ, никогда какъ прочія свѣшила не заходятъ, что нѣкоторыя неподвижныя звѣзды исчезаютъ, и знаніе свое не въ сиспематическихъ сочиненїяхъ, но въ басняхъ предложили простому народу къ увеселенїю, а учащимся къ пользѣ. Напрасно бы было пространными доказательствами сіе все здѣсь утверждать, имѣя полкованїя многихъ преизрядныхъ писателей ясно намъ показующїя, что въ басняхъ скрыта естественная наука. Больше всѣхъ въ семъ дѣлѣ прудился Напались Комесъ въ десяти книгахъ о Миѳологїи или извясненїи басней.

Часть Фисики есть Исторїя Натуральная, которая разсматриваетъ свойства

всѣхъ животныхъ, растущихъ и камней. Но кто лучше оныя изобразилъ, какъ Овидіи въ своихъ превращеніяхъ, которыя со внушеніемъ увеселеніемъ всякъ читаетъ? Не позабылъ онъ свойспивъ и натуры каждого, не преминалъ ни одной ихъ части, которой бы точно и подробно не описалъ, преображая искусно Боговъ и людей въ звѣри, птицы, рыбы, деревья и въ бездушныя вещи. Представимъ себѣ въ мысляхъ нашихъ Ликаона превращеннаго въ волка, Филомилу въ соловья, Прокну въ ластовицу, Тирренскихъ корабельщиковъ въ морскія свѣньи, Дафну въ лавровое дерево, Аглавру и Ватша въ камни: представимъ и ясно увидимъ, ложноли то, что сказано здѣсь о Назонѣ. Кого не удовольствуетъ Виргиліи обширнымъ описаніемъ пчелъ, великодушныхъ вождей ихъ, сіи его собственныя слова, и всего народа правобъ и упражненій, различныхъ сонмовъ, и бываемыхъ между ими сраженій. Великое вспомошествованіе дѣлали бы намъ въ изученіи Исторіи Натуральной тѣ о превращеніяхъ писатели, изъ которыхъ отпоргнувъ малыя только частицы, собралъ Антонинъ Либералисъ: но одни лишь имена ихъ намъ остались извѣстны, а книги къ сожалѣнію нашему въ прахъ сперло ѣдкое время скрежещущими своими-зубами. Безъ
 Или-

Плиніевыхъ книгъ, которыя племянникъ его въ письмѣ къ Тациту не въ похвалу отъ ласкашества, но по справедливости называетъ пространными, учеными и не меньше различными какъ сама натура, не могла бы прійти Исторія Натуральная къ такому совершенству, въ каковомъ она нынѣ блистаетъ, но къ разумнѣю оныхъ не обходимо потребна Миѳологія.

Но что я вижу? Не сладкой ли сонъ опягощаетъ зрѣніе мое? не мечта ли воображаетъ въ мысляхъ моихъ сіе пріятное позорище? является сама Богиня, рукою помаваетъ, и простерши персть свой указываетъ мнѣ великолѣпное зданіе пречуднымъ художествомъ сооруженное, и благосклоннымъ взоромъ недоумѣніе мое ободряя говоритъ: Вниди въ храмъ мой, дверь сія никогда не зашворяется, возри на искусство рукъ человеческихъ; увидишь въ немъ живописи Апелла и Зевксиса, узришь Фидіевы статуи, посмотришь на изваянныя изображенія, приведутъ тебя въ удивленіе славнѣйшихъ всѣхъ живописцевъ картины, достопамятныхъ каменосѣцевъ и ваятелей рукодѣліе; моимъ совѣщомъ все оное здѣлано, и для прославленія имени шѣхъ, кои надъ шѣмъ прудились, внесено въ сей храмъ, въ которомъ оно хранится,

и увеселяешъ любителей моихъ , а ненавистниковъ сердца терзаешъ Я вижу о Богиня ! сколько сіи и другія художества шобою одолжены , примѣчаю , колкое ты имъ дѣлаешъ вспомошествованіе , и что на верхъ славы прилежащихъ къ нимъ возводишь : но кто можетъ по достоинству словами изобразить твое въ семъ дѣлѣ участіе , кто подробно описать всѣ твои преимущества ? Давно уже оныя всему свѣту извѣстны , и ежедневными опытами утверждены . Того ради обращаюсь къ наукамъ , и предложивъ вкратцѣ о естественной богословіи заключу нравоученіемъ .

О богѣ разсуждашь , признавать , что онъ сію населенную людьми и другими животноными землю такъ какъ и всѣ прочія планеты съ вхъ ступниками создалъ , что солнце и блистающія въ неизмѣримомъ опдаленіи собственнымъ своимъ свѣтомъ звѣзды его твореніе , удивляешься премудрости , величеству и силѣ божіей , утверждаешь что онъ святъ , праведенъ , безначаленъ и безконеченъ , о провидѣніи его не сомнѣваться , учишь насъ естественная Богословія : а какимъ образомъ сія вліянная въ сердце наше наука у многихъ народовъ подъ баснями скрыта превращилась на конецъ въ многобожіе ,

Ми-

Мифологія намъ показываешъ. Страхъ и надежда отъ невѣжества, жесточайшіе рода человѣческаго пираны произвели у язычниковъ толикое Боговъ множество, что не осталось на небѣ, на землѣ и въ преисподней ни одного мѣста, которое не было бы ими наполнено. Рожденіе человѣка на свѣтѣ, воспитаніе, совершенной возрастъ, старость и смерть коликому числу Боговъ они поручили; въ земледѣліи, купечествѣ, во время войны, во всѣхъ наукахъ и художествахъ, на пиршествахъ, въ путешествіи и при всѣхъ прочихъ случаяхъ сколько разныхъ Боговъ почитали? Однако на послѣдокъ видя себя опягощенныхъ многобожіемъ, и въ сомнительномъ своемъ богопочитаніи нѣкоторую опраду получить желая раздѣлили ихъ на различные чины, честьями неравными почтили, и установили одного надъ всѣми правителя, которому оказывали большее нежели прочимъ почтение. Великую силу имѣетъ истинна, она и скрывается предъ разумными упайтсья не можетъ. Орфей изъ древнѣйшихъ прежде Омира бывшихъ Стихотворцевъ утверждаетъ сіе явственно въ одномъ стихѣ, въ которомъ онъ говоритъ, что Юпитеръ, Плутонъ, Аполлонъ и Діонисъ
знаме-

знаменуютъ единого Бога имя. И Сенека въ вышепомянутой книгѣ также пишетъ, что Богъ можетъ имѣть столько различныхъ названій, сколько въ немъ есть свойствъ. Впрочемъ есть ли о суевѣрномъ древнихъ язычниковъ многобожїи и по мнѣнїю проспаго ихъ народа разсуждать спанемъ, такъ и тогда будетъ оно намъ не бесполезно. Увидѣвъ какую они честь вымышленнымъ Богамъ отдавали, большую воздавать будемъ истинному Творцу всей селенной: познавъ ложныя ихъ чудеса, темныя къ уловленїю душъ человѣческихъ прореченїя, непристойныя праздники, нескладныя обряды, ошущимъ въ мысляхъ нашихъ несказанную радость и принесемъ Всевышнему благодаренїе, что онъ отъ всѣхъ тѣхъ заблужденїй насъ избавилъ, и свѣтомъ истинны просвѣтилъ.

Толикая отъ Миѳологїи вездѣ разливается польза! Но въ нравоученїи столь она нужна, что безъ нея нравоученїе неприятно, безсильно и почти бездушно будетъ. Какъ искусной и о здоровьѣ ближняго своего пекущїйся врачъ горкїя но спасительныя лѣкарства растворяетъ въ сахарѣ, такъ прозорливые Миѳологїи нравоученїе для большей всѣмъ пользы подъ баснями скрыли. Одни правила къ исправленїю человѣческаго житїя въ

въ сухихъ силлогисмахъ предложенныя, и доказанныя не могутъ такового намъ подашь наставленія , какое подають искусно выдуманныя басни , въ коихъ представляется какое нибудь лице живое, или оживотворенное, котораго добродѣтелямъ подражать , и пороковъ оному приписанныхъ убѣгать удобнѣе устремляемся, видя щаспливыя съ одной, и злополучныя съ другой стороны слѣдствія , и память ихъ простершуюся до позднихъ потомковъ. Исторія, кто нибудь скажетъ, справедливые намъ всѣхъ добродѣтелей и пороковъ примѣры представляеть, и больше къ нравоученію способствовать можетъ нежели Миѳологія. Но историки часто въ повѣстяхъ своихъ другъ съ другомъ несогласны , и многія знатныхъ мужей дѣла называютъ порочными приписавъ имъ злое намѣреніе , которыя отъ другихъ почитаются за добродѣтельныя : а въ баснословіи характеры всѣхъ лицъ пребываютъ непрѣмнны. Александра Великаго иные похваляя другимъ въ примѣрѣ храбрости, великодушія и милости приводятъ , напротивъ того нѣкоторые зовутъ его тираномъ , разбойникомъ , грабителемъ всей селенной : а Геркулесъ , Оисей и прежде ихъ Іакхъ прудами своими для

иско-

искорененія пагубныхъ чудовищъ, и спасенія многихъ народовъ подвѣтными заслужили безсмертіе и славу никогда незблемуую. Исторія пользуется насъ пришедшихъ уже въ совершенной возрастъ, и опредѣлившихъ состояніе жизни нашей; а Миѳологія опишетъ молодыхъ еще, какъ Греки говорятъ, ногой въ нѣжномъ младенческомъ сердцѣ, какъ на мягкой какой матеріи божественное подобіе добродѣтелей изображаетъ, и ни въ какомъ состояніи бесполезна быть не можетъ. Не то ли совѣтуетъ намъ Платонъ, когда во второй книгѣ о гражданствѣ пишетъ такъ: *Надлежитъ, чтобъ кормилицы и матери сказывали дѣтямъ избранныя басни, и больше о томъ старались, чтобъ въ сердца ихъ баснями добродѣтель вкоренить, нежели тѣло ихъ нѣжить.* Причину сему объявляетъ Гораций, говоря: чѣмъ новой скудельной сосудъ однажды напоенъ будетъ, тотъ духъ въ немъ долго останется. Есть еще другой способъ наставленія, примѣрами живущихъ съ нами въ одно время людей къ добрымъ дѣламъ поощрять, а отъ худыхъ отвращать, къ которому принадлежитъ Сатира. Но Миѳологія и предъ симъ имѣетъ преимущество. Не сопряжена она ни съ ласкапельствомъ, ни съ обидою,

и въ

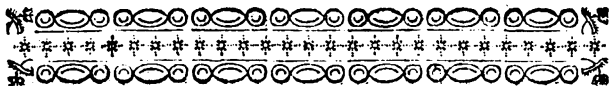
и въ ненависть насъ привести ни у кого не можеть. Въ разсужденіи сего всего пошже Гораций въ письмахъ своихъ Омира похваляетъ сими словами. Писатель Троянской войны, говоритъ онъ, предлагаетъ намъ, что честность и злонравіе, отъ чего чловѣку польза и вредъ бываетъ, обильнѣе и лучше Хрисилла и Кратора: изъ копорыхъ перьвой былъ основателемъ Стоической Философїи, а второй ученикомъ Платоновымъ и знаменнѣйшимъ между Академиками. Не басни ли описують непостоянство щасїя и мужественно оное сносить увѣщеваютъ? Не басни ли опводятъ отъ свирѣпства, отъ клятвопреступленія и сквернаго сластолюбія? Кто дружество, вѣрность, храбрость, щедролюбіе и прочія добродѣтели вкореняетъ въ умъ нашемъ? Басни. Кто пороковъ мерзость такъ живо въ мысляхъ нашихъ предсавляетъ, что и воспоминовеніе ихъ спрашно и ужасно кажется? Тѣже басни. Однимъ словомъ нѣтъ ни единого похвальнаго дѣла, ко исполненію котораго не побуждали бы насъ басни. Нѣтъ ни единого беззаконія, отъ котораго бы насъ басни не отвращали.

Однако упорные сей науки ругатели, можеть бытъ, скажутъ, что Миеологія при-

причину подасть къ возобновленію древняго языческаго многобожія; что между нею и Исторіею такое различіе, какое между истинною и лжею; а хотя и признаюся, что начала Исторіи въ Мифологіи искасть должно, однако и то будеть утверждать, что она истинныя приключенія великою помрачила пимою; что Мифологія къ изученію другихъ наукъ ненужна, для того что въ нынѣшнія времена всѣ науки и художества въ особливыхъ книгахъ пространно изъяснены; на конецъ что баснословіе древнее не только къ исправленію нравовъ, но еще больше къ поврежденію оныхъ служитъ. Можно на всѣ сіи возраженія пространно отвѣтствовать, но чтобъ читателямъ прежними моими доказательствами о пользѣ сей науки довольно увѣреннымъ не причинить скуки, сколько возможно, короткой дасть отвѣтъ заблаго разсуждаю. Многобожія опасаться въ толь просвѣщенныя времена не надобно; да и о Божѣхъ баснословныхъ съ почтеніемъ единому истинному Богу приличнымъ говорить никто не совѣтуетъ. Чтожь до Исторіи касается, то правда, что она истинныя приключенія описываетъ, но и Мифологія не со всѣмъ ложныя, но отъ словеснаго

снаго преданія пріятыя , и вѣроятныя сокровенныя подѣ баснями. И лучше ли намъ о начаткахъ исторіи ничего не знать ; или изъ разныхъ примѣтъ догадываться объ истинѣ , и изъ мрачности выводить оную на свѣтъ. Не прекословлю и въ томъ , что кто хочетъ основательно другимъ наукамъ обучаться , тому непременно надлежитъ избрать Систематической порядокъ , долгое время и неуспяное прилѣжаніе : но тѣ частицы изъ наукъ , которыя въ Мифологіи разсѣяны , удобнѣе намъ извѣстны бытъ могутъ , и для пріятности писателями въ щѣхъ мѣстахъ употребленной тверже въ памяти останутся. Впрочемъ таковы всѣ науки, что одна безъ помощи другой бытъ не можетъ. На послѣдокъ извѣстно, что басни учатъ насъ исправлять нравы, но злоупотребленіи и добрыя вещи превращаетъ въ худыя. Виновны ли въ томъ благоуханныя цвѣты, когда змѣя изъ нихъ не полезныя, но вредительныя высасываетъ соки? Въ томъ намѣреніи и я предложилъ здѣсь о пользѣ Мифологіи, чтобъ читатели обучаясь и упражняясь въ оной на подобіе трудолюбивыхъ пчелъ, пополько изъ нее собирали, что знаніе ихъ умножить, нравоученіе имъ подасть и благополучія ихъ причиною бытъ можетъ.

Григорій Козицкой.

II.

РАССУЖДЕНІЕ

О двухъ главныхъ добродѣтеляхъ ,
которыя писателю исторіи имѣтъ
необходимо должно , по есть объ
искренности , и несуетвѣрномъ
богопочитаніи.

Великое число будетъ , какъ я думаю ,
читателей такихъ , кои посмотривъ-
ши на одну только надпись сего моего
сочиненія , придуть въ удивленіе , и въ
поже мгновеніе ока стануть вопрошать:
для чего я не о всѣхъ , да о двухъ до-
бродѣтеляхъ писателя исторіи чрезъ се
имъ сообщилъ? Того ради упреждая , на
сей ихъ вопросъ заблаговременно отвѣ-
чаю , что я далеко отъ ихъ мыслей на-
хожуся , и не желаю подать наставле-
нія , или предписать имъ правилъ къ со-
чиненію исторіи. Сія причина побудила
меня

меня всѣ добродѣтели , касающіяся до слога писателя исторіи оставишь , не упоминашь такожде о погрѣшностяхъ , чинимыхъ неоспорожностию и небреженіемъ , не исчисляшь никакихъ пороковъ , которые въ книгахъ его раждаетъ незнаніе какой нибудь науки , на примѣръ Географіи , Хронологіи , Древностей , разныхъ народовъ обыкновений , баснословія , воинскаго искусства , Цолипики , Родословія , Исторіи Натуральной и прочихъ . Правда что и сей въ писателѣ недостатокъ хотя весьма чувствителенъ , и славѣ его великой дѣлаетъ ущербъ , однако для того , что отъ незлобія происходитъ , легко сносенъ и простителенъ бытъ можетъ . Напротивъ того всякой благоразумной и добродѣтельной читатель никогда не проститъ сочинителю исторіи пороковъ , которые отъ злобнаго сердца и испорченнаго нрава свое начало имѣютъ . И читая его исторію не иначе какъ искусной мореплаватель , которой весь трудъ на то употребляетъ , чтобъ уничтожить ярящихся волнъ стремление и силу , не допустить ихъ свой корабль сокрушить о камень , и ввергнуть себя въ морскую пучину , не иначе говорю , и онъ крайнее свое попеченіе положишь въ томъ ,

В 2

чтобъ

чтобъ одолѣть всѣ затрудненія , не дашь себя обольстить , и погрузить въ бездну безконечныхъ заблужденій.

И такъ я принявъ въ разсужденіе сей послѣдній родъ писателевыхъ пороковъ, намѣренъ здѣсь предложить о двухъ только главныхъ добродѣтеляхъ , которыя сочинителю исторіи непременно имѣть должно , и коихъ однихъ только отъ него читатель справедливо требовать можетъ , то есть объ искренности , и несуетворномъ богопочитаніи. Не надобно мнѣ кажется много толковать , и описывать , что искренность , и несуетворное Богопочитаніе , какъ словъ всякому извѣстныхъ , словъ въ разговорахъ нашихъ почти ежедневно употребляемыхъ , потому что мы часто вѣрнаго своего друга называемъ искреннимъ пріятелемъ , при поздравленіяхъ , и желаніи благополучія , увѣряемъ кого нибудь , что мы дѣлаемъ то отъ искренняго сердца , то есть отъ сердца во всемъ съ языкомъ нашимъ согласнаго. И сего ясно разумѣть можно , что искренность писателя состоитъ въ томъ , когда его повѣсть съ дѣйствіями и приключеніями во всемъ согласна. Подобнымъ образомъ часто называемъ мы людей суетворами , на примѣръ тѣхъ , которые изъ словъ толкуютъ хоро-

жорошія, или худыя слѣдствія; кои спорящъ о томъ, что осмиконечной крестъ большаго достоинъ почтенія, нежели чепыреконечной; кои отъ встрѣчи животноныхъ пророчествующъ о благополучныхъ или несчастныхъ приключеніяхъ; кои носятъ съ собою травы и камни, или иныя вещи противъ смертоноснаго яду, противу оружія непріятелей, приписывая имъ силу и власть одному Создателю нашему приличную, и иными безчисленными странными мнѣніями слуху нашему досаждаютъ, и представляють глазамъ нашимъ смѣха достойное позорище. Слѣдовательно называю я несуетвѣрнымъ въ сочинителѣ богопочитаніемъ ту должность, которую обязанъ онъ отдавать Творцу всея селенныя, исполняя всѣ его святыя, премудрыя и душевспасительныя законы, и не приписывая ему ничего, что противно свойствамъ его быть можетъ. Довольно ужъ я извяснилъ, что подъ именемъ обоихъ помянутыхъ добродѣтелей разумѣется, шеперь надлежитъ подумать, имѣю ли я причину назвать ихъ главными. Сіе споль смѣло могу я утверждать, сколь ясно вижу, что въ которомъ сердцѣ они вкоренились, въ томъ всѣ добродѣтели царствуютъ, а изъ коего сіи предводи-

тели и гнаны, въ томъ пороки обитаютъ. Употребимъ не много прилѣжанія, и разсудимъ, кто оцолчаетъ сочинителя испорчи неустрашимостію, не искренность ли? Кто раждаетъ въ немъ презрѣніе награжденія и пользы? искренность. Кто научаетъ его быть праведнымъ судьей, не взирать на вражду, ни на дружбу, не любить слѣпо своихъ спвенниковъ, или одноземцовъ своихъ? во истинну всему сему причиною одна его искренность. О добродѣтель достойная златой статуи! достойна, чтобъ тебѣ жипели всего земнаго круга въ храмахъ и домахъ, на спогнахъ и распутияхъ сооружали олтари, и еженежно въ жертву сердца свой съ благоговѣніемъ приносили! Гдѣ тебя нѣтъ, тамъ страхъ, желаніе награжденія и пользы, ласкательство присуітвуютъ; тамъ ложь, неправосудіе, лицепріемство, раболѣпство торжесивуютъ. Да можетъ ли и отъ зараженнаго суевѣріемъ писателя чего нибудь лучшаго ожидать? По моему мнѣнію какъ злое дѣрево не приноситъ добраго плода, какъ волчець и терніе не раждаютъ пшеницы, да когда произрастетъ, удавляють оную: такъ и суевѣрь не можетъ не только ни мало читателя пользоваться, но еще въ состо-
 яніи

яніи утушитъ и послѣднюю въ немъ искру добродѣтели. По тому, что между безбожникомъ, суешнымъ вольнодумцемъ и суевѣромъ не должно никакого различія полагать, кромѣ сего, что первые оба не воздаютъ справедливой и должной Богу чести, а послѣдней безумно и не пристойно его почитая, во зло имя Божіе употребляетъ. Тѣ оба ничего Богу, никакова приключенія провидѣнію въ исторіи не приписываютъ, а сей причиною дѣлаетъ Создателя и такихъ дѣйствій, кои прошивны его силѣ, премудрости, величеству и правосудію. Коликое множество посмѣяній достойныхъ мнѣній, бабьихъ басенъ, безумныхъ обрядовъ, злочестивыхъ жертвоприношеній, сновидѣній и прочихъ симъ подобныхъ безумій изобрѣтенныхъ на прельщеніе душъ невинныхъ, читаемъ мы въ языческихъ книгахъ? Не приводятъ ли сочинители ихъ неосторожнаго читателя въ крайнее заблужденіе? Отъ нихъ въ древнія времена разпространялося, и утверждалося языческое многобожіе. На конецъ бывають многіе и такіе писатели, кои впадши въ суевѣріе причины истинныя приключеній отъ насъ скрываютъ, и чрезъ сіе подаютъ намъ поводъ о справе-

дливости всей своей исторіи сомнѣваться. Ложь дѣло безчестное во всякомъ чело-вѣкѣ, а наипаче въ сочинителѣ исторіи для того, что онъ долженъ писать съ однимъ только симъ намѣреніемъ, чтобъ читателей пользоваться, и примѣрами невымышленными, да самую вещь въ семъ свѣтѣ бытіе свое имѣвшими; учить ихъ добрымъ послѣдовать, а худыхъ убѣгать, чтобъ не впастъ имъ въ подобныя, которыя онъ представляетъ, нещасія. Да чѣмъ бы могла разспововать отъ басни исторія, которую Цицеронъ свѣтомъ правды называетъ? чѣмъ была бы она отмѣнна отъ слова похвальнаго? Во истинну ничемъ. Весьма погрѣшаетъ тотъ, кто не рассуждаетъ, что иныя стихотворецъ и слова похвальнаго писатель долженъ имѣть правила, а иныя сочинителю исторіи наблюдать прилично. Стихотворцу одинъ данъ сей законъ: писать то, что онъ за благо рассудитъ. Не стыдно Овидію говорить, что Артемиды въ оленя превратила Актеона за то, что онъ будучи на ловлѣ засталъ ее въ Гаргафійской долині въ самое то время, когда она мылася, и что его пошомъ свой же собственныя размерзали собаки. Никто не будетъ оуждать сочинителя слова похвальнаго въ томъ, что онъ Геродотъ

роя своего всѣми добродѣтелями, всѣми дарованіями украшаетъ, не упоминая его погрѣшностей. На противъ того ежели испорикъ подражая сочинителю слова похвальнаго подобное упошребитъ ласкательство, или послѣдуя стихотворцу станетъ рассказывать превращенія, не будетъ ли сочиненіе его баснею безъ стопа и Риемъ составленною? Древніе Персы по свидѣтельству славнаго писателя Иродота ничего за большее безчестіе не почитали какъ ложь. И для того между прочими похвальными законами и премудрыми учрежденіями имѣли они обыкновеніе молодыхъ людей отъ шестаго по дваццать первой годъ возраста ихъ ничему не обучать, кромѣ симъ премъ вещамъ: ѣздить верхомъ, стрѣлять, и правду говорить. Первыя два упражненія дѣлали ихъ безъ сомнѣнія бодрыми, храбрыми и къ защищенію отечества отъ нападенія непріятелей способными, а второе честными и добродѣтельными. Кто привыкнетъ лгать, тотъ при всякомъ случаѣ обидѣтъ, и гдѣ пользу свою видитъ, вредъ другому причинитъ не постыдится, почитая за великое остроуміе свое, что онъ могъ хитростію и лукавствомъ своимъ побѣду одержать надъ прососердечіемъ че-

ловѣка, кромѣ злобнаго сердца, во всемъ себѣ подобнаго. Природа влила въ сердца наши любовь къ намъ самимъ, того ради мы имѣемъ превеликое отвращеніе отъ тѣхъ, кои насъ обижаютъ. Кто намъ лжетъ, или насъ обманываетъ, тотъ намъ несносную дѣлаетъ обиду, по тому что онъ намъ безуміе, только непрямо, да скрыто приписываетъ. Отъ сего происходитъ, что всякому честному человѣку нѣтъ лжи и обмана противнѣе. Примѣромъ быть можетъ намъ Римской знатной дворянинъ, и Августу Кесарю не только другъ, да и ближней родственникъ, Титъ Помпоній Апшикъ, которой не только лжи самъ не говаривалъ, да и отъ другихъ слышать не хотѣлъ. Епаминондъ такожде, славной Фивейской полководецъ, такъ любилъ истинну, что и въ шутки солгать за нарушеніе совѣсти и чести своей почиталъ. Неменьшую похвалу заслужилъ и Филиппъ Царь Македонской, хотя и великой ласкательства любитель, за то, что онъ часто правду наблюдалъ, слушая Аристотеля прилѣжно и шерпѣливо, когда онъ подавалъ ему наставленіе въ правленіи. О семъ же Царѣ пишетъ Еліанъ, что онъ одержавъ побѣду надъ Афинянами при Хероніи, знатной показалъ умѣренности

ности примѣръ, опредѣля съ того времени нарочнаго человѣка на то, чинобъ онъ ему на всякой день трижды напоминалъ правду сими словами: Помни Филиппъ, что ты человѣкъ. А что и сынъ его Александръ великой, былъ подражателемъ отцу своему въ сей добродѣтели, изъ слѣдующаго заключишь можемъ. Когда Аристовулъ поднесъ ему сочиненіе свое о поединкѣ съ Царемъ Поромъ, коего никогда не бывало, и спалъ въ немъ чипать то мѣсто, которымъ онъ думалъ у Александра великую себѣ заслужить милость, описаніемъ чрезвычайной и невѣроятной его храбрости; то вырвалъ онъ у него изъ рукъ помянутую книгу, и бросилъ въ рѣку Идасъ, по которой они тогда ѣхали, учинивъ ему при томъ сей грозной и весьма остроумной выговоръ: Надлежало бы и съ тобою Аристовулъ равнымъ образомъ поступить, за то, что вмѣсто меня самъ ты вышелъ на поединокъ съ Царемъ Поромъ, и толикое число слоновъ перекололъ. О слова толь славнаго Государя до небесъ возвышающія! Слова приносящія ему безсмертіе! Толикой же важности преизрядное, и справедливое мнѣніе древняго Философа Платона, которой говоритъ, чино мы ни чѣмъ инымъ

инимъ на Бога не похожи какъ правдою.

Не такъ трудно узнавать ложь въ Философїи, Математикѣ и прочихъ наукахъ, кои основаны на несомнѣнныхъ правилахъ и доказательствахъ. Напротивъ того Исторія въ семъ случаѣ часто великой претерпѣваетъ недостатковъ, по причинѣ той, что она зависитъ только отъ одной искренности писателя, слѣдовательно въ ней одни вѣроятныя доказательства имѣютъ мѣсто. Ежели бы писатели исторїи имѣли искренность и несуетливое Богопочитаніе, то предлагали бы они намъ всегда самую истинную, и тѣмъ бы отъ великаго труда насъ освобождали. Не надобно бы намъ тогда, пользуясь ихъ сочиненіями, въ памяти имѣть сего правила, которое при чтенїи книгъ историческихъ велятъ намъ наблюдать ученые люди, а именно: *Должны мы вездѣ искать правды, и стараться всѣми силами открыть истинныя причины приключеній.* Какъ не можемъ назвать того добрымъ воиномъ, который надѣвъ женскую одежду набѣлитъ себя, и нарумянитъ, да тому сіе имя приписываемъ, который при всѣхъ сраженїяхъ показываетъ опмѣнную храбрость и неустрашимость;

мость ; такъ и прямымъ исторіи писателемъ не можно называть того , который въ свою исторію вноситъ изъ другихъ наукъ разныя украшенія , и вымысливъ небылицу , хочетъ оною увеселеніе принестъ чипапелямъ. Плиній говоритъ справедливо , что исторія , какъ ни написана , возбуждаетъ въ сердцахъ нашихъ увеселеніе. Сказываютъ о Лисандрѣ Лакедемонскомъ Адмиралѣ , что онъ изпорченную и весьма худую имбю совѣсть , думалъ : будто бы добродѣтель и всѣ наши должности одни только пустыя имена , опъ сумозбродовъ вымышленныя. Не почиталъ онъ за порокъ при всякомъ случаѣ ложь и обманъ употреблять. Приносилъ въ жертву совѣсть свою правдѣ , и искренности , по колику она ему была полезна. Ежели же она пропивилася пользѣ его , то предпочиталъ ей полезное , ни мало не сумнѣваяся. Однимъ словомъ: Дорогое его мнѣніе состояло въ томъ , что правда не имѣетъ никакого надъ лжею преимущества. И когда нѣкоторые ему представляли , что не прилично тому , которой мужественнаго Ираклія между предками своими считаетъ , обманъ , хитрость , и ложь употреблять ; на то онъ , показывая свое остроуміе , съ усмѣшкою

кою отвѣтствовалъ; гдѣ львиной кожи не достаешь, тамъ можно кусокъ лисей всцавить, то есть: Когда въ силахъ недостапокъ, тогда обманъ, коварство и ложь, добродѣтель. Можетъ быть сыщется какойнибудь подражатель сему въ родѣ человѣческомъ уроду, который будетъ говорить, что писатель испорчен для пользы или своей, или читателя, ложными повѣстями можетъ дополнять книгъ своихъ недостапокъ. Но такой кажется мнѣ, не достоинъ учившаго отвѣта какъ сего, то есть, ежели ему сказать: Что онъ подобенъ тому ослу, который оставивъ сѣно, овесъ, ячмень, пищу отъ естества ему данную, спалъ по свидѣтельству Лукіана, Бать смоквы пригощавенныя для господина своего Филимона, комедіи сочинителя, и побудилъ его, лежавшаго не далеко на постелѣ къ полъ чрезмѣрному смѣху, что онъ позвалъ слугу своего, и на силу могъ выговорить, чтобъ онъ еще виномъ сего дорогаго гостя поподчивалъ, на послѣдокъ отъ смѣха будучи девяносто семью лѣтъ задушился, и умеръ. Достоинъ по истиннѣ и сей человѣкъ посмѣянія, какъ такой, который оставивъ добродѣтель, правду и искренность, отъ порока пользу

по-

получить надѣется , не разсуждая , что ложь никогда совершенной пользы не приноситъ. Кто лжетъ добровольно , тому никто , хотя и правду станеть представлять , ни въ чемъ не вѣритъ , а кто принужденъ неправду говорить , того надобно почитать въ числѣ ума лишенныхъ. Историкъ не долженъ быть подобенъ живописцу , которой изображая непригожаго лицомъ придаетъ ему болѣе краски или бѣлости , и во всемъ наблюдая пропорцію , скрываетъ его безобразіе. Писателю исторіи надлежитъ подражать судьбѣ , и наблюдать правду , что онъ легко исполнить можетъ , ежели будетъ имѣть сіи двѣ главныя добродѣтели , искренность и несуетвѣрное богопочитаніе.

Николай Мопонисъ.

III.

О ПЕРВОНАЧАЛИ И СОЗИДАНИИ МОСКВЫ.

Возшелъ на престолъ великаго княженія въ Россіи на мѣсто Родителя своего Владимира Всеволодовича Мономаха , Георгій , проименованный Долгорукій. Престольный городъ былъ Кіевъ. Старшаго сына своего Андрея, наименованнаго Боголюбивымъ , отдѣлилъ онъ , и поставилъ Государемъ Суздаля и Владимира. Шествуя посѣтить сына своего ко Владимиру , увидѣлъ онъ на пути по обѣ стороны Москвы Рѣкѣ прекрасныя сѣла принадлежащія богатому Боярину Степану Ивановичу Кучкѣ. Сей Бояринъ не здѣлалъ пристойнаго Великому Князю, пришедшему въ ево вѣчины, почтенія ; и говорилъ о немъ гордяся съ нѣкоторымъ презрѣніемъ , за что Великій Князь повелѣлъ ево привести предъ себя , а потомъ казнить смертию.

смертью. Услышавъ о неутолимомъ дѣ-
шей его спенаніи, не утѣшно оплаки-
вающихъ кончину отца ихъ, сжалился
надъ ними и съ опмѣннымъ почтеніемъ
отослалъ ихъ къ сыну своему во Влади-
миръ. Кучковы сыны были хороши со-
бою, а дочь ево прекрасна. Сынамъ
имена, старшему, Петръ, младшему
Иоакимъ. А сеспрѣ ихъ имя Улиа.
Возшедъ на гору, гдѣ нынѣ Кремль, и
обозрѣвъ около рѣкъ Москвы и Негли-
ной лежація прекрасныя мѣста, возлю-
билъ Великій Князь сіе мѣстоположеніе,
и повелѣлъ построишь тамо деревянный
городъ, и назвать по имени Москвы
рѣки, Москвою. А въ имя сына своего
Андрея именованнаго прежде Кипаемъ,
повелѣлъ онъ построишь городъ у Мо-
сквы рѣки, гдѣ нынѣ Знаменской мона-
стырь, назвавъ оный Кипаемъ. По-
семъ Великій Князь отходитъ во Вла-
димиръ, и сына своего Андрея Боголю-
биваго сочешаваетъ съ дочерью Кучкова,
и взявъ ихъ съ собою отходитъ въ Ки-
евъ. Тамо съ годъ времени поживъ, Ве-
ликій Князь Георгій преставился,
давъ о населеніи Москвы сыну своему
Андрею завѣщаніе, который престоль-
ствуя во Владимирѣ, о населеніи Мо-
сквы, по завѣщанію отца своего крайне

спарался , а паче о созиданіи церьквей и о иконномъ украшеніи ; и взявъ изъ Кіева икону Пресвятыя Дѣвы написанную Лукою Евангелиспомъ , полученную прежде изъ Царя Града , и украсивъ оную драгоценнымъ каменіемъ и жемчугомъ , золотомъ и серебромъ , соорилъ въ Москвѣ каменную церковь въ честь Успенія Пресвятыя Дѣвы , и сію икону пославилъ во ономъ храмѣ , позлапивъ верхи ево , давъ лучшія къ нему села и всего збора десятую часть. Но сія церковь не та, которую мы нынѣ видимъ подъ именемъ Успенскаго собора. Великій Князь Андрей поживъ довольное время съ женою своею и имѣвъ отъ нея сыновъ во младости помершихъ оставилъ житейскія попеченія , не прикасаяся болѣе супругѣ своей , и презирая всегдашнія докуки ея о должностии супружества , огорчилъ жену свою , и возобновилъ досадующее въ ней воспоминеніе о смерти учиненной , отцемъ его , отцу ея. Она согласившись съ братьями своими живущими при Великокняжескомъ дворѣ въ великомъ почтеніи , чпобъ отцовой смерти учинить отмщеніе , которыя во время ночи , вшедъ съ оружіемъ въ ложницу ево , по наставленію злоковарныя сестры своей ,

спяч

спящаго ея супруга умертвили. Пришедъ изъ Кіева во Владимиръ братъ его Великій Князь Всеволодъ , и побивъ убійцовъ брата своего , приказалъ пѣля ихъ бросить въ озеро, а наставницу сего убійства живу на врагахъ повѣсивъ изъ луковъ разстрѣлять, для устрашенія подобнымъ ей злодѣямъ. Отъ начатія великимъ Княземъ Георгіемъ Москвы, до дней Московскаго Князя Данила Александровича четвертаго сына Великаго Князя Александра Невскаго , продолжалось времени , сто пятьдесятъ лѣтъ. Князь Данилъ , послѣдній сынъ отца своего, остался двухъ лѣтъ по преставленіи Александровомъ , который по возрастѣ своемъ , пришедъ изъ Владимира на Московскія поля, любилъ сіе мѣстоположеніе , какъ прежде того Великій Князь Георгій. Начатаго повелѣніемъ Георгія города , населяемаго переведенцами , какъ по многому видно , болѣе не было. Можетъ быть оспались онаго нѣкоторыя меньшія слободы , которыя недостойны были примѣчанія. Гдѣ нынѣ Кремль , тамо стоялъ темный , и непроходимый боръ : Въ ономъ бору было великое и глубокое болото , посреди котораго лежалъ маленькій островокъ : на немъ была по-

спроена хижинка, а въ ней жилъ пусты-
никъ именемъ Букалъ. По имени его на-
зывалася сія хижинка: Букалова хужи-
на. На мѣстѣ семъ нынѣ дворецъ, а
гдѣ хижинка стояла, на самомъ помѣ-
мѣстѣ поставилъ Князь Данилъ дере-
вянную Преображенія Господня церковь;
вкругъ сего мѣста построилъ онъ ду-
бовую ограду, и городъ нарекъ, какъ и
Георгій, по имени рѣки, Москвою. Въ
пятый день по прибытіи своемъ на Мо-
сковскія поля, Князь Данилъ объѣзжая
и озирая мѣстоположенія, наѣхалъ го-
ры и въ горахъ тѣхъ хижинку, а въ
ней живущаго пустытника, родомъ
Римлянина, именемъ Падона, и восхо-
диль на мѣстѣ томъ себѣ домъ поста-
вилъ; но пустытникъ далъ ему совѣтъ
построить тамо домъ Божій. Когда ро-
дился Князю два сына близнецы, и
первому дано имя Алексѣй, случилось
отѣхать Данилу со сто верстъ отъ
Москвы, и нашель онъ въ пустомъ мѣ-
стѣ малый островъ и на немъ хижинку
а въ ней пустытника мужа престарѣла
и весьма хорошаго житія, родомъ Иве-
рянина, именемъ Сара. Тамо соорилъ
онъ городъ, въ 29 лѣто владѣнія сво-
его, и нарекъ по имени сына своего
Алексиномъ. Въ тожъ лѣто пришелъ къ
нему

нему изъ Греціи Епископъ Варлаамъ, и съ собою принесъ на посвященіе церквамъ многія часпи неплѣнныхъ пѣль угодниковъ Божіихъ. Тогда Князь Даніилъ повелѣлъ ему освятить церковь на горахъ Падонскихъ. Горы по крутости мѣстѣ нарекъ оны Крушицами, а Варлаама Владыкою Сарскимъ, Падонскимъ, Крушицкимъ. Внизъ Москвы рѣкѣ создалъ Князь Даніилъ по имени своему монастырь Даніила Столпника, въ которомъ и самъ постриженъ былъ, и погребенъ въ церкви. По немъ воспріялъ Московское Княженіе сынъ его Великій Князь Іоаннъ Даніиловичъ. Сей создалъ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы. Ся церковь не та еще, которая нынѣ Успенскимъ соборомъ именуется. Митрополитомъ тогда былъ Петръ, въ Московскомъ соборѣ опочивающій. Гдѣ была Даниломъ поставлена деревянная церковь Преображенія, тамо при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Даніиловичѣ поставлена каменная, которая нынѣ внутри двора, и нарицается Спасъ на бору. Послѣ былъ при ней монастырь, гдѣ нынѣ дворецъ. Потомъ построенъ деревянный городъ Кремль. Въ тожъ лѣто Великій Князь поставилъ на площади церковь Архангела Михаила, которая Архангельскимъ соборомъ именуется.

нуется. Великій Князь Іоаннъ Данїловичъ преспавился , и погребенъ въ церквѣ Архангела. Возшелъ по немъ на престолъ сынъ его Іоаннъ. Митрополитомъ былъ при немъ Алексѣй , опочивающій въ Чудовѣ монастырѣ , имъ самимъ созданнымъ , на которомъ мѣстѣ былъ прежде дворъ Тапарскихъ Посланниковъ. Потѣмъ поспавленъ каменной Кремль. Преспавился Великій Князь Іоаннъ Іоанновичъ. По немъ возшелъ на престолъ сынъ его Димитрій Іоанновичъ нареченный Донской , отъ побѣды надъ Мамаемъ полученныя въ день Пророка Елиссея , во имя котораго , для воспоминенія той побѣды построена имъ церковь. Во время владѣнія Димитрія Донскаго , преспавился Алексѣй Митрополитъ. Въ его владѣніе жилъ Чудопворецъ Сергій Радонежскій , основатель Троицкаго монастыря. По немъ сѣлъ на престолъ сынъ его Василій Димитріевичъ. По немъ сынъ его Василій Василіевичъ. По немъ возшелъ на Московскій престолъ сынъ его Іоаннъ Василіевичъ , нарицаемый Гордый. При немъ заложена на площади большая церковь Успенія Богородицы , которая и доннѣ пребываетъ. Сія церковь есть нынѣшній Успенскій Соборъ. Сей Великій князь создалъ городъ
Кремль

Кремль больше спараго простиранствомъ, призвавъ Архитекпа изъ Медіолана, котораго въ Москвѣ называли Петромъ Анпионовымъ сыномъ. Прозваніе ему, не знаю, испорченнымъ ли нарѣчемъ или подлиннымъ Сонари, ему же прозваніе Фрязинъ, которое отъ Русскихъ конечно для того дано ему, что въ тогдашнія времена, чужестранныхъ иногда общимъ именемъ Фрязами называли. Сей Архитектъ въ началѣ заложилъ стѣны отъ Москвы рѣкѣ и Тайникъ у водяныхъ воробъ, которыя называются Тайницкими. Слово *тайникъ* по мнѣнію моему знаменуетъ здѣсь тайное или потаенное мѣсто, какъ и само мѣсто сево Тайника, такъ же и расположеніе окольнаго строенія о томъ увѣряютъ, двѣ стрѣльницы и двѣ по угламъ башни, Свирловую и другую, и провелъ стѣну отъ стрѣльницы до стрѣльницы и до Боровицкихъ воробъ, нареченныхъ отъ преждебывшаго тамо Бора, а потомъ по ряду далѣ. Сей же Великій Князь повелѣлъ ему вылить и превеликую пушку, которая и понынѣ въ Москвѣ. Потомъ начали строить Фроловскую стрѣльницу и ворота въ ней, больше старыхъ, стѣны отъ Москвы рѣкѣ и до Неглинной, Никольскія ворота и все то со-

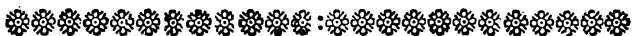

вершилося въ томъ же годѣ , такъ же двои Тайницкіе вороба , и подѣ дворецъ погребѣ съ каменными сводами. Въ томъ же годѣ кромѣ сего многія хорошія зданія повелѣніемъ Великаго Князя совершены. На послѣдокъ посадилъ онъ сына своего Василія Іоанновича при себѣ на пресполѣ, и тогожъ года по многомъ преспольнаго своего града украшеніи скончался. Сынъ его Великій Князь Василій Василіевичъ повелѣлъ создать Новодѣвичій монастырь , и церковь соборную въ честь иконы Смоленскія изображающую Пресвятую Дѣву. Первая Игуменья сея обитела была Елена Дѣвочкина. А прежде того построены въ единомѣсто при немъ : Церковь Великомученицы Варвары , на Варварскомъ шоргу ; дѣлалъ оную Алезвуть Фрязинъ. Имя сіе кажется испорчено , а прозваніе значитъ то , что онъ былъ чужестранецъ. Строители сея церкви были пріѣзжія гости Бобръ съ братьями. Въ то жъ мѣсто каменная здѣлана церковь Іоанна Предлечи , которая у дворца , бывшая при Петрѣ Митрополишѣ, и Соборною, а при ней Митрополичій дворъ. Церковь Петра Чудотворца , а при ней монастырь нареченный Высоцкимъ , за Неглицною. Церковь на Спрѣшенкѣ Введенія

денія Богородицы. У Фроловскихъ вѣроубъ церковь Аѳанасія и Кирилла. Великій Князь Василій Василіевичъ вѣ монашесствѣ и вѣ схимѣ воспріявѣ имя Варлаама преставился. По немѣ возшелѣ на пресполѣ сынѣ ево Іоаннѣ Василіевичъ прехѣ лѣтъ оубъ рожденія своего. Сей Іоаннѣ Василіевичъ нарицаемый Грозный, построилѣ городѣ Китай, и взявѣ Царства Казанское, Астраханское, и Сибирское, сталѣ писаться Царемѣ. При немѣ совершена церковь Покрова Богородицы на рву у Спасскихъ вѣроубъ, и освящено на одномѣ основаніи храма сего Митрополитомѣ Макаріемѣ девять церквей. Царѣ Іоаннѣ Василіевичъ нареченный вѣ иночествѣ Іоною преставился. Преемникѣ преспола, сынѣ ево Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. Сей повелѣлѣ созидаѣ Бѣлой городѣ, сѣ зданіе совершилося вѣ семѣ лѣтъ. Царѣ повелѣлѣ городѣ сей называѣ Царевымѣ городомѣ, которое имя по времени погибло. Архитектѣ Бѣлаго гѣрода былѣ человекѣ Русской, прозваніемѣ Ѳеодоровѣ. Потомѣ, построена Грановитая палата. Потомѣ, повелѣлѣ Царѣ построитѣ каменные приказы: I. Посольской, II. Разрядѣ, III Помѣстной, IV. Казанской дворецѣ, V. Большой приходѣ и Новыя

четверти, VI. Спрѣлецкой, VII. Разбойной, VIII. Пушкарской, IX. Ямской, X. Сибирской. Но семь Москва время отъ времени далѣе приспиралася, и болѣе украшалася, и пришла до нынѣшняго состоянiя.

Александръ Сумароковъ.

IV.

О ИСТРЕБЛЕНИИ ЧУЖИХЪ СЛОВЪ изъ русскаго языка.

Воспріятіе чужихъ словъ, а особливо безъ необходимости, есть не обогащеніе, но порча языка. Тако долговременно портился припязженіемъ Латинскихъ словъ Нѣмецкой, испортился Польской, первый отъ единого съ нашимъ отца, а другой тотъ, который нашъ, только съ нѣкоторою отиѣною, почти какую и Россійскія обласпи между собою въ нарѣчii имѣютъ, и какъ портился Нѣмецкими и Французскими словами Русской. Честолюбіе возвратитъ насъ когда нибудь съ сего пупи
не-

несумнѣннаго заблужденія ; но языкѣ нашѣ толико сею зараженѣ язвою, что и теперь ужѣ вычищать ево прудно ; а ежели сіе мнимое обогащеніе еще нѣскольکو лѣтъ продлится , такѣ совершеннаго очищенія не можно будетѣ больше надѣяться. Какая нужда говорить вмѣсто Плоды , Фрукты ? вм : Столовой приборѣ , столовой сервизѣ ? вм : Передняя комнаѣа , Антишамбера ? вм : комнаѣа , Камера ? вм : Опахало , Вѣерѣ ? вм : Епанечка , Манпилья ? вм : Верхнее платье , Сюртукѣ ? вм : Похлебка , Супѣ ? вм : Мамка , Гувернанѣа ? вм : Любовница , Аманѣа ? вѣ карпахѣ вм : Козырь , Король , Краля , Хлапѣ , Апѣуѣ , Рѣба , Дѣама , Валѣтъ ? вм ? Насмѣхаться , Мокероваться ? вм : Похвала , Еложѣ ? вм : Князь ; Принцѣ ? вм : Кошелекѣ , Бурса ? вм : Уборной столѣ , Нѣхпшиѣ и Тоалѣтъ ? вм : Задумчивѣ , Пансѣвѣ ? вм : Переписка , Корреспондѣнцѣя , и еще чудняе , Каришпанденцѣя ? Начальный поварѣ , Кѣхенмейстерѣ , и чудняе , Кухмистрѣ , не отѣ поварни, да отѣ пирога, и Мистрѣ , вмѣсто Мѣйстерѣ ? вм : Бришовщикѣ , изломано , Фѣршелѣ ? вм : Частѣ книги , Томѣ ? вм : Изданіе книги , Едѣцѣя ? вм : Остроуміе , Женѣ ? вм :
Раз-

Разсужденіе , Бонсанъ ? в м : Воспитаніе , Едюкація ? в м : Великолѣпно , Манифікъ ? в м : Нѣжно . Деликашно ? в м : Страсть , Пассія ? Но кто все то перечесеть можетъ ! Сказывано мнѣ , что нѣкогда Нѣмка Московскоѣ Нѣмецкоѣ слободѣ говорила : *Мин* мужъ , *Ѣин* домой , *Ѣieg* черезъ заборъ *und fiel ins* грязь . Ето смѣшно ; да и ето смѣшно : Я въ дистракціи и дезесперѣ ; Аманта моя здѣлала мнѣ инфиделитѣ ; а я а кусторѣ противъ риваля своево буду реванжироваться . Спранны чужія слова въ разговорахъ , въ письмѣ еще спраннае , а въ печати и того спраннае . Что скажетъ потомство ! Предки наши нѣсколько Татарскихъ словъ присвоили нашему языку , изъ которыхъ мы ужѣ нѣкопорыхъ не въ силахъ выгнать , напр : Казанъ , Кафтанъ и пр . , а въ гораздо прежнія времена вмѣсто , Конь , присвоено слово Лошадь , отъ АЛАША , и АТЬ , Мѣринъ , и хотя Мѣринъ по Нѣмецки отъ древняго Скиѣскаго языка называется *Wallach* ; однако мы не отъ древнихъ Скиѣовъ но отъ новыхъ Татаръ приявъ слово Лошадь ; Коня , въ нее преобразили ; ибо въ Славенскихъ нашихъ книгахъ Конь Лошадью ни гдѣ не называется , и слово лошадь хотя и исходи-

исходимо нашему языку присвоено , однако всегда пребудеть словомъ низкимъ какъ кафтанъ и всѣ новыя не къ стапи введенныя въ нашъ языкъ дикія слова. Опъ Нѣмецкихъ и Французскихъ словъ Русскому языку сея же судьбины ожидать надобно. Греческія слова введены въ нашъ языкъ по необходимости, и дѣлають ему украшеніе , а Нѣмецкія и Французскія намъ ненадобны , кромѣ названія такихъ животныхъ , плодовъ , и прочаго , какихъ Россія не имѣеть , напр : Рыба Карпъ. По сей необходимости и Стерлядь наша на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ Стерлядью , а Соболь Сободемъ называются. Сарделли Каперсы , Оливки , Цитронъ , Апельсинъ , Померанецъ , и пр : А Куликъ Бекасомъ и прочее тому подобное , чужими именами напрасно называются. Греческія слова , какъ напр. : Порфира , Скипетръ , Діадима , имена наукъ , болѣзней и прочія надобныя слова для извѣщенія точности потребны нашему языку. Онижъ въ Латинской и во всѣ Европейскія языки войти право имѣли ; ибо стараніе Грековъ въ нужныхъ именованіяхъ на верхъ совершенства возшло, и получило почтеніе воспріято бысть Римлянами, а попомъ и всею Евро.

Европою для избѣжанія великiя трудности въ извѣсканiи новыхъ нужныхъ именований, а нѣкоторыя ихъ слова съ необходимыми и безъ нужды въ чужiя вошли языки, и съ необходимыми ради единыя красоты ихъ утвердились, какъ на нашемъ языкѣ Тронъ; ибо и Престоль по же знаменуесть; а при томъ и великолѣпно слышишся. Таковымъ образомъ вошло слово Корона въ Русской языкѣ, и знаменуесть по же что и Вѣнецъ. Ради необходимости многiя Греческiя слова спали бысть словами всѣмъ языкамъ общими. И тако восприяныя Греческiя слова присвоены нашему языку достохвально, а Нѣмецкiя и Французскiя языкъ нашъ обезображивають.

А. С.

V.

О СТИХОТВОРСТВѢ

КАМЧАДЛОВЪ.

Свобода , Праздность и Любовь , суть источники Стихотворства. Они способны въ изображеніи естества человѣческому остроумію и въ самой грубой природѣ. Чувствіе человеческое равно , хотя и мысли непросвѣщенные. Мысли наши единымъ чувствіемъ провождаемы, лучшими словами изображаются нежели искусствомъ , хотя искусство природѣ и весьма полезно. Щастливы тѣ , которыхъ искусство не ослѣпляетъ и не отводитъ отъ природы , что съ слабостію разума человеческого не рѣдко дѣлается. А говоря о стихотворствѣ , которое чистѣйшимъ изображеніемъ естества назваться можетъ , оно всего больше ослѣпленію искусства подвержено , что ясно доказали старающіися превзойти Гомера , Софокла , Виргилія и Овидія. Останемся лучше въ границахъ природы и разума, и въ мысли паковой,
что

что человеку человечества превзойти не
удобно. Природное чувствія извясненіе
изо всѣхъ есть лучшее, чему приобщен-
ная при семъ Камчатская пѣсенка изря-
дный свидѣтель.

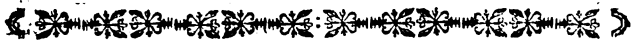
Потерялъ жену и дѣшу,
И пойду съ печали въ лѣсѣ:
Буду съ дровъ здирать я корку,
И пипаться буду темъ,
Только вспану я по упру,
Ушку въ море погоню,
И поглядывашъ я спану,
Не найдули гдѣ души.

А. С.

*

*

*

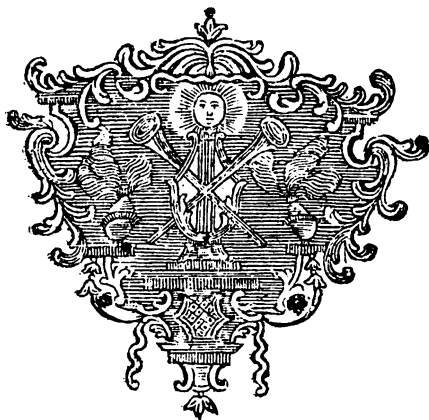
Оглавленіе.

- I. О пользѣ Миѳологіи. Стран. 5.
- II. О двухъ главныхъ добродѣтеляхъ Исто-
рика. Стран. 34.
- III. О первоначалѣ и созиданіи Москвы
Стран. 48.
- IV. О испребленіи чужихъ словъ изъ рус-
скаго языка. Стран. 58.
- V. О Стихопворствѣ Камчадаловъ. Стран.
63.

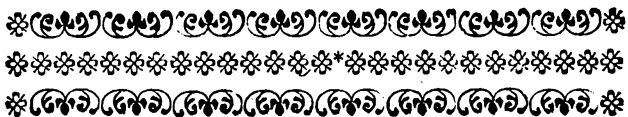
ТРУДОЛЮБИВАЯ
П Ч Е Л А.

Февраль 1759 года.

ВТОРЫМЪ ТИСЧЕНІЕМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
при Императорской Академіи Наукъ
1780 года.

I.

РѢЧЬ

ПАВЛИНА А САНКТО ІОЗЕФО
о томъ, что въ ученіи спѣшиць
не должно.

Многіе нашего вѣка люди хвалятся ,
что въ нынѣшнее время столь не
трудно спало обучаться свободнымъ на-
укамъ , что въ немногіе годы и съ са-
мымъ малымъ трудомъ великую въ оныхъ
похвалу каждому легко пріобрѣсть можно:
А нѣкоторые и дерзновенно утвержда-
ютъ, что человѣческая жизнь не толь-
ко не коротка, какъ разсуждалъ Иппо-
кратъ , къ изученію одной или другой
науки , но еще столь долга и немало-
временна , что въ оной можно совер-
шить весь томъ обширной ученія
кругъ , которой по Гречески Енцикло-
педіею

ледією называется. По ихъ мнѣнію нынѣ споль много извѣстныхъ и надежныхъ къ ученію средствъ, толікое множество книгъ, споль публичныхъ гимназій и знапныхъ училищъ вездѣ находится, чшо кпо не со всемъ лишенъ разума, и не подверженъ крайней лѣности, тошъ въ короткое время довольные во всякомъ свободныхъ наукъ родѣ успѣхи имѣшь можеть. Когда все сіе праведно, то я хочу опъ нихъ вѣдать, какимъ образомъ дѣлаешся, что при такъ легкихъ и удобныхъ къ ученію способахъ споль мало однакожъ такихъ, кои бы не говорю всѣ науки знали, но въ одной или другой изъ оныхъ предъ прочими имѣли превосходство и первенство? гдѣ нынѣ Платоны, гдѣ Димосѣены, гдѣ Цицероны, гдѣ Плинїи и другія таковыя преславныя наукъ свѣшила? Безъ сумнѣнїя всякъ видить, что общимъ онышомъ опровергается тщетное сихъ людей легковѣрїе, или чшобъ умѣренїе сказать, чрезвычайное молодымъ людямъ, кои шого и желаюшь, ласкательство. Они сами признашся могутъ, что многихъ прудовъ и великаго прилѣжанїя требуется къ прїобрѣтенїю справедливой похвалы въ наукахъ. И ничего по моему мнѣнію нѣшь такого,

чшо

что бы учащимся молодымъ людямъ болѣе вредило, какъ несовершенное и чрезвычайно спѣшное ученіе; а естли въ чемъ другомъ, то конечно въ наукахъ надлежитъ спѣшить медлѣнно, какъ старую Латинскую пословицею говорится. Чего ради послушайте съ вниманіемъ всѣ честные юноши, охотно собравшіеся въ сіе почтеннѣйшее мѣсто для возобновленія начатыхъ вами наукъ. Я для васъ по большей части вступая нынѣ въ сіе весьма важное дѣло, чтобъ опровергнуть мнѣнія тѣхъ людей, кои неумѣренную въ ученіи поспѣшность утверждають; и вы легко, уповаю, узнаете, что оной, какъ такой вещи, которая человѣческому разуму заразителный и пагубный вредъ причиняетъ, убѣгать должно.

Но изъ того, что въ самомъ началѣ рѣчи охуждаю я несовершенное и чрезвычайно спѣшное ученіе, пускай никто изъ васъ не заключаетъ, что я согласенъ съ тѣми, кои не гораздо труднымъ наукамъ весьма долго молодыхъ людей обучають, такъ что по ихъ обученію кажется для одного Латинскаго языка многихъ лѣтъ, да и цѣлота вѣка нашего едва довольно. Я не только не хвалю мнѣнія такихъ учи-

пелей, но паче признаваю оное за такое, котораго опнюдь сносить не должно. Ибо есть ли въ примѣрѣ привесть самую Латинскую Грамматику, то на васъ могу я сослаться, какая польза изъ того несказаннаго множества правилъ, прибавленій, изъясненій и изъятій, которое Грамматики, люди своенравные, выдумали для того, чтобъ малолѣтнихъ дѣтей головы мучить? какая польза изъ толь многихъ околичностей и подробнѣйшихъ примѣчаній, которыя нечистоту Латинскаго языка въ себѣ содержатъ: но всякія бездѣлицы, надъ которыми бѣдные молодые люди большую вѣка своего половину препроводить принуждены бывають? Пускай только истребятъ когда нибудь изъ Латинской Грамматики всѣ излишества, которыми она наполнена, и издадутъ для малолѣтнихъ дѣтей такую Грамматику, котораябъ шѣсныя, какъ въ древнія времена было, предѣлы имѣла: я виноватъ буду, ежели и малолѣтние дѣти съ меншимъ прилѣжаніемъ и въ самое короткое время не будутъ по Латински обо всемъ говорить свободно и чисто, а не такъ какъ нынѣ по толь многихъ трудахъ и на спаросць съ великимъ трудомъ слово выговорить могутъ. Все же объявленное

явленное мною о Грамматическихъ обширностяхъ надлежитъ также разумѣть и о Діалектикѣ , о Физикѣ , о Богословіи и о другихъ высокихъ наукахъ; ибо излишнее умствование поилокое множество подробностей ввело въ каждую науку, что по мнѣнію всякаго благоразумнаго человѣка ничего уже кажется нѣтъ полезнѣе и нужнѣе, какъ оныя сократить, и все лишнее изъ нихъ выбросить. Чего ради я никогда не хвалю такихъ Профессоровъ , которые по неумѣренной нѣкакой и невоздержной къ ученію охотѣ , все въ тонкость и пространно извѣснять стараются, чтобъ ни о чемъ болѣе не осталось говорить , или думать : И которые не о томъ попеченіе имѣютъ, чтобъ молодымъ людямъ показывать путь къ настоящему и основательному ученію , но чтобъ разсказываніемъ многихъ обстоятельствъ и велерѣчіемъ въ великое о себѣ удивленіе привести слушателей. И такъ когда имъ сіе тщеславіе пріятнѣе , нежели похвала получаемая за хорошее молодыхъ людей наставленіе въ наукахъ , то безъ сумнѣнія достойны они поруганія.

Но чтобъ возвратиться мнѣ на прежде реченное : то слѣдуетъ сказать , что если кто изъ васъ думаетъ, что я

недѣльное и маловажное нѣчто говорю , упоминая объ одной или о другой наукѣ , пошѣ весьма ошибается въ своемъ мнѣнїи . Ибо какъ высота великихъ горъ не гораздо намъ видна бываетъ , когда мы издали на оныя смопримъ , когда же ближе къ нимъ подходимъ , тогда усматриваемъ , сколь онѣ велики , и сколь высоки : такъ почти никто не можетъ видѣть , сколь высокъ и пруденъ верхъ каждой науки , ежели издали на оной смопритъ , и не подойдетъ къ нему поближе . По чему я за благо разсуждаю вкратцѣ объявить о свойствѣ , высотѣ и глубинѣ свободныхъ наукъ . Я не стану прежде говорить о Краснорѣчїи , чтобъ не думали , что я хочу съ особливою похвалою превозносить то , въ чемъ самъ упражняюсь , или отъ другихъ требовать того , чего много во мнѣ не достаесть . Многіе вѣдаютъ изъ слушателей моихъ , сколь далеко простирается сія наука . Вѣдаютъ , сколь трудно быть настоящимъ витїею . Къ тому же всякъ изъ мудрыхъ наставленїй Марка Туалїя , Фабїя Квинктилїана и Дїонисїя Лонгина усмотрѣть можетъ , сколь много весьма нужнаго къ совершенному Краснорѣчїю пребуется . Но во первыхъ предложу я о Философїи . По истиннѣ

пру-

трудно изобразить , какую обширность имѣетъ сія наука, и сколь много частей и членовъ , на которыя она , какъ великой ученія составъ , раздѣляется , и которыя многоразличныя ученія въ себѣ содержатъ. Ибо не упоминая о Діалектикѣ , которая многія тонкости и затрудненія въ себѣ имѣетъ , коликаго разума и труда требуется къ тому , чтобъ всѣхъ вещей , которыя мы видимъ , и которыя на землѣ или въ водѣ родятся , или на воздухѣ отъ сраженія стихій производятъ , сокровенныя и неизвѣстныя причины извѣскивать ? сколько въ испытаніи естества есть тайностей , о которыхъ какъ мнѣнія древнихъ Философовъ познавать , такъ и опыты новѣйшихъ не однократно повторять должно ? И подлинно никого по сіе время не было , кто бы магнитнаго камня къ небесному полусу обращеніе , происхожденіе источниковъ , чрезвычайное рѣкѣ стремленіе и силу , и другія весьма многія тому подобныя вещи почто рѣшишь , или ясно доказать могъ. А ты лишь только услышалъ нѣсколько мнѣній о матеріи и формѣ , лишь только узналъ поверхность нѣкоторыхъ о числѣ и порядкѣ причинъ неважныхъ вопросовъ , вдругъ называешь себя Фи-

сикомъ и всей напуры истолковашелемъ? О вы глупые Димократы, Платоны и Аристотели, сполько лѣтъ съ крайнимъ прилѣжаніемъ и неусыпнымъ трудомъ въ Философіи упражнявшіеся! смотрите, мы имѣемъ молодыхъ людей, которые въ немногіе мѣсяцы, и какъ будто играя, всему пому научаются, къ чему вы цѣлой, да еще и долгой вѣкъ недовольнымъ почитали. Сіежъ въ самомъ дѣлѣ было, чтоThemistocle, Философъ извѣстной, которій сто семь лѣтъ жилъ, и употребивъ почти всѣ сіи годы на упражненіе въ Философіи, при смерти, какъ объявляютъ, сказалъ слѣдующее: Я сожалею, что тогда умираю, когда нѣсколько началъ было успѣвать въ Философіи.

Но они напротивъ того говорятъ: глубочайшее напуры знаніе оставляемъ мы для тѣхъ, которые всю жизнь въ такихъ наукахъ провождаютъ время имѣютъ, а для насъ какъ поспѣвающихъ къ высокимъ наукамъ: къ Юриспруденціи, къ Медицинѣ, къ Богословіи, довольно и того, чтобъ знать нѣкоторыя оныхъ начала. Весьма изрядно. А Метаматематика, которую благоразумные люди толь высоко почитали, и Иѳика, которая всегда за наставницу въ нравахъ и въ

въ гражданскомъ житіи признаваема была , развѣ со всѣмъ излишны? Чего ужѣ болѣе? Когда таковыя похвальныя науки почитаютъ , какъ будто за происходящія отъ праздности упражненія , и какъ вымыслы праздныхъ людей пренебрегаютъ , и не хотятъ знать оныхъ. По сему не для чего было премудрому Сократу столь много разсуждать о добродѣтеляхъ и порокахъ : не для чего было Платону и Аристотелю столь великія книги о каждой Философіи части оставлять потомству, ежели въ нихъ ничего превосходнаго и полезнаго не находится. Пускай же сіи въ наукахъ ристатели прилетятъ къ Медическому факультету. Я думаю , что они Греческой языкъ , отъ котораго самая Медическая наука имѣетъ свое начало и приращеніе , совершенно знаютъ. Но весьма сумнительно, чтобъ и Латинской разумѣли довольно. Движенія небесныхъ тѣлъ гораздо , уповаю , имъ извѣстны , и вѣдаютъ они, какую силу оныя тѣла имѣютъ надъ нашими земными. Что нужды , говорятъ они , Медику до небесныхъ свѣтилъ? Мы болѣзней начало и къ излѣченію оныхъ способы , а не восхожденіе и захожденіе свѣтилъ небесныхъ извѣскиваемъ. Напротивъ того

Иппо-

Иппократъ и Галинъ , начальники Медиковъ, утверждаютъ, что Аспрономіи знаніе весьма нужно для того , чтобъ вѣдать , когда принимаются за лѣченіе , и когда нѣпль , для распознаванія въ болѣзняхъ смертныхъ, или для жизни неопасныхъ признаковъ, такоужь для предсказанія добрыхъ или худыхъ слѣдствій. И конечно не лзя вкратцѣ извяснить , сколь много различнаго знанія пребуетъ сія наипаснѣйшая всѣхъ прочихъ наука; ибо кто не знаетъ , какъ тѣсно сопряжено врачебное искусство съ Анапомією, съ Ботаникою , съ Оптикою , съ Механикою и съ другими свободными науками? А есть ли оныя пренебрегать , то никакое горшее бѣдствіе и плачевнѣйшее злоключеніе обществу быть не можетъ ; по тому , что люди ни одной изъ тѣхъ наукъ неучившіеся безразсудно опваживаются употребленіе и практику имѣть въ такой наукѣ ; которая сама собою весьма опасна будучи , спановится всѣхъ вредипельнѣе , когда въ дѣйство производится. И для того никто не имѣетъ причины удивляясь , что въ нынѣшнее время при толикомъ Медиковъ множествѣ всѣ одного изъ нихъ имѣть желаютъ. Но я ужѣ больше , нежели хотѣлъ , говорилъ о такихъ

кихъ людяхъ, съ копорыми въ сраженіе вспупать весьма опасно. Довольно для меня того , чтобъ всякому показать , что Медицина есть весьма многотрудное дѣло , и что никого , хотя бы и превосходнымъ разумомъ одаренъ былъ , не будетъ такого , кпо бы въ короткое время , или съ малымъ трудомъ могъ приобрѣсть то , о чемъ въ прежнія времена люди чрезвычайнаго разума и науками весьма обогащенные , напрымѣрь, Гелмонтій , Виллизій , Такеній , Фаллопій , Малпигій , Беллинъ и другіе весьма многіе во весь вѣкъ свой старались.

Теперь къ вамъ обращаю мою рѣчь , прилѣжные и рачительные юноши , собирающіеся въ великомъ множествѣ съ крайнею, какъ я вижу охотою, для слушанія Юриспруденціи въ здѣшнюю Римскую Гимназію. Если вы примете въ зрѣлое разсужденіе , сколь искусны и учены были древніе Юриспруденты , и разсмѣтрите многоразличное знаніе , и о всей древности свѣдѣніе тѣхъ преславныхъ мужей, которые при самомъ возстановленіи наукъ , о приведеніи гражданскихъ правъ въ лучшее состояніе ревностно старались ; то вамъ не трудно будетъ узнать, что предварительно прѣбуется къ совершенному въ Юриспруденціи

денціи искусству. Ибо всѣ вѣдаютъ , какъ себя въ Греческомъ и въ Латинскомъ языкахъ предуготовили , а потомъ къ Юриспруденціи приступили : Въ Италіи главнѣйшій и всѣмъ прочимъ путь показавшій Юриспруденціи Андрей Алціатъ , Тиверій Деціанъ , Яковъ Менокій , Гвидонъ Панциролъ : Въ Гішпаніи Аншонъ Августинъ , Дидакъ Коваррувїасъ , Аншонъ Говеанъ , Арій Пинелль : Во Франціи Гвиллїелмъ Будей , Яковъ Куяцій , Францискъ Дюаренъ , Францискъ Балдвинъ , Антонъ Фаберъ , Пепръ Фаберъ : Въ Германіи Цазій , Сикардъ , Виглїй и другіе весьма многіе. Изъ котораго единомушнаго ихъ и разныхъ народовъ согласія всякъ можетъ видѣть , что всѣ одного были мнѣнія , что для пріобрѣтенія въ гражданскихъ правахъ искусства не довольно слабого и не далеко проспирающагося знанія Латинскаго языка и тѣни подобнаго Діалектики разумѣнія , какъ нынѣ многіе разсуждаютъ ; но съ краснорѣчіемъ и другими словесными науками попребно знать Исторію прежде бывшихъ временъ и состояніе всякаго народа , по тому что Римскія гражданскія права , которыя святостию законовъ и наставленіями , всѣхъ другихъ народовъ устано-
 вленія

вленія превосходятъ, всѣ народныя права и обычаи въ себѣ заключаютъ, какъ о томъ объявляетъ Діонисій Готтофредъ, человекъ высокаго разума, и великую въ Юриспруденціи похвалу заслужившій. И такъ если бы кто изъ толкаго молодыхъ людей множества нашелся такой, которой бы презиралъ Юриспруденціи изящество и украшенія, и важность свидѣтельствъ тѣхъ знаменитыхъ мужей, о которыхъ я выше сего изъ почтенія упомянулъ, ни во что бы ставилъ, но паче разсуждалъ бы, что для него довольно знать изъ Юстиніановыхъ наставленій, или и изъ Пандектъ только то, что наиболее принадлежитъ до судебного употребленія: То я смѣло утверждать могу, что тотъ не Юриспрудентъ, но простой подьячій и ябедникъ быть можетъ. Я знаю въ семъ городѣ одного человека, между адвокатами не послѣдняго, который будучи отъ своего товарища Юриспруденціи студента вопрошенъ о томъ извѣстномъ гражданскихъ правъ раздѣленіи, по которому Юстиніанъ Кесарь всѣ Римскія права раздѣлилъ на четыре книги, то есть на Пандекты, Кодексъ, наставленія и новыя узаконенія, не зналъ, что отвѣтствовать, и въ такое

кое замѣшательство и недоумѣніе при-
 шелъ, что какъ бы о нѣкоторой Китай-
 ской провинціи , или о томъ , откуда
 ключъ рѣки Нила происходитъ , вопро-
 шень былъ. То ли бы было, естлибъ
 такимъ же образомъ человеку ученому у-
 чиненъ былъ вопросъ о двенадцати скри-
 жахъ , отъ которыхъ произошли всѣ
 публичные и приватные законы , объ
 отвѣтахъ разумныхъ людей и о неписан-
 номъ законѣ , о приговорахъ Римскаго
 Сенапа , о опредѣленіяхъ Преторовъ ,
 объ указахъ или грамотахъ Государей ?
 естли сказать правду , то такіе люди
 во все недостойны носить на себѣ имя
 и достоинство Юриспрудента , когда
 они не знаютъ того , на чемъ основаны
 законы, а ихъ преизобильныхъ источни-
 ковъ и началъ ниже видѣли. Пускай же
 все сіе , когда угодно, останется въ не-
 бреженіи , ибо мы въ такія времена ро-
 дились , въ которыя имя просвѣщенія
 подъяческимъ ушамъ прошивно : но раз-
 смотримъ самую силу и существо Юрис-
 пруденціи. Какую пространную, какую
 обширную науку составляетъ одно зна-
 ніе гражданскихъ правъ ? Не упоминая
 о Каноническомъ правѣ, котораго предѣ-
 лы весьма далеко простираются, о без-
 численныхъ соборныхъ узаконеніяхъ , и

о поль

о поль многихъ Римскихъ Папъ установленіяхъ : что все, какъ всякому видѣть можно, требуетъ чрезвычайнаго и безконечнаго труда, и при долговременной жизни непрерывнаго упражненія. Къ сему надлежитъ прибавить и то, что нынѣ такъ умножились двойкой разумъ содержащія въ себѣ мнѣнія ученыхъ людей, что едва ихъ только однихъ большая библіотека вмѣститъ можетъ. И когда сіи мнѣнія потребно будетъ изслѣдовать, и ложныя оныхъ толкованія исправить, то всякому легко понять можно, что къ тому всю силу разума и наивысшей трудъ употребить должно. При такихъ обстоятельствахъ желалъ бы я, чтобъ какой нибудь молодчикъ, изрядно убравшись и напудривъ волосы, пришелъ въ судебное мѣсто для производства нѣкоего дѣла, и имѣя весьма малое о законахъ и судахъ понятіе, осмѣлился бы назвать себя Юриспрудентомъ, и думалъ бы про себя, что онъ всю Юриспруденцію, сколь она ни велика, пожралъ въ прои сутки. Правда, что такое дерзновеніе для несовершенныхъ лѣтъ простить ему можно, однако тому довольно надивишься не могу, естлибъ кто сыскался поль безумецъ, чтобъ поручилъ дѣло сему ничего не

знающему молодому челѣвѣку. Ибо кто не вѣдаетъ, что тошъ, кто сѣ здѣлаетъ, и имѣніе свое разоритъ, и самаго себя съ дѣльми въ крайнее несчастіе ввергнуть можетъ? Такъ какъ иѣ погибнуть должны, кои подъ предводительствомъ безразсуднаго и неискуснаго полководца съ непріятелемъ въ сраженіе вступають. А молодые люди, кои такъ мало будучи обучены, вступають въ исправленіе судебныхъ дѣлъ; пускай берегутся того, чтобъ не умѣренно спѣша въ своемъ пуги, не пожже оной, по старой Латинской пословицѣ, окончили. Въ чемъ весьма имъ приличествуетъ блаженнаго Августина въ словѣ на Пепиліана благоразумное изреченіе, что съ тѣми, кои чрезвычайно спѣшатъ, иногда случается, что они или плащье наницѣ надѣвають, или сапоги обуваютъ не такъ, какъ надобно, отъ чего потѣмъ въ пуги дѣлается имъ ошавка и медлѣніе.

Теперь я вкратцѣ объявляю о Богословіи, изъ чего и о прочихъ наукахъ довольно заключить и разсуждать можно будетъ. Мы Богослововъ поль малое число видимъ, что есть ли изъ онаго не неприлично выводить Божественной сей науки трудность, по всякъ легко по-

понять можетъ, что сколько Богословія превосходитъ прочія науки обширностію и достоинствомъ, столько она предъ другими и разума и труда требуетъ; ибо естли мы учинимъ вѣрной щетъ, по извѣ безчисленнаго почти множества духовнаго чина людей, которые нынѣ единственно вѣрной наукѣ упражняются, весьма не многіе найдутся такіе, кои бы столь пространной науки, не говорю всѣ члены и части, но частей нѣкоторые артикулы совершенно разумѣли. Развѣ можетъ быть назоветъ кто Богословами нѣкакихъ упорныхъ и неумствующихъ любопытелей, которые не имѣя никакого понятія о сокровеннѣйшихъ священнаго писанія таинствъ, и ни чего не зная ни извѣ церковной исторіи, ни извѣ книгъ святыхъ отецъ какъ Греческихъ, такъ и Латинскихъ, всякое дѣло по примѣру діалектиковъ доказываютъ словопрѣніями и криками. Но таковыхъ Мелхторъ Канусъ, человекъ достоинствомъ и ученіемъ весьма знаменитой, изслѣдовавъ ихъ недоспажки исключаетъ извѣ числа Богослововъ. Послушайте свидѣтельство сей совершенно ученой духовной особы. Я знаю, говоритъ онъ, что вѣ училищахъ были нѣкоторые новопроизведенные Богословы,

кои всѣ Богословскіе вопросы ни къ чему годными доказательствами рѣшили, и много силы у весьма важныхъ матерій отняли пустыми и неосновательными разсужденіями, издавъ на Богословію комменсаріи, едва достойные и того, чтобъ оныя бабы старухи читали; и хотя въ сихъ комменсаріяхъ изъ священнаго писанія свидѣтельствъ весьма мало, о соборахъ вѣсье не упоминается, ничего изъ книгъ древнихъ опецъ, ничего изъ философіи не видно, но все походитъ на ученіе малолѣпныхъ дѣтей; однакожъ сочинители оныхъ по Божіему поущенію Богословами называюща. Изъ котораго досповѣрнѣйшаго засвидѣтельствованія кто не можетъ ясно видѣть, сколь многія подкрѣпленія должно имѣть тому, кто причтенъ къ сему почтеннѣйшему Факультету? Безъ сумнѣнія надлежитъ при томъ имѣть долговременной трудъ и немалое прилѣжаніе для пріобрѣтенія поль многоаго знанія, безъ котораго никто Богословомъ по справедливости назваться не можетъ. И естли мы прилѣжнѣе разсудимъ о тѣхъ здравыми и благоразумными разсужденіями наполненныхъ книгахъ, который въ прошломъ вѣкѣ въ честь наукамъ оставили Белларминъ, Сирмондъ, Пе-

Петавій, Алфонсъ а Кастро, Мелхіоръ Канусъ, Томассинъ, Наталисъ, Александръ и другіе весьма многіе, кои о Богословскихъ дѣлахъ остроумно и основательно писали, по мы совершенно узнаемъ, что упражненіе въ такой наукѣ многихъ лѣтъ и долговременной жизни пребуемъ. Но по что мы долго разсуждаемъ о высокихъ наукахъ, когда видимъ, что для нашихъ не столько трудныхъ, которыя называются словесными, столь много разума и времени пребуется? Ибо кромѣ общаго почти о всѣхъ прочихъ наукахъ понятія, которое для оныхъ необходимо нужно, кромѣ знанія исторіи оставленныхъ потомству отъ Греческихъ и Латинскихъ писателей, и кромѣ довольнаго о различныхъ вещахъ понятія, которое на Латинскомъ языкѣ ерудиціею называется; какого труда спобитъ то, чтобъ пріобыкнуть къ чистому и изрядному слогу рѣчи, узнать разныя онаго свойства, и умѣть составить слово по многоразличнымъ его родамъ? Сколь не много всегда было такихъ, кои умѣли свою рѣчь украсить словами и разсужденіями такъ, чтобъ гораздо сходствовало съ изяществомъ и великолѣпіемъ древняго краснорѣчія? Чтожъ мнѣ сказать о стихо-

творствѣ, о которомъ не напрасно ученые люди сумнѣвались, природѣ ли или наукѣ, разуму ли, или прилѣжанію получаемое въ ономъ искусство приписывать должно? Не безъизвѣстно намъ, что Виргилій, который имѣлъ разумъ весьма просвѣщенной и обогащенной почти всѣми науками, семь лѣтъ сряду трудился надъ книгами о земледѣльствѣ. Онъ же двѣнадцать лѣтъ употребивъ на оныя прехвальныя стихи, которыми описалъ онъ Енеевы похождения, еще однакожъ не признавалъ самъ того времени за довольное, чтобъ сіе вѣчнось заслужившее его сочиненіе могло себѣ пріобрѣсть похвалу, и по тому при смерти завѣщевалъ сжечь оное, какъ несовершенное и неисправленное. А Яковъ Санназарій, стихотворецъ безъ сумнѣнія преславный, не дватцать ли лѣтъ исправлялъ драгоценныя оныя три книги о рождествѣ Христовѣ отъ дѣвы? И по тому какъ Зевксисъ, живописецъ весьма знаменитой, будучи нескоръ и медлителенъ въ живописи картинъ, обыкновенно говаривалъ, что онъ долго пишетъ по тому, что для вѣчности пишетъ, такъ точно надлежитъ долго и много разсуждать о пѣхъ дѣлахъ, которыя къ вѣчности пріуготовляются, и дошолъ не

пре-

преспавать надъ ними прудитъся , по-
камѣспѣ оныя со всѣмъ отдѣланы, и ка-
ждому вразумительны не будущъ. Чего
ради Горацій въ прехвальномъ своемъ и
безмертной славы достойномъ къ Цизо-
намъ письмѣ весьма часто поспоря-
етъ , что много и не одинъ день
надлежитъ чернить по сочиненіе , ко-
торое на свѣтъ вышши имѣетъ : и что
оное никогда не можетъ быть исправно
и совершенно , если на исправленіе
оного довольно время употреблено , и
ужё по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ
на свѣтъ выдано не будетъ. А чрезъ
сіе разумѣется то , что безъ крайняго
труда и прилѣжанія , никто въ наукахъ
знашнаго имени не получаетъ и что до
справедливой оныхъ похвалы, какъ мно-
гіе симъ безумно хвастаютъ , въ немно-
гіе годы достигнуть не можно.

Но скажетъ кто , что извѣстной
Пикъ Миранлуланъ , которой опъ всѣхъ
съ удивленіемъ превозносится , и кото-
раго слава никогда не исчезнетъ , въ толь
короткое время , живъ всего тольکو
около тридцати прехъ лѣтъ , пріобрѣлъ
имя и Оратора , и Философа , и Мате-
матика , и Богослова великаго : ибо
толь много и публичныхъ диспутовъ
держалъ , и сочиненій издалъ о мате-

рѣхъ почти всякой науки. Сіе еще не столь важно, какъ то, что въ прошедшемъ вѣкѣ, не упоминая о древнихъ временахъ, Гугонъ Гроцій, Даніилъ Гейнсій, Блазій Паскаль въ самыхъ цвѣтущихъ молодыхъ лѣтахъ многія книги издали на свѣтъ такія, которыя весьма довольнаго знанія пребуютъ. Я конечно не спорю въ томъ, что Пикъ и многіе другіе были, кои будучи одарены особливою разума острою, въ весьма немногіе годы достигли до того, чего другіе по долготѣнномъ упражненіи никакъ получить не могли. Но кромѣ того, что щастіе немногихъ, опнюдь не можетъ служить общимъ для прочихъ примѣромъ; кто не вѣдаетъ, что были изъ ученыхъ и благоразумныхъ людей такіе, кои въ самомъ Пикѣ Мирандуланѣ находили нѣкоторыя недосташки, и незрѣлость разума оуждали? По крайней мѣрѣ въ томъ нельзя спорить, что въ его сочиненіяхъ находятся многіе погрѣшности и пороки, которые доказываютъ, что онъ еще не совершенъ былъ въ краснорѣчїи и въ другихъ словесныхъ наукахъ. Что же до прочихъ касается, то правда многіе, кои острога и скоропостижнаго разума были, въ молодыхъ лѣтахъ прославили себя изданными

ми сочиненіями : однакожъ въ томъ я несогласенъ, чтобъ въ такихъ незрѣлыхъ плодахъ найдено было совершенство какъ разума , такъ и разсужденія. Но дабы кому не показалось, что сіе мною сказано въ поношеніе , или для умаленія славы великихъ людей , то посмотрите въ исторію о наукахъ. Въ оной увидите вы немалое число весьма ученыхъ людей , кои тѣ самыя сочиненія , которыя они въ молодыхъ лѣтахъ съ чрезвычайною скоростію издали, пришедъ въ совершенной возрастъ , исправили , или и вѣсье со стыдомъ уничтожили. Ибо по той исторіи извѣстно намъ , что сіе учили Лавренцій Гамбара , Петръ Бембъ , Францискъ Петрарха , Торкватъ Тассъ и другіе высокаго разума люди, не упоминая о древнѣйшихъ писателяхъ. Да и нѣтъ причины къ удивленію ; когда мы сами повседневно видимъ , что всѣ тѣ плоды , которые весьма скоро созрѣвають , и всѣ тѣ вещи , которыя рано , и какъ будто прежде времени родятся , долго не держатся. Напротивъ того дерева , которыя чрезъ многіе годы въ цѣлости стоятъ , глубоко въ землю пускаютъ корень , не скоро расступъ , и мало по малу приходящъ въ крѣпость и силу.

Изъ чего всего , любезные юноши , для которыхъ я по большой части сіе мое слово предлагаю , можете ужѣ видѣть , что ничего нѣтъ основательному ученію вредительнѣе и неурязненнѣе , какъ неумѣренная въ наукахъ спѣшность . Не надлежитъ бѣжашь , но тихо , и съ здравымъ разсужденіемъ продолжашь свой путь въ изящнѣйшихъ наукахъ . Довольно скоро , какъ обыкновенно говаривалъ премудрый Капонъ , дѣла дѣлаются , ежели довольно изрядно . Какая вамъ изъ того польза будетъ , что вы скоро окончите начашую вами науку , естли всѣхъ ея членовъ и частей совершенно и обстоятельно знать не будете , и не ясно поймете , что въ ней прежде , и что послѣ слѣдуетъ ? И такъ исправляйте дѣло ваше прилѣжно , и въ которой наукѣ начали вы упражняться , въ оной твердо и посюянно пребывайте , покаместъ ея самымъ дѣломъ не окончите , и тѣмъ себѣ пользы и славы не приобретете .

Переводилъ Григорей И : С : Полѣтика .

II.

О КОРЕННЫХЪ СЛОВАХЪ

Русскаго языка.

Что Русской языкъ близокъ отъ своего происхожденія , по отъ множества коренныхъ словъ ясно видно. (іе языкамъ оставяетъ естественную красоту и великолѣпіе ; ибо народы составяющіе себѣ языкъ являютъ словами начертаніе естества , и съ мыслию и чувствіемъ сходство произношенія. Гордая вещь получаетъ гордое имя. Нѣжная , нѣжное имя , и пр. Напротивъ того въ языкахъ опдаденныхъ отъ своего происхожденія или изъ разныхъ языковъ составленныхъ сего преимущества нѣтъ. Око , изображаетъ круглость. Дождь , точный шумъ раздробленно лѣющихъ изъ воздуха водъ. Журчаніе , потоки мѣлкихъ струй. Шумъ , великое движеніе
возду-

воздуха. Громъ, воздушное движеніе съ прескомъ. Вѣтръ, буря, вьюга, и пр. Тишина, шеппань, картавить, кричать, охать, спонать, ревѣть, драсть, ласкать, миловать, ублажать, и пр. А коренныя слова нашего языка производными осыпаны, и ежели пространно о томъ писать, великую и весьма полезную о томъ составить можно книгу, а я не имѣя о Етимологіи извѣстнаго времени, изъ сего множества нѣкоторымъ хотя словамъ коснуся, и подавъ или умноживъ охоту Етимологистовъ буду радоваться, ежели кто сей полезный трудъ возметъ на себя. Чемъ долѣ мы того не начинаемъ, тѣмъ больше премѣною реченій спези испытанія происхожденія нашего языка заглаживаются. Древнія медали любопытныя люди къ извѣщенію древній исторіи справедливо драгоценными вещами почитаютъ, какъ и всякія древнія надписи, также столпы,obelisks, зданія, развалины и проч. Но все то меньше служитъ Исторіи, нежели происхожденіе и древность языка. Русской языкъ произошелъ отъ Скиѣскаго, который кажется мнѣ начался близко испочника первоначалія извѣстныхъ языковъ; и хотя Скиѣской языкъ и на

много-

многочисленные нарѣчія раздѣлился, однако сходство съ нашимъ во всемъ ясно видно, какъ съ языкомъ Нѣмецкимъ, который съ нашимъ безъ всякаго сумнѣнія единоутробенъ, по сходству великаго числа словъ и корня ихъ. На примѣръ: Сынъ, Sohn; братъ, Bruder; Сестра, Schwester; Око, Auge; Лестъ, List; Вѣянь, Wehen; Блистать, Blitzen; Сердце, Herz; Брюхо, Bauch; и прочія многочисленные слова. Не говоря о прочихъ скиѣхъ возьмемъ изъ многихъ нарѣчій какое нибудь пѣхъ народовъ, копорыя подъ областію Россіи, и поочасъ увидимъ сходство съ нашимъ. Напр: Отецъ, Ашѣй; Коза, Казя; Утка, Урдякъ; Бревно, Бренà; Цвѣтокъ, Цецѣкъ; Столь, Стель; Гусь, Казъ; Солома, Саламъ; Бочка, Бѣзька; Кадка, Кисьмакъ; Богатъ, Бай; Скотина, Тварь, по приличію слово Тварь; Волкъ, Буррѣ, по Нѣмецки преложеніемъ имени Wehу Медвѣдь; Колодязь, Кую; Рожь, Арыжь; Сѣно, Псень; Утро, Ирта; Агунь, Алпатань, и пр. Можетъ быть что изъ сихъ словъ нѣкоторыя чрезъ сообщеніе и изъ Рускаго къ нимъ вошли; однако то моево сумнѣнія и доказательствва не опровергаетъ. Въ добавку къ сему еще я изъ одинадцати языковъ

Скиѣ-

Скиѣскихъ - нѣкоторыя всѣ нашими словами сходныя слова приобщаю. На всѣхъ почти сихъ языкахъ, Опець: Атай, Ата, баба, бабамъ, по нѣмецки Фара, а слово русское баба вмѣсто ошца матери давалось, и попомъ отъ матери всѣмъ замужнимъ женщинамъ доспалось, что очень видно. (имъ образомъ Туманъ и Фванъ раздѣлились, Небо и Nebel и Скиѣское имя Волка въ Нѣмецкое имя медвѣдя: Behr превращено. Рабенокъ на нѣкоторыхъ Скиѣскихъ языкахъ называется Бала: Отъ сего происходитъ слово Балавань, то есть рабачишься. Гора на нѣкоторомъ Скиѣскомъ языкѣ называется Кирръ. Земля называется по сходству съ Нѣмецкимъ Erde; Геръ, Еръ. Иръ. Сердце, въ нѣкоторомъ Скиѣскомъ нарѣчii Тшюркъ; Агнець, Коози, Коозу ошнесенiемъ отъ коза; Лойбалъ, Койбалъ. Слово Кобыла, кажется мнѣ отъ слова Койбалъ свое наименование заимствуетъ; ибо съ именемъ Агнца перемѣшивается баранъ и овца, а родъ сего скота не разбирая пола у насъ и баранами и овцами называется, и такъ можетъ быть Овца приняла имя Агнца а Кобыла имя Овцы, по сходству ихъ содержания. Пѣтухъ, на нѣкоторыхъ Скиѣскихъ языкахъ называется Курась, Ку-

Курáзь, и Корáзь, безъ премѣненія по-
 ла сходственно со словомъ Курица. Цвѣ-
 токъ, Цѣска, Цицѣгъ. Вода, Су: отъ
 того, Сее Озеро. Объявивъ о происхо-
 жденіи нашего языка, что онъ сынъ
 языка Скивовъ въ древности мужествомъ
 преславнаго народа, которымъ въ про-
 шедшемъ вѣкѣ безчисленная многонаро-
 дѣмъ Хина покорена, приступаю къ
 кореннымъ словамъ Рускаго языка. Ко-
 гда дрова рубятъ, сраженіе дѣрева и
 топора слышится: Рубь, отъ сего
 Рауб, и глаголь Рубить, Грубить,
 Grube, Grab, Grab, Гробъ, Graben,
 Ровъ, Рвать, Грабить, Rorb. Коробъ,
 Коробить, Корабль, Рабъ, Рабѣть,
 Рабенокъ. Отъ послѣдняго слога гла-
 гола Рубить, Бить. И едва ли не отъ
 глагола Бить, Любить, Быть, а отъ
 Быть слѣдственно и Забыть. Сего я по-
 слѣдняго мѣнїя не упреждаю, а первое
 съ довольною вѣроятностію предлагаю.
 Начто жъ намъ чужія слова вводить,
 когда мы по естествоу и по примѣру пред-
 ковъ нашихъ, своихъ изъ первоначаль-
 ныхъ словъ довольно произвести можемъ?
 Чужія слова всегда спранны будутъ, и
 знаменованія ихъ не такъ изъяснитель-
 ны, и слѣдственно введутъ слабость и
 безобразіе въ сильный и прекрасный
языкъ

языкъ нашъ. А то еще и страннее, когда мы по называемъ, или еще и пишемъ чужестранными словами, чему у насъ есть точныя свой названія, и имѣя древній и несмѣщенный языкъ, портя ево, слова изъ новыхъ и смѣшенныхъ языковъ вводимъ. Нѣмецкой смѣшался съ другими, а Французской родился въ Варварскія вѣки отъ Латинскаго, Гальскаго и Нѣмецкаго. Еще страннее производить изъ Русскаго языка новыя слова, давая имъ непристойныя предлоги, несвойственныя окончанія, перемѣнять ударенія, и производить слова или несвойственное имущія знаменованіе, или проптивъ естества сложенные и въ новомъ образѣ, никакова знаменованія не имущія, кромѣ тѣни своево первоначалія. Таковыя слова бесполезно на будущее употребленіе уповаютъ. Они у потомковъ будутъ въ презрѣніи, или попортятъ языкъ, а такая искра, ежели искусными писателями не истребится, можетъ погубить весь нашъ языкъ, чему видно довольно примѣровъ. Отъ чужихъ и не къ стати новоздѣланныхъ словъ погибла Еллинской и Латинской языки. Щастіе только, что они въ книгахъ остались, чего у насъ еще не много. То не такъ удивительно, что сіи достойнѣйшія языки въ наро-

народахъ погибли; Барвары ихъ поразили. А мы прекрасный свой, по естественству и древности, языкъ вмѣсто того, чшобъ ево вести къ совершенству, сами порпитъ начинаемъ. Французской языкъ всею своею красотою остроумнымъ писателямъ долженъ, а нашъ самъ собою прекрасенъ; и ежели умножатся у насъ Стихотворцы и Риторы, а притомъ по времени такое же какъ у Французовъ учредится для исправленія и распространенія языка собраніе, щасливы будутъ писатели потомковъ нашихъ. Обратимся къ кореннымъ словамъ нашего языка. Вѣсть: отъ того Вѣсть и Вѣдомость, Вѣщать. Изъ Обвѣдъ, здѣлано Обвѣтъ. Изъ Обвѣщаніе здѣлано Обвѣщаніе. Stamm, по русски Пень. Отъ Stamm, Stammen, Stand, Umstand, Zustand, Standhaftigkeit, Stange, Stul, Спать, Стоять, Споянь, Спобить, Столпъ, Станъ, Споянь, Ставить, Заспава, Поставецъ, Приставъ. Стану, вмѣсто буду. Престать, къ Спати, Ступить, Поступать, Поступокъ, Преступленіе, Степень, Стопа. Сто, то есть по исчисленіи десяти десятковъ остановиться. Ой: Восклицаніе въ болѣзни. Отъ того слово, Вой, Выть, Бой, въ которомъ

Ж

словъ,

словѣ, Липера Б: отъ ударенія Топора по дереву слуху бѣненіе извѣсняетъ. Отъ превращенія Б: въ В: Война. Отъ Бой, Боль, Больше, Болѣзнь. Отъ голоса Рубѣ, Б: кБ извѣсненію бѣненія взято, а отъ сопряженія Б: съ восклицаніемъ Ой, рождается Бой и бить. Око: отъ того, Высоко, Глубоко, Низокъ. Отъ Ока еще по естественному изображенію круглости: Около, Околица, Колесо, а отъ того Колесница, Коляска. Укъ: Слово Скиѣское по руски стрѣла. Отъ того съ приспавкою липеры Л: выходитъ слово Лукъ. Отъ того по кривотѣ Излучина, Лукавство. Отъ раздѣленія Лука съ стрѣлою, Разлука, и Разлученіе, по обыкновенію русскаго окончанія. Лукъ опять стрѣлою превративъ, Лучъ, по Нѣмецки *Strahl*. Отъ Стрѣлы Стрѣляютъ, Строй воинскій. Строй, приавъ знаменованіе порядка, производитъ слово, Строеніе, Струбъ, Стропило, Стропшивъ, будто бы знача порядоченъ, Строгъ, *Strenge*, *Strom*, Стремленіе. Медвѣдь: Сіе имя знаменуетъ, то, что сей звѣрь вѣдаетъ, гдѣ въ лѣсу медъ. Волкъ отъ Вой, пошому что онъ воеетъ, или отъ Воя и Алча. Отъ сопряженія словъ Чело и Вѣкъ, рождается слово Человѣкъ. Сѣсть: сѣль, Осель,

Осель, Оселокъ, Осада, Садъ, Садить, Садно, Судно, Судъ, по тому что въ немъ сидятъ. Ночь и Ношь, по сопряженіи слѣва Очи съ литерою Н: приятно отрицаніемъ: знаменуетъ Нѣтъ Очей, въ разсужденіи Тьмы. Число Пять: отъ Пядь, Пядень, по тому что въ Пядени пять пальцевъ. А Палець отъ Палицы, которая происходитъ отъ Палки, а Палка, отъ *Walck*. Отъ словъ *Walck* и Палка, Полъ, который спали дѣлашь потѣмъ изъ половины бревна для спокойности. Отъ того Ползатъ, Поползновеніе, Полъ и Половина, Женскій Полъ: Половина рода человѣческаго, Пола, Полатка, потому что Пола имѣетъ, а отъ Полатки Полаты: *Wallast*; Полотно, Платокъ, Полопокъ, Полно двоякое знаменованіе имѣя: Полно, вмѣстѣ довольно, чтобъ не превзошло половины, и полно, цѣлый Полъ, то есть замощено все. Плавать: Ползатъ по водѣ, Плавно то есть какъ по водѣ плывется или равно какъ Полъ. Плавать и Плавно подлинно ли отъ Пола происходитъ, это только догадка, а прочее подлинно. Душь, изображаетъ естественно дыханіе, а отъ слѣва, душь происходятъ слова: Духъ, Душа, Воздухъ, Отдохновеніе. Русской и Нѣ-

мецкой язки происходятъ безо всякаго сумнѣнїя отъ языка Скиѣскаго. Между множества какъ нашихъ такъ и Нѣмецкихъ словъ, сходспвующими со Скиѣскими *Ort*, по руски, мѣсто, называется по Скиѣски, Орынъ. Отъ слова *Ort*, *Ordning*; отъ слова Орынъ, Орда, Джуринъ : дворъ. Мы называемъ Ташарскїя жилища Юрпами, когда они малы, и Ордами, когда они велики. Кому сперва не дико покажется, что слово *Ordre*; знаменующее Порядокъ, Приказъ, и присвоенное рускому языку слово Орденъ, отъ Орынъ слова ташарскаго происходитъ, а о томъ ни малѣйшаго нѣтъ сумнѣнїя. На конецъ первоначальное естественное изъясненїе, Буръ, по выгсвору и слѣдспвенно по спряженїю лишеръ произносится сурово, и по тому суровый цвѣтъ конской шерсти знаменуетъ. Отъ слова, Буръ, происходитъ скиѣское слово, Бурунъ, снѣгъ, а преносительно къ другой непогоди Буря. Отъ Буръ, Бурунъ и Буря, имѣетъ наименованїе, суровый, быстрый и хладный полночный Вѣтръ Борей. Жители благораспворенной Греціи чужой вѣтръ чужимъ словомъ именовали, и отъ которыхъ народовъ дулъ онъ, тѣхъ народовъ нарѣчимъ и назвали. Нѣсколько
упо-

упомянувъ о коренныхъ нашего языка словахъ пространство нашей Етимологiи предаю на изслѣдованiе другихъ, твердо уповая, что сiе полезное дѣло не единому языку плоды принессти можеть, но и всей о Россiйскомъ народѣ Исторiи.

А. С.

* * *

III.

ДОСТОИНСТВА МЕНЬШЕ ПОЧИТАЮТСЯ НЕЖЕЛИ БОГАТСТВО.

Какъ скоро у всѣхъ народовъ истинныя достоинства пришли въ упадокъ такъ скорѣ единое богатство все почтенiе получило; и кажется, что можно подумать, что и въ наши времена истинныя преимущества еще не всѣмъ извѣстны, по тому что богатство и нынѣ отъ большой части людей предпочитается.

Сiя перемена произвела великое множество такихъ въ умѣ человѣческомъ нещадливыхъ представлений, которыя изъ особеннаго оныхъ изображенiя познать можно. Дамонъ, на примѣрѣ говорятъ,
 Ж 3 чело-

человѣкъ очень искусной , и при всѣхъ случаяхъ показываетъ свой разумъ и честность ; однако онъ не стѣбитъ ни копѣйки. Криспінъ на противъ того не имѣетъ ни разума , ни другихъ достоинствъ , только вотъ какое различіе между ими , въ немъ вѣсу сто тысячъ рублей ; такъ далеко отошли люди отъ здраваго разсудка и истинной чести , что они разумъ , науки , великодушіе и честность взвѣшиваютъ съ горстью злата , и ево всему предпочитаютъ. Однако когда сія перемѣна воспослѣдовала , съ того времени истинная высока души , которою поодико много великихъ мужей въ древности болѣе себя нежели богатствомъ превознесли , часъ отъ часу неизвѣстная спала , и съ тогожъ самаго времени столь сильно возрасли , ненависть , лихоимство , гордость и сама измѣна.

Прежде нежели буду говорить я о непристойномъ почтеніи приобрѣтенномъ сокровищемъ , долженъ я при семъ случаѣ разсмотрѣть , какъ съ бѣдными поступаютъ. Человѣку скоряе прощаютъ всѣ погрѣшности нежели бѣдность. Сія приводитъ его въ толикое презрѣніе , что его обхожденія такъ боятся , какъ зарази-

заразительной болѣзни , и двери для него крѣпко запирающе , которыя ошверсны безумію , невѣжеству , и всѣмъ порокамъ , когда только они въ великолѣпномъ образѣ являющся . До тѣхъ поръ къ бѣдному человѣку никто не хочетъ присупить , покаместъ ево съ посмѣянїемъ не опгоятъ , а когда ево и слушаютъ , такъ дѣлаютъ то съ великою гордостью , которая несчастіе сего бѣднаго человѣка еще болѣе умножаетъ . Очень мало людей сыщется , которые бы на его достоинство и способность смотрѣли ; а у большей части людей всѣ тѣ его преимущества , въ самое то мгновение ока забываются , въ которое богатство только лишь покажется . Безчеловѣчное въ томъ удовольствїе находятъ , чтобъ золото предъ глазами бѣднаго всему предпочитать , и презирать ево въ обществѣ богатыхъ . Ежели бѣдной хочеть что нибудь предложить , то каждой боясь , чтобъ не подумалъ кто , что онъ съ нимъ имѣеть сообщеніе , будучи глупымъ и свирѣлымъ богачомъ , отвѣчаетъ ему , что онъ ни съ однимъ бѣднымъ быть приятелемъ не желаетъ . Такъ сурово поступаетъ сія пшарь противу равныхъ себя , бредя о живой высокости , и чванясь своимъ преимуществомъ ,

спвомъ , безъ котораго всѣ ея достоин-
ства исчезаютъ .

Сіе несчастное златопочитаніе дѣла-
етъ то , что люди забываютъ безко-
рыстные , великодушіе даже до человеко-
любія и до самой любви къ отечеству ,
и устремляютъ всѣ свой попеченія къ
спяжанію онато ; люди отъ самыхъ
младыхъ лѣтъ своихъ на сей путь
заблужденія опиводятся , и первое то ,
что слышатъ дѣти въ домахъ родите-
лей своихъ , есть похвала богатства .
Они видятъ неправду , лести и утѣ-
шеніе подъ защищеніемъ въ наставленіи
родителей своихъ . Очевидное ученіе,
что нѣтъ ни чело на свѣтѣ великолѣп-
нае и почтительнае богатства , впе-
ряется весьма глубоко въ память ихъ .
Они примѣчаютъ изъ ревности , съ ко-
торою сокровища ищутся , что все мо-
жно предпріяты для сохраненія себя
отъ бѣдности , какъ отъ самаго глав-
наго безчестія . Изъ сего происходятъ
два непорядка , Гражданскому обществу
весьма вредныя : Положимъ первымъ
основаніемъ желаніе бытъ богатымъ .
Какъ скоро кто сею страстію заразится ,
такъ скоро всѣ средства почтять за
справедливыя , чтобъ удовольствоватъ
свое корыстлюбіе ; отъ сего предаемъ
мы

мы неправдѣ обильно вспомошествовающей къ обогащенію себя ; и какъ скоро увидимъ ошѣ сего пользу , то готовы мы разрушитъ и самыя священнѣйшія права. Тогда все челоѣколюбіе исчезаетъ , настааетъ утѣсненіе бѣднымъ , предательство друзей да и самаго опечесства. Все сіе такому челоѣку не спрудно здѣлать , которой богатиться желаетъ ; а сей поступокъ челоѣческому обществу никоимъ образомъ полезнымъ бытъ не можетъ. Всѣ тѣ , кои полъревностными оказываются къ приобретенію всѣхъ прибытковъ , высасываютъ силы , которыми бы многія пользоваться могли , не удѣляютъ изъ оныхъ никому , и покищаютъ подъ видомъ добраго домостроительства въ государствѣ великую часть надобныхъ ево членовъ. Изъ сего происходятъ подлая понятія , которыя всѣ вредительныя дѣйствія , лишъ только бы они обогащали , предпочитаютъ честному убожеству ; и ошѣ того то богатство къ числу главныхъ идиоловъ присовокуплено , которому люди паче всего поклоняются , чѣмъ болѣе желаніе къ богатству умножается ; чѣмъ болѣе оному приписывается преимущество , тѣмъ больше утѣсняется безкорыстіе , правосудіе , дружба , ще-

дрота и челоуѣколюбіе , и шѣмъ бо-
 лѣе возвышающія невѣжество , глупая
 гордость и великолѣпіе , желающія на-
 сытиться заимственными шиплами , и
 незаслуженою честію.

Второй неурядокъ не меньше пер-
 ваго обществу вредителенъ , какъ скоро
 богатство въ какомъ нибудь государствѣ
 первенство получить , такъ скоро всѣ
 науки упадаютъ , которыя паче всего
 честію поддерживаются. Я знаю мно-
 жество молодыхъ людей , непреобори-
 тельно почитающихъ себѣ за безчестіе
 чему нибудь учиться , для того только
 что они знаютъ то , что они богаты.
 Чтѣ намъ нужды въ наукахъ , въ осно-
 вательномъ разумѣ и въ познаніи про-
 шедшихъ временъ , говорятъ они , когда
 только единственно золото въ состояніи
 здѣлать людей великими , знатными и
 почтенными. Деньги даютъ преимуще-
 ство и превышаютъ всѣ заслуги , вымы-
 шленные убожествомъ для прикрытія
 наготы ево , деньги отверзаютъ путь
 ко всѣмъ чинамъ , а неспособность , вѣр-
 ность и чистое сердце ; да и какая
 нужда лучша своей жизни въ важ-
 ныхъ трудахъ препровождать , когда
 шипла и чины покупать можно ? Ве-
 ликоколѣпіе больше въясняется , нежели все
 чипа-

читаніе Греческихъ и Латинскихъ писателей; ему съ почтеніемъ уступаютъ , превозносятъ ево изобильно похвалами ; словомъ , глупецъ во златомъ уборѣ болѣе почитается , нежели въ худой одеждѣ разумный человѣкъ.

Отъ сего по предразсужденія не сказано много государство претерпѣваетъ , когда надзирание онаго всѣмъ тѣмъ отверсто , кои въ состояніи ево покупать ; и когда сей достатокъ единственный только путь къ восхожденію на всѣ высокія онаго стелени ; такъ надлежитъ необходимо во всякой должности быть такимъ людямъ , коимъ достоинствъ , честности , проницанія и премудрости не достаетъ , по тому что все сіе къ полученію чиновъ не нужно ; отъ сего происходитъ худое чиновоправленіе , небреженіе законовъ , и всѣ тѣ погрѣшности , которыя часто цѣлому государству почти такой вредъ и уронъ приносятъ , какова ничемъ исправить не удобно , ибо золото не даетъ ни разума , ни честности. Изъ сего источника истекаютъ купно смѣху достойная гордость , чиновлюбіе и подлая торговля истинною , и всѣ такіе люди не для того къ дѣламъ идутъ чтобъ ихъ править съ ревностію и разумомъ , но чтобъ тѣмъ болѣе набогатиться.

Когда

Когда намъ сіе не смѣшно , такъ по крайней мѣрѣ не вѣроятнo кажется , что убожество въ древнія времена въ великомъ почтеніи было, и что сія презрѣнная мать бѣдность шoлико почтенныхъ чадѣ воспитала.

Однако пѣмѣ Греческія и Римскія дѣянія такимъ чрезвычайными примѣрами наполнены. Ариспидъ былъ изъ числа великихъ людей , которыхъ Аѳины во все свое время на свѣтъ произвести могли , но при всемъ томъ былъ онъ убогъ. Онъ возшелъ на высочайшую степень достоинства въ республикѣ , бѣдность ни гдѣ его не покидала, а презрѣннымъ ево никогда не дѣлала. Можно бы чаять было , чтобы въ другомъ какомъ мѣстѣ иной будучи въ полъ важныхъ чинахъ похотѣлъ обогатиться , однако въ Аѳинахъ на бѣдность Ариспидову ни малѣйшей недовѣренности не имѣли. Онъ общіе доходы наблюдалъ съ такимъ попеченіемъ и вѣрностію, съ какою бы разумный хозяинъ собственные свои, а бѣдность ево была единственная честь, которую онъ себѣ за всѣ свой похвальныя дѣла удержатъ хотѣлъ. Доносили на Каллія одного изъ ево ближнихъ сродственниковъ, и въ великое преступленіе вѣняли ему, что онъ при всемъ своемъ

своимъ богатствѣ Аристиду и ево дому въ недостаткахъ не дѣлалъ ни какова вспоможенія. Каллій усмопрѣвъ, что сіе нареканіе судей гораздо къ изслѣдованію того побудило, увѣрялъ ихъ, что многократно онъ Аристида, но всегда щещно понуждалъ принять отъ него великое число денегъ, а въ свидѣтельство пребывалъ онъ самого Аристида. „Ты правду говоришь, отвѣчалъ сей великій мужъ, но я тебѣ всегда напропивъ того говорилъ, что много сыщется такихъ людей, которые своимъ богатствомъ хорошо или худо пользуются, но мало найдемъ такихъ, кои бѣдность великодушно сносятъ,“. Что скажутъ чипатели мой на сей великій примѣръ?

Не менѣе и у Римлянъ бѣдность была въ почтеніи. Курій, сей великій полководецъ, которой не однократно побѣдоносными лаврами украшался, былъ нѣкогда посѣщенъ въ деревнѣ своей Самницкими Послами просящими о мирѣ въ самое то время, въ которое онъ упражнялся жарить себѣ на ужину рѣпу, Послы предложили ему безмѣрно богатые подарки, надѣясь, что такому бѣдному человѣку блестящія вещи понравятся, дабы симъ отъ него все желаемое

получить ; {однако Курій съ пристойнымъ ему великодушїемъ имъ отказалъ, отвѣчая, „что онъ лучше такими богатыми людьми повелѣвать, нежели самъ „богатъ быть хочеть,,.

Какое великое различіе между нами и сими великими людьми !

Не думайте, чтобъ я богатство проклиналъ , или будучи зараженъ угрюмымъ своимъ нравѣмъ хотѣлъ видѣть всѣхъ людей убогими. Я сокровище неопѣнно надобнымъ почитаю , и конечно оно къ содержанію и великолѣпію государствъ потребно. Все то , чего я севоднишнимъ сочиненіемъ желаю приобрѣсть ; есть то , чтобъ богатства не предпочиталъ наукамъ, разуму и великодушїю ; я бы охотно желалъ спеси богатыхъ убавить , когда имъ говорю , что имъ одни ихъ сокровища никакова почтенія не принесушь , что великолѣпіе есть только пустой блескъ , и что они свою честь и преимущество основываютъ на такой паушинѣ , которую самый легкій вѣтръ нещаснїя здуть можетъ.

Скажи мнѣ кто , какое мнѣ до того дѣло , что у другаго есть сто тысячъ рублей , и что меня одолжаетъ , ради того ему оказывать опѣнное почтеніе?

А того

А того я не отрицаю что и богатый человекъ можетъ богатствомъ своимъ заслужить почтение, ежели онъ употребитъ оное на то, чшобъ людей здѣлать спокойные, довольные и щасливые.

Переведено изъ недѣльныхъ сочиненій называемыхъ Мѣсяцми свѣта: der Weltbürger wöchentlich an das Licht gestellt in Berlin.

Андрей Нартовъ.

*

*

*

IV.

Е Л Е Г И И.

I.

Какъ только лишь тебя глаза мои узрѣли,
 Такъ мысли всѣ къ любви съ стремленьемъ полетѣли,
 И вдругъ тогда позналъ любви я уставъ,
 Преобразился въ грусть мой весь веселый нравъ,
 Я тяжко воздохнулъ, и вольности лишился,
 Тебѣ мой слабый духъ на вѣки покорился.
 Страдаю, и ужъ жизнь несносна мнѣ моя:
 Почто увы тебя! почто увидѣлъ я!
 Въ жестокой я поскѣ всечасно пребываю,
 И силы потерявъ я весь изнемогаю.

Почто

Почто любовь меня ввергаешъ ты въ напасть ;
 Или миѣ суждено имѣши люту часъ ?
 На то ли, чпобѣ златой миѣ вольности лишиться,
 Покою моему въ мученье премѣниться ?
 Когда жѣ положено любовью миѣ страдать ,
 И рокѣ велѣлъ меня нещастіемъ карать ;
 Зберись мѣ муки всѣ и грудь мою терзайте ,
 И духъ, мой шомный духъ изъ шѣла извлекайте !
 Умру , и прекрашу нещастный вѣкъ я свой ,
 Не буду пѣннымъ я тогда швоей красой ,
 Не буду я терпѣть смертельнаго мученья ,
 И въ плачѣ ожидать не буду ушѣшенья .
 Но можетъ ли сіе тебѣ утѣхой быть ,
 Что будешъ ты всегда моимъ убійцей слыть ?
 Ахъ нѣшъ ! прости меня , не такъ ты въ свѣтѣ
родилась ,
 Чпобѣ ты какъ лютой Тигрѣ безвинно разсерди-
лась .
 Возри на скорбь мою шворимую тобой ,
 И вида ону скорбь ты сжался надомной ;
 Коль сшудѣ прешипѣ тебѣ то здѣлать разгово-
ромъ ;
 Подай отраду миѣ хотя единымъ взоромъ .
 Ты люту смерть мою въ жизнь нову претворишъ
 И все нещастіе сѣ болѣзнью истребишъ .
 Но естли не возженъ въ тебѣ взаимный пламень ,
 И сердце таково имѣешъ ты какъ камень ;
 Такъ лучше я хочю люшѣйшу смерть вкусить ,
 Какъ жизнь люшѣйшую и горести сносить .
 Я время дней моихъ безъ страха сокращаю ,
Безъ

Безъ страха для тебя я душу испущаю.
 Приди желанна смерть, скорай меня скоси,
 И страждущей душѣ спокойствіе принеси.

А. Н.

II.

Лишась, дражайшая, мнѣ, взора твоего,
 ужѣ не осталось на свѣтѣ ни чего,
 Уже меня ничто въ немѣ больше не прельщаетъ,
 На что ни погляжу, все духъ мой возмущаетъ,
 Всѣ нынѣ радости разбѣяны судьбой,
 Спокойствіе мое сокрылося съ тобой.

Горячностью къ себѣ мою ты грусть исчисли:
 Когда предстану я въ твоей, драгая, мысли,
 Воображай меня любезная въ глазахъ,
 Въ моей злой горести, въ спешаньи и слезахъ.
 Я только въ тѣ часы тебя позабываю,
 Когда всѣхъ думъ лишась въ безпамятствѣ бываю:
 Какъ помню о тебѣ, я пламенно горю,
 И въ самой крайности, себя, мученій зрю.
 Не льзя изобразить моей напасти ясно,
 И всѣ мой слова перяются напрасно.

Лишь можетъ сердце твое мое изобразить,
 Какъ жестоко возмогъ твой взоръ его пронзить;
 Что я тебѣ теперь страдая ни вѣдаю,
 Все менѣ того, что въ сердцѣ ощущаю.
 Неизбѣдна скорбь! неуподима страсть!
 Мучительнѣйшій жаръ! несносная напасть!
 Нашли вы крайнія въ груди моей успѣхи;
 И сей уже себѣ не вижу я утѣхи,

Чтобѣ горести своей пристойну рѣчь сыскать :
 И пѣмѣ ужѣ не могу теперѣ себѣ ласкать,
 Коль равный жарѣ ко мнѣ имѣешь ты любезна ;
 Ты знаешь по одна , какѣ жизнь моя мнѣ слезна .
 Ты знаешь ! только что мнѣ пользы изъ твою
 Ты знаешь ! ахѣ , не знай ты лучше ни чего !
 Лишь множитсѣ мое мученье пѣмѣ сердечно .
 Забудь меня мой свѣтѣ , забудь драгая вѣчно !
 Забудь меня ! ахѣ , нѣтъ , вспоминай о мнѣ !
 Какѣ помню о тебѣ еѣ печальной я странѣ ,
 Я все по чувствую , что были можетѣ злобно ;
 Мученья моево умножить не удобно .
 Удобно ; ежели той клятвы не храня ,
 Котору я слыхалѣ , забудешь ты меня .
 Въ какомѣ огнѣ , о рокѣ , въ какомѣ огнѣ пылаю !
 Не знаю самѣ , чего вѣ смященѣи желаю .
 Недастнѣйшему мнѣ , вопѣ всѣ плоды любя .
 Ахѣ ! ежели когда драгая до тебя
 Дойдунѣ пресказаны сей жалкой рѣчи строки ;
 Такѣ знай , что по тебѣ текли изъ глазъ пошюки .
 Не усумнисѣ ты , что рѣчь сѣя кѣ иной ;
 Едина вѣ свѣтѣ ты владѣешь только мной .
 Великодушѣя я больше не имѣю ,
 Безѣ слезѣ тебя мой свѣтѣ я вспомнить не умѣю .
 Какѣ имя я свое хотѣ вѣ мысли нареку ,
 Въ минуту кѣ сердцу ту всѣ скорби привлеку ,
 Всѣ прежни радости тогда вообразѣся ,
 И слезы изъ очей неволей покашѣтся .
 Мученьи отѣ любви остались мнѣ одни .
 О время грозное ! о вы плачевны дни !

Осталось ли мнѣ что, чемъ я на свѣтѣ льстился,
 Что во жизни дѣшало мнѣ всего пово лишился.
 А пы плачевнѣйшій часъ жизни моея,
 Въ который разлученъ съ моею любезной я,
 Не вспоминайся мнѣ; довольно знаю муки,
 Отъ нестерпимаго мнѣ времени разлуки.
 Какъ опинимался лучъ отъ возмущенныхъ глазъ,
 Мой свѣтъ, какъ я себя въ послѣдній видѣлъ разъ,
 Какъ пресѣкались надежныя желанья,
 Ты зрѣла то сама, въ какомъ я былъ страданьи.
 Кончались радости ввергая въ плачь приязнь,
 Я чувствовалъ тогда жесточе смерти казнь.
 Какъ я въ послѣднѣе съ тобой поцѣловался,
 Кажется мнѣ въ томъ часъ съ душею я распался.
 По разлученїи полдневный свѣтъ сталъ мракъ,
 Во мнѣ вся стыла кровь, не двигался мой зракъ:
 Какъ пораженна грудь животъ свой ощущала,
 Лашъ только то, что нѣтъ тебя со мной, вѣщала.
 Прости любезная, прости, прости мой свѣтъ;
 Я все ужъ пошерялъ; тебя со мною нѣтъ.

А. С.

III.

На долго разлученъ съ тобою дарагая,
 Я плачу день и ночь тебя воспоминая.
 Минуты радсны возлюбленныхъ мнѣ дней,
 Не выйдутъ ни когда изъ памяти моея.
 На что ни погляжу, на все взираю смущено,
 Тоскую навсегда, вздыхаю всеминутно.

Стараюсь облегчить грусть духу своему,
 И сердце покорить въ правленіе уму;
 Но шакъ какъ жарка кровь и онъ меня терзаетъ,
 Чшо сердце чувствуетъ, то мысль изображаетъ.
 Какъ въ изумленіи и въ жалости взгляну,
 Гдѣ ты осталася, въ прекрасну ту страну,
 Котору горы, дѣсь опѣ глазъ моихъ скрываютъ,
 Куда вздыханія со стономъ оплещаютъ:
 Маѣ мнишся въ пламени, что слышу голосъ твой,
 Въ плачевный день, когда распался я съ тобой,
 Чшо ты любезная шоя прелестныи взгляды,
 Со мной прощаешся и плачешь безъ ошрады.
 Миѣ кажешся тогда бунтующему кровь;
 Чшо въ истинну съ тобой я разлучаюсь вновь,
 И духъ мой чувствуетъ, прошедшей, почну муку,
 Какъ онъ терзаемъ былъ въ дѣйствительну разлуку.
 О день! день лютый! будь хоня на часъ забвенъ!
 Злой рокъ! иль мало я тобою пораженъ,
 Чшо воображаешся шакъ часто ты, толь ясно?
 Уже и безъ того я мучуся всечасно.
 Престань еще шѣснить уже спѣсненну грудь,
 Иль дай хоня на часъ несчастну отдохнушь.
 Увы! не зря драгой не будешъ облегченъ,
 Не зря тебя не лзя пробывши безъ мученъ.
 Но ахъ! когда дождусь, чшобъ оный часъ пришелъ,
 Въ которыйбъ я опять въ рукахъ тебя имѣлъ!
 Пройди, пройди скорай о время злополучно,
 И дай съ возлюбленной миѣ жизни неразлучно!
 Терпѣть и мучишся не спанешъ скоро силъ.
 Чшо любезная, почшо тебѣ я милъ!

Прошли минулы тѣ, что шоль насѣ веселили :

Далекія страны сѣ тобой мя разлучили ,
И вѣснѣ скорбящу мнѣ оставшу жизнь губя ,
Надежды ни какой зрѣшь вѣ скорости себя.

Чемъ буду прогоняшь себя я , время злобно ?

Какое мѣсто мнѣ отраду дашь способно ?

Куда я ни пойду , на что я ни гляжу ,

Я облегченія ни гдѣ не нахожу.

Куда ни вскину я свой печальный взоръ ,

Въ луга или въ лѣса на холмы или на горы ,

На шумныя ль валы , на тихія ль струи ,

На пышно ль зданіе , ахъ всѣ мѣста сіи ,

Какъ громкой кажепся плачевною трубою ,

Твердятъ мнѣ , и гласятъ , что нѣтъ тебя со мною.

Вездѣ спеню , вездѣ опѣ герести своей :

Такъ горлица лишася того что мило ей ,

И е зная что зачатъ мѣста перемѣняетъ ,

Летитъ сѣ куста на кустъ , на всѣхъ кустахъ
рыдаешъ.

Когда была въ тебѣ утѣха шоль крашка ,

Къ чему всегда жизнь была ны шоль сладка !

Коль щастливѣ челоуѣкъ , ково не научали ,

Веселости еѣ любви , любовны знашь печали !

Кто въ разлученіи сѣ любезной не бывалъ ,

Тотъ скуки и тоски прямыя не вкушалъ.

Сѣ тѣмъ , кто сѣ возлюбленной живешъ своею
купно ,

Забавы всегда бываютъ неотступно ,

И нѣтъ ему часа себѣ вообразить ,

Какъ было бѣ тяжело , ему сѣ ней розно жить.

Лишь вамъ, которые подвержены сей страсти,
 И чувствовали въ ней подобны мнѣ напосад!
 Коль сносно мнѣ мое сираданѣ сердце,
 Лишь вамъ однимъ, лишь вамъ по можно разумѣть,
 Сирадай моя душа и мучься несказанно!
 Текише горькихъ слезъ потоки непрестанно!
 И есть ли мнѣ поско жизнь горьку пр-крашитъ,
 И смерть поперяно спокойство возвращитъ;
 Такъ знай любезная, что шествуя къ покою,
 Я мысля о себѣ глаза свой закрою.
 Не смеюшю, но побой, я душу возмушу,
 И съ именемъ своимъ духъ томный испущу.

А. С.

IV.

Лишенный вольности, перзаемы поскою,
 Къ чему я приведенъ, жестокой рокъ тобою!
 Не малоль я и пакъ слезъ горькихъ продигалъ?
 Не малоль томну грудь пы вздохами перзаалъ?
 Усугубляешь пы, мой мученя люшы.
 Въ какія злѣйшія родидся я минушы!
 Иль мало шѣмъ меня, рокъ было наказать,
 Чпобъ вѣчно мнѣ мсю, любезну поперяшь,
 И что бы я въ рукахъ того прекрасну видѣлъ,
 Кого съ младенческихъ я лѣтъ возненавидѣлъ.
 Ты нынѣ дадъ, еще слышатъ шу мнѣ вѣсть,
 Которой больше мнѣ не можно въ жизни снестъ.
 Я слышалъ, что злодѣй прекрасну ушѣсняешъ,
 И всеминушио ей онъ муки причиняешъ.

Онъ

Онъ вѣрность ту, что ей во бракѣ посвятилъ
 Въ измену и въ обманъ безщадно обратилъ
 Уже на мѣсто той любви, которой клялся,
 И коей обольстить всѣхъ сродниковъ щарался,
 Свирѣность, ненависть вселялися въ него
 И больше онъ уже не мыслитъ ни чего,
 Какъ только, чтобъ ее предъ всѣми безславишь,
 И ахъ! безвинную въ презрѣнїи оставишь
 Ее въ презрѣнїи! возможноль въ свѣтѣ жить?
 Кого ты болѣе рокъ можешь пощадить,
 Когда ужъ па, кому природа даровала;
 Чтобъ женской полъ она собою украшала,
 И чтобы щастливу имѣла въ жизни часть,
 Въ слезахъ проводишь жизнь и терпишь злу напасть?
 Но ахъ! почто тебя судьбина обвиняю
 Или неправостей на свѣтѣ я не знаю.
 Не ты единая въ семъ случаѣ губишь:
 Алчба имѣея ты чаще тѣмъ разишь!
 Сколько дѣвъ себѣ ты въ жертву посвящаешь,
 И сколько тѣмъ ты ихъ любовниковъ терзаешь!
 А ты родитель той, котору я люблю,
 Для крѣй столько я мученїя терплю,
 Кто въ мысляхъ у меня и въ сердцѣ обитаетъ
 И будучи чужой мной вѣчно обладаетъ,
 Какой на мѣсто ты отца мучитель ей!
 Ты злано предпочтилъ, ахъ! дочери своей.
 Прельщенъ корыстїю содѣлавъ ей ты муки,
 И предалъ ты на вѣкъ ее въ тирански руки
 Почто, ты рокъ, отца такого ей судилъ,
 Которой бы ее на вѣки погубилъ?

О солнце пы- всякъ день вселенну облакашь,
 И видишь скорбь мою и воздохи есѣ внимаешь:
 Не чаю, чтобѣ нашло несчастнѣй ты меня!
 Не рвешся какъ- никпо въ страданіи спеня.
 Хотя напасти насѣ и часто утѣсняюшѣ,
 И намѣ мученія не рѣдко причинаюшѣ;
 Но съ временемѣ тоска проходитѣ всегда;
 А мнѣ спрады ужѣ не будетѣ ни когда.
 Съ часами горестъ мнѣ препяжкая родитѣся,
 И нѣмѣ несчастіе мнѣ вѣчнымѣ станевитѣся.
 Когдажѣ во всю мнѣ жизнь бесплодно унывашѣ
 Когда въ любви горя утѣхѣ ея не знаешѣ,
 И зрѣшѣ прекрасную на вѣкѣ шому подвластную,
 Кнѣ щипшѣ подавать ей муку повсечасную;
 Почто желани мнѣ на свѣшѣ больше жить?
 Иль только для того, чтобѣ горьки слезы дитѣ!
 Когда случан въ веселье мнѣ скончали;
 Скончайте мнѣ и жизнь, и съ ней мои печали.
Семенѣ Нарышкинѣ,

V.

Сверхшлось шеперь сердечно предсказанье,
 Збылось ужѣ мое презлое предвѣщанье.
 Но не во сибѣль шо зрю! не сонѣ ли мя спрашишь!
 И не мечтали маѣ напастію грезить!
 Ахѣ, ивѣшѣ! шо въ явѣ все збылось, о рокѣ со мною,
 Что я забвенѣ моей на вѣки даратою!
 Я презрѣшѣ опѣ нея, любимѣ соперникѣ мой!
 О гнѣвная судѣба! о рокѣ! о часѣ презлой,
Вѣ

Въ которой съ нимъ она къ мученью мнѣ спозналась,
 И ласкою ево забывъ меня плѣнялась!
 Въ пребѣдспевенный мнѣ часъ страсть она родилась:
 Моя любезная другому отдавалась.
 Уже она теперь меня не воспоминаетъ,
 И съ нимъ въ веселостяхъ минуты провождаетъ,
 А я лишася ея спрадаю и грущу,
 И щиплено мучася, оспрады не сыщу.
 Но естлибъ я теперь опять могъ быти съ нею,
 И могъ бы увѣрять горячностью своею,
 Хотя бы къ вѣрности ея не обратилъ.
 Хотя бы новыя любви не истребилъ;
 Но жаръ ея ко мнѣ конечнобъ показался,
 А я хотя бы тѣмъ единымъ утѣшался.
 Но ахъ! когда она могла меня забыть;
 Такъ жара въ ней ко мнѣ нельзя ни искры быть.
 Виною ты всему о злое разлученье!
 Тобою я терплю несносное мученье.
 Когда бы я поднесъ съ ней купно пребывалъ;
 Я знаю то, чтобъ я ея не потерялъ:
 По всякуюбъ она меня минушу зрѣла,
 Взаимспевенна любовь равно бы въ ней горѣла.
 Какъ ошъ прекрасныхъ я ея сокрылся глазъ,
 Помаалу изчезалъ въ ней жаръ любви и гасъ,
 И на концѣ со всѣмъ она меня забыла,
 И позабывъ меня друга полюбила.
 Другова! словомъ симъ мучишся кровь во мнѣ;
 Ошъ радуется тамъ, я спражду въ сей странѣ.
 Хотя я мнилъ, что съ ней на время я прощася:
 Но вижу, въ шестъ я часъ съ ней вѣчно распавася.

Не щещно я тогда прегорестно стеналъ ;
 Я все, что льстило мнѣ, на вѣкъ тогда шерадѣ.
 Невѣрная на что меня ты подлюбила !
 А подлюбивъ на что любовь свою открыла !
 Начто и ты тогда мнѣ здѣлалась мила !
 На то ли чтобъ ты мнѣ пиранкою была ?
 Не чаю я, чтобъ ты невѣрная забыла ,
 Какъ ты по всякую минушу мнѣ швердила ,
 Что будешь ты меня до смерти свою любитьъ,
 И съ кляшвой всякой часъ ты щцилась говаритьъ.
 Я прежде съ жизнью своею разлучуся ,
 Ахъ ! нежели въ любви къ себѣ перемѣнися.
 Гдѣ дѣлался кляшвы шѣ ? ужъ я тебѣ не милъ :
 Другой тобой любимъ , а я тебѣ постыдѣ.
 Другой любимъ ! я весь покой измѣной рушу ;
 Но и невѣрную люблю тебя какъ душу.

Алексѣй Ржевской.

V.

НАДГРОБНАЯ ПѢСНЬ АДОНИДУ сочиненная древнимъ Греческимъ Стихотворцемъ Виономъ.

Я оплакиваю Адонида , нѣтъ пре-
 краснаго Адонида : Адонидъ пре-
 красный погибъ ; плачь мой повторяющъ
 Ерѣшны. Богиня острова Кипра не спи
 болѣе на покровенномъ порфирую одрѣ ,
 встань

вспаць нещасливая , облекися въ плачевную одежду , терзай грудь пивомъ , и вбщай предъ всбми : Нбтъ прекраснаго Адонида . Я оплакиваю Адонида , плачь мой повщоряють Ербты . Ложитъ прекрасный Адонидъ на горахъ , ббдымъ клькомъ въ бблую лядвею уязвленныи , и Венеру печалью сокрушаетъ . Онъ уже едва дышетъ , а черная кровь льется по тблу его подобному снбгу ; глаза подъ бровями мертвбють , роза усць его увядаетъ , а съ оною купно исчезають и цблованія ; онъ коихъ Киприда ошспаць никогда не можеть . Афродитъ приятны цблованія и мертваго Адонида ; но Адонидъ уже не знаешъ , кто его при смерти цблуетъ . Я оплакиваю Адонида , плачь мой повщоряють Ербты . Великую , великую язву имбеть на лядвбх Адонидъ ; но Кцбериа еще большую въ сердцбх ошущаетъ . Любимые жисы сего юноши около него воютъ ; Нимфы горныя плачуть ; а Венера распрепавъ волосы , по горамъ , по лбсамъ бродитъ боса , вся въ слезахъ , съ расплепанными косами : ее ходящую пернбе уязвляетъ , и священною омакаетъ кровью : А она громко воющая мчится по пространнымъ долинамъ , призывая Ассирйскато своего мужа и юношею его наридая . Черная кровь те-

кла

кла по чреву его , грудь отъ лядвеи
 червленѣлась , и снѣгу подобныя бока
 Адонидовы багрѣли. Ахъ ! ахъ Венера!
 вопіюшъ Ерѣшы. Лишалася ты пре-
 краснаго мужа , а съ нимъ и священнаго
 вида. Когда еще живѣ былъ Адонидъ ,
 тогда у Афродиты лице прекрасно бы-
 ло : а нынѣ съ Адонидомъ и красота ея
 померкла. Ахъ , ахъ ! Всѣ горы и ду-
 бравы гласятъ. Ахъ Адонидъ ! и рѣки
 сѣшуютъ о плачѣ Венериномъ ; и ключи
 изъ горъ бѣющіе проливаютъ слѣзы объ
 Адонидѣ : Цвѣты отъ печали багрѣютъ ;
 а Богиня острова Киѣиры по холмамъ и
 во градѣ жалостно воешъ. Ахъ ! ахъ
 Венера ! ужѣ нѣтъ прекраснаго Адонида.
 И ехо на то противугласитъ : нѣтъ
 прекраснаго Адонида. Кто не будетъ
 оплакивать горькой сей Венериной любви !
 ахъ ахъ ! Какъ увидѣла , какъ познала
 неисцѣлимую Адонидову язву ; какъ
 узрѣла багровую кровь на увядающей
 лядвеѣ , распросшерши руки спешаща
 возопила : Помедли Адонидъ , бѣдной
 Адонидъ помедли ; дай мнѣ въ послѣд-
 ніе на себя наглядѣться , обнять себя ,
 уста мой съ твоими устами сопрягнуть.
 Привстанъ немножко Адонидъ , дай мнѣ
 послѣднее цѣлованіе : и сколько меня
 цѣлуй , сколько еще у тебя цѣловашъ
 меня силы оспалось , поколѣ духа тво-
 его

его въ уста мой и въ сердце мое не вло-
хнешь, поколѣя приятностей твоихъ не
высосу, поколѣя всей любви пвоей не
выпью. И сіе цѣлованіе такъ я буду
хранить, какъ самаго Адонида; когда
ты меня безщасный оставляешь: на
вѣки отдаляешься отъ меня Адонидъ;
отходишь въ Ахеронъ къ угрюмому и
жестокосердому Царю: а я бѣдная жива,
да еще и безсмертна, и не могу слѣдо-
вать тебѣ. Возми Персефона моего мужа:
ты меня благополучиѣ спокраино: все
что есть прекрасное на свѣтѣ, къ тебѣ
преселяется. А я всенещасна, и свѣ-
даюся неутолимою печалію, и тебя
ужасаюся. Умираешь, превожделѣнный!
мое желаніе прелетѣло какъ сонъ: а Ки-
прида теперь вдовствуешь; и Еропы въ
домѣ моемъ праздны. Съ побою, дра-
жайшій, и поясъ мой пропалъ. На что
дерзновенный ходилъ ты на охоту; и
будучи толико прекрасенъ, на что сра-
жался ты съ дикими звѣрами? Тако
стенала Венера, плачь ея повторяли
Еропы. Ахъ! ахъ Афродита! нѣтъ
прекраснаго Адонида. Столько слезъ бо-
гиня гѣрода Пафа проливала, сколько
лилось крови изъ Адонида. Но кровь и
слѣзы на землѣ превращались въ цвѣты;
кровь розу произвела, а слѣзы анемону.
Я оплакиваю Адонида, нѣтъ прекра-
снаго

снаго Адонида. Не оплакивай болѣ мужа своего ни на горахъ ни въ лѣсахъ, Венера. Се угошованной одрѣ, се Адониду посланной одрѣ: на семъ швоемъ одрѣ, Венера, мертвый Адонидъ лежишь. Онъ и мертвъ будучи, прекрасенъ, прекрасенъ мертвой, какъ спящей. Положи его на мягкія постѣли, на которыхъ онъ леживалъ; на которыхъ онъ съ тобою въ ночи препровождалъ сонъ на златомъ одрѣ. Люби и обезображеннаго Адонида. Обложи его вѣнками и цвѣтами. Но всѣ съ нимъ по смерти, всѣ съ нимъ и цвѣты увяли. Осыпь его мърсами, помажь благовонными духами, окропи его миромъ. Истощипеса всѣ благоуханія: швое миро Адонидъ исчезло. Лежишь окропленный Адонидъ въ обагреной одеждѣ, а Еропы въ округъ его плачущіе спенаютъ, оспригши для Адонида волосы. Тотъ спрѣлы, тотъ лукъ попираетъ, другой разламываетъ пернатый колчанъ: иной развязываетъ у Адонида сапогъ, иной золопымъ сосудомъ воду носитъ; сей лядвею омываетъ, тотъ маханіемъ крилъ своихъ Адонида прохлаждаетъ. И о богинѣ острова Киѳиры плачутъ Еропы. Именей на порогъ свѣчу свою погасилъ, и брачный вѣнецъ вывѣсилъ. Не гласятъ болѣ въ пѣсняхъ, Именей, Именей; но
ахъ,

ахъ, ахъ! вопіють. Увы! увы, объ Адонида, но еще больше увы объ Имене! Харипы оплакивають сына Кинирова, говоря другъ другу: нѣтъ прекраснаго Адонида: и громче сіе взывають, нежели ты Діона. И Парки Адонида, оплакивають Адонида, и его приглашаютъ; но онъ уже имъ не внемлетъ. Правда онъ желаетъ того, но Персефона его не отпускаетъ. Окончай Киеерія спешаніе, и днесъ не пиршествуй: тебѣ опять надлежитъ сѣповать, и въ другой годъ проливать слѣзы.

Переведъ съ Греческаго Г. К.

VI.

СТАНСЫ.

На одержанную побѣду при
Фирштенфельдѣ.

Какую радость ты Петрополь торжествуешь?
Я слышу званіе, во службѣ плескъ радости влечетъ.
Я вижу что народъ въ весельи въ храмъ течетъ:
Никакъ въ побѣдѣ ты надъ Пруссами ликуешь?

Конечно такъ мой духъ вѣсть оную внимаетъ.
Возвыси ко Творцу Петрополь свой ты гласъ,
Что Богу **МОНАРХИИ** ЕИ хранитъ отъ злобы насъ!
По всякой **ЕЮ** день Онъ Россовъ прославляетъ.

Прими,

Прими, **МОНАРХИЯ**, всѣ подданныя просятъ,
ТЫ жертвованъемъ, отъ насъ, **СЕБѢ**, сердецъ,
 Въ знакъ нашей вѣрности лавровый сей вѣнецъ!
 Соизлеши ревностноу они ево подносятъ.

Прими, довольствуясь нелицемѣрной славой!
 Надѣйся, что **ТВОЙ** врагъ **ТВОИМЪ** падетъ
 мечемъ,
 И новымъ освѣтитъ побѣда насъ лучемъ,
 А мы прославимся какъ прежде подъ Полтавой.
 С. Н.

О г л а в л е н і е.

страниц.

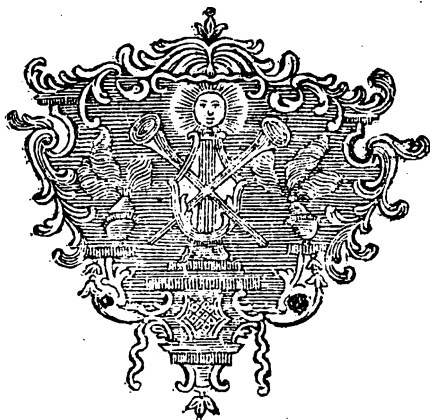
I.	рѣчь Павлина а Санкто Іозефо о томъ,
что въ ученіи слѣшится не должно.	67
II.	О коренныхъ словахъ Рускаго языка.	91
III.	Достоинства меньше почитаются
нежели богатство	- - - - 101
IV.	Елегія	- - - - 111
V.	Надгробная пѣснь Адониду.	- - 122
VI.	Стансы на побѣду при Фирштенфельдѣ.	127

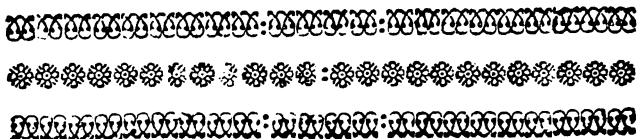
ТРУДОЛЮБИВАЯ
П Ч Е Л А.

Маршъ 1759 года.

ВТОРЫМЪ ТИСЧЕНІЕМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
при Императорской Академіи Наукъ
1780 года.

I.

Б А С Н Ъ

О Ф А Е Т О Н Т Ъ

Изъ Овидіевыхъ превращеній.

Фаetonъ, котораго почитали сыномъ Солнца и Климены, нравами сходствовалъ и однихъ лѣтъ былъ съ Епафомъ, рожденнымъ Юпитеромъ отъ Ионы дщери Инаховой. Сей нѣкогда озлобясь на Фаетонта гордящагося, и себѣ неуступающаго, и кичащагося отцемъ своимъ Фебомъ, говорилъ: Ты безразсудной, повѣривъ словамъ швоея матери, гордишься, ложно называя отцемъ своимъ Солнце. Фаетонъ услышавъ то покраснѣлъ, и гнѣвъ свой стыдомъ погасилъ, и немедленно пошелъ къ матери своей Клименѣ, жаловался ей на Елафа за нанесенное себѣ отъ него безчестіе.

честіе. А сіе тебѣ еще большую печаль причинишь, любезная мать, говорилъ онѣ ей, что я при другихъ случаяхъ будучи такъ смѣлъ и опваженъ, ни чего ему на шо не отвѣтспивовалъ. Ахъ какъ стыдно мнѣ, что онѣ меня симъ поносишь могъ, и что я передъ нимъ ни чемъ не могъ оправдаться. Но ты, естли я по длинно происхель отъ божеской крови, увѣрь меня о такомъ моемъ происхожденіи, и объяви неложное доказательство, что я сынъ Солнцева. Сіе выговоривъ, бросился на шѣю своей матери, и неопступно просилъ, чтобы она, сколько его, и Мерона своего мужа любилъ, и сколько; доброжелательствуешь своимъ сестрамъ еще дѣвицамъ, подала ему знаки истиннаго его родителя. Сумнительно, прошеніемъ ли Фаеонтовымъ пронута была Климена, или съ досады за объявленное ей безчестіе подняла рѣки на небо, и смотря на сіяніе Солнца: Симъ свѣтомъ, сказала она, украшеннымъ блистающими лучами, кошкой насъ озаряешь, и внемлешь рѣчамъ моимъ, тебѣ, любезный сынъ, кленусь, что ты симъ, на которое теперь зриаешь, симъ Солнцемъ, которое согрѣваешь весь миръ, на свѣтъ произведенъ. А естли я говорю ложно, пустьъ оно лишитъ меня своего зрака, и

пустъ

пусть я сего дни впослѣднїе вижу его блиспанїе. Въ прочемъ немного труда будешь тебѣ стѣбашь, чпобѣ узнать, гдѣ твоей отецъ живетъ. Тотъ домъ, откуда оно восходитъ, есть смеженъ съ нашею землею, и естьли только ты желанїе имѣешь, ступай, и увѣдай изъ собственныхъ успѣвъ его. По сихъ матери своей словахъ Фаефонъ тотъ часъ съ великою радостїю вышелъ, и началъ воображать въ мысляхъ своихъ воздушной путь. Онъ Егїпскїя, въ которыхъ онъ родился, страны, и опаляемыя солнечнымъ зноемъ Индїйскїя земли поспѣшно перешелъ, дошелъ къ востоку своего родителя.

Огромные Солнцевы чертоги стояли на высокихъ столпахъ; они блипали отъ злата и Пирѣпа, подобнаго огненному пламени; кровля здѣлана была изъ чистой слоновой кости, а створчатыя двери изъ серебра. Художество превосходило и самое вещество, изъ коего сей домъ сооруженъ былъ; ибо Вулканъ вырѣзалъ на немъ пространной Океанъ окружающїй землю, земной шаръ съ покрывающимъ его небомъ. Въ водѣ видимы были лазоревые Боги, велегласный Трифонъ, многообразный Протей, Егѣонъ угнѣпающїй своими руками ужасные хребты Киповъ, Дорнда съ своими до-

черьми, изъ которыхъ нѣкоторыя плавали, иныя на камняхъ осушивали свой зеленѣющіе волосы, другія возимы были рыбами. Они не всѣ имѣли одинакой видъ, однако и не со всѣмъ различной; но такой, какой сестрамъ имѣть пристойно. На землѣ изображены были люди, города, лѣса, звѣри, рѣки, Нимфы, и прочіе въ поляхъ и лѣсахъ обитающіе Боги. Надъ нею видимъ былъ образъ свѣтлаго неба: а на двѣряхъ на правой половинѣ представлены были шесть знаковъ небесныхъ, и столько же на лѣвой. Фаetonъ Клименинъ сынъ, какъ скоро приблизился къ стоящему на холмѣ Солнцеву дому, и вошелъ въ чертоги сумниаго отца своего, тотъ часъ пошелъ предъ лице опцово, и въ дали остановился, а ближе подступить къ нему не могъ для его чрезмѣрнаго сіянія. Фебъ одѣтой въ порфиру сидѣлъ на усыпанномъ изумрудами престолѣ; одесную и ошую ево стояли День, Мѣсяцъ, Годъ, Вѣки и въ равномъ одинъ отъ другаго разстояніи разположенные Часы. Младая Весна стояла въ вѣнцѣ изъ цвѣтовъ, нагое Лѣто имѣло въ рукахъ вязанку класовъ, Осень стояла обрызганна винограднымъ сокомъ; а ледовиная Зима съ сѣдыми и косматыми воло-

волосами. Посреди находящееся Солнце всевидящій свои взоръ обративъ на юношу чудныхъ сихъ вещей ужасающагося, спросило; Какая причина побудила тебя сюда прийти? что тебѣ надобно въ семъ горнемъ мѣстѣ, истинныи мой сынъ Фаэтонъ? Онъ отвѣщивалъ: Общее свѣтило неизмѣримаго мира, Фебъ, любезный мой родителъ, естли ты мнѣ сіе имя употреблять позволяешь, и естли Климена не сокрываетъ вины своей подъ ложнымъ видомъ, но истинну объявляетъ; такъ подай отче свидѣтельство, по которому бы меня признали за подлиннаго твоего сына, и испреби изъ мыслей моихъ сію недовѣренность. Сіи были слова Фаэтоновы; а отецъ снявъ съ своей головы окружающія ея лучи, опложилъ, и Фаэтоншу велѣлъ къ себѣ приблизиться, и обнявъ его рекъ: И ты не заслужилъ того, чтобъ я называть тебя сыномъ своимъ возгнушался, и Климена справедливо объявила о своемъ рожденіи, а чтобъ ты въ семъ не усумнѣвался, проси у меня, чего хочешь, оное неопимѣнно отъ меня получишь: во свидѣтельство сего моего обѣщанія кленусь тебѣ клятвою однимъ Богамъ приличною, сокрытыми отъ очей моихъ водами. Едва только Фебъ сіи слова

вымолвилъ, то Фаэтонъ началъ просить отеческой колесницы, и на день во власть свою и въ управленіе крылатыхъ коней. Отецъ раскаивался о данномъ обѣщаніи, и нѣсколько разъ покивавъ главою, сказалъ: Твое, Фаэтонъ, прошеніе учинило мое обѣщаніе безразсуднымъ. О ежели бы не исполнить обѣщанія въ моей власти состояло! признаваюся, любезный мой сынъ, что сіе одно только есть, въ чемъ бы я тебѣ опказалъ. Но мнѣ совѣтомъ удерживать тебя опъ того позволяется. Твое желаніе опасно. Ты просишь меня, Фаэтонъ, о великомъ дѣлѣ, которое ни по симъ твоимъ силамъ ни по молодымъ лѣтамъ. Ты опредѣленъ рокомъ произойти на свѣтъ смертнымъ, а чего ты просишь, то безсмертно. Ты неразсудивъ желаешь больше, нежели вышніе получить могутъ. Пусть всякой изъ Боговъ, что хочешь, о себѣ мыслить; однако кромѣ меня никто не можетъ спойти на огненной колесницѣ; и самъ правитель обширнаго Олимпа, который ужасная яростію своею десницею молніи ниспускаетъ, не можетъ править оною. А Юпитера кто больше? Съ начала пушь сей гористъ, по которому упреннымъ временемъ едва на не-

што-

упомненныхъ коняхъ возѣхашь удобно; на срединѣ неба до самой крайней вы-
сотѣ простирается: откуда я самъ, ко-
гда взгляну на моря и на землю, не рѣд-
ко устрашаюся такъ, что отъ того
всѣ мой члены пренецуютъ. На послѣ-
докъ весьма покапѣ, и пребуетъ иску-
снато конеправленія. Въ то время и са-
ма приемлющая и поддерживающая меня
своими водами Твоѣя обыкновенно въ
страхѣ приходитъ, чтобъ я спремглавъ
не палъ. Сверхъ того небо непрестанно
обращается, и безмѣрною своею скоро-
стію прочія всѣ звѣзды съ собою влечетъ:
а я въ противную сторону упорно свой
пути продолжаю, и то движеніе, кото-
рое прочее все съ собою влечетъ, пре-
пятствуя мнѣ въ моемъ пути, и спрем-
ительно супротивляясь бѣгу моему, пре-
одолѣваю. Представь себѣ данную коле-
сницу: что ты съ нею дѣлать будешь?
возможешь ли ѣхать противу вертящихся
половъ такъ, чтобъ тебя ось мира не по-
влекла съ собою? Можетъ быть ты еще
думаешь на своемъ пути видѣть роци,
города, дома, и Божескіе съ пребога-
тыми утварями храмы, нѣтъ, въ семъ
ты обманываешься. Тебѣ надлежитъ и-
мѣть печеніе чрезъ превеликія опасно-
сти, и мимо ужасныхъ видовъ звѣрей.

Пускай путь тебѣ извѣстенъ , и ты
 въ немъ не заблудишься ; однако дол-
 жно ѣхать чрезъ рога Тельца , ко-
 торый противъ тебя уставивъ оные
 стоять будетъ ; не минуешь так-
 же Фессалійскаго стрѣльца , и страш-
 наго частью Льва. Встрѣпишь же-
 стокаго Скорпіона изгибающа свой кле-
 шни въ большой кругъ , и Рака инымъ
 образомъ изкривляющася. Ты также не
 можешь управиться съ коньми свирѣп-
 ствующими внутреннимъ своимъ огнемъ,
 который они изъ ноздрей и изъ устъ
 выпускаютъ , они и мнѣ едва повину-
 ются, когда разсвирѣпѣютъ и жестоко-
 вѣйностию своею возжамъ супротивляюш-
 ся. А ты , любезный сынъ , предохрани
 себя, чтобъ я не былъ причиною твоея
 погибели : и доколѣ еще возможно , пре-
 мѣни твое желаніе. Ты требуешь отъ
 меня подлинныхъ знаковъ, которыми бы
 ты удостовѣрился, что я твой отецъ :
 оные ты видишь въ сей моей боязни ,
 и что я твой отецъ , но отеческимъ
 моимъ показываю страхомъ. Се возри
 на мой видъ ; Ахъ естли бы ты могъ впе-
 рить очи твои во внутренности моего
 сердца , и примѣтить отеческое мое въ
 немъ о тебѣ попеченіе ! на послѣдокъ о
 смотри все богатство цѣлаго свѣта и изъ-
столь-

столькихъ и шолкихъ благъ небесныхъ, земныхъ, и морскихъ, чего только пожелаешь, проси у меня, ни въ чемъ не будешь имѣть отказа. То только одно прошу оставь, что въ самомъ дѣлѣ не честію, но казнію назваться можешь. Казни, любезный Фаетонъ, вмѣсто дара ты себѣ отъ меня просишь. На что меня толь ласково обнимаешь? не сумнѣвайся, дастся тебѣ, ты знаешь, что я клялся Спигійскими струями, чего бы ты ни возжелалъ; но ты въ желаніяхъ своихъ поступай благоразсуднѣе. Фебъ окончилъ свой увѣщанія; но Фаетонъ на слова его не сконялся, и стоялъ упорно въ своемъ предприятіи, пылая желаніемъ получить колесницу. По чему отецъ, сколько возможно было, помедливъ, повелъ ево къ высокой Вулканомъ здѣланной колесницѣ. Ось, дышло и ободы были изъ золота, а спицы изъ серебра, на уборахъ Хрисолиѳъ и другіе порядочно разположенные драгіе камни, освѣщаемые отъ Солнца отдавали во всѣ стороны блистаніе. И когда сему высокобѣрный Фаетонъ удивлялся, и разсматривалъ искусство, шо бдящая зарница отшворила на свѣтлѣющемъ востокѣ багряную дверь, и отверзла домъ свой испещренный и усаженный розами. Топчасъ разбѣжались звѣзды,

кото-

которыхъ стадами гналъ предъ собою
 Луциферъ, а на послѣдокъ и самъ скрылся.
 Тогда отецъ увидѣвъ, что земля и весь
 миръ уже багрѣетъ, и рогъ умаляющей
 луны исчезающъ, повелѣлъ быстропеку-
 щимъ часамъ закладывать коней; они
 повелѣніе скоро исполнили, и пламенно
 дышущихъ коней насыщенныхъ Амбро-
 сіею отвязавъ отъ высокихъ яслей вы-
 вели, и наложили на нихъ звенящія
 узды. Тогда отецъ освященною мастію
 помазалъ уста сына своего, чтобъ онъ
 сильнымъ пламенемъ неврежденъ былъ;
 возложилъ на главу его лучи, и испуская
 изъ сокрушеннаго сердца въздыханія, плачъ
 ему предвозвѣщающія, говорилъ: Если
 можно, хопя сихъ родительскихъ послу-
 шай увѣщаній, не бей бичемъ, и не гони
 коней, но всю свою силу употреби въ
 удерживаніи оныхъ; они и сами бѣ-
 гутъ такъ поспѣшно, что удержашъ
 ихъ трудно. Не ѣзди чрезъ лежащія
 прямо пять круговъ свѣта, но держись
 онаго косаго и широкаго, который про-
 ходя чрезъ равноденственный кругъ ка-
 сается до двухъ тропиковъ, а отъ
 южнаго и сѣвернаго убѣгай. Тутъ по-
 ѣзжай, гдѣ увидишь слѣды моей ко-
 лесницы. Но чтобъ небо и земля умѣ-
 ренною согрѣваемы были теплотою, ни
 вѣ

въ низъ не опускай , ни въ верхъ не подвимай колесницы. Поднявшись за-
 жешь небо ; а опустившись землю. По-
 срединѣ безопаснѣйшій путь возвѣмѣшь.
 Не подавайся ни въ лѣвую сторону къ
 югу , гдѣ почпи на самомъ горизонтѣ
 стойшь созвѣздіе олшаря, ни въ правую
 къ сѣверу , гдѣ изгибающійся великими
 излучинами Драконъ лежитъ : но правь
 среди обѣихъ. Въ прочемъ поручаю те-
 бя щастію , и желаю , чтобъ оно о со-
 храненіи тебя большее имѣло попеченіе,
 нежели ты самъ о себѣ имѣешь. Въ
 сихъ разговорахъ влажная ночь дошла
 уже до Есперійскаго моря. Не можно
 уже болѣе медлить намъ , призывающъ
 уже меня къ должноти. Заря прогнавъ
 тьму чистымъ уже блистаетъ свѣтомъ.
 Бери возжи , или естли хочешь пере-
 мѣнить твое желаніе ; но прими лучше
 совѣтъ мой , нежели колесницу , доколѣ
 еще можешь , и стойшь на твердой зе-
 млѣ , и доколѣ еще ты не возсѣлъ на
 колесницу безразсудно къ нещастію
 своему тобою просимую. Смотри на
 оную самъ будучи въ безопасности , и
 дай мнѣ озарять землю свѣтомъ. Фае-
 тонъ вскочилъ юношескимъ тѣломъ на
 легкую колесницу , спалъ на ней , и съ
 несказанною радостію принявъ врученныя
 себѣ

себѣ возжи приносилъ неприятное родителю благодареніе. Между тѣмъ крилаше Солнцевы кони, Пироей, Еои, Еоонѣ, и Флегонѣ наполняютъ пламеноснымъ ржаніемъ воздухъ; опбиваютъ ногами запоры, которыя Тиѳія, не вѣдая внука своего судьбины, лишь только опняла, и открыла путь на чистое и пространное небо, но они вдругъ, съ великою скоростію поскакали, и ноги продвигая по воздуху, препяпспвующіе себѣ облака разсѣкали; и подвѣшны крыльями въ краткое время пребѣгли восточные вѣтры, отъ единого съ ними мѣста и въ единое ишедшіе время. Но весьма малая была на колесницѣ тяжесть, такъ что едва кони могли чувспвовать, и возжи держаны были очень слабо. Какъ корабли безъ надлежащаго груза шатаются, и по морю отъ сторонѣ въ сторону носимы бывають, такъ колесница безъ обыкновенной тяжести поскакивала, и подвигаясь то въ верхъ то въ низъ подобна пустой казалась. Кони какъ скоро сіе ощутили, побѣжали съ великимъ стремленіемъ, и ужѣ оставили прежній свой проложенный путь. Фаэтонѣ утшился, не вѣдая въ копорую сторону держать: и не зналъ, куда путь лежишь, а хотя бы и зналъ, не
возмогъ

возмогъ бы ими править. Хладныя созвѣздія медвѣдицъ тогда въ первые жары почувствовали, и щепино старались омочиться въ запрещенномъ себѣ морѣ. Драконъ ближайшій къ сѣверному полу, который отъ стужи до того лежалъ почти неподвижно, и не наносилъ никому страха, тогда разогрѣлся, и въ первой разѣ явилъ ярость: и о тебѣ, Воопѣ, воспоминаютъ, что и ты ужаснувшись обратился въ бѣгство, хотя былъ прежде нескоръ, и возъ свой тебя удерживалъ. Несчастливой Фаетонъ съ высочайшаго еѣира взглянувъ на землю изъ самаго дальнѣйшаго отъ нея отстоянія поблѣднѣлъ; члены его всѣ отъ ужаса вострепетали; и при толикомъ свѣтѣ очи его мракомъ покрылися. Уже желалъ бы никогда не прикасаться къ опеческой колесницѣ и конямъ; уже досадовалъ на любопытство свое въ провѣдываніи своей породы, и на исполненіе своего прошенія. Желалъ бы тогда называться Мероповымъ сыномъ. Тако влекомъ былъ Фаетонъ, какъ гонимый бурнымъ вѣтромъ корабль, котораго правленіе кормщикъ оставилъ, и предалъ волѣ Боговъ и судьбины. Что ему было дѣлать? много за нимъ было неба; но предъ нимъ еще больше. Измѣрялъ мыслію и то и другое;

другое; и смотрѣль по на западѣ, до котораго ему судьбина достигнуть запрещала, по на востокѣ; и не вѣдая, что начашь, весь оцепенѣль: не могъ ни опустить, ни держашь возжей, и не зналъ именъ конскихъ. Также чудовища разсѣянная вездѣ по испещренному небу, и изображенія ужасныхъ звѣрей привели его въ трепетъ. Есть ибѣкая спрана, гдѣ Скорпионъ клешни изгибаетъ на подобіе двухъ дугъ, и хвостомъ и клешнями занимаетъ мѣсто почти двухъ знаковъ зодіака. Сего юноша увидѣвъ облившагося чернымъ ядовитымъ потомъ, и угрожающаго искривленнымъ жаломъ его уязвить, лишившись разума отъ хладнаго страха, выпустилъ изъ рукъ возжи, которые когда коснулись спинѣ коней, то они тотчасъ бросились, и для того, что ихъ никто не удерживалъ, бѣжали по незнаемымъ спранамъ воздуха; и куда ихъ гнало спремленіе, шуда безъ разбора мчались; набѣгали на неподвижныя звѣзды въ высочайшемъ еѣирѣ укрѣпленныя, и влекли по непроходнымъ мѣстамъ колесницу. Иногда подвигались въ верхъ, иногда чрезъ покашья мѣста и спремнистые пути въ ближайшемъ разстояніи отъ земли скоротечной свой путь имѣли. Луна удивляещ-

удивляется, увидѣвъ, что братни кони
 нѣже ея коней бѣгутъ, и что объятые
 пламенемъ облака дымились. Высочайшія
 мѣста занялись пожаромъ, и на раз-
 сѣдшейся землѣ ужасныя были видны
 разсѣлины, а она лишившись влажности
 иссыхаетъ. Луга исшлѣваютъ, древа
 съ вѣтвями горятъ, и сухой хлѣбъ
 своею погибелію сибдающему пламени
 придаетъ силу. Но что я о столь ма-
 лыхъ вещахъ съ прискорбностію говорю?
 Великіе грады со стѣнами погибаютъ,
 цѣлыя страны пожаромъ обращаются въ
 пепель; горятъ лѣса и горы, пылаетъ
 Аѳонъ; Киликійской Тавръ, Тмоль,
 Ипа, и прежде прославленная своими
 источниками, а днесь изсохшая Ида;
 обиталище божественныхъ дѣвъ, Или-
 конъ и Емъ, который тогда Іагрійскимъ
 еще не нарицался. Ешна пребезмѣрно
 сугубымъ огнемъ пылаетъ, двоеглавный
 Парнасъ, Ериксъ, Кинѳъ и Оѳра. И
 на конецъ лишенная сѣговъ Родопа,
 Мимантъ, Диндима, Микала, и опредѣ-
 ленный священнымъ празднованіемъ Ки-
 еронъ. Хладъ Скиѳіи уже не пользу-
 етъ ее; Кавкасъ горитъ, Осса, Пиндъ
 и ихъ обѣихъ превосходящій Олимпъ,
 до неба достигающія Алпійскія горы и
 облаконосный Апеннинъ. И такъ Фае-

топнѣ увидя земной шарѣ , со всѣхъ
 споронѣ обьятый пламенемѣ , не можетѣ
 снести толикаго жара , и втягаетѣ
 устами кипящій въ себя воздухѣ , какѣ
 изѣ глубокой пѣщи : чувствуешѣ ужѣ ,
 что колесница раскаляется ; и не мо-
 жетѣ вытерпѣть пепла и лепящихѣ
 опвсюду искрѣ . Горячій дымѣ со всѣхъ
 споронѣ окружаетѣ его : а онѣ , покро-
 венѣ густымѣ мракомѣ , гдѣ онѣ и куда
 ѣдетѣ , не знаетѣ , и несется по волѣ
 крилатыхѣ коней . Чаюшѣ , что Егип-
 скіе народы тогда почернѣли по высту-
 пленіи на ружу крови . Тогда Ливія ли-
 шившись прежнія влажноти учинилась
 песчанюю . Тогда Нимфы распрелавѣ
 власы оплакивали озѣра и попоки . Вѣ-
 птїя скорбитѣ о источникѣ Диркѣ ,
 Аргосѣ обѣ Амимонѣ , Ефира о Пирен-
 скихѣ водахѣ . Сей же рокѣ постигаетѣ
 рѣки въ пространныхѣ брегахѣ проше-
 кающія : Донѣ по срединѣ водѣ своихѣ
 воздымился , и великій Пеней , Февтрант-
 скій Каикѣ , быстрой Исминѣ , и Фс-
 кайскій Ериманѣ , Ксанѣ опредѣлен-
 ный рокомѣ горѣшь еще вторично , жел-
 пый Ликормѣ , и играющій въ излу-
 стыхѣ брегахѣ Меандрѣ , Мигдонскій
 Мелѣ , и Тенарксій Еврошѣ . Горѣль Ва-
 вилонскій Евфратѣ , пылалѣ Оронѣ ,
 быспро-

быстротекущій Оермодонтъ, Гангъ Фасидъ и Дунай. Кишитъ Алфей, горятъ берега Сперхеевы, и Злато Тага въ огнь протекаетъ. Прирѣчныя пшеницы, которыя прежде пѣли на берегахъ Меонійскихъ, среди Каиспировыхъ водъ жаръ ощутили. Нилъ успрашенный убѣжалъ въ дальнѣйшія страны свѣта, и скрылъ свой вершины, которыя и доннѣ неизвѣстны; а семь его устьевъ осмались безводными, и прахомъ покрыпыми рвами. Сей же жребій осушаетъ рѣки Исмарійскія, Евра и Спримона; и западныя рѣки Ренъ, Роданъ, Падъ, и которому подъ власпъ обѣщанна вселенная Тиверъ, изсякають. Вся земля разсѣдается, и сквозь разсѣлины свѣтъ въ Тарпаръ проникаетъ, и устрашаетъ Адскаго Царя съ его супругою. Океанъ убываетъ, и гдѣ недавно было море, тамъ поле спало. Горы до сего лежавшія подъ глубокими водами оказались, и умножили число разсѣянныхъ Кикладскихъ острововъ; рыбы на днѣ укрывались, и уже изгибающіеся дельфины по обыкновенію на верхъ воды выскривать не смѣли; морскіе быки въ безднѣ мертвы лежали. Говорятъ, что и самъ Нирей и Дорида со дщерьми своими сокрывшися въ пещерахъ отъ жара не укрывались.

лись. Нептунъ прожды покушался изъ воды высунушь грозное свое лице и рѹки, и прожды удержавъ былъ опъ пого жаромъ. Однако плодородная Земля, какъ окружена была морями среди водъ Океана, и стекшимися со всѣхъ странъ источниками, которые во внутренности непрозрачной своей матери сокрылись, подняла все произносящую и по шею ужё осушенную главу, покрывъ лице свое рукою, и великимъ движениемъ попрящи всю вселенную, осѣла, и заняла нѣже обыкновеннаго мѣсто: по помъ синоватымъ говоришь начала гласомъ тако: Естли тебѣ по нравился, и я заслужила: для чего, о начальникъ Боговъ, не разишь меня пвсими молнїями; естли мнѣ должно быть испребленною огнемъ, такъ пускай я пвоимъ огнемъ погибну; пускай стану имѣшь хотя ту отраду, что погибели мсей причиною небезразсудный будетъ юноша. Едва на сїи слова уста отверзаю: горячіе пары отнимали у нея дыханіе: возри на опаленные власы, и на множество пепла въ очахъ, и на устахъ моихъ! Сїю ли я имѣю пользу? Сїю ли честь воздаешь за мое плодородіе, и за мое благотвореніе, и за то что я претерпѣваю раны налагаемыя мнѣ

мнѣ орудіями земледѣльцевъ, и что чрезъ
 весь годъ тяжкою работою изнуряюся,
 что произрашаю скопамъ быліе, а че-
 ловѣческому роду вмѣсто суровой пѣщи
 мягкой хлѣбъ, и вамъ приношу ладанъ?
 Но пускай я неминуемую сію погибель
 заслужила; чѣмъ виноваты воды? чѣмъ
 заслужилъ сіе братъ твой, для чего моря
 доставшіеся ему по жребію высыхаютъ,
 и удаляются отъ еѳира? А естли
 тебя къ брату любовь и ко мнѣ въ жа-
 лость не приводитъ; сжался надъ своимъ
 небомъ; посмотри ужѣ съ обѣихъ сто-
 ронъ оба полы дымятся, и естли по-
 вредитъ ихъ огонь, жилища ваша падутъ.
 Се ужѣ страждетъ и самъ Аплантъ, и
 раскаленную ось едва держитъ на пле-
 чехъ своихъ. Когда погибаютъ моря,
 земля и небесные чертоги; мы обра-
 щаемся въ прежней Хаосъ. Испоргни изъ
 пламени, ежели что еще въ цѣлости
 осталось, да все естество не погибнетъ.
 Сіе рекла Земля, и больше ни сносить
 паровъ, ни говорить не могла, и опустила
 главу къ пещерамъ, въ которыхъ шѣни
 мершвыхъ обитаютъ. Всемогущій отецъ
 свѣдѣтельствовавъ предъ всѣми богами и
 предъ самимъ давшимъ колесницу, что
 все погибнетъ, естли не ускоришь по-
 дать помощи, немедленно пошелъ въ

го, не здание, откуда онъ обыкновенно наводилъ облака на проспранныя зѣмли, воздвигалъ громы, и размаханныя мешалъ молнии. Но не было ни облаковъ, которыми бы могъ покрыть землю, ни дождей, которые бы могъ съ небеси пролить. Возгреблъ, и отъ деснаго уха пустилъ съ размаха молнію въ возницу, и однимъ разомъ исторгнулъ изъ него духъ, свергъ его съ колесницы, и огни уполнилъ свирѣпыми огнями. Кони смущаются, и отбросясь назадъ збили съ себя яремъ и прерванные возжи оставили. Тамъ лежатъ узды, тамъ опломленная отъ дышла ось, и спицы разломанныхъ колесъ: вездѣ были видны раскиданные обломки раздробленной колесницы. Фаэтонъ съ горящими волосами палъ, и пролепаетъ спремглавъ по возлуху; подобно какъ на чистомъ небѣ звѣзда, которая хотя не упадетъ, однако можетъ казаться ниспадшею. Онъ упалъ въ далекомъ разстояніи отъ своего отечества, въ самую большую рѣку на другой части свѣта, Ериданъ, и обмылъ запѣнившіяся свои уша.

Наяды Есперійскія пораженное проеконечною молитіею его тѣло предали погребенію, и положили сію надгробную: Здѣсь лежитъ Фаэтонъ, возница родитель-

тельскія колесницы; которой не возмогъ онъ держать, и предпрѣявъ великое дѣло съ оной низпалъ. Нещасливо отецъ сокрылъ лице наполненное несносною печалю; и естли повѣрить можно, то говорятъ, что тогда одинъ день прошелъ безъ солнечнаго сянїя, а миръ освѣщаемъ былъ пожаромъ, и оное бѣдствїе въ погдашнемъ случаѣ нѣкоторымъ образомъ было полезно. Климена проговоривъ все, что въ такомъ нещастїи говорить было пристойно, въ слезахъ и безъ ума, разтерзавъ на себѣ одежду, бѣгала по всему свѣту, спрашивая то о тѣлѣ, то о костяхъ Фаэтонновыхъ. Нашла кости; но въ чужей странѣ при берегахъ погребенныя; повалилась на томъ мѣстѣ, и обливала имя написанное на мраморѣ слезами, обогрѣвала его нагою своею грудью. Не меньше плакали дочери Солнцевы, щещно въ даръ приносили мертвому слезы, и бїя руками въ свою грудь, денно и ноцно вообще повторяли неслышащаго Фаэтона имя, и припадали къ его гробу. Луна четырежды совокупивъ роги исполнила свою окружность: а они по своему обыкновенїю, къ чему они отъ употребленїя привыкли, въ грудь себя бить не преставали: изъ которыхъ старшая Фаеуса желая повалиться на

землю , износила жалобы , что у нея окаменѣли ноги , къ которой старающаяся подойти бѣлая Лампетія удержана была внезапнымъ корнемъ. Третья топясь руками терзаетъ на себѣ волосы , терзала вѣшви ; а прочія жаловались , одна , что ея икры одревенѣли , другая , что ея руки превратились въ длинные суки. Въ семъ удивленіи покрылися ихъ лядвей корою , и постепенно чрезо , грудь , рамена и руки она обѣяла ; и только одни уста призывающія маперь видны были. Что было дѣлать мапери , кромѣ что только ходить туда и сюда , куда ее влекло спремленіе? и доколѣ возможно , ихъ цѣловать. Однако сего было не довольно , она старалась опѣ пней оторвать тѣла ихъ , и опрывала руками суки , а опшуда текли , какъ будто изъ ранъ , кровавыя капли. Пощади , прошу , любезная мать ! каждая уязвленная кричала , пощади , прошу , въ древѣ терзается тѣло наше , и ужè проспи. При послѣднихъ словахъ кора все покрыла. Потекли слѣзы , которыя солнечною теплою превращены въ янтарь , падающъ въ прозрачную рѣку , а она ихъ пріема , отсылаетъ ихъ къ украшенію младыхъ женъ державы Лашинѣ.

При семь позорищѣ былъ Сѣенелеевъ сынъ Кикнѣ , который хотя и былъ матернею сопряженъ съ тобою , Фаепонтѣ , кровію , но духомъ еще болѣе. Сей оставивъ царство свое , ибо онъ Лигурскіе народы и великіе грады правилъ , наполнялъ жалобами зеленые берега , рѣку Ериданъ , и дѣсь умноженныи сестрами ; пошомъ опончалъ его гласъ , власы превратилися въ перья , шея отъ груди протянулась , краснѣющіея персты кожею спряглись , бока обросли перьями , и уста здѣлалися шупымъ носомъ. Спаль Кикнѣ новою пшицею , и не вѣрять себя ни небу ни Юпитеру , памяшуя неправедно пущенный отъ него огонь : вселяется въ пруды и широкія озера , и возненавидѣвъ огонь избираетъ себѣ въ обиталище струи противныя пламенамъ. Между тѣмъ въ черное враще одѣтый Фаепонтовъ родитель , и самъ лишенный своєю красоты , каковъ во время затмѣнія своего обыкновенно бываетъ , возненавидѣлъ свѣтъ , самаго себя и день ; отдался слезамъ , и къ плачу гнѣвъ присовокупивъ оприцаетъ миру свое благопвореніе. Довольно ужѣ , говорилъ онъ , отъ начала вѣка жребій мой безспокоенъ былъ : и жалѣю о содѣланных мною безконеч-

ныхъ и непочтенныхъ трудахъ. Пусть ктонибудь другой возьметъ въ управленіе свѣтоносную колесницу : а еспли никого нѣтъ , и всѣ Боги къ тому признавають недостатокъ силъ своихъ ; пускай управляетъ самъ : чтобы по крайней мѣрѣ хопя во время держанія моихъ возжей опложилъ наводящія опцамъ сиропство молніи. Тогда узнаетъ онъ , испытавъ силу пламеноножныхъ коней , что недостойнъ смерти тотъ , который худо ими правилъ. При сихъ словахъ окружили Солнце всѣ Боги , и просили гласомъ покорнымъ , да не наведетъ пымы миру. И самъ Юпиперъ извинялъ пущенные въ Фаетонта огни , и при прошеніи угрожалъ Царски. Фебъ собираетъ устрашенныхъ и отъ ужаса еще прелещущихъ коней , и свирѣпствуя бѣетъ ихъ , и колетъ : свирѣпствуетъ , обличаетъ сыномъ , и укоряетъ ихъ.

Переводилъ съ Латинскаго Василій Крамаренковъ .

II.

ДЕСИДЕРІЯ ЕРАСМА РОТЕРДАМСКАГО РАЗГОВОРЪ.

ИСКУСТВО УДОБОВРАЗУМЛЯЮЩЕЕ.
ДЕСИДЕРІЙ И ЕРАСМІЙ.

Десид. Велики ли твои, Ерасмій, въ наукахъ успѣхи?

Ерасм. Не весьма велики, какъ мнѣ кажется: они бы больше были, ежели бы я по получить могъ, о чемъ тебя просить буду.

Десид. Все для тебя здѣлаю, лишь бы только было въ твою пользу. Скажи пожалуй, чего ты желаешь.

Ерасм. Я думаю, что нѣтъ ни одной тайной науки, о которой бы ты не зналъ.

Десид. Когда бы это правда была!

Ерасм.

Ерасм. Я слышалъ , что есть нѣкоторое удобовразумляющее искусство, которое подаетъ такіе способы , что человекъ можетъ научиться въ скоромъ времени и безъ дальнаго труда всѣмъ свободнымъ наукамъ.

Десид. Что ты говоришь ? видѣлъ ли ты эту книгу ?

Ерасм. Видѣлъ , да только и всего , что видѣлъ , для того что нѣкому мнѣ было ее истолковать.

Десид. Что въ ней написано ?

Ерасм. Разныя животныхъ изображенія ; драконовъ , львовъ , бабровъ , разные круги , и на нихъ написанныя слова , индѣ по Гречески , индѣ по Латински , а въ иномъ мѣстѣ по Еврейски , и иными варварскими языками.

Десид. Во сколько дней сочинитель въ заглавіи сея книги обѣщаетъ научить помянутымъ наукамъ ?

Ерасм. Съ чепыренадесять.

Десид. Великолѣпное по истиннѣ обѣщаніе ! но знаешь ли хоть одного человека , котораго бы сіе удобовразумляющее искусство здѣлало ученымъ ?

Ерасм. Я никого еще не видалъ.

Десид. Да и никто другой никогда не видалъ , и не увидитъ , развѣ въ то время ,

время , когда Алхиміею кто нибудь обогатился.

Ерасм. Такъ по етому оно ложно ? я бы весьма желалъ , чтобъ оно было истинно.

Десид. Можетъ быть для того , что себѣ не приятно на ученіе столько пошу проливать.

Ерасм. Подлинно такъ.

Десид. Однако такъ угодно всевышнему. Временное сіе богатство , золото , каменіе драгоцѣнное , серебро , палаты , царство дасть онъ иногда лѣнливомъ и недоспойномъ , а истинное богатство , и которое свойственно нашимъ называть можно , благоволилъ онъ , чтобъ мы трудами приобрѣтали. И не надобно намъ того труда за тяжкой почитать , которымъ великую вещь получаемъ , видя премногихъ людей чрезъ ужасныя бѣдствія и безпокойства , съ кровавымъ потомъ спремящихся къ стяжанію вещей временныхъ и подлыхъ , ежели сравнить оныя съ ученіемъ ; хотя они и не всегда получаютъ то , о чемъ пекутся. При томъ труды на ученіе употребляемые имѣютъ въ себѣ много приятности , ежели хотя мало въ ономъ успѣвать стараться. На конецъ по большей части отъ себя самого зависить

виситъ большую половину скуки преодолѣть.

Ерасм. Какимъ образомъ? скажи пожалуйста.

Десид. Сперва надлежитъ тебѣ твердое принять намѣреніе, любишь науки: попомъ оныя почитать съ удивленіемъ.

Ерасм. Да какъ это здѣлать можно?

Десид. Смотри со вниманіемъ, сколь многихъ науки обогатили, сколь многихъ на высокія достоинства и чести возвели: и разсуждай, колікое разнспіе между скопомъ и человѣкомъ.

Ерасм. Наспавленіе твое справедливо.

Десид. Сіе учинивъ долженъ ты изъ ума твоего суровость испреблять, чтобъ онъ пришелъ въ постоянство, и здѣлался любилелемъ того, что приноситъ больше пользы, нежели увеселенія. Ибо что само собою честно, хотя съ начала нѣсколько и скучно покажется, однако привычкою бываетъ приятно: а изъ сего воспослѣдуешь, что и учителю меньше причинитъ труда, и самъ скорѣе поймешь то, чему учишься, по Исократову изреченію, которое золотыми буквами на заглавіи твоей книги написать тебѣ должно: по естъ: *жели будешь любителемъ наукъ, многими вещами можешь научиться.*

Ерасм.

Ерасм. Я скоро перенять могу , да скоро и забываю.

Десид. И такъ твоя память подобна той дирлявой бочкѣ , которую Данаевы дочери въ Плутоновомъ царствѣ всеу наливаютъ.

Ерасм. Хорошо ты угадалъ; да чѣмъ пособить?

Десид. Надобно скважину законопашить , чтобъ сквозь нее не текло.

Ерасм. Чѣмъ?

Десид. Не мохомъ и смолою , но прилѣжаніемъ. Кто одни слова наизусть учитъ , не выразумѣвъ вещи ими изображаемой , тотъ скоро забываетъ. Для того и Омиръ слова называетъ крилатыми , которыя легко улетають , ежели они тягостію вещей не будутъ приведены въ разновѣсіе. И такъ первое спараніе въ томъ полагать должно , чтобъ вещь точно выразумѣшь , потѣмъ часто объ ней разсуждать , и повторять оную ; и къ сему то надобно , какъ я ужѣ прежде говорилъ , приучивать тебѣ твои мысли , чтобъ они , когда нужда потребуешь , могли разсуждая о вещахъ , въ оныя углубляясь по тому , что у кого умъ такъ дикъ и необузданъ , что къ сему приучить его не возможно , то онъ во все къ наукамъ неспособенъ.

Ерасм.

Ерасм. Сколь сіе трудно учинить , довольно я могу видѣть.

Десид. Ибо у кого мысли такъ вѣтренны , и непостоянны , что не могутъ ни о какой вещи терпѣливо разсуждать , такому человекѣ не возможно долге учителя своего слушать , и выученное въ памяти утвердить . На свинцѣ можно что ни будь напечатать , для того что онъ никакого движенія не имѣетъ ; а на водѣ , или на рпути , какъ на вещахъ непрестанное движеніе имѣющихъ , отнюдъ ничего не лзя изобразить . И ежели бы можно тебѣ было мысли свой въ семъ постоянными и непоколебимыми здѣлать , то безъ всякаго дальнаго труда весьма бы много могъ ты выучить , имѣя непрестанное обхожденіе съ учеными людьми , копорыхъ бесѣды исполнены ежедневно вещами знанія достойными .

Ерасм. Такъ по истинѣ .

Десид. Ибо кромѣ рѣчей у собесѣдниковъ , кромѣ ежедневныхъ разговоровъ , слышишь ты , потѣ часъ послѣ обѣда , восемь преизрядныхъ изреченій , избранныхъ изъ самыхъ лучшихъ писателей , столько же послѣ ужина ; теперь сочи , сколько сего будетъ на каждой мѣсяцъ и годъ .

Ерасм. Ужасное вижу число , ежели бы я все сіе помнилъ могъ .

Десид.

Десид. При томъ слыша всегда чистой Латинской языкѣ не лѣзя небѣ не обучишься въ нѣсколько мѣсяцевъ оному, когда по Французски и по Гишпански неграмотныя мальчики въ крацкое время научаются.

Ерасм. Буду слѣдовать совѣту своему, и попыщаюся, можетъ ли мой умъ, подвергшися игу Музъ, дикость опложишь.

Десид. Я другаго удобовразумляющаго искусства не знаю, кромѣ прилѣжанія, любви и неусыпнаго упражненія,
Переводилъ съ Дашинскаго Н. М.

III

ЛУКІАНА

РАЗГОВОРЫ МЕРТВЫХЪ.

ПЕРВЫЙ РАЗГОВОРЪ

ДИОГЕНЬ И ПОЛИДЕВКЪ

Диог. Пожалуй, Полидевкъ, какъ скоро
Пы на шопъ свѣтъ возвращи-
К
ся;

ся; а я думаю, что завтра опять оживешь; то естъ ли гдѣ увидишь Мениппа, прозваннаго Псомъ; а сыщешь его въ Коринѣ въ Кранѣ, или въ Ликѣ, гдѣ онъ Философскимъ спорамъ насмѣхается, пожалуй скажи, что я ему велю, когда онъ на землѣ уже довольно насмѣялся, чтобъ пришелъ къ намъ въ Адъ: онъ сыщеть путь больше достойныхъ посмѣянїя вещей. Тамъ смѣхъ его сомнителенъ для того, что многіе говорятъ: Кто знаетъ совершенно, что будетъ послѣ смерти? А здѣсь подлинно и ни мало не сомнѣваясь, безпрестанно будетъ онъ хахашать, какъ какъ и я, увидѣвъ богатыхъ, вельможъ, и тиранновъ лишенныхъ славы и великолѣпія въ такомъ малодушіи, что изъ однихъ только вздоховъ узнать можно, кто они таковы; сколь немужественны и неблагородны они спановятся, когда вспомянутъ прежнее свое въ жизни состоянїе. Скажи ему все сіе подробно, и вели, чтобъ пришелъ сюда, наполивъ свой мѣшокъ бобами, или пищею Екѣпиною, которую обыкновенно кладутъ на распутїяхъ, или яицаи для очищенїя брошеными, или чѣмъ другимъ.

Полид. Конечно, Діогенъ, я все ему скажу, да по чему я узнать могу Мемиппа? каковъ онъ лицомъ?

Діог. Старъ, плѣшивъ, плащъ на немъ весь въ дырахъ съ заплатами разныхъ цвѣтовъ, которой поднимается, откуда бы вѣтеръ ни вѣялъ; онъ смѣется всегда, и ругается хвасповствомъ Философовъ.

Полид. Очень хорошо: по симъ примѣтамъ я его легко найду.

Діог. Я бы желалъ охотно сказать чрезъ тебя нѣчто и самимъ плѣмъ Философовъ, когда тебѣ угодно.

Полид. Говори, епо мнѣ ни малаго труда не дѣлаетъ.

Діог. Скажи имъ отъ меня, чтобъ они перестали врать, и спорить о существѣ всѣхъ вещей; чтобъ не дѣлали другъ друга быками и крокодилами, и невозможныхъ вещей не поспигали бы своимъ разумомъ.

Полид. Да они скажутъ, что я не ученъ и невѣжа, какъ я начну обличать ихъ премудрость.

Діог. А ты имъ отъ меня не забудь на то отвѣтствовать, чтобъ они со всѣми своими спорами сквозь землю провалились.

Полид. Скажу, Диогенъ, не позабуду.

Диог. Еще, любезный Полидевкъ, прошу тебя, и богатымъ объявить сіи мои слова: Чшо вы, глупцы, такъ суетитесь, и неусыпно богатство ваше сбережете? на чшо сами себя мучите, считая безпрестанно прибыльные съ расту деньги, и тысячи къ тысячамъ собирая? въ скоромъ времени не надобно вамъ будетъ больше ничего, кромъ одного пбнзя, съ которымъ къ намъ придетъ.

Полид. Хорошо, объявляю.

Диог. Красавцовъ и храбрыхъ, наипаче Мегилла Коринейнина и Димоксена Борца пожалуй увбдоми, чшо здбсь у насъ нбпъ ни хорошихъ волосовъ, ни сбрныхъ или черныхъ глазъ, ни краски на лицб, ни шугихъ жилъ, ни крбпкихъ мышцъ; но все въ прахъ обращается, остаются одни косми лишенныя красоты

Полид. Скажу имъ конечно.

Диог. На послбдокъ ббднымъ и убогимъ, которыхъ великое множество, и всб изъ нихъ негодуютъ на свое состояние. и скорбятъ о ббдности, вели моимъ именемъ перестать плакать и рыдывать, рассказавъ напередъ, чшо здбсь у насъ равенство между всбми, и чшо они пришедши къ намъ увидятъ тамошнихъ

жихъ своихъ богачей ничѣмъ себя не лучше. Да и Лакедемонянамъ , твоимъ землякамъ , естли хочешь , здѣлай онѣ меня выговорѣ за то , что они оставивъ прежнюю свою умѣренность , или лучше сказашь , снрогость , впади въ сластолюбіе.

Полид. О Лакедемонянахъ, Діогенъ , не говори ничего худата ; я тебѣ стерпѣть не стану. А что ты мнѣ поручилъ другимъ сказать , то вѣрно исправлю.

Діог. Пускай такъ будетъ естли тебѣ угодно ; Лакедемонянамъ ничего не сказывай , а прочимъ всѣмъ мой рѣчи , не упуская ни одного слова , перескажи.

ВТОРЫЙ РАЗГОВОРЪ. ПЛУТОНЪ, ИЛИ НА МЕНИППА.

Крезъ. Не можно , Плутонъ , стерпѣть сего Мениппа , Пса , который шупъ подлѣ насъ живеть . Мы просимъ всѣ : или его отсюда переведи , или мы другое мѣсто для себя сыщемъ.

Плут. Чѣмъ онѣ васъ обижаеть , будучи мертвъ также какъ и вы.

Крез. Когда мы спонемъ и въздыхаемъ , воспоминая прежнее наше въ жизни состояніе ; Мидѣ о златѣ , Сардана-

плачь о великой роскоши, а я о сокро-
вищахъ своихъ: то онъ все смѣется и
ругаетъ насъ, называя рабами, извер-
гами и другими поносными именами:
иногда всещъ и мѣшаетъ намъ въ на-
шемъ плачѣ: однимъ словомъ, онъ намъ
несносенъ.

Плут. Что, Мениплъ, правду ли на
себя доносятъ?

Менил. Они правду говорятъ, Плу-
тонъ: я ихъ ненавижу, какъ подлыхъ
и пагубныхъ, которыми того недовольтно,
что они незаконно жили на помѣ
свѣтѣ, но и теперь еще здѣсь поминаютъ
жизнь свою, и печалятся, лишившись
оной. Для того я весьма радуюсь, когда
имъ чѣмъ нибудь досадить могу.

Плут. Однако этого не надобно дѣ-
лать: печаль ихъ немала, по тому что
великихъ они благъ лишились.

Менил. И ты, Плутонъ, безумія ихъ
сопричастникомъ быть хочешь, согла-
суясь на ихъ спенаніе?

Плут. Никакъ. Мнѣ только непри-
ятно, когда я вижу между вами раздо-
ры.

Менил. Знайте, незаконнѣйшія Лид-
скія, Фригійскія и Ассирійскія твари,
знайте, что я никогда сего моего предпрі-
ятія не оставлю. Куда вы ни пойдете, я бу-
ду

ду за вами слѣдовать, безпрестанно вамъ досаждаю, припѣваю, и насмѣхаюсь.

Крез. Развѣ епо не явная обида.

Менил. Нѣтъ. То была обида, что вы дѣлали, требуя, чтобъ васъ, какъ боговъ почитали, на всѣхъ неправедно нападая, и не помышляя никогда о смерти. Плачте теперь, и вздыхайте, лишившись всего.

Крез. Правду говоришь, Менипѣ. О Боги! какого лишился я богатства.

Мидь. Сколько золота у меня пропало!

Сарданалалъ. Въ какой я жилъ роскоши! коль несносно потерять такія увеселенія!

Менил. Вотъ теперь хорошо вы дѣлаете! рыдайте такъ всегда, а я повторая часто сіи слова: *Знай себя*, припѣваю вамъ спану. Я думаю, что такимъ спенаніямъ безъ припѣва быть не должно.

ТРЕТІЙ РАЗГОВОРЪ. МЕНИПѣ, АМФИЛОХЪ и ТРОФОНІЙ.

Менил. Не вѣдаю, какимъ образомъ вы двое, Трофоній и Амфилохъ, послѣ смерти удостоились имѣть храмы, и пророчествовать въ нихъ; а суетные люди вѣрятъ объ васъ, что вы боги.

Троф. Винаваты ли мы въ томъ, когда они отъ безумія умершихъ людей въ боговъ превращаютъ?

Менил. Не дѣлали бы они сего никогда, естъли бы вы будучи еще живыми, не припворялись, и не обманывали людей тѣмъ, что вы будущее предвидѣть, и вопрошающимъ васъ пророчествовать можете.

Троф. Менипъ, пускай тебѣ Амфилохъ за себя отвѣтствуетъ, какъ хочешь; а что до меня касается, то я Герой, и пророчествовать могу тѣмъ, которые у меня пребудутъ отвѣща. Знать ты не бывалъ николи въ Левадии, а то бы ты конечно о семъ не сомнѣвался.

Менил. Что ты говоришь? развѣ когда я въ Левадію не пойду, и обязанъ пеленами, смѣшно держа въ рукахъ кусокъ мяса, не влѣзу тѣнымъ тѣмъ отверстіемъ въ пещеру, то не могу и знать, что ты жертвъ, такъ какъ и мы, и различествуешь отъ насъ однимъ только волшебствомъ. Однако заклинаю тебя твоимъ прорицаніемъ, скажи мнѣ, что это такое Герой? я право не вѣдаю.

Троф. Герой есть иѣчто сложенное изъ чловѣка и бога.

Менил. Не по ли ты думаешь, что Герой есть ни человекъ ни богъ, да оба вмѣстѣ? гдѣжь темерь ша твоя половина бога? куда она дѣбалась?

Троф. Въ Вюпті, Менилѣ, она опѣбны даетъ вопрошающимъ.

Менил. Не разумѣю я, Трофоній, что ты говоришь. А что ты весь смертный, то я подлинно вижу.

ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗГОВОРЪ.

ЕРМІЙ И ХАРОНЪ.

Ерм. Разочтемся, перевозчикъ, когда хочешь, сколько ты мнѣ долженъ, чтобъ намъ опять когда ни будь не поссориться.

Хар. Хорошо, Ерміѣ, такимъ образомъ мы лучше раздѣлаемся и съ меньшимъ трудомъ.

Ерм. За якорь далъ я пять драхмъ.

Хар. Очень много, естли ты столько далъ, сколько сказываешь.

Ерм. Кленусь Адомъ, что за пять драхмъ я якорь купилъ, а канатъ за два шеляга.

Хар. Хорошо, опѣбнь пять драхмъ и два шеляга.

Ерм. За парусную иглу пять шеляговъ.

Хар. Приложи къ прежнимъ еще пять шеляговъ.

Ерм. Конопать и смола намазывать нашу лодку, гвозди и веревка, кошо-рую ты къ парусу привязалъ, все спобитъ двѣ драхмы.

Хар. Ето дешево ты купилъ.

Ерм. Возъ весь тебѣ счетъ. Миѣ кажется, что я ничего больше не покупалъ. Когда есть у тебя деньги, то заплаши мнѣ сей должекъ.

Хар. Теперъ я не въ состоянїи уплатить, а естли откуда моровая язва или война пошлютъ къ намъ много мер-твыхъ, въ то время можно будетъ отъ толь великаго числа, что нибудь выбра-рышничать, взявъ лишнее за перевозъ.

Ерм. И такъ я здѣсь сидя стану всякаго зла зетлымъ жителямъ желать для моей прибыли.

Хар. Инако не лъзя и быть, Ермїй; вишь ты видишь, какъ мало къ намъ приходять, для того, что теперъ мирное время.

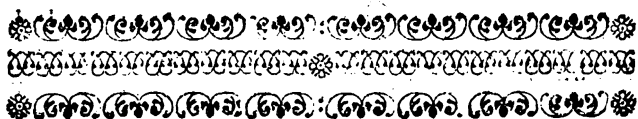
Ерм. Правду говоришь. А въ про-тивномъ случаѣ долго буду я ждать, покамѣстъ ты мнѣ долгъ выплатишь. Въ спарину, Харонъ, самъ знаешь, какъ
къ

жѣ намѣ люди приходили: многіе храбрые и сильныя, всѣ въ крови и въ ранахъ: а теперь очень мало приходитъ, да и то когда кого или сынъ оправою опойтъ, или жена, или кто отъ безмѣрной роскоши съ раздушымъ брюхомъ, и съ преполстыми ногами едва въ Адъ приползетъ: всѣ блѣдны и нѣжны, не похожи ни мало на древнихъ нашихъ пришельцевъ. Большая часть изъ нихъ за деньги пропадаютъ, когда по ихъ обыкновенію другъ друга за оное во гробъ гонятъ.

Хар. Не вѣдаю, Ермій, естьли кто таковъ, кто бы такъ дорогой вещи любить не хотѣлъ.

Ерм. Для того мнѣ кажется, что и я въ томъ никакой погрѣшности не здѣлаю, когда стану нахально отъ тебя требовать, чтобъ ты мнѣ мой долгъ немедленно отдалъ.

Перевелъ съ Греческаго Г. К.

IV. ЕКЛОГИ.

I. КЛАРИСА.

Съ высокїа горы источникъ низлигася ,
И чистымъ хрусталемъ въ долину извиадся .
По бѣлымъ онѣ пескамъ и камышкамъ бѣжалъ .
Брегъ пошожовъ снхѣ кустарникъ украшалъ .
Мидїза нѣкогда съ Кларисой шумѣ гуляла ,
И сѣдши на праву ей тайну обьявляла :
Кустарникъ сей миѣ милъ , она вѣщала ей ,
Онѣ сталъ свидѣтелемъ всей радости моей .
Въ немъ часто Палемонъ скотину напаяетъ ,
И мнѣму въ немъ красу Мидїзину вспѣваетъ .
Здѣсь часто сѣтуетъ онѣ въ сердцѣ жаръ храня .
И жалобы свой приноситъ на меня .
Здѣсь именемъ моимъ все мѣсто полно стало ,
И ехо здѣсь ево стократно повторяло .
О естли бѣ вѣдала ты , какъ я весела :
Я вижу , что ево я сердцу впрямъ мила .
Седнишѣ Палемонъ меня предпочитаетъ ,
Знакъ склонности ея къ себѣ уничтожаетъ .

Миѣ

Миѣ кажется , душа ево ко миѣ вѣрна.
 И ежели шо такѣ , такѣ знать я не дурна.
 Намилсь купаюсь я вѣ день тихія погоды ,
 Нарочно приешально смотрѣла вѣ ясны воды :
 Хошня казался миѣ мой образѣ и пригожѣ ;
 Но знашь , что онѣ вѣ водахѣ еше не такѣ хорошѣ.
 Кладиса ни чево на шо не опивчала ;
 Несмысленна была , любви еше не знала.
 Миллиза , говоритѣ : подѣ ешою горой ,
 Незапно вѣ первый разѣ онѣ свиданся со мной ;
 Онѣ сшедѣ сѣ верховѣ ея сѣ свримѣ блестящимѣ
 спадомѣ ,
 Удержайѣ быдѣ вѣ долу поправившимся взглядомѣ,
 Гдѣ вняшно слушала свирѣлку я его ,
 Не слыща никогда прѣ настука сево ,
 Когда я сидючи вѣ приятной сей долиниѣ ,
 Взирала на мѣсна лежащи вѣ сей нустыниѣ ,
 И величая жизнь пасшучью во умѣ ,
 Дивилась красотамѣ вѣ предеспиной сей-спраиѣ.
 Любовны мысли вѣ умѣ еше миѣ не впадали ,
 Пригожествы сихѣ жилищѣ , мой разумѣ улаждади ,
 И веселилѣ меня пасомый мною скопѣ.
 Не знала иреже я иныхѣ себѣ заботѣ.
 Однако Палемонѣ вложилѣ на сердце камень.
 Почувствовади я влѣянный вѣ жилахѣ пламень ,
 Который день онѣ дня умножился вѣ крови ,
 И учинилѣ меня невольницей любви ;
 Но склонивши своей поднесѣ не открываю ,
 И поцько иынѣ пѣмѣ себя унеселяю ,
 Чшо знаю , шо , чшо я мила ему равно .

Уже бы съ нимъ въ любви открылась я давно ;
 Да только приступить въ открытію спыжуся ,
 А паче отъ него измѣны я боюся .
 Я пишуся , что бѣ пастухъ любилъ меня такой ,
 Кошорый бѣ не на часъ , на цѣлый вѣкъ былъ мой .
 Кто жѣ подлинно меня Клариса въ томъ увѣритъ ,
 Что будешь онъ мой вѣкъ ? шеперь не лицемѣритъ ,
 Всѣмъ сердцемъ покореиъ ставъ зраку моему ,
 Но можетъ быть склонясь прискучуся ему .
 Довольно видѣла примѣровъ я подобныхъ :
 Какъ Волки изловя когда Овецъ беззлобныхъ ,
 Терзаяиъ ихъ когда изъ паства унесутъ ,
 Такъ часто пастухи сердца пастушекъ рвутъ .
 Богиней паствѣ тебѣ Миліза я кленуся ,
 Что я по смерть свою къ тебѣ не премѣнюся ,
 Пастухъ передъ нее представши говорилъ ,
 Колико онъ тогда пастушку удивилъ !
 Ей мнилось , что кустъ въ него обратился ,
 Иль онъ изъ облака передъ нее свалился .
 А онъ сокрывшия межъ частыхъ тумъ кустовъ ,
 Былъ всѣхъ свидѣтелемъ ея любовныхъ словъ .
 Она со препетомъ и въ мысли возмущенной ,
 Вскочила съ муравы долины наводненной ,
 И къ жителямъ роцъ , къ прелестницамъ
 Сашірѣ ,
 Когда препархивалъ вокругъ ея Зефиръ ,
 И быстрая вода въ источникъ журчала ,
 Прискорбнымъ голосомъ вздыхакчи вѣчала :
 Богини здѣшнихъ паствѣ , о Нимфы роцей снхъ ,
 Спуйте за дѣла бѣжа жилищъ своихъ !

Зэфирѣ , когда ты здѣсь вокругъ меня летаешь ,
 Миѣ кажется , что ты меня пересмѣхаешь ,
 Лени опселаѣ прочь , оставь мѣспѣ сѣи ,
 Спокой журчащія въ источникѣ спруи ,
 Чтобъ я осмѣдилась то молвишь , что миѣ должно ;
 Открывшися уже тайписья не возможно !
 Скончалась на брегахъ сихъ горестъ пастуха ;
 Любезная ево преспала бытъ лиха.
 Стокрашно шумѣ они другъ другу присягають ,
 И поцалуями тѣ кляпвы ушверждаютъ .
 Клариса видя то стыдисья началъ ,
 И зря что шумѣ она не надобна была ,
 Ихъ шюющимъ сердцамъ не дѣлаеть помѣхи ,
 Ошходилѣ ; но чтобъ зрѣтъ любовничьи утѣхи ,
 Скрывається въ кустахъ сплетенныхъ и густыхъ ,
 Внимаеть милый взглядъ , и разговоры ихъ .
 Какое множество прелесныхъ видипѣ взоровъ !
 Какую слышишь шьму приятныхъ разговоровъ !
 Спорѣ , шутка , смѣхъ , игра , все шумѣ ихъ ве-
 селишь ,
 Все шумѣ , что жило имъ , и свѣтъ отъ нихъ
 забышь ,
 Несмысленна ихъ зря Клариса изумѣлась ,
 Ожглась ихъ видючи , и кровь ее зашлаблась .
 Ошходитъ скопѣ пасты , но тѣхъ часовъ ужъ нѣтъ .
 Какъ кровь была хладна любовью сѣ ума неидеть .
 Лугъ покрыла ночь : пастушкѣ ужъ не спится ,
 Затворитъ лишъ глазъ : Ей тоже все и снится .
 Лишается со всѣмъ рабаческихъ забавъ ,
 И премѣляется пастушкинѣ прежній нравъ .

Подружнина любовь Кларису заражаетъ ;
Клариса днѣи чрезъ пянь Милызѣ подражаетъ.

А. С.

*

*

*

II.

Тирсисъ.

Годъ цѣлый Тирсисъ былъ съ Ифизою въ разукѣ,
Годъ цѣлый онъ вздыкалъ , и жилъ въ и сносной
скужѣ.

Въ деревнѣ , жалостно воспоминалъ снадѣ ,

И о любовницѣ онъ плакалъ иногда.

Ифиза у овецъ своихъ въ лугахъ осталась ,

И поминаясь ему , какъ съ нимъ она прощадась ,

Какъ въ щепливыя дни ихъ радости шеканъ ,

И какъ неселосни спокойнѣе влекли.

Ни что ихъ памѣ ихъ тогда не разрушало ,

Что было надобно , все съ ними пребывало

Кончашъ солнце кружъ , Весна въ луга идѣтъ ,

Увеселяешъ пварь , и обновляешъ свѣтъ.

Сокрылся сѣтъ , трава изъ паѣна выстунаешъ ,

Испочинки журчатъ , и жавронокъ всѣбашѣтъ.

Приблизидися шѣ дражайшія часы ,

Чяобѣ видѣшь Пашуху Пашушкиныя красы.

Къ желзной многы дни свѣнящаго сирадѣ ,

Овецъ нарекъ оная бытъ Тирсней при снадѣ.

Все паштво на умѣ и милый взоръ очей ,

Все мыслишъ , какъ оная увидишся онъ съ ней.

День

День счастья наснаеиѣ, и скуку скончаеиѣ,
 Ошходииѣ Тирсисѣ въ луѣ, и къ счастью поспѣ-
 щаеиѣ.
 Во весь шелѣ день, пришелѣ, зривѣ ясную луу,
 Свѣтло дневное сошло во глубинѣ.
 Но ясныя почы тоя ему начало,
 Знакому разсмотрѣиѣ пуспыню не мѣщало,
 Повсюду мечетѣ взорѣ, на все съ весельемѣ зривѣ,
 И пронка Тирсиса шумѣ много веселииѣ.
 Вотѣ роца, гдѣ моя любезная гуляетѣ,
 Вотѣ рѣчка. гдѣ она свой образѣ уываетѣ.
 Подѣ древомѣ тамо съ ней я иѣкогда сидѣлѣ,
 Съ высокой сей горы въ долины съ ней гладѣлѣ.
 Въ пещерѣ сей она въ полудни отдыжала,
 И часто и меня съ собой шуда зывала,
 Гдѣ лежа на ея колѣняхѣ я лежалѣ,
 И руки мягкѣя въ рукахѣ своихѣ держалѣ.
 Сей мыслию свой духѣ въ пуспыниѣ онѣ питаетѣ,
 И сердце иѣжное надеждою напаяетѣ.
 Приходитѣ на конецѣ ко стаду онѣ тому,
 Которо онѣ ошца поручено ему.
 Собаки прежняго хозяина узнали,
 И лаская къ нему во кругѣ ево играли.
 Исполнилося шѣ хотѣнѣе ево,
 Чшо бытъ ему въ мѣстахѣ желанѣя своего,
 Но Тирсисова мысль и шумѣ еиѣ мутиласъ:
 Ну естли, мыслиѣ онѣ, Ифиза бшмѣнилася,
 И новы радости имѣя въ сей странѣ,
 Въ невѣрности своей не помнитѣ обо мнѣ!
 Я знаю, что меня она не ненавидитѣ.

Но чая, что уже здѣсь болѣе не увидитѣ,
 Ахъ! можетѣ быть она другаго избрала,
 И для того уже мнѣ суебно мила.
 Сѣ нетерпѣливостью узрѣшь ее желаетѣ;
 Но ночь, къ свиданію сво не допускаетѣ,
 Которая ему заспуши не дала;
 Ифѣза во всю ночь въ умѣ сво была.
 Какѣ радостно ево надежда улаждала,
 Такѣ шажко мысль при томѣ сумнѣннѣ терзала,
 Глазѣ не жмуряся, что дѣлать, востаетѣ;
 Но солнце на лугѣ изѣ волиѣ морскихѣ нейдетѣ.
 Какѣ ночи долгаго ему ни досаждаетѣ,
 Оно обычнаго пуши не прѣмѣняетѣ.
 Восходитѣ по горамѣ Аврора на концѣ,
 И гоняшѣ паспухи въ лугѣ своихѣ овецѣ.
 Всѣхѣ Тѣрсисѣ зрѣшѣ, не зрѣшѣ Ифѣзы оубъ единой
 Не знаетѣ, что ему причетѣ тому причиной:
 Гдѣ дѣлаласѣ, говоритѣ Ифѣза? знать взяша
 Опселѣ ужѣ ея въ деревню красота!
 Мы разныхѣ деревень, и жить сѣ ней будемѣ розно,
 Почно на паство я пущенѣ оныи такѣ позно!
 Уже меня весна не станетѣ улаждать,
 Вездѣ и завсегда я спану въздыхатѣ.
 Коль здѣсь Ифѣзы нѣшѣ; уйду въ лѣсѣ дремучи.
 Наполню стономѣ ихѣ, слезѣ горькихѣ пока льючи,
 Лишенѣ людей сѣ звѣрми я тамо буду жить,
 И жалобы горамѣ въ пустыняхѣ приносѣ.
 Но вскорѣ и она овецѣ прѣпровождаетѣ,
 Идетѣ послѣдняя, о Тѣрсирѣ въздыхаетѣ.
 Когда свою паспухѣ любовницу узрѣлѣ,

Съ веселья вымолвить ей слова не умѣлъ,
 А ей чувствительнай еще та радость стала,
 Она увидѣла, чево не ожидала.
 Не вспомнилась она, и плача говоритъ:
 Не въ сновидѣнїи ль здѣсь Тїрсисъ предстоитъ;
 Я зрю мечпанїе, и сердцу лицембрю;
 Нѣтъ, вижу истинну, но ей почти не вѣрю.
 Я въ явѣ предъ побой, любовникъ ей вѣщаль,
 И съ тою жъ вѣрностью, какъ духъ тебѣ вручалъ.
 Я мышлю, что и я не въ суетной надеждѣ.
 Такойъ ли милъ теперь тебѣ, какъ былъ я прежде?
 Ифїза говоритъ: разставшия съ тобой,
 Я думала, что я распалася съ душой.
 Тѣхъ мѣствъ, гдѣ я часы съ тобою провождала,
 Ни разу безъ тебя безъ слезъ не посѣщала:
 Съ тоской встрѣчала день, съ тоской встрѣчала
 ночь;
 Мысль грустна ни на часъ не отступала прочь.
 Въ разлучно время я ничемъ не утѣщалась,
 Цвѣтами никогда съ тѣхъ дней не украшалась.
 И можетъ ли по быть чинобъ спалъ пы меньше
 милъ;
 Тебя хоть не было, твоей духъ со мною жилъ.
 Ты въ сердцѣ обиталъ моему нескладно,
 И было мной лице твое повсюду зримо;
 Но ахъ! не къ щастїю, но къ горести своей,
 Въ то время я была любовницей твоей.
 О радостны часы! о время дорогое!
 Я буду жить опять въ сладчайшемъ здѣсь покоѣ?
 Приди возлюбленный, скончавъ прелюты дни,
 А 2 КБ

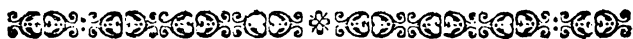
Къ симъ соснамъ, гдѣ съ тобой бывали мы одни.
 Тамъ рѣчь моя ни къмъ не будетъ разрушена,
 Здѣсь долго не могу я бытьъ уединена,
 Приди ты на вечеръ, какъ прежде приходилъ.
 Я мнѣю, что ты сихъ мѣсѣвъ еще не позабылъ.
 Ты много въ нихъ имѣлъ Ифѣзина приятства:
 Но будешь ихъ имѣть и нынѣ безъ преняшства.
 Съ какою радостью по семъ сердца ихъ ждуть,
 Всѣ трусли окончавъ дражайшихъ пѣхъ минутъ!

А. С.

*

*

*

V.

Р Ѣ Ч Ъ XVIII.

ИЗЪ ВТОРЫЯ ЧАСТИ СМОТРИТЕЛЯ.

Послѣднее мое размышленіе привело
 меня нечувствительнымъ образомъ къ
 изслѣдованію о безсмертіи души, къ та-
 кому разсужденію, въ которомъ я всегда
 увеселеніе нахожу. Вчерашняго дня вос-
 поминая разныя доказательства, копо-
 рья мы имѣемъ о семъ великомъ изслѣ-
 дованіи

дованіи почипаемомъ основаніемъ нраво-
ученія, и источникомъ всѣхъ великолѣп-
ныхъ надеждъ, и тайныхъ увеселеній
могущихъ раждаться въ умѣ разумной
швари, удалился я въ роши ошъ моево
друга; гдѣ я одинъ гулялъ. Какъ то
ни есть, а мнѣ казалось, что всѣ наши
до сего касающіяся доказательства мо-
гутъ распредѣлишься подѣ сими тремя
главами.

I. Нѣкоторыя доказательства про-
изводятся изъ самаго естества души, а
паче всево изъ ея невещественности,
которая; не будучи со всѣмъ потребна
къ пославленію ея безсмертною, дове-
дена, естли я не обманываюсь, почти
до непреоборимаго довода, или до пакѣва
довода, которому въ утвержденіи малаго
чего не достаешь.

II. Другія берутся изъ ея страстей
и чувствій внутреннихъ: на примѣръ изъ
любви; которую она имѣеть къ своему
существованію; изъ отвращенія; ко-
торое показываетъ она къ приведенію
себя въ небытіе, изъ надежды безмер-
тія; которою она питается; изъ там-
наго удовольствія, которое она нахо-
дитъ въ упражненіи добродѣтели, и изъ
беспокойствія, которое приобщается къ
ней въ самое то время, когда она въ без-
законіе впадетъ.

III. Третьи основаны на естествѣ всевысочайшаго существа, котораго право судіе, милосердіе, премудрость и справедливость спремѣются всѣ къ установленію сего главнаго положенія.

Но между всѣми сими доказательствами о безсмертіи души есть одно, которае можно извлечь изъ ея всегдашнихъ въ совершенствѣ успѣховъ, котораго она никогда достигнуть не можетъ; сіе есть доводъ, которому никто изъ писателей о безсмертіи души никогда не прикасался, по крайней мѣрѣ сколько мнѣ извѣстно, хотя мнѣ онъ кажется и весьма сильнымъ. Кто можетъ себѣ вообразить? чтобъ душа могущая въ себѣ столько имѣть совершенствъ, и простирается безконечно въ добродѣтели и познаніи, въ то самое почти время, какъ она создана, могла въ небытіе превратиться? Или ея свойства ей даны безъ всякаго намѣренія? и никакова ли они дѣисствія не имѣютъ? Дикій звѣрь приходитъ къ нѣкоторой степени совершенства, которой онъ перейти не можетъ; въ весьма немногія годы онъ всѣ тѣ качества имѣетъ, которыя онъ имѣть можетъ; и положимъ, что хотя бы онъ миліонъ лѣтъ еще больше жилъ, такъ

такъ былъ бы онъ всегда почти то же, что нынѣ. Если бы человѣческая душа такъ же ограничена была въ своихъ успѣхахъ, если бы ея силы достигали до совершенства, и далѣе котораго про-
спираться имъ никакъ бы не можно было; такъ бы я подумалъ, что она могла бы часъ отъ часу умалаясь, и вдругъ въни-
что обратиться. Но вѣроятно ли сіе, чтобъ мыслящее существо, пворящее по всякой день новыя успѣхи, и возносящееся отъ совершенства къ совершенству, возведъ очи на созданіе своего Создателя, и увидѣвъ нѣкоторыя знаки его безконечной премудрости, его милосердія, его всемогущества, вдругъ потасло въ началъ своего бытія и своихъ извѣскиваній?

Человѣкъ въ его естественномъ состояніи кажется быть посланъ во свѣтъ только для произведенія себѣ подобныхъ, Онъ снабждается приемникомъ, и въ томъ же часѣ почти обратно отходитъ оставляя ему свое мѣсто; употребленіе имѣнія, говоритъ Гораций, не можетъ быть вѣчно; наследникъ слѣдуетъ за другимъ наследникомъ, такъ какъ валъ бѣжитъ за предъидущимъ ему валомъ.

По сему не можно бы было сказать, что человѣкъ рожденъ на свѣтъ для наслажденія жизни, но только для сооб-

щенія ея другимъ ; сіе не будетъ удивительно въ разсужденіи для нашей пользы сотворенныхъ и въ малое время окончающихъ теченіе своей жизни пварей. Шелковой червь по скончаніи своего урока и по содѣланіи себѣ гроба становится бабочкой , кладетъ яйца , и умираетъ. Но человекъ никогда не доходитъ желаннаго ему степеніи познанія, ниже имѣетъ время свойспрасти побѣдиль , душу свою утвердити въ добродѣтели , ни достигать совершенства своего естества , и съ театра свѣта отходить. Хотѣло ли бы безконечно премудрое существо содѣлать пакія прецзящныя пвари съ такимъ низкимъ намѣреніемъ ? угодило ли бы ему было произвестъ разумѣнія на такое краткое время ? на по ли оно намъ таланты дало , или бы только ихъ погребать ? и вселило ли бы оно въ насъ столько простирающіяся желанія , которыя удовольствованіе не возможно ? Гдѣ найдемъ мы въ созиданіи человека ту удивительную премудрость , которая во всѣхъ ево дѣлахъ сіяетъ , ежели сей свѣтъ не будетъ никакимъ училищемъ для другой жизни , и ежели различныхъ родовъ разумныхъ пвари слѣдующія съ такою скоростію одна за другою должны только на семъ свѣтѣ получить первыя понятія , ихъ бы-

бытія, а послѣ не будутъ преселены въ другое блаженнѣйшее мѣсто, чтобъ тамъ наслаждаться преславною и безконечною жизнью.

Я не думаю, чтобъ вѣра намъ могла приятивѣшя и способнѣшя дать мысли къ побѣжденію всего, какъ сіи всегдашнія успѣхи ищущія души естество свое привести въ совершенство, до котораго она никогда не доходитъ! Есть ли чтонибудь, что бы такъ удивительно во всемъ согласовалось съ симъ высокобріемъ сроднымъ человѣческому разуму кромѣ воображенія сего, что онъ въ каждый день будетъ восходить на новую степень силы, добродѣтели, познанія и славы во всю вѣчность? Что я говорю? сіе позорище конечно приято будетъ очамъ Божиимъ съ удовольствіемъ взирающимъ на то, что ево твари, день отъ дня болѣе украшаются, и часъ отъ часу къ его подобію приближаются.

Единое о успѣхѣ души разсужденіе, которое имущій предѣлы разумъ въ соспояніи учинить, довольно къ погашенію всякой зависти въ существахъ нижнія степени и къ пресѣченію всякаго презрѣнія въ существахъ вышнія степени. Сей херувимъ, который кажется теперь думѣй человеческой божествомъ, небезъизвѣ-

стень , что придетъ время, въ которое
 сія душа будетъ такъ же совершенна ,
 какъ теперь онъ самъ , и что по проше-
 ствіи другой части времени она увидитъ
 себя толико выше сея новыя степени
 совершенства, коль увидитъ она себя ны-
 нѣ ниже оныя. Правда , что вышшее
 существо простирается всегда съ своей
 стороны, и что симъ образомъ сохраня-
 етъ оно высоту своего чина въ восхожде-
 ніи по лѣствицѣ существъ ; но не взи-
 рая на свое возвышеніе знаетъ оно, что
 нижшее существо взойдетъ на конецъ
 на ту же степень славы, на которую оно
 дѣйствительно возшло. Съ какимъ удивле-
 ніемъ и съ какимъ почтеніемъ должны
 мы взирать на души наши, въ которыхъ
 находимъ мы толь драгоценныя сокро-
 вища добродѣтели и познанія , толь
 изобильныя и неизчерпаемыя источники
 совершенства. Мы еще не знаемъ , что
 мы будемъ, и разумъ человѣческой никогда
 не постигнетъ славы, которая всегда ему
 приурочена будетъ. Душа разсужда-
 ема преносительно къ ея Создателю по-
 добна математическимъ линіямъ одна къ
 одной безконечно приближающимся , и
 никогда другъ другу коснуться немогу-
 щимъ. Можно ли вообразить себѣ мы-
 сли увеселительныя представляющихъ
 насъ

насѣ самихъ въ непрестанныхъ приближеніяхъ къ сему великому Царю , копорый не только есть образъ совершенства , но и блаженства основаніе .

Переводилъ съ Французскаго перевода Иванъ Дмипревской .

VI.

С О Н Е Т Ъ .

ИЗЪ СЕЯ ГРЕЧЕСКІЯ РѢЧИ :

Στέφαι τιμώντας αὐτὴν ἀρετῆν .

то есть :

ДОБРОДѢТЕЛЬ ПОЧИТАЮЩИХЪ ВѢНЧАЕТЪ .

ЖЕ Власть челоѡкъ блаженства непреложно .
Сему высокій чинъ , и сила тѣмъ , и честь ;
Тотъ щастія себѣ въ богатствѣ чая ложно ,
Приумножаетъ все , обиліе что есть :

Роскошествуя иной сластями , сколько можно ,
Не видяжъ , ослѣпленъ , какая въ оныхъ лещъ ,
Благополучна мнитъ себя неосторожно ;
И ихъ на всякой часъ стремится выше взнестъ .

Ахъ чувствуешь онъ самъ, пшмы цѣлы недостатка,
И множество свое зришь малымъ безъ придашка ;
Хотя достигъ конца ; но милъ едва уснѣхъ :

Иль щещно далъ ему хотѣнїя солѣнель ?
Осмершный ! умудрись : безмѣрность каждая грѣхъ,
А средство всѣхъ довольствѣ одна добродѣель.
Василїи Тредіаковскїи,

VII.

П Р И Т Ч А .

Т Е Р П Ъ Н І Е .

Терпѣнїе хорошо , объ этомъ я не спорю ;
Нравоучителенъ ни съ кѣмъ я смѣ не ссору .

Но мѣра есть во всемъ ,

Подобно пакъ и въ немъ .

Былъ нѣкакой скупой , пль былъ домостроишель ,
И за расходами подробный былъ смонришель :

Имѣлъ онъ лошаля иль коня ,

Какою шерстьсю , по едино для меня .

Буланая ль была , гнѣдая иль иная ,

Пусть лошадь будепѣ вороная .

Случилось цѣлой день козянну не ѣшь ,

И было по ему не очень шажко спесшь .

Умняе ,

Умняе , мыслишь онѣ , я спадѣ поживѣ подолѣ:
 Хопѣ лошадѣ я своѣ , сказаѣ онѣ , и любяю ,
 Но сѣна и овса я много шѣмѣ гублю ;
 Ни сѣна ни овса не дамѣ коню я болѣ ,
 А дѣпомѣ я пушу гулять лошадку вѣ поле :
 Я цѣлой день не вѣѣ , однако я вишь живѣ ,
 Пробывѣ безѣ корму лѣзя , мой вымыселѣ не дживѣ ,
 Терпѣныѣ никогда не сокращаетѣ вѣка ,

А лошадѣ крѣиче человекѣ.

Поспитѣся лошадѣ день : живаль она ? жива .
 Збылѣся , говоритѣ , збылѣсь мой словѣ ,
 Изряденѣ опышѣ мой , изрядна и догадка .
 Еще испитѣся день : жива ль моя лошадка ?

Жива : я вѣдалѣ то ;

И кормѣ терять на что ?

Поспитѣся день еще : хозяинѣ шѣмѣ доволенѣ .
 Скажише : живѣ ли конѣ ? конѣ , живѣ да только боленѣ .
 Не можно , говоритѣ , животному напишь ,
 Которо бы могло безѣ скорби обойтѣсь .

Поспитѣся день еще : легла лошадка вѣ стойлѣ ,
 Не мыслитѣ болѣе о кормѣ , ни о пойлѣ .

Скажише : живѣ ли конѣ ? конѣ живѣ , но чуть дышитѣ .
 Не всяка , говоритѣ , скорбѣ жизни насѣ лишитѣ ,

Конечно по припадкѣ ,

Холодной лихорадки .

Поспитѣся , день еще , и покидаетѣ свѣтѣ .

Скажише : живѣ ли конѣ ? коня ужѣ больше нѣшѣ .

Хозяинѣ закричалѣ , конюшему прегрозно :

Дай корму шы коню : шеперь сударѣ ужѣ позна .

А . С .

VIII .

VIII.

Е Л Е Г И И.

I.

Стени ты духъ во мнѣ! спени изнемогая?
Ужъ нѣтъ тебя, ужъ нѣтъ, Елиза дарагая.
Во младости тебя изъ свѣта рокъ унесъ,
Тебя ужъ больше нѣтъ. О день горчайшихъ слезъ!
Твоею мысль моя мнѣ смертью не грозила.
О злая вѣдомость! ты вдругъ меня сразила:
Твой рокъ судилъ тебѣ въ цвѣтущихъ дняхъ умереть,
А мой сказать прости, и въ вѣкъ тебя не зрѣть.
Какъ я Московскихъ стѣнъ спѣша къ Невѣ лишаюся,
Я плакалъ о тебѣ, однако утѣшался,
И жалость умѣрялъ я мысленно судьбой,
Что въ когда нибудь увижуся съ тобой.
Не совершилось то, ты грудь мою разшибла.
О сладкая моя надежда! ты погибла.
Какъ мы прощались, не думали тогда,
Что зрѣть не будемъ мы другъ друга никогда;
Но жизнь твоя съ моей надеждою протчалась.
О мой несчастный вѣкъ! Елиза ты скончалась.
Оставила

Оставила ты всѣхъ , оставила меня ,
 Любовь мою къ себѣ въ мученье прѣмѣня.
 Безъ утѣшенія я рвуся и рыдаю ;
 Но знашь не будешь ты во вѣкъ , какъ я спрадаю .
 Смертельно мысль моя тобой огорчена ;
 Елиза ты со мной на вѣкъ разлучена .
 Когда къ другой отсель ты жизни прелетаешь ,
 Почто ужè въ моей ты мысли обитаешь ,
 И представляешь смятенному уму ,
 Къ неизреченному мученью моему ?
 Чувствительно въ мое ты сердце положена ,
 И живо въ памяти моей изображена :
 Я слышу голосъ твой , и зрю пивую я шбнѣ .
 О люшая напасть ! презлоподлучный день !
 О слухъ ! противный слухъ ! извѣстїе ужасно !
 Прогнися ; ахъ ! но но и подлинно и ясно .
 Крѣпись моя душа ! стремися по снеси !
 Елиза , навсегда , любезная просни !

А. С.

* * *

*

II.

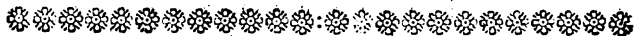
О ты , которая всегда меня любила ,
 А нынѣ навсегда со всѣми ужè забыла !
 Ты миѣ еще мила , мила въ моихъ глазахъ ,
 А я ужв безъ тебя въ стѣнахъ и слезахъ .

Хожу

Хожу безъ памяти , не знаю что спокойствю
 Все плачу и грущу ; мсей по жизни свойство .
 Какъ я съ тобою былъ , приятель былъ потъ часъ ;
 Но то скончался , и скрылося отъ насъ .
 Однако я люблю , люблю тебя сердечно ,
 И буду я любитьъ тебя всѣмъ сердцемъ вѣчно ,
 Хотя и разсаялся я любезная съ тобой ,
 Хотя не вижу я тебя передъ собой .
 Увы , за что , за что столько я несчастенъ !
 Зачто любезная твоею такъ я спрасненъ !
 Всево ты рокъ лишилъ , ты отнялъ все злой рокъ ,
 Въ вѣкъ буду я стонать , когда ты такъ жестокъ ,
 И послѣ моего съ любезной разлученья ,
 Не буду провождать минуты безъ мученья

Каширина Сумарокова.

О г л а в л е н і е .

стран.

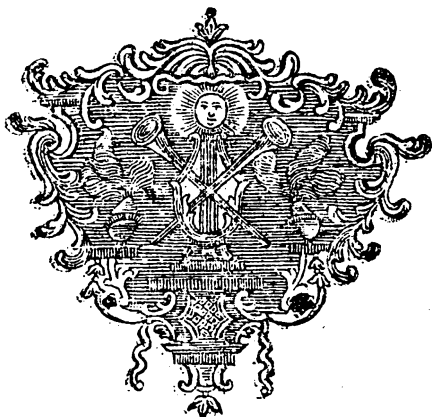
I. баснь о Фаэтонѣ изъ Овидіевыхъ пре- вращеній. - - - - -	131
II. Десидерія Ерасма Роттердамскаго раз- говоръ. - - - - -	155
III. Лукіановы разговоры мертвыхъ. -	161
IV. Еклоги. - - - - -	172
V. рѣчь изъ второя части смотрителя. -	180
VI. Сонетъ. - - - - -	187
VII. Припча , терпѣніе. - - - - -	188
VIII. Благія - - - - -	190

ТРУДОЛЮБИВАЯ
ПЧЕЛА.

Апрѣль 1759 года.

ВТОРЫМЪ ТИСЧЕНІЕМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ
1780 года.

I.

О П Ы Т Ъ.

Н Ъ М Е Ц К А Г О С Л О В А Р Я,

расположеннаго

По рускому Алфавишу.

Переведено

изъ Сатирическихъ сочиненій

ГОТЛИБА ВИЛЬГЕЛЬМА РАБЕНЕРА.

Нѣкоторыя ученія изъ насъ такъ смѣлы, что отваживаются болѣе не стыдиться ихъ Нѣмецкаго природнаго языка: Такъ я въ томъ отвѣтствованъ могу, что я предпріялъ симъ олышомъ здѣласть расположеніе къ совершенному Нѣмецкому Словарю.

Я нашель, что многія Нѣмецкія слова такъ несходны, что часто томъ, которой ихъ употребляетъ, нѣчто другое думаетъ, а не то, что бы думать ему надлежало, и томъ, которой ихъ слушаетъ, когда онъ не со всѣмъ

обмануться , такъ легко заблудиться можетъ. По сему необходимо надобно , чтобъ ученія соединенными силами шарались , истинныя знаменованія словъ твердо положить.

Полюза, которую мы въ общей жизни изъ того имѣшь будемъ, неизреченна. Мы будемъ лучше другъ друга разумѣть, и съ совершенною достоверностію всѣ двоякія знаменованія исчезнутъ, и иной, котораго нынѣ суетно доспыхвальнымъ меценатомъ назвали, впредь услышитъ, что онъ глупая голова.

Я прошу моихъ единомысльцевъ о вспоможеніи къ словарю. Для меня одного сіе дѣло весьма велико и важно : можетъ бышь я простосердеченъ, что я сіе признаніе о себѣ самомъ дѣлаю. У пѣхъ, которыя думаютъ, что тотъ еще не совершенно ученый, кто не менѣе шести книгъ въ поллиста изданъ могъ ; у сихъ приду я своею скромностію въ худое почтеніе ; но бышь такъ. Ежели только словарь мой къ совершенству придетъ, такъ сіе тогда объявится, могутъ ли называться сіи рачительныя твари впредь учеными, не дѣлая языку насилія.

О расположеніи сего Словаря не для чего мнѣ болѣе упоминашь ; изъ пѣхъ
опы-

опытовъ, которые я объ ономъ выдаю, можно все намѣреніе яснѣе увидѣть. Я въ немъ больше желаю нежели грамматическаго исполкованія, пускай, коли хотятъ, назовутъ его полнымъ словаремъ, я тѣмъ доволенъ. Ежели подумають, что я при нѣкоторыхъ снапьяхъ былъ нѣсколько обширенъ, и вывелъ такія вещи, которыя намѣреніе и предѣлы Словаря переходятъ; такъ лучше хочу я сіе нареканіе терпѣть, нежели что вычернить.

Я сто въ Белѣ покажу снапей, гдѣ ясно видно, что шило ради примѣчанія шамъ поставлено, однако жъ все онъ Белевъ Словарь.

Болѣе ничего я не имѣю напомянуть, какъ только то, что я мое намѣреніе ученымъ еще болѣе препоручаю, дабы тѣмъ могъ я сіе важное дѣло ихъ вспомоществованіемъ, какъ скоро только возможно, къ совершенству привести.

В Ъ Ч Н О

Есть такое слово, которое каждой по своему благоволенію такъ употребляетъ, какъ онъ ево по своимъ обстоятельствамъ потребнѣе приемлетъ.

Клясъя вѣчною вѣрностію обыкновенно слышно у новозговоренныхъ за чешыре недѣли до свадьбы. Однако сія

вѣчность продолжается обыкновенно не болѣе, какъ ежели гораздо много чешырежъ недѣли. И прошедшей осенью зналъ я молодого женатаго, котораго вѣчная вѣрность продолжалась не вступно двадцать чешыре часа.

Вѣчно любить еще и того минуется скоряе, и свойственно естъ только стихотворческая фигура. Иногда бываетъ оное еще между несочетавающимися особами, и сіе зависитъ много отъ женщины, сколь долго такая любовная вѣчность продолжаться будетъ. Ибо говорятъ, будто естъ примѣры, что такая любовная вѣчность вдругъ упушается, какъ скоро только женщина перестанетъ бытъ упорною, и вѣчную любовь взаимственно ощущать начнетъ.

Какъ сіе съ любовію бываетъ, такъ часто тожъ дѣлается и съ дружбою. Я помню, что я нѣкогда въ бесѣдѣ, гдѣ очень много пишо, въ одинъ вечеръ три вѣчныя дружбы пережилъ. Такая вѣчная дружба ежели очень долго пребываетъ, такъ только до того времени, покаместъ хмель, которой тому причиною; ибо *Cessante causa, cessat effectus*.

Вѣчной миръ заключить, естъ Галлицизмъ, а значитъ во Французскомъ языкѣ столько, какъ у насъ перемиріе, и однимъ

и однимъ словомъ, миръ, который не долбе продолжается какъ до тѣхъ поръ, пока мѣстѣ видима въ немъ собственная польза.

Здѣлаться вѣчнымъ, есть между нѣкоторыми учеными нѣкакое движеніе правой руки, съ лѣвой на правую сторону, которое безъ дѣйствія души и разума нѣчто пишеть на бѣлой бумагѣ, и опдаеть оное въ печать. И такъ ключи къ вѣчности имѣеть Наборщикъ, а они состоятъ въ нѣкакихъ свинцовыхъ липерахъ, которыя черною краскою намазываются, и на бѣлой бумагѣ печатаются.

Къ вѣчности спремиться : смотри безсмертіе : состоить въ нѣкакой болѣзни, которая не только самому болящему, но и другимъ пятосна. Обыкновенно схватываетъ она молодыхъ людей, и съ лѣтами пропадаетъ; однако случается иногда, что и старые люди оною одержимы бываютъ, и тогда оная болѣзнь не только имъ опасна, но и всѣмъ тѣмъ весьма несносна, которые отъ такога болящаго отступить не могутъ. Сильныя и оспрыя средства противу оной неполезны, ибо тогда пароксизмъ сильнае и жесточе спановитса, и въ ней таковыя болящія очень много

схожи на сѣ ума спешшихъ людей, ко-
 торымъ нельзя прошивурѣчить, не вос-
 налая еще болѣе ихъ испорченнаго мозга.
 А лучший прошивъ сего способъ есть та-
 кой: чтобъ когда симъ недугомъ одер-
 жимой человекъ въ бесѣдахъ челове-
 ческихъ покажется, не взирая на ве-
 ликой шумъ, которой бываетъ въ сей
 болѣзни отъ него, не показывать, что
 его примѣчаешь, и будто ничего не
 видишь, и не слышишь, и имя его ни
 при какомъ случаѣ не упоминать. Однимъ
 словомъ ни добра, ни худа о нихъ не
 говорить. Сей рецептъ кажется спра-
 ведливъ. О точныхъ причинахъ сей бо-
 лѣзни врачи между собою еще въ вели-
 комъ спорѣ. Нѣкоторые почитаютъ ее
 по чуднымъ кривляньямъ, которыя, одер-
 жимыя сею болѣзнию дѣлаютъ, и по-
 тому что она какъ прочія Епидемиче-
 скія болѣзни въ обыкновенное время, и
 часто приходитъ родомъ падучихъ бо-
 лѣзней, а особливо, что они примѣ-
 нили, что она отъ того проходитъ,
 когда больному правой выломаютъ палецъ,
 что обыкновенно употребляется въ па-
 дучихъ болѣзняхъ. Другія думаютъ,
 что она приходитъ отъ испорченной
 желчи. Галенъ не почитаетъ ее инымъ
 чемъ, какъ только жестокой желудоч-
 ной

ной судорогой, а покойной господинѣ Тайной Совѣтникѣ Гофманѣ въ Галлѣ бывшій въ прѣшьей главѣ своего описанія о ученыхъ заразахъ называетъ ее Авпорской Лихорадкой.

ДОЛЖНОСТЬ.

Должность чиновнаго, драгоценная должность и совѣсть, у разныхъ людей отправляющихъ публичныя дѣла, есть нѣкопорою родъ уставовъ, принадлежащихъ къ исполненію дѣлъ, а дѣйствительно они ничего нова не значатъ, какъ только то, что и прочія приказныя отправленія, и столькожъ они необходимы, какъ и шѣ, и принадлежатъ къ правосудію.

Взять кого нибудь въ должность, значитъ у такихъ людей, дать кому ни есть чинъ, въ которомъ онъ подъ видомъ порученной ему должности поправить можетъ, чего неимѣющей должности здѣлать не въ состояніи, не открывъ своихъ пристрастій. Въ нѣкоторыхъ областяхъ какъ духовныя такъ и гражданскія чины не иначе, какъ великими подарками и пропорями получаютъ; такъ весьма разумительно, что такое значитъ отправляемая драгоценная должность; и по тому изясненіе должность свою прилѣжно спа-

раюсь исполнять, есть то, что я говорю: Тщательно спараться отъ другихъ сполько выжать, во сколько спалъ тошъ чинъ ему.

Ето противъ моей должности скажетъ совѣспной судья: а ево пойметъ легко ошвѣпчикъ, что любезная сожинельница совѣспнаго судьи, судейскою должностію не обязана, и для того съ подарками своими къ ней обращается, еспли онъ отъ ея мужа сходственнаго съ должностію его рѣшенія желаетъ. Я знавалъ одного зборщика, предъ которымъ всегда расходная книга лежала, и для того похвалялся онъ, что онъ должность свою ни когда изъ глазъ не выпускаетъ; ибо онъ думалъ, что онъ только для того въ должности зборщика, чтобъ онъ съ крестьянами разчестъся могъ. Ех officio работать, перевелъ бы можетъ быть нной школьной человѣкъ: *по должности исправлять*; но оное бы было ужасною ошибкою противъ Юристического Доната. Кто основательнѣе узнать желаетъ, что сіе значитъ, того я отсылаю къ нѣкоторому чиновнику. Когда онъ жалуется на худыя времена, то онъ всегда говоритъ: Честному человѣку сего почти снести не можно, безпрестанная

ная работа ех officio! по дѣла убогихъ людей, по погорѣлыхъ, по казенныя дѣла, все ех officio! такія дѣла, о которыхъ въ учрежденіи оубѣнки ничего не упоминается, суть дѣла ех officio! и подлинно такія труды зяе смерти.

ДОСТОПОЧТЕННО.

Здѣсь буду я говорюшь только о фигуральномъ знаменованіи сего слѣва, ибо что оное въ свойственномъ разумѣніи значить, сіе довольно извѣстно; и я предъ всѣмъ свѣтомъ, что свойспивенно достопочтенно, толико много унижаюся, что не могу опважиться знаменованіе онаго въ моемъ Словарѣ твердо положишь. И такъ въ фигуральномъ разумѣ значить достопочтенно не иное что, какъ черно, а достопочтенной мужъ знаменуетъ человека въ черномъ плащѣ. Я основываю сіе извѣщеніе на опытѣ. Ибо между сими мужами въ черномъ плащѣ, суть многія, въ которыхъ ни малѣйшія достопочтенности не смѣешь, кромѣ чернаго плащя. Я бы могъ называть ихъ по именамъ, однако ешо излишно, ибо я заподлинно вѣдаю, что они при чтеніи сея сташь сами себя наименоуютъ, и сами свои имена въ задорѣ откроютъ ревностно. Ся ревность на ихъ языкѣ есть ревность по ихъ званію,

а на нашемъ языкѣ называется она злобою. И такъ пускай чипашели мой разсмотримъ только пѣхъ черныхъ мужей , которыя вносятъ издателя сего словаря въ списокъ еретиковъ , и тогда могутъ они быть увѣрены , что то они а не кто другія , пѣ досто-почтенныя мужи въ Фигуральномъ разумѣ, о которыхъ я думаю, и которыхъ бы конечно почли простолюдинами , ежели бы они не ходили въ черномъ плащѣ. Такъ когда я сіе изъясненіе слова достопочтенно предполагаю , то имъ буду я случай имѣть мой Нѣмецкой природной языкъ гораздо обогатить. Человѣкъ въ черномъ плащѣ , которой бѣднымъ изъ христіанской любви въ долгъ даетъ деньги за восемь , или по самой вышней цѣнѣ за двенадцать процентовъ , который убогую вдову для содержанія малолѣтнихъ ея дѣтей, отъ сожалѣнія на закладъ , которой влвое стбитъ , нѣсколькими рублями ссужаетъ , съ благоприспойнымъ уговоромъ , чтобъ по прошествіи года закладъ выкупить , или она просрочкою ево лишился , отъ сего времени впредъ называться будетъ достопочтеннымъ лихоимцемъ ; ибо , когда бы онъ ходилъ не въ черномъ плащѣ , тобъ онъ былъ не

досто-

достопочтеннымъ , но простымъ лихоимцемъ , и по законамъ нашего отечества должно бы его наказать было. Кажалось бы , что достопочтенныхъ щегольковъ въ Нѣмецкой землѣ не сыщешь ; однако я знаю одного , котораго конечно за Маркиза принять можно ; шакъ естественно умѣвши онъ играть роль щеголя въ своемъ черномъ кафтанѣ. Со всѣмъ новое доказательство, что можно балагуришь , вертопрашишь , и дѣлалъ изъ себя смѣхъ , не имѣя ни палки , ни шабакерки , ни манжетъ !

Достопочтенный хмель , со всѣмъ есть новое слово , однако очень спарая вещь , и я хочу объ закладъ биться , что часно не можно разпознашь , который изъ двухъ хмельныхъ спароспа , и который пасторъ , ежели бы его достопочтенность не въ черномъ плащѣ ходилъ. Дать себѣ достопочтенной видъ , называется у такихъ людей , надуть великой подбородокъ , и шею держать коломъ. А почтенный чинъ носить , называется , имѣшь званіе , погрѣшности публично проклипать , которыя дома самъ дѣлаю , и которыхъ другія порицать не должны , естли не хотяишь въ такую вдашься опасность , что имъ путь и къ щастію и къ небеси загороженъ будетъ.

Сего

Сего довольно будетъ о достопочтенныхъ мужахъ въ фигуральномъ разумѣ , или о такихъ мужахъ , которыхъ бы ради наглаго поведенія въ обществѣ терпѣшь не могли , ежели бы они не носили на себѣ чернаго плащя. И такъ сколь мало сѣи примѣчанія въ шѣхъ подають , которыя ради ихъ добродѣтельного и полезнаго поведенія великую честь и имя достопочтеннаго мужа въ свойспвенномъ знаменованіи заслуживають , сѣи всѣ разумныя поймушь , а не поймушь только шѣ люди , которыя бы смѣшны и презрительны вдругъ спали , ежели бы у нихъ опяньшъ черное плащье и чинѣ , въ которой они вкраслись. Еще одно реченіе впало мнѣ въ умѣ. Достопочтеннаго искашь чина , значить , въ нѣкоторыхъ приходахъ столько : жениться на компаніной помѣщиковой дѣвкѣ.

КЛЯТВА.

Въ древнія времена сѣе слово не очень часто употребляемо было , и отъ того происходило , что наши неслѣдливые предки, простоумныя нѣмцы поспавляли клятву за нѣчто весьма важное : а нынѣ оное лучше разсмотрѣли. И чемъ чаще сѣе слово какъ въ судѣ такъ и въ общей жизни употребляется , шѣмъ менѣе оно

оно имѣетъ важности. Клятва есть у людей, которыхъ поумняе разсуждають, нежели подлой народъ, обыкновенно ни что иное, какъ нѣкоторая церемонія, когда прямо стойшь, пальцы къверху подѣвешь, шляпу подъ пазухой держишь, и что нибудь общаешь, или утверждаешь, которое не долѣе содержишь, покамѣсть опять шляпу надѣнешь. Однимъ словомъ, клятва есть комплиментъ Богу, а что такое комплиментъ, о томъ смотри слово комплиментъ.

Нѣчто подъ клятвою общать, значить, во многихъ мѣстахъ, здѣлать ложь вѣрояшную. Фанъ Гекенъ въ своей книгѣ, *Всегда готовомъ Юристѣ*, называетъ клятву *Herbam Veronicam*, и увѣряетъ, что кого нибудь ко клятвѣ привести, есть ни что иное какъ свою тяжбу отъ дурости проиграть челобитчику; и предписанною клятвою очиститься, значить выиграть тяжбу: ибо къ очисткѣ клятвы ничего больше не требуется, кромѣ здоровыхъ трехъ пальцевъ и безсовѣстнаго чловѣка. Пальцы почти у всѣхъ людей есть, а совѣсть весьма не у многихъ, а хопя бы кто предразсужденіями молодости и предупрежденъ былъ, и сіе называемое

со-

совѣстью имѣлъ , однако не было бы нигдѣ недостатка въ такихъ спрячкихъ , которыя бы его чему нибудь лучшему научить могли , и за хорошую цѣну изъ заблужденія вывели.

Покарай меня Богъ , или чертъ меня разорви ! есть у матрозовъ и солдатъ щегольская шупка , а въ Помераніи зналъ я одного молодого Офицера , которой такъ же клялся , однако никогда не менѣ , какъ по крайней мѣрѣ тысячами чертей , ради того , что онъ изъ древняго дворянства.

Кляпву свою нарушишь не много знаешь , и сіе нарѣчіе есть въ великомъ употребленіи. На каедрѣ еще иногда о нарушеніи кляпвы слышно , но отъ того и происходишь , что по такъ скоро забывается , какъ и сама продовѣдь. Въ самомъ дѣлѣ не значишь сіе ничего болѣе , какъ нарушишь бракъ , и для того въ разныхъ мѣстахъ , а особливо въ большихъ городахъ прелюбодѣй и клятвопреступникъ почитается такимъ человѣкомъ , которой жить умѣетъ. Сіе знаменованіе начинаеть ужѣ бытъ и въ деревняхъ извѣстно , потому , что наши Нѣмцы день отъ дня разумѣе спановятся , и въ краткомъ времени мы въ томъ со Французами почти сравняемся.

КОМПЛИМЕНТЪ.

Принадлежитъ къ словамъ ничего не знаменующимъ. Кому нибудь здѣлашь комплиментъ , есть безпристрастное движеніе одной части тѣла , или наклоненіе спины и движеніе одной ноги : и обыкновенно ни разумъ ни воля въ томъ никакова участія не имѣютъ.

И такъ комплиментъ за комплиментъ, есть учтивое увѣреніе взаимно отъ друга, что и онъ такъ же спину нагнуть можетъ, ни о чемъ при томъ не думая. Изъ нагибки спины можно разсуждать , коль знатны тѣ , которыя другъ съ другомъ встрѣчаются : и сіе есть почти единственная польза отъ комплиментовъ происходящая. Человѣкъ безъ денегъ , какъ бы онъ разуменъ и искусенъ ни былъ , не можетъ довольно низко нагнуться , потому , что онъ самый послѣдній человѣкъ изъ всѣхъ своихъ согражданъ. А богатый человѣкъ , который только для того отъ Бога созданъ , чтобъ онъ по тѣхъ поръ ѣлъ и пилъ , покаместъ умретъ , имѣетъ право нѣсколько губами пошевелить только, когда съ нимъ бѣдной человѣкъ встрѣтитъся. Вчера видѣлъ я одного стараго почтеннаго гражданина , который въ молодости своей защищалъ

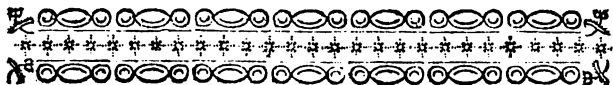
отечество : старѣясь, своимъ ремесломъ честно питался , Государю своему около сорока лѣтъ налоги и подати исправно плашилъ , къ общей пользѣ шестерыхъ дѣтей изрядно воспиталъ , и отъ всѣхъ своихъ сосѣдей имѣлъ имя честнаго человѣка. Онъ здѣлалъ нѣкоторому молодому и богатому Ратсгеру хотя сшаринной , однако очень низкой комплиментъ. Молодой Ратсгеръ , чудь чудь нагнулъ свою твердопочтенную шею , а шляпу снявъ поручилъ трудъ своему служителю. Изъ сего видно содержаніе комплиментовъ богатаго , человѣку бѣдному очень ясно , а я при семъ случаѣ изъ того примѣтилъ нѣчто , чего въ Нѣмецкомъ Словарѣ не можно обстоятельно вывести. Сего кажется довольно о комплиментахъ въ разсужденіи Механическаго тѣлодвиженія. Объявленія комплиментовъ обыкновенно суть паковы , когда говоримъ : Я прошу опдаться ему отъ меня поклонъ : и опдайте ему и отъ меня поклонъ. А что сіе точно значитъ , того въ Нѣмецкомъ языкѣ изъяснить ни какъ не возможно , потому что и на Францусскомъ языкѣ въ самомъ подлинникѣ сіе слово никакой силы и никакова знаменованія не имѣетъ.

Безъ комплиментовъ , государь мой , я
васъ

васъ покорно прошу , безъ всякихъ комплиментовъ , на что они между друзьями . Ежели бы я оное по прямому нарѣчю языка перевелъ , то бы оно почи такъ вышло : я бы васъ за самаго на свѣшѣ безумнова почелъ чловѣка , ежели бы вы думали , что мы и въ правду такія друзья , что ужѣ въ помѣнѣшѣ нужды , что бы вы сполько комплиментовъ дѣлали .

Покорный слуга , покорнѣйшій слуга , всепокорнѣйшій слуга , я пребываю вашего благородія послушнѣйше преданнѣйшимъ и прочая : я оснаюсь со всякимъ принадлежащимъ высокопочитаніемъ и проч . Я во всю мою жизнь не примину быть вашъ и проч . Ето все комплименты , и между людьми , которыя по прямой модѣ нынѣшняго свѣща вѣжливы и обходительны значатъ : НИЧЕВО . Когда такіе люди сіи извясненія въ письмахъ своихъ употребляютъ , то они при семъ сполько жѣ мало думаютъ , какъ и мой порпной при словахъ : Laus Deo : или купецъ , которой намѣренъ на разсчетовой недѣли здѣлаться банкеротомъ , и при началѣ ярмонки подъ своими векселями подписывается , я заплачу , и въ помѣ даю порукою Бога !

Съ Нѣмецкаго переводилъ А. Н.

II.

БАСНЬ.

О ПИРАМЪ И ОИСЕЪ.

Изъ четвертой книги Овидіевыхъ пре-
вращеній.

Пирамъ и Оисва , первый краснѣйшій
между юношами , а вторая предпо-
чтенная всѣмъ дѣвицамъ бывшимъ по-
гда на Востокѣ, жили въ домахъ касаю-
щихся одинъ другаго въ той странѣ ,
гдѣ высокой городъ Семирамида камен-
ными обвела стѣнами. Сосѣдство здѣ-
лало между ими знакомство и первое сви-
даніе, а со временемъ возрасла любовь. Со-
единились бы они и брачнымъ сочепаніемъ,
но имъ ошцы воспрепятствовали. А въ
томъ не могли препятствовать , чтообъ
не пылали они равно оба пламенными
мыслями. Свѣдущаго никого не было.
Перемигами глазъ и знаками разговарива-
ли другъ съ другомъ. Но чѣмъ болѣе
скры-

скрывается, тѣмъ больше свирѣпствуетъ сокровенный огонь. Въ стѣнѣ небольшая была разсѣлина, которая еще въ то время сдѣлалась, когда создаема была стѣна обѣимъ домамъ общая. Той порчи чрезъ долгое время никто не примѣнилъ. Но чего не ощущаетъ любовь? Первые то вы двое любящіеся ощутили, и путь гласу проложили. Нѣжныя любовныя слова самымъ тихимъ шептаніемъ безопасно сквозь оную проходили. Часто ставъ съ одной стороны Эисва, а съ другой Пирамъ, и почувствовавъ взаимное успѣ дыханіе, говаривали шакъ: О зависливая стѣна! для чего ты любящимся препятствуешь? Многого ли не достаешь, дозволишь намъ соединиться? А ежели то многое; такъ по крайней мѣрѣ растворися хотя столько, чтобъ мы другъ друга поцѣловать могли. Мы не неблагодарны: признаваемъ мы твое себѣ одолженіе и за то, что ты словамъ даешь свободное прохожденіе къ возлюбленнымъ ушамъ. И промолвивъ таковыя бесплодныя рѣчи изъ разныхъ жилищъ, при наступленіи ночи другъ другу говорили, прости: и каждой изъ нихъ своей сторонѣ стѣны давалъ цѣлованія недостигающія взаимственнаго совокупленія. Нѣкогда какъ заря ночные

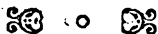
огни прогнала, и солнце орошенныя
 правы лучами высушило, сошлись они
 опянь на обыкновенное мѣсто, и ти-
 химъ шепшаніемъ принесши напередъ
 многія жалобы на горькой рокъ опредѣ-
 ляющъ, чѣобы въ молчащую ночь тайно
 отъ стражей попынаться сквозь врата
 пройти, и вышедъ изъ дому выйши и
 за градскія стѣны; а чѣю бы ходящимъ
 имъ на пространномъ полѣ не заблу-
 диться, согласуются прийти къ Нинову
 гробу, и укрыться подъ стѣною древа.
 Высокое тамъ было и стѣгу подобными
 плодами изобильное шелковичное древо
 при хладномъ источникѣ. Уговоръ сей
 обѣимъ понравился, и свѣтъ солнца, ко-
 торый показался имъ очень медлителенъ,
 на конецъ въ воды погрузился, и изъ
 тѣхъ же водъ взошла ночь. Хитрая
 Оисва растворивъ тихонько двери по-
 мощію темноты выходитъ такъ осто-
 рожею, чѣю ни кто изъ домашнихъ
 того не слыхалъ, и съ покровеннымъ
 лицомъ достигши гроба, сѣла подъ ре-
 ченнымъ шелковичнымъ деревомъ. Любовь
 дѣлала ее смѣлою. Тогдашъ послѣ того
 пришла львица съ окровавленною и иѣ-
 нящеюся пастію отъ пожиранія быковъ,
 хотящая утолить жажду водою исто-
 чника прешекающаго въ близи; копорую
 Бави-

Вавилонская Оисва при сянїи лунныхъ лучей издали увидѣла, и трепещущею ногою въ темную побѣжала пещеру, и на побѣгѣ ниспадшій съ хрепта покровъ оставила. Свирѣпая львица ушоливъ жажду многою водою, и возвращаясь въ лѣса, обрѣпленный тонкій покровъ окровавленными расперзала устами. Пирамъ, которой позже изъ града вышелъ, видя извѣстные на глубокомъ пескѣ звѣриные слѣды отъ страха весь поблѣднѣлъ; а сыскавъ и покровъ омоченный кровію, вскричалъ: Едина ночь погубитъ двухъ любящихся взаимно. Оисва была достойна должайшей сея жизни; моя душа повинна: я себя, о бѣдная умертвилъ, что велѣлъ тебѣ прийти въ сіи страха исполненныя мѣста, и самъ сюда напередъ не пришелъ. Расперзайте мое тѣло, и незаконную утробу яростнымъ грызеніемъ поглотите, вы между сихъ каменіевъ обитающіе львы. Но боязливой души знакъ есть, кто смерти только лишь желаетъ. Подвимаешь Оисвинъ покровъ, и несетъ съ собою подъ тѣнь уреченнаго древа. Тутъ омочивъ слезами, и поцѣловавъ знаемое себѣ одѣяніе, рекъ: Прими нынѣ и моей крови токи; и тѣмъ же мечемъ, который былъ препоясанъ, прнзлѣ грудь

свою, и вдругъ, ужъ умирая вырвалъ его изъ кипящей раны. И какъ лежалъ онъ навзничъ на землѣ, то кровь далеко въ верхъ била не иначе, какъ изъ трубки когда свинецъ испортится, а трубка прорвется, и изъ шипящей скважины тонкую струю воды высоко выбрасываетъ, и сильнымъ спремленіемъ разсѣкаетъ воздухъ. Плоды на древѣ окропленные отъ сего убіенія въ черный видъ превращаются, и омоченный кровію корень червленый цвѣтъ на висящіе ягоды наводитъ. И се не со всѣмъ еще опложивъ страхъ, чюбъ исполнить данное любезному слово возвращается и она, и юношу глазами ищеть, и духомъ желаетъ, и живо воображаетъ въ мысляхъ своихъ веселіе, съ которымъ она будетъ ему рассказывать, отъ какихъ бѣдствій она спаслась. И узнавъ мѣсто и превращенный на древѣ видъ: таковую въ ней неизвѣстность произвелъ цвѣтъ овощей: сумнѣвается, сіе ли то древо. И будучи еще въ недоумѣніи, трепетна видитъ біющіеся на окровавленной землѣ члены, и вспять ногою отступила: и поблѣднѣвъ устами больше нежели буквое древо, воспрепетала подобіемъ моря, которое дрожитъ, когда малымъ вѣтромъ на самой поверхности возмвается. Но какъ помедливъ

узна-

узнала любезнѣйшаго своего, бѣетъ силь-
нымъ удареніемъ неповинныя рамена ,
и расперзавъ власы , и обнявъ возлю-
бленное шѣло , омывала раны слезами ,
и плачь съ кровію растворяла , и оледенѣвшее
лице лобызая возопила : Пирамъ!
какой тебя злобой случай у меня оп-
ялъ? Пирамъ , отвѣтствуй : твоя , лю-
безнѣйшій ! Оисва тебя именуешь , вне-
ми , и лежащую возведи главу . При
имени Оисвы Пирамъ опягченныя уже
смертію очи возвелъ , и взглянувъ на
нее , опять зашворилъ . Но какъ узнала
она покровъ свой , и увидѣла пустыя
ножны безъ меча , вскричала : Нещаст-
ный , твоя тебя рука и любовь погу-
била , есть и у меня рука на сіе только
одно муженспвенная ; есть и во мнѣ лю-
бовь ; она мнѣ подаспѣ силу на уязвле-
ніе ; пойду въ слѣдъ за исчезшимъ . Пу-
скай скажутъ , что я всенещастная при-
чиною и спустницею была твоей смерти .
Ты могъ со мною , увы ! единою только
смертію разлучиться ; но не можешь
разлучиться и смертію . О многобѣд-
ственные мой и его родители ! вну-
шите сіе обоихъ насъ именемъ прино-
симое вамъ прошеніе : не вознегодуйте
похоронить въ одномъ гробѣ соединен-
ныхъ несумѣнною любовію , и послѣд-

нимъ часомъ кончины. А ты, о древо? которое въпльями шеперь покрываешь прежалоспное шбло одного, и въ скоромъ времени покроешь шблѣ двоихъ, удержи навсегда знаки сего смертоубийства, произращай въ вѣкѣ черные и плачу пристойные овощи, сугубаго кровопролитія явныя знаки. Рекла, и подставивъ осприе меча подъ самую грудь, пала на оный еще отъ убіенія теплый. Желаніе Оисвы услышали Боги, и прошеніе ея вняли родители. Ягоды сего древа созрѣвъ всегда бывають черны: и кости любовниковъ по сожженіи шблѣ ихъ оставшіяся опочивають въ единомъ скудѣльномъ сосудѣ.

Перевелъ съ Латинскаго Г. К.

III.

ИЗЪ ТРАКТАТА ЛОНГИНОВА, О ВАЖНОСТИ СЛОВА СЪ ПЕРЕВОДА БОАЛОВА.

Г Л А В А II.

Есть ли особливое искусство важности слова, и о трехъ порокахъ, которыя сей важности супротивляются.

Надобно потчасъ увидѣть, есть ли особливое искусство важности слова. Находясь люди воображающія себѣ, что ето заблужденіе, чтобы слова важность привести въ родъ особливаго искусства, и подавать о томъ наспавленія. Слова важность, говорятъ они, раждается съ нами, и не выучивается. Единый способъ до него дойти, есть только сей, чтобы къ тому родиться. И что есть еще нѣкоторыя сочиненія, которыя едино только естество производишь долженствуетъ.

спвуеть. Что принужденія наспавленіями ихъ ослабляетъ , и даетъ имъ нѣкую сухость , которая дѣлаетъ ихъ вялыми и несмачными. А я утверждаю , что когда прямо разсмотримъ , ясно увидимъ со всѣмъ тому прошивное.

И подлинно сказать : еспество ни когда свободнае не извясняется какъ въ рѣчахъ важныхъ и патетическихъ ; однако легко познать можно , что оно не незапностію препровождается , и что оно несовершенный неприятель искусства и правилъ. Я признаваюся , что во всякихъ на свѣтѣ сочиненіяхъ должно ево имѣть первымъ положеніемъ , началомъ и основаніемъ. Однако и ето вѣрно , что разумъ нашъ требуетъ способа къ показанію говорить только то , что должно , и въ принадлежащемъ мѣстѣ , и что сей способъ много можетъ вспомошествовать намъ къ достиженію совершенныя причычки важности слова. Подобно каковы корабли , когда они въ опасности погибели , оставенныя единой ихъ леготѣ , и когда имъ не умѣютъ придать потребнаго груза и тяжести : такъ и слова важность , ежели она оставлена преволненію единого только невѣжественнаго и дерзостнаго еспества. Разумъ нашъ часто требуетъ меньше узды нежели

жели шпорѣ. Демосѣенѣ говоритѣ въ нѣ-
 которомѣ мѣстѣ , что наше главное въ
 жизни благополучіе : щасливыми быть ;
 но что и другое есть , которое не мень-
 ше того , и безѣ котораго сіе первое
 благополучіе устоять не можетѣ , то
 есть : умѣть себя вести съ осторожно-
 стію. Сіе можно сказать и въ разсужде-
 ніи рѣчи. Естество подгребнае всего до-
 спичь великоспи ; однако ежели иску-
 ство не будетѣ имѣть попеченія о пре-
 провожденіи ево ; такѣ оно въ слѣпотѣ
 пребудетѣ , не вѣдая , куда идетѣ . * * *
 * * * Таковы сѣи мысли : *Стрем-
 тельныя теченія олутанныя пламенемъ
 рыгать противъ небеси. Здѣлать Борю
 Флейтistolъ своимъ : и всѣ пропчія
 образы извѣсненія , которыми сѣя Тра-
 гедія наполнена. Извѣсненія сѣи не имѣ-
 ютъ ни великаго , ни Трагическаго , но
 только надутое и беспушное. Всѣ сѣи
 рѣченія тако пустыми воображеніями не
 вразумительно изображенныя слогѣ боль-
 ше смущающѣ и порпящѣ , нежели возвы-
 шающѣ. И тако , когда ихѣ ближе и
 ясные увидишь , то все по сперва , что
 издалека ужасно показалось , вдругѣ
 покажется глупо и смѣхотворно. И
 ежели сей порокѣ несносенѣ въ Трагедіи,
 которая естествовенно пышна и велико-
 лѣпна ,*

лѣтна , и непристойно въ ней не къ спашѣ надуться ; такъ еще больше причины опровергнуть ево въ обыкновенной рѣчи . Отъ того произошло , что былъ пересмѣянъ Горгіасъ , назвавъ Ксеркса , Юпитеромъ Персовъ , а вороновъ , одушевленными кладьбищами . Столько жъ непростительно было Каллисѳену , что онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ писемъ вмѣсто того , чтобы пристойно вознестися , взлазитъ такъ высоко , что отъ зрѣнія уходитъ . Однако изъ всѣхъ нѣтъ надупяе Клипарха . Сей Авторъ кромѣ вѣтра и корки ни чево не имѣетъ . Онъ , скажу я словами Софокла , ходитъ на человѣка , который весь ротъ разбѣваетъ , надуть малую флейпу . Такое же должно здѣлать рассужденіе о Амфикраѣ , Гегезіасѣ и Матрисѣ . Они иногда воображая себѣ , что они восхищенны жаромъ божественнымъ , думаютъ , то что они гремятъ , а въ истиннѣ они дурачтъ , и резвятся какъ рабаща .

И подлинно въ веществѣ краснорѣчія , всево прудняе избавитъ надупія . Ибо во всѣхъ вещахъ естественно ищемъ мы великости ; такъ случается , что бояся паче всего быть обвинены сухостью или малосиліемъ , случается , не знаю какъ , что по большей части впадаютъ въ сей порокъ ,

порокъ , будучи основаны на семъ устанавленіи.

Въ благородномъ предпріятіи благородно ладеніе.

Однако ето подлинно , что надушіе не меньше порочно въ рѣчи , сколько въ шѣлѣ. Оно только ложно блиспающуюся наружность и обманчивой видѣ имѣетъ ; а внутри оно пусто , и оставляетъ иногда дѣйствованіе со всѣмъ прошивное великости. Ибо очень хорошо говорится , что нѣтъ ни чево суше челоуѣка имущаго водяную болѣзнь.

На послѣдокъ порокъ надушаго склада , есть желать превзойти великость. А отъ того на прошивъ становится онъ складомъ рабаческимъ. Ибо нѣтъ ничего столь низкаго , столь малаго , ни столь много супротивляющагося благородству рѣчи.

Что жъ ето такое , которое рабаческимъ складомъ называется ? ясно , что не иное что , какъ мысль ученика , которая отъ того , что она натянуша , будетъ холодна. Сей порокъ есть шѣхъ , въ который впадаютъ устремляющіяся всегда сказать нѣчто чрезвычайное и сіяющее ; а особливо шѣ , которыя съ излишнимъ попеченіемъ ищутъ забавнаго и приятнаго : отъ того на конецъ гора-

здо много прилбпляся кѣ фигурному складу , впадають вѣ глупое пришворство.

Есть еще третій порокъ супротивляющійся совершенно великости, касающійся до папепическогого. Феодоръ называетъ ево жаромъ не во время , когда разгорячиваются не кѣ спати, или возносятся съ излишествомъ , когда обстоятельство позволяетъ только посредственно разгорячиться. Дѣйствительно очень часто видимъ вѣщателей рѣчей , которыя , какъ пьяныя , допускають себя возноситься кѣ спрастямъ не принадлежащимъ кѣ ихъ обстоятельству, но кѣ тѣмъ, которыя имъ свойственны, и которыя они съ собою изъ школы вынесли ; и отъ того , что они будто непрогаемы тѣмъ , что говорятъ , бывають на конецъ отвратительны и несны. Сіе непременно кѣ тѣмъ приходитъ , которыя возносятся и ломаются не кѣ спати, предъ людьми, которыхъ они тронуть не могутъ.

Съ Французскаго переводиѣ А. С.

IV.

ИСТОЛКОВАНИЕ, ЛИЧНЫХЪ МѢСТОИМЕНІЙ,

Я , ТЫ , ОНЪ , МЫ , ВЫ , ОНИ.

Я, есть мѣстоименіе перваго лица , числа единственнаго. Сіе мѣстоименіе для извѣщенія чего нибудь худоваго когда не полагается , но всегда для извѣщенія добраго, и по большой части несправедливо. На пр: Я человекъ разумный , ученый , честный и пр: А ежели къ прилагательному прилагается отрицательное , тогда не видя на правила слѣдую употребленію , которое въ языкѣ больше всѣхъ правилъ силы имѣетъ , отрицательное относится къ третьему лицу, на пр: Онъ человекъ неразумный , неученый , нечестный и пр: не рѣдко относится отрицаніе и къ третьему лицу множественнаго, на пр: Они люди нечестныя, Въ брани относится отрицаніе и къ

второму лицу единственнаго, на пр: Ты человекъ нечестный, изъ чего слѣдуетъ иногда пощочина, но то уже касается до Троповъ. Относится иногда отрицательное и ко второму лицу множественнаго, на пр: Вы люди нечестныя, а изъ сего вмѣсто отвѣта грамматическаго слѣдуетъ иногда отвѣтъ риторическій фигурую, которая, не знаю, какъ называется на Греческомъ и на Латинскомъ языкахъ: На Славенскомъ называется она жезломъ, а на обыкновенномъ Русскомъ дубиною. Къ первому лицу множественнаго выговаривая слова: Разумный, честный и пр: Отрицательное не приставливается, такъ же какъ и въ первомъ лицѣ числа единственнаго. А когда похулительное прилагательное ставишся, тогда къ первымъ лицамъ обихъ числъ прикладывается отрицательное, а у прочихъ отбемляется; на пр: Я человекъ неглупый, я человекъ нескупой, мы люди неглупыя, нескупыя и пр; Онъ человекъ глупый, онъ человекъ скупой; вы глупый человекъ, вы глупыя люди, они глупыя люди и пр: Все, что хорошо, при первыхъ лицахъ говорится безъ отрицательнаго, и все что худо съ отрицательнымъ. Во вторыхъ лицахъ

цахъ все, что хорошо, говорится такъ же по большей части безъ отрицательнаго, а что худо съ отрицательнымъ, однако все по противное знаменуетъ, и кто не совершенно знаетъ граматику, тотъ въ ономъ легко обмануться можетъ. Въ третьихъ лицахъ хорошее безъ отрицательнаго рѣдко выговаривается, а худое почти всегда безъ отрицательнаго. Какъ сопрягаются прилагательныя съ мѣстоимѣніями, такъ и существительныя имена и глаголы, на пр: Я другъ. Онъ недругъ. Я неплутъ. Онъ плутъ. Я умбю. Онъ не умбетъ. Я не краду. Онъ крадетъ, и пр. Ты, есть второе лице единственнаго, и употреблялося въ Русскомъ языкѣ по естеству своему, а нынѣ здѣлано мѣстоименіемъ подлымъ, И, хотя весь родъ человѣческій кромѣ Французовъ принося молитвы Создателю, говоритъ ему ты; однако говоря съ человекомъ достойнымъ почтенія или паче имѣющимъ благородство, или чинъ, или въ чемъ нибудь ошъ подлаго народа опличность, ты, сказать противно грамматикѣ. А вмѣсто того по правиламъ, хотя по и противу здраваго разсужденія, надлежитъ говорить, вы; а ты только для подлости осталось, на пр: для холопей, для мужиковъ, для

извощиковъ , для трубочистовъ , для друзей и пр: Мѣстоименіе Ты, какъ нѣкоторыя прилагательныя имена , имѣетъ степени. Въ прилагательныхъ именахъ степеней только три , а сіе мѣстоименіе изъ степеней своихъ составляетъ цѣлую лѣсницу. Ты , Вы , Ваше *Благородіе* , Ваше *Высокоблагородіе* , Ваше *Высокородіе* и пр: Превращеніе мѣстоименія , Ты въ Вы , учинено тамо , гдѣ изобрѣщены длинныя проспи , и ради того что сіе прехвальное и вѣжлиное изображеніе весьма остроумно выдуманно , принято то и въ другія языки. А когда сіе изобрѣшено о томъ не извѣстно , да по жъ и не до Граматики , но до Хронологіи принадлежитъ. Сожалѣтельно , что о семъ достохвальномъ изобрѣщеніи , въ календаряхъ не упоминается , какъ о прочихъ достопамятныхъ вещахъ и по сему примѣру : *Отъ вымышленія печатанія книгъ : Отъ ссысканія Америки* : не положено : *Отъ превращенія Ты , въ Вы*. И сожалѣтельныя еще , что мы учредивъ складъ Русскаго языка , по свойству Нѣмецкаго , не превратили къ лучшему еще ево украшенію , Ты , въ Они , что Нѣмцы вмѣсто Французскаго Вы , и вмѣсто нашего стариннаго и неуклюжаго , Ты , употребляютъ ;

блѣютъ; ибо Они вмѣсто Ты еще бы больше красоты нашему языку здѣлало.

А. С.

V.

ЧАСТИ III. ИЗЪ I. РѢЧИ СМО- ТРИТЕЛЯ.

КАКЪ только Обладатель Россіи ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ дошелъ до совершеннаго возраста, при всемъ томъ что былъ онъ Императоръ просираннаго государства, и Самодержавный Государь имѣнія и жизни многочисленныхъ подданныхъ, тотчасъ единою силою своего остроумія, обратилъ очи на самаго себя, и возмутился увидѣвъ народа своего глубокое невѣжество, и суровую грубость Разсудивъ тому способствовать какъ скоро возможно, не посла отправилъ онъ къ тому народу, отъ котораго по большей части другія заимствовали вѣжливость; но самъ сошелъ съ престола своего, обрѣсти истинный путь препровождающій ко славѣ, и уставивъ себя во всѣхъ

знаніяхъ , обществу полезныхъ , чтобы поощрить къ онымъ почтенныхъ своихъ подданныхъ. Механическія художества были по справедливости главный видъ трудныхъ ево исканій. Возбужденъ прехвальнымъ симъ предприятиемъ , скрытно путешествовалъ чужими краями , гдѣ не думая о почтеніяхъ , которыя ему принадлежали, всѣ оныя высоко превозшедъ , спарался только научиться мирному и военному искусству. Тако сей великій Государь трудомъ своимъ , испытаніемъ и мужествомъ , получилъ безсмертное прославленіе. Герои древности далеко отъ него отстали , и нѣтъ изъ нихъ ни единого , котораго бы сіянія не помрачилъ онъ. Кто другой кромѣ ево опдалился когда отъ престола своего , научившись съ большимъ быти на немъ достоинствомъ ? Кто другой кромѣ ево спавилъ бы себя малымъ , имѣя самодержавную власть , доколѣбъ не научился истинному власти своей употребленію ?

Когда разсматриваются всѣ ево поступки , изъ всего ясно видно , что сіе есть нѣкій родъ чуда ; и ежели хотѣтъ ему здѣлать похвалу , не извѣстно , чѣмъ начать и чѣмъ окончать. Можно сказать о нѣкоторыхъ Государяхъ въ Ме-
шафот

шафорическомъ разумѣ, что они покорили страсти свой, а о немъ безъ Метафоры то изрещи можно. Съ какимъ благопріятімъ спалъ онъ самъ рядовымъ салдапомъ, когда учредилъ онъ войско, чтобъ ни кто не могъ ево изъ подданныхъ прегнать на семъ отверстомъ имъ ради ихъ нуши, и на копоромъ онъ имъ предшествовать хотѣлъ. Тако сей щедрый Монархъ побѣждать и побѣду во благо употреблять научился. Въ сраженіи былъ онъ спрахъ; а по одержаніи побѣды милоспъ.

Переводилъ А. С.

VI.

О НЕСОГЛАСІИ.

Несогласіе въ родѣ человѣческомъ не сполько отъ разности степеней разума, сколько отъ несходства сердецъ происходитъ. Люди больше сердцемъ нежели разумомъ отъ испинны отходятъ. Вкорененное въ сердце зло рѣдко

разумомъ преодолѣвается. Когда злодѣянiемъ волнуется сердце, тогда безсильная совѣсть суетно вооружается, и насъ изобличаетъ. Поврежденныя сердца, неправедныя предписуютъ намъ законы, пристрастныя производятъ умствованiя, безстыдныя подаютъ намъ предпрятiя, и къ дерзновеннымъ приводятъ насъ исполненiямъ. Неправедныя мнѣнiя такъ мало съ истинною, какъ мало сами между собою соглашаются. Сiе есть основанiе несогласiя и безпокойства всемирнаго. Самолюбiе ослабляетъ челоука, и всему тому противорѣчитъ, чему мы въ склонности сердца своего не находимъ. Что два и два суть четыре, всѣ разумы въ томъ согласны; а что разбираютъ сердца въ томъ сего согласiя нѣтъ. Одна женщина, одному прекрасна, а другому средственна кажется. Къ утвержденiю истинны, для понятiя разума, довольно доказательствъ, а для понятiя сердца ни какова нѣтъ. Берегися любви, говорятъ молодой дѣвушкѣ, которая еще не влюбилась; отъ любовной страсти худыя слѣдствiя бывають: дѣвушка имѣя разумъ повинуется наставникамъ своимъ; а когда сердце ея любви причастно станеть, всѣ доказательства слабы, и едино

только

только время можетъ утолить движенія сердца ея. Сынъ проигрываетъ имѣніе отца своею не внимая угрозамъ, ни увѣщаній на самой истиннѣ основанныхъ, ниже обличенія опытовъ, имѣвъ ими стократныя отъ игры безпокойства, что игра супротивляется совѣсти ево. Онъ по чувствуетъ; но сердце ево пути своею не премѣняетъ. Отъ разныхъ сердечныхъ движеній, не можетъ успоить ни дружба ни любовь. Скупой любитъ деньги, сынъ ево излишнее щегольство; между родителемъ и сыномъ несогласіе. Трезвой и пьяной не соспавляютъ бесѣды. Ученой съ невѣжею хотя и дѣйствительно часто отъ разума не соглашаются; однако невѣжи не рѣдко къ ученымъ прилѣпляются, имѣя въ сердцахъ склонность понимать доброе, отъ нихъ научаются, и разумъ на вышшую степень возводятъ. Несогласіе происходящее отъ разума часто преодолевается бываетъ, а происходящее отъ сердца рѣдко. Многоумной со скудоумнымъ человѣкомъ друзьями быть могутъ, а чистосердечный человѣкъ съ нечистосердечнымъ никогда. Всѣ споры, всѣ брани, и непримиримая вражда отъ разности сердецъ происходятъ. И самъ прехвальнѣйшій Христіанскій законъ

мерзскія вражды изъ сердець злодѣйскихъ выгнать не можеть. Ежели бы у всѣхъ людей сердца были честны и разумы просвѣщенны, и всѣ бы люди въ добродѣтели геройствовали; не было бы ни участныхъ, ни народныхъ браней. Капилина не воссталъ бы пропивъ вольности своево опечества. Александръ не зашелъ бы въ опдаленную Индiю, умерщвляя безвинныхъ челоуковъ. И того и другаго разумъ довольно увѣрялъ о томъ, что они безчелоучныя предприятия имѣють. Капилинъ не было удачи здѣлать безчелоучiе; Александру удалось. Первыи извергомъ естества почитается, а второй великимъ Героемъ. Первому дала сiе титло истинна, второму леть. Но люди успановляющiя несогласiе должны ли называться Героями, хотя бы всю вселенную покорили? Однако они за то, что вводятъ несогласiе, лаврами вѣнчаются. Не стыдно ли сiе роду челоуческому?

А. С.

VII.

О РАЗНОСТИ МЕЖДУ ПЫЛКИМЪ И ОСТРЫМЪ РАЗУМОМЪ.

Скорыя люди имѣющъ иногда щастіе, что ихъ по бѣглости мыслей называютъ остроумными; хотя остроуміе ни мало съ бѣглыми мыслями не связано. Острый разумъ состоитъ въ проніцаніи, а пылкій разумъ въ единой скорости. Есть люди остроумныя, которыя медлѣнны въ поворотахъ разума, и есть люди малоумныя, которыя и не имѣя проніцанія единою бѣглостію блиспають, и подобныхъ себѣ скудоумныхъ челоуковъ мнимою своею хитростію ослѣпляютъ. Острый разумъ доходитъ до основанія. Пылкій касается единой поверхности. Министру довольно единого остроумія и здраваго разсужденія. Судѣе довольно единого здраваго разсужденія и безпристрастія. Салдату довольно единыя храбрости и послушанія. Полководцу при остроуміи и безъ пылости разума
обой-

обо́йтися не возможно. Полководецъ только и Стихотворецъ безъ пылкости разума обо́йтися не могутъ. Имъ всѣ обороты и перевороты мыслей въ самой скорости пѣтребны; однако простительныя дремля замарать бумагу, нежели потерять войско. Но сколько при оспроуміи Полководцу и Стихотворцу пылкость полезна, толико она и вредна безъ оспроумія. Стихотворецъ набредитъ, и бредомъ своимъ себѣ и несмысленнымъ чинателямъ поруганіе здѣлаетъ; Полководецъ набредитъ, и потеряетъ армію. Министру въ пылкости великой нужды нѣтъ; важнѣйшія дѣла скорости не требуютъ, но многихъ размышленій, тончайшихъ разсмотрѣній и разбора всѣхъ подробностей. И такъ когда говорится: Человѣкъ пылкой, это не называется, человѣкъ разумной. Разумной человѣкъ, есть человѣкъ основательной. А ежели кто имѣетъ щастіе быть оспроумнымъ и пылымъ; тому необходимо въ важныхъ дѣлахъ свою пылкость удерживать надлежитъ. Лѣнныя лошади погоняются, а ретивыя удерживаются; такъ медлѣнность разума должна быть благо-разсужденіемъ понуждаема, а пылкость удерживаема. Что скоростію испорчено, то иногда и долговременностію исправлено

а первая Актриса была жена ево , которая идучи за гробомъ ево пѣла пѣсню по примѣру оперистокъ , которыя такъ же при гробахъ любовниковъ своихъ пѣсни поютъ , только лишь въ прозѣ и безъ инструментальной музыки. Содержаніе сей Аріи состояло въ томъ , для чего мужъ ея умеръ. Нещасливый мужъ! ты умеръ противъ воли своей , а ежели бы волею , побѣ тебя не похоронили ; ты умеръ противъ воли , да тебѣжь еще и пеңяютъ , для чего ты умеръ. Жена ево выла , однако она притворно выла , для того что ни гдѣ Каданса не потеряла , что въ такомъ обстоятельстве одна только оперистка здѣлать можетъ. На Васильевскомъ острову улицы не вымощены , и слѣдственно по окончаніи зимы всегда бывають грязны , такъ что не только пройти , но и проѣхать иногда трудно. Сей мертвой былъ посадской человекъ и старинной фабрики , котораго рода посадскія люди перепоясываются кушаками , а жены ихъ носятъ туфли , или лучше сказать ходятъ въ туфляхъ , ради того что они туфли носятъ ногами. Ежели бы не было на ногахъ печальныя сея вдовицы туфель , а на улицѣ грязи ; я бы еще могъ подумать , что жена умер-

умершего пѣсню въ страсти поетъ ; но шуфли и грязь все мое сумнѣнїе разрѣшили. У Италїанскихъ оперистокъ , какъ извѣстно, хвосты по подобію павлиновъ длинныя ; и ради того когда Актриса повернется, два пажа хвостъ , висящїй съ преширокой изъ обручей составленной юпки , передвигаютъ , а сія Актриса вмѣсто великой юпки великое имѣла покрывало , называемое фатою , съ пою разностию , что фата на головѣ. Вмѣсто пажей имѣла она двухъ помощницъ , которыя показывали , будто они поддерживаютъ плачущую или паче поющую вдовицу , хопя она и очень шла бодро. Не позабыла она въ безпамятствѣ своемъ пропивъ самаго того окошка , изъ котораго я на сію смотрѣлъ комедію , сыскать мѣсто , гдѣ ступитъ посуше , и на всемъ пупи ни которой шуфли отъ вязкости грязи съ ногъ не сронила. А что не вышла ни разу изъ Каданса , ни мѣся грязи , ни осторожно оную обходя , по всеконечно дѣлала спрась. По окончанїи сего плачевнаго и смѣшнаго позорища , или лучше сказать , по окончанїи сея Трагикомедїи , котораго рода Драмъ нѣтъ и не бывало, пришли мнѣ отъ сего зрѣлица на умъ тѣ Спихотворцы , которыя

рыя слѣдуя единымъ только правиламъ, а иногда и единому желанію полстїи на Геликонѣ ни мало не входя въ спрась, и ничего того, что имъ предложитъ не ощущая, пишутъ только то, что имъ скажетъ умствование или невѣжество, не спрашиваясь съ сердцемъ, или паче не имѣя удобства подражать естества простотѣ, что всево писателю труднѣе, кто не имѣетъ особливаго дарованія, хотя простота естества издали и легка кажется. Что болѣе Стихотворцы умствуютъ, то болѣе притворствуютъ, а что болѣе притворствуютъ, то болѣе завираются, и уподобляются сей оплакивающей смерть мужа своего вдовицѣ, которая щедъ за гробомъ пѣла дурацкую пѣсню.

А. С.

IX.

РОССІЙСКІЙ ВИӨЛЕЕМЪ.

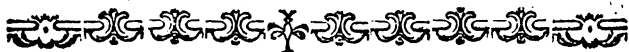
Между знатнѣйшими Римскими родами, какъ сего города и Архивы явствуютъ

ѳотъ есть родъ колонна. Въ семь родѣ числятся больше двухъ сотъ славныхъ мужей, много священныхъ мучениковъ, и болѣе прищипши Кардиналовъ. Сей родъ распространился не только въ Римѣ и въ Италіи, но и въ Ишпаніи, Россіи и Германіи. Въ Россію пришелъ изъ Рима Карлъ Колонна, убѣжавъ отъ полъ отъ нападенія своихъ непріятелией, гдѣ показавъ при многихъ обстоятельствеяхъ великую храбрость приобрѣлъ себѣ славу и богатство. Сей Карлъ на Москвѣ рѣкъ построилъ замокъ, и нарекъ его по имени своего рода колонною. Замокъ сей есть нынѣшній городъ Коломна. Онѣ ли или потомки его построили село Коломенское, о томъ подлинно мнѣ не извѣстно, но то мнѣ извѣстно, что въ семь селѣ родился **ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ**, основатель нашего благополучія, опецъ отечества, честь народа своего, страхъ непріятелией и украшеніе рода человѣческаго. И такъ о семь селѣ вѣчнаго достойномъ почтенія можно въ нѣкоторомъ разумѣ то сказать подражаніемъ, что Матѳеи Евангелистъ по пророчеству пророка Михея говоритъ о Виѳлеемѣ: Ты Коломенское не уступишь во славу ни которому граду Россійскія державы; ибо въ тебѣ родился **ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ**, основатель благополучія Россіи.

Россійскій Впелеемъ: Коломенско село,
 Которое на свѣтѣ Петра произвело!
 Ты щастья нашего источникъ и начало;
 Въ тебѣ величїе Россійско возсіяло.
 Младенца, коего ты зрѣло въ пеленахъ,
 Европа видѣла на городскихъ стѣнахъ,
 И Океанъ ему подъ областьъ опдалъ воды:
 Дрожали отъ него вся землей народы.

А. С.

Х.

Е К Л О Г И.

I.

И Р И С А.

Въ день красный нѣкогда, какъ солнце уклонялось,
 И море погрузить ево приготавливалось,
 Когда краснѣлися и горы и лѣса,
 Луна готовилась ийти на небеса,
 Ирїса при водахъ по камышкамъ бѣгущихъ,
 Въ кушарникѣ, гдѣ гласъ былъ слышанъ Нимѣ
 поющихъ,
 Въ-

Вѣщала таинство душъ будучи одна,
 И вопль въ какихъ словахъ вѣщала то она:
 Рабьяческая жизнь моя ужъ миновалась,
 Въ конюрююя здѣсь цѣбтами забавялась.
 Въ началѣ сей весны, лишь листы облекъ лѣса,
 И отрасли свои пустили древета,
 Природа безъ наукъ мнѣ нову мысль вдохнула,
 Лишь я изъ пастуха прекраснаго взглянула,
 Который въ прошлый годъ мнѣ ягодъ приносилъ,
 И всякой разъ тогда за пиродъ себѣ просилъ,
 Чтобъ я его за то пять разъ поцаловала.
 Я не противилась, и все то исполняла,
 И думала о немъ, конечно онъ дуракъ,
 Такой ли въ ягодахъ какъ въ поцалуяхъ смакъ.
 Увидючи его я первый разъ въ семъ годѣ,
 И смотря на него въ послѣднiя въ свободѣ,
 Лишь только вспомнила о ягодахъ его,
 Отворотилась я потчасъ отъ него.
 Куда рабятская жизнь одной зимою дѣлась!
 Я цалованье то воспомнивъ покраснѣлась.
 И въ чувствiи познавъ, что сей пастухъ мнѣ милъ,
 Стыдилася всево, что онъ ни говорилъ.
 Какъ видѣла его, тогда я убѣгала,
 Когда не видѣла, то зрѣть его желала.
 Съ утра до вечера и въ самую темну ночь,
 Влачила зракъ его съ собой въ средину роць.
 Лице его по всѣмъ мѣстамъ очамъ мечталось,
 Что я ни видѣла, мнѣ все то имъ казалось,
 Гдѣ скрылась маперия изъ памяти грозѣ!
 Пустила на него я мысли и глаза.

Но кровь моя, но кровь во мнѣ не умолкала,
 А страсть моя еще жесточе бурновала.
 Теряется въ любви свобода и покой,
 Я искусилася по видя надѣ собой.

А воспровившись не лъзя любовной страсти,
 Какъ ябѣ оубъ нея ни родились ни пасти.
 Богиня настѣвъ и дѣвъ! гдѣ ты ѡтѣ дни была,
 Какъ въ помощь я себя на всякой часѣ звала!
 Ты гласа моею конечно не внимала,
 И сердца слабого во мнѣ не укрѣпляла.
 Нѣтъ, ты спраданія свидѣтелей моихъ,
 Дражайшихъ мѣспѣв тогда не пощѣдала сихъ.
 Источники сѣи шомясь тогда плескали,
 И на брегахъ своихъ тебя не обрѣщали.
 По рощамъ, по лугамъ бродила я сшениа,
 Ни что ужѣ не могло увеселять меня.
 Я часто муравы журчащей стой рѣчки,
 Кропила токѣмъ слезѣ. А насѣ мои овечки,
 Когда вы бѣгали во кругѣ меня бляя,
 Трепещущей рукой не гладила ужѣ я.
 Крушилась я всегда о времени прегратномѣ.
 Но нѣкогда настухѣ при вечерѣ прилпномѣ,
 Какъ нѣжно раздувалѣ власы мой Зефирѣ,
 Принесѣ въ подарокѣ мнѣ изв стада свѣжѣй сырѣ.
 Я сырѣ ево взяла, и вмѣстѣ сѣ нимѣ поѣла,
 Однако не о помѣ я помыселѣ имѣла.
 По ужинѣ оубъ сталѣ мнѣ воздухѣ похвалять.
 И звалѣ меня сѣ собой по рощамъ погулять;
 Я знала страсть свою, и сѣ нимѣ иппи боиласѣ;
 Но оубъ уговорилѣ, хоша я и не склоняласѣ.
Пошла;

Пошла, но думала, когда пылала кровь,
 Чѣпобѣ всѣми мѣрами скрывать свою любовь,
 Чѣпобѣ силы собираешь, какъ можно, припѣоряясь,
 И въ слабости ему ни чѣмъ не показаться;
 Однако онъ не крылъ гулять съ собой взмая,
 И уговаривалъ гуляючи меня:
 Дѣломъ буду я всякъ чѣсѣ терзаться злосно,
 И мучишься побой и день и ночь несносно.
 Преобразящая все старанье въ суету?
 И потубляешь свою напрасно красноту?
 Съ начала сей весны меня ты ненавидишь,
 И ищешь мѣстѣ такихъ, гдѣ ты меня не видишь,
 А я не видючи тебя мой свѣтъ грущу,
 И бѣгая по всѣмъ тебѣ мѣстамъ иду.
 Левъ гонитъ волка, водкъ спремишь за козою,
 А я по всякой день гоняюсь за побою,
 Кому что надобно, пово шо и вдечепѣ
 Какъ я еще не такъ себя любилъ мой свѣтъ,
 Тогда дражайшая меня ты цаловала,
 И многократные мнѣ образъ свой казала.
 А нынѣ на меня не хочешь и взглянуть,
 Конечно насѣ смущилъ съ побою кто нибуль.
 Что быдо отвѣчать въ какую рѣчь впускаешь
 Съ любовью, съ младоснью мнѣ надлежало драгаться,
 Кто симъ похвалялся, любовь въ нападкахъ зла?
 И вопрошивишься я ей не возмогла
 Не льстишь ли цолько ты, ево я вопрошала,
 Онъ клялся, цаловалъ, а я ужѣ молчала.
 А послѣ зачалъ ему я говорить,
 Дюбезный мой пашухъ! боюсь я любить;

Я слышала любовь желаньемъ возрастаемъ,
 Надеждою живемъ, умишкой умираемъ.
 О естли не минеиъ меня сѣя напастъ;
 Къ чему ты приведешь Ирису блану страсть!
 Для вѣчнаго ль стыда я долгъ свой позабуду!
 Я въ люшой горести, въ несиосной мѣкъ буду!
 И поипъ приятный взоръ, который былъ ужъ мой,
 Увижу обращенъ къ красавицѣ другой.
 Онъ мнѣ отвѣщивовалъ: я всѣмъ тебѣ клянуся,
 Чшо я доколѣ живѣ, къ тебѣ не премѣнюся:
 Когда я премѣнюсь, пусть мой засохнетъ садъ,
 И огородъ не дастъ плодовъ съ своихъ мнѣ грядъ,
 Мой скотъ инается пускай хощь блепою,
 И вмѣсто водъ рѣчныхъ болонною водою:
 Пускай въ моемъ саду не будетъ цвѣтшиковъ,
 Не будетъ ни пѣонъ, ни маковыхъ цвѣшовъ.
 Пустьъ блды дилѣи родипсья перестануиъ,
 И розы въ кругъ пошокъ въ послѣднѣе завянуиъ.
 Ну ежели то такъ, отвѣщивовала я,
 Люблю себя, мой свѣтъ, ты мой, а я пвоя;
 Но чшо бы наши дни пекли въ любви слаще,
 Ходи подъ пѣнь сѣю, ходи къ Ирисѣ чаще,
 И какъ ты клялся мнѣ, того не забывай:
 А Ехо смѣючись отвѣщивовало: ай.

А. С

Ни наѣдался онѣ, ни напивался въ сласть,
 И нѣкогда какъ день уже склонялся къ нощи,
 Гуляли пастухи въ срединѣ красной рощи,
 Котору съ трехъ сторонѣ дугѣ чистый украшалъ,
 Съ чепиертой хладный токѣ дѣяся оршалъ.
 Пастушки сладкѣя тупѣ пѣсни воспѣвали,
 Тупѣ пѣмфы кроясь въ водахъ ихъ гласѣ вымали,
 Сашѣры изъ дѣсовѣ съ верховѣ высекихъ гора,
 Предъшаяся на нихъ метала въ рощу взорѣ,
 Приятный пѣсенѣ гласѣ по рощамъ раздавался,
 И ехомѣ разносимѣ въ долинахъ повторялся.
 Всѣхъ лучше голосѣ Филѣсинѣ голосѣ былѣ,
 Или влюбившѣйся въ нее пастухѣ шакѣ мнилѣ,
 Но многихъ ихъ играхъ сокрылось солнце въ воды,
 И темнота принесла съ собой покой природы.
 Ошходящѣ къ шалашамъ оптодѣ пастухи,
 Прецривождяющѣ ихъ въ лугахъ цвѣтновѣ дужи,
 Съ благоуханѣемъ ихъ, дини сокѣ мѣшали,
 И сладостью весны весь воздухѣ наполняли.
 Одинѣ пастухѣ идетѣ влюбившисѣ съ мыслью сей,
 Что близко видѣся съ возлюбленной сѣрей,
 И отѣ нее имѣлѣ въ тогѣ день приащство ново;
 Другой любовное хѣ себѣ услышалѣ слово.
 Тонѣ половѣ радости цвѣтокѣ съ собой несетѣ,
 Прявѣ изъ рукѣ стоя, въ комѣ духѣ ево живѣщѣ,
 И порученный сей подарокѣ съ нѣжнымъ взглядомѣ,
 Начавшейся любви хранищѣ себѣ закладомѣ.
 Иной размолвнищисѣ съ любезной передѣ симѣ,
 Что отрекласѣ она подалоащисѣ съ нимѣ,
 Гуляя вѣечеру съ любезной помирался,

И удовольясь тѣмъ , за что онъ осердился ,
 Ликуетъ , что опять приязнь возобновилъ .
 И такъ изъ рощи всякъ съ покоемъ отходилъ ,
 Альдиинъ единъ Альдиинъ отходяишъ къ стаду смущенъ .

Филісннъ зракъ ему мучитель всемирноушенъ .
 Отсталъ оцъ пастуховъ и позади ихъ всѣхъ ,
 Какъ сонный въ лугъ идеишъ единый божъ уиѣхъ .
 Еще не вышелъ онъ изъ рощи совершенно ,
 Анъ видитъ предъ собой ту сердца кѣмъ пламенно :
 Примѣтивъ то , что онъ отъ пастуховъ отсталъ ,
 Она шла медлительно , чтобъ онъ ее догналъ ;

Хотя намбренья оца и не имѣла
 Являишъ ему , что кровь ея въ любви кипѣла .
 Не заключаетъ онъ что видя изъ шова ,
 Что въ семъ пути она осталась для нево .
 Мямещая , и въ лицъ ея не примѣчаетъ ,
 Что гордость стѣ нея далеко убѣгаишъ .
 Не вѣдаетъ она , что ей тогда зачать ,
 чтооъ было можно ей съ нимъ въ родѣ постояишъ .
 Спрашася смѣлостью предъ нею провинишъ ,
 Не вѣдаетъ и онъ , какъ туишъ оспаиовишъ .
 А простирающимъ тихонько сей свой путь ,
 Другъ другу хочется имъ молвишъ что нибудь .
 Одна въ умахъ ихъ мысль , страсть равна ихъ
 превозишъ ,

Уединеніе въ обѣихъ пламень множишъ .

Я мнида , говоришъ , краснѣяся ему ,
 Что ужъ пришелъ давно ты къ стаду своему ,
 И что отъ всѣхъ лицъ я отстада здѣсь едина .

Онъ ей отвѣщивовалъ : моя цѣла скопина ,
 И будешь въ цѣлости и безъ меня она :
 Она съ рукъ на руки Менальку отдана .
 Мой скотъ теперь уже въ покой пребываетъ ,
 На мягкой онъ травѣ лежишь , и спыхаетъ ,
 Лишь я спокойствія нигдѣ не нахожу ,
 Изъ мѹки , ахъ ! теперь на мѹку отхожу .
 Наполненъ будешь мой палашъ стеноаньемъ снова .
 Не молвила въ отвѣщъ на то она ни слова ,
 Лишь ягодъ свой ему кузовчикъ подала ,
 Которыя она въ топѣ вечеръ набрала .
 Признакъ несмысленной любви ему являетъ ;
 Но по безмолвію любовникъ понимаетъ .
 Одной Альціпъ рукой кузовчикъ принималъ ,
 Другой филисину другую руку бралъ ,
 И цалованія даешь во мзду сугубы ,
 Цалуешь руки ей , пошомъ цалуешь въ губы .
 Не будь шакъ смѣлъ , она съ досадой говоришь ,
 Мя поспушь отъ тебя шакая отврашитъ ,
 Подастъ причину миѣ тебя возненавидѣть ;
 А я тебя хочу безперестанно видѣть .
 Миѣ скотъ твой будешь милъ какъ собственный
 мой скотъ ,
 Какъ станешь ты гонять овецъ на токи водъ ,
 Я буду при тебѣ и тамо неотступно ,
 И станемъ о стадахъ своихъ печася купно ,
 Не буду безъ тебя Альціпъ ни бѣшь ни нить ,
 Не стану и подъ тѣнь деревъ одна ходить .
 Не буду рвать цѣпшы руками я своими ,
 Брашь стану отъ тебя , и украшашся ими .

Я перваго плода не съѣмъ сама, сыскавъ,
 И принесу тебѣ, что я съѣду, сорвавъ.
 Пѣть стану пѣсни тѣ, которы пѣлишь сложишь,
 Тебѣ дамъ пѣнь свой, коль ихъ не уничтожишь.
 А цаловать себя Альціиѣ, тебѣ пречу,
 Сей поступи съижусь, любиться не хочу.
 Паспухъ отвѣтствовалъ: я въ томъ немалодушенъ,
 И буду дарагой паспушкѣ я послушенъ.
 Не стану впрядь тебѣ я ечимъ докучать,
 И буду лишь одну Клеобу цаловать.
 Она меня давно привѣшно принимаетъ,
 Хотя ся привѣтснѣ мой духъ и не желаетъ.
 Любя одну тебя, и мысли всѣ вперилъ.
 Въ едину красошу твою, доколь я жиеъ.
 Она опѣ выдумки сей, видѣ перемѣнила,
 И закрасившися Альціиу говорила:
 Пришло теперь сказать привѣсны рѣчи вновь,
 Покорствую тебѣ, пускаюся въ любовь:
 Коль безъ того ты зришь въ согласіи препону;
 Цалуй меня Альціиѣ, лишь не цалуй Клеобу.

А. С.

*

*

*

III.

А Р К А С Ъ.

Цѣвшущей младости во дни дражайшихъ лѣтъ,
 Въ которы сердце мысль любовную даетъ,
 Мелита красошой Аркаса распалая,

И

И ласкою къ нему сей огонь усугубляя,
 Какую здѣлала она премѣну въ немъ,
 Ту стала ощущать, ту въ сердцѣ и своемъ.
 Не такъ ужъ приспально пала она скопицу;
 Страсть мысли полонивъ большую половину,
 Принудила ее Аркаса в бражашь,
 И въ скучныя часы почаеиу въздыхашь.
 О а любезнаго всечасно зрѣнь желала;
 Но мать бытъ въ праздности постыжкѣ воспрещала;
 Когда замедитися Меліша оплучась,
 Или когда поидетъ онъ снада не спросясь,
 Чшо дѣлала и гдѣ была: сказать подробно,
 Пастушкѣ не всегда казалось удобно,
 Чшобъ частымъ вымысломъ сумнѣнья не податъ,
 И вольности въ гульбѣ всея не потеряетъ.
 Не однократно лжетъ любя свою свободу:
 То прутья рѣзала, то черпала тамъ воду,
 То связки, то плашки носила мыть къ рѣкѣ.
 Но всѣ ль одни слова имѣть на языкѣ.
 Какъ спрашивала мать, о чемъ она въздыхаетъ,
 Меліша вымысломъ такимъ же отвѣчаетъ:
 То волкъ повадился на ихъ ходить луга,
 То будто о пенекъ зашибена нога,
 То гдѣ то будно тамъ кокушка коковала,
 И только два года ей жить предвозвѣщала.
 То полудневный жаръ ей голову ломилъ,
 Какъ молвить, чшо грустишь не зря шово, кто
индъ?

Но какъ они тогда другъ друга не любили,
 Другъ другу склонности еще не обѣвали,

Въ незнаніи о томъ препровождали дни :
 Лишь очи о любви вѣщали имъ одни.
 Довольныбѣ и сѣи свидѣтельства въ томъ были ,
 Что тающи сердца глазами говорили ;
 Но увѣрныя по имъ мало мнилось бытъ ,
 Хотѣлось имъ ево ясное получитьъ :
 А паче пастуху не очень было вяшно ,
 Что зрѣшь ево и бытъ сѣ нимъ купно ей при-
 ашно ;

Она не щилася любовнику казать ,
 Что принуждаетъ страсть , ее , ево ласкать ,
 И какъ правѣствіе Аркасу открывалось ,
 Шло безъ намѣренья , изъ спрѣпти выривалось .
 И шла она , хопь мать ее была лихѣ ,
 Въ вечерній часы увидѣть пастуха .
 Чмобъ удалиши ей на время скуки злобы ,
 Минуты оныя ей мнились бытъ способны .
 Спаруха по трудахъ легла спокоясь спать ,
 Мелѣша въ крѣпкомъ снѣ оставила тупѣ мать .
 Приходишѣ въ тѣ лугѣ , въ шу красную долину ,
 Гдѣ пасѣ возлюбленный ея пастухѣ скопину .
 Не зря любовника , отходишѣ въ блискій лѣсѣ ,
 И ищешѣ своево драгова межѣ деревѣ .
 Не предсавляетѣ ей и та ево дуброва .
 Опяшь идешѣ въ луга , ево искати снова .
 Была , желающа укрѣтъ ево , вездѣ ;
 Не обрѣла она любовника ни гдѣ .
 Куда шы , ахъ ! куда Мелѣша говорила ,
 Пустыня моево любезнаго сокрыла ?
 Дражайшій мѣснѣ , вы сиры безѣ нево ,

И вѣшѣ

И нѣтъ пригожества въ васъ для взора моего!
 Коль щастливой моей пропивишесь судьбинѣ;
 Медвѣдямъ и волкамъ жилищемъ будуще нымъ!
 Не возраспай права здѣсь здравая во вѣкъ,
 И возмущитесь попоки чистыхъ рѣкъ!
 Желая, чюбъ опсель и пшички оплетѣли,
 И большебъ соловьи здѣсь сладосно не пѣли,
 Чюбъ только здѣсь сова съ вороною жила,
 И Флорабъ навсегда свой пронъ опсель сняла,
 Чю видѣла она, на все тогда сердилась;
 Но какъ несчастная тогда она смутилась,
 Какъ мать свою вдали увидѣла она!
 Покрыта тучами ей зрѣлась та спрана.
 Старуха полежабъ не долго опдыхала,
 И вставши опо сна Мелішу покликала,
 А какъ она на кликъ ей гласу не дала,
 Въ великое ея сумнѣнье привела.
 Вдыханье дочерне ей нову мысль всеяло,
 И оплученьемъ симъ по ясно полковало:
 Отъ страха бросяся паспушка чюбъ уйши,
 И гдѣ бы мочь себѣ убѣжище найши,
 Въ забвеніи въ шалашъ любезнаго попалась,
 И вдругъ узря ево изнова испугалась;
 Хотя сей страхъ не столь пронзительнъ ей былъ,
 Какъ шотъ, которой ей издаелка грозилъ.
 Обрадовавшись любовникъ вопрошаетъ,
 Какой ево случай незапно утѣшаетъ.
 Она опвѣстуетъ: я въ швой шалашъ ушла,
 Чюбъ мать моя меня бродящу не нашла.
 Она подумаетъ, что я въ долѣ семъ зрюся,
Коне-

Конечно для того, что я съ кѣмъ здѣсь люблюся.
 Сумнѣніемъ полна идешь она сю вы.
 Дай мнѣ побывши здѣ в спасеніи отъ бѣды!
 Мелѣта ревностью Арка а заразила,
 И слѣдующу рѣчь въ уста ево вложила:
 Прещасливѣ тотѣ паспужѣ, кто власть свою
 позналъ,
 И полюбивѣ тебя себѣ угоденѣ сталѣ,
 И злополученѣ я, что зрю тебя съ собою,
 Загнана въ мой шалашъ любовію чужою.
 Сныдилось таинство она ему открышь,
 Но сныдѣ и паче былѣ предѣ нимѣ чужою слышь.
 Боялась стращь кѣ себѣ ево она убавишь,
 Жалѣла въ семѣ ево сумнѣніи оспавишь.
 Чтожѣ дѣлать? кодь ево ей хочеша любишь;
 Такѣ по ему она должнажѣ когда открышь.
 Свирѣпой! на сіе Мелѣта отвѣчаешѣ:
 Иль мало взорѣ тебя вседневно увѣряешѣ,
 Что ты угоденѣ мнѣ? ковожѣ, ты мнишь люблю,
 И для ради ково я страхѣ такой терплю?
 Я для ради тебя пріяти дерзоснѣ смѣла,
 На сихѣ тебя лугахѣ увидѣшь я хотѣла.
 Сіюль за то мнѣ мзду жестокой воздаешѣ,
 Что ты меня чужой любовницею зовешѣ?
 Старуха не сыскаеѣ Мелѣпы возвратилась.
 А дочерня боязнѣ въ ушѣху превратилась;
 Аркасѣ изв ревности кѣ веселью приступилѣ,
 И много съ ней минутѣ дражайшихѣ проводилѣ.
 По семѣ исполненна любовныя пріязии,
 Пришла дочь кѣ мащери исполненна боязии.

Лгала ей, что ее пастушка позвала,
 Съ которою она въ согласіи жила,
 Что отречись ни чѣмъ опѣ збу не умѣла,
 А мащери будить, въ снѣ крѣикомѣ, пожалѣла.
 И дожъ и истина могли тѣ рѣчи быть:
 Всегдаль опѣ вымысла лъзя правду опидѣлить!
 Прогнѣванная мащъ дочъ вольну пожурила;
 Но дочъ несла легко, что мащъ ни говорила.

А. С.

* * *

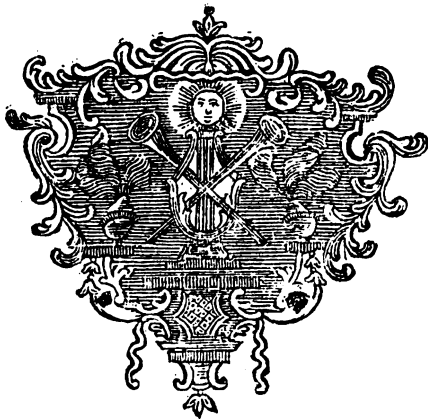
Оглавленіе.

	страни.
I. Опытъ Шведскаго Словаря. - - -	195
II. Баснь о Пирамѣ и Энисѣ изъ Овиді- выхъ превращеній - - -	212
III. О важности слова. - - -	219
IV. Истолкованіе личныхъ мѣстоименій: - - -	225
V. Разсужденіе изъ третьей части и смотрителя. - - - - -	229
VI. О несогласіи. - - - - -	231
VII. О разности между пылкимъ и ост- рымъ разумомъ. - - - - -	235
VIII. О неестественности. - - - - -	237
IX. Россійскій Виолетъ. - - - - -	240
X. Еклоги. - - - - -	242

ТРУДОЛЮБИВАЯ
П Ч Е Л А.

Маѣй 1759 года.

ВТОРЫМЪ ТИСЧЕНІЕМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
при Императорской Академіи Наукъ
1780 года.

I.

О РАЗУМѢНІИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ПО МНѢНІЮ ЛОККА.

Локкъ отрицаетъ врожденныя понятія. Ежели бы сія истинна врожденна была, что нѣчто можетъ вдругъ существовать и несуществовать; младенцы постигнули бы то, какъ скоро матернюю упробу покинули, а того нѣтъ. Разумѣніе просвѣщается чувствами, и что больше они укрѣпляются; то больше оно просвѣщается. Все то, что мы ни понимаемъ, въясняется въ разумъ чувствами. Разсужденіе кромѣ данныхъ ему чувствами ни какихъ основаній не имѣетъ. Разсужденіе безъ помощи чувствъ ни малѣйшаго движенія въ изслѣдованіи здѣлать не можетъ. Разумъ ни что иное какъ только дѣйствія души, въ движеніе чувствами приведенныя. Что больше человекъ видитъ, то больше разумѣетъ. Могъ ли бы человекъ постигнуть что сладко,

и что горько, ежели бы онъ не имѣлъ вкуса? Можетъ ли кто постигнуть, что бѣло и что красно, разумомъ, слѣпъ родившися? Кто глухъ родился, тотъ о музыкѣ ни малѣйшаго понятія не имѣеть. Все, что ни есть, неопровергаемое Локково мнѣнiе утверждаетъ. Маленькой младенцу едва разумъ имѣя, что сладко и что горько столько жъ какъ и большой человекъ постигаетъ. Не врожденный разумъ пому ево научаетъ, но вкусъ. Не сказываетъ разумъ младенцу, что три и семь, десять, покажется онъ до десяти считать не научится. Что Левъ и что Медвѣдь, не врожденный разумъ человеку сказываютъ, но зорь. Что колокольный звонъ и что пушечная пальба не разумъ сказываетъ, но слухъ. Какъ пахнетъ Корица, Гвоздика, не разумъ сказываетъ, обонянiе. Что ударъ пѣлу боль дѣлаеть, не разумъ то сказываетъ, осязанiе. Разумъ ни чему насъ не научаетъ, чувства то дѣлають. Всѣ движенiя души отъ нихъ. Что холодно и что горячо, разумъ ли сказываетъ? Разумъ есть ни что иное, какъ только содержатель вображенiй, порученныхъ ему чувствами. Естество никакова начертанiя въ разумъ безъ чувствъ

чувствъ не можеть учинить. Человѣкъ
ученой и человѣкъ дикой, не разумомъ
разнятся, но употребленіемъ чувствъ.
Ежели бы разумъ былъ врожденъ, на
что бы потребны были науки? Не на-
добны бы были, слѣпому глаза, а глу-
хому уши. Все бы то дѣлалъ разумъ,
а чувства были бы не надобны. Ра-
зумъ ни чего не дѣлаетъ, лишь толь-
ко сохраняетъ то, чѣмъ ево чувства
обогащаютъ. Кратко: Врожденнаго по-
нятія нѣтъ.

Природа не извѣщаетъ истинны въ
душахъ нашихъ, и слѣдственно ни ка-
кова нравоучительнаго наставленія не
подаеть. Естьли бы такъ было; не
было бы разбойниковъ, а они между
собою и дружбу и узаконенія имѣють;
на врожденной ли истиннѣ се основано?
ясно, что нѣтъ. Ежели бы врожденное
было нравоученіе; оно бы вдругъ по-
стигнуто бытъ долженствовало, а мы
оному научаемся, и сложениемъ многихъ
вображеній, до него доходимъ. Одни
несложныя просвѣщенія, чувствами, ра-
зомъ понимаются. Рабенокъ то, что
темняе и что свѣтляе, равно какъ и
большой человѣкъ постигаетъ. Большой
слагая понятіе съ понятіемъ, и вобра-
женіе съ вображеніемъ, о свѣтѣ рассу-

ждаеть', а первое воображеніе, не больше младенца чувствуетъ. Не требовала бы доказательства истинна, ежели бы она врожденна была. Что красно и что бѣло, на то не надобно доказательства; а сіе показываютъ чувства, чего разумъ не дѣлаеть, и сѣдственно ни врожденнаго разума, ни врожденныя истинны нѣтъ. Свойственно человѣку желать себѣ щастія; но сіе желаніе не врожденное, но происходящее отъ чувствъ. Ежели бы чувства того не вѣдѣли; не было бы и желанія сего. Спроси Хрисіяннина, для чего онъ опасается дѣлать беззаконіе: Спроси ученика Гоббсзиева: Спроси языческаго Философа. Первой скажетъ: Боюся Бога. Другой: Боюся начальства. Трешій скажетъ: Боюся стыда; такъ имъ сіе узаконеніе чувства предписали, а не врожденное право. Уменьшается ли шѣмъ премудрость нашего Создателя, что нравоученіе основано на чувствахъ, а не на разумѣ? Совѣсть основана на чувствахъ, а не на врожденномъ понятіи, котораго нѣтъ, и быть не можетъ. Ежели бы совѣсть врожденно изобличала; допустила ли бы она до беззаконія. Воспитаніе, наука, хорошія собесѣдники и прочія полезныя наставленія,

ленія , приводящъ насъ къ безпорочной жизни, а не врожденная истинна. Есть-ли бы совѣсть была врожденна ; всѣ бы люди жили честно , и всѣ бы повиновались единому закону. Что честно въ одномъ народѣ , тобѣ честно было и въ другомъ : Не было бы ни войны ни ссоръ ; ибо не было бы различныхъ о справедливости толкованій : Всѣ бы философствовали , и всѣ бы , ни чего добраго , не видѣвъ , не слышавъ , и ни чему не учившись , здраво разсуждали ; а того нѣтъ. Ни безбожника, ни суевѣра , затвердѣвшихъ во мнѣнїяхъ , совѣсть не обличаетъ ; гдѣ же врожденная истинна дѣвается ?

(Продолженіе въредъ будетъ.)

II.

КЪ ТИПОГРАФСКИМЪ НАБОРЩИКАМЪ.

Когда вы набираете литеры для моихъ писемъ , я прошу васъ наблюдать

дать слѣдующее. Силъ не ставитъ
 ни гдѣ ; ни въ какомъ словѣ Русскимъ
 людямъ они не надобны ; мы пишемъ
 по Русски не для чужестранцовъ , но
 для себя , а чужестранцы могутъ тѣмъ-
 же образомъ и безъ силъ научиться на-
 шему языку , какъ мы ихъ языку на-
 учаемся. Они знаковъ на слогахъ уда-
 ренія не ставятъ ; однако мы безъ труд-
 ности ударенію словъ ихъ научаемся.
 Сея ради причины у насъ силы уже
 выброшены , кромѣ словъ безъ силы два
 или ежели есть и болѣе знаменованій
 имѣющихъ ; и такъ я говорю объ остав-
 шихъ ненадобныхъ намъ силахъ. Гдѣ
 должно сказать , *сѣрдца* и гдѣ *сѣрдца* ,
 то всякой Руской человекъ и безъ сего
 ему типографскаго предваренія пойметъ ,
 а по складу и чужестранецъ не оши-
 бется , ежели знаетъ по Русски. Силы
 дѣлаютъ справщику и вамъ трудъ ни-
 кому не полезный , и трудъ Автору
 въ поправкѣ набраннаго его сочиненія.
 Когда исчезнутъ силы , исчезнетъ съ
 ними и пестрота обезображивающая
 прѣкрасную нашу нынѣшнюю печать.
 Собственныя имена такъ же силъ не
 требуютъ , ибо удареніе въ собствен-
 ныхъ именахъ на Русскомъ языкѣ отъ
 удареній чужестранныхъ языковъ отлѣ-
 няется

няется по нашему свойству. На пр: Елегія, по свойству нашихъ удареній Елегія, Еклога, Еклога, и пр: А ежели которыя имена остаются и въ прежнемъ своемъ свѣствѣ, и тѣмъ легко понятъ можно, по примѣру другихъ именъ изъ того языка, тѣмъ образомъ, которыми догадывающся не ставя силъ чужестранцы. А ежели какое не важное собственное имя и на выворотъ молвится, такъ сколько неважно то имя, столько не важна та и потребность. Лучше ставить силу надъ словами чужестранными, въ которыхъ намъ нѣтъ нужды, и которыя присвоены бытъ не могутъ, и для того ихъ силою почитать, что они силою вѣхали въ языкъ нашъ, и которыя трудно выжить, по тому что десять человекъ ихъ выталкиваютъ, а многія ихъ тысячи ввозятъ. Ето мнѣ смѣшно, что мы втаскиваемъ чужія слова, а то еще и смѣшное, что тому не многія смѣются, хотя языкъ народа и не послѣднее дѣло въ народѣ. Или можетъ быть я грѣшу, что тому смѣются, а они благоприсойно поступаютъ, и ради того не смѣются, что то не смѣха но сожалѣнія достойно. Имена прилагательныя кончающся у меня во множествен-

номъ всѣхъ родовъ въ именительномъ падежѣ на Я. А потому что я по единому только собственному моему произволению ни какихъ себѣ правилъ не предписываю, и не только другимъ но и самому себѣ въ грамматикѣ законодательствомъ быть не дерзаю, памятуя то, что Грамматика повинуется языку, а не языкъ Грамматикѣ; такъ долженъ я объявить вамъ, ради чего я всѣ прилагательныя такъ окончаю. Ради того что всѣ такъ говорящъ. А для чего такъ говорить начали, о томъ спросите древнихъ предковъ нашихъ, ежели вы къ тому случай имѣете. А всенароднаго употребленія не возможно опровергнуть, да и не для чего. Другой на сѣ доводъ столько жъ важенъ: Въ Славенскихъ нашихъ книгахъ, прилагательныя имена, множественнаго числа въ единственномъ, рода мужескаго кочающа на И. Въ женскомъ и въ среднемъ на Я. Ежели намъ слѣдуя тому поступать; такъ мы Славенскимъ мужескимъ окончаніемъ введемъ нѣчто не свойственное въ нынѣшній языкъ нашъ, къ чему народъ не только привыкать не можетъ но и не станетъ. Какому жъ послѣдуя правилу окончаєте вы во множественномъ прилагательныя имена на

Е?

Е? Вы скажете: такъ пишуиѣ ныиѣ. Кто такъ пишешѣ ныиѣ? Всѣ, вы скажете. Право не всѣ, ибо не всѣ еще симѣ заражены, и ни когда не заразятся, а по, что не имѣешѣ ни малѣйшаго основанія, споятъ не можешѣ. Предлогѣ, *При*, въ сложенныхѣ съ нимѣ словахѣ ставишѣ такъ какъ онѣ ешѣ, не премѣняя липеры *И*, въ *І*; ибо всякое слово, гдѣ бы оно вставлено ни было, тѣмѣ жѣ словомѣ остаешѣ, что оно было; слѣдственно и липеры свои удержашѣ должно: Оно знаменованія своево не теряешѣ, и ни мало отѣ существа своево не опшодитѣ. Изѣ словѣ, *Множить*, *У*, *При*, соспавляешѣ слово, *пѣумножить*. Для чево жѣ пишешѣ *пѣумножить*? или изѣ словѣ *Яти*, *При* и *Не*, соспавленное слово, *нелпрятель*, для чево пишешѣ *нелпрятель*? что въ Славенскихѣ нашихѣ книгахѣ слѣдуя правилу, что бы предѣ гласною литерою ставишѣ *І*, не здѣлано выключки на предлогѣ, *при*, ешо учинено забвеніемѣ, не представивѣ себѣ, что безѣ выключки мало правилѣ, или хотѣлося переводчикамѣ покоришѣ закону своему, не покоряющеся правилу ихѣ *при*. Имѣ ешо удалосѣ; я полько бѣдному, *при*, и нѣкощорыя мои сооб-

сообщники, къ слабому ево защищенію
 оспался. Не только предлогу, при, и
 человекѣ бѣдному не скоро судѣ сы-
 скашь можно, а особливо ежели судѣи
 несправедливаго мнѣнія, или какое при-
 страстіе имѣють. Тогда ошѣ судей
 челобитчику такое рѣшеніе выходитъ:
 Отказать; ибо мы того здѣлать не
 хопимъ. Имена существительныя кон-
 чающіяся на ъ, суть рода женскаго;
 такъ ради чего имѣющія охоту перела-
 мывать правилами языкѣ говорятъ ве-
 ликоу камень, великоу пламень, а не
 великая камень и не великая пламень?
 Это бы лучше было, по тому что не
 было бы выключки. Что меньше пра-
 виль, то легче языку научиться, а
 нѣкоторыя думаютъ, что въ легкости
 языка немалое состоитъ достоинство;
 однако тошѣ Алмазъ не дешевле, ко-
 торой легче. Мнѣ думается, что въ
 умѣренной стягости языка больше най-
 ти можно достоинства, по тому что
 ошѣ того больше разности, а гдѣ боль-
 ше разности, тамъ больше приятности
 и красоты, ежели разность не перя-
 етъ согласія. Трудность языка къ на-
 ученію больше требуетъ времени, но
 больше принесетъ и удовольствія. При,
 и томъ, ло и томъ дѣлаете вы од-
 нимъ

нимъ словомъ, и когда набираете, *потомъ*, ставите силу такъ изображая: *потомъ*, чтобъ не было выговорено, *потомъ*. Не сопрягайте двухъ словъ въ одно, когда вы мои письма набираете. Палочекъ между словъ не ставьте, на прим: *по-морю*; еще хуже набирають такія рѣчи какъ *по морю*, и ставятъ силу на односложномъ словѣ такъ: *по морю* или съ палочкою *по-морю*. Гдѣ свѣтло тамъ свѣтъ не зажигаютъ, а что ясно о томъ толковать не надобно: гдѣ поставлено *по морю*, всякъ будетъ читать и безъ предваренія *по морю*, а не *по морю*. Односложныя слова уже и для чужестранцевъ силъ не требуютъ; ибо гдѣ одна только гласная литера, тамъ ударенія на оную ни кто обойти не можетъ. Два не могутъ быть не два, а три не могутъ быть не три, подобно не можно не ударить голосомъ въ литеру гласную, ежели она одна только, а Хореи наши и Ямбы составленныя изъ двухъ долгихъ слоговъ суть Спондеи, какъ изъ двухъ короткихъ Пиррихїи, и употребляются слагателями стоить по необходимости. Спондеи превращаются въ Хореи и Ямбы силою и удареніемъ мысли, а Пиррихїи остаются слабыми двусложными сполами; что

что стопослагатели хотя и тщались
 обѣгать, но ни въ самомъ пресѣченіи
 стиха всегда обѣжать не могутъ, еже-
 ли для сей маловажной причины не хо-
 тятъ уменьшить красоты въ изобра-
 женіи мысли своей. Шаспливы тѣ въ
 ономъ, копорья о красотѣ мыслей не
 пекутся, или паче достигнуть ея
 суешную надежду имѣютъ. Они безъ
 сожалѣнія рѣмѣ, пресѣченію и стопѣ,
 мысли свои на жертву приносятъ. Не
 безщасливы и тѣ, копорья сочиняя сти-
 хи съ рѣмами, ни о чиспыхъ стопахъ,
 ни о хорошихъ рѣмахъ не думаютъ,
 а всѣхъ щаспливае тѣ, копорья сочи-
 няя стихи ни о чемъ не думаютъ; сто
 всево легче. Въ собственныхъ именахъ
 по свойству произношенія нашего язы-
 ка, ежели слѣдуетъ послѣ І, А, спавъ-
 ше вездѣ въ нашихъ сочиненіяхъ Я.
 На прим: вмѣсто, Діана, Марія, На-
 палія. Діяна, Марія, Напалія. Въ
 другихъ словахъ изъ языковъ чужихъ
 такъ же, на прим: вмѣсто, Елегія,
 Церемонія, Азія, Иліада: Елегія, Це-
 ремонія, Азія, Иліада, ибо произно-
 шенію нашему не свойственно. А и У
 въ срединѣ, и въ концѣ слова безъ ли-
 терѣ безгласныхъ выговаривать по есте-
 ству ихъ и всегда кромѣ начала слова
 А,

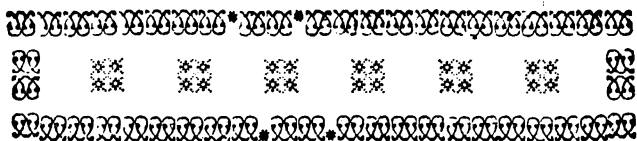
А, и У, стоя одни прѣмѣняются въ Я, и Ю; Не говорится Іунь, Іуль, Іудея, но Іюнь, Іюль, Іюдея. Грубой гласной литеры У, древнія Славяны и въ началѣ слова не выговаривали, прилагая къ У, О, для умягченія грубости литеры У, неприятельницы музыки, и выговаривали О, весьма коротко, которое почти не слышно было, лишь только смягчало грубость литеры У, и ради того во всѣхъ нашихъ древнихъ книгахъ У, безъ О, въ началѣ ни гдѣ не положено. А у Грековъ, У, изъ двухъ литеръ по той же причинѣ составляется. При безгласныхъ посреди слова ставился у насъ вездѣ Икъ, которой мягче нежели У, произносился, что и нынѣ наблюдать надобно: на концѣ стоя У, одно, прѣмѣнялося оно въ Ю, и только стоя на концѣ съ безгласною литерою произносилось, когда грубость ево дѣйствовать не можетъ. Свойственно естеству человѣческому, а можетъ быть и всякому животному грубое произношеніе голоса сколько можно умягчать, отъ чего родилась музыка и спосложеніе. Всѣ языки имѣють грубости, одинъ болѣе, другой менѣе; ибо языки составляются не учеными людьми, но людьми, и не одними разсудительными, но всякими; такъ

такъ по жь естество, которое въ гру-
бости впадаетъ; оныя грубости и смяг-
чаетъ. Языки разныя имбють сурово-
сти; разныя къ тому и способы упо-
требляются. Въ нашемъ языкѣ слуху
досаждаютъ изъ несогласныхъ литеръ
составленныя слоги, а особливо изъ
трехъ безгласныхъ литеръ, или когда
конецъ слова, съ началомъ того слова,
которое слѣдуетъ ему, не согласенъ:
что я хотя и весьма наблюдаю спа-
раяся разноситъ какъ возможно слова
неприятно слуху сражающіяся, да не
только въ стихахъ но и въ простой
рѣчи; однако не всегда по здѣлать мо-
жно, а языка ломать не надлежитъ;
лучше суровое произношеніе, нежели
спрванное словъ составленіе. Суровыя
слоги суть такова свойства: *Гла, хва;*
жгла, жгла и пр: тому подобныя. Су-
ровыя сраженія суть такова свойства:
Бухвъ безгласныхъ слряженіе. Безъ похвалъ
твердость злата. Есть жизнь многолѣтна.
Совѣсть злая. Прахъ трехъ правоучите-
лей. Версть мгновенно. Отворять врата.
Взглядъ дремлитъ и пр. На противъ
того гласныя наши литеры предо
всѣми извѣстныхъ языковъ превосход-
ство имбють, и ими смягчаемъ мы
приятнѣйшимъ образомъ суровости нѣ-
когдо-

которыхъ нашихъ слоговъ. Не только А въ Я, и У въ Ю, премѣняющся, но всѣ гласныя въ выговорѣ часто премѣняющся. О въ А; ибо А мягче слышится, и суровѣ онѣ только послѣ гласной литеры. И, премѣняется въ выговорѣ въ ІИ. Е въ началѣ и въ концѣ слова всегда двугласная литера. Вошла было въ нашу Азбуку спранныя литера для изъясненія словъ чужихъ; однако сей пришлецъ выгнанъ, и спавимъ мы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она спановишься хотѣла, спаринную свою литеру Е, и чужія слова по свойству нашего произношенія изображаемъ ею на пр: Ева, Европа, Евнухъ, и пр: А что не говорятъ, Еденбургъ, Едуардъ, Еригерцогъ, а по свойству другихъ языковъ произносятся, шому причина та, что мы свой выговоръ и языкъ портить намѣрены, и во всякихъ обстоятельствахъ Нѣмецкой и Французской языкъ прекрасному своему языку предпочипаемъ, котораго красота многія и не знаютъ, а не зная красоты природнаго языка, можно ли красоту познать чужихъ языковъ, ещо я предаю разсужденію всѣхъ людей; кромѣ самыхъ невѣжъ, которыхъ какъ велико число, я не вѣдаю. Слѣдуйте въ правописаніи и во многомъ прочемъ

до Грамматики и до вашей должности касающемся, больше древнимъ переводамъ Греческихъ книгъ, нежели худымъ съ Нѣмецкаго и Французскаго языковъ переводамъ, отпѣняя враки переводчиковъ, ежели они вамъ позволяшъ. Вы знаете, что не только многія переводчики, но и нѣкоторыя Авторы грамотъ еще меньше знаютъ нежели подьячїя, которыя высокобравяся любимыми своими словами, Понеже, Точїю, Якобы, Имѣеть быть, Не имѣется, и прочими такими. А о подьячихъ не заключайте, что они искусныя васъ, что въ два яруса ставяшъ литеры и четыре литеры узорно въ словѣ Лѣта, перепушываютъ, ниже изъ того что они богатыя васъ, вседневно примѣчая что безграмотныя люди всегда грамотныхъ людей богатыя бывають. А писцами называются они Иронически, потому что они пишутъ не умѣють, да ешо жъ и не ихъ должность; ихъ должность обираеть.

(Продолженіе влредъ будетъ.)

III.

О НЕСПРАВЕДЛИВЫХЪ ОСНОВАНИЯХЪ.

Ето хорошо и ето 'худо, говорится очень часто, однако чаще, худо, нежели хорошо; и подлинно, что худова на свѣтѣ дѣлается больше нежели хорошева, однако не ради того чаще говорится, ето худо, но ради того, что человѣческое невычищенное, или лучше сказать, испорченное естество больше къ похуленію нежели къ похваленію склонно. Часто хвалящѣ, и хулящѣ люди и противно своему мнѣнію, а чаще еще окадованны ненавистью, сыскали мы способъ обманывать себя, которыми можемъ мы увѣриться, какъ хотимъ, и видя бѣлое не нарушая правъ совѣсти можемъ клясться, что оно хотя и не черно, однако желто. До такой степени дошло человѣческое искусство. Скоро изобрѣдемъ мы способъ увѣрять себя,

что десять, не десять, да пятнадцать; что аршинъ, не аршинъ, да полпара аршина; что фунтъ, не фунтъ да полпара фунта. Большею части людей думается, что свѣтъ часъ отъ часу разумняе становится; другимъ думается, что онъ часъ отъ часу становится глупяе; а я такое имѣю мнѣніе, что самая малая часть рода человеческого часъ отъ часу разумняе становится, а остатокъ часъ отъ часу далѣ и далѣ въ невѣжество заходитъ, и сколько становится глупяе, столько умножается ево высокоуміе. Это я говорю не въ разсужденіи нѣкоторыхъ ученыхъ знаній, но всево вообще; ибо это извѣстно, что многія знанія возросли, многія изобрѣтены, многія пали, а нѣкоторыя, и можетъ быть, многія исчезли. Всѣ новыя умствованія основаны на умствованіяхъ древнихъ. Мода переменяется всегда, а природа ни когда. Не давно ходили съ короткими простями, и говорили, что они покойняе длинныхъ: нынѣ ходятъ съ длинными простями, и говорятъ, что длинныя покойняе. Не давно люди рождалися и умирали: нынѣ такъ же рождаются и умираютъ; мода переменялась, а природа нѣтъ. Пешиметеры, сшараяся другъ друга перещеголять мѣрою

рою тростей, вышли за границы. Здравымъ разсужденіемъ приближаемся мы къ центру познанія, котораго смертныя ни когда не могутъ коснуться. Кто больше до сего доходитъ центра, и кто меньше его переходитъ, тотъ справедливая дѣйствуетъ. А тщетныя люди не только въ важныхъ дѣйствіяхъ, но и въ неважнѣйшихъ мѣры не знаютъ. Примѣръ тому съ длиною тростью пестиметеръ. Что на природѣ и истинѣ основано, то ни когда премѣниться не можетъ; а что другія основанія имѣетъ, то похваляется, похуляется, вводится, и выводится по произволению каждаго, и безъ всякаго разсудка. А по тому что разныя у людей мысли, такъ разныя по разности вкуса умствованія, разныя изобрѣтенія и разномысленныя дѣйствіямъ и вещамъ, похваленіе и похуленіе бывають; ибо все доказывается по большей части своемысленно, а не правомысленно, и для увѣнчанія невѣжества, назвали невѣжи ясныя и непреоборимыя доказательства, педанствомъ, не имѣя, въ чемъ педанство состоитъ, ниже понятія. Логическое и Математическое доказательство не педанство, но путь къ истинѣ, которымъ шествуя, и просвѣщенный разумъ имѣя проводникомъ до по-

слѣднихъ границѣ нашего умствования заблудиться не возможно. Многое знашь слышевѣ у невѣжѣ : знашь по педантски или по школьному. Малое знашь, или по-грубѣе выговорить, ни чево не знашь, слышевѣ у нихъ : знашь по кавалерски. Кто жѣ педанты и кто Кавалеры ? Педанты по ихъ мнѣнію суть Профессоры и прочія ученые люди, которыя не по моему мнѣнію, но по справедливости, ежели они достойны своего званія, суть люди перьваго въ обществѣ класса. А имя Кавалера обыкновенно дается дворянамъ ; и пакѣ знашь по кавалерски, есть знашь по дворянски, знашь сполько, сколько благородному человѣку пристойно, то есть мало и не основательно, чпобѣ умѣть начинать говорить о всемѣ, и не умѣть окончать ни о чемѣ, скакать изъ матеріи въ матерію показываясь, будто все знаешь, хопя епому кромѣ такихъ же невѣжѣ и ни кто не повѣритѣ, доказывать не по педантски доводами, но по дворянски крикомѣ, изо всей мочи хахаташь, и по томѣ ежели самымѣ лупчимѣ и благороднѣйшимѣ образомѣ рѣчь окончить, то есть по пешиметрски ; пакѣ надлежитѣ запѣть Французскую пѣсню, или кто не знаетѣ Французскаго языка,

хопя

хотя и рускую, только чтобъ не было въ ней ни склада ни лада, въ каковыхъ пѣсняхъ нѣшъ недоспапка. Таковое въ наукахъ знаніе называется, знаніе дворянское, знаніе благородныхъ людей. Быть Историкомъ, Машемашикомъ, Физикомъ, дворянину стыдно, а всево стыднѣе проповѣдникомъ. Похвально ни чево не знать, а всево похвальнѣе не знать и грамотѣ. Предки наши говаривали: на что умѣшь писать? вишь не въ подьячихъ быть: на что умѣшь чипать? вишь не во дьячкахъ быть. Да такъ и было. Отъ слова Дѣяконъ, произошло слово Дьячекъ, отъ Дьячка Дьякъ, отъ Дьяка Подьячій; ибо при воспріятіи во времена Владимеровы Россіянами Христіянскаго закона и сію приобрѣли мы пользу, что отъ Грековъ получили мы липеры, и переводами на Славенскомъ языкѣ книги, а въ началѣ Христіянскаго закона знали грамотѣ одни только священники и церьковники, и когда что попребно было написать, такъ шо писали дьячки. Дьячекъ, грамотникъ и писецъ было едино. По большей части дворяне служатъ въ военной службѣ, и возростають къ защищенію опечества: Дѣло прехвальнѣйшее! Многія думаютъ, что нѣшъ нужды воину

въ наукахъ , кромѣ Инженерства и Ар-
 тилеріи. Ежели мы возьмемъ рядовова
 саадаша ; такъ ему и въ томъ нѣтъ
 нужды ; ему только надобно выучиться
 владѣть ружьемъ. Но обрѣтающійся въ
 военной службѣ дворянинъ , или офи-
 церъ , уповаешь на вышшія восходитъ
 степенни , а иногда бытъ и полковод-
 цемъ , которому знаніе наукъ , а ими чи-
 стое просвѣщеніе разума не меньше Про-
 фессора попребно , и всѣ почти въ дре-
 вности знатнѣйшія полководцы были
 люди ученныя. Александръ, Цесарь, Ав-
 густъ и многія прочія. Въ новѣйшія
 времена такъ же. А которыя, какъ въ
 древности такъ и въ новыя времена, не
 имѣли случая въ наукахъ углубляться ;
 такъ они весьма ими просвѣщены были,
 а нѣкоторыя имѣли превосходныя разу-
 мы, дарованіе и наукъ еще почтенныя ;
 а гдѣ не доставало знанія наукъ или
 любленія оныхъ , тамо слѣдовала поги-
 бель. Митрополитъ Кіевскій Петръ Мо-
 гила учредилъ училище , и первый от-
 крылъ путь ученія Россійскому народу.
 Государь Царь Θεодоръ Алексѣевичъ, сей
 въ нѣжной младости къ горести всего
 народа скончавшійся прехвальныи Мо-
 нархъ и крайній любитель наукъ , учре-
 дилъ училище въ Москвѣ въ Законоспас-
скомъ

скомъ монастырѣ. По томъ когда возсіяло Россійское солнце, и мракъ невѣжества разсыпало, когда возшелъ на престолъ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, тогда положилъ Невскій брегъ сплавъ горою Геликономъ, и Невскія струи струями Иппокрены. Сей великій Государь разсуждалъ о учрежденіи Академіи съ единымъ изъ учивелей вселенныя славнымъ Лейбницомъ, и основалъ ее, пригласивъ къ оной нѣкопорыхъ знаменитѣйшихъ мужей, а между прочими Бернуллиемъ и Германа, который нынѣ отъ нѣкопорыхъ Германомъ великимъ называется. Лейбницъ, Фоншенель, Бургавенъ не могли слѣдовать ему въ Россію, сожалея, что ихъ обстоятельства препятствуютъ имъ имѣти щастіе успѣшествовать въ державѣ такового преславнаго скипетродержца, такового великаго мужа, и такового любителя и покровителя наукъ. Лейбница наградили оныи чиномъ Тайнаго Совѣтника. Лейбницъ служилъ ему въ учрежденіи Академіи. Фоншенель говорилъ о безсмертной ево славіи рѣчь. Бургавенъ обучалъ и препоручалъ Россіи медиковъ. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ преставился, едва только Академію учредивъ. Внученосная ево супруга по учрежденіямъ ево Академію

основала. Дщерь его, наша владѣющая
Государыня **ИМПЕРАТРИЦА**, прило-
жила къ оной Академіи изобилія, и въ
Москвѣ къ вѣчному Россіи одолженію
основала великое училище. Распространи
Боже въ Россіи науки, и искорени не-
справедливья основанія!

IV.

**ЕПИСТОЛА, СТИХИ ПРОТИВЪ
ЗЛОДѢВЪ, ИДИЛЛІА И ОДА.**

ЕПИСТОЛА,

КЪ НЕПРАВЕДНЫМЪ СУДЬЯМЪ.

О вы хранители уставовъ и суда,
Для отвращенія отъ общества вреда,
Которы силою и должностію власти,
Удобны отвращать и приключать напасти,
И не жалѣете невинныхъ поражать!
Случалось ли себѣ вамъ что вообразать,
Колико тягостно вамъ кланяться напрасно,
Молитвы принося какъ Богу повсечасно,
Противъ

Противъ васъ яростью по правости кипѣть,
 И въ сердѣ по скрывать, сердисься и шерпѣть?
 Иль вы не помните, въ ожесточеннѣ тверды,
 Что вышнѣй справедливъ, а вы немилосерды?
 Иль вы не вѣрите, что Богъ неправду мстишь,
 И вамъ спенаніе невинныхъ отплатишь?
 Иль вы забыли то, что время скоротечно,
 И что и на земли намъ шастіе не вѣчно?
 Неправду видишь Богъ, и енемлешъ бѣдныхъ спонъ,
 Что вы ни мыслише, о всемъ извѣстенъ онъ,
 А что шворите вы, такъ то и люди знаютъ,
 Которыя отъ васъ отчаянно спонаютъ.

*

*

*

ПРОТИВЪ ЗЛОДѢВЪ.

НА морскихъ берегахъ я сижу,
 Не въ пространное море глежу,
 Но на небо глаза возвожу.
 На враговъ, кои мучають нахально,
 Спонъ пуская въ селеніе далеко,
 Сердце жалобы вносите печально,
 Милосердіе мнѣ сотвори,
 Правосудное небо возри,
 И все дѣйства мои разбери!
 Во всей жизни, минушу я каждую,
 Утѣсняюсь гонимый и стражду,
 Многократно я алчу и жажду.
 Иль на свѣтъ я рожденъ для того,

Чтобъ

Чшобѣ гонимѣ былѣ не знавѣ для чево ,
 И не трогалѣ мой стонѣ ни ково ?
 Мной пока день и ночь обладаетѣ ,
 Какѣ змѣя мое сердце сѣдаетѣ ,
 Томно сердце всечасно рыдаетѣ .
 Иль не будешѣ напастямѣ конца ?
 Вопію ко престолу Творца :
 Умягчи Боже злыя сердца !

*

*

*

И Д И Л Л И Я .

Вѣ томѣ мигѣ , когда шы мнѣ вѣ грудь искрив
 заранила ,
 Когда пронзилѣ мое предестный сердце взорѣ ,
 Ты рощи и луга и все перемѣнила ,
 Не вижу прежнихѣ рѣкѣ , не вижу прежнихѣ горѣ
 Мнѣ больше не прияшны
 Источники еѣи ,
 И пѣсни мнѣ не внятны ,
 Какѣ свищутѣ соловьи ,

*

Весення теплоша жесточе мнѣ мороза ,
 И мягки муравы противняе сѣгоуѣ .
 Лети отсель Зефирѣ , увянь прекрасна роза ,
 Не вырогайте спруи журчаньемѣ береговѣ .
 Вздыхаю , млею , ною ,
 Томлюся вѣ сихѣ кустахѣ :

Спени ,

Спени, спени со мною,
Ты эхо въ сихъ мѣсахъ.

*

Иль нѣтъ сюда тебѣ, иль нѣтъ тебѣ дороги?
Не придешь никогда сюда пастушка ты.
Приди когда нибудь въ попокахъ сихъ мышь ноги,
Приди сюда гуляшь и рвань со мной цѣвшы:

Приди къ сему шы спаду,
Приди къ лѣску сему,
Приди подай отраду,
Ты сердцу моему!

*

*

*
О Д А.

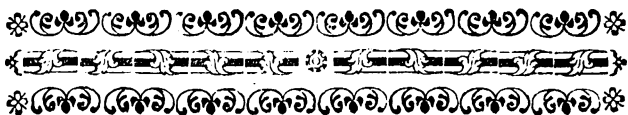
Въ разлукѣ мучася поской,
Тебя я въ мысли добызаю,
И пѣнь шрепещущей рукой,
Въ любви старая осязаю:
На мигъ забавою такой,
Я радость получишь дерзаю;
Не зрю отрады ни какой,
Лишь пуще грудь мою пронзаю,
Лишь больше рушу пѣмъ покой,
И больше сердце угрызаю:
Пролью потоки слезъ рѣкой,
И на себѣ власы терзаю.

*

Миѣ рокѣ вездѣ гласитѣ трубя ,
 Твои миѣ очи вспоминая .
 На что ни зрю , миѣ все грубя ,
 Твердишѣ разлуку проклиная .
 Я вздохи , жалобы губя ,
 И больше что чинить не зная ,
 Крушу по всѣмѣ мѣстамѣ себя ,
 По всѣмѣ мѣстамѣ хожу стоная .
 Прелестный миѣ твой видѣ любя ,
 Другихѣ любить не начиная ,
 Вѣщаю : я люблю тебя ,
 И не плѣнишѣ ни кто иная .

*

Подверженѣ области твоей ,
 Во градѣ я , въ лѣсу и въ полѣ :
 Подверженѣ горести моей ,
 Вездѣ спрадаю , въ злой неводѣ ,
 Лишенѣ уже надежды всей ,
 Не зрю отрады ни отколѣ .
 Въ мучительной напасти сей ,
 Я жизни не желаю болѣ .
 И ты ко миѣ любовь имѣй :
 Взгляни сюда , взгляни опшолѣ :
 Хоть каплю слезѣ о миѣ пролей ,
 Пожертвуй миѣ въ несчастной долѣ .

V.

РАЗГОВОРЫ МЕРТВЫХЪ.

РАЗГОВОРЪ I.

СКУПОЙ И МОТЪ.

Мотъ : **О** Чемъ ты воздыхаешь ?

Скулъ : Не лзя не воздыхать ; здѣсь я ни какой утѣхи не имѣю , все собранное мною богатство оспалося на семли , и нѣтъ у меня ни золопа ни серебра . На томъ свѣтѣ всякая минуца меня увеселяла . Иногда я дѣйствіемъ , а иногда мыслію , собирая сокровищи , располагая къ собиранію онаго , учрежденія моево предпріятія , услаждался . Всегда были утѣшительныя упражненія , всегда радостныя вображенія и сладкая надежда , а нынѣ ни чево того нѣтъ . Воры и грабители иногда меня смущали ; но смерть всѣхъ грабителей жесточе ; и сами приказныя служители въ грабительствѣ ни что передъ нею ; они договариваются ,

ваются, и берутъ нѣсколько, а смерть не знаетъ ни какихъ договоровъ, и все отнимаетъ. Щаспливы еще обещали земли, что не всѣ разорители жадной смерти подражаютъ, и что незаконной сей грабительницы другія незаконныя грабители нѣсколько опасаются, чтобъ она съ богатствомъ и вѣчнаго ихъ блаженства не заграбила; да по большей части такъ и дѣлается.

Мот: Блаженства смерть отнять не можетъ, ежели человекъ остороженъ, что грабители гораздо помнятъ, и передъ самою смертью со слезами каются, а что изъ пограбленнаго къ удовольствію своему не прожили, то оставляютъ дѣтямъ, и ничего ограбленнымъ не возвращивъ, приказываютъ дѣтямъ своимъ, чтобъ они объ опущеніи имъ жестокаго грабительства молились. И такъ благополучно поживъ благополучно и умираютъ; а что ограбленныхъ дѣти въ убожествѣ останутся, ето не ихъ убытокъ.

Скул: Имѣніе хорошо, да то худо, что смерть ево безъ остатка отнимаетъ.

Мот: У меня она ни чего не заспала, такъ ни чего и не отняла. Отъ дня ко дню ни чего не оставаятъ; есть са-
мой

мой лучшей способъ сохранить себя отъ
ея грабительства.

Ск: Какоежь отъ имѣнія утѣшеніе,
ежели отъ дня ко дню ничево не остав-
лять?

Мот: Какое етова утѣшенія больше
быть можетъ, когда я хорошо ѣмъ,
хорошо пью, хорошо одѣваюсь, хорошее
имѣю жилище, и все то имѣю, что я
за деньги имѣть могу?

Ск: А когда поребно больше издер-
жать нежели то, что ны въ день по-
лучишь?

Мот: Тогда я займу.

Ск: А когда занять не същешь?

Мот: Такъ я поперплю.

Ск: А когда займа не чемъ будетъ
опдать?

Мот: То суеты тѣхъ, у ково я займу.

Ск: А когда тебя за то въ шюрму
посадятъ?

Мот: Такъ я буду сидѣть.

Ск: Да ето вить горестно?

Мот: Да и ето не очень сладостно,
когда имѣть богатство, и имѣ не доволь-
ствоваться, и сѣшовать по смерти, что
оно уже не мое.

Ск: Подлинно что ето не весело,
однако я богатствомъ повеселился, а
ны нѣтъ.

Мот : Я имѣ больше повеселился нежели ты ; я ѣлъ и пилъ сладко , а ты мерѣ съ голоду.

Сх : Ты своево богатства и не видалъ.

Мот : Да я имѣ довольствовался , а ты видѣлъ , да не довольствовался , и былъ не владѣтелемъ ево , да только сторожемъ , и несъ епу должность безъ заплашы , и былъ изъ доброй воли содержанъ хуже капоржниковъ , по тому что и они за труды свои плату получаютъ.

Сх : А ты когда искалъ и не могъ сыскать денегъ , или когда надлежало платишь , а было нѣчемъ , въ то время и подлинно спраданіемъ своимъ на капоржника походилъ.

Мот : Ето правда , что мнѣ было иногда несносно ; однако ты мучился больше , хотя ты самъ не вѣрилъ себѣ , что ты мучишься.

Сх : Я признаваюся , что и богатство дѣлаеть мученье , но убожество еще больше.

Мот : А я тебѣ говорю , что богатство еще больше человекъ беспокоитъ нежели убожество , ежели ево не употреблять ; убогой человекъ хотя уже по спокойствію имѣеть , что онъ ни воровъ , ни грабителей не опасается.

Сх :

Ск: Легче опасаться потерять, нежели не имѣть.

Мот: На что то имѣть, чего не упошреблять.

Ск: Что выдамъ, пово нѣтъ, а чего не выдамъ, то есть.

Мот: Да теперь ужъ нѣтъ.

Ск: О томъ то я и воздыхаю.

Мот: Да на что тебѣ здѣсь имѣнїе; здѣсь ни чего не покупають и ни чего не продають.

Ск: То то здѣсь и похвально: Какая бы хорошая здѣсь жизнь была, ежели бы деньги были!

Мот: А я здѣсь то хвалю, что должники ни ково не мучатъ.

*

*

*

РАЗГОВОРЪ II.

ВЫСОКОМЪРНОЙ И НИЗКОМЪРНОЙ.

Низ: **М**нѣ здѣшняя жизнь не сполько скучна какъ тебѣ, для того что хотя я и не услаждаюся своею покорностию и низкими поклонами; но по крайней мѣрѣ не болитъ у меня поясница: а ты полюбовавшись на томъ свѣтѣ

дѣлаемыми тебѣ поклонами мучишься , что ни кто больше предѣ тобою спины не нагибаетъ . Всѣ здѣсь равны и нѣтъ ни господина ни холопа . Власть и шипла здѣсь минующія , и остаются единочеловѣчество . Правда что ето неприятно мнѣ , что степеней достоинства здѣсь нѣтъ ; для того , что не предѣ кѣмъ кланяться , а ето моя забава .

Выс : Степени достоинства здѣсь еще лучше , по тому что здѣсь истинное достоинство почитается а не пустыя шипла , которыя не вдѣлываются въ насъ , но только къ намъ привязываются . А по томъ что фортуна слѣпа ; такъ она чины и шипла привязываетъ безо всякаго разбора , какъ ни прибредетъ . И такъ , ежели ты ищешь истинно достойнаго человѣка ; такъ на что тебѣ далеко бѣгать ? мнѣ кланяйся .

Низ : Тебѣ я и на томъ свѣтѣ ни когда не кланялся ; ты великимъ господиномъ не бывалъ .

Выс : Да великимъ человѣкомъ былъ я , а и теперь поужь . Я не лишился своего достоинства , но лишился надлежащаго почтенія . Здѣсь люди ни ково не боятся ; а гдѣ нѣтъ страха , тамъ нѣтъ и почтенія .

Низ :

Низ : Я не знаю , по чему ты себя ставишь великимъ чловѣкомъ ; ни ты показалъ живучи на свѣпѣ миру о вещахъ познаніе , ни ты показалъ мужество въ защищеніи опечества , ни разумъ въ правленіи государственныхъ дѣлъ : и вся твоя въ томъ состоитъ исторія , что ты родился , бѣлъ , пилъ и умеръ.

Выс : Однако по знашь надобно , какъ я родился.

Низ : Я твоей повивальной бабки не знаю , и какъ ты родился не вѣдаю ; по только извѣстно мнѣ , что ты вышелъ на свѣтъ изъ женской утробы , вышелъ и я изъ такой же утробы.

Выс : Я родился отъ рода самаго знатнаго : предки мои были въ великомъ почтеніи . А тотъ , отъ кого пошелъ нашъ родъ , произшелъ отъ Королевской крови.

Низ : Тотъ , отъ ково и твой и мой родъ пошелъ , произшелъ отъ земли , и у всѣхъ насъ корень и первый праоцъ Адамъ.

Выс : Это правда ; однако прежнее грубое чловѣческое естество въ потомкахъ Адамовыхъ , и въ предкахъ моихъ знатностію рода перечищалось , и дошло до меня во всей славѣ и въ полномъ великолѣпії.

Низ : Это все , что ты ни наговорилъ , пустое , и то , что ты отъ знашнаго произшелъ рода , твоей славы не умножаетъ , а я тебя славяе для того , что я въ жизни моей былъ любимъ многими великими господами и со многими изъ нихъ обѣдывалъ и ужиналъ , а ты къ праотцамъ своимъ и въ подворотню не сматривалъ. Мнѣжъ многихъ великихъ господъ не только лакеи , но и камердинеры друзья были.

Выс : И у моихъ лакеевъ такія люди каковъ ты друзьями были.

Низ : Такія люди какъ я съ твоими лакеями по сходству нравовъ обхожденіе имѣли , а я по политикѣ ; ибо чрезъ нихъ я входилъ въ милость къ господамъ ихъ , получалъ отъ нихъ покровительство и вспомошествованіе въ исканіяхъ моихъ. Я положилъ себѣ такой въ жизни успавъ , чтобъ не только приласкиваться къ холопамъ большихъ господъ , но и къ собакамъ ихъ ; и ради того всегда носилъ я въ карманѣ хлѣбъ , и собакъ ихъ подчивалъ , чтобъ я и имъ не противенъ былъ , и чтобъ они на меня не лаяли , и не дѣлали приходомъ моимъ въ домъ шума къ безпокойству въ немъ живущихъ , а хлѣбъ носилъ я всегда бѣлой , ради того что
въ

въ домахъ большихъ господъ не только собаки , но и мыши чернова хлѣба не ядятъ.

Выс : А я тебѣ скажу : мнѣ ни чего не было пропивняе , какъ ходитъ въ дома большихъ господъ , хопя бы они всѣ достоинства принадлежащія чинамъ ихъ имѣли , ради того что я ихъ пуще смерти ненавиждѣлъ.

Низ : За чтожь ?

Выс : За то только , что они большія господа.

Низ : Безъ Государственныхъ правилей не можно обойтися : и большія господа не только почпенія , но и любви достойны , ежели они душевныя достоинства и попеченія объ общемъ и объ участномъ благополучи народа имѣють , и ежели не своей но народной пользы ищутъ , и неусыпное имѣють упражненіе въ положенныхъ на нихъ дѣлахъ ; однако ето не мое мнѣніе , а мое мнѣніе то , чтобъ они дѣлали добро тѣмъ , которыя ихъ обманывая имъ ласпятъ и кланяются.

Выс : Какъ бы они ни пеклися о народной пользѣ ; довольно для отвращенія къ нимъ того , что они большія господа и что мнѣ должно ихъ почитать и имъ кланяться.

Низ: А ты того хочешь, чтобъ тебѣ люди кланялись, хотя ты большимъ господиномъ и не бывалъ.

Выс: О себѣ у меня правила, а о нихъ другія.

Низ: Какая же разность правилъ твоихъ?

Выс: Разность такая, что я себя люблю ради того что то я, а ихъ ненавижу ради того что то они.

Низ: Я и самъ другихъ людей не люблю и не любилъ, а сертилъ я для того только, что я себя любилъ.

*

*

*

РАЗГОВОРЪ III.

ГОСПОДИНЪ И СЛУГА.

Госл: Гей! - - - Гей!

Сл: Ково вамъ надобно?

Госл: Развѣ ты позабылъ, что мнѣ надобно принять лѣкарство? или ты не помнишь гово что я боленъ, и что мнѣ приказалъ Докторъ всякія три часа принимать по чашкѣ лѣкарства?

Сл: Вы сударь позабыли что вы ужъ умерли и погребены, и что Докторскія напитки только то здѣлали, что

что и я не доживъ въка въ третій день послѣ васъ сюдажъ переселился , для того что я подчивая васъ Докторскимъ полпивомъ недѣли съ три не спалъ , а ошъшово одурѣлъ , и ходя по тому свѣту въ пвоей спальнѣ до смерти еще едва дышалъ , а по томъ такъ же какъ и ты умеръ , и такъ же погребенъ : сирѣчь , положенъ во гробъ , опущенъ въ землю и закопанъ ; только не съ шакою большою церемонією.

Госл: Такъ мы уже не на томъ свѣтѣ ?

Сл: Мы на томъ свѣтѣ , гдѣ все равно что господинъ что слуга.

Госл: Однако ты человекъ благодарной , и что я тебя кормилъ и поилъ не забудешь , и хотя не такъ какъ на томъ свѣтѣ , однако небольшія услуги мнѣ станешь дѣлать ?

Сл: Я человекъ благодарной , а служишь тебѣ не стану.

Госл: Для чевожъ не станешь , когда ты благодарной человекъ.

Сл: Для шово что ты неблагодарной человекъ ; я тебѣ служилъ съ крайнею вѣрностью , а ты меня такъ кормилъ , какъ немилосшивыя люди кормятъ водовозныхъ лошадей : сирѣчь такъ худо , чтошбъ она только жива

была и смогла воду возить , а когда съ голоду у нее не доспаетъ силы , такъ вмѣсто сѣна и овса употребляется плеть и палка.

Госл : До чего я дошелъ ! слуга мой мнѣ упрекаетъ !

Сл : Тѣмъ то только здѣшняя жизнь и хороша , что все можно выговорить , чего у насъ на томъ свѣтѣ дѣлать не позволяется. Здѣсь истинна беззаконіемъ не почитается , и маскарадовъ здѣсь нѣтъ, всѣ въ своихъ лицахъ: доброй человѣкъ называется добрымъ , а худой худымъ. Тамъ ты назывался честнымъ , хотя ты честенъ и никогда не бывалъ ; а здѣсь честнымъ человѣкомъ называютъ меня , хотя на томъ свѣтѣ ты меня и плутомъ называлъ. Я плутомъ не бывалъ никогда , а ты совершенной плутъ былъ.

Госл : Я любопытствую еще больше нежели сержусь , по чему ты меня такимъ называешь именемъ.

Сл : По тому , что ты послѣ отца наслѣдства получилъ мало, бывъ судьей жалованье бралъ умѣренное , а жилъ очень богато да и я тому свидѣтель , сколько къ тебѣ подарковъ нашивали , а взятки брать запрещено, и правосудія продавать не позволено.

Госл :

Госл: Взять не безчестно, только чтобы дѣло по правамъ рѣшено было.

Сл: Да за что же брать? за то платится что продается, а что не продается, то дается даромъ.

Госл: Когда я дѣло вершу, и доставлю человека десятными тысячами рублей; такъ убыточно ли ему, когда онъ десятою часью за то меня подаритъ, да дватцатую чась за труды дастъ подьячимъ.

Сл: Да когда испцу десять тысяч по правамъ принадлежали; такъ онъ удовольствованъ правосудіемъ а не тобою, а ты за то что вершишь дѣла имѣешь чинъ и жалованье.

Госл: Это правда, и когда прямо разсмотришь; такъ брать взятки и грабить, это все равно, да еще взятки и хуже, для того, что грабительство не присвоитъ себѣ почтеннѣйшаго имени правосудія, а взятки присвоютъ; и такъ когда судья взятки беретъ согрѣшаетъ сугубо: первое, что грабитъ, а другое, что правосудіе все употребляетъ; однако это ввелось да оножъ и нажиточно.

Сл: Нажиточно или нѣтъ, только это плутовство да и великое: а ежели судья возметъ да еще и не правду

ду здѣлаешь; такъ то плушество пре-
великое и копораго больше нѣтъ. А ты
это дѣлалъ: Я тебѣ служа всѣ твои
плушни вѣдаю.

Госл: А я вѣдаю, что тебя за наглыя
слова надобно сѣчь.

Сл: Сѣчь меня не за что, а ты
столькожъ меня можешь высѣчь пеперь
сколько я тебя.

Госл: Сносно ли это, что собствен-
ной мой слуга мнѣ ругается, и меня
бранитъ!

Сл: Сносно ли и мнѣ это было, что
ты мнѣ ругался, и не только меня
бранилъ, да еще и билъ? А я вель се-
бя честно, и не такъ какъ ты.

Госл: Горестно мое на семъ свѣтѣ
состояніе.

Сл: А мое на томъ свѣтѣ состоя-
ніе еще и горестнѣе было.

*

*

*

р а з г о в о р ъ ıv.

М Е Д И К Ѣ И С Т И Х О Т В О Р Е Ц Ъ .

Мед: **Х**отя бы у ково нибудь палець
заболѣлъ! несчастная для насъ тамъ
жизнь, гдѣ люди здоровы. Не только
горячки ни заусеницы здѣсь нѣтъ.

Стих:

Стих : Здравствуй господинъ докторъ.

Мед : Только и словъ , здравствуй да здравствуй. И на помъ свѣтѣ ето слово всегда болтають , да по тому не дѣлается , и рѣчь ето тамъ пустая , которая докторамъ кромѣ небольшой досады ни чево не дѣлаетъ , а здѣсь ето слово будто какъ окалдовано. Гдѣ всѣ здравствуютъ , тамъ медикамъ надобно такъ часпо , какъ ненависпники медицинской науки говорятъ здравствуй , говоришь подай милостину.

Стих : Господинъ докторъ , я и на помъ свѣтѣ жестокою спрадалъ болѣзнію и на епомъ ею же стражду , и многія господа медики почтчали ету мою болѣзнь неизлѣчимою.

Мед : Слава Богу ! есть больной. Какая у тебя болѣзнь ?

Стих : Великой жаръ и брѣдъ , и все брѣжу на виршахъ.

Мед : Болѣзнь у тебя жестокая и подлинно почти неизлѣчимая. Ежели кто въ прозѣ брѣдитъ , такъ шово не трудно вылѣчишь , а ежели на виршахъ и не скоро захватишь , такъ шово трудно вылѣчивать. Давно ли еша у тебя болѣзнь ?

Стих : Съ самаго младенчества.

Мед :

Мед: Какъ ты брѣдишь на риѣмахъ или безъ риѣмъ?

Стих: На риѣмахъ.

Мед: Ешто еще зляе.

Стих: Однако мнѣ отъ етова иногда бываетъ легче, ради того что мнѣ отъ исканія риѣмы иногда приходитъ потъ, а послѣ поту нѣкоторое облегченіе, слово въ слово какъ будто поповое примешь, или какъ на полку побываешь.

Мед: Хорошо еще что натура дѣйствуетъ; однако отъ излишества въ такомъ обстоятельстве поту бывають обмороки.

Стих: Было ето и со мною, и ежели бы не пустили мнѣ крови, побъ я и не очнулся.

Мед: Какимъ ето пришло образомъ?

Стих: Надобна была мнѣ риѣма къ слову, небо. Цѣлыя при часа бился я надъ нею, и такъ жестоко потѣлъ, что на конецъ со всѣмъ обезсилѣлъ, обезпаятѣлъ, и упалъ.

Мед: Ето съ риѣмотворцами не рѣдко случается.

Стих: Не можно ли мнѣ отъ болѣзни хопя малое получитьъ облегченіе?

Мед: Часпо ли ты выѣзжаешь?

Стих:

Стих : Рѣдко ; какъ больному человѣку выѣзжать ?

Мед : Надобно необходимо пробѣзживаться ; что больше сидишь дома , то больше еша болѣзнь умножается ; во всѣхъ болѣзняхъ движеніе пошребно , а въ етой еще больше пошому что безъ движенія прибавляется Гипохондрія , а Спихопворческая болѣзнь безъ Гипохондріи не бываетъ. Хорошо ли ты спишь ?

Стих : Какое спанье ! въ иную ночь и на минушу не заснешся.

Мед : Какія ты сны видишь ? изъ ешова медики многое заключають.

Стих : Преужасныя.

Мед : Великое загушеніе крови.

Стих : Вижу Спиксѣ , Ахеронѣ , Фурій , Медузу , Сфинкса , Гидру , Типановѣ , Гиганшовѣ и прочее пошому подобное.

Мед : Видаешь ли ты когда во снѣ Діяну , Ендиміона , Венеру , Адониса и прочее шакое ?

Стих : Никогда господинѣ Докпорѣ. А изъ Діяниной исторіи видѣлъ я однажды себя въ образѣ Акпеона , когда онѣ бѣжалѣ опѣ собакѣ своихѣ. Тушѣ шо я напугался , а послѣ разсуждалѣ , что Акпеонѣ не для шого собакамѣ своимѣ , о шомѣ , что онѣ Акпеонѣ , и чшобѣ они

они узнали своего господина, сказать не могъ , что онъ въ оленя превратился , но для того что въ такомъ людомъ обстоятельстве когда собаки кусаютъ , и въ прозѣ ни чево не выговоришь , не только въ стихахъ , а мнѣ собакамъ надлежало говорить стихами , да еще и съ Риѣмами.

Мед : Великое загущеніе крови.

Сп их : Нѣкогда видѣлъ я сонъ еще и епова спрашняе.

Мед : Какой ?

Стих : Видѣлъ я во снѣ , будто я Марсій , и Аполлонъ здираетъ кожу съ меня , и мнѣ приговариваетъ : не брѣдь , не брѣдь : а что я брѣжу , моя ли епова вина ; кшо изъ доброй воли брѣдитъ.

Мед : Жестокое епо сонъ былъ.

Стих : А нѣкогда видѣлъ я сонъ еще и епова спрашняе.

Мед : Какой.

Стих : Приснилось мнѣ , будто я сынъ Тарпара и земли , и что я лежа подъ Епною ворочаюсь , и не могу выдраться , и будто мнѣ Юпиперъ приговариваетъ : не прогай неба , не прогай неба. Конечно епо знаменовало по , чтобъ я къ небу не приискивалъ Риѣмы , по тому что я витъ не прямой Енцеладъ былъ.

Мед :

Мед: Тягостныя епо сны.

Стих: Иногда вижу я и наяву мечтанія: кажется мнѣ иногда, будто я Икаръ, и подлешѣвъ близко къ солнцу, когда распаяли мои крылья, въ море упалъ. Иногда кажется мнѣ, что я Фаеонъ, и сверженъ съ огненной колесницы. А иногда думается мнѣ, что я прекрасная Финикійская Царевна, и ѣду на коровѣ.

Мед: Стихотворцы не всѣ на Парнаскомъ Ёздяпѣ конѣ: не одинъ ты, многія ваши братья на коровахъ Ёздяпѣ. Изо всево видно, что у тебя болѣзнь неизлѣчимая.

VI.

ПРИТЧИ, АПРѢЛЯ ПЕРВООЕ ЧИСЛО,

и

ЕПИГРАММЫ.

ПРИТЧИ.

СТАРИКЪ, СЫНЬ ЕВО И ОСЕЛЬ.

Одинъ шо такъ, другой шо инако зоветъ;

На свѣтѣ разны нравы,

У

Но

На свѣтѣ разны правы ;
 Но все ли шо довишь , рѣкою чпо плыветѣ :
 Кто хочетѣ ,
 Пускай хлопочетѣ ,
 Пускай хахочетѣ ,
 Худа не ядѣ ,

А безѣ вины никто не попадетѣ вѣ адѣ :
 Хулишель ко всему найдетѣ себѣ привязку .
 Я кѣ етому скажу старинную вамѣ скаску .
 Ни года , мѣсяца не помню , ни числа .

Какѣ велѣ мужикѣ дорогою осла .
 Сѣ крестьяниномѣ былѣ сынѣ , мальчишка лѣтъ
 десяшка ;

Но шо одна догадка ;
 Я еѣ зубы не смотрѣлѣ , да я жѣ не коновалѣ ,
 И отѣ ролу вѣ ша ой я школѣ не бывалѣ .

Мужикѣ былѣ старѣ и сѣ бороною ;
 Сѣ какой ? сѣ сѣдою .

Прохожѣй встрѣтившиися смѣялся мужику ,
 Какѣ будшо дураку ,

И говорилѣ : идутѣ пѣшками ,
 А есть у нихѣ оселѣ , ослы вы видно сами .

Не пруденѣ сталѣ оселѣ ,
 Крестьянинѣ на него полезѣ и сѣлѣ :
 Безѣ шпорѣ крестьянинѣ былѣ , шолкалѣ осла
 пятами .

Прохожѣй встрѣтившиися смѣялся мужику ,
 Какѣ будшо дураку ,

И говорилѣ : конечно братѣ ты шуменѣ ,
 Или безуменѣ ;

Самъ ѣдешь ты верькомъ,
 А мальчика съ собой волочишь ты пѣшкомъ.
 Мужикъ съ осла спустился,
 А мальчикъ на осла, и шакъ и сакъ,
 Не знаю какъ,
 Вскарабился, Взмоснилъ.
 Прохожій встрѣпившись смѣлся мужику;
 Какъ будто дураку,
 И говорилъ: на глупость еше схоже,
 Мальчишка помоложе;
 Такъ лучше онъ бы шелъ, когдабъ ты былъ
 уменъ,
 А ты бы ѣхалъ старой хренъ.
 Мужикъ осла еще навьютилъ,
 И на него себя и съ бородою взрюшилъ,
 А парень шаки шамъ:
 Не будетъ ужъ теперь ни кто смѣяться намъ,
 Ворчалъ мужикъ предвѣдавъ шо сердечно:
 Конечно,
 Я мышлю шакъ и самъ,
 Ни кто смѣяться ужъ не станетъ;
 Извѣстно шо давно что сердце не обманетъ.
 Прохожій встрѣпившись смѣялся мужику,
 Какъ будто дураку,
 И говорилъ: спарикъ и въ грѣхъ не спавишь,
 Что шакъ осла онъ давитъ,
 А скоро сѣдока и третьява прибавишь.
 Удачи нѣтъ ни кто не хочетъ похвалитъ;
 Не лучше ли на себя мужикъ осла извадишь?

II.

ВОЛКЪ И РАБЕНОКЪ.

Голодный волкъ нигдѣ не могъ сыскаши пици
А волки безъ шово гораздо нищи.

Чтобъ ужину найши ,

Скищатся долженъ онъ ийши :

Не требуется шолку ,

Что надобно поѣсть чего иибудь и волку :

А въ помѣ нѣтъ нужды миѣ ,

Когда ево за шо дубины въ двѣ ударятъ ,

И ловко отбояритъ ;

Вить ешо не моей достанется спитъ :

Пускай ево изжарятъ :

Какая ешо миѣ печаль ?

Вить волка миѣ не жаль.

Пришелъ къ крестьянскому волкъ дому ,

И скрылся на гумнѣ зарывшись подъ солому ,

А на дворѣ въ избѣ рабенка сѣкла мать ,

И волку , выбросивъ , грозилася опидать.

Волкъ радъ , и ужина гошова ,

Да баба не здержала слова.

Утихла и война и шумъ въ избѣ умолкъ ,

Рабенка мать не устрашаетъ ,

Да утѣшаетъ ,

И говоритъ ему : когда придетъ лишь волкъ ,

Такъ мы ему поправимъ рожу ,

И чтобъ онъ насъ забылъ сдеремъ съ него мы кожу.

Худую ужину себѣ тушъ волкъ нашелъ ,

И прочь пошелъ ,

Сказавъ :

Сказавъ: и ожидать шутъ добровѣ напрасно,
Гдѣ мнѣнѣ людей съ рѣчами не согласмо.

III.

ПАСТУХЪ И СИРЕНА.

Есть долинь красной на лугу,
Пастухъ Аркадской жилъ со стадомъ:
Сирены зараженной взглядомъ,
Сидѣлъ онъ часто на брегу:
Сирена духъ ево смущаетъ,
И множа въ немъ любовну страсть,
Сама жаръ шепъ же ощущаетъ,
Ошдавшись любви во власть.

Едва ужъ онъ скотину пасъ,
Ни что ужъ не увеселяетъ,
И только въ грусти умоляетъ,
Непшуна онъ по всякой часъ:
О ты правитель моря сжался,
И мнѣ прекрасную гручи!
Возми, отвѣпъ былъ, не печалься;
Но только взявъ ее молчи.

Въ какомъ восторгѣ былъ весь духъ!
Колико мысли были нѣжны!
Свои упѣхи неизбѣжны,
Встрѣчаетъ радостный пастухъ.
Онъ вопитъ: о велики Боги!
Въ сей часъ увижу весь я ростъ,
Все шло дарогой и ноги;
Но что онъ видитъ? рыбѣй хвостъ.

АПРѢЛЯ ПЕРВОЕ ЧИСЛО.

Апрѣля въ первый день обманѣ,
 Забава общая въ народѣ,
 На выдумки лукавить данѣ,
 Нагая правда въ немѣ не въ модѣ,
 И все обманомѣ заросло,
 Апрѣля въ первое число.

Одни шлютъ радостную вѣсть,
 Другей къ досадѣ утѣшаютъ,
 Другія лгутъ и чѣмъ ни есть,
 Другей къ досадѣ утѣшаютъ,
 Лукавство враки принесло,
 Апрѣля въ первое число.

На что сей только день одинѣ,
 Обмана праздникомѣ утѣвленѣ?
 Безъ самыхъ малыхъ онѣ причинѣ,
 Излишно сподько препрославленѣ,
 Весь годѣ такое ремесло;
 Тамѣ цѣлый годѣ сѣе число.

ЕПИГРАММЫ.

I.

Два были человекѣ,
 Въ несчастіи всѣ дни плачевнѣйшаго вѣка,
 Метались помощи искашь по всѣмъ мѣстамъ,
 Ку

Куда ни бѣгади , теряли время тамъ .
 По томъ опчаянне ихъ день и ночь терзало ,
 На все дерзало :
 Одинъ бѣжалъ :
 Сквашилъ кинжалъ ,
 Вручилъ онъ душу Богу ,
 И здѣлалъ самъ себѣ , къ спокойствію , дорогу .
 Другой мученіе до гроба умножалъ ,
 И Бога всякой часъ злословилъ и дрожалъ ;
 Спрашася шартара , покаялся при смерти :
 Скажише , коего изъ сихъ двухъ взяли черти .

II.

Не трудно въ мудреца безумца претворить ,
 Онъ вдругъ начнешь о всемъ разумно говорить ;
 Премудрость вышшая въ великомъ только чинѣ ,
 Нося ево овца , овца въ златой овчинѣ :
 Когда воздастся честь златаго ей руна ,
 Тогда въ премудрости прославится она .

III.

Нагнала бабушка предъ свадьбой внучкѣ скуку ,
 Рассказывая ей про свадебну науку .
 Твердила : выперпи чпо ночь ни приключилъ ,
 Тебя oprичь меня мою любезну внуку ,
 При случаѣ такомъ ни кто не поучитъ ,
 А внучка мыслила цалуя бабку въ руку :
 Ужъ эту бабушка я выперпѣла муку .

VII.

П И С Ь М А.

I.

о красотѣ природы

Оставь меня мой другъ въ моемъ уединеніи, и не привлекай меня видѣть великолѣпные города и пышность богатыхъ. Уединенная жизнь свойственна моему нраву. Я довольно насмотрѣлся на суешы мира, и что въ нихъ болѣе всматривался, то болѣе отъ нихъ отвращался. Для чего мнѣ трапиться крапкѣя жизни, спокойныя минушы. Всегда ли къ жизни приготовляться, и никогда не жить? что меня въ городѣ удивить можетъ. Все что тамъ удобно приносить увеселеніе, и довольствоваться любопытство человеческое, нахожу я здѣсь въ большемъ изобиліи. Огромныя зданія, потолочки и стѣны испещренныя живописью, мраморныя полы, сады, бѣющія къ верху и многою хитросплетію понуждаемыя ключи: все то на что въ городѣ смотряшь люди, съ удивленіемъ нахожу я здѣсь не въ подражаніи но въ естествѣ. Какое зданіе сполько меня уди-

удивить можеть, какъ огромная вселенная? какой пошолокъ прекраснае свода небеснаго, съ котораго раскаленное солнце освѣщаетъ и огрѣваетъ подсолнечную, съ котораго блистаетъ луна, и привожденныя къ небу звѣзды блестятъ предъ очами моими? какія спѣны могутъ бышь поль украшенны, какъ роци и дубровы? какой поль можеть бышь приятнае зеленыхъ луговъ и мягкихъ муравъ, по которымъ извиваются шумящія и прохлаждающія источники? какая музыка можеть уподобиться пѣнью прославляющихъ свою свободу ппичекъ? Си предвѣспники багрянныя зари возбуждаютъ меня не шумомъ несогласнымъ и слуху досаждающимъ. Ближайшая къ естественной музыкѣ свирѣльная игра и простота пѣсней пастушекъ мнѣ злапой вѣкъ изображаетъ. Во время полудни пѣнь сплешенныхъ древесъ даетъ мнѣ чувствовать едину приятность полудни и излишества жара ко мнѣ не допускаетъ. Приятный мнѣ вечеръ на бережкахъ журчащихъ и по камышкамъ быспро текущихъ пошолоковъ сладко утомляетъ мысли и радостно возбуждаетъ сердце. Не препятствуютъ моему сну лягосныя мысли: съ удовольствіемъ засыпаю и съ удовольствіемъ пробужа-

юся. Припворства я здѣсь не вижу, лукавство здѣсь неизвѣстно. Одѣваюя какъ мнѣ покойно, говорю и дѣлаю что я хочу и въ поведѣнїи своемъ кромѣ себя ни кому не даю опчета. Что дѣлается на свѣтѣ я знашь не любопытствую, и удалившися свѣта въ простотѣ и въ моемъ уединенїи обрѣтаю время злапаго вѣка.

* * *

II.

О БОЛЬШИХЪ БЕСѢДАХЪ.

Какое увеселенїе находятъ люди въ большихъ бесѣдахъ? разномышленные разговоры, шумъ, споръ, а иногда и ссору. Тогда приноситъ бесѣда увеселенїе, когда въ ней согласно; но можетъ ли между множества людей быть согласїе, когда и малѣйшее число не всегда между собою соглашается: когда бываетъ то что не только друзья, но и любовники между собою не всегда согласны. Изъ скучныхъ большихъ бесѣдъ я одинъ только балъ исключаю, ни мало танцовать не будучи охотникомъ. Описывать бальныя приятности, я оставлю; ибо то къ моему намѣренїю не принадлежитъ. Въ бесѣдѣ состоящей

шей изъ четырехъ человекъ , одинъ говоритъ , а прое внимають , и всякой всякова рѣчью довольствуется. Въ большей бесѣдѣ многія говорятъ , и шумомъ другъ другу говорятъ и слушать мѣшаютъ , подражая Жидовской школѣ. Разновидныя представленія не даютъ мыслямъ свободнаго бѣга и разумъ приводятъ въ замѣшательство. Большая бесѣда есть пустое и рабическое увеселеніе. Важное увеселеніе есть , разумное размышленіе , разумная книга , разумный другъ и прекрасная любовница. Можешь быть поспорилъ бы кто со мною , естли бы я похваляя достойную бесѣду позабылъ молвить о любовницѣ. Я не слабости человѣческой польстить желая о любви напоянулъ; но для того , что любви такъ же какъ и дружбы не можно и не надобно опровергать. Малыя бесѣды скучныя и большихъ еще , ежели въ нихъ все о бездѣлїи говорятъ , и скучныя еще , ежели все въ нихъ говорятъ важное. Бездѣліе всегда сухо , но суха такъ же и важность , ежели она острою разума не умягчается. Бездѣліе можно уподобить сухому дереву. Важные разговоры можно уподобить дереву , на которомъ много плодовъ и ни одного листа , и

которое представляетъ нашему зрѣнію кучу плодовъ а не дерево увеселяющее очи наши. Сухая важная бесѣда есть школа наполненная учителями и учениками а не бесѣда, и часы оной бесѣды суть часы труда а не отдохновенія. Человѣкъ всегда въ важныхъ размышленіяхъ и въ важныхъ дѣлахъ упражняющійся разумъ свой опягощаетъ, и щадя времени употребить на отдохновеніе, больше его теряетъ нежели сохранять. Кто много спитъ, тотъ мало дѣлаетъ, а кто мало спитъ, тотъ дѣлаетъ еще меньше. Всему, говоритъ Соломонъ, есть время и все свой часъ имѣетъ.

* • *

III.

О Г О Р Д О С Т И.

Гордость есть мать всѣхъ пороковъ, и естественна, и по откровенію священнаго писанія. За нее врагъ божій и рода человѣческаго лишенъ на вѣки милосердія. Она есть дочь самолюбія, которое всѣмъ и добрымъ и худымъ нашимъ дѣйствіямъ основаніе. Добродѣтель есть источникъ славолубія, а и тщеславіе происходитъ отъ гордости. Оно только единый видъ славолубія

имѣ-

имѣеть. Всѣ похвальныя дѣла отъ славолюбія рождаются а тщеславіе рождаетъ дѣла поносныя. Отъ первыхъ слѣдуетъ польза, отъ другихъ вредъ. Словолюбивый человекъ есть другъ ближняго, тщеславный ближнему врагъ. Первыи не пресѣкаетъ другимъ достойнымъ людямъ путей къ благополучію, другой ненавидитъ достоинство, и пресѣкаетъ, сколько можетъ, пути ево благополучія. Первыи опирается на свои отечеству заслуги, другой какъ Есоповъ осель одѣянный львовой кожею, забывая естественное свое состояніе, пустымъ блистать устремляется. Первыи самъ служитъ отечеству, и къ тому другихъ поощряетъ, другой напрасно хлѣбъ ѣстъ, и отъ полезныхъ прудовъ другихъ отвращаетъ, чтобъ и они хлѣбъ ѣли даромъ. Разумный человекъ, хотя бы онъ на высочайшей степени былъ, гордости имѣть не можетъ; ибо она благоразумію не свойственна, и первая примѣта беззаконія и безумства. Что больше Императора въ подсолнечной? можетъ ли человекъ имѣть меньше гордости какъ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ и ДЩЕРЬ Ево? а есть люди на самой низкой степени пребывающія, которыя гордостью, какъ

какъ пузыри воздухомъ , надуты. Снисхожденіе въ людяхъ производящъ усердіе и любовь , а спесь дѣлаеши отвращеніе и производитъ ненависть. Неприспѣлое высокоуміе , и неумѣренная низость , подобно какъ безбожіе и суевѣріе , жопя и разнovidны , однако весьма сходственные пороки , и оба подлость. И тако гордый человекъ не слѣдуетъ подобію своему , по которому онъ созданъ ; а слѣдуетъ подобію того , копорый возмущенъ гордостью воспалъ прошиву Вседержителя неограниченное и мущаго снисхожденіе , человекѡлюбіе , долготерпѣніе , и копорый отъ обладашеля всея вселенныя , сверженъ во адъ ; и въ вѣчныя заключенъ узы.

* * *

IV.

о скорости и медлѣнности.

Скорость и медлѣнность суть два противные пороки , подобно какъ мотовство и скупость. Отъ скорости происходятъ вредительныя исполненія , а отъ медлѣнности къ исполненію теряется время. Узаконенія , расположенія , рѣшенія и прочее тому подобное , требуютъ

буютъ великаго размышленія ; и слѣдственно времени. Въ таковыхъ обстоятельствахъ скорость и обще и участно вредительны; ибо всякое учреждение отъ всѣхъ противныхъ ему околичностей долженствуетъ быть охранено, а скорость сей безопасности не свойственна. Отъ нея только краткія и безоколичныя дѣла зависяшъ. Медлѣнность напрошивъ того не служивъ къ разобранію всѣхъ околичностей ; но ею замѣваются еще оупъ забвенія въ изысканномъ подробности , не исчисляя потерянія полезныхъ предприятий и недопущенія къ новымъ вымысламъ. Скорость во всѣхъ дѣлахъ , которыя времени пребуюшъ , не доходитъ до благорассужденія, не проникаетъ истинны и не полагаетъ основанія къ пользѣ. Медлѣнность удаляется отъ благорассужденія и погубляетъ драгоценнѣйшее на свѣтѣ , то есть время. Человѣкъ по достойному любочестію старается много совершить похвальнаго а не то чтобы многое только совершить. Онъ измѣряетъ силы разума человѣческаго и потребное къ исполненію своему время. Не предприимлетъ столько дѣлъ единыхъ разомъ , сколькихъ онъ благорассудно окончатъ не можетъ , вѣдая что многія размышленія приведутъ умъ ево
въ

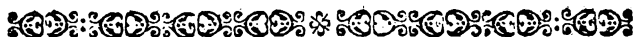
въ замѣшательство , зашмяпъ ясность
воображеній ево , и всѣ ево устремленія
перепутаютъ. Силѣ нашего разума по-
ложены границы. Пути древностию
установлены , всегдашнимъ благоразуміемъ
просвѣщены и пронизаніемъ извисканы.

Весь сей мѣсяцъ сочиненія Александра Сумарокова.

*

*

*

О г л а в л е н і е .

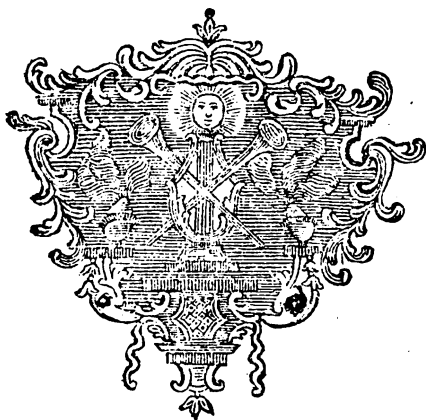
	страни.
I. О разумѣніи человѣческомъ. - -	259
II. Къ Типографскимъ наборщикамъ. -	263
III. О несправедливыхъ основаніяхъ. -	275
IV. Еписпола , Стихи противъ злодѣ- евъ, Идилія и Ода. - - -	282
V. Разговоры мертвыхъ. - - -	287
VI. Пришчи, Апрелья первое число и Епи- граммы. - - - - -	305
VII. Письма. - - - - -	312

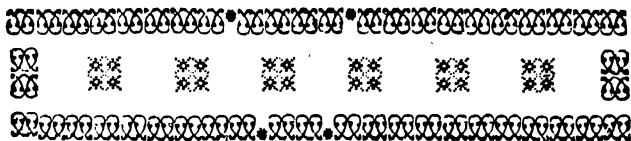
ТРУДОЛЮБИВАЯ
П Ч Е Л А.

Юнь 1759 года.

ВТОРЫМЪ ТИСНЕНИЕМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
при Императорской Академіи Наукъ
1780 года.

I.

МОЛИТВЫ и ПСАЛОМЪ.

МОЛИТВЫ.

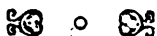
I.

Боже неба и земли,
Жалобу мою вземли,
И спаси меня своей сильною рукою!
Я гонимъ безъ оборонъ,
День и ночь отъ всѣхъ сторонъ;
И душѣ моей ужъ нѣтъ ни отсколь покою.

*

Стражду мучуся сеча;
Всѣ случаи на меня,
Въ жаркой ярости своей устремлены злобно.
Какъ въ оковахъ челоуѣкъ,
Горько проживая вѣкъ,
Мучится по всякой часъ, мучусь я подобно.

*

Во всегдашнихъ я бѣдахъ:
 Тако кормщикъ на водахъ,
 Спраждетъ, какъ уже въ корабль грозны волны
 плещутъ.

И когда въ полудни зракъ,
 Видитъ лишь единый мракъ,
 И единъ отъ молній свѣтъ кои въ мракъ блещутъ.

* * *

II.

Къ тебѣ, о Боже мой! я нынѣ воплю,
 И возвѣщаю днесь тебѣ печаль мою:
 Къ тебѣ я помощи лишенный прибѣгаю,
 И только на тебя надежду полагаю.
 Проникни небеса повсеминутный стонъ!
 Взлетите жалобы передъ небесный тронъ.
 Создатель мой! къ тебѣ взвожу и взоръ и руки:
 Возри и умягчи мои несносны муки!
 Грущу и день и ночь, вздыхаю завсегда,
 Спокойствія себѣ не вижу никогда.
 Вздыханіемъ моимъ мученіе исчисли!
 Разсѣянъ весь мой умъ, исчезли ясны мысли,
 Минуша всякая мнѣ новый боль несетъ,
 Тоска стѣсняя грудь изъ сердца кровь сосетъ:
 Той часъ напастію мнѣ новой угрожаетъ,
 Другой ужъ дѣлствуетъ и ею поражаетъ:
 Какъ токомъ водъ волна играетъ за волной,
 И скорбь за скорбію играетъ тако мной.

* * *

На что ни погляжу, все духъ мой устрашаетъ,
И только на тебя надежда утѣшаетъ.

И С А Л О М Ъ С Х Л И.

Жаромъ я святымъ пылаю,
Гласъ мой къ небу возсылаю:
Милосердому Владыкѣ возвещу печаль мою,
И предъ Господомъ молишвы сокрушенно пролюю.

Какъ ужъ чувствѣа исчезають,
Томны ноги увязаютъ

На пущи, мнѣ въ сокровенной лютой сѣпнѣ враждой
Помощи себѣ не вижу и шерзуюся бѣдой.

Рвуся мучусь унываю,
И въ печали возываю:

Боже ты моя надежда въ злополучїяхъ моихъ,
Часъ моя лишь ты едина творче на земли живыхъ.

Бѣдство грудь мою разшибло,
Все шерпѣнїе погнбло;

Ты избеаь мя отъ гоненья: я тебя молю спеня;
Яростны мои злодѣи и сильнай они меня!

Злоба всѣ прешла границы;
Изведи мя изъ темницы;

Принеспи благодаренье за спасенїе шебѣ!
Праведники ожидають мя избавленна къ себѣ.

А. С.

II.

ЛУКІЯНА

ТОРГЪ ЖИЗНЕЙ.

Дій. Ты поставь стулья и скамейки и изгоповь мѣсто для проходящихъ ; а ты выведи и поставь порядочно всѣ жизни, но прежде уברי ихъ хорошенько, что бы благообразными казались , и сколько можно больше купцовъ къ себѣ привлекали ; а ты, Ермій, провозглашай и сзывай въ доброй часъ , чтобъ собиралися въ продажную палату. Мы будемъ сего дни продавать жизни философскія всякаго рода и различныхъ намереній. А ежели у кого готовыхъ денегъ не случится для расплаты , тогдѣ заплатитъ на другой годъ , поставивъ поруку.

Ерм. Много народа собирается ; не надобно медлить и ихъ удерживать.

Дій.

Дій. Такъ спанемъ продавать.

Ерм. Копирую жизнь первую вывешть прикажешь?

Дій. Ту долговолосую Ионическую; она кажется прочихъ не много сановишбе.

Ерм. Жизнь Пифагорова, сойди сюда, стань путь, пускай тебя осмопратъ всѣ собравшіеся.

Дій. Чтожъ? Ермій, провозглашай.

Ерм. Самую лучшую жизнь продаю, самую сановишую, кто купитъ? Кто желаетъ бышь выше челоуѣка? Кто хочетъ знать всемирное согласіе? Кто опять ожитъ имѣетъ охоту?

Кулець. Съ виду кажется не худъ: да что онъ болѣе всего знаетъ?

Ерм. Ариѣметику, Астрономію, предвѣщательную науку, Геометрію, музыку, волшебное искусство; великаго ты видишь предъ собою пророка.

Кул. Можно ли его спросить?

Ерм. Спрашивай, о чемъ тебѣ угодно, въ доброй часъ.

Кул. Откуда ты родомъ?

Пифагоръ. Изъ острова Сама.

Кул. Гдѣ ты учился?

Пиф. Въ Египтѣ у шамошнихъ мудрецовъ.

Кул. Скажи, пожалуй, когда я тебя куплю, чему ты меня научишь?

Пиѳ. Я не буду ни чему тебя учить, но только тебѣ припомирать стану.

Кул. Какъ припомирать?

Пиѳ. Очистишь сперва душу пивомъ, и скверну, которая въ ней, смывъ.

Кул. Положимъ, что уже я чистъ душею: какимъ образомъ станешь ты мнѣ припомирать.

Пиѳ. Съ начала надобно тебѣ долго бытъ въ тишинѣ и безмолви, и цѣлые пять лѣтъ ничего не говорить.

Кул. Хорошо бы было тебѣ, другъ мой, у Крезова сына бытъ учителемъ. Я хочу съ людьми разговаривать, а не какъ слепцы стоятъ. Чшожь послѣ пятилѣтняго того молчанія?

Пиѳ. Въ музыкѣ и Геометрїи будешь упражняться.

Кул. Изрядно говоришь: по тому должно напередъ музыкантомъ бытъ, а послѣ мудрецомъ.

Пиѳ. Послѣ музыки и Геометрїи слѣдуетъ Арифметика.

Кул. Я и теперь уже считать умѣю.

Пиѳ. Какъ ты считаешь?

Кул. Одинъ, два, три, четыре.

Пиѳ. Видишь ли, что ты думаешь четыре, по десять, и совершенный треугольникъ, и клятва ваша.

Кул. Ей, ей, кленуся великою пою

пою клятвою , чепырьмя ; я никогда не слыхивалъ божественнѣйшихъ словъ , ниже священнѣшихъ .

Пиѳ. По томъ , другъ мой , узнаешь о землѣ , о воздухѣ , о водѣ и объ огнѣ , какое ихъ печеніе , какой имѣютъ они образъ , и какъ движутся .

Кул. Имѣетъ ли образъ огонь , вода и воздухъ ?

Пиѳ. И весьма явственный ; да и не возможно никакого движенія имѣть тому , что лишено образа и вида . Послѣ сего познаешь ты Бога , что онъ ни что иное какъ число и согласіе .

Кул. Удивительныя вещи сказываешь ты мнѣ .

Пиѳ. По сихъ уже реченныхъ узнаешь и о себѣ самомъ , что ты однимъ бытъ себѣ кажешься , другимъ предъ другими видишься , и что ты по истиннѣй другой .

Кул. Что ты говоришь ? я не тотъ , кощорой съ тобою теперь разговариваю ?

Пиѳ. Послушай , теперь ты тотъ , а прежде въ другомъ тѣлѣ и подъ другимъ именемъ ты былъ : по времени опять въ другое превратишься .

Кул. Твое мнѣніе такое , что я буду безсмертнымъ , переменяясь , въ

многообразные образы. Но о семъ до-
вольнo. Въ пищѣ каковъ ты ?

Пив. Ничего одушевленнаго не ѣмъ ,
а прочее все, кромѣ бобовъ ?

Кул. Для чего ты гнушаешься бо-
бами ?

Пив. Ни какъ я не гнушаюсь, но они
священны , и удивительное у нихъ
естество. Во первыхъ они со всѣмъ из-
ображаютъ рожденіе, и естли ты зеле-
ной еще бобъ облупишь, увидишь сход-
ство его съ частями онаго , а вареные
естли выпавишь на мѣсяцъ ночью въ
равноденствіе, то кровь изъ нихъ высту-
питъ. И что всего больше, то у Аѳи-
нянъ есть узаконеніе , чтобъ употре-
блять бобы при жертвоприношеніи.

Кул. Все хорошо и благоговѣйно ты
сказалъ. Раздѣнься, я тебя нагаго по-
смотришь хочу. О Ираклій ! что я
вижу ? у него золопая лядвея. Я ду-
маю , что это не смертной человѣкъ ,
но Богъ. Надобно мнѣ его конечно ку-
пить. Что ты за него просишь ?

Ерм. Десять мнасъ.

Кул. Добро, беру за столько.

Дій. Запиши имя , кто купилъ , и
откуда онъ родомъ.

Ерм. Испаліянцемъ мнѣ быть ка-
жется , Дій. Изъ тѣхъ , которые жи-
вуть

вуть въ Кропонѣ и Тарентѣ , въ тамошней Греціи , да онѣ и не одинѣ , почти пристра вообще его купили.

Дій. Пускай отведутъ его. А мы выведемъ другаго.

Ерм. Не выведешь ли волосаго того Понтійскаго.

Дій. Очень хорошо.

Ерм. Слушай, ты, съ мѣшкомъ и съ обнаженною рукою , выйди , и обходи всѣхъ кругомъ. Продаю жизнь мужественную , жизнь самую лучшую , и благородную , жизнь вольную , кто купишь ?

Кул. Провозглашатель , какъ ты говоришь ? продаешь вольнаго ?

Ерм. Да.

Кул. Чтожъ ты развѣ не боишься , чтобъ онѣ тебя въ судѣ не позвалъ за то , что ты его крѣпишь ? не опасается ли , чтобъ онѣ тебя не повелѣтъ въ Ареопагъ ?

Ерм. Нѣтъ ему въ томъ ни мало нужды , что его продаютъ ; онѣ думаетъ , что онѣ вездѣ воленъ.

Кул. Да къ чему бы его употребить , такъ гнуснаго , и такъ пребѣднаго человѣка ? развѣ землю копать и воду носить.

Ерм. Не то только ; но еще когда его вращаремъ здѣлаешь , повѣрь , что онѣ

онъ будетъ тебѣ вѣриѣ всякаго пса.
Да и имя ему, Песъ.

Кул. Откуда онъ родомъ , и какос
за нимъ ремесло ?

Ерм. Его спрашивай. Онъ тебѣ об-
стоятельнѣ можетъ объявить.

Кул. Боюсь ужаснаго его вида и
угрюмаго лица , чѣтобъ онъ не спалъ на
меня лаяшь , когда я къ нему подойду
и чѣтобъ не укусилъ. Не видишь ли ,
какъ онъ поднялъ палку , брови нахму-
рилъ , угроженіе и гнѣвъ видны на ли-
цѣ его.

Ерм. Не бойся, онъ смиренъ.

Кул. Когда смѣю тебя , дражайшій ,
спросить , скажи пожалуй прежде всего,
откуда ты родомъ ?

Діогенъ. Отвсюду.

Кул. Чѣто ты говоришь ?

Діог. Ты видишь предъ собою гра-
жданина мира.

Кул. Не подражаешь ли ты кому
въ семъ ?

Діог. Ираклію.

Кул. Для чего же ты и львиной
не носишь кожи ? съ дубины ты на не-
го похожь.

Діог. Ешто миѣ львиная кожа и плащъ.
Воюю такъ какъ и онъ, но противъ стра-
шей , ни по чьему приказу , но по моей
волѣ ,

волѣ , съ тѣмъ намѣреніемъ , чшобѣ
очистить жизнь.

Кул. Доброе намѣреніе ! скажи мнѣ
еще , что ты знаешь , или какое за
побою ремесло ?

Діог. Я свободитель людей и врачъ
страшей , однимъ словомъ , я хочу
быть истиннымъ и необыновеннымъ про-
повѣдникомъ.

Кул. Пожалуй , проповѣдникъ , ска-
жи , естли я тебя куплю , какъ ты
меня спанешь учить ?

Діог. Во первыхъ принявъ я тебя ,
свиму съ тебя роскошь , съ бѣдностію
заклучу , и плащъ на тебя надѣну ,
по томъ принужу тебя прудиться и ра-
ботать , на голой землѣ спать , пить
одну воду , а ѣсть то , что ни попа-
дется . Деньги , ежели у тебя есть , по-
слѣдую моему совѣту , ты понесешь , и
бросишь въ море ; о женѣ никакого по-
печенія не будешь имѣть , ни о дѣтяхъ ,
ни объ отечествѣ . Все сіе за ничто
будешь почищать . Оставишь домъ
опца твоего , и вселишься либо въ
яму какую нибудь , либо въ пустую
башню , или въ бочку . Мѣшокъ напол-
ненъ у тебя будетъ бобами , и бума-
гою вездѣ исписанною , и будучи въ та-
комъ состояніи , ты будешь говорить ,
что

что ты благополучиѣ Персидскаго Царя. Естли кто тебя высѣчетъ , или изувѣчитъ , то и того за зло почитать не будешь.

Кул. Какъ ты говоришь , чтобъ не ощущать боля , когда бьютъ ? у меня кожа не такая , какая у черепахи.

Диог. Будешь подражать изреченію Еврипида , не много опмѣнивъ.

Кул. Какому ?

Диог. Въ мысли будешь чувствовать боль , а языкъ у тебя будетъ безъ боля. А что ты всего больше долженъ имѣть , то состоитъ въ слѣдующихъ : надобно быть нахальнымъ и дерзновеннымъ , браниться со всѣми , равно съ вельможами какъ и съ простыми людьми. Ибо такимъ образомъ будутъ на тебя смотрѣть съ удивленіемъ , и за мужественнаго почитать ; а говоришь , сколько возможно , неправильно и не чисто , неприятнымъ и прошивнымъ голосомъ рѣчь свою произносить , подобно будпо псы лають. Лице имѣть напряженное , и походку шаковому лицу пристойную , однимъ словомъ все звѣрское и суровое. Стыдъ , крошость и умѣренность отложи , краску съ лица со всѣмъ отскобли , чтобъ никогда не покраснѣлся , обитай въ

са-

самыхъ многолюдныхъ мѣстахъ , и будучи тамъ , спарайся жить въ уединеніи безъ всякаго сообщенія ; не пускай къ себѣ ни друга , ни гостя для того , что такая поступь лишитъ тебя власти. Предъ глазами всѣхъ дѣлай смѣло то , чего другой и наединѣ не будетъ дѣлать ; и самое смѣшное соединеніе избирай. На конецъ , естли тебѣ угодно , сырую каракапицу , или сипію сбѣжь и умри. Сіе мы тебѣ благополучіе обѣщаемъ.

Кул. Провались ты. Какія скверности и нелюдскости говоришь.

Діог. Да очень легко , другъ мой , и безъ всякаго пруда можно все сіе исполнить. Не надобно будетъ тебѣ ни ученія , ни краснорѣчія , ни другихъ вракъ. Еша самая крапчайшая дорога ко славѣ. Хопя ты будешь простакъ или кожевникъ , или солильщикъ , или плотникъ , или пѣняжникъ , однако то тебѣ не будетъ препятствовать , чтобъ ты не былъ достойнымъ удивленія , естли только безстыденъ будешь и смѣль , и хорошо научишься бранишься.

Кул. Для сего мнѣ тебя не надобно , однако можешь быть гребцомъ или садовникомъ , да и то когда ешопъ тебя опдастъ за два шеляга.

Ерм. Возми, мы съ радостію его отдадимъ. Онъ уже намъ наскучилъ, и полны уши накричалъ, всѣхъ бранитъ безъ разбора, и рѣчи очень нескладно говоритъ.

Дій. Зови другую, ту Киринаискую одѣтую въ порфиру, и вѣнцемъ покрытую.

Ерм. Слушайте всѣ. Драгоценная вещь, и богатымъ только приличная. Сія жизнь сладка, жизнь преблагенна. Кто желаетъ роскоши? кто купитъ самаго нѣжнаго?

Кул. Поди ты сюда, и скажи, что ты знаешь? я тебя куплю, есть ли ты къ чему нибудь способенъ.

Ерм. Не прогай его, другъ мой, и не спрашивай. Онъ пьянъ, и не спанетъ тебѣ отвѣтствовать. Не видишь ли, что языкъ у него скользитъ?

Кул. Кпожъ въ здоровомъ разсужденіи купитъ такъ испорченнаго и нигде негоднаго раба? какъ отъ него духами пахнетъ! ходитъ онъ поползновенно, и съ стороны въ сторону шапается. Однако хотя ты, Ермій, скажи какой въ немъ прокъ, и чему онъ научился.

Ерм. Вообще сказать, онъ въ сожитіи очень хорошъ, вмѣстѣ пить гораздо, и къ пиршествамъ съ музыкантскою

кою влюбившемуся и роскошному господину весьма способенъ. Въ прочемъ знающъ въ вареніи яспвій и приуготовленіи сластей. Однимъ словомъ, мудрецъ сладостраспїя. Учился онъ въ Аѳинахъ, служилъ у Сицилійскихъ Тиранновъ, и въ великой былъ славѣ у нихъ. Главное основаніе намѣренія его всѣхъ презирать, и имѣть во всѣхъ нужду; онъ всюду корыстовался сластью.

Кул. Пора тебѣ искать другаго изъ богатыхъ, и многія имѣющихъ спяжанія, а я веселую жизнь купить не въ состояніи.

Брл. Я думаю, Дій, что сія жизнь у насъ останется безъ продажи.

Дій. Опведи ее прочь, выведи другую, а еще лучше тѣ двѣ, смѣющуюся родомъ изъ Авдиры, и плачущую изъ Ефеса, они вѣшь хотѣтъ проданы быть вмѣспѣ. Выдѣше на средину. Самыя лучшія двѣ жизни продаю, премудрѣе всѣхъ жизней.

Кул. Боже мой, какъ они дружка дружка пропивны. Одинъ не перестаетъ смѣяться; а другой, думаю, кого нибудь онаквиваетъ, рыдаетъ не утѣшно. Что за причина, другъ мой, для чего ты смѣешься?

Димокритъ. Спрашиваешь? для того,

го, что мнѣ всѣ ваши дѣла кажутся смѣшными, и вы сами.

Кул. Какъ ты говоришь? насмѣхаешься намъ всѣмъ, и ни во что вмѣняешь дѣла наши?

Дил. Да, такъ. Важнаго въ нихъ нѣтъ ничего, все пустое: несѣкомыхъ часлицъ волненіе и безконечность.

Кул. Никакъ, никакъ: ты пустой, естли правду сказать, и безконечной. О поношенія! не перестанешь ли ты смѣяться? А ты любезный, о чемъ плачешь? я думаю, что гораздо лучше съ тобою поговорить.

Ираклитъ. Для того, что я человѣческія дѣла почипаю за плачевныя и достойныя слезъ; и нѣтъ въ нихъ ничего, что бы не временное было. Ради того сожалью я объ васъ и плачу, и о наспоющихъ мню, что это все мало-важно, а о будущихъ въ послѣдующія времена, что все бѣдственно. Я говорю о сожженіяхъ и о всемирной гибели. О семъ я плачу, и что нѣтъ ни чего постоянного, а собирается все во смѣсь; что все то же, веселіе и печаль, знаніе и невѣжество, малое и великое, въ верхъ и въ низъ, переходящая и прѣмѣняющаяся въ игрушкѣ вѣковъ.

Кул. Что есть вѣкъ?

Иракл.

Иракл. Рѣзвой рабенокъ , который играетъ въ косточки , и ошѣ шалости на всѣ стороны шатается.

Кул. Что человекѣки ?

Ир. Смертныя Боги,

Кул. А Боги что ?

Ир. Безсмертныя человекѣки.

Кул. Загадками ты говоришь , другъ мой , недоуѣдомыми и непосижимыми , а прямо ни чего не обѣявляешь , какъ и Аполлонъ Локсий.

Иракл. Это для того , что мнѣ въ васъ нужды нѣтъ.

Кул. Когда такъ , такъ и не купишь тебя ни кто , кто въ здоровѣ еще разсужденіи.

Иракл. А я вамъ всѣмъ безъ разбора говорю ; пропадите , провалишеся , и шѣмъ , которые меня купятъ , и которые не купятъ.

Кул. Сія болѣзнь не много разнствуетъ отъ меланхоліи : ни одного я изъ нихъ не куплю.

Ерм. И сихъ мы , вижу , не продадимъ ,

Дій. Провозглашай другую.

Ерм. Не угодно ли будепъ тебѣ вывесить теперь продавать того Аѣинянина говоруна.

Дій. Очень хорошо.

Ерм. Поди сюда ты. Жизнь бла-
X 2
гую

гую и разумную провозглашаемъ, кто купитъ священнѣйшаго ?

Кул. Скажи мнѣ, что ты знаешь? и какимъ образомъ живешь ?

Сохр. Я себѣ выдумалъ новое иѣко-порое гражданство, въ которомъ живу; учрежденіе онаго странно; и законы въ немъ всѣ мои.

Кул. Желалъ бы я хотя одно о чемъ нибудь мнѣніе твое услышать.

Сохр. Такъ послушай самое большее; что я установилъ о женахъ: я думаю, что бы ни копорая изъ нихъ не была женою ни копорому мужу единому: но сообщалась бы всякому желающему брака.

Кул. Что ты епо говоришь? чтобъ законы о прелюбодѣянїи истребить?

Сохр. Такъ конечно, да и всѣ со-всѣмъ о томъ пустыя подробности.

Кул. Какое щедролюбіе! а мудрости какое у тебя начало ?

Сохр. Идеи и сущихъ вещей примѣры, ибо что ты ни видишь, землю и то что на землѣ, небо, море, всѣхъ сихъ вещей образы невидимые естъ въ мира.

Кул. Гдѣжъ они ?

Сохр. Нигдѣ. Ибо ежели бы они гдѣ были, то бы не были.

Кул. Не вижу я сихъ, о которыхъ ты мнѣ говоришь, примѣровъ.

Сохр.

Сохр. Епо очень вѣроятно: для того что ты слѣпъ глазами душевными. А я всѣхъ вещей вижу образы, и шебя невидимаго, и меня въ другомъ мѣстѣ, однимъ словомъ все двойное.

Кул. И такъ надобно тебя купить за то, что ты толь мудръ и быстрозрителенъ: поспой, посмотри. Что ты за него будешь просить?

Ерм. Дай два таланта.

Кул. За эту цѣну куплю, деньги я тебѣ послѣ заплачу.

Ерм. Какъ твое имя?

Кул. Діонъ Сиракусскій.

Ерм. Возми и поведи его въ доброй часъ. Епикурова жизнь, тебя я уже зову. Кто сего купитъ? онъ смѣющагося того Философа ученикъ, такъ же и того, который до пьяна напивается, которыхъ я не много прежде провозглашалъ: въ одномъ епотѣ еще большій знапокъ, по елику онъ ихъ злочестивѣ. Въ прочемъ онъ въ обхожденіи приятенъ, и любитъ хорошо ѣсть.

Кул. Какая ему цѣна?

Ерм. Двѣ мнасы.

Кул. Вотъ тебѣ двѣ мнасы, да какія онъ кушанья ѣсть?

Ерм. Сладкія и медовыя, а больше всего винныя ягоды.

Кул. Изрядно. Я ему куплю разныхъ закусокъ.

Дй. Зови другаго, того выбритаго, угрюмаго, которой изъ Стои.

Ерм. Очень хорошо. Я думаю, что превеликое множество купцовъ, которые на нашъ торгъ сошлись, его ждутся. Самую добродѣтель продаю; жизнь совершенную: кто все одинъ желаетъ знать?

Кул. Какъ ты это говоришь?

Ерм. Такъ: что сей единый премудръ; единый прекрасенъ; единый праведенъ; мужественъ, Царь, Риторъ, богачъ, законодавецъ и прочее, что бы то ни было.

Кул. И такъ, другъ мой, онъ единый и поваръ, и кожевникъ, и плотникъ, и прочая.

Ерм. Я думаю.

Кул. Поди, другъ мой, сюда, я хочу тебя купить, говори мнѣ, каковъ ты? сперва скажи, не досадуетъ ли ты за то, что тебя продаютъ, и что ты будешь рабъ?

Хрисилль. Ни мало: вить это не въ нашей власти, а что въ нашей власти, то все безразличественно.

Кул. Не разумѣю, что ты говоришь.

Хрис.

Хрис. Какъ? не разумѣешь, что изъ мирскихъ вещей иныя предварительныя, иныя опять отъ предварительныхъ!

Кул. Теперь я тебя еще больше не разумѣю.

Хрис. Вѣроятно: ты не привыкъ къ нашимъ именамъ, и понимающей душевной силы не имѣешь. А прилежащій къ сему, который изучился словесному умозрѣнью, не только все сіе знаетъ, но и сослучайное и присослучайное, и въ чемъ и сколько одно отъ другаго различуется.

Кул. Прошу тебя философіи ради, пожалуй скажи мнѣ, что сослучайное и что присослучайное; ибо сложеніе сихъ словъ меня весьма удивляетъ.

Хрис. Очень хорошо: еспьли кто будучи хромымъ, поюжь самую хромою ногою ударившись о камень получилъ нечаянно рану, у таковаго хромая нога было сослучайное, а рана, кошо-рую онъ получилъ, будетъ присослучайное.

Кул. О остроуміе! но что еще больше знаешь?

Хрис. Сплетенія словъ, которыми спущываю пѣхъ, кои со мною разговариваютъ, со всѣхъ сторонъ ихъ обгораживаю, и привожу къ тому, чтообъ они умолкли, накладывая на нихъ не-

чувствительно узду. Имя сей силѣ есть прехвальный силлогисмѣ.

Кул. О Ираклій! ты мнѣ сказываешь о нѣкакѣ непобѣдимѣ и насилсивенномѣ.

Хрис. Посмотри. Есть ли у тебя дитя.

Кул. Есть.

Хрис. Еслили то дитя, когда оно будетъ бродить близъ рѣки, ухватитъ крокодилъ, по томъ общаетъ тебѣ оное опдашь, когда скажешь правду, какъ онъ заподлинно думаетъ объ опдачѣ дитяти; что ты тогда скажешь, какое его намѣреніе?

Кул. На вопросъ твой отвѣтствовать ни коимъ образомъ не возможно. Не доумѣваю, что мнѣ сказать, чтобъ взять дитя назадъ, пожалуй ты ради Бога отвѣчай, и спаси мнѣ дитя, чтобъ онъ его поскорѣе не поглотилъ.

Хрис. Не бойся, я тебя научу еще и другимъ вещамъ, чуднѣе сихъ.

Кул. Какимъ?

Хрис. Жнущему, господствующему, и кромѣ всего того Илектрѣ, и покрытому.

Кул. Какого ты мнѣ покрытого, и какую ты мнѣ Илектру сказываешь.

Хрис. Илектру, ту древнюю, Агамен-

мемнонову дочь , которая поже знала
вмѣстѣ чего и не знала : ибо какъ спс-
ялъ предѣ нею Орестѣ ея еще непо-
знанный , такъ она знала , что Орестѣ
ея братѣ , а что сей предѣ нею сто-
ящій , Орестѣ , того не знала ; чтожѣ
касается до покрытаго , то удивитель-
ное слово услышишь. Отвѣчай мнѣ.
Знаешь ли ты своего отца ?

Кул. Знаю.

Хрис. Чтожѣ , естли я какого че-
ловѣка покрытаго предѣ тебя приведши
спрошу : знаешь ли етого ; что ты
мнѣ на то скажешь ?

Кул. Извѣстно , что скажу , не
знаю.

Хрис. Но етоѣ былѣ твой отецѣ.
И такъ по тому , что ты етого не зна-
ешь , явственнено , что ты не знаешь сво-
его отца.

Кул. Никакѣ. Я открывѣ онаго ,
узнаю истинну. Но каковѣ конецѣ
твоей премудрости , и что ты будешь
дѣлать , возшедѣ на самую высочайшую
степень добродѣтели ?

Хрис. Съ первыми буду по естеству
поснупать ; я говорю о богатствѣ , зло-
ровѣ , и симѣ подобныхѣ. Но прежде
надлежитѣ много прудиться , глаза при-
обучишь къ чипанію мѣлко писанныхѣ

книгъ, собрать различныя примѣчанія, наполнишь голову несвойственными реченіями и пречудными словами, однимъ словомъ, не лзя быть мудрымъ, пока-мѣсть трижды съ ряду не напьешься Еллевора.

Кул. Храбрыя ето твои дѣла и весьма мужественныя. А о томъ, чтобъ деньги въ ростъ отдавать и быть лихоимцемъ, ибо я вижу, что и ето искусство есть за тобою, что скажемъ? развѣ ето дѣло такого человѣка, ко-торой уже Еллевора напился, и совер-щенъ въ добродѣтели!

Хрис. Давать въ ростъ деньги при-лично одному только мудрецу для того, что ему свойственно рѣчи заключають въ силлогисмы, а давать деньги въ ростъ и заключать оныя въ ящики, кажется не много разнствуемъ отъ силлогиспическаго заключенія; того ради какъ то, такъ и другое ему одному прилично; да и не одинъ только про-стой ростъ, какъ другіе дѣлають, но и съ сего перваго другой ростъ брать. Развѣ ты не знаешь, что ростъ есть первой, и есть второй, перваго какъ будто нѣкій отродокъ. Послушай еще какъ силлогисмъ заключаетъ. Вотъ онъ: есшьли первой ростъ возметъ, то и вто-

второй; а первой онъ возьмётъ, того ради непременно и второй.

Кул. Такъ и о плащѣ тоже сказать должно, которую ты берешь за мудрость отъ учащагося юношества. Да по и явно, что одинъ только мудрый получишь мзду за добродѣтель.

Хрис. Хорошо ты это понялъ. Я вѣтъ не ради себя беру, но того ради, который даетъ. Мы видимъ, что иной есть распочитель, а иной собиратель и содержатель; ради сего приобучаю я себя къ тому, чтобъ быть собирателемъ и содержателемъ, а ученика, распочителемъ.

Кул. А прежде ты сказывалъ, что ученикъ долженъ быть собирателемъ, а о себѣ утверждалъ, что ты одинъ богатъ, и по тому распочитель?

Хрис. Ты насмѣхаешься, другъ мой. Однако берегись, чтобъ я тебя не застрѣлилъ анаподиктическимъ силлогизмомъ.

Кул. Какое зло причиняетъ сѣя стрѣла?

Хрис. Недоумѣніе, молчаніе, замѣшательство ума; и что еще больше, еслили я захочу, то покажу въ сѣжѣ мгновеніе ока, что ты камень.

Кул. Какъ? ты меня превратишь въ

въ камень ? Не думаю я , что бы ты , дражайшій , былъ Персеемъ.

Хрис. Вотъ какимъ образомъ : скажи мнѣ : камень , не пѣло ли ?

Кул. Да , пѣло.

Хрис. А животное , не пѣло ли такъ же ?

Кул. И то пѣло.

Хрис. Хорошо , теперь о себѣ скажи : ты животное ли ?

Кул. Такъ кажется.

Хрис. Того ради ты камень , по тому что ты пѣло.

Кул. Никакъ. Разрѣши меня , Дія ради , и опянь здѣлай человѣкомъ.

Хрис. Это не прудно , ты будешь опянь человѣкомъ : скажи мнѣ , всякое ли пѣло есть животное ?

Кул. Нѣтъ не всякое.

Хрис. Чтожъ , камень , животное ли ?

Кул. Нѣтъ.

Хрис. А ты , пѣло ?

Кул. Конечно.

Хрис. И такъ ты пѣло , и животное ?

Кул. Вѣрно такъ.

Хрис. Того ради ты не камень , по тому что ты животное.

Кул. Покорно благодарствую. А то было уже голени мои , какъ у Нювы ,
хлад-

жладнѣть и окаменѣвать начали. Надо-бно мнѣ тебя конечно купить. Что ты за него просишь?

Ерм. Двенадцать мнасъ.

Кул. Вотъ тебѣ деньги, возми.

Ерм. Одинъ ли ты его купилъ?

Кул. Никакъ, всѣ сии, которыхъ ты здѣсь видишь.

Ерм. По етому васъ очень много, да при томъ посмотрите пожалуйста, какіе всѣ широкоплечіе, и годные ко жнущему.

Дѣй. Не мѣшкай, Ермій, зови другаго.

Ерм. Поди сюда ты, Перипатетикъ, ты хорошій, и богатой. Ну, покупайте разумнѣйшаго, покупайте того, который все знаетъ.

Кул. Каковъ онъ?

Ерм. Умѣренъ, ласковъ, способенъ къ общежитію, и что больше всего, двоякъ.

Кул. Какъ ты говоришь? онъ съ наружи только такимъ кажется, а внутри развѣ онъ не таковъ?

Ерм. Да, и еспли ты его купишь, то помни, что тебѣ его называть должно по внутреннимъ, по внѣшнимъ.

Кул. Но въ чемъ онъ больше всего искусенъ?

Ерм.,

Ерм. Онъ говоритъ , что проякое есть добро , душевное , тѣлесное и внѣшнее .

Кул. По етому онъ по человѣчески разсуждаетъ , чего онъ стоить ?

Ерм. Двадцать мнасъ .

Кул. Ты много за него просишь .

Ерм. Нѣтъ , другъ мой , не много , у него и у самаго есть нѣсколько денегъ . Покупай скорѣе . Ты еще кромѣ того отъ него узнаешь , сколь долго живетъ комаръ ; сколь глубоко море солнечными лучами освѣщается ; и какую душу имѣютъ усприцы .

Кул. Ираклій , что это за тонкости и мѣлкости !

Ерм. Чтожъ ты будешь думать , когда услышишь отъ него многія еще другія вещи сихъ несравненно тончайшія : о рожденіи и дѣтородствѣ , и какъ во чревѣ матернемъ зародыщи получаютъ образъ , и что человекъ смѣющееся , а осель не смѣющееся , ни создающее , ниже пловущее .

Кул. Прекрасныя ты мнѣ и полезныя ученія исчисляешь , такъ я его куплю за двадцать мнасъ .

Ерм. Какъ изволишь . Кто у насъ еще оспался ? сей одинъ Скептикъ . Рыжій , ты , приступи сюда поскорѣе , пора намъ и те-

и тебя провозглашать, уже многіе отходятъ, мало осталось для тебя купцовъ, однакожъ кто етого купитъ.

Кул. Я куплю, только напередъ ты мнѣ скажи, что ты знаешь?

Философъ. Ничего.

Кул. Какъ ты это говоришь?

Фил. Такъ: мнѣ кажется, что въ свѣтѣ со всѣмъ нѣтъ ничего,

Кул. По етому и мы сами ничто.

Фил. И сего я не знаю.

Кул. А о собственномъ твоёмъ бытіи знаешь ли?

Фил. Етого то я еще больше не знаю.

Кул. Куды, какое сомнѣніе! да на что ты сіи вѣски носишь?

Фил. Я взвѣшиваю на нихъ доказательства о всѣхъ вещахъ, и привожу въ равновѣсіе, и естли увижу, что они равны и на одной сторонѣ сполькожъ въ нихъ вѣса, сколько и на другой; такъ тогда я не знаю, копорыя изъ нихъ справедливѣе.

Кул. А изъ другихъ дѣлъ, какія ты съ примѣжаніемъ отправляешь?

Фил. Всѣ, кромѣ что за бѣглецомъ не гоняюсь.

Кул. Развѣ это для тебя невозможное дѣло?

Фил.

Фил. Для того другъ мой, что я не достигаю.

Кул. Весьма вѣрояпно; ты мнѣ кажешься очень не скоръ и лѣнивъ, да каковъ конецъ пѣвѣго знанія?

Фил. Невѣденіе, и чтобъ ни слышать, ни видѣть.

Кул. И такъ ты и нѣмой вмѣстѣ и слѣпой?

Фил. При томъ еще и не разсуждающій и безчувственный; однимъ словомъ ни чѣмъ неразвѣствующій отъ червя.

Кул. Для этого надобно тебя купить. Сколько ты за него прѣбывать будешь?

Ерм. Апшическую мнасу.

Кул. Возми. Теперь, дружекъ, что ты мнѣ скажешь? купилъ ли я тебя?

Фил. Неизвѣстно.

Кул. Никакъ. Весьма извѣстно: я тебя купилъ, и заплатилъ деньги.

Фил. Сего утверждать я не смѣю, и въ мысляхъ моихъ о семъ разсмаприваю.

Кул. Спуй ты только за мною, какъ надлежитъ слугѣ за своимъ господиномъ.

Фил. Кто знаетъ, правду ли ты говоришь?

Кул.

Кул. Тотъ кто тебя продалъ , и деньги , и присутствующiе здѣсь.

Фил. Есть ли полно путь кто при насъ ?

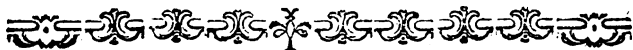
Кул. Вотъ я тебя приставлю къ жорновамъ , и увѣрю лучшимъ способомъ , что я твой господинъ.

Фил. Сего утверждать я не смѣю.

Кул. Повѣрь мнѣ , я тебѣ сказалъ , что я это съ тобою здѣлаю.

Ерм. Перестань ты прекословить , и поди за нимъ , онъ тебя купилъ. А васъ просимъ назавтрѣ опять сюда. Мы будемъ завтрѣ провозглашать жизни простолудиновъ , ремеслениковъ и приказныхъ.

Переводилъ съ Греческаго Г. К.

III.

О МОЗАИКѢ.

Мозаикъ [Mosaïque] есть имя Французское , которое происходитъ отъ Латинскаго Музаикумъ [Mosaicum] ,
 Ц или

или правбе и чище Музивумъ [Musivum] а при обоихъ сихъ Латинскихъ названіяхъ, надлежитъ приразумбвать Латинскую жъ рѣчь Опусъ [Opus], значащую по нашему, дѣло: и такъ, Музаикумъ или Музивумъ опусъ, есть музаическое или музивное дѣло, и музаическая, и музивная работа. Препрежее и у насъ имя Мозаику было Мусія безъ сомнѣнія съ Латинскаго; а Латинское оное досповѣрно жъ отъ Греческаго слова или евмусіи [εὐμοσίας], или отъ мусонъ [μουσῶν], по нашему отъ Музъ по есть отъ согласія, да не въ пѣніи но въ сочепанномъ приборѣ маленькихъ жеребейковъ, складно и ладно между собою сопряженныхъ.

И подлинно, Мозаикъ значитъ вообще всѣ тѣ работы, кои дѣлаются изъ небольшихъ приборныхъ, и сложенныхъ совокупно разноцвѣтныхъ штукъ, какъ деревянныхъ и каменныхъ такъ шипыхъ и живописныхъ. По сему, въ Мозаикъ включающа, не токмо наспиланіе, насаживаніе, вынйзываніе, наклееваніе, и врѣзываніе шариковъ и жеребейковъ разноцвѣтныхъ, по узорамъ, на полахъ, панеляхъ; пополокахъ, столахъ, ларчикахъ, и на премномъ подобномъ, такъ же счепаніе
каме-

камешковъ на изображеніе лица , всего человѣческаго спана , одеждъ его съ воскриліями , и другихъ бездушныхъ , одушевленныхъ , и прозябающихъ подобій вмѣсто живописи ; но еще и называемыя въ шканомъ чемъ земли , по коимъ швальнаго дѣла ремесленники вышивають разными шолками , серебромъ и золотомъ , и такъ же левкасныя дски , на которыхъ представляють живописцы разными жъ красками , всякія цѣльныя расщепленія , но къ кбъ будто сложенные изъ маленькихъ блессточекъ .

Впрочемъ , я здѣсь вамъ , пишу не о двухъ послѣднихъ Мозаикахъ ; но о первыхъ двухъ , то есть , о приборѣ и составленіи жеребейковъ деревянныхъ оныхъ и каменныхъ , особливѣ жъ сихъ каменныхъ : да и увѣдомляю услужно , что сперва самага сей Мозаикъ употребляемъ былъ шокмо на выстиланіе половъ въ великолѣпныхъ храмахъ и богатыхъ палацахъ . Можно думать , по оставшимся огромнымъ зданіямъ въ престарѣломъ Египтѣ , что сіе искусство началось тамъ , и что опшуду перешло въ Грецію Съ другой стороны кажется что и въ Греціи , самой той древней , не было жъ другаго употребленія Мозаику , кромѣ выстиланія половъ : ибо

имя его Греческое: показываетъ сіе , Псифоэпина [*Ψιφοεπιτα*] то есть камешковъ положеате. Сего ради Мозаикъ былъ тогда весьма еще простъ : состоялъ онъ полько въ нѣсколькихъ мраморныхъ разноцвѣтныхъ камешкахъ , считааемыхъ узорнымъ расположеніемъ.

Когда жъ сей Мозаикъ дошелъ до совершенства , а художники , строинымъ и разноцвѣтнымъ очерпаніемъ изъ камешковъ , достигли до того , что могли уже представлять ими всякія украшения , какъ то зелень листовъ древесныхъ , виноградныя кисти , яблоки , другіе различные плоды , цвѣпки , лица человѣческія съ возрастомъ , и прочее неисчетное ; то и начали убирать ими въ стѣнахъ же самыхъ зданіяхъ , въ коихъ полы выстилали , стѣны , панели и своды. И какъ натура не подавала , по ихъ ненасытному вожделѣнію , довольного изобилія въ цвѣтахъ изъ самороднаго мрамора , на изображеніе безчисленныхъ вещей : того ради , выдумали они рукотворныя камешки , подобныя мраморнымъ ; и начали ихъ дѣлать изъ стекла и финифши ; такъ что стеклянный и финифшяный Мозаикъ ихъ , походилъ не безъ лѣпопы нѣкоторыя на живопись , изображающую роды вещей

толь

поль слично и сходственно съ естественными.

Весьма вѣроятно, что къ стеклянымъ и финифтянымъ камешкамъ на Мозаичную живопись, подала причину древняя, бывшая въ великомъ употребленіи по всей Італіи, во время Плинія натуралиста, а называемая Кавспическою [жженою], отъ греческаго слова Кеинъ [κείν] жечь. Сія живопись была воцаная, въ коей кисточка Зографская не имѣла почитай участія. Все сіе искусство состояло въ приуготовленныхъ воцаныхъ капышкахъ, и плоскихъ блеспкахъ разноцвѣтныхъ, а по помъ въ накладываиіи шѣхъ или на дерево, или на слоновую кость, способомъ прижиганія и припапливанія на огнѣ.

Стекло вамъ, по премногу вѣдомо: всѣ почитай наши пишеинные сосуды изъ него, и множество другихъ орудій и вещицъ. Но финифть есть родъ стекла жъ, краскою напоеннаго. Главнѣйшая матерія ея, есть олово и свинецъ, по равнымъ частямъ смѣшанная, а прежде въ пепель приведенная на огнѣ; къ чему прибавляются особенно такіе Металлическіе цвѣты, какимъ въ финифтѣ бытъ желается. Фи-

нифтію называется еще и та живопись, копорая производится изъ минеральныхъ красокъ, жженныхъ на огнѣ. Фарфорова, цѣпинная, и муравленая посуда, есть такъ же родъ финифти. Употребленіе ея на глинѣ, есть весьма древнее: ибо во время Порсенны, Тосканскаго Царя, дѣлана была въ его областяхъ финифтяная посуда разныхъ видовъ.

Что жъ паки до Мозаика у древнихъ стеклянago и финифтянаго; по художники новыхъ вѣковъ, произвели сіе искусство еще далѣе. Презрѣвши стекло и финифть, какъ вещи подлая и дешевыя для предивныхъ работъ помышляемыхъ ими, начали они примѣшивашь къ самому лучшему мрамору дорогие камни, какъ по Агатъ, Яшму, Сердоликъ, Томпасъ, Изумрудъ, еще и Лалъ, и червчатый Яхантъ.

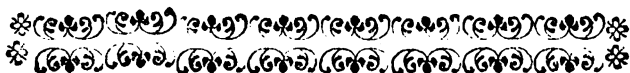
Изъ сихъ трехъ родовъ Мозаика, именно жъ стеклянago съ финифтянымъ, приборныхъ пѣхъ камешковъ изъ разноцвѣтнаго мрамора, и оныхъ камешковъ изъ дорогихъ камней, упомянутый теперь прежде двухъ другихъ, болѣе уже ни гдѣ не употребляется нынѣ для своея безважности; а который изъ дорогихъ камней, потѣ такъ же очень рѣдко

рѣдко бываетъ въ дѣлѣ для дороговизны своя жѣ и многотрудности : дѣйствителенъ токмо прешій изъ различныхъ мраморныхъ камешковъ. Есть и четвертый родъ Мозаика изъ Слудянаго камня : сей Мозаикъ есть плодъ нынѣшнихъ недавныхъ временъ ; а отъ знающихъ въ томъ силу и похваляется не мало.

О времени Мозаика , въ кое онъ начался , и о мѣстѣ , гдѣ прежде всѣхъ началъ , нѣтъ ничего почнаго въ Писателяхъ. Можно токмо заключить , по многимъ имовѣрнымъ обстоятельствомъ , что полы спали выстилашь Мозаикомъ прежде въ древнѣйшемъ Египтѣ ; по томъ въ Греціи ; а у Греціи переняла послѣ Италія. Но Мозаикъ , подражающій живописи , можетъ быть вымысленъ и приведенъ въ совершенство особливо въ Римѣ : ибо въ немъ , по самой большой части , видимы остатки древняго Мозаика, служащіе нынѣшнимъ художникамъ образцами. На послѣдокъ , живопись производимая малеваніемъ , весьма превосходитъ Мозаичныя живописи , по разсужденію славнаго въ ученомъ свѣтѣ Автора : ибо не возможно , говоритъ онъ , подражать совершенно камешками и стеклышками всѣмъ кра-

сошамъ и приятностямъ, изображаемымъ отъ искусныя кисточки на картинѣ изъ масла . или на стѣнѣ , такъ называемою Фрескою , изъ воды по сырой извеспи.

В. Т.

IV.

П Р И Т Ч И.

I.

К О К У Ш К А.

Грачи вырвался изъ рукъ , изъ города домой :
 Кокушка говоритъ : скажи дружечикъ мой ,
 Какая въ городѣ молва о пѣсняхъ нашихъ :
 Онъ ей отвѣствуетъ : изъ жителей тамъ вашихъ ,
 Прославленъ соловей , о немъ вездѣ слова ,
 О немъ великая тамъ носится молва .
 Кокушка говоритъ : о жавронкѣ известно ?
 Грачъ ей : и жавронка тамъ пѣиѣ прелестно .
 Кокушка говоритъ : во славѣ ль тамъ скворецъ ?
 Грачъ ей : и онъ у нихъ извѣстный тамъ пѣвецъ .
 Кокушка

Кокушка говоритъ: съ тобой жидя я дружно ;
 Для дружбы той скажи , что знать еще мнѣ
 нужно ?

Да только ни чево дружокъ не утай :
 Какія рѣчи тамъ про пѣсенки мои ?
 Грачъ ей : о томъ людей на рѣчь не позывало ,
 Какъ будто бы тебя на свѣстѣ не бывало .
 Кокушка говоритъ : коль люди безъ ума ,
 Такъ я могу сплесни хвалу себѣ сама .

* * *

II.

СЕКРЕТАРЬ И СОПЕРНИКИ.

По биржѣ двое шли .
 Какія люди то , не знаю я объ ешомъ ,
 Гуляли лѣшомъ ,
 Гуляли и въ гульбѣ шумѣ устрицу нашли :
 Гражданска въ силу права ,
 Кому съѣсть устрицу , не приложу ума ,
 Ющицѣ сама
 Не вѣдастъ того , и нѣтъ на то устава ,
 Пошелъ великой споръ ,
 Кому принадлежитъ находку ешу скушать ,
 И скучно было слушать ,
 Какой объ устрицѣ былъ шумъ у нихъ и вздоръ
 Окончилась проказа :
 Глупае устрицы была такая пшарь .
 Попался секретарь ,

Шелъ биржей на кабакъ изъ суднаго приказа :

Тотчасъ онъ ихъ развелъ,
Имъ далъ по черепку обѣимъ изъ находки,
И передъ чаркой водки,
Безъ справокъ, устрицу, и безъ экстракта,
сѣлъ.

* * *

III.

ПАХАРЬ И ОБЕЗЬЯНА.

Мужикъ своимъ трудомъ на свѣтѣ жить родился,
Мужикъ пахалъ, потѣлъ, мужикъ прудился,
И отъ труда

Онъ ждешь себѣ плода.

Прохожій похвалилъ работника съ дороги.

То слыша подняла и обезьяна ноги,
И хочешь похвалы трудами испросить,
Отъ любочестія и въ ней разжегся пламень,

Взяла великой камень,

И спала камень сей переносить,

На мѣсто съ мѣста,

А камень не пирогъ, и здѣланъ не изъ шѣста ;

Такъ ежели когда носишь его хотѣшь,

Конечно надлежитъ неся его потѣть :

Потѣть и прудиться.

Другой прохожій шелъ,

Въ трудъ ее нашель,

И говоритъ : на что шолокой трудъ годится ?

Безумцы

Безумцы никогда покоя не хранятъ.

Впередъ не замаяшъ

Къ трудамъ меня, она болтала:

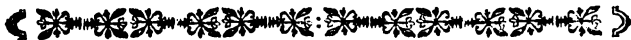
Свой камень бросила, пирудиться пересшала,

И жестоко роптала,

За что хвада другимъ, за то меня бранятъ.

* * *

А. С.

V.

П И С Ь М А.

I.

О ДОСТОИНСТВѢ.

Многя почитаютъ знатность рода великимъ украшеніемъ истиннаго достоинства: я не знаю, какими доводами ето утвердишь возможно: ибо нѣтъ ни одного на то доказательства.

Ты честью хвалишься, кошора не швоя: Будь пращуръ мой Капонъ; но то Капонъ не я.

Чинъ такъ же поспавляютъ за украшеніе истиннаго достоинства, и сполько же и на то доказательства имѣютъ; разумный, искусный, проворный и храбрый Полководецъ, не шѣмъ великъ, что

что чинъ Полководца , но что достоинство Полководца имѣетъ.

Богатство такъ же поставляетъ украшеніемъ истиннаго достоинства , и столько же и на по доказательствъ имѣющъ , богатство довольствуется насъ , и не украшаетъ нашего , достоинства.

Чины называются достоинствами человека , а мыѣ кажется , что они имена человека.

Чинъ есть одно только имя : кто больше имѣетъ чиновъ , тѣмъ больше имѣетъ имени , и когда восхожденіемъ , или паче возведеніемъ , переменяются чины , переменяются только имена , и умножаются доходы , поклоны , и лестъ а достоинство не умножается.

Справедливо ли говорится , вмѣсто человекъ имѣющій великой чинъ , и вмѣсто человекъ знатнаго рода , честный человекъ ? Изъ сего слѣдуетъ , что всѣ крестьяне безчестныя люди , а это не правда ; земледѣліе , не воровство и не грабительство , но почтенное упражненіе. Пращуръ боярина отданъ на сѣдненіе червямъ , и въ прахъ превратился , Пращуръ крестьянина такъ же. Отъ боярина того нѣтъ ужъ больше страха , И боярчѣ и мужикѣ , вы потомки праха.

Оба вы можете быть честны, когда захошите, оба вы сыны опечества, и оба можете ему быть полезны. Пускай лестно питаемая гордость всё пишла у добродѣтели опнииааетъ, и ими вмѣсто украшенія обезображивааетъ. Честъ наша не въ пишлахъ состоитъ: тотъ сѣшельный, копорый сердцемъ и разумомъ сѣетъ, тотъ превосходительный, копорый другихъ люлей достоинствомъ превосходитъ, и тотъ боляринъ, копорый болѣетъ об опечествѣ.

Богатство умножаетъ роскошь и высокомеріе, знатность рода умножаетъ гордость. Чинъ великій щеславіе умножаетъ, ежели они безъ достоинства; богатство человеку дѣлаетъ удовольствіе, а не украшеніе, чинъ дѣлаетъ вредъ или пользу обществу, а не украшеніе тому кто его имѣетъ, а знатность рода не дѣлаетъ, ни украшенія достоинству, ни пользы обществу.

Ни что достоинства украситъ не можете, ибо всё его украшенія въ немъ самомъ состоятъ: чистота сердца, острота разума, просвѣщеніе мыслей и услуга роду человѣческому.

* * *

II.

ЧЕТЫРЕ ОТВѢТА.

ТЫ спрашиваешь меня мой другъ , и задаешь чепыре мнѣ вопроса : что бы я дѣлалъ : 1) ежели бы я былъ малой человѣкъ и малой господинъ ; 2) ежели бы я былъ великой человѣкъ и малой господинъ ; 3) ежели бы я былъ великой человѣкъ и великой господинъ ; 4) ежели бы я былъ малой человѣкъ и великой господинъ . На первой вопросъ я отвѣчаю : всѣ бы мѣры упошребилъ я ознакомишься въ домахъ знатныхъ господъ и сильныхъ властію людей , не пропустилъ бы ни одного праздника , что бѣ не обѣжалъ города разнося поздравленіе , ходилъ бы по переднимъ комнатамъ знатныхъ господъ на цыпачкахъ , и подчивалъ бы камердинеровъ ихъ табакомъ , научился бы въ карты играть во всѣ игры ; ибо играя въ карты можно съ первымъ господиномъ сѣсть плечо о плечо , и вмѣсто , чтобъ говорить , весьма низко нагибаяся : доношу вашему Высокопревосходительству о такомъ и о такомъ дѣлѣ , сказать ему прибодрившись , у васъ принащать , а у меня четырнадцать . Не спорилъ бы я ни о чемъ , и говорилъ бы только : такъ , конечно такъ , все-
конечно

конечно такъ , превсеконечно такъ , превсеконечнѣше такъ. Сказывалъ бы всему свѣту , какъ потъ и потъ знашной господинъ со мною милоспиво поговорилъ , а ежели бы когда не доспало испинны , такъ бы я дополнялъ ложью , да и ни что не украшаетъ такъ рѣчи какъ ложь ; Стихотворцы тому свидѣтели. А наконецъ покорствомъ и лестною испросилъ бы я себѣ нажипочное мѣсто , а лучше всего поѣхалъ бы я на воеводство ; ибо сія должность нажипочна , почтенна , и легка. Нажипочна , что всѣ дарятъ : почтенна , что всѣ кланяются : легка , что очень мало дѣла , да и по обыкновенно исправляетъ Секретарь или съ приписью подьячій , а они такъ же люди присяжные и положишься на нихъ безо всякаго сумнѣнія можно. И подьячій отъ шого же созданъ Бога , отъ кошораго человекъ ; такъ суемудренно сіе мнѣніе , что подьяческая душа не можетъ имѣть добродѣтели. Я думаю , что между человекъ и между подьячева разности мало , и гораздо меньше нежели между подьячева и между другой какой пвари. Ежели бы я былъ великой человекъ и малой господинъ , я бы по многомъ моему старанію показывалъ моему опечесшу

сиву и свѣту услуги, ни ково бѣни
 какую доукою не ошягощаль, и пола-
 галь бы надежду на достоинство свое,
 и на заслуги опечеству, а когда бы
 въ помѣ обманулся, шакъ бы я по мно-
 гомъ своемъ перпѣнїи сошелъ съ ума,
 былъ бы такой человѣкъ, какїя не толь-
 ко ни чево не дѣлають, но и ни о чемъ
 не думають. Ежели бы я былъ вели-
 кой человѣкъ и великой господинъ; я
 бы неусыпно старался о благополучїи
 моего опечества, о возбужденїи добро-
 дѣтели и достоинства, о награжденїи
 заслугъ, о уполенїи пороковъ и о испре-
 бленїи беззаконїя, о приращенїи наукъ,
 о умаленїи цѣны необходимыхъ жизни
 человѣческой вещей, о наблюденїи пра-
 восудїя, о наказанїи за взятки, граби-
 пельство, разбойничество и воровство,
 о уменьшенїи лжи, лести, лицемѣрїя и
 пьянства, о изгоненїи суевѣрїя, о умень-
 шенїи ненадобнаго обществу великолѣ-
 пїя, о уменьшенїи карпезной игры, чтобъ
 она не отпымала у людей полезнаго вре-
 мени, о воспитанїи, о учрежденїи и по-
 рядкѣ училищей, о содержанїи исправна-
 го войска, о презрѣнїи буянства, пени-
 метерства и искорененїи тунеядства.
 А ежели бы я былъ малой человѣкъ и
 великой господинъ; шакъ бы жилъ ве-
 лико-

ликолѣпно ; ибо такое великолѣпіе рѣдко великой душѣ свойственно бываетъ ; а что бы я дѣлалъ, етова я не скажу.

* * *

А. С.

VI.

Е П И Г Р А М М Ы.

I.

Ты будущей себя женою утѣшаешь,
 Какую взять тебѣ , усердно вопрошаешь.
 Возми богатую, такъ будешь ты богатѣ ,
 Возми болшей родни , боярамъ будешь братѣ.
 Возми разумную , любви похвальной страши ,
 Возми прекрасную, тѣлесной ради сласти :
 А ты опивѣнчивуешь : хочу имѣть покой ;
 Такъ лучше не бери , пожалуй, ни какой.

II.

Кто въ чемъ когда нибудь молвою возвышенъ ,
 Достоинствомъ прямимъ ни мало украшенъ ,
 Не дивно ; похвала и похуленіе въ волю ,
 А разумъ не у всѣхъ , глупцовъ на свѣтѣ болѣ.

ц

III.

III.

Преподлый суевѣрѣ отъ разума бѣжитѣ ,
 И вѣратѣ онѣ шому , чему не надлежитѣ ;
 Кшо вздору всякому спарасеня повѣритѣ ;
 Сиремнитѣ предѣ самимѣ онѣ Богомѣ лицемѣритѣ .

IV.

Пожалуй не зови меня безвѣрнымѣ болѣ ,
 За то, что къ вѣрѣ я не причиняю вракѣ ;
 Я вѣрю Божеству, покоренѣ вышней водѣ ;
 И вѣрю я еще шому, что ты дуракѣ .

V.

Судьи приказныхѣ дѣлѣ у насѣ не помѣчали ,
 Дьяки сей дарѣ писать и взятки брать нашли ,
 Писать и брать они дворянство обучали !
 Но мы учитедей далеко превзошли .

VI.

Когда любезный мужѣ со мною ты простидся ,
 Рвалася я тогда и плакала стена ;
 Между надежды зрѣлѣ и страха ты меня ;
 Желала я , чтобѣ ты не скоро возвратился .

VII.

Что скоро родила тебѣ по свадьбѣ сына ,
 Любезный муженекѣ, вотѣ та тому прищина ,
 Что я собравшися принестѣ тебѣ сей дарѣ ,
 Въ смяшеннѣ посмотрѣть забыла я календарѣ .

VIII.

VIII.

Я друга првоево люблю зракъ пивой любя ,
 Ево цалуючи цалую я тебя :
 Единая въ васъ душа, извѣсно мнѣ то дѣло ;
 Такъ думается мнѣ, одно у васъ и пѣло.

IX.

Посѣкла до крови я сына очень больно ;
 Что жъ дѣлать? не живи рабенокъ своевольно.
 Мужъ вопиашъ: екая къ моей крови любовь ,
 Хотя я и не ево спустила плѣшью кровь.

X.

Не многое число друзей собранъ умѣетъ ,
 Съ умомъ, съ ученіемъ достойная душа ,
 Вотъ больше , кшо казны довольные имѣетъ ,
 Всѣхъ больше , у ково хозяйка хороша.

* * *

А. С.

VII

П И С Ь М А.

I.

ОБЪ ОСТРОУМНОМЪ СЛОВѢ.

Остроумъ разума человѣческаго свой-
 ственно скорое проицаніе , почное
 Ч 2 вообра-

воображеніе, и краткое извясненіе : отъ сихъ свойствъ рождаются остроумныя слова , которыя разрѣшаютъ самымъ легкимъ образомъ разныя предложенія : а иногда преимуществують они предъ самыми яснѣйшими доказательствами. Извѣстный Александра великаго Парменіону отвѣтъ , когда сей Полководецъ предлагалъ ему , чѣмъ онъ съ Даріемъ примирился , сочепаніемъ съ ево дочерью , взявъ половину Азіи въ приданое , кратко и ясно изобразилъ Александрово честолюбіе. Парменіонъ говорилъ : я бы де на семъ договорѣ съ Даріемъ согласился , ежели бы я былъ Александръ : и я бы такъ же , отвѣчалъ Александръ , ежели бы я былъ Парменіонъ. Сіе Александрово слово Лонгинъ до небесъ возвышаетъ , и подробно , скажу и я съ симъ прехвальнымъ разсмотрѣніемъ истиннаго краснорѣчія , что сіе остроумное слово , достойно великаго Александра. Сей славолубивый Государь не школьными отвѣчалъ доказательствами , о разности между себя и между Парменіона , чѣмъ бы въ мѣсто краткова слова цѣлую книжку здѣлать могло , и меньше бы удовольствовало читателей , нежели слышателей удовольствовало сіе остроумное

умное слово ; острога разума обширныхъ извясненій не терпитъ : да и на чпо обширность , ежели безъ нея извяснишься удобно. Многорѣчиѣ свойственно человѣческому скудоумію. Всѣ тѣ рѣчи и письма , въ которыхъ больше словъ , нежели мыслей , показываютъ человѣка пупова. Быстрога разума , словъ беретъ по размѣру мыслей , и не имѣетъ въ словахъ ни излишества ни недостатка. Сіе толкованіе , сколько до разговоровъ , столько и до письменныхъ сочиненій касается. Но я обращаюся къ остроумнымъ словамъ , на которыя нынѣ въ свѣтѣ такъ велико употребленіе , какъ мало ихъ число. Остроумное слово единожды только выговорено быть должно ; ибо повтореніе ихъ безобразно , а особливо заимствованіемъ чужаго разума. Предъ людьми упоающими въ невѣжествѣ можно услышанными и прочтенными остроумными словами показаться , и получивъ себѣ утверженіе красоты остроумія , но приводя шакowymi словами просвѣщенныхъ людей , къ достоинству своея остропы , показываемся мы людьми слабыми и надутыми пустою гордостію , которая вмѣсто возвышенія дѣлаетъ намъ пониженіе.

II.

О ЧТЕНІИ РОМАНОВЪ.

Романовъ столько умножилось , что изъ нихъ можно сослѣдовать половину библіотеки цѣлаго свѣта. Пользы отъ нихъ мало , а вреда много. Говорятъ о нихъ , что они умѣряютъ скуку и сокращаютъ время, то есть: вѣкъ нашъ, который и безъ того кратокъ. Чтеніе Романовъ не можетъ назваться препровожденіемъ времени ; оно погубленіе времени. Романы писанныя невѣжами чиншпелей научаютъ притворному и безобразному складу, и отводятъ отъ естественнаго , который единъ только важенъ и приятенъ. Мы не худымъ Романическимъ , но при просвѣщеніи нашемъ естественнымъ складомъ , скотскія изображенія превосходимъ. Хорошія Романы хотя и содержатъ нѣчто достойное въ себѣ; однако изъ Романовъ въ пудѣ вѣсомъ , спирту одного фунта не выйдетъ, и чтеніемъ онаго больше употребится времени на бесполезное, нежели на полезное. Я исключая Телемака , Донкишота и еще самое малое число достойныхъ Романовъ. Телемака причисляли къ Епическимъ Песнямъ , что въ

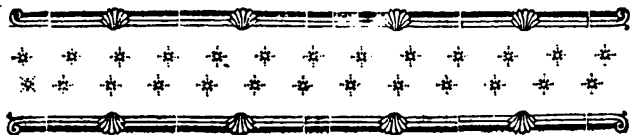
въ предисловіи ево и напечатано, а многія сію книгу какъ Иліяду и Енеиду, образцемъ Епической Поемы поставляютъ, но что сево смѣшяе? кромѣ расположенія, Телемакъ не Поема; нѣтъ ни Епической поемы, ни оды, въ прозѣ. А Донкишотъ Сатира на Романы. Ежели кто скажетъ, что Романы служатъ къ утѣшенію неученымъ людямъ, для того что другія книги имѣ не понятны: ето неправда; ибо и самой высочайшей Математики основанія, понятно, написать удобно; хотя по и подлинно, что книгъ шаковыхъ мало видно. Однако много еще книгъ и безъ Романовъ осталоса, которыя вразумительны и самымъ неученымъ людямъ. Довольно того, чемѣ и просвѣщаяся можно препровождать время, хотя бы мы и по тысячѣ лѣтъ на свѣтѣ жили.

*

*

*

А. С.

VIII.

Е Л Е Г И И

I.

Предвѣстїя для насъ плачевныя свершились,
Которыхъ каждой мигъ драгая мы спрашились.
Нежалостливый твой и яроспный отецъ,
Мучитель злобѣйшїй влюбившихся сердецъ,
Узнавъ, что я къ тебѣ любовїю пылаю,
Что всю въ тебѣ я жизнь единой полагаю,
И что твоя ко мнѣ равно пылаешь кровь,
И равную моей являешь ты любовь,
Подвигнувшись за то на гнѣвъ неуполимой,
И слышашь не хотя чшобъ я былъ твоей любимой,
И небомъ и землей и всѣмъ, что въ свѣтѣ есть,
Въ другой отселъ градъ клялся тебя увести.
Колико клятвы тѣ казались намъ ужасны!
Ужасны были намъ и стали не напрасны,
Исполнилъ то, что онъ исполнити хотѣлъ.
Сердитый рокъ, къ чему несчастныхъ ты привелъ!

Въ сей день кончается утѣха предратая,
И совершается судьбина наша злая.

На

На вѣкѣ лишаюсь я твоихъ прелестныхъ глазъ,
 Ты зришь любезная меня въ послѣдней разѣ.
 Терзаюсь вѣчно намъ отъ дня сего приходитъ.
 Какую казнь, Тиранъ отецъ твой намъ наводитъ!
 Коликой опягчилъ насъ скорью и поскою,
 Отвемля общій нашъ въ сей грозной день покой!
 О день! печальный день, плачевныя разлуки!
 Неизреченныя день горести и муки!
 Страданіе сердецъ хощь мало упиши,
 И медлѣнно въ своемъ печеніи спѣши:
 Въ послѣдніе мнѣ дай драгой налюбоваться,
 Въ послѣдніе мнѣ дай съ драгой нацаловаться!
 Но день кончаетъ бѣгъ, и наступаетъ часъ,
 Которой разлучитъ на вѣкѣ драгая насъ.
 Моя лражайша жизнь на вѣки утѣкаетъ,
 И изъ очей тебя на вѣки увлекаетъ.
 Рокъ ближися, - - - увы! приближися, - - -
насталъ.
 Свирѣпой рокъ! уже ты все для насъ скончалъ.
 Гдѣ я! - - - и что я спалъ! - - - чувствъ
прежнихъ не имѣю.
 Мой духъ выходитъ вонъ, - - - шмялюся, ка-
менѣю.
 Когда перяю я любезную свою;
 Возми о небо жизнь оставшую мою!
 На что она, когда лишившись любезной,
 Я буду провождать ее въ судьбинѣ слезной?
 Но не отвемлется плачевный вѣкѣ судьбой!
 Лишь только рокъ великъ разстанься мнѣ съ
твоей
О

О часѣ , противный часѣ ! и всѣхъ часовъ горчай-
шій !

Источникъ вѣчныхъ слезъ ! о часѣ пружесточай-
шій !

Возри , Тирамбъ , на скорбь ты дочери своей !

За что ты дѣлаешь сіе мученье ей ?

За что она тобой толь горестно страдаетъ ?

За то что ахъ ! ко мнѣ любовію пылаетъ .

О варваръ ! не женой ты въ свѣтѣ произведенъ !

Свирѣпымъ нѣкакимъ чудовищемъ рожденъ ,

И листой львицею въ лѣсахъ воспитанъ темныхъ ,

Въ безсолнечныхъ возросъ пещерахъ ты подзем-
ныхъ .

Когдабъ не звѣрскую природу ты имѣлъ ,

И былъ бы человекъ ; тыбъ дочери жалѣлъ ,

И не далъ бы въ такомъ мученьи ей терзаться !

Вздыхашъ , спенашъ , вопишь , и люто разры-
вашся ,

А ты безъ жалости на муки зришь ея ,

Ни гдѣ примѣра нѣтъ свирѣпости сея .

Въ какой , о небеса , я грусти остаюся !

На жесточайшія я муки предаюся .

Я все , что есть гублю , тебя мой свѣтъ губя ,

Всего лишаюся я , лишаяся тебя .

Противенъ сталъ и градъ , гдѣ я съ тобою слю-
бился ;

Прекрасный видъ его въ пустыню превратился ,

Ни что ужъ въ немъ меня , ни что ужъ не прель-
стишь ,

И красота его съ тобою прочь летитъ ,

Про-

Противны и мѣста, гдѣ мы съ тобой видались;
Тобою лишь они приятны мнѣ казались.

Не будетъ безъ тебя въ нихъ больше красоты:
Мѣста прекрасны тѣ, въ которыхъ будешь ты.

Когда ты будешь жить во градѣ опдаленномъ,
Въ жилищи отъ ошца тебѣ опредѣленномъ,
И какъ повѣствъ тамъ Зефиръ отъ той страны,

Гдѣ мы своимъ опцомъ съ тобой разлучены,
И нѣжно коснешся главъ твоей крылами,

Или спряжетъ свои съ твоими онъ устами,
Вообрази въ томъ часъ, чню я съ тобой спшою,
И жалоснымъ къ тебѣ я гласомъ вопію:

Люблю тебя мой свѣшъ, любя не премѣнюся,
Доколѣ съ жизнью своей не разлучуся.

Вообрази тогда меня въ своихъ глазахъ,
Чню въ горькихъ по тебѣ я плаваю слезахъ,
Чню нѣтъ ни дня, часа, ниже одной минушы,

Когда бы не были со мною скорби люшы.
О свѣшъ очей моихъ! любовь ко мнѣ храня,
Уже въ послѣднѣй разъ цалуешь ты меня.

Текише изъ очей горчайши слезны рѣки,
Проси любезная, проси мой свѣшъ на вѣки.

Иванъ Дмитревской.

II.

Сокрылися мои дражайшія утѣхи,
Въ жестокую печаль преобразились смѣхи.
Когда восходишь лучъ вселенну освещанъ.

Не

Не можетъ мнѣ минушѣ веселыхъ предвѣщать.
 Куда ни обращу свои плачевны очи,
 Вездѣ я грусти зрю, и мракъ печальной ночи.
 Ты радости мои пресѣкъ жестокой рокъ,
 Ты въ вѣкъ опредѣлилъ мнѣ слезной лишь пошокъ.
 Лишилъ меня, лишилъ ты сладкаго покою,
 Сразилъ, какъ молніей, меня пы злой тоскою,
 Въ тяжчайшія любви оковы заключилъ,
 Несносной горести на жертву поручилъ.
 Покрылъ мя тучею прегоркія печали,
 Чшобъ бѣдства, всѣ мои забавы окончали.
 Но что я такъ мяшусь, напастъ моя шобой,
 Когда уже мнѣ то предписано судьбой!
 Но ахъ! возможноли, чшобъ я теперь не рвался!
 Увы! ужъ я на вѣкѣ съ любезною разстался!
 Разстался! - - - вспомню лишь я шобъ горчай-
 шій часъ,
 Какъ я драгой сказалъ, прости въ послѣдній разъ,
 Въ минушу ону духъ прискорбный возмушится,
 И что ни мыслилъ я, все ѣь муку превратится,
 Лишуся чувствія, въ очахъ померкнетъ свѣтъ,
 И помню только то: драгой со мною иѣлъ.
 О нестерпима казнъ немилосердой части!
 О мой плачевный вѣкъ! о лютыя напасты!
 Возможно ли сего мучительнай страдать,
 Какъ вѣчно что любишь и вѣчно не видишь?
 Повсеминутно мнѣ разлука въ мысль приходитъ,
 Повсеминутно духъ въ смященіе приводитъ.
 Я рвуся, и ни въ чемъ ошрады не сыщу.

Но ежели еще и щещно я грущу,
 И миѣ любезная не вѣрна спала нынѣ;
 Какой подвержена ты жизнь моя судьбинѣ!
 Повѣрь драгая миѣ: каковѣ бы кто ни былѣ,
 Не будетѣ такѣ тебя любишь, какѣ я любилѣ.
 Но что отѣ ложныя мечты мой духѣ спонаетѣ?
 Моя любезная меня воспоминаетѣ,
 И ту же чувствуетѣ она любовь ко миѣ,
 Которую она имѣла вѣ сей спранѣ.
 Но я не зрю ее и рвусь изнемогая.
 Ужѣ нѣтъ тебѣ, ужѣ нѣтъ, со мною драгая.

* * *

Александрѣ Аблесимовѣ.

IX.

О Д А, И Д И Л Л И Я и С П Р А В К А.

О Д А.

Подраженная Горацию, кн: III. Од: IX.

Л Ю Б О В Н И К Ъ.

Доколѣ ты меня любила,
 И миѣ невѣрностью своей не согрубила,
 Я щаспливѣе всѣхѣ считалѣ себя, бывѣ милѣ.
 ЛЮБОВ-

ЛЮБОВНИЦА.

Доколѣ я была любима,
И только лишь одна тобой приятна зрима,
Я щастливяе вѣхѣ, ты всѣхѣ миляи мнѣ былѣ.

ЛЮБОВНИКЪ.

Владѣтѣ нынѣ Хлоя мною,
Не буду зараженѣ красавицей иною,
И буду вѣренѣ ей доколѣ буду живѣ.

ЛЮБОВНИЦА.

Миршилломѣ я плѣненна:
Не буду я къ нему вѣ любви премѣненна;
Онѣ искрененѣ со мной, и жарѣ сво не лживѣ.

ЛЮБОВНИКЪ.

А естѣли Хлою я оставяю,
И жара прежнїя любви еце прибавляю,
Захочешѣ ли меня любовникамѣ ты зрѣшь?

ЛЮБОВНИЦА.

Такѣ я Миршила позабуду,
И вѣчно я твоей любовницею буду,
Сѣ тобой хочу я жить, сѣ тобою умереть.

*

*

*

И Д И Л Л И Я.

Безѣ Филисы очи сиры,
Сиры всѣ сїи мѣста:

Отлетайте вы З.фиры,
 Без нея спрана пуста:
 Наступайте вы морозы,
 Увядайте ибжны розы.

*

Пожелтѣй зелено поле,
 Не журчите вы струи,
 Не вспѣвайте нынѣ болѣ,
 Сладкихъ пѣсней соловьи:
 Снонь со мною ехо нынѣ,
 Всемишуно вѣ сей пусшынѣ.

*

Съ гореспыюль часы ты числишь,
 Вѣ опдаленной сторонѣ?
 Часполь ты, ахѣ! часполь мыслишь,
 Дарагая обо мнѣ?
 Тужишь ли воспоминая;
 Какѣ разспались мы споная?

*

Вѣ часѣ потѣ какѣ ты мышья спанешь,
 Хопъ немного пошоскуй,
 И когда вѣ потоки взглянешь,
 Молви ты у ясныхъ струй:
 Зрима я передѣ собою:
 Но не зрима я шобою.

*

*

*

СПРАВКА. ЗАПРОСЪ.

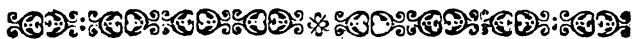
Потребна въ протоколѣ порядочная справка :
 Имѣетъ ли ономъ быть казенной интересъ ;
 Понеже выпала казенная булавка :
 Какой по описи булавки оной вѣсъ ,
 Желѣзо или мѣдь въ булавкѣ той пропала ,
 Въ которомъ , именно , году она упала ,
 Въ которомъ мѣсяцѣ , котораго числа ,
 Которымъ и часомъ , которою минушой ,
 Казенной былъ ущербъ , булавки помянушой ?

ОТВѢТЪ.

Я знаю только то , что ты глупый осла.

* * *

А. С.

Оглавленіе.

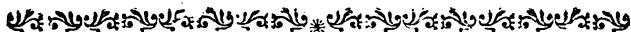
	страниц.
I. Молишвы и Псаломъ. - - -	323
II. Лукіана Торговъ жизней. - - -	326
III. О мозаикѣ. - - - - -	353
IV. Пришчи. - - - - -	360
V. Письма. - - - - -	363
VI. Эпиграммы. - - - - -	369
VII. Письма. - - - - -	371
VIII. Елегіи. - - - - -	376
IX. Ода , Идиллія и Справка. - - -	381

) o (

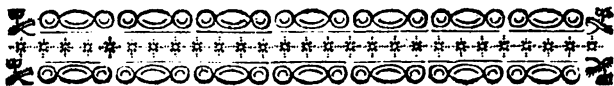
ТРУДОЛЮБИВАЯ
П Ч Е Л А.

Іюль 1759 гѣда.

ВТОРЫМЪ ТИСНЕНІЕМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
при Императорской Академіи Наукъ
1780 года.

І.

ПСАЛМЫ и МОЛИТВА.

ПСАЛОМЪ. СЛ.

На сей псаломъ музыка Г: Раупаха.

ХВалише господа во святѣсти его,
Великой власти въ силахъ равныхъ,
И обладателя сего,
Въ величествѣ ошѣ дѣлѣ его преславныхъ.

ХВалише Господа на разныхъ голосахъ,
Хвалише хорами, хвалише на трубахъ,
Псалпирью, гусями, въ шимпанѣ;
Хвалише Господа на струнахъ и оргаѣ.

ХВалише Господа небеснаго царя,
Въ кимвалѣхъ ясныхъ,
И въ училинїи горя,
Хвалише Господа въ кимвалѣхъ добротласныхъ.

Господа отца,
 Всякое хвали дыханье:
 Прославляй созданье,
 Бога и шворца.
 * * *

ПСАЛОМЪ. СХЛІІІ.

Благословенъ Творецъ вселенны,
 Къмъ я къ побѣдѣ ополченъ!
 Се руки нынѣ возмепенны,
 И духъ ко брани устремленъ:
 Къ тебѣ всю мысль надежда правнѣ,
 Твоя рука меня прославитъ.
 * * *

Защитникъ слабыя сей груди,
 Невидимой своей рукой!
 Тобой почтунъ мои мя люди
 Подверженны подъ скипетръ мой.
 Источникъ безконечна вѣка!
 Кого ты помнишь! человека.
 * * *

Его весь вѣкъ какъ тѣнь переходитъ:
 Есо всѣ дѣлы суена
 Какъ вѣсперъ ниль въ ничто преводитъ
 Такъ гибнетъ наша красота.
 Кого ты, творче, вспоминаешь!
 Кого шолико прославляешь!
 * * *

О Боже! рцы мѣстамъ небеснымъ ;
 Гдѣ твой Божественный престолъ ,
 Превыше звѣздъ верькамъ безвѣстнымъ ,
 Да преклонятся въ низкій долъ :
 Спустишь ; да долы освящаются !
 Коснись горамъ , и воздымаются !

* * *

Да снидетъ огонь и громъ да грянетъ ,
 Да взыдепѣ вихрь изъ земныхъ нѣдръ :
 Рази грага , и не воспанетъ ;
 Пронзи огнемъ релущій вѣтръ ;
 Смяти врага пуская стрѣлы ;
 И дай покой въ мои предѣлы !

* * *

Простри съ небесъ свою зѣниду ,
 Избавь меня отъ врагъ моихъ ;
 Подай миѣ крѣпкую десницу ,
 Изми мя отъ сыновъ чужихъ ,
 Смири , грозящія миѣ , воды ,
 Разрушь бунтующи народы !

* * *

Не приклони къ ихъ уха слову :
 Дѣла ихъ гнусны предъ тобой .
 Я воспую тебѣ пѣснь нову ,
 Взнесу до облакъ голосъ мой ,
 И восхваляю тя пѣсню въ мирѣ ,
 Во многострунной я псалтирѣ .

* * *

Дающій области, державу,
 И царскій на главу вѣнецъ,
 Царямъ спасеніе и славу,
 Премудрый всѣхъ судебъ творецъ?
 Ты грознаго меча спасаешь,
 Даешь побѣды, низлагаешь.

* * *

Какъ грозды шучно напоены,
 Сыны ихъ въ юности своей,
 И дщери ихъ преукрашены,
 Подобьемъ красоты церквей:
 Богаты, славны, благородны;
 Стада, ихъ, овчи многоплодны.

* * *

Воли въ лугахъ благоуханныхъ,
 Во множествѣ сладчайшихъ травъ,
 На пасиу и на пищу данныхъ,
 И весь ихъ скотъ пасомый здравъ:
 Нѣтъ въ волдѣ, слезъ, и нѣтъ печали,
 Которы бѣ ихъ не миновали.

* * *

Благополучны вы народы,
 Имущи такую часть;
 Послушны вамъ земля и воды,
 Надъ всѣмъ, что зрише, ваша власть;
 Но кто живетъ по Творчей волѣ,
 Еще стократно щасливѣ болѣ.

* * *

МОЛИТВА.

Не терпи о Боже власти,
 Беззаконныхъ ты людей,
 Кои дѣлаютьъ напасши,
 Только силою своей!
 Сколько злоба возвышенна,
 Сколько правда устрашенна.

* * *

Не на то даны дни вѣка,
 Чтوبъ другъ друга намъ губить;
 Человѣку человѣка,
 Творче, ты велѣвъ любить:
 Кто какъ питлами ни славенъ,
 Предъ тобою съ послѣднимъ равенъ.

* * *

Тишла громкаго содѣтель,
 Часто развращенный свѣпѣ:
 Лишь едина добродѣтель,
 Преимущество даетъ,
 И она всево дороже;
 Защищай ее ты Боже!

* * *

А. С.

II.

ПРОДИКОВА АЛЛИГОРІЯ.

ОБЪ ИРАКЛІИ.

ИЗЪ КЕНОФОНТА.

Премудрый Продикъ въ своемъ обѣ Иракліи сочиненіи, которое многимъ показывающъ, о добродѣтели пишетъ, говоря такъ, сколько я припомнить могу. Ираклій по окончаніи отроческихъ лѣтъ вступивъ уже въ юношескій возрастъ: въ которое время молодые люди, получивъ сами надъ собою власть, являющъ, коимъ путемъ они въ жизни сей шествовать будутъ, пѣмъ ли, которой Добродѣтель, или пѣмъ которой Злоба учредила: вышелъ въ уединенное мѣсто, и сѣдши началъ съ собою размышлять, которой ему предпріять путь. Вдругъ увидѣлъ онъ двухъ женщинъ возраста совершеннаго къ себѣ идущихъ: одна изъ нихъ была благоприятна видомъ, и возрастомъ благородна, пѣло имѣла чистое, взглядъ стыдливый, осанку постоянную и бѣлое платье,

платье, другая упитанна тучно и нѣ-
 жно, преукрашена на тѣлѣ такъ, что
 и бѣдѣ и краснѣй казалась, нежели въ
 самой вещи быть можетъ; осанка ея
 прямѣе природной, глаза распросшерты,
 платье, сколь возможно, нескрывающее
 красотѣ ея; она и сама себя осматривала;
 и поглядывала, смотритъ ли кто на се,
 часто и на тѣнь свою, взирада. И какъ
 уже они обѣ не въ далѣкомъ были отъ
 Ираклія разстояніи, то первая все рав-
 ными шагами къ нему подходила, а
 вторая упредить хотя первую, прибѣ-
 жавъ въ Ираклію, начала говорить: Я
 вижу, Ираклій, что ты недоумѣваешь,
 которой тебѣ путь въ жизни избрать.
 Ежели ты со мною въ дружество всту-
 пишь, то я тебя на самый сладчайшій
 и удобнѣйшій путь наставляю; изо-
 всѣхъ веселостей жизни сея не будетъ
 ни единой, которой бы ты не вкусилъ; а
 что въ свѣтѣ горестно, того ты и
 знать не будешь. Сперва ни о военныхъ
 ниже о гражданскихъ дѣлахъ не будешь
 ты имѣть попеченія, но только о томъ
 какое бы кушанье и пище по вкусу сы-
 скашь, чѣмъ зрѣніе и слухъ свой усла-
 дить, чѣмъ удовольствоваться обоняніе
 и осязаніе; предавъ себя любовной спра-
 вѣ, неизреченную будешь чувствовать.

радость, на мягкой лежа постелѣ, по-
 чивать, и какъ бы сіе все безъ вели-
 кихъ, или лучше сказать, безъ всякихъ
 трудовъ получить, о томъ неусыпно
 будешь стараться. Если же окажется
 когда нибудь хотя малое подозрѣніе
 недостатка тѣхъ вещей, которыя намъ
 сіи увеселенія приносятъ, то не ужасайся
 и не думай, что бы я себя въ такое
 привела состояніе, въ которомъ съ
 трудами и въ бѣдствіяхъ тѣлесныхъ не
 меньше, какъ и душевныхъ оныя дол-
 жно сыскивать: но что другіе въ пошѣ
 приобретаютъ, тѣмъ ты въ покой бу-
 дешь наслаждаться, не отвращаясь ни
 чего, откуда бы можно было приобрести
 себѣ что нибудь въ пользу: ибо я пре-
 бывающимъ со мною даю власть описю-
 ды пользоваться. Ираклій услышавъ
 сіе сказалъ: Жено, какъ тебя зовутъ?
 На что она ему отвѣтствовала: Друзья
 мои зовутъ меня Щастіемъ, а нена-
 вистники умолчая собственное мое
 имя, даютъ мнѣ ложное, и называютъ
 Злобою. Между тѣмъ другая женщина
 пришедши такъ съ нимъ говорила. И я
 къ тебѣ пришла, Ираклій, зная роди-
 телей твоихъ, и, каковъ ты въ отрочест-
 вѣ былъ, довольно вѣдая. Чего ра-
 ди уповаю, что если ты моимъ пу-
 темъ

темъ шествовать пожелаешь, то и ты совершишь честиныя и славныя дѣла къ несравненно великой себѣ похвалѣ, и я предъ очами добрыхъ людей явлюся до-сипочщеннѣе и великолѣпнѣе. Преле-спными предисловіями не хочу тебя уловлять, но какими дарованіями Боги меня украсили, и какова я въ самой ве-щи, истинну о себѣ объявлю. Ибо безъ трудовъ и прилѣжанія люди отъ Боговъ ничего не получаютъ, что истин-наго добра имя заслуживаетъ: еслии ты желаешь, что бы Боги къ тебѣ были милостивы, то должно Богамъ служить, и ихъ почитать; еслии хо-чешь прибрѣсти любовь у приятелей, то приятелямъ благодѣтельствовать надлежитъ; еслии у гражданъ въ по-чтеніе прийти имѣешь желаніе, то на-добно о общей гражданской стараться пользѣ; еслии стремишься добродѣтелю своею привести всю Грецію во удивленіе, то должно всей Греции показать услуги; еслии хочешь, что бы земля обиль-ные плоды тебѣ приносила, въ земле-дѣліи должно упражняться; еслии ты думаешь обогатить себя отъ стадъ, то надобно о стадахъ прилѣжное имѣть попеченіе; еслии войною прославишься желаешь, и бышь въ силахъ, освобо-ждать

ждать изъ пѣна друзей, а враговъ по-
 рабощать, то и военнымъ наукамъ у
 знающихъ обучиться, и какъ оныя съ
 успѣхомъ употреблять, самымъ дѣломъ
 извѣдать надлежитъ; а ежели силу
 пѣлесную получить хочешь, то дол-
 жно шѣло свое къ тому приобучать,
 чшобъ оно разсужденію повиновалось,
 въ трудахъ бы пребывало, и потомъ въ
 ученіяхъ обливалося. Сію рѣчь прервавъ
 Злоба, какъ пишеть Продикъ, говорила
 такъ: Видишь ли, Ираклій, о какъ
 трудномъ и долгомъ пути къ радостямъ
 жена сія тебѣ рассказываетъ: а я удоб-
 нымъ и самымъ крапчайшимъ путемъ
 поведу тебя ко благополучію. Добро-
 дѣтель на то ей отвѣтствовала: Бѣд-
 ная! какое у тебя добро, или какое
 увеселеніе? ты не желаешь ничего дѣ-
 лать, для приобрѣтенія оныхъ: ты
 ниже времени дожидаясь, въ которое
 бы захотѣлось тебѣ что нибудь въ сла-
 дость употребить, но прежде, нежели
 возжелаешь, всѣмъ насыщаешься; не имѣя
 алчбы, ѣшь; не имѣя жажды, пьешь; а
 что бы приятныя тебѣ были кушанья,
 стараешься имѣть поваровъ искусныхъ
 въ приуготовленіи нѣжныхъ и слад-
 кихъ яствъ; что бы приятно тебѣ бы-
 ло пише, драгоценныхъ ищешь винъ,
 и лѣ-

и лѣтомъ вездѣ за снѣгомъ бѣгаешь; и чтобы приятнымъ и сладкимъ уснуть сномъ, то не только имѣешь мягкія постели, но и одры и подножія у одровъ ставишь; ибо не отъ трудовъ, но для того, что нѣчего тебѣ дѣлать, спать хочешь. Сему пы своихъ друзей учиашь, ночью погружая ихъ въ спростяхъ, а днемъ для угодія ихъ ко сну привлекая. И хотя ты слывешь безсмертною, однако и Боги тебя отвергають, и честные не почитаютъ люди. Самаго приятнаго слушанія, то есть похвалы своей, ни когда ты ни отъ кого не слышишь; самаго приятнаго зрѣлища ты лишена, по тому что ты никогда никакого добраго дѣла, которое бы отъ тебя произошло, не видала. Кто тебѣ повѣритъ въ томъ, что бы ты ни говорила? Кто тебѣ въ какой ни будь нуждѣ вспоможеніе дастъ? или кто благоразсудный дерзнетъ вступитъ въ бѣшеное твое игрище? Молодые изъ твоихъ послѣдователей, тѣломъ немощны, а старые душою безумны: гладкіе лицемъ въ юношесствѣ для того, что безъ трудовъ питаются; гнусные въ старости для того, что въ трудахъ и въ бѣдствіяхъ оную провождаютъ, спыдясь тѣхъ дѣйствій, которыя они совершили, а тѣми, кото
рыя

рья дѣлають, опягощаемы; претекши
 всѣ приапности и сладости въ молодыхъ
 лѣтахъ, на старость оставили себѣ го-
 рести и скуки. А я обитаю съ Богами,
 обитаю и съ честными людьми; и ни
 единое доброе дѣло ни божественное ни-
 же человѣческое безъ меня не бываетъ:
 я въ большемъ отъ всѣхъ почтеніи у
 Боговъ, и у людей, которыя мнѣ по-
 слѣдуютъ. Я возлюбленная соработни-
 ца художникамъ; вѣрная хранительница
 домовъ господамъ, благосклонная пред-
 ставительница слугамъ; прилѣжная помощ-
 ница въ трудахъ во время мира, твер-
 дая поборница въ воинскихъ дѣлахъ, и
 участница въ дружествѣ самая лучшая.
 Друзья мои пищу и питье не великихъ
 трудовъ и малаго иждивенія споящія,
 употребляютъ съ крайнимъ удоволь-
 ствіемъ по тому, что они до тѣхъ
 поръ не ѣдятъ ни пьютъ, покамѣстъ не
 получаютъ алчбы и жажды; сонъ ихъ бы-
 ваетъ сладостнѣе нежели тѣхъ, кои ни-
 когда не утруждаются; и лишившись
 онаго не весьма за то досадуютъ, ниже
 оставляютъ должность свою, не испол-
 няя оной: молодые радуются, слыша
 о себѣ похвалу старыхъ, а старые ве-
 селятся о чести имъ воздаваемой моло-
 дыми. Прежнія свои дѣйствія воспоми-
 нають

спавивъ къ одной добродѣтели, а къ другой роскошь предводительницею. Одна изъ нихъ имѣла видъ важной и постоянной, пихую походку, рѣчь приятную; взоръ крошкой, одежду простую, а у другой было лице къ сластолюбію склонно, и наруганно, цвѣшная одежда, позоръ дерзокъ, походка непостоянна, неспройной голосъ. Ираклій будучи остроумень, какъ Діевъ сынъ, самъ сіе усмотрѣлъ, и оставивъ роскошь, поручилъ себя предводительству добродѣтели. По сему примѣру вымыслимъ и мы баснь, учредимъ двоякой путь, поставимъ при семъ честнаго человѣка, и вождами изберемъ въ мѣсто добродѣтели друга, а въ мѣсто роскоши ласкашеля; пускай и сіи разнствуютъ между собою ростомъ, лицемъ, платьемъ, рѣчью и походкою, одинъ пусть кажется приятнѣйшимъ, а другой правдивѣйшимъ человѣкомъ. Одинъ съ улыбкою проспирая десницу, пусть помянутаго человѣка, чтобъ онъ за нимъ слѣдовалъ, похвалами, ласкательствомъ, прозьбою и моленіемъ убѣждаетъ, и описываетъ ему чудныя нѣкіе роскоши: или взявъ его за руку обѣщаетъ его повести на цвѣшущія луга, гдѣ льются источники, гдѣ сладко

ко поютъ птицы, гдѣ прохладный дышетъ вѣтерокъ, дѣрева широко шѣнь свою мещутъ, гдѣ гладкіе дороги, удобные стези, гдѣ цвѣтами устланные сады, приносящіе всякаго рода плодовъ изобиліе. А другой предводишель пусть мало говоритъ, но правду, а именно: что большая часть дороги трудна, а самая малая удобна. И долженъ доброй путешественникъ пакъ себя къ ней приготовить, чтобъ, гдѣ нужда потребуешь, могъ трудъ понести, и по прѣлипѣи обильнаго пота получишь упокоеніе. Которому изъ предлагающихъ сіе онъ повѣритъ, и коимъ путемъ шествовать вознамѣрится? Сочинителю сея басни опѣвчаю, что ежели бы былъ сей несчастливой человекъ подобенъ Сарданапалу, или Финикійскому Спратону, или Кипрскому Никоклу, или оному Сиварипянину; то бы по истиннѣ одного изъ сихъ предводителей возненавидѣлъ, и почелъ бы его за необходимельнаго, угрюмаго, ненавистника рода человѣческаго, а другаго за благосклоннаго, ласковаго и весьма человѣколюбиваго. Позволимъ помянутому дорогому предводителю взять и повесть сего человека: не ввергнешъ ли онъ его въ огонь какъ Сарда

Щ

напала?

напала? или въ убожествѣ какъ Страпона? или въ оковы какъ Никокла? или въ другое какое нибудь несчастіе, котораго причиною бываетъ ложное увеселеніе. Ежели же онъ будетъ Иракліевымъ подражателемъ, то избереши себѣ другомъ прямаго предводителя какъ, какъ тотъ избралъ добродѣтель. Но время уже басню окончить, и оставя оную приступи къ намѣренію и разсудить, чѣмъ разстаетъ другъ отъ ласкателя. Камень, когда золото на немъ тереть стануть, показываетъ отмѣну онаго отъ прочихъ металловъ, а для отдѣленія дружбы отъ ласкательства гдѣ намъ взять оселку? Не почтемъ ли конецъ обоихъ за разствіе? Но ежели конца ихъ ожидать будемъ, другой вредъ прежде, нежели мы оной узнаемъ, насъ постигнушь можешь: ибо должны мы о вещахъ разсуждать прежде, нежели начнемъ употреблять оныя. Ежели же послѣ употребленія спанетъ объ нихъ разсуждать тотъ, которой употребляетъ, и будетъ о томъ каяться, безполезнымъ можно назвать его разсужденіе. Не желаешь ли, чтобъ я положилъ различіе между другомъ и ласкателемъ въ печали и радости? Но часто случается, что ласкатель въ самомъ большемъ

шемъ щастіи весьма скученъ , и несносенъ бываетъ , а другъ напротивъ того и при маломъ благополучіи приятенъ.

Не вредомъ ли ихъ и пользою другъ отъ друга опличать надобно ? Но и въ семъ великое я имѣю сомнѣніе. Ибо ласкатель хотя вредъ кому и причиняетъ , то онъ ему или убытокъ въ имѣніи здѣлаетъ , или въ роскошь его ввергнетъ. Убытокъ въ имѣніи здѣлать вещь мало-важна , а въ роскошь ввергнуть приятна. На противъ того многіе уже для дружбы и въ ссылку за своими приятелями слѣдовали , многіе безчестія ихъ были участниками , многіе и смерть за нихъ претерпѣли. И такъ ежели ни въ концѣ , ни въ радости , ни во вредѣ разности между другомъ и ласкателемъ не находимъ , то въ чемъ намъ оную полагать должно ? Того ради каждого порознь разсмотримъ , и изслѣдуемъ , надобно ли того за друга почитать , которой насъ всегда веселитъ ? Конечно такъ кажется. Ежели мы причиняющаго намъ печаль называемъ непришадемъ , то приносящаго намъ увеселеніе какъ не причтемъ къ числу приятелей ? Однако сіе въ самомъ дѣлѣ инако. Для того , что и пекущійся неусыпно о здоровіи человѣческомъ

врачъ , и воинской порядокъ строго наблюдающій полководецъ , и въ самыхъ малыхъ опасностяхъ весьма осторожной кормщикъ часто бываютъ неприятны. Любятъ и опцы дѣшей своихъ , и учителя учениковъ. Но что скучнѣе быть можетъ иногда сыну отца , и ученику учителя? Никто я думаю не будетъ сомнѣваться о томъ , что любилъ товарищей своихъ Одиссей , которой столько бѣдствій претерпѣлъ , имѣя неусыпное спараніе о своемъ и товарищей своихъ въ отечество возвращеніи. Но когда онъ по случаю прибѣжалъ въ народъ невоздержной и сластолюбивой , которой жилъ по подобію скотовъ несмысленныхъ , пипаяся Лотомъ меду подобнымъ [ибо такъ вѣгдѣ Омиръ называетъ сластолюбіе] ; и увидѣлъ , что товарищи его заразились ихъ роскошью , и чуднаго онаго Лота сладости отвѣдали , то плачущихъ и нехотящихъ погналъ на корабль. Не таковъ Евримахъ между полюбивниками , но былъ онъ изъ числа тѣхъ , коихъ мы ласкателями называемъ , по тому , что онъ товарищамъ своимъ жирныхъ колоть свиней и козъ приказывая , дозволяетъ вино въ мѣстѣ пить непрестанно , и ночь съ рабынями провождаетъ , домъ

цар-

царской пустошить , и всякіе хитрости употреблять , какъ бы на его супругу любовные наложить оковы. Хочешь ли , однимъ словомъ сказать , оставя печаль и увеселеніе , порокъ почестъ за знакъ ласкашеля , а добродѣтель за знакъ друга ? для того , что ни дружба безъ увеселенія , ни ласкательство не бываетъ безъ печали; одно съ другимъ смѣшено , и въ ласкательствѣ есть печаль и въ дружбѣ увеселеніе. Ибо матери и кормилицы дѣтей дѣлають , и воспитываютъ ихъ при всякомъ увеселеніи , но для сей причины сказать не лзя , чтобъ они ихъ не любили. Подаетъ наставленіе Агамеионъ Менелаю говоря , чтобъ онъ всѣхъ почиталъ , и не превозносился , подумаетъ ли кто , что онъ его ласкательству обучаетъ. Одиссей , котораго море выкинуло на берега Феакійскіе , вышедъ нагъ изъ пещеры , и узрѣвъ играющихъ дѣвиць , узналъ Царевну , которую онъ сперва Артемида , а по томъ прекрасному произраженію уподобляетъ ; и никто сего ради ласкашелемъ не назоветъ Одиссея. По тому , что ласкатель отъ друга намѣреніемъ , употребленіемъ , и расположеніемъ душевнымъ опдѣляется. Наемникъ равнобрно ору-

жіемъ дѣйствуетъ, какъ и для храбро-
 сти въ воинское званіе вступившій. И
 никто между ними различія въ руч-
 номъ ихъ дѣйствіи не полагаетъ, но въ
 намѣреніи. Ибо одинъ изъ нихъ защи-
 щаетъ приятеля для дружбы, а другой
 для всякаго продаетъ свою кожу. Одинъ
 изъ нихъ служитъ добровольно, а дру-
 гой за мзду. Одинъ и союзникамъ сло-
 имъ вѣренъ, а другой и вступившимъ
 съ нимъ въ дружбу бываетъ не вѣренъ.
 Не иное такожде полагай различіе
 между ласкателемъ и другомъ, и почи-
 тай, что они часто тѣми же дѣлами
 и обхожденіемъ другъ на друга похо-
 дятъ, а различается одинъ отъ дру-
 гаго употребленіемъ, намѣреніемъ и ду-
 шевнымъ расположеніемъ. Ибо другъ,
 что онъ за добро почитаетъ, раздѣ-
 ливъ съ товарищемъ, хотя оно печаль,
 хотя увеселеніе принесетъ, равное въ
 томъ съ нимъ имѣетъ участіе: а ла-
 скатель послѣдуя своимъ спраснямъ,
 располагаетъ свое обхожденіе по своей
 прибыли. Другъ желаетъ равнаго, а
 ласкатель своего собственнаго добра
 ищетъ. Одинъ хочетъ имѣть равную
 почестъ въ добродѣтели, другой пер-
 венства ищетъ въ сластолюбіи. Одинъ
 наблюдаетъ равенство въ обхожденіи,
 а дру-

а другой себя унижаетъ. Одинъ въ общемъ дѣлѣ праведенъ , а другой обманщикъ. Одинъ старается о будущей пользѣ , а другой о настоящей. Одинъ то , что здѣлалъ , щипится памяти предать , а другой коварство свое забвенію. Одинъ о вещахъ приятельскихъ какъ объ общихъ имѣетъ попеченіе , а другой оныя какъ чужіе расточаетъ. Другъ будучи участникомъ благополучія , малымъ довольствуется , а несчастіе терпитъ равномерно : напротивъ того ласкашель въ щастіи имѣя участіе , никогда насытиться не можетъ , а несчастія во все убѣгаетъ. Дружба похвалы , ласкашельство хулы достойно. Взаимная дружба равное имѣетъ воздаяніе , а ласкашельство не равное. Ибо есть ли кто въ какихъ вещахъ имѣетъ недостатокъ , и изобилующему оными въ своей нуждѣ показывая услуги взаимныхъ ошъ него не приемлетъ , тотъ не равенство свое съ нимъ обличаетъ. Другъ несчастливъ незнаемъ , а ласкашель , когда его познаваютьъ. Дружба испытывается утверждается , а ласкашельство познаваемо исчезаетъ. Долготою времени дружба возрастаетъ , а ласкашельство обличается. Дружба нужды ни въ чемъ не имѣетъ , ласкашельство всегда чего

ни будь ищеть. Ежели люди имѣютъ какое ни есть съ Богами сообщеніе, по челоуѣкѣ благочестивый другъ Богу, а суевѣръ ласкатель Божій. И благочестивой для того, что другъ Божій, блаженъ, а суевѣръ несчастливъ. И какъ тошъ упоая на свою добродѣтель дерзновенно приступаетъ къ Богамъ, а сей уничиженно беззаконій ради прещеть, отчаяваясь и ужасаяся Боговъ какъ Тиранномъ: такъ по моему мнѣнію и дружба между челоуѣками великую имѣетъ надежду и дерзновеніе, а ласкательство всякія надежды и дерзвенія лишается. У Тиранна нѣтъ ни единого друга, а у Царя ни единого ласкателя. Царство походитъ на божество, а не Тиранство. Когда дружество состоитъ въ равенствѣ нравовъ, то порокъ ни себѣ самому ни добродѣтели разенъ бытъ не можетъ. Честной честному приятель, ибо они другъ другу равны, ласкатель у честнаго какъ можетъ бытъ ласкателемъ, когда упаить отъ него ласкательства своего не можетъ? А у беззаконнаго будучи ласкателемъ, ежели онъ ему равенъ, то уже не можно его называть ласкателемъ, для того, что въ ласкательствѣ нѣтъ равенства: ежели же ему

не

не равенъ , то и недругъ. Такъ и между правленіями Аристократическое дружбы, а Демократическое ласкашества преисполненно. Лучше правленіе Аристократическое Демократическаго. Не было въ Лакедемонѣ Клеона , ниже Ипервола , лукавыхъ ласкашелей народа зараженнаго сластолюбіемъ. Но представлялъ на комедіи Евполидъ во время праздника Діонисова Каллія , челоука безчиновнаго, которому на пиршествахъ ласкашествовали , гдѣ за ласкашество награжденіемъ были чаши , блудницы ; и иные подлые , и безчестныя роскоши : а самой народъ , которой Евполидовыя слушалъ расказовъ , на которую комедію вывесить ? на комъ позорищѣ ? на комъ Діонисовѣ торжествѣ представить ? Гдѣ осмѣять тѣхъ многихъ ласкашелей , которыми немалыя какія награжденія , до чрева только и похотей касающіеся , предлагаемы были , но вся Греція бѣды и разореніе ? Ежели бы Аѳиняны оставивъ ласкашелей повиновалися Периклу и Никіи , то бы имѣли народоначальниками не ласкашелей но друзей. Когда посмотришь и на монаршеское правленіе , увидишь , что ласкашествоуетъ Ксерксу Мардоній , Варвару Варваръ , несмысленный

несмысленному , рабъ малодушный сла-
 сполюбивому Государю. Какія слѣд-
 ствія сего ласкательства ? Разоряется
 Асія , море бичами бьется , Еллиспон-
 тійскіе берега совокупаются , раскопы-
 вается гора Аѳонская. Конецъ же сихъ
 трудовъ ? побѣда одержанная надъ ла-
 скателемъ , побѣга его и смерць. Ла-
 скательствуютъ и Македоняны Алек-
 сандру. Плоды ласкательства : Пер-
 сидское платье , Варварскіе поклоны , и
 поколѣнья Иракліева , Филиппова и Ар-
 геадовъ забвеніе. О тиранствѣ что и
 говоришь ? Гдѣ власть господская , и
 страхъ угнѣщаетъ подданныхъ , тамъ
 должно ласканіе необходимо процвѣтать,
 а дружба бытъ погребена. Видимъ мы
 пакожде между науками и художества-
 ми ласкателей, видомъ имъ подобныхъ,
 а самую вещью неподобныхъ. Испор-
 тила ласкательствомъ своимъ людей
 ложная музыка , когда Доріянны оста-
 вивши свое природное простое пѣніе, па-
 сучи стадо и возлюбивши свирѣли и
 плясанія, расплили купно съ музыкою и
 добродѣтель. Обаяла людей ласкатель-
 ствомъ своимъ и ложная врачебная на-
 ука , когда способъ врачеванія , Аскли-
 піемъ и подражателями его употребляе-
 мый оставивши , выдумали науку злыхъ
 тѣлъ

тѣлѣ злую ласкательницу, которая ни чѣмъ отъ поваренной не разнспвуетъ. Ласкательствуетъ и ябедникъ слышателямъ, а не вишя, когда онъ доказательство къ доказательству собирая, на правдѣ неправду, на добродѣтели созидаетъ беззаконіе. Причиняя вредъ ласкательствомъ своимъ и суешной мудрецъ Философіи всѣхъ прочихъ ласкателей превосходитъ.

Перевелъ съ Греческаго Н. М.

IV.

ПРИТЧИ И ЭПИГРАММЫ.

ПРИТЧИ.

І.

БЕЗНОГОЙ СОЛДАТЪ.

Солдатъ, которому въ войнѣ опшибли ноги,
 Былъ опданъ въ монастырь, чтобъ шамъ кор-
 митьъ сво,

А служки были строги,
 Для бѣднаго сево.

Не могъ шамъ пищею недаспливый ласкаться,
 И жи-

И жизни былъ не радъ.

Оставилъ монастырь безногой сей солдатъ :
 Ноги иѣтъ попользъ, и сталъ онъ по миру таскаться.
 Я дѣло самоепреважное имѣлъ,
 Желая чтобъ ни кто тогда не зашумѣлъ,
 Весь мозгъ, колико я его имѣю въ шлѣ,
 Былъ въ этомъ дѣлѣ,

И голова была пуста :

Солдатъ ползя съ пустымъ лукошкомъ,
 Ворчалъ передъ окошкомъ :
 Дай милоспину кто мнѣ, для ради Христа :
 Подайте ради Бога :

Я цѣлый день не ѣлъ, и наступаетъ ночь.
 Я злился, и кричалъ: ползи негодной прочь,
 Куда лежишь тебѣ дорога :

Давно тебѣ пора безногой умирать,
 Ползи, и не мѣшай мнѣ въ шахматы играть.
 Ворчалъ солдатъ еще, но ужъ не предо мною,
 Передъ купеческой ворчалъ солдатъ женою :

Я выглянулъ въ окно,
 Мнѣ спало по смѣшно,
 За что я сперва злился,

И на безногова я смотря веселился :
 Ийти ко всемогущей была тогда пора :
 Купецкая жена была уже стара,
 И очень богомольна,

Была вдова и деньгами довольна ;
 Она съ покойникомъ въ подрыдахъ кладъ нашла :
 Модиться пѣша шла ;

Но

Но не отъ бѣдности : да что колико можно ,
 Жила она набожно :
 Всѣ дни , ей , пшеница была и среда ,
 И мяса въ десять лѣтъ не ѣла никогда :
 Дни съ при уже она не напивалась водки ,
 А сверхъ того всегда
 Перебирала чопки :
 Солдатъ и ей о нищѣ докучалъ ,
 И пожъ ворчалъ :
 Защекотило ей ево ворчанье въ ухъ ,
 И жалокъ былъ солдатъ набожной сей старухъ ,
 Прося чтобъ бѣдному полушку подала :
 Заплакала вдова , и въ церковь побрела .
 Работникъ цѣлый день копалъ изъ ряды ,
 На огородъ гряды ,
 И встрѣтившись несчастному сему ,
 Что выработалъ онъ все отдалъ по ему :
 Съ ползущимъ воиномъ работникъ сей свидѣтель ,
 Въ какомъ презрѣннѣйшая прямая добродѣтель .

*

*

*

II.

ОТРЕКШАЯСЯ МИРА МЫШЬ.

Съ лягушками войну злая мышь начинали .

За что ?

И сами войны шово не знали ;

Когдажъ

Когдажъ не зналъ ни кто,
 И мнѣ безвѣстно то.
 То знали только въ мирѣ,
 У коихъ бороды поширѣ.
 Затворникъ былъ у нихъ и жилъ въ Голландскомъ
 сырѣ;
 Ни что изъ свѣтскаго ему на умѣ нейдетъ;
 Оставилъ на всегда онъ роскоши и свѣтъ.
 Пришли къ нему добъ мышки,
 И просятъ, ежели какія есть излишки,
 Въ имѣннн сво,
 Чтوبъ подалъ имъ хопя немного изъ шово,
 И говорили: мы гошовимся ко брани.
 Онъ имъ ошвѣщствовалъ, поднявши къ сердцу дданн:
 Мнѣ дѣла нѣтъ ни до чего:
 Какія онѣ меня друзья вы ждете данн?
 И какъ онѣ то проговорилъ,
 Вдохнулъ и двери затворилъ,

*

*

*

III.

ЛЕВЪ и МЫШЬ.

Въ лѣсу гулялъ ужасный левъ:
 Онъ мышъ поймавъ разинулъ зѣвъ,
 И хочѣ бѣдну мышку скушанъ.
 Изволь сударь меня послушанъ,

Присла мышка , лапки сжавъ ,
 Царя зѣрей , сама дрожавъ ,
 Себѣ ты славы не прибавишь ,
 Когда зубами мышъ раздавишь ,
 Какую можешъ то принести ,
 Тебѣ хвалу , какую честь ?
 Не для того въ пещей мы власти ,
 Чтобъ могъ ты дѣлать намъ напастнѣ ;
 Вѣшь я тебя не поврежу ?
 А можешъ быть и услужу ,
 Колико способа имѣю :
 Внявъ левъ то сжалился надъ нсю .
 А мышкѣ только говоритъ :
 Въ вѣкъ буду я благодарить :
 Умножь твои судьбина лѣта !
 Поймали скоро льва въ пѣнепа :
 Левъ помощи себѣ просилъ ,
 Кричитъ колико было силъ :
 И естѣли бы дошло до взятокъ ;
 Такъ левъ бы далъ рублей десятокъ ,
 Чтобъ только свободишься лишь .
 Ошколъ ни взялася мышъ :
 Воспомянула данно слово :
 Спросила : все ли ты здорово :
 Ко мнѣ щедроту возъмѣвѣ ,
 Еще живешь почтенный левъ ?
 Ошвѣпшвуестъ : я въ злой судьбинѣ ,
 Свой вѣкъ окончить долженъ мнѣ .
 Она сказала о себѣ ;
 А я своимъ должна себѣ .

Прогрызла сѣть и повредила,
И льва опшоль освободила.

*

*

*

ЕПИГРАММЫ.

I.

Котора лучше жизнь: въ здапой ли ппичкѣ
кльшкѣ;

Иль на зеленой вѣшкѣ?

Которыя стихи приятнае текушѣ!

Не шѣль, которыя приятностью влекушѣ,

И шествуя въ свободѣ,

Въ прекрасной простотѣ,

А не въ сѣяющей притворной красотѣ,

Послѣдуя природѣ,

Безъ бремени одеждъ въ прелестной наготѣ,

Не зная ни пустога звука,

Ни не согласна стука?

А жѣ етому большой пошребенѣ смыслѣ и трудѣ.

Иль шѣ которыя хоть разуму и дивны,

Но естеству противны?

Пузырь всегда пузырь, хоть пустѣ, хотя надутѣ:

*

2.

Безбожникѣ ли иль суевѣрѣ,

Зависитѣ болѣе ошѣ ангела нечиста?

Объихѣ

Обѣихъ скареству одинъ размѣръ;
 Но иѣтъ ни одного на свѣтѣ Атеиста;
 Такая чортомъ мысль еще не вложена;
 А суевѣрамъ подсолнечно полна.

*

3.

Съ младенчества хотя бѣ учидся кто весь вѣкъ
 Дуракъ не можетъ быть достойный человекъ;
 И ежели чему безумецъ научится;
 Дурачество его еще сильнѣй помчится.

*

4.

Во всю готовитъ жизнь имѣнне скупой,
 И веселится лишь пожинокъ числа свой:
 Не страшитъ ни чело, по смерть живенъ убого;
 Чтобъ шолько при концѣ сказать: осналось много.

*

5.

На то лишь бытїе свое тебѣ дано;
 Чтобъ ты и день и ночь пилъ водку и вино:
 Когда ни головы не жаль тебѣ ни глотки;
 Пожалуй пожалѣй мой другъ вина и водки.

*

6.

Безперестанно я горя въ любви стопаю,
 Предестной красной духъ сердце примая;
 Не знаю, для чело не любишь ты меня;
 Оставѣль былъ: и сама я етова це знаю.

*

Ъ

7.

7.

Вчера свершился мой жена съ тобою бракъ:
 Что я хощу найши, не здѣлался такъ.
 Жена ему на то: не шѣ ужъ нынѣ годы,
 Трудненько то найши, что выведось изъ моды.

*

8.

Ты сказываешь мнѣ, мой другъ, швоя жена,
 Съ швбою дѣвкою была сопряжена:
 Не все ты мнѣ сказалъ, я молваю безъ издѣвки;
 Ты взялъ шрехъ дѣвокъ вдругъ; двѣ въ брюхѣ
 были дѣвки.

*

9.

Напрасно мужъ грустишь, и сердцемъ унываешь,
 Чшо я люблю другихъ, вишь ты не убываешь:
 Рабятокъ полноу домъ: спокойся и нишкни,
 Какая убыль шю, когда не сѣи и жни.

*

10.

Танцовщикъ ты богатъ, Профессоръ ты убогъ;
 Конечно голова въ почтеньи меньше ногъ.

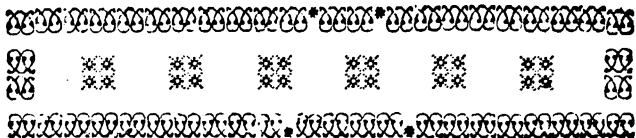
*

*

*

А. С.

V. ДИ-

V.

ДИМОФИЛА

ВРАЧЕВАНІЕ ЖИТІЯ,

или

Подобія собранныя изъ Писаговорныхъ послѣ-
дователей.

I.

Ласкашельство подобно написанному на картинѣ оружію, которое служитъ только въ увеселенію, и ни къ чему другому не годится.

2. Ученіе подобно златому вѣнцу, ибо оно и честь приноситъ и пользу.

3. Какъ порожніе сосуды легко можно за рукоятки взявъ поднимать, такъ легкомысленныхъ людей за носъ водить.

4. Жизнь наша бываетъ приятнѣе, когда ее спроимъ такъ какъ мусикійское нѣкое орудіе, то есть, иногда натягиваемъ, а иногда опускаемъ.

5. Разсужденіе душѣ, какѣ искусный ваятель кумиру, даешь хорошей видѣ.

6. Умѣ мудрыхъ, какѣ золото прочіе всѣ металлы перевѣшиваешь.

7. И позолоченное оружіе, и хвастовство, не таково въ нутри, каково кажешся съ наружи.

8. Краснорѣчїе подобно благоуханному миру; въ бѣдспвенномъ состоянїи оно насѣ пользуется; а въ благополучномъ веселишь.

9. Злобнаго человѣка и лихой собаки надобно больше беречься, когда молчїшь, нежели когда ллешь.

10. Не должно дружеству предпочитать ласкапелства, равно какѣ ни наложницы законной женѣ.

11. Врали, какѣ ласточки, беспрестаннымъ своимъ крикомъ сладость въ бесѣдахъ отѣимають.

12. На злыхъ, когда въ безбожіе впадутъ, а на безумныхъ и продержкихъ, какѣ состарѣются, Фурии нападаютъ за прегрѣшенїя ихъ.

13. Умному человѣку должно отѣйти изъ сего свѣта съ такою благопристойностію, съ какою отходимъ изъ пира.

14. Прибѣжище кораблю пристань, а жизни нашей дружество.

15. Опеческое наказанїе подобно за-
сла-

слажденному лѣкарству , которое больше пользы приносишь, нежели горести въ себѣ имѣешь.

16. Честный человекъ , по примѣру искуснаго борца , долженъ всѣми силами сопротивляясь прошиву борющемуся щастію.

17. Умѣренность въ ѣждивеніи такъ , какъ не долгое и веселое путешествіе , имѣешь въ себѣ великую пріяпность , а трудовъ не много.

18. Жестокихъ лошадей управляють уздою, а свирѣпые умы разумными представленіями.

19. Шупокъ какъ соли не надобно много употреблять.

20. Въ пору здѣланный сапогъ ноги не жметъ , такъ и жизнь пристойная твоему состоянію никогда тебя въ печаль не введетъ.

21. Долгое платье тѣлу есть препящствіемъ, а излишнее богатство душѣ.

22. Бѣгающимъ въ запуски награжденіе за побѣду положено на предмѣшѣ , а трудолюбивымъ преимуществва разума ожидать должно на старость.

23. Тщащійся къ добродѣтели, какъ бы къ любезному своему отечеству достигнуть , долженъ спратшей будио въкоторыхъ Сиринь убѣгать.

24. Какъ пловущіе на безмятежномъ морѣ имѣютъ все въ готовности, для могущей приключиться бури; такъ и умные люди будучи въ благополучіи приутоwiająють все, чтобы могло имъ помочь въ несчастіи.

25. Вымытое бѣлье, и вычищенное платье замарается опять отъ употребленія, а душа очистившись одинъ разъ отъ невѣжества, пребываетъ всегда чиста и свѣтла.

26. Бѣглецы крѣпостные, хотя и никто за ними не гонится, боятся; подобнымъ образомъ безумные безпрестанно смущаются, хотя еще и не впали ни въ какія злополучія.

27. Богатство сребролюбивыхъ, такъ какъ солнце, которое уже подъ землю закашилось, никого изъ живущихъ на семъ свѣтѣ не увеселяетъ.

28. Земные плоды ежегодно только одинъ разъ у насъ произрастають; а тѣ которые дружество приносятъ, вездѣ и всегда, когда надобно, зрѣлы.

29. Искуснаго въ музыкѣ дѣло настроить всякой инструментъ, а ученаго человѣка со всякимъ согласовать.

30. Больнаго человѣка ударъ, а дурака гроза, никакой опасности насъ не подвергаетъ.

31. Подъ камзолъ рубашку обыкновенно надѣвають, а печаль должно подвергать разсужденію.

32. Кушанье, которое больной ѣсть, а душа, которую имѣешь безумный, очень неприятны.

33. Дѣти не умѣющіе читать не распознавають буквъ, а неученые люди дѣиствія одно съ другимъ смѣшиваютъ.

34. Умъ просвѣщенный Философскимъ знаніемъ подобенъ возницѣ; ибо онъ воздерживаетъ спраси наши, всегда оныя управляя къ доброму.

35. Временемъ полынъ бываетъ слаще меду, а обстоятельства и нужда дѣлаютъ иногда, что неприятель предпочищается другу.

36. И искусный кормщикъ иногда претерпѣваетъ сокрушеніе корабля, и честный человекъ впадаетъ въ несчастіе.

37. Громъ паче всего устрашаетъ малыхъ ребятъ, а буземные пугаются грозъ.

38. Красота кумира состоитъ въ подобіи съ представляемымъ лицомъ, наше напротивъ того украшеніе состоитъ только въ дѣлахъ нашихъ.

39. Отъ несмысленнаго приятеля принимать совѣтъ есть тоже, что изъ

золотого спакана пить ядъ смертоносный.

40. Ласточки возвѣщаютъ намъ свѣтлое небо , и ясную погоду , а слова премудрыхъ предсказываютъ душевное безпечаліе.

41. Не столько сиротамъ, сколько дуракамъ надобно опекуна.

42. Щастіе подобно неправедному подвигоположнику , который часто и таковыхъ , кои того не заслужили , вѣнцами награждаетъ.

43. Къ благополучному мореплаванію искусный кормщикъ и вѣтеръ способный, а къ щастливому препровожденію жизни нашей просвѣщенный разумъ вмѣстѣ съ щастіемъ потребны.

44. Боязливые своимъ оружіемъ , а безумные собственнымъ богатствомъ пагубу себѣ причиняютъ.

45. Надежда основанная на пустыхъ мысляхъ подобна кораблю стоящему на слабомъ и легкомъ якорѣ.

46. Часто темныя облака солнце , а страсти помрачаютъ разумъ.

47. Золотая кровать никакой пользы больному не приноситъ , ниже великое благополучіе пользуется безумнаго.

48. Растворенное водою вино угашаетъ жаръ внутренній , а благосклонныя слова утоляютъ гнѣвъ.

49. Крѣпкое вино не годится къ ушолению жажды, ни угрюмые обычаи къ обхождению.

50. Гибель обезьяны и грозу ласкашеля за одно почишай.

51. Юность въ жизни семъ подобна первому дѣйствию на комедии: для того всякъ на нее прилѣжно смотритъ.

52. Записи за руками свидѣтелей вѣрнѣе, а дѣла передъ глазами всѣхъ шворимыя суть славнѣе и безпорочнѣе.

53. Какъ первая отрасль дерева, такъ самыя первѣйшія упражненія молодого челоуѣка показываютъ будущей плодъ добродѣтели.

54. На пиршествахъ приятель непьяница, а между честными людьми, не законопреступникъ.

55. Все равно змѣю питать, и злому челоуѣку благодѣтельницаствовать; ибо у обоихъ милость не раждаетъ благодарности и благосклонности.

56. Во время тихой погоды рѣдко корабль разбивается, а въ не разсужденіи челоуѣкъ часто погибаетъ.

57. Порожниѣ мѣхи вѣтеръ надымаетъ, а безумныхъ мнѣніе.

58. Упражняющимся въ тѣлесныхъ экзерциціяхъ надобно смотрѣть, что бы не устать; такъ и въ благополучіи на-

ходящимся всѣми мѣрами отъ зависти беречься должно. Мѣра во всемъ есть самое лучшее дѣло, сказалъ нѣкто изъ древнихъ мудрецовъ, котораго совѣшу послѣдуя, и я окончу путь врачеваніе житія, любезнѣйшій и священнѣйшій Асклипіадъ.

Перевелъ съ Греческаго Г. К.

VI.

ІЕРОКЛОВЫ

ВЕСЕЛЫЕ ЗАМЫСЛЫ.

I.

Схоластикъ пошедши купаться чуть не утонулъ, и для той причины онъ клятвенно обѣщался болѣе къ водѣ не прикасаться, пока плавать не научится.

2. Схоластикъ встрѣтившись съ приятелемъ, началъ ему говорить: Увидѣвъ де во снѣ я тебя поздравлялъ. На
что

что другъ ему отвѣчалъ : не погнѣвайся братецъ на меня за то , что я не слышалъ.

3. Спрашивалъ о здравіи Схоластикъ посѣщая больного , но когда великая боль ошѣшествовашь ему во вся ни чего не допускала съгнѣвомъ спалъ больному выговарить : молчи дружокъ , я думаю , случится и мнѣ хворать : и какъ ты ко мнѣ прийдешь , то вѣдай , что и ны онѣ меня не услышишь ни одного слова.

4. Продавалъ лошадь Схоластикъ , и когда нѣкто полошедѣ хотѣлъ лѣта ея узнавать , то онѣ ему сказалъ : что въ зубы ты глядишь , развѣ не видишь , что она жретъ , и ходилъ ?

5. Схоластикъ встрѣпшясь со врачомъ , прости меня государь мой говоритъ , и не гнѣвайся , пожалуй , на меня за то , что я болѣзни ни какой не имѣлъ.

6. Желая Схоластикъ поймашь мышь , кошорая непрестанно книги ево глодала , взявши кусокъ мяса , и сѣдши прошивъ книгъ началъ жевать.

7. Лошадь хотѣлъ научить Схоластикъ , чтобъ мало ѣла , не давалъ ей корму , и когда она съ голоду издохла , говорилъ : великой мнѣ здѣлался убытокъ ,

покъ , ибо когда уже лошадь научилась не ѣсть , тогда и зубы оскалила.

8 Продаючи Схоласстикъ дворъ , выломилъ изъ стѣны камень , и на показъ вездѣ оной носилъ , хваля что шакіе у него хорошіе палаты.

9. Схоласстикъ хотѣлъ вѣдать , каковъ онъ собою тогда какъ онъ спитъ , и для того ставъ передъ зеркаломъ и смотрѣлъ на себя зажмуривши глаза.

10. Купивши домъ Схоласстикъ , и высунувъ голову въ окно , у мимоидущихъ спрашивалъ : добрые люди ! пожалуйте скажите , приспало ли мнѣ въ епомъ домѣ жить ?

11. Приснилося Схоласстику , будто онъ на гвоздь наступилъ ; и представляя себѣ , что у него нога болитъ , къ оной пластырь приложилъ . А другой узнавши причину ему сказалъ : для чего ты безъ сапоговъ спишь .

12. Схоласстикъ встрѣтясь съ лѣкаремъ , спрятался за уголъ , и какъ спросили его о причинѣ , то онъ отвѣтствовалъ , давно де я уже боленъ не бывалъ , и для того стыдно мнѣ показаться лѣкарю .

13. Купецъ сказалъ Схоласстику , что ѣлка поле его зашопила , который въ отвѣтъ ему сказалъ , чтожь онъ говорить ?

14. Схоластикъ имѣвши бочонокъ вина, запечаталъ. А какъ слуга провертѣвъ искусно съ низу скважину оное вышочилъ, то онъ удивлялся тому, что печать цѣла а вино убыло. И когда другой ему говорилъ: посмотри, не вышочилъ ли кто ни будь съ низу, то онъ отвѣчалъ: какъ братъ ты глупъ, развѣ ты не видишь, что съ верху, а не съ низу убыло.

15. На деревѣ увидѣлъ Схоластикъ воробьевъ, тихонько подшевши пазуху разпространилъ, и началъ трясти дерево, думая, что онъ ихъ поймать можетъ.

16. Вышедши погулять Схоластикъ въ своемъ селѣ, спрашивалъ, хорошо ли пить изъ тамошняго колодезя, и когда ему сказано, что хорошо, ибо и родители его изъ того же пивали; ба ба ба, говорилъ онъ, какіе они были долгошби, что такъ глубоко доставать могли!

17. Въ стрѣчу попавшись Схоластикъ Схоластику началъ говорить: слышалъ де я, что ты умеръ. И когда другой на то ему отвѣчалъ, однако де ты видишь, что я еще живъ, то онъ опять доказывать сталъ: тотъ де, который мнѣ о семъ сказалъ, гораздо достовѣрнѣ тебя.

18. Услышавши Схоласстикъ что воронъ больше двухъ сотъ лѣтъ живеть, купивши одного для опыту кормилъ.

19. Случилось, что буря разбила корабль, и всѣ бдущіе въ немъ хватились за шакія вещи, на которыхъ бы могли выцалыть, а Схоласстикъ якорь ухватилъ.

20. Одинъ изъ двоенъ умеръ, и когда Схоласстику другой попался въ спѣху, то онъ у него спросилъ: ты ли дорогой мой умеръ, или братаецъ швой.

1. При разбиши корабля спросилъ Схоласстикъ бумаги, чшобъ духовную написъть, и увидѣвши своихъ слугъ, что они для настоящей бѣды въ пре-великой печали, говорилъ имъ, ребяшпа не будьте такъ печальны, ибо я всѣхъ шеперь на волю оппускаю.

22. Желая Схоласстикъ побѣхатъ за рѣку, ввѣхалъ въ судно верьхомъ, и какъ стали его о причинѣ спрашивать, то онъ отвѣчалъ, я де поспѣшаю.

23. Не имѣя денегъ Схоласстикъ, продавалъ свои книги, и пишучи письмо къ отцу говорилъ: батюшка! радуйся и поздравляй меня, ибо я уже отъ книгъ пропитаніе имѣю.

24. Умеръ у Схоласстика маленькой сынокъ, а онъ увидѣвши, что множе-
ство

ство народа собралось , говорилъ : весьма мнѣ спыдно такого малато младенца шоль великому собранію показати.

25. Схоласпниковъ сынъ , котораго отецъ на войну отпралялъ , обѣщаль непришельскую голову съ собою привезти ; на что ему отецъ его опивѣтствовалъ : я желаю и безъ головы возвращившагося шебя шолько въ добромъ здравіи видѣти и радоваться.

6. Прияпель Схоласпику жившему въ Греци написалъ , чтобъ онъ ему купилъ нѣсколько книгъ ; но онъ сіе пренебрегши , и по прошествіи довольнаго времени съ нимъ увидѣвшись говорилъ : письма , государь мой , которешы ко мнѣ о книгахъ писалъ , я не получилъ.

27. Схоласпикъ , плѣшивой и цырюльникъ , вмѣстѣ будучи въ дорогѣ сагласились чешыре часа поперемянкамъ спюять на караулѣ. И такъ по жеребью досталось напередъ цырюльнику спюять на часахъ , который потихоньку поднимая Схоласпика , голову ему натола выбрилъ . и по прошествіи опредѣленныхъ часовъ разбудилъ. А онъ со сна почесавши себѣ голову , и увидѣвши что она гола , закричалъ : самой плушъ и непошребной человѣкъ цырюльникъ ,
:для

для того что ошибшися вмѣсто меня
плѣшиваго разбудилъ.

Переводилъ съ Греческаго. Н. М.

VI.

ИДИЛЛИИ.

ИЗЪ ВІОНА

ИДИЛЛІА II.

Стрѣлокъ еще мальчикъ въ густомъ лѣ-
су лова пшицъ увидѣлъ отвращаю-
щаго Еропа, которой сидѣлъ на буко-
вой вѣтви; и только лишъ его при-
мѣтилъ, обрадовался, что пшица такъ
великая ему попалась. Сложивъ всѣ стрѣ-
лы вмѣстѣ, сколько у него ни было,
прилѣжно смотрѣлъ на Еропа; а онъ
туда и сюда перескакивалъ. По томъ
мальчикъ осердясь, что успѣха ему въ
томъ не было, бросивъ стрѣлы, по-
шелъ къ спарику, которой въ близки
пахалъ землю, и который училъ его
стрѣ-

стрѣлять , и рассказалъ ему все , показавъ и Еропа сидящаго на деревѣ. А старикъ улыбнулся , покачалъ головою , и отвѣтствовалъ малчику : Не лови и не подходи къ епой птицѣ , бѣги отъ нее далеко ; злой епо звѣрь. Щасливѣ ты будешь , покамѣсть его не поймаешь. А когда взростешь большой , то сей , которой теперь отъ тебя уходитъ и ослепываетъ , самъ собою нечаянно придетъ къ тебѣ , и на голову у тебя сядетъ.

И Д И Л Л Я П І.

Великая Богиня Киприда явилась мнѣ во снѣ : она прекрасною своею рукою вела маленькаго Еропа , который глазами въ землю смотрѣлъ , и сказала мнѣ сіи слова : возми любезною пастухъ сего Еропа , и учи мнѣ его пѣть. Сіе сказавъ отошла ; а я безразсудный сколько ни умѣлъ пастушьихъ пѣсней , училъ пѣмъ и Еропа , будто бы и онъ ихъ хотѣлъ выучить. Какъ Панъ сыскалъ свирѣль , какъ Аѳина дудку , какъ Ермій лютию , и гусли сладкій Аполлонъ. Сему я его училъ ; а онъ рѣчей моихъ не внималъ , но самъ пѣлъ мнѣ любовныя пѣсни , и меня обучалъ любви Боговъ и людей , и дѣламъ матери своей. И такъ я позабылъ все , чему училъ

Ы

Еро-

Ероша, а въ чемъ меня Ерошъ наставлялъ, то все перенялъ.

И Д И Л Л И Я IV.

Музы дикаго Ероша не боятся, сердечно его любящъ, и за нимъ вездѣ слѣдомъ ходящъ; и ежели кто не имѣя любовной души имъ послѣдуетъ, отъ того они убѣгають, и не хоятъ его учить: а естли кто любовью волнуясь поетъ сладко, къ тому съ споспѣшностію всѣ стекаются. А что сіе самая истинна, тому я самъ свидѣтель. Естли щуся кому изъ смертныхъ или безсмертныхъ пѣснь здѣлать, то языкъ мой коснѣетъ, и не такъ поетъ какъ прежде, а ежели о любви и о Ликидѣ чтонибудь воспѣваю, тогда сладкая пѣснь рождается въ устахъ моихъ.

ИЗЪ МОСХА ВУКОЛИЧЕСКАГО СТИХОТВОРЦА

И Д И Л Л И Я I.

Ерошъ бѣглець.

Киприда сына своего Ероша долго искала, и вопила: естли кто видѣлъ на распутияхъ блудящаго Ероша: онъ мой бѣглець. Кто объявитъ, гдѣ онъ, тошъ

потѣ получить награжденіе. Награжденіе тебѣ , другъ мой , будетъ Кипридинъ поцѣлуй : а естли его ко мнѣ приведешь , то не пустой поцѣлуй ; но большее еще награжденіе дано тебѣ будетъ. Мальчикъ мой очень примѣтенъ , между двадцатью другими легко его узнаешь. Тѣломъ онъ не бѣлъ , и подобенъ огню ; глаза у него быстры , и пылающи ; злыя мысли , но сладкія слова ; не то онъ думаетъ , что говоритъ ; голосъ сладокъ какъ медъ. Когда гнѣвается , сердце его не укротимо и коварно. Нѣтъ въ немъ правды ; лестное дитя , шутки его жестоки. Прекрасныя на главѣ власы , и дерзкое лице. Маленькіе у него ручки , но далеко бросаетъ стрѣлы. Бросаетъ стрѣлы и въ Ахеронъ , на самага подземнаго Царя. Нагъ тѣломъ , но мысль у него сокровенна. Крылатый какъ пшца , своднихъ перелетываетъ на другихъ , на мужей равно и женъ , а садится въ самыхъ внупренностяхъ груди. Лукъ имѣетъ очень малой , и на лукъ стрѣлу. Маленькая у него стрѣла , но мчища даже до небесъ. Золотой на раменахъ колчанчикъ , а внупри горькія прости , которыми часто и меня уязвляетъ. Все у него суровое , все ; а паче

всего не большая свѣча , которую онъ и самое возжигаетъ Солнце. Когда ты его поймаешь , связавъ веди , и не помилуй. Хопя и плачущаго увидишь , берегись , чтобъ онъ тебя не обмануль. Хопя будетъ смѣяться , ты его влечи. И ежели захочетъ тебя поцѣловать ; бѣги : вредное цѣлованіе , и въ устахъ его ядъ. А ежели скажетъ , возми сіе у меня оружіе , я тебѣ дарую , не прикасайся : льстивые дары. Ибо все то въ огнѣ омочено.

Перевелъ съ Греческаго Г. К.

VIII.

ЕКЛОГИ.

I.

ЛИКАСТЪ.

Ликастъ любить начавъ , Ерасту говорилъ ,
 Когда подъ тѣнію древесъ онъ съ нимъ ходилъ :
 Исполнилось мой другъ пвое предвозвѣщанье ,
 И премѣнилось со всѣмъ мое желанье.

Про-

Прошли тѣ дни, какъ я свободу почиталъ,
 И красоту дѣвицъ съ любовью презиралъ.
 Я бросилъ нынѣ лукъ, я бросилъ нынѣ уду:
 Ни рыбы ужъ ловить, ни пшницъ стрѣляшь не
 буду.

Не стану за звѣрчи гоняться по лѣсамъ;
 Прикованъ нынѣ я къ паспушкинымъ очамъ.
 Ерастъ желалъ познать порядочно по дѣло,
 И чье ево лице воспламенить умѣло.
 Дикастѣ о скромности Ераста твердо зналъ,
 И шайцство свое вѣщать надежно сталъ:
 Ты знаешь, говорилъ, прекрасну Антиклею,
 Моя холодна кровь разжжена спала ею.
 Я ласку отъ нея сталъ видѣть ужъ давно;
 Но было ласку зря мнѣ сперва все равно,
 Суровъ ли былъ ея поступокъ иль привѣтливъ.
 Но вдругъ не знаю какъ, я больше сталъ при-
 мѣтливъ,

Паспушкинъ на себя взоръ частый примѣчалъ,
 И услаждая глаза ея встрѣчалъ.
 Я чувствовалъ по томъ, что кровь моя затлѣлась:
 Какъ въ очи пристально ей зрѣлъ, она краснѣлась,
 И опуская зракъ, лучъ сердца моего,
 Задумывалася, не знаю, отъ чего;
 По семъ по вечерамъ дней тихія погоды,
 Когда сходилася паспушки въ короюды,
 Я больше воображалъ себѣ ея красу,
 И чаще съ нею бывъ влюблялся отчасу.
 И пѣе ея мнѣ нравилось и пляска,

Взглядѣ былѣ ея все чивѣ , и умножалась ласка .
 Она по всякой часѣ мою питала спѣрствѣ .
 Отѣмля у меня надѣ сердцемѣ прежнюю власть ,
 Въ послѣдокѣ красотой я такѣ ея прельспился ,
 Что больше безѣ нея ни чѣмѣ не веселился ;
 Но мукѣ любви тогда въ себѣ не ощущалѣ ,
 Желая быть ей милѣ , имѣлѣ , чево желалѣ :
 Осталось шолько мнѣ открыши то словами ,
 О чемѣ я ей вѣщалѣ разѣ тысячу глазами .
 Но какѣ ей нѣкогда любовь свою сказалѣ ,
 Я всю свою тогда надежду потерялѣ .
 Она сказала мнѣ я етому не вѣрю .
 А какѣ я клялся ей , что я не лицемѣрю ,
 Она внимала то ; я мнилѣ себѣ маня ,
 Имѣль себѣ въ опѣвѣтѣ , что любилѣ и меня .
 Я зрѣлѣ , что слушала она тѣ рѣчи вяшно ,
 И мнилѣ , что было ей внимати ихѣ пришно .
 Но вся утѣха мнѣ въ шопѣ ея часѣ была ,
 Что клятвы выслушавѣ какѣ мнѣ она мида ,
 Опѣвѣта мнѣ не давѣ пошла и не простила .
 О какѣ въ ночь дня того душа моя мутилась !
 Смѣялся прежде я , кто въ страсти былѣ такой ,
 И все то я въ ту ночь увидѣлѣ надѣ собой .
 Зрѣлѣ прежде я съ береговѣ , какѣ море волнова-
 лось ,
 Но вдругѣ и подомной оно возбунтовалось .
 Смѣшно мнѣ было зрѣшь , коль кто въ любви
 понуалѣ ;
 Но

Но самъ, тогда, я самъ стократно воздохнулъ.
 Какъ лѣшья свѣтлость дня бываешъ вдругъ не-
 настьемъ,
 Любовь моя бѣдой мнѣ стала, бывши щастьемъ.
 По упру покидалъ не спавъ я свой шалашъ.
 Всю ночь была въ умѣ она, и въ день она жъ.
 Какъ въ багряныя Авроры всходъ играли,
 И изъ загоновъ въ лугъ скотину выгоняли;
 Моя скотина мнѣ преспала быть мила,
 И праздная свирѣль ненадобна была.
 Не видѣлъ ни чево приятнаго я бодръ,
 И овцы ужъ мои шли безъ порядка въ поле.
 Въ несносной я тоскѣ весь день препровождалъ,
 Поипъ, на брегъ рѣки, скотины не гонялъ.
 Погода лѣшняя меня не веселила,
 Стрась, мысли всѣ отбивъ, едину мысль
 вселила,
 Которая одна безъ многихъ тяжкихъ думъ,
 Толь пятостна была, что мяла весь мой умъ.
 Пастушка мя узрѣвъ печаль мою зря ясно,
 Приблизилась сказать, что я грущу напрасно,
 И утверждая то, сѣю вѣщала рѣчь:
 Коль младость возмогла въ Ликастѣ крозь раз-
 жечь,
 А сердце кажется мое тебѣ быть злобно;
 Тебѣ и безъ меня любиться спать удобно.
 Я здѣлала, что стрась твоя тебѣ вредна.
 Тщись быть любимъ иной, здѣсь я вишь не одна.
 Колико много дней бываешъ въ лѣтѣ ясныхъ,

Толь много на лугахъ сихъ дѣвушекъ прекрасныхъ.
 Сынци шакую ты, кшобъ кровь твою зажгла,
 И многія бы дни владѣшь побой могла.
 Чшобъ долго зрѣнїе и спраснь твою пишала,
 Ты видишь, что къ шому мое пригожство мало.
 Я часто на себя въ источники гляжу;
 Того достоинства въ себѣ не нахожу,
 Которобъ сердце чье на долго распалило.
 Не знаю, чѣмъ мое лицо тебя прельстило.
 Когда тебѣ мила немножко спала я;
 Не опшимай Ликастѣ свободы моея.
 Не дай миѣ слѣдствїемъ познати грусти люты,
 И горькїй здѣлать вѣкъ изъ радостной минушы.
 Не возмогу къ себѣ измѣны я снести,
 И потерявъ тебя съ другимъ любовь свести.
 Я сердца ни кому еще не отдавала.
 Тебѣ лишь одному привѣтство я казала,
 Не няя, чшобъ тѣмъ тебѣ любовну мысль подашь;
 Я дружбы, не любви старалася искать,
 Чшо мысли нѣжныя одна любовь вселяетъ,
 Недавно слабое мое шо сердце знаетъ.
 Не знала я сама, что я къ любви текла,
 И что не къ дружеству; но къ ней ма страсть
влекла.

Когда о птички вы другъ друга цаловали,
 И пѣсни на кустахъ веселы воспѣвали,
 Чшо сладость ешь въ любви, не вѣрила я вамъ,
 И не былъ милъ ни кто тогда моимъ глазамъ.
 Но нынѣ ужъ мои не шакъ свободны очи,

Не такъ забавны дни! не такъ прохладны ночи,
 Уже разрушился мой нѣскольکو покой;
 Но радости себѣ еще не вижу той,
 Котору^ч на древахъ вы часно прославляли:
 Иль воспѣваючи вы все по ппички лгали?
 Повѣрь, вѣщаль я ей, драгая пѣснямъ симъ,
 Повѣрь дражайшая, повѣрь словамъ моимъ,
 Что въ истинной любви веселостей довольно;
 Не весело еще по сердце кое вольно.
 Не вѣрь себѣ, что ты не сполько хороша,
 Какъ чтятъ тебя здѣсь всѣ, и чтитъ моя душа.
 Краса твоя, что толь меня безмѣрно мучитъ,
 Клянусь, что ни когда Ликасту не наскучитъ.
 Клянуся: естли я къ тебѣ перемѣнюсь;
 Пусть жизни я погда пастушеской лишусь,
 Не буду зрѣть полей, и къ пущей мнѣ досадѣ,
 Пускай я буду жить по саму смерть во градѣ.
 По сихъ словзхъ моя жизнь нова зачалась,
 Услышавъ клятвы тѣ, пастушка мнѣ здалась.
 Съ тѣхъ дней о вольности ужъ я не сожалью,
 И пзю веселясь любовницею своею.

*

*

*

II.

ДАФНИСЪ.

Дельфира нѣкогда подружкѣ открывала,
Съ коюрой въ дружествѣ Дельфира пребывала,
Все таинство души, и сердца сильну страсть,
И какову надъ ней любовь прияла власть:
Ты пакъ какъ я млада, въ одни со мною лѣты,
Но я не опрелась принять твои совѣты,
Какъ Дафнисъ въ сихъ лугахъ Дельфиу полюбилъ;
И взоръ мой на себя подобно обратилъ.
Чтобъ мнѣ, когда хочу любви супротивдаться,
Присудствія сво конечно удаляться.
Покинь сѣ мѣста, покинь швердила мнѣ,
И обрати глаза къ другой опсечь странѣ.
Я въ томъ же день съ тобой при вечерѣ про-
стилась,
И съ плачемъ сихъ луговъ насильно оплучилась.
Во всю грустила ночь, минушы не спала,
Какое множество я слезъ тогда лила!
Предвѣстница лучей прекраснаго свѣтила,
Во всей своей красѣ на небо восходила,
Означились луга подъ тысячми цвѣшовъ,
И рѣки хруспалемъ между своихъ береговъ.
Воспѣли Нимфы пѣснь, припянай всякой лиры,
Сталъ слышенъ птичій гласъ и вѣяли Зефиры:
Я мѣсто таково къ убѣжищу взяла,
Что кажется ево природа избрала,

Чтобъ

Чтобъ показать свои сокровищи всѣ разомъ,
И можно бѣ было вдругъ ихъ всѣ окинуть глазомъ.
Тутъ рощи, тупыя лѣски, тутъ множество пещеръ,
Тьма розъ, и тьма лилей, красотою своихъ при-
мѣръ:

И естѣли бѣ ты когда то мѣсто посмотрѣла,
То бѣ ты конечно быть тутъ вѣчно захошѣла.
Когда бы было тамъ довольные луговъ,
Взманило бѣ паство по всѣхъ нашихъ пастухоевъ.
Пастушки бѣ тамъ убранствѣ довольные ссыскали,
И предести бѣ еще пригожствамъ придавали.
Но всѣ тѣ ахъ! мѣста, и всѣ ихъ красоты,
Сѣи древа, сѣи спруи, сѣи цвѣты,
Источники, ключи, и все, что тутъ ни было,
Безъ Дафниса, мой свѣтъ, казалось не мило,
И вмѣсто чтобъ привести къ покою смутный
духъ,
Твердило ахъ! когда бѣ былъ здѣсь, былъ твой
пастухъ.

Въ какомъ бы щастїи ты дни препровождала,
Въ сихъ роцяхъ, ты бы съ нимъ по вечерамъ
гуляла.

Тамъ, ходя бѣ вмѣстѣ съ нимъ цвѣты себѣ рвала,
И изъ своихъ бы рукъ пучокъ ему дала.
Въ пещерахъ бы сихъ съ нимъ въ полудни от-
дыхала,
И ягодъ бы набравъ ему ихъ бѣсть давала.

Нѣтъ тутъ отрады мнѣ, пошла со стадомъ въ
лѣсъ,
И

И погнала овецъ подъ тѣнь густыхъ деревьевъ.
 Уже свѣшило дня на высотѣ стояло,
 И раскаленный лучъ уже распространило,
 Увы! но и шуда безъ пользы я пришла,
 Таковую же я мысль и памѣ себѣ нашла:
 Мнѣ Дафниса лѣса подобно вспоминали,
 И зракъ ево, очамъ повсюду представляли.
 Я видѣла ево имуща лукъ въ рукахъ,
 Какъ часто видѣла я здѣсь ево въ лѣсахъ.
 Отъ Дафниса летящъ отъ древа къ дереву птицы,
 За Дафнисомъ бѣгушъ три красныя дѣвицы:
 Казалось, что онъ Аминшу цаловалъ,
 Флоризу дудочкой своей увеселялъ,
 Съ Ирисою опѣ нихъ между кустовъ скрывался,
 А мой смященный духъ отъ ревности терзался.
 Отъ страсти я къ нему въ младенчествѣ была,
 И баснь изъ ничего въ умѣ себѣ сплела.
 Ихъ только красота была тому причиной,
 Хотя не былъ онъ прельщенъ изъ нихъ и ниединой.
 Мнѣ сей единый день шакъ дологъ былъ какъ
 годъ.
 Какъ низкой брегъ морской валы шумящихъ водъ,
 По низлїянїи безводенъ оставляютъ,
 И на него по помѣ съ стремленїемъ взливаютъ:
 Въ премѣнѣ таковой былъ мой смященный умъ,
 То гналъ, то возвращалъ любовныхъ муку думъ:
 А я и въ самую легчайшу мнѣ минушу,
 Въ котору побѣждать казалось мнѣ мысль люту.
 Когда я чаяда свободу получаю,

Была

Была принуждена о Дафнисѣ вздыхать.
 Ни на единый мигъ любовь не отлучалась,
 И только пѣнь одна свободы мнѣ казалась.
 Въ послѣдокъ спрасъ со всѣмъ мой умъ превозмогла:
 Природа надо мной власть полную взяла.
 Чпо жъ было учинить съ собою надлежало?
 Необходимо то, что сердце предпріяло.
 Противиться ему разсудокъ мой былъ слабъ,
 Спалъ немощенъ со всѣмъ, спалъ спрасъ
 сердцу рабъ,
 И возвратилъ меня страдающую оттолъ.
 Узрѣвши Дафниса пришедъ на ваше поле,
 Когда онъ въ сѣхъ водахъ овецъ своихъ поилъ,
 И жалостную пѣснь въ свирѣль свою гласилъ,
 Я съ спадомъ при брегахъ рѣки остановилась,
 Поила скотъ, сама въ рѣчныхъ потокахъ мылась.
 Не жажда на умъ скота въ потъ часъ была,
 Не пылъ меня лицо омыши завела;
 Я шла туда, хотя должна была и рдѣться,
 Чтобъ шумъ на пасуха довольно наглядѣться:
 Гдѣ, спрашивалъ пасухъ, была Дельфира ты,
 Ахъ! гдѣ ты цѣлый день скрывала красоты.
 Всѣ наши безъ тебя луга осиротѣли,
 И ппички роцей сѣхъ уже печально пѣли.
 А мнѣ казалось, когда Дельфиры нѣтъ,
 Чпо солнце отъ очей моихъ скрываетъ свѣтъ.
 Что было отвѣчать? я слыша то молчала,
 И кроя жаръ любви ему не отвѣчала.
 Онъ мнѣ рассказывалъ какъ любишь онъ мене,
 И чпо

И что несклонность зря онъ сѣпуетъ стена ,
 Что въ сердце я ему спрасъ любу положила
 И что въ терѣннѣ ево переходитъ сила.
 Не отвѣчала я и на сѣи слова ,
 Меня пересмѣшѣ , мнѣ мнилось и права ,
 Струи источниковъ , деревья и кусточки ,
 Пушистыя цвѣты и маленьки цвѣточки ,
 Когда я Дафнису отвѣпнѣ желанный дамъ :
 Я взоры опвративъ смонрѣла все къ овцамъ :
 Стыдѣ образъ мой багриль : что дѣлать я не знала ;
 Молчала ; только спрасъ мой пламень показала .
 Познавъ мою любовь , пастухъ смѣляе сталъ ,
 И руки въ руку взявъ Дельфиру цаловалъ .
 Изъ Дафнисовыхъ рукъ , я руки вырывала ;
 Но губъ своихъ , отъ губъ ево , не опвращала .
 Когда жъ поступокъ мой со всѣмъ любовь оп-
 крылъ ;
 Такъ то мой жаръ по томъ и словомъ упвер-
 дилъ .

* * *

А. С.

IX.

ЕЛЕГІИ.

I.

У Зрѣвѣ твоей нѣжный взоръ я вольности ли-
 шился ,
 И мой свободной вѣкъ со всѣмъ перемѣнился .

Не

Не вижу я ни гдѣ отрады ни какой.
 Сокрылся, на всегда, сокрылся мой покой.
 Твой взоръ во всѣхъ мѣстахъ я вижу предъ собою;
 Я сердцемъ, мысляю, мой свѣтъ, вездѣ съ тобою.
 Какимъ мученіемъ терзался я въ потъ часъ,
 Когда злой рокъ унесъ, и скрылъ тебя отъ глазъ!
 Я весь воспрепетадъ, всѣ чувства цепенѣли,
 Вся стыла кровь во мнѣ, всѣ члены каменѣли.
 Взростаеиъ день отъ дня жестока спрасишь любви,
 И умножаеиъ жаръ мой день отъ дня въ крови.
 Не лзя изобразить, какъ я побой страдаю:
 Я больше жизнию своей не обладаю:
 Я мучусь на яву, я мучуся во снѣ;
 Воспомни меня и пожалѣй о мнѣ!

Василій Нарышкинъ.

II.

Преспанеиъ ли моею доукою усладдаиъся?
 Могу ли я когда любей твоею дождаиъся?
 Я день и ночь горю, я мучуся любя,
 И гдѣ бы я ни былъ, мнѣ скучно безъ тебя.
 Всегда зрю тѣнь твою и въ страсти осязаю,
 И всякой часъ тебя я въ мысли добызаю.
 Со взоромъ мысль моя твоимъ сопряжена:
 Неисходимо ты мнѣ въ сердце вложена.
 Мнѣ твой прелестней видъ, прелестныиъ раз-
 говоры,
 И все влечетъ мои къ тебѣ драгая взоры.
 Къ нецдастїю тебя, суровая, спознавъ;
Лишился

Лишился я тобой спокойства и забавъ,
 Я сердца пивоево смягчить не уповаю,
 Тревожусь и мятусь, грущу и унываю,
 Я время мысли умъ и все тобой гублю.
 Скажи драгая мнѣ: и я тебя люблю.

А. С.

*

*

*,

О г л а в л е н і е.

страни.

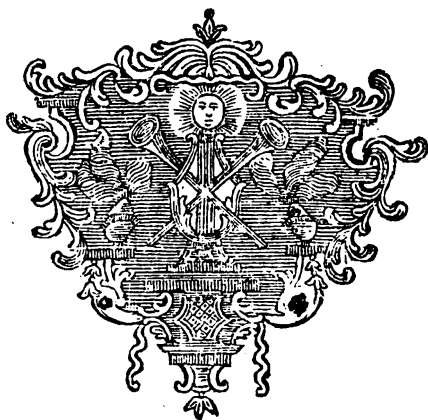
I.	Псалмы и Молитва.	-	-	-	387
II.	Продикова Аллигорія объ Иракліи.				392
III.	Максима Тирскаго разсужденіе	IV.			399
IV.	Притчи и Епиграммы.	-	-	-	411
V.	Лимофила врачеваніе житія.	-	-	-	419
VI.	Герокловы веселые замыслы.	-	-	-	426
VII.	Идилліи.	-	-	-	432
VIII.	Еклоги.	-	-	-	436
IX.	Елегіи.	-	-	-	446

ТРУДОЛЮБИВАЯ
П Ч Е Л А.

Августъ 1759 года.

ВТОРЫМЪ ТИСНЕНИЕМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
при Императорской Академіи Наукъ
1780 года.

I.

МОЛИТВА и ПСАЛМЫ.

ОТЧЕ НАШЕ.

Отче нашъ , небесный Царь ,
Коему подвластна вся на свѣтѣ шварь ,
Коему послушна суша . море , рѣки ,
Горы и лѣса ,
Солнце и Луна , звѣзды небеса ,
Да твое свящися Боже имя въ вѣки ,
Да придетъ царствіе твое ,
И въ твоей да будетъ воля ,
Все сеженіе сіе ,
И тебя увидѣшъ на твоемъ престолѣ :
Хлѣбъ насущный дай намъ днесь ,
И освободи насъ долги здѣсь ,
Яко мы своихъ должниковъ прощаемъ ,
И не отомщаемъ :
Отъ искуса охраняй всякъ часъ ,
И отъ зла избави насъ !

*

*

*

Б а

ПСАЛ

ПСАЛМЫ

ПСАЛОМЪ XLVII.

Великъ Господь во градѣ Бога,
И на горѣ его святой.

Гора Сѣонска красотою,
Среди сѣянья многа,
Взирающихъ доволя взглядѣ,
Увеселяетъ очи:

Къ странѣ полночи,
Стоитъ Царя велика градѣ.

Чертогамъ города извѣстно,

Что защищаетъ ихъ правленіе небесно:

Цари собравшия къ граду подошли,

Великолѣніе въ стѣнахъ его нашли,

И страхомъ пораженны стали:

Подобіемъ жены родящей вспрепечали.

Межъ водныхъ, Боже, нѣдрѣ,
Тобою корабли губитъ восточный вѣтрѣ.

Какъ слышали о семъ мы градѣ,

Таковъ сей градѣ и зримъ,

Тебѣ Ерусалимъ,

Владыко сидѣ готовъ во вѣкѣ къ отрадѣ.

Ждемъ милости мы къ намъ:

Во твой вшедѣ, Боже, храмъ.

Велика власть твоя, о Боже! и держава:
И на концахъ земли твоя пространна слава:
Вездѣ гремишь она,
Десница истины полна.

*

Въ веселіи ты будь гора Сіонска зрима,
И дщери радуишесь Ерусалима!

*

Сшупайте вокругъ горы, Сіонъ объяти весь,
Исчислите колико башенъ здѣсь,
Къ стѣнамъ его труды подаише многи,
Возвысите его чертоги,
И прилѣбите днесь;
Дабы хвалы прегромки,
Услышали о шомъ потомки,
И всякой вѣдалъ человекъ,

Что Богъ сей есмь Богъ нашъ и нынѣ и во вѣкъ.

*

*

*

ПСАЛОМЪ LI.

Смертный ядъ нося въ утробѣ,
Не хвались Тиранъ во злобѣ,
Беззаконствуя всегда.

Ты невинности въ ловишву,
Изоспириль языкъ какъ бришву,
Ради общаго вреда.

*

Злобу только въ сердце видишь,
Благосынию ненавидишь:
Ты неправду возроспиевъ

Добродѣтель опшметашь:
 Рѣчи ажжео сондешешь:
 Тщешень швой языкъ и льстивѣ.

*

Льстивѣ и истинны предашель!
 За се тебя создашель,
 Оплучитѣ ошѣ селѣ швоихѣ:
 За безчеловѣчно дѣло,
 Разрушитѣ, восшоргнешѣ шѣло,
 Сверхешѣ ошѣ земли живыхѣ.

*

Спанутѣ видя то бояться,
 А боясь шевѣ смѣяться,
 И рекушѣ между себя:
 Сей среди богашешва многа,
 На него а не на Бога,
 Уповаѣ людей губа.

*

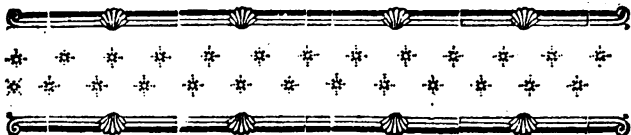
Яжѣ какѣ маслины зелены,
 И не жду себѣ премѣны,
 Въ Божіемѣ дому цѣшня.
 Съ преподобными шесими,
 Всѣми мыслями шовми,
 Боже, чшу надеждой шя.

А. С.

*

*

*

II.

ПРИШЕСТВИЕ, НА НАШУ ЗЕМЛЮ, И ПРЕБЫВАНІЕ НА НЕЙ, МИК- РОМЕГАСА.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ Г. ВОЛЬТЕРА.

Сей переводъ учиненъ того перевода прежде, который внесенъ въ Академическія изданія, а отъ чего въ нихъ гораздо близкое сходство, оное предается разсужденію и догадкѣ чашателей.

Въ нѣкоторой изъ планетъ обращающихся около звѣзды нарицаемой Сиріи, былъ молодой и разумной человекъ, именемъ Микромегасъ, ростомъ въ восемь миль, то есть въ дватцать четыре тысячи геометрическихъ шаговъ, шагъ по пяти ступеней. Видѣть свѣтъ, выѣхавъ онъ изъ отечества своего, и приѣхавъ въ Сатурнъ. Сатурніянцы ростомъ предъ Сиріянцами карлы. Вышина ихъ только сажени по тысячѣ. Сиріянецъ спознался тушъ съ Секреп-
В 4 ремъ

ремь Академіи , съ которымь пустился онь въ новой путь , приѣхалъ въ Юпитеръ , оттолѣ проѣхали мимо Марса , и для малости не удостоили ево быть мѣспомѣ своево ошдохновенія , хотя послаѣ не сыскавѣ себѣ вскорѣ другога наслѣга и раскаялись. На конецъ увидѣли они , что вѣчто свѣшпился : земля то была. Какой ето бѣдной наслѣгѣ для проѣхавшихъ Юпитера : но чтобѣ не прийти опячь въ раскаяніе , выступили на нашу землю , на полунощный берегѣ Бальшійскаго моря , въ тысяча семь сотѣ триццать седьмомѣ году Іюля пятаго дня по новому исчисленію. Выпокоясь пошли они , и стали осматривать , что то за страна , въ которую они прибыли. Сиріянецѣ шелъ своими обыкновенными шагами , а Сатурніянецѣ бѣжалъ за нимѣ какѣ за Прусскимѣ Капитаномѣ маленькая собачка.

Вѣ триццать шесть часовѣ обошли они всю землю. Подлинно , что Солнце или паче земля подобный путь вѣ дватцать четьре часа совершаетѣ ; однако надобно подумать , что скоряе можно на своей пеевернуться оси , нежели обойти ногами. Возвратилися они на то мѣсто , откуда они пошли : увидя на дупи сію лужицу , каторая называется

ся

ся Средиземнымъ Моремъ, и сей малень-
кой и мѣлкой прудокъ , которой подѣ
именемъ Великаго Океана окружаетъ кро-
шовой курганчикъ. Карла ни гдѣ больш-
ше половины ноги не омочалъ , а Сирі-
янецъ и пяпу омочалъ едва только. Хо-
дя туда и сюда старались они примѣ-
нить, обитаемъ ли сей шаръ или нѣтъ.
Наклонялися , лажилися , вездѣ щупа-
ли , но глаза ихъ и руки будучи выше-
мѣрными ползующимъ по нашему кругу
веществамъ , ни малѣйшаго не подали
къ ихъ понятію слѣда, чѣмъ мы и проп-
чія сего шара обитатели существовать
честъ имѣемъ.

Карла разсуждалъ иногда скоровато :
положилъ такъ , что на земли ни кого
нѣтъ. Микрометасъ благоприспойно далъ
ему разумѣть , что такое разсужденіе
не правильно : ибо , говорилъ онъ , не
видишь ты малыи своими глазами нѣ-
которыхъ звѣздъ пятидесятной величе-
ны , которыя мнѣ очень видны , не уже
ли ты изъ того заключаешь , что сіи
звѣзды не существуютъ? однако я Землю
гораздо щупалъ, говорилъ карла. Но ты
того не почувствовалъ , отвѣтствовалъ
поцѣ. Однако говорилъ карла, сей кругъ
такъ дурно состроенъ, такъ неправиленъ,
и такъ безобразенъ, что онъ мнѣ чуденъ

кажется. Все здѣсь въ смѣшеніи. Посмотри на сіи малыя источники , какъ криво они идутъ. Пруды сіи , ни круглы , ни четвероугольны , ни продолговаты , и никакова правильнаго не имѣютъ образа. Что это за острыя крупинки , которыми сей шаръ нашыканъ ? горы онѣ подъ симъ разумѣль именовъ : они мнѣ ноги изцарапали. Разсмотри весь шаръ сей , какъ онѣ на концахъ своей оси плоскъ , какимъ образомъ онѣ около солнца вертятся , и что отъ того при концахъ оси мѣста ни къ чему годны. Вошь изъ чего я заключаю , что здѣсь ни кого нѣтъ , что мнѣ кажется , что здѣсь люди здраваго разсужденія жить не захотятъ. Можетъ быть говоришь Микромегасъ , что здѣсь люди и не здраваго разсужденія обитаютъ. Однако есть нѣкоторой признакъ , что это для чего нибудь здѣлано а не даромъ. Тебѣ все здѣсь неправильно кажется , говоришь ты , а это онѣ того , что въ Сатурнѣ и Юпитерѣ здѣлано все прямо , а здѣсь криво. Можетъ быть , что здѣшнее малое замѣшательство и подлинно отъ того происходитъ. Я вишь тебѣ сказывалъ , что я въ своихъ путешествіяхъ всегда находилъ разность. Сатурніянецъ всему тому прекословилъ. Споръ бы ихъ не

не окончался, ежелибъ Микромегасъ говоря разгоряченно не надулъ горла и не перервалъ своево алмазнава ожерелья. Алмазы попадали: камни были небольшія однако изрядныя, самыя меншія вѣсомъ по пятидесять, а самыя большія по четыре сна фунтовъ. Карла подобравъ изъ нихъ нѣкоторыя и поднеся къ глазамъ своимъ примѣнилъ, что сіи алмазы такъ огранены, что они сжали предорогими микроскопами. Взялъ камушекъ сна шестидесяти ступеней въ половинномъ перерѣзѣ, и приложилъ ево къ зорчку, а Микромегасъ выбралъ изъ нихъ микроскопъ двухъ тысячъ пяти сотъ ступеней. Микросконы были очень хороши, однако помощію ихъ вдругъ еще ни чего увидѣть было не лзя. Надлежало ихъ здѣлать исправными. На конецъ житель Сашурна усмотрѣлъ нѣчто чудь чудь видное, и что оно въ водѣ Бальшійскаго моря ворошится: Кипъ былъ то. Тиховько взялъ онъ ево мизинцомъ, и положивъ на ноготь большова пальца, показалъ ево Сиріянцу. которой въ другой разъ захохоталъ чрезвычайной малости жителей нашего круга. Сашурніянецъ увѣренъ, что нашъ свѣтъ общаемъ, поитчасъ себѣ вообразилъ, что въ нашемъ свѣтѣ одни только кипы обита-

таютъ , а будучи великимъ въ разсужденіяхъ хлопотникомъ хошѣлъ догадаться, отъ чего сія малая пылинка имѣетъ въ себѣ движеніе, имѣетъ ли она мысли, волю и свободу. Не зналъ, что думать, и Микромегасъ : сего звѣрка очень терпѣливо разсмапривалъ, и заключилъ, что нѣтъ способа повѣрить, чтобъ онъ былъ одушевленъ. Оба путешествователи склонялися думать , что въ нашемъ обществѣ разума нѣтъ. Въ самое то время помощію микроскопа примѣтили они нѣчто больше кипа плывущее по Бальшійскому морю. Извѣстно, что въ то самое время спая Философовъ возвращалася отъ круга конца земляной оси , гдѣ они дѣлали примѣчанія, о которыхъ до того времени ни кто не извѣщался. Писали въ вѣдомостяхъ , что корабль оныхъ Философовъ у сторонъ Босніи терпѣлъ разбитіе , отъ котораго великимъ трудомъ спаслися ; однако по картамъ ни кто не вѣдаетъ , гдѣ то на свѣтѣ мѣсто. О томъ, какъ это было, расскажу я безо всякой отъ себя примѣси , что нѣсколько и трудно Исторіку.

Микромегасъ тихохонько протянулъ руку къ тому мѣсту, гдѣ то ему показалось , продвинулъ два пальца , и чтобы не ошибиться , разнявъ ихъ и сжавъ

ухва-

ухватилъ легохонько корабль, на которомъ тѣ господя бжали, и такъ же и ево еще положилъ на ногошъ, не гораздо жавъ ево, что бы не раздавить. Вотъ какой очень опличной отъ перьваго звѣрокъ, говорилъ Сатурнской карла. Сирянецъ мнимаго звѣрка положилъ на ладонь. Обрѣшающіяся на кораблѣ чаяли, что они нѣкимъ бурнымъ вѣтромъ вознесены на превеликой камень: пришли всѣ въ движение: мапросы хватались за винныя бочки, бросалися на Микромегасову руку, и збросилися сами послѣ. Землеобры забравъ всѣ свои къ измѣриванію надобности, сошли на Сирянцовы пальцы. Сполько было ихъ, что онъ на конецъ почувствовааль, что у него на пальцахъ нѣчто ворошится, и ихъ щекопитъ. Въ указашельной ево палець вбили они желѣзную палку на спупень мѣроу. Какъ ево кольнуло, разсудилъ онъ, что что нибудь изъ того звѣрка, которова онъ держаль, вышло, а больше потчасъ и мыслишь ему было нѣчево. Микроскопъ, которой взору кита и корабль едва изобразить могъ, не имѣль добычи въ такой малой твари, каковы люди. Я не стараюся чьей нибудь коснушья щещности, только прошу важныхъ людей, чтобъ они при семъ здѣлали со мною

мною маленькое примѣчаніе. Взавъ станѣ
человѣческой ступеней пяши, не имѣемъ
мы больше вида, какъ на ядрѣ десяти
ступеней вокругъ, звѣрокъ около шес-
ти сотъ тысячной части ширины боль-
шова пальца вышиною. Вообрази себѣ
существо, которое нашу землю можешъ
взять въ руку, и у котораго члены по
размѣру нашихъ. Да, и очень можетъ
спастся, что таковыхъ существъ по
всей вселенной великое множество. Такъ
представъ себѣ, прошу я, что бы они
подумали о сихъ сраженіяхъ, которыя
намъ двѣ деревни стоили, и которыя
отъ насъ обратно отданы. Думаю, что
когда нибудь, какой нибудь гранодер-
ской Капитанъ прочтетъ сіе сочинеіе.
Онъ ступенями двумя превышаетъ шап-
ки своихъ подчиненныхъ, а я его увѣ-
домляю, что и онъ и подчиненныя его
пребудутъ на всегда въ безконечныхъ
малоспяхъ.

Какое пречудное искусство надлежало
имѣть нашему Сирійскому Философу,
разсмотрѣть тѣ пылинки, о которыхъ
я говорилъ! Когда Левентекъ и Гартсе-
керъ первыя увидѣли, или чаяли, что
увидѣли, крупинки, отъ которыхъ мы
зачинаемся, далеко не подошли они
открытіемъ своимъ къ сему преудиви-
тель-

пельному открытію. Какое утѣшеніе ощущалъ Микромегасъ видя, что тѣльца маленькихъ сихъ тварей ворошаются. Разсматривая всѣ ихъ обращенія, слѣдуя имъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, какъ закричалъ онъ! съ какою радостію опдалъ онъ одинъ изъ своихъ микроскоповъ въ руки своего товарища! Вижу, говорили они оба вдругъ. Видишь ли какъ они бремена носятъ, какъ наклоняются, какъ поднимаются? Говоря имъ это, отъ радости, что видятъ такую новизну, и отъ страха, чтобъ не лишиться сего къ изслѣдованію зрѣнія, руки у нихъ дрожали. Сатурніянецъ изъ непомѣрной вѣроятности прешедъ въ непомѣрную вѣроятность чаялъ, что онъ примѣтилъ, что они уже и сочеловаются. Ахъ! говорилъ онъ, всѣ естественныя дѣйствія открылись мнѣ, однако въ кажущемся видѣ обманулся онъ, какія обманчивости и безъ микроскопа и съ микроскопомъ часно бывають.

Микромегасъ лучшей примѣчатель, нежели ево карла, ясно увидѣлъ, что сіи пылинки разговаривають, и показалъ то своему товарищу, который спылся обманувшись произраженіемъ сочетанія не хотѣлъ вѣрить, что такія мѣлкія швари могутъ другъ другу сообщать
свои

свои мысли , а онъ дарованія языковъ имѣлъ такъ какъ и Сиріянецъ. Не слышалъ онъ , какъ оныя пылинки говорили , и изъ того заключилъ , что они не говорятъ. Въ прочемъ удобно ли такимъ мѣлкаимъ шварямъ имѣть устроенные для произношенія голоса члены , да и что имъ говорить ? для разговоровъ потребны мысли ; а ежелибъ они мыслили , такъ бы должны были они имѣть нѣчто подобное душѣ. Дашь , нѣкое подобіе души , такой малой швари , казалось бытъ ему весьма странно. А ты думалъ , говорилъ Сиріянецъ , что они въ сей часъ упражнялись въ любовныхъ дѣйствіяхъ. Или ты думаешь , что и безъ мысли любиться можно , не произнеся ни одного слова , или по крайней мѣрѣ не давъ себя разумѣть : не полагаешь ли ты , что удобнѣе здѣлать доказательство нежели рабенка ? Мнѣ говорилъ онъ и то и другое не понятно. Я не смѣю ни вѣрить ни отрицать , говорилъ карла , я ни какова объ етомъ не имѣю мнѣнія , рассмотримъ прежде гадовъ сихъ , и послѣ о нихъ рассуждай спанемъ. Ето очень хорошо сказано , отвѣчалъ Микромегасъ , и топчасъ вынялъ ножницы , которыми онъ обрѣзывалъ ногти , и изъ обрѣзки сво-

сво

ево ногтя здѣлалъ превеликую трубу , какъ широкую воронку , которой горло приставилъ къ своему уху. Окруженіе сеи воронки и корабль и всѣхъ слезшихъ съ корабля охватило. И самой слабой голосъ сквозь ногшевую трубу проходилъ , такъ что симъ искусствомъ Философъ изъ высоты совершенно слышалъ въ низу журчаніе обрѣженныхъ гадовъ. По немногихъ часахъ сталъ онъ раздѣлять слова , и на послѣдокъ узналъ онъ , что они говорятъ по Французски. Узналъ то и карла , только съ большею трудностію. Удивленіе сихъ пупешествователей усугублялось по всякую минуту. Слышали они , что червячки говорятъ съ изряднымъ разсужденіемъ. Сія игра природы казалась имъ уходяща отъ толкованія. Можно повѣрить , что Сиріянецъ и карла ево нетерпѣніемъ горѣли , что бы съ сими пылинками утвердить обхождение. Боялися они , чтобы громкія ихъ голоса , а паче Микромегасовъ вмѣсто того чтобъ сіи червячки ихъ вняли , не оглушилъ ихъ. Умалили силу ево. Сиріянецъ держалъ карлу на колѣняхъ , а корабль со всѣмъ приборомъ на ногтѣ. На конецъ употребивъ всѣ свои предосторожности , рѣчь свою началъ.

Невидимыя швари , которыя рука со-
Ѣздашелеза

здателева благоволила произвести въ безднѣ безконечныя малости! я ево благодарю, что открылъ онѣ мнѣ шаковыя тайны, копорыя казались быть непро- ницаемы. Можеть быть другія вами гнушаться спануть, но я ни кого не презираю, и обѣщаю вамъ свое покровительство.

Въ какое удивленіе пришли тогда люди, копорыя сіи слова слышали! Не понятно имѣ было, откуда шѣ рѣчи происходили. Священникъ корабля читалъ заклиательныя молитвы, магі- росы кляли, а Философы составляли мнѣніе, но какое мнѣніе ни составляли, однако ни какъ не могли дознаться, что это такое. Сатурнской карла голосъ изъ слабе Микрометасова, немногими словами рассказалъ имѣ о себѣ, кто они шаковы. И потомъ пожалѣвъ о нихъ, что они такъ малы, спрашивалъ ихъ, всегда ли они были въ томъ бѣдномъ и столь близкомъ отъ небытія состояніи, въ чемъ они упражнялись на семь кругѣ, которой имѣ сперва казался быть жилищемъ киповѣ, благополучна ли жизнь ихъ, умножаются ли они, имѣютъ ли души, и о прочемъ тому подобномъ.

Нѣкто изъ толкователей былъ по- смѣляе другихъ, и раздраженъ, что о ду- шѣ

шб ево сумнбваюцца , схватилб Математическiя свои приборы , и почалб ими Сатурнiянца разсматривать и измбривать . Посмотрблб и зачалб говорить : пы думаешь , государь мой , когда у тебя отб головы до ногб пысяча сажень . Чшо пы - - - пысяча сажень ! вскричалб карла : праведное небо , по чему онб мою вышину знаешб ! пысяча сажень ! на палецб не ошибся ! такая пылинка меня вымбрила ! знаешб мою величину , а я только ее чрезб Микроскопб вижу , и ещб величины ея не знаю . Да я тебя вымбрилб , говорилб Естественникб , а еше и швоево высокорослова товарища вымбрю . Предложеиe ево приняшо . Ево Высокпревосходишельство изволилб лечь и протянуться . Ежели бы онб стоялб , то бб голова ево была гораздо выше облаковб . Наши Философы поставили ему великое дерево вб мбсто , которое Докпорб Свифтб именуешб , но я оное именемб не назову , по причинб великаго моего кб дамамб почтенiя . Измбривали , и на конецб заключили , что то , что они видбли , есть дбйствительно молодой человекб , спа дващцати пысячь ступеней называемыхб королевскихб .

Тогда Микромегасб сiи слова выгово-

рилъ: теперь я еще болѣе вижу, что ни о чемъ не надобно разсуждать по кажущейся величинѣ. О Боже, который одарилъ разумомъ существа показавшіяся поль гнусны глазамъ моимъ! и безконечная малость сполько спойтъ тебѣ, сколько безконечная великость. И ежели бы возможно было, чтобъ были въ естествѣ существа еще меньше сихъ, то бѣ и тѣ могли имѣть разумъ превосходный разуму сихъ гордыхъ звѣрей, которыхъ я видѣлъ на небесахъ, и которая одною ногою весь шаръ, на которомъ я теперь, кроютъ.

Одинъ изъ Философовъ отвѣществовалъ ему, что онъ надежно повѣрить можетъ, что есть дѣйствительно разумныя существа, которыя гораздо меньше челоука. Не рассказывалъ онъ ему того, что Виргилій баснословно о пчелахъ говоритъ, но то что Сваммердамъ открылъ, и что Реомюръ свидѣтельствовалъ развѣтѣемъ членовъ; научилъ его на конецъ, что есть звѣри, которыя таковы предъ пчелами, какъ вы пчелы предъ челоукомъ, какъ въ Сиріянецъ самъ предъ тѣми превеликими звѣрьми, о которыхъ онъ сказывалъ; и какъ вы сіи большія звѣри предъ другими существами, которымъ они пылинками

ками кажутся. Мало по малу обхожденіе ихъ спало бытъ прибыльно, а Микромегасъ говорилъ :

О разумныя пылинки, которыми вѣчное бытіе благоволило показать свою премудрость и всемогущество ! конечно чувствуете вы безпримѣсныя веселія на нашемъ кругѣ, ибо поль мало имѣя тѣлеснаго существа, и показуясь почти духами, конечно провождаете вы жизнь свою въ любви и мысляхъ, по свойству духовъ. Ни гдѣ не видалъ я прямоващастія, а здѣсь оно конечно. При сей рѣчи всѣ Философы затрясли головами, а одинъ изъ нихъ будучи пропчихъ повольные, искренно признался, что ежели выключить малое число обитателей очень мало почитаемыхъ ; такъ весь оспіатокъ есть собраніе дураковъ, злодѣевъ и несчастныхъ. Въ насъ больше тѣлеснаго существа нежели намъ надобно, говорилъ онъ, дѣлать худое, ежели худое отъ тѣлеснаго существа происходитъ, и много духа, ежели худое отъ духа происходитъ. Знаешь ли ты, что въ сей часъ, когда я съ тобою говорю, сто тысячъ дураковъ нашего роду покровенныхъ шляпами убиваютъ другихъ сто тысячъ таковыхъ же звѣрковъ покровенныхъ челмами, или отъ нихъ

умерщвляюся, и что по всей почти земли изъ ушедшихъ отъ памяти временъ, всё въ епомъ упражняюся. Сиріянецъ ужаснулся, и спрашивалъ о причинѣ такихъ страшныхъ браней между такими бездѣльными червячками. Они дерутся, говорилъ Философъ, за нѣсколько кучекъ грязи, копорыя всё мѣрою не больше пяты твоей. Не думай ты, чтобы кто изъ сихъ миліоновъ людей, копорыя рѣжупся, кусочикъ грязи сей получить успремлялся. О томъ только дѣло, кому та грязь принадлежать будетъ, изъ двухъ нѣкакыхъ челоуковъ, одного называющъ Султаномъ, а другога Цесаремъ. Ни тотъ ни другой никогда не видалъ и никогда не увидитъ сего маленькаго земли кусочка, о копоромъ дѣло идетъ, и почти ни кто изъ сихъ звѣрковъ, копорыя взаимно другъ друга рѣжутъ не видалъ того звѣрка, за копорато они рѣжупся.

Разсердился Сиріянецъ на безпутную сію воюющую мелузгу, и всёхъ ихъ погою хотѣлъ было раздавить. Но они ли сего наказанія достойны? достойны сего наказанія, сіи жестокія люди, сидяки, копорыя изъ нутри своихъ чулановъ, сидя на прорѣзныхъ спульяхъ опредѣляютъ миліону челоуковъ за-
лашь

ласть убивствіе , и по томъ за то торжественно благодаряшь Бога. Путешествовавше съжался надъ мелузгою рода человѣческаго, въ которомъ онъ польстранныя нашель противудѣйствія. А вы, говорилъ онъ Философамъ, которыя въ маломъ числѣ премудрыхъ почитаетесь, и чаятельно, что вы ни кого не убиваете, скажите мнѣ, въ чемъ вы упражняетесь. Мы разрѣзываемъ мухъ, отвѣчалъ Философъ, измѣриваемъ линіи, собираемъ числа, соглашаемся въ двухъ или шрехъ спашьяхъ, которыя мы разумѣемъ, и споримъ о двухъ или шрехъ пысячахъ, кото^{рыхъ} мы не разумѣемъ. Захотѣлось чужестранцамъ, спросить у сихъ мыслящихъ пылинскъ о шѣхъ вещахъ, въ которыхъ они между собою согласны. Сколько счисляетъ вы, спрашивалъ ихъ Сиріянецъ отъ Песей звѣзды до большей звѣзды Близначевъ. Всѣ вдругъ отвѣчали они: Тридцать двѣ степени съ половиною. Сколько отселѣ до Луны? шестьдесятъ полудіаметровъ земли круглыми числами. Сколько вѣсу въ вашемъ воздухѣ? етова они не знаютъ, думалъ онъ; но всѣ ему отвѣчали, что воздухъ рѣсипъ около девяти сотъ разъ меньше, нежели равное тому мѣсто заняное самою легкою водою, и пы-

сяча девять сотъ разъ менше Червоннова золота. Сатурнской карла пришелъ опъ ихъ отвѣшовъ въ изснупленіе, поощрялся приняшь ихъ за калдуновъ, сихъ люди, копорымъ за четверть часа не хотѣлъ онъ и души дань.

На конецъ Микромегасъ говорилъ имъ: когда вы такъ хорошо знаете то, что внѣ васъ; безъ сумнѣнія вы то, что внутри васъ еще лучше знаете; скажите мнѣ, что такое есть душа ваша, и какъ вы устрояете мысли свои. Философы какъ и прежде всѣ вдругъ отвѣчали, но всѣ были разнаго мнѣнія. Самой спаршіи ссылался на Аристотеля, другой выговаривалъ имя Картезія, тотъ Милебранша, тотъ Лейбница, тотъ Локка. Старикъ Перинапешникъ говорилъ громко и надежно: душа есть Ентелехія, а причина силы ея бытія есть то, что она есть. Аристотель говоритъ.

Еутелехеа еси. и пр:

Я не очень по Гречески разумѣю, говорилъ великанъ, и я сполько жъ, отвѣчалъ Философъ червячекъ. Тотъ ево спрашивалъ: для чего жъ ты какова то Аристотеля поминаешь по Гречески? Мудрецъ отвѣшествовалъ: когда что не вразумительно, о томъ должно говорить на такомъ

комъ языкѣ, которой меньше всѣхъ знакомъ.

Картезіянецъ говорилъ: Душа есть чистый разумъ, который въ матернемъ чревѣ получилъ всѣ мысли Метифизическія, и который вышедъ опинолѣ принужденъ ийти въ школу и всему тому учипсья снова, что онъ прежде зналъ, и чево послѣ знать не будетъ никогда. Такъ на что жъ говорилъ осмимильной звѣрь, душа швоя въ матернемъ брюхѣ такъ учена была, когда ей послѣ, какъ ты обростешь бороною, бышь толь незнающею; но что ты подъ именемъ разума разумѣешь? О чемъ спрашиваешь ты меня, говорилъ толкователь, я объ етомъ и поняшїя не имѣю, сказывають толькo, что разумъ есть существо безтѣлесное. Но по крайней мѣрѣ хопя о тѣлесномъ то существѣ знаешь ли ты? Очень знаю, отвѣчалъ человекъ, напрімѣрѣ: Камень епотъ сѣрѣ, устройство ево таково, состоитъ въ трехъ протяженїяхъ, имѣетъ тягость, и можетъ быть раздробленъ. Хорошо, говорилъ Сирїянецъ, еша вещь, которая тебѣ кажется бышь раздробителна, тягостна и сѣра, можешь ли ты мнѣ сказашь, что она такое? ты видишь вещи сей нѣкоторыя свойства; но знакомо ли тебѣ ея основанїе? Нѣшь, отвѣ-

чалъ онъ. Такъ ты и тѣлеснаго существа не знаешь.

По томъ спросилъ онъ у Млебраншиста, что такое душа ево, и что она дѣлаешъ. Ни чево онъвѣчалъ онъ, все вмѣсто меня дѣлаешъ Богъ, все вижу я въ немъ, все дѣлаю имъ, все дѣлаешъ онъ, а я ни во что не вмѣшиваюсь. Такъ на что жъ тебѣ и быть, сказалъ ему Сиріянецъ.

По томъ спросилъ онъ у Лейбниціяна: А твоя душа, другъ мой, что такое? Душа моя; отвѣчалъ онъ, есть спичка, копорая показываетъ часы, когда тѣло мое часы бьетъ, или она бьетъ часы, когда ихъ мое тѣло показываетъ: или душа моя есть зеркало вселенныя; а тѣло мое есть обечайка зеркала: ешо очень ясно.

Вышелъ послѣдователь Локковъ, и когда ево о томъ спрашивали: Я не знаю, говорилъ онъ, какъ я думаю; знаю только, что никогда иначе не думвалъ, какъ лишь по приключенію своихъ чувствъ, что есть вещества безтѣлесныя и разумныя, о томъ я не сумнѣваюсь; но что не удобно Богу сообщить существу тѣлесному мысль, о томъ я очень сумнѣваюсь. Я почитаю вѣчное всемогущество, ни чево не утверждаю, и до-

вольствуюся мнѣнїемъ симъ, что возможныхъ вещей больше, нежели мы чаемъ.

Понравился Локковъ послѣдователь чужестранцамъ: но по нещасию выскочилъ душевникъ въ четвероугольной шапкѣ, которой у всѣхъ перебилъ рѣчи, и говорилъ, что онъ всю эту тайну знаетъ, и что все то изъяснено въ письмахъ святаго Θомы: осмопрѣлъ обѣихъ небесныхъ обитателей, и утверждалъ имъ, что они, ихъ свѣты, ихъ солнца, звѣзды ихъ, и словомъ все, что ни есть, здѣлано единственно для человека. Слыша слова сіи чужестранцы расхохотались. Микромегасъ удивлялся, что такія безконечныя малости имѣютъ гордость почти безконечно великую: обѣщалъ имъ сочинить хорошую Философическую книгу, которая будетъ написана самымъ мѣлкимъ письмомъ для употребленія ихъ, и что въ ней они все то сыщутъ, что они сыскать стараются, и дѣйствительно далъ имъ ее предъ отъѣздомъ своимъ. Принесли ее въ Парижъ, въ Академію Наукъ. Но какъ Академіи Секретарь ее раскрылъ, увидѣлъ въ ней только одну бѣлую бумагу.

Переводилъ съ Французскаго А. С.

*

*

*

III.

ПРИТЧИ И РАЗНЫЯ СТИХО- ТВОРЕНІЯ.

ПРИТЧИ.

I.

ПОДЪЯЧЕСКАЯ ДОЧЬ.

НЕ ложно,
Чшо можно,
Себя по виду обманушь,
И шварью шварь почестъ инсю:
Случилось нынѣ шво со мною,
Не на прямой попалъ я путь.
Кокетку видѣвъ я, вѣ подъяческой бесѣдѣ,
У регистратора бывъ вѣ праздникѣ на сбѣдѣ.
Я самъ не вѣдаю, какъ я туда зашелъ,
А то еще чуднай, кокетку швущъ нашелъ;
Кокетствовать не вѣ домѣ,
Подъяческой породѣ:
И помнитса ни гдѣ шво вѣ указахъ нѣтъ,
Чтобѣ

Чепецъ имъ носить корнетъ :

Льзя имъ чепецъ носить, преухъ, а по приволью,

И шанку иногда соболью :

Къ уборамъ едакимъ приказныхъ женщинъ допъ :

И можно имъ носить кумачну пѣлогрѣю ,

Онѣ самыхъ пятъ по шью ;

А на епой корнетъ и флеровой салонѣ.

По благородному она всю рѣчь варила ,

Новоманерными словами говорила :

Казалось что въ ней была господска кровь ,

То фруксы у нее , что въ подлосни морковь.

Тутъ сидя не пила ни кислыхъ щей ни квасу ,

И спрашивала гдѣ промыслить ананасу.

Кавришки сахарной кусочки клала въ ротъ ,

И знала то что еще цуккербротъ.

По модѣ выиѣшней не къ стати все болтала ,

Не къ стати хажовала ,

Играть хотѣла и въ присетъ ,

Да проекъ иѣтъ :

Подьячѣя изъ картъ тѣ карты выбираютъ ,

Понеже ни въ присетъ ни въ ломбертѣ не играютъ.

Нахлебставшись нисцы о взяткахъ стали врать ,

И что де подлежитъ за трудъ и кожу драсть ,

Не только брать :

За то ругаютъ насъ , да епо намъ издѣвка :

При сихъ словахъ вздохнула дѣвка ,

Во всю дѣвичью мочь ,

И опошла зардѣвшись прочь.

Она подьяческая дочь :

Блаженной памяти ея родитель грѣшенъ ,

За взятки онѣ повѣшенѣ;
 До взятокъ былѣ охочѣ,
 И грабилѣ день и ночь.

Животѣ ево осмался весь на рынкѣ,
 Однако деньги всѣ осмался ей въ скрынкѣ.

* * *

II.

ПОБѢЖДЕННЫЙ НА КАРТИНѢ ЛЕВЪ.

Поставлена была въ лѣсу картина:

Не знаю какѣ;
 Но было такѣ.

На ней написана пресшрашная скопина:

Какая? Левѣ,
 Разинувѣ зѣвѣ;

Но горькою своей поверженѣ былѣ судбиной:

Убилѣ ево мужикѣ дубиной.

Мужикѣ зашедши въ лѣсѣ,
 Спалѣ сильный Геркулесѣ.

Повержена скопина,

Поверхѣ ея дѣтина;

Естественна картина.

Левѣ мимо шелѣ,

И побѣждена лѣва дѣтиною нашелѣ,

Сказалѣ: побѣдою ты хвасталѣ бы иною,

Когда бы въ истинну сразилѣ ты со мною.

* * *

III.

ГОРА ВЪ ГОРОДАХЪ.

У Жасная гора на сносахъ ужь была :
 Не басней басня па , историей слыла
 Не правильнымъ дѣла народъ аршиномъ мѣришь

Что хочешь то скажи ,
 Ни чѣмъ не докажи ,
 Всему народъ повѣришь :
 Не всякъ
 Дуракъ ;

Однако многія не видяшь ясно вракъ.

Обманщикъ вякай ,
 Безумецъ шакай ,
 Что хочешь то набрякай .
 Въ походъ
 Весь ломится народъ :

Уставилися всѣ смотрѣть шуда , откуда
 Изъ мащери ийти лежишь дорога чуда .
 Всѣ бредяшь : мучишься , кричишь , речешь гора :
 Родить перз .

Рабяша говоряшь : страшная шово не вѣдя ,
 Слона ,
 Или медѣдя ,
 Родить она .

А люди въ возрастѣ наполнены обманомъ ,
 Поздравить чаяли родильницу съ Титаномъ .
 Но что родилось бишь ?

Мышь .

* * *

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

И Д И Л Л І Я.

Уже весна природу украшаетъ,
 Пустивъ летать Зефры на луга:
 И взоръ и слухъ прияписигомъ упишетъ.
 Струи бѣгутъ играя въ берега.
 Отъ теплыхъ спирей полдневныхъ вѣтръ дыхая;
 Прелестный зреть по рщамъ вертоградъ.
 Дѣвы, въ лугахъ вездѣ благоухая,
 Сладчайшій льютъ въ весь воздухъ Ароматъ.
 Природа вся возобновилась нынѣ,
 Прошвыны дни сокрылись отъ нея;
 Не въ новой лишѣ, не въ новой я судьбинѣ:
 Всегда равна мнѣ злая жизнь моя.

Ч А С Ы.

Светенъ будешь,
 Ты человекъ;
 Естели забудешь,
 Краткой свой вѣкъ.
 Время проходишь,
 Время летишь,
 Время проводишь,
 Все что ни льстишь.
 Щестье, забава,
 Свѣдоссть коронъ,
 Пышность и слава,
 Все подько сонъ.

Какъ ударяетъ
Колоколъ часъ,
Онъ повноряетъ,
Звономъ, сей гласъ:
Смертный будь ниже
Въ жизни ны сей;
Спаль ны поближе
Къ смерти своей.

МОРЕ И ВѢЧНОСТЬ.

Впадете вскорѣ,
О Невскія струи! въ пространное вы море,
Пройдете на всегда,
Не возвратитесь изъ моря никогда;
Такъ наши къ вѣчности судьбина дни преволитъ,
И такъ опшолъ жизнь обратно не приходилъ

С Л А В А.

Воспоминай, о человекъ!

Что швой не дологъ вѣкъ.

Минется чеспь, богатство и забава,

Останется одна швая на свѣтѣ слава.

ГРѢШНИКЪ И ПЛУТЬ.

Когда, о человекъ! ты слабости подвластенъ

Твоя по часпъ:

Когда, о человекъ! бездѣльству ты причащенъ;

Твоя по власть:

Мы грѣшны все, и все природы одинакой,
Но илупѣ изб насѣ не всякой.

П О Ц А Л У И.

Аминтѣ и Сильвѣя на паствѣ жили.
Не зная лѣбви играть случилось имѣ мячемѣ.
О чемѣ?

Какую цѣбу положили?

За всякой поигрышь по поцалуу дати:

И сшали мячъ кидати.

Вѣ сердца, губами бравѣ, что выиграли клали:
Наполнились сердца и жарко запылали.
Что здѣлалѣ Купидонѣ то Гимонѣ увѣчалѣ,
И ихѣ игру другой игрою окончалѣ.

НЕДОСТАТОКЪ ИЗОБРАЖЕНІЯ.

Трудится тотѣ вообще,
Кто разумомѣ своимѣ лишь разумѣ заражаетѣ:
Не стихотворецѣ потѣ еще,
Кто только мысль изображаетѣ,
Холодну имѣя кровь;
Но стихотворецѣ тотѣ, кто сердце заражаетѣ,
И чувствіе изображаетѣ,
Горячую имѣя кровь.

Царица музѣ, любовь!

Парнасскимѣ жителемѣ назваться я не смѣю:
Я сладости твои почувствовать умѣю;
Но что я чувствую когда скажу солгу,
А точно вымолвишь обѣ этомѣ не могу.

НОВЫЯ ИЗОБРЕТЕНІЯ.

I.

Вскорѣ

Поправить плаванье удобно въ морѣ.
 Морскія камни, мѣль, въ водахъ переморить,
 Всѣ въшы кормщику подѣ область покорить;
 А ено хопь и чудно,
 Хотя не множко трудно;
 Но лъзя природу претворить;
 А ежели ни какъ не лъзя шово сварить;
 Довольно и шово чшо лъзя проговорить.

II.

Разбивѣ спаканѣ, точить куски, а по ошочкѣ,
 На всякомѣ шупѣ кусочкѣ,
 Поставишь азѣ;
 Такѣ будетѣ изѣ стекла алмазѣ.

III.

Скажу не ложно:
 Возможно,
 Такѣ дѣлать золото, изѣ молока, какѣ сырѣ
 И хитростью такой обогатишь весь мирѣ,
 Лишь только я при томѣ одно напоминаю:
 Какѣ дѣлать, я не знаю.

Е П И Г Р А М М А.

Весь городѣ я спрошу, спрошу и весь я дворѣ:
 Когда подѣячому въ казну исправно сѣ году,

Ско тысячей рублей збирается доходу;
Честной ли человекъ подьащй потъ, иль воръ?

А. С.

* * *

IV.

РАЗСУЖДЕНИЕ

О ВОЙНѢ

ЦИЦ. КН. I. О ДОЛЖНОСТЯХЪ.

Прѣнній два рода; одно словесное, другое ручное: хотя первое человеку больше свойственно, а послѣднее звѣрямъ: однако гдѣ не успѣваемъ первымъ, тамъ къ послѣднему прибѣгнуть должно. Войну начинать должно для того одного, чтобъ безъ обиды жить въ покоѣ: а по одержаніи побѣды тѣхъ сохранять надлежитъ, которые во время брани не безчеловѣчно и незвѣрски поступали. Такъ предки наши
Туску-

Тускуланцовъ, Еквовъ, Волсковъ, Сабинянъ, Герниковъ и въ число гражданъ приняли : а Карѳагенъ и Нумантію до основанія разорили. Желалъ бы я, чтобъ они съ Коринѳомъ не шаковымъ же образомъ поступили : но думаю, что они къ тому нѣкоторыми причинами были побуждены, а паче всего выгодыи мѣста, чтобъ впредь къ начашію войны самое мѣсто жителей не угаривало. О мирѣ, по моему мнѣнію, всегда старанься должно, но былъ бы только онъ безъ всякаго ухищренія : въ чемъ ежели бы меня послушали вельможи наши ; то бы мы и по сіе время республику имѣли, пусть несовершенную, по крайней мѣрѣ какую нибудь, а теперь ни какой не имѣемъ. Какъ низложенныхъ силою щадѣть должно, такъ принимать надлежитъ шѣхъ, которые положи оружіе, добровольно подъпокровительство Полководца прибѣгающъ, хотя бы уже и спѣсны отъ удара шараномъ тряслися. Въ чемъ наши Полководцы справедливость толь свято наблюдали, что завоеванные города или страны въ свое покровительство принимали, и были имъ благодѣтелями слѣдуя обыкновенію издревле принятому. Войны справедливость въ

Римскомъ Фетіалскомъ правѣ довольно свяно описана : откуду видѣшь можно, что только та война справедлива, которая или послѣ предложенія требованій начинается, или съ предвѣдущимъ неприятеля увѣдомленіемъ объявляется. Въ нѣкоторой области Полководецъ Помпилій былъ начальникомъ : въ полкахъ котораго Капоновъ сынъ служилъ молодымъ солдатомъ. Когда разсудилось ему одинъ легионъ опустити, то опустилъ въ немъ и Капонова сына. Но какъ сей по склонности къ военной службѣ при войскѣ оставался, то Капонъ писалъ къ Помпилію, чтобъ, ежели дозволитъ онъ сыну его при войскѣ остаться, велѣлъ онаго обязать вновь присягою : представляя что оной разрѣшився отъ первой, не имѣетъ больше права сражаться съ неприятелемъ : толикая строгость наблюдаема была въ началіи войны. И нынѣ еще есть письмо старика Капона къ сыну его Марку, бывшему въ то время въ походѣ Македонскомъ противъ Персея, въ которомъ пишетъ, что услышалъ онъ объ отпускѣ данномъ ему отъ Консула. Для того увѣщаетъ, чтобъ не вступалъ въ сраженіе, напоминая, что тому, кто не воинъ, сражаться съ неприятелемъ право

право не дозволяетъ. Я и то здѣ примѣчаю, что мы называемъ именемъ *hostis* того, котораго собственное нарицаніе есть *perduellis*, умягчая кротостію слова суровость вещи. Ибо *hostis* у предковъ нашихъ знаменовало чужестранца, какъ то изъ двенадесяти скрижалей видно. *Aut statutus dies cum hoste*, то есть или означенный день съ пришельцемъ. *Adversus hostem aeterna auctoritas*, то есть, гражданинъ въ разсужденіи пришельца ни когда своего права не теряетъ. Можетъ ли что сего быть снисходительнѣе, какъ того, съ которымъ войну имѣешь толь кропкимъ называть именемъ? Хопя то и сіе наименование отъ древности спало уже нѣскольکو сурово: ибо уже оно отъ чужестранца со всѣмъ опошло, и оспалось собственно на наносителѣ оружія. Когда же споръ идетъ о власти, и когда оружіемъ ищемъ одной славы, то и таковыя брани необходимо должны основаны бытъ на тѣхъ же справедливыхъ причинахъ, которыя я показалъ выше. Но устремленное оружіе за государственную славу не должно имѣть весьма жестокаго дѣйствія. Напримѣръ: Тягаемся съ своимъ согражданиномъ инако, ежели онъ намъ врагъ, инако, ежели въ одномъ

дѣлѣ совмѣстникѣ : съ епимѣ спорѣ о преимуществѣ , а съ тѣмѣ о жизни и чести. Такѣ война была съ Келтиверами и Кимврами, какѣ съ неприятелями, кому оспашься въ живыхѣ , а не кому владѣть : а съ Лапинами, Сабинами, Самнипьянами, Карѣагенянами и съ Пирромѣ война происходила о власти. Карѣагеняне вѣроломны, Аннибалѣ безчеловѣченѣ , проче народы справедливе. Отѣ Пирра мы о возвращеніи нашихѣ плѣнниковѣ и слѣдующій прехвальной отвѣтъ получили. „Не требую отѣ васѣ злата и награды. Намѣ не корчем-„спвующимѣ войною , но воинствую-„щимѣ , желѣзомѣ , а не златомѣ разо-„бращься должно. Вамѣ ли господспвую-„щее щастіе или мнѣ предопредѣлило „владычество , то испытаетѣ храбро-„стію. Въ прочемѣ вѣдайте, что я ща-„жу тѣхѣ вольность , которыхѣ муже-„ство и само щастіе войны пощадѣло. „Дарую, ведите, даю, когда такѣ и вели-„кимѣ богамѣ угодно „ Царскія во истин-„ну слова и достойныя Еаковыхѣ по-„помковѣ. Такѣ же ежели кто особен-„но , будучи принужденѣ обстоятель-„ствомѣ времени, непріятелю что обѣ-„щаетѣ , то и въ томѣ вѣрность сохра-„нить должно : какѣ то въ первую
Пуни-

Пуническую войну поступилъ полоненной Карфагенянами Регуль, которой подъ клятвою, что возвратится, посланъ былъ въ Римъ для размѣны полоненниковъ: куда онъ какъ скоро пришелъ, то первой въ Сенатѣ далъ свое мнѣніе, чтобъ не дѣлать размѣны: по томъ не взирая на прозбу и удерживаніе ближнихъ и приятелей лучше желалъ возвратиться на мученіе, нежели солгать неприятелю въ данномъ обязательствѣ. А во впорую Пуническую войну послѣ Канскаго сраженія десять полонениковъ Римскихъ, которыхъ Аннибалъ, обязавъ присягою, чтобъ обратно въ спанъ возвратились, отправилъ въ Римъ для испрошенія размѣны, Ценсоры наши за нарушеніе присяги по смерти ихъ въ подушной окладъ записали; не выключая и того, которой коварною присягою виновенъ явился. Ибо онъ по дозволенію Аннибалову вышедъ изъ стана, паки въ оной воротился, будто что позабылъ. И такъ вышедъ вторично думалъ, что отъ присяги разрѣшился, и было разрѣшеніе отъ словъ, но не отъ вещи. А въ договорѣ всегда на мысли, а не на слова однѣ смотрѣть должно. Предки наши великой примѣръ справедливости къ неприятелю намъ оставили.

Когда пришедшій отъ Пирра перемешчикъ общалъ Сенату Царя своего ядомъ опоить и умертвить, то Сенатъ и Кайъ Фабрикій къ Пирру онаго отослали. И такъ не порадовались погибели и неприятеля, и при томъ сильнаго и безъ всякой обиды войну нанесшаго, когда то было незаконное дѣло.

Перевелъ съ Латинскаго Аеанасій Лобисѣвичъ.

V.

Е К Л О Г И.

I.

К Л И М Е Н А.

Не отпускала мать Климену прочь отъ стада,
 Климена животу была тогда не рада:
 Пусси меня, пусси, она просила мать,
 На половиину дня по рощамъ погулять
 Лишь выпросилася, къ любезному послала,
 И чтобъ увидѣлся онъ съ нею прикакала,
 Въ дубровѣ за рѣкой, гдѣ съ нею онъ бывалъ,

И

И много отъ нея пріяшства получалъ,
 Въ пріяшномъ мѣстѣ помѣ, гдѣ ея спалъ онъ
 плѣненъ,
 И гдѣ ей клялся бытъ до смерти непремѣненъ,
 Въ помѣ мѣстѣ гдѣ ее онъ часно обнималъ,
 И гдѣ онъ въ первый разъ ее подаловалъ.
 Пошелъ: душа ево давно того желала.
 Какая мысль ево къ Клименѣ провождала!
 Играло все тогда въ Дамоновыхъ глазахъ,
 Прекраснай и цвѣты казались на лугахъ,
 Журчащія струи быстрѣе протекали,
 Въ свирѣли пастухи согласнѣе играли:
 Казалася сочней и зеленой трава,
 Прямые деревья и мягче мурава:
 Здѣсь слышишь пастуха кланущаго измѣну,
 Тамъ жесткость, тамо гнѣвъ, а онъ свою
 Климену,
 Всегда въ своихъ стихахъ безъ жалобы поетъ,
 А жалуясь вину на злой случай кладетъ,
 Хопя когда часы ему и докучаютъ;
 Климена невинна: случаи разлучаютъ:
 И мысля, что ея прекраснай въ свѣтѣ нѣтъ,
 Любви ево мнитъ онъ, завидуетъ весь свѣтъ,
 И помнитъ веселясь, чѣмъ сердцемъ онъ вла-
 дѣетъ:
 Что надобно другимъ, то онъ уже имѣетъ
 Пришелъ, на мѣсто то, и ждеитъ своей драгой.
 Приди подъ тѣнь деревьевъ, въ березникъ сей густой,
 Вдыхая говоритъ, и будто какъ не вѣритъ,
 И правда кажется въ любви лицемѣришь;
 Однако

Однако чувствуетъ съ надеждою тоску ,
 Гуляя по лужкамъ въ любезномъ семъ дѣску.
 О пропки , говоритъ , которы мнѣ столь милы ,
 Бы будише всегда отъ нынѣ мнѣ постылы ,
 Когда не буду зрѣшь въ сей день любезной въ васъ !
 Ему за цѣлый вѣкъ казался епотъ часъ.
 Сучокъ ли оторветъ вътрѣ или вътку пронетъ ,
 Иль съ берегу камушекъ въ рѣчныхъ струяхъ по-
 токъмъ ,

Или послышишся чево хотя и нѣтъ ,
 Ему казалось , что то она идетъ ,
 Сто разъ къ ея пуши очами обращался ,
 И съ неперпѣнѣемъ Климены дожидался.
 Въ послѣдокъ упомянутъ сошелъ къ водамъ на брегъ ,
 И ждучи въ муравахъ покоить духъ свой легъ.
 Заснулъ ; но всякую минуту просыпался ;
 И въ сладкомъ снѣ ему приходъ ея казался.
 Вдругъ слышишь легкой шумъ : обрадовавшись
 мнѣмъ ,

Конечно то она уже теперь шумитъ.
 Взглянулъ , она въ глазахъ ; какая радость стала !
 Душа Дамонова , душа вострепетала ;
 Однако онъ свое присутствіе таитъ ,
 И притворяется тупъ лежа будто спитъ.
 Любовница , ево по роцѣ возглашаетъ ,
 И съ гнѣвомъ отъ любви досаду пеняетъ :
 Безумна я коль такъ , что я сюда пришла ;
 Но вдругъ на муравъ лежащаго нашла ,
 Тодкаетъ , вспань Дамонъ , проснись мой свѣтъ
 проснись ,
 Кля-

Климена предъ побой , проснись и не крушися :
 И спала сядцаго присѣдши цаловашь ;
 Чшожь чувствовалъ Дамонъ ? онъ можетъ по
сказашь.

Она притворный сонъ отъ глазъ ево отгнала ,
 И съ мягкихъ сихъ муравъ съ возлюбленнымъ
воспала ,

А онъ ея обнявъ , что долго не видалъ ,
 Какую ведъ съ ней рѣчь опъ радости не зналъ ;
 Въ любовничьихъ устахъ бываетъ рѣчь смѣшена ,
 Но лучше всѣхъ витійствъ хопя не украшена .
 Пошелъ Дамонъ гулять съ возлюбленной своей ,
 И цаловался онъ на всякой пропкѣ съ ней .

Она по дняхъ , что съ нимъ шакъ долго не ви-
далась ,

Отъ алча зрѣть ево жесточе разгаралась ,
 И что толь много дней часа сего ждала ,
 Во изступленіи прерадостномъ была .
 Толь сладкихъ никогда словъ Нимфы не слыжали ,
 Которы въ сихъ мѣстахъ прекрасныхъ обитали ,
 И Echo знающе любви пастуховъ ,
 Не повторяло шумъ толь нѣжныхъ прежде словъ .
 Какъ птички на кустахъ любовь свою испѣвали ,
 Любовникамъ къ любви желанья придавали .

Какъ въ сихъ мѣстахъ Зефиръ вкругъ цвѣтовъ
леталъ ,

И въ терніи свою прекрасну обнималъ ,
 Которая къ нему листки свои склоняла ,
 И колебаяся вѣтръ мягкій цаловала ,
 Любовникъ дѣйствию Зефира подражалъ ,

Какъ

Какъ розу сей, онъ такъ Климену обнималъ:
И долго шумѣ побывъ, какъ время пробѣжало,
Жалѣли, что еще часовъ имъ было мало.

* * *

II.

Д О Р И С Ъ.

Красавицы своей оставъ паспухъ, въ разлукѣ,
Дилъ слезы и спеня во вѣхъ мѣстахъ былъ въ сукѣ,
Вездѣ ее искалъ, ни гдѣ не находилъ,
И нѣкогда въ шокѣ безъ пользы говорилъ:
О роици! о луга! о холмики высоки!
Долины красныхъ мѣспѣ! и быспрыя потоки!
Жилдце прежне возлюбленной моей!
Мѣста гдѣ много разъ бывалъ я купно съ ней!
Гдѣ кроенся теперь прекрасная, скажите,
И чѣмъ нибудь ее обратно привлекише!
Ольстите духѣ ея, ольстите милый взоръ,
Умножь журчаніе вода бѣгуща съ горъ,
Младья дрегеса вы ошраси пускайте,
Душисныя цѣбшы долины покрывайте,
Земля сладчайшя плоды произрости!
Или ничто се не можетъ причести?
Приди назадъ прили драгая! возвратися,
Хоть на не многи дни со сталомъ отпросися!
Не сказывай, что я въ пелачи здѣвъ живу;
Скажи что здѣшній лугъ сочней даепъ траву,
Скажи, что здѣсь струи свѣжые протекаютъ,
И волки никогда оведъ не похищаютъ.

Мы будемъ весело здѣсь время провождать,
 Ты станешь пѣсни пѣть, а я въ свирѣль играю,
 Тѣ пѣсни, кои намъ обѣимъ очень вянши,
 Я знаю, что они еще тебѣ приятны;
 Я въ нихъ тебѣ мое вздыханіе являю,
 И нѣжную любовь спократно возглашалъ:
 Услышишь множество ты пѣсенъ, вновь, разлу-
 чныхъ,
 Которы я слагалъ во времена дней скучныхъ,
 Въ которыя тебя я больше не видалъ,
 И плачучи по всѣмъ тебѣ мѣстамъ искалъ,
 Гдѣ часто мы часы съ тобой препровождали,
 Когда съ забавою минуты пролетали.
 Пещеры, тѣнь древесъ, въ печальной сей странѣ,
 И пропки, гдѣ бывалъ съ тобою, милы миѣ.
 О время! о часы! куда отъ грусти дѣться?
 Приди дражайшая, и дай миѣ наглядѣться!
 Миѣ день, кратчайшій день, спалъ нынѣ скуч-
 ный годъ:
 Не можно обрѣсти такихъ холодныхъ водъ,
 Которыбъ жаркій духъ хоть мало охладилъ,
 Ни травъ, которы бы отъ рабы излѣчили.
 Твоя любезна тѣнь не на единый часъ,
 Не можетъ отступить отъ омраченныхъ глазъ.
 Когда краснѣются въ дали высоки горы,
 Воспокомъ въ небеса прекрасныя Авроры,
 И златозарный къ намъ приходилъ паки день,
 Снимая съ небеси густу nocturnую тѣнь,
 День въ пасство, я въ шоску, все упрю воз-
 дыхаю,
 И въ

И въ жалостну свирѣль , не помню , что играю .
 Наступитъ полдень жаркѣ , послѣдуешь тру-
 дамъ

Отдохновенный часъ пасущимъ и стадамъ ,
 Пастушки , паспухи , покоятся прохладно ,
 А я смущаяся крушуся безотрадно .

Садится дневное свѣшило за лѣса ,
 Или уже луна восходитъ въ небеса ,
 Товарищи мои любовницѣ лобызаютъ ,
 И сгнавъ своихъ овецъ въ покоѣ пребываютъ ;

А я или грущу вздыхаю губя ,
 Иль просыпаюся зря въ шонкомѣ снѣ себя ,
 А пробудившись себя не обрѣшаю ,

И лишъ едину тѣбѣ руками я хватаю .
 Драгая , иль тебѣ меня уже не жаль ?

Коль жаль , приди ко мнѣ , скончай мою печаль !

Коликобъ щастья мнѣ ты Дорисѣ приключила !

Какіябъ слезы ты изъ глазъ моихъ пустила !

Тѣ слезы , что изъ глазъ въ послѣднiя текутъ ,
 И по лицу ключемъ сладчайшихъ водъ бѣгутъ .

Какъ птицамъ радостна Весна , и всей природѣ ,

И Нимфамъ красный день по дождевой погодѣ ,

Такъ веселъ былъ бы мнѣ желаемый сей часъ ,

Въ который бѣ я тебя увидѣлъ въ первый разъ .

Не знаешь Дорисѣ ты , колико вздохомъ трачу ,

И что я по тебѣ безперестанно плачу .

О вѣтры ! что могли на небеса вознестъ ,

Къ Венерѣ тающей печальную шу вѣсть ,

Что на земли ея сокровище дражайше ,

Адонисъ , съ кѣмъ она во время пресладчайше ,

Имѣла

Имѣла множество ушѣхъ средь темныхъ роуцъ ,
 Незащитимъ бѣдствіемъ , позналъ прощину ноцъ !
 Когда вы спанете по мѣсто прелетали ,
 Гдѣ Дорисъ безъ меня сужденна обшпани ;
 Остановитесь , вдыхните въ уши ей ,
 Хоть часть къ извѣстію сея тоски моей :
 Скажите , что по ней и духъ и сердце спонестъ .
 Мой свѣтъ : когда шебѣ власы гвѣрѣ легкой шро-
 нешъ ,
 А ты почувствуешь смятеніе въ себѣ ,
 Такъ знай , что вѣстникъ то , что плачу по шебѣ .
 Когда ты чувствуешь еще любовныя раны ,
 Упопроби , что еси , прошеніе , обманы ,
 Чтобъ , только лишь могло меня съ тобой свести ;
 Уже не спало силъ мнѣ грусти сей нести .
 И ежели узрятъ мои шебя овечки
 Опляшъ на берегу любезныя твоей рѣчки ,
 Гдѣ я дражайшая съ тобою часно былъ ,
 И гдѣ при вечерѣ любовь шебѣ открылъ ,
 Я мню , что и они узря шебя изыграютъ ,
 Мнѣ кажется шебя всѣ вещи зрѣшь желаютъ ,
 И естли я шебя къ себѣ не праздно жду ,
 Скончай мой свѣтъ , скончай скорай мою бѣду !

А. С.

VI.

Р Ъ Ч Ъ LV

ИЗЪ ВТОРЫЯ ЧАСТИ СМОТРИТЕЛЯ.

Ни въ чемъ люди столь много не обманываются, какъ въ ревности къ вѣрѣ. Толико страстей кроются подъ сею личиною, и толикихъ золъ она источникъ, что многія ужъ по говорятъ, что надобно бы было желать для благополучія рода человѣческаго, чтобы она не была включена въ число Христіянскихъ добродѣтелей. Извѣстно, что одинъ разъ можетъ быть она похвальна и благоразуміемъ препровождаема, но сто разъ увидишь ее незаконну и въ заблужденіи. Не лзя тому инако и бытъ для того, что она дѣйствуетъ съ равнымъ стремленіемъ во всякихъ вѣраxъ, какъ бы они противны одна другой ни были, и во всѣхъ участныхъ отъ каждой вѣры разныхъ исповѣдываніяхъ.

Нѣкоторыя рабины намъ говорятъ, что первое учинившееся въ свѣтѣ смертоубивство произошло отъ распри въ вѣ-

вѣрѣ. Какъ бы то ни было, однако естли бы мы всю Исторію дѣль отъ ревности къ вѣрѣ произшедшихъ имѣли, отъ временъ Каина до нашихъ дней, такъ бы мы увидѣли ее наполненну подобными Трагическими явленіями, подобными смертоубивствани и кровопролитіями, что человекъ здоровое разсужденіе имущій всячески бы оберегался отъ основаній такова свойства, а особливо когда онъ только разбираетъ въ спорахъ о законахъ мнѣнія и содержанія.

Естли бы всякой ревнитель къ вѣрѣ изслѣдывалъ хорошенько свою совѣсть; я не сумнѣваюсь, чтобъ онъ не нашелъ часто, что то, что онъ называетъ ревностію къ своей вѣрѣ, ни что другое естъ какъ гордость, корысть и злость. Человекъ слѣдующій мнѣніямъ воспріятымъ, однако различнымъ отъ тѣхъ, которымъ другой слѣдуетъ, превозносится надъ нимъ въ своемъ собственномъ разужденіи, и думаетъ о себѣ, что онъ во многомъ ево искуснее. Сіе мнимое превосходство возбуждаетъ ево гордость, и воспаляетъ ево ревность. Однако нѣкопорыя изъ самыхъ большихъ ревнителей ко православію живутъ въ гораздо хорошей дружбѣ съ не воздержными и пороч-

ными людьми , для того только , что они единого Вѣры исповѣданія. Опѣ чего происходитъ сіе поведеніе ? ежели не отъ того , что невоздержный православный даетъ преимущество православному честному человѣку , признаваясь , что онъ ево въ благочестіи превосходитъ , и что онъ не можетъ самъ достигнуть до такой высокой степени совершенства , по сему такъ часто употребляемому слову , которое находимъ во мнѣніяхъ нравоученія , и гдѣ стихотворецъ заставляеши говорить Медею ; „вижу лучше , и худшему слѣдую ? - - - Video meliora , proboque , deteriora Sequor - - - -“

Овид : превращ : VII. 20

На конецъ извѣстно , что ежели бы наша къ вѣрѣ ревность была праведна и законна , такъ бы мы больше подвизались противъ человека худого житія нежели противъ Ерешика ; для того , что есть различныя обстоятельства , которыя могутъ того извинить предъ Всемогушимъ судіею мира , и нѣтъ ни какова , которое бы человека худого житія оправдать могло. Корысть не меньше приводитъ человека воспламеняться и утѣснять подъ шѣвную ревности. И для того то не видно столько лю-

людей пылающихъ къ восстановленію богочитанія оружіемъ и огнемъ , какъ пѣхъ , которыя пѣмъ корыстуются. Но я дамъ слову корысть больше проспрансива, нежели оно ево обыкновенно имѣеть : я ево упопроблю къ тому , что касается до духовнаго и временнаго. Человѣку нравится, когда онъ видитъ , что число ево сообщниковъ умножается, и что они ему помогаютъ укрѣпляться въ ево мнѣніяхъ. Всякой новоприпавшій въ Вѣру есть новое доказательство утверждающее ево Вѣру. Онъ заключаетъ изъ того , что его мнѣнія доказательны , и столько лучше основаны , сколько много онъ находитъ ихъ согласными съ разсужденіемъ другихъ какъ и съ своимъ. Вы видите , что Апейсты стараются размножать свои безбожныя ученія съ жаромъ такимъ же, какъ и самой рачительной православной показываетъ свою ревность къ славѣ Божіей: убѣдительное доказательство, что весьма слабо тщеславятся ревностію , и что корысть имѣеть въ томъ не малое участіе.

Не меньше опасаться должно и злости кроющейся подъ видомъ ревности. Многія честныя люди могутъ въ сердцѣ своемъ имѣть нѣкоторую злость , которую они усыпили , и почти со всѣмъ

задушили основаніями Вѣры; но естли она найдеть къ оказанію себя какой нибудь видъ, кѣторой они почтутъ непримивнымъ должностямъ Хриспїянина; такъ она не полагаеть себя больше границъ; и всякому предаеться излишествоу. И такъ ревность къ Вѣрѣ даеть великую помощь злобному челѣвѣку; кѣторой думая угодить Богу, ищетъ только удовольствовать свой жестокѣй и отпмснительной нравъ. Отъ того происходитъ, что большая часть бывшихъ въ свѣтѣ кровопролитій должны своимъ началомъ сей мнимой ревности исполненной яростію и бѣшенствомъ.

Мнѣ приятно видѣть челѣвѣка ревностно къ умноженію добрыхъ нравовъ, и къ приращенію общей пользы рода челѣвѣческаго: но когда онъ употребляетъ колеса и висѣлицы, каторги и темницы; заключаетъ тѣхъ, кѣторыхъ ему понравится называть Еретиками; описываетъ ихъ имѣнія; разоряетъ ихъ дома, и осуждаетъ ихъ сжигать, чтобъ души ихъ спасти, тогда я не могу удержаться, чтобъ не сказать велигласно, какое бы онъ хорошее мнѣніе о своей Вѣрѣ и благочестии ни имѣлъ, что одна тщетна, а другое негодно, или паче безчелѣвчно.

Говоривъ о непрямыхъ почишателяхъ благочестія исполненныхъ ревностію къ Вѣрѣ, долженъ я обратишь очи на нѣкоторой родъ чудовищей, о которыхъ не можно бы было и думать, что они въ естествѣ существуютъ, ежели бы не видно было ково изъ нихъ во всѣхъ почти бесѣдахъ, то есть на ревнителей безбожія. Можно бы было помыслить, что сіи великія Философы хотя въ разсужденіи всево другога гораздо меньше шѣхъ, которыя исповѣдуютъ какую нибудь Вѣру, ихъ превосходятъ по крайней мѣрѣ въ томъ, что они не имѣютъ той слабости, которая кажется долженствуетъ своимъ началомъ одному только желанію, чтобъ угодить Богу; однако то подлинно, что они стараются утвердить безбожное свое ученіе съ толикимъ стремленіемъ и раченіемъ, съ толикою яростію и бѣшенствомъ, будто бы спасеніе рода человѣческаго отъ того зависѣло. Есть нѣчто такое смѣшное и превратное въ семъ родѣ ревнителей, что не можно знать, какимъ образомъ за то и принятыя, чтобъ ихъ изобразить естествененно. Они подобны тому роду игроковъ, которыя беспокоются и бранятся беспрестанно, хотя и на ни

что играютъ. Они помятъ друзей своихъ, чтобъ ихъ на свою сторону склонить, хотя сами знаютъ, что не будетъ выигрыша ни тому ни другому. Однимъ словомъ ревность къ распространенію безбожія есть еще больше, нежели безбожіе само.

Когда теперь говорится о сей непонятной ревности, которая видна въ безбожникахъ и невѣрныхъ, такъ я скажу при томъ, что они подвержены весьма чрезвычайнымъ образомъ духу суевѣрія: хотя предварены мнѣніями спранными и противорѣчущими; однако малѣйшее затрудненіе въ единомъ Вѣры членѣ довольно для нихъ, чтобъ его откинуть: Они называютъ заблужденіями и застарѣлыми мнѣніями, тѣ мысли согласующіяся съ общимъ разумомъ всего рода человѣческаго, которыя принимаемы были во всѣхъ вѣкахъ, и всѣми народами, не поминая о естественномъ къ оному склоненію для полученія блаженства въ обществѣ гражданскомъ и въ участномъ жиизни, и вводятъ на мѣсто того мнѣнія со всѣмъ чудовищныя и безразсудныя, которыхъ ни какъ не можно принять безъ величайшаго легкомыслія. Положимъ будто собраны въ нѣкакой Символъ Вѣры всѣ

глав-

главныя члены Атеизма , какъ Вѣчное установленіе мира , вещество мыслящаго существа , смертность души , удачею въ соснавы приведенное наше тѣло , Движеніе и внутреннее сокровенное давленіе вещества , и другія симъ подобныя ученія поддерживаемыя самыми славнѣйшими Атеистами ; положимъ , говорю я , что бы кто учинилъ такой Символъ , и что бы кто такую принялъ Вѣру ; не требовало ли бы сіе гораздо пространнѣшаго извѣщенія такой Вѣры , нежели какое въ нашемъ Христіанскомъ исповѣданіи пребуется ? Пускай самой искуснѣйшій въ ихъ исповѣданіи на то мнѣ отвѣтствуетъ , и что бы мнѣ въ то же время позволено было увѣщевать сихъ великихъ спорщиковъ вѣка , чтобъ они поступали для ихъ собственной пользы и для народной , образомъ по крайней мѣрѣ такимъ , которой бы лучше сходствовалъ съ ихъ основаніями , а не горбли бы ревностію къ безвѣрію , и не были бы суетвѣрными толико успремительно къ совершенному прилѣпляясь вздору.

Переводилъ съ Французскаго перевода И. Д.

VII.

ЕЛЕГІИ.

I.

Чего ты мнѣ еще зло время не послало!
И гдѣ ты столько мукъ, и грустей собирадо!
Судьба за что ты мнѣ даешь такую часть?
Куда ни обращусь, вездѣ, вездѣ напасть.
Бывалъ ли кто когда въ такой несносной мукѣ,
И столько беспокойствъ имѣлъ ли кто въ разлукѣ?
Опасности, и страхъ, препястствія, бѣды,
Терзали шомный духъ всѣ вдругъ безъ череды,
И въ обстоятельства меня низвергнувъ злая,
Отъяли наконецъ и очи дарагя.
О случай! о судьба! возможно ли снести!
Распаться съ пѣмъ кто милъ и не сказать прости!
Утѣхи! радости! въ кошорыхъ дни лежали,
Гдѣ дѣлись вы теперь? и что вы нынѣ спали?
О градъ! въ кошоромъ я благополученъ былъ,
Мѣста! кошорыя я прежде толь любилъ,
Вы кажеться теперь мнѣ пусты и немилы,
Неимущъ больше въ васъ приятны роци силы,
Долины, и рѣка текуща возлѣ горъ,
Привлечь мои глаза и усладить мой взоръ.
Какъ слышу что спруи журчатъ и воды льются,
Тогда печальный духъ и мысли всѣ мятутся.
Во изумленіи услыша водный шумъ;
Любезну привожу неволею на умъ,

Съ которою при сихъ водахъ знакомство стало,
 Гдѣ сердце много разѣ пресладко въздыхало,
 Гдѣ многжды мой духъ былъ ею возхищенъ,
 И плачу что уже драгихъ тѣхъ дней лишенъ.
 На что ни погляжу, я всемъ воспоминаю,
 Что ужъ любезной нѣпѣ, и слезы проливаю:
 Я индѣ съ нею былъ, въ иныхъ мѣстахъ видалъ,
 Въ иныхъ, не зря се, духъ мыслью услаждалъ,
 Въ который день не зрѣлъ вчерашнымъ упѣшался,
 И радостей своихъ назапиря дожидался.
 И такъ въ моемъ умѣ то время вобразилъ.
 Что нѣтъ во дни часа, чтобъ я ево забылъ:
 И нѣтъ убѣжища во всемъ пространномъ градѣ,
 Въ несносной горести, къ малѣйшей миѣ отрадѣ.

* *
 II.

Уже ушли отъ насъ играніе и смѣхи;
 Предай минующія забвенію ушѣхи!
 Дай власпъ свирѣпствовать жестокимъ временамъ,
 Воспоминаніе часоѣвъ веселыхъ намъ,
 Часоѣвъ; которыя тебѣй меня прельщали,
 И красотою твоей все чувства восхищали,
 Въ глубокой горести: сугубитѣ муки шѣ,
 Которы ты нашла въ несчастной красотѣ.
 Пусть будетѣ лишь моя душа обремененна,
 И жизнь на вѣчныя печали осужденна:
 Пусть буду только я крушиться въ сей любви;
 А ты въ спокойствіи и въ радостяхъ живи.
 О въ заблужденіи безумное желанье!

Когда

Когда скончается тѣхъ дней воспоминае ,
 И простудитъ твою пылающую кровь ;
 Гдѣ дѣнется тогда швоа ко миѣ любовь !
 Но что миѣ помощи что ты о миѣ вздыхаешь ,
 И дни прошедшія со плачемъ вспоминаешь !
 Въ претемномъ бѣдствіи какую мысль пріяшь !
 Чего несчастному въ смущеніи желать ?
 Миѣ кажешся какъ мы съ тобою разлучились ,
 Что всѣ противности на мя вооружились :
 И оно всѣхъ сторонѣ , спѣсненнѣй духъ шоя ,
 Случаи лютыя стремятся здѣсь на мя ,
 И множатъ сердца боль въ неисцѣлимой ранѣ :
 Такъ въпры шумныя на гордомъ океанѣ ,
 Ревущею полной въ корабль пресильно бьютъ ,
 И воду съ пѣной , злясь въ него изъ бездны льютъ .
 Терпи о сердце днесь болѣзнь неизцѣленну !
 Сноси моя душа судьбину непремѣнну !
 Теките изъ очей потоки горькихъ слезъ !
 Всѣ ваши радости сердцшый рокъ унесъ .
 Вздыхай о миѣ , вздыхай возлюбленная ныѣ ;
 Но ахъ ! покорствуя случаямъ и судьбиѣ ,
 Всегдашнюю тоску какъ можешь умѣрай ,
 И въ сокрушеніи надежды не теряй !
 Прешерпѣвай тоску , напастъ и время скучно ;
 Мы либо и опять жить будемъ неразлучно .
 Смагчись жестокой рокъ , спенанье сократи ,
 И взяшы радости несчастнымъ возвраши !

* * *

III.

Терпи моя душа , терпи различны муки ,
 Болѣзни , горести , тоску , напаси , скуки ,
 На всѣ прошивности отверзлось сердце днесь ,
 Хоть разумъ омраченъ и огорченъ духъ весь !
 Веселой мысли нѣтъ , всѣ радости сокрылись
 Всѣ злыя случаи на мя вооружились ,
 Великодушіе колеблется во мнѣ
 Къ которой ни возрю тоскуя сторонѣ ,
 Я помощи себѣ не вижу ни окопѣ ,
 Отъ всѣхъ сторонѣ бѣды , и нѣтъ надежды болѣ.
 И сонъ , дражайшій сонъ , страдающихъ покой ,
 Отъ глазъ моихъ бѣжитъ , гонимъ моей тоской.
 Дни красныя весны природу обновляютъ ,
 И очи жителей земныхъ увеселяютъ :
 Не веселятся тѣмъ мои глаза одни :
 Мнѣ всѣхъ временъ равны мучительныя дни.
 Пропивная судьба повсюду мной владаетъ ,
 И ядъ моей крови всю внутренну сѣдаетъ.
 На что ты кажешься жизнь въ радостяхъ крапка ,
 И долговременна кому не такъ сладка ?
 Когда великъ судьба терзаться неотложно ;
 Сноси печали духъ , сноси ихъ сколько можно !
 И естли ихъ уже ни что не отворишь ;
 Ошеживайся ! смерть ихъ вѣчно прекратишь.

* *
 IV. * *

Я чаялъ , что свои я узы разрѣшилъ ,
 И мыслилъ , что любовь я въ дружбу превѣнилъ ;
 Ужъ

Ужъ мысли нѣжныя меня не восхищали,
 Заразы глазъ драгихъ въ умѣ не пребывали.
 И скука и тоска изъ сердца вышли воиѣ.
 Я радостныя часы какъ сладкѣй помнилъ сонѣ,
 А дни, въ которыя разсѣлся я съ тобою,
 Драгая, почиталъ я спрашною мечною.
 Но только лишь сей взоръ что сердце мнѣ пронзалъ,
 Которы тѣмъ умѣхъ и грустей приключалъ,
 Въ глаза мои сверкнулъ; вся мысль моя смушилась,
 Жаръ въ кровь мою вступилъ, и спраснь возобно-
 вилась :
 Усилились твои присушшвенцы красы,
 Вообразились тѣ мѣста и тѣ часы,
 Которы тебя мнѣ въ очи представляли,
 И пламенный мой духъ и сердце прохладжали.
 Я чувствую опять твою, драгая власть :
 Хоть пламень былъ и скрытъ ; не исчеза
 страсть,
 И можетъ ли кому то вѣчно быть забвенно,
 Чѣмъ мысль наполненна, чѣмъ сердце напоено,
 Что столько радостей и грустей нанесетъ !
 Еще тебя люблю, еще люблю мой свѣтъ.
 Ещедь и ты меня, драгая не забыла ?
 Или толь нѣжная любовь уже простыла ?
 Твой зракъ, драгихъ шѣхъ мѣстѣ, гдѣ я съ тобой
 бывалъ,
 По возвращеніи моемъ, не посѣдалъ
 Какъ зрѣлась ты со мной огнемъ любви пылая !
 Воспомни, ахъ тѣ дни, вспомни драгая !

VIII.

П И С Ь М О.

АРТИЛЛЕРІИ КЪ Г. ПОЛКОВНИКУ
ПЕТРУ БОГДАНОВИЧУ ТЮТЧЕВУ.

Съ великимъ видѣвъ удовольствіемъ, въ какое состояніе нынѣ приведена Россійская Артиллерія, и съ какою исправностію и поспѣшностію въ оной дѣйствуется, умножилъ я свое удивленіе, что состоящія подъ Вашимъ управленіемъ люди съ такимъ же искусствомъ и въ Императорской Эксерциціи упражняются. Когда они мѣлко имѣли ружье, тогда казалось мнѣ, что они весь вѣкъ свой только тому одному обучались, и достигли до совершенства; а когда они за большее принялись оружіе, и бросать зачали громъ и молніи: тогда Невскія берега задрясли, воды востревожились, воздухъ восколебался, и земля вострепетала, а я вознесенный духомъ на Парнасѣ видѣлъ опшолъ въ испуленіи моемъ на облакахъ ПЕТРА ВЕЛИКАГО, украшенна Вѣнцемъ Славы, и за добродѣтели и милости къ отечеству

честву озаренна божественнымъ свѣтомъ,
и слышалъ его вѣщающа тако :

Я думалъ то всегда , и пвердо зналъ о томъ ,
Что силы , мной пвои , Россія ! совершашся ,
И всѣ пвои враги тобою устрашашся .

Бросаютъ молиѣи , бросаютъ Россы громъ ,
До нынѣ смертныя какова не метали .

О Россы , шаковы на свѣтѣ мной вы стали !

А. С.

Оглавленіе.

страни.

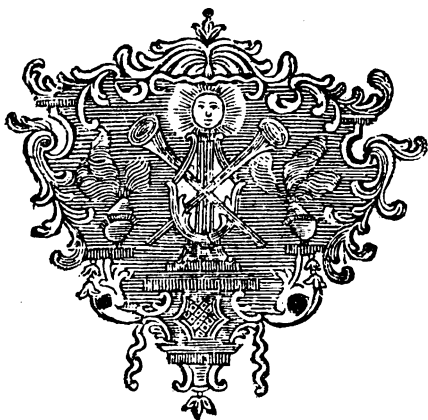
I.	Молитва и Псалмы.	-	-	-	451
II.	Пришествіе, на нашу землю, и пре- бываніе на ней, Микромегаса.	-	-	-	455
III.	Притчи и разныя Стихотворенія.	-	-	-	476
IV.	Разсужденіе о войнѣ.	-	-	-	484
V.	Еклоги.	-	-	-	490
VI.	рѣчь LV изъ второя части Смотри- теля	-	-	-	498
VII.	Елегіи.	-	-	-	506
VIII.	Письмо.	-	-	-	511

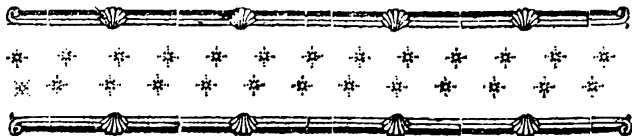
ТРУДОЛЮБИВАЯ
П Ч Е Л А.

Сентябрь 1759 года.

ВТОРЫМЪ ТИСНЕНИЕМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
при Императорской Академіи Наукъ
1780 года.

I.

П И С Ь М О

сочиненное

публиемъ овидіемъ насономъ.

ФИЛЛИДА ДИМОФОНТУ.

Угостившая тебя , Димофонтъ , Родопская швоя Филлида жалобу на тебя къ тебѣжѣ приноситъ , что ты къ уреченному времени сюда не возвратился. Ты со мною здѣлалъ договоръ , что когда рога Луны, исполнивъ четырежды ея кругъ , соединятся , то якорь швой будетъ уже лежать зарытъ въ песокъ на брегахъ нашихъ. Уже Луна четырежды скрылася , четырежды въ полный кругъ возрасла , а Сиѳонійскія воды не несуть еще Аѳинскихъ кораблей. Считай время , которое любящіяся считаютъ очень вѣрно , не дойдетъ до тебя сія моя жалоба прежде своего

времени. И надежда моя была сомнительна ; не скоро тому вѣримъ , что оскорбляетъ насъ , когда мы повѣримъ : а теперь противъ воли моей по любящей мнѣ вредитъ. Часто я сама себя обманывала въ пользу свою ; часто казалось мнѣ , будто бурные южные вѣтры на бѣлыхъ парусахъ тебя ко мнѣ гоняшъ. Проклинала я Оисея , думая , что онъ тебя отпустишь не хотѣлъ ; а онъ можетъ быть отъ пупи своего тебя и не удерживалъ. Иногда боялась я , что бы твой корабль , спѣша къ мѣлкимъ брегамъ Евра , сокрушенный въ сѣдыхъ водахъ не погрузился. Часто я съ колѣнопреклонениемъ за тебя , незаконный , просила Боговъ , и моливаю съ возженнымъ кадиломъ ихъ умилоствляла. Часто я видя способные вѣтры вѣющіе съ надлежащей страны неба сама себѣ говорила : Ежели онъ здравствуетъ , то конечно уже ѣдетъ. Однимъ словомъ искренняя любовь воображала мнѣ всѣ препятства , которыя могутъ спѣшащихъ остановить , и въ выдумываніи причинъ была я очень остроумна. А тебя долго уже нѣшъ , ни Боги , которыми ты клялся , тебя не возвращаютъ , ни любовь моя тебя не прогаешъ. Димеофонъ , вѣпрамъ и
слова

слова твои и парусы ты предалъ , и я скорблю , что парусы возвращенія , а слова лишаются вѣрности. Скажи мнѣ , что я здѣлала ? Развѣ не умно я тебя полюбила ? Такъ виною моею могла я въ тебѣ взаимную возбудить склонность. Одна моя вина та , что я тебя , незаконный , приняла : но сія вина отъ всѣхъ почитается благодѣяніемъ. Гдѣ теперь правосудіе , вѣрность и соединившаяся десница съ десницею , и часто упомянутый лживыми твоими устами Богъ ? Гдѣ теперь Именей , которымъ клялся ты , чтобъ совокупно со мною жить , который мнѣ повѣреннымъ и порукою брака былъ ? Моремъ , которое все вѣтрами и волнами воздвигается , которымъ ты часто ѣзжалъ , и которымъ опять намѣренъ былъ ѣхать , симъ моремъ и своимъ ты мнѣ клялся , развѣ и того ложно такъ называешь , который возмущенныя вѣтрами моря укрощаетъ , Дѣдомъ , Венерою , и жестоко меня уязвившимъ Купидоновымъ оружіемъ ; которое есть лукъ и свѣчи ; и Юноною , которая милостиво предсидитъ о драмъ сочетенныхъ бракомъ , и таинственными празднованіями свѣченосной Богини. Есть ли изъ столько оскорбленныхъ тобою

Боговъ всякъ отмщевать спанеть за призваніе имени ихъ всеу , то для казней себя единаго не будетъ довольно. А я въ бѣшенствѣ и разбитые корабли починила , чтобъ крѣпко было судно то , на которомъ бы ты поѣхавъ, меня оставилъ. Я тебѣ дала и гребцовъ, помощію бы которыхъ ты отъ меня ушелъ. Увы! я претерпѣваю раны моимъ же оружіемъ мнѣ нанесенныя. Повѣрила я ласкавымъ словамъ , которыми ты обиленъ , повѣрила роду своему и имени ; повѣрила слезамъ. Не уже ли и слезы притворспововать умѣюшь ? Такъ : и у нихъ есть хитрость , и они льются по повелѣнію. Больше всего повѣрила я Богамъ. На что мнѣ столько порукъ ? Меня можно было обмануть , употребивъ нѣкоторую часть только оныхъ. И не печалюсь я о томъ , что я тебѣ вспоможеніе дала приспанию и мѣспомъ ; довольно было отъ меня тебѣ сего благодѣянія : опомъ сожалью , что я къ угощенію присовокупила еще и бракъ , и здѣлалась тебѣ супругою. Лучше бы я желала , чтобъ та ночь , которая бракъ нашъ предварила , была мнѣ послѣднею ; когда еще могла Филлида свою жизнь окончать честно. Лучшаго я надѣялась , думая , что я по

заслужила; надежда раждающаяся отъ заслугъ справедлива. Не великихъ трудовъ слава обмануть дѣвицу, которая легко вѣритъ словамъ любезнаго; простота моя была достойна твоей признани. Я обманута твоими словами, будучи женщина и любовію къ тебѣ пылаючи: дайте Боги, что бы вся твоя похвала въ семь только одномъ состояла. Когда бы между Егеевыми потомками было пославлено и твое изображение на срединѣ Града! Сперва будешь спояшь отецъ великолѣпною почтенный надписью: въ ней читать будутъ о Скиронѣ, звѣрообразномъ Прокрустѣ, Синидѣ, и имѣвшемъ смѣшенную образъ мужа и быка, о побѣжденныхъ воіною Фивахъ, и разгнанныхъ двоякочленныхъ Кеншаврахъ, и о нисшествіи его во мрачное царство Чернаго Царя. Послѣ его подѣ твоимъ изображеніемъ пускай сію вырѣжутъ надпись: Сей есть тотъ, котораго хитроспійю обольщенна женщина угостившая и возлюбившая его. Изъ толикаго множества славныхъ и храбрыхъ дѣлъ твоего родителя вкоренилась въ умъ твоемъ только оставленная имъ Кристьянка. Въ чемъ одномъ онъ извиняется, тому ты въ немъ одному дивишься, невѣрный, и

опческаго обмана наслѣдникомъ себя показываешь. Но Кристьянка, я ей не завидую, наслаждается теперъ лучшимъ его мужемъ, и на высокой колесницѣ сидитъ везома обузанными пирами; а моего супружества убѣгаютъ презрѣнныя мною прежде Фракіяне, для того, что я чужестраннаго предпочла своимъ; и нѣкоторые изъ нихъ говорятъ: пускай уже она теперъ идетъ въ ученыя Аѳины, здѣсь сыщется другой, кто оруженосною, Фракіею будешь обладать. Однако конецъ похваляешь дѣло: дай Богъ, чтобъ тѣ не имѣли успѣха, которые изъ нечаянныхъ приключеній о дѣлахъ разсуждаютъ. А еслили наши швоими воспѣняются моря веслами, тогда скажутъ, что я и для себя и для своихъ умно здѣлала и хорошо. Но и не хорошо и не умно я здѣлала; и царство мое тебя къ себѣ не привлечетъ, и ушружденныхъ членовъ ты Вистонійскими не омоешь водами. Всегда глазамъ моимъ представляется швое лице, каково оно въ то время было, когда ты опправлялася въ путь, и когда уже корабли въ моей пристани къ отбѣзду были приуготовлены. Дерзнулъ ты меня тогда обнять, и бросившись на шею

любящей тебя, очень долго любовные
давать поцѣлуи, и со слезами твоими
наши смѣшивая слезы, и жаловаться,
что способный былъ парусамъ вътерѣ;
на конецъ отѣвзжая сіи мнѣ послѣднія
сказать слова: Филлида, ожидай сво-
его Димофоонта. Я буду ожидать то-
го, который покинулъ меня на вѣки?
Я буду ожидать тѣхъ парусовъ, кото-
рые на моряхъ моихъ ни когда не явля-
ются? Однако ожидаю: приходи къ лю-
бящей тебя обратно, хотя поздно, и
покажи, что ты противъ вѣрности
погрѣшилъ только однимъ временемъ.
Но о чемъ я несчастная тебя прошу?
Можетъ быть удержишься тебя дру-
гая уже супруга, и неприязненная
мнѣ любовь. И когда я изъ памяти у
тебя вышла, то думаю, что ты уже
и не знаешь Филлиды. Увы! ежели
ты спрашиваешь: что то за Филлида,
и откуда? Послушай, я та, которая
тебя, Димофоонтъ, въ долговременномъ
морскомъ путешествіи спранствовав-
шаго во Эракійскія впустила пристани
и угостила; которая имѣниемъ своимъ
тебѣ вспомошествовала; которая бо-
гатствомъ изобилуя въ своей нуждѣ
многіе тебѣ дары дала, и многіе дань
впредь была намѣрена; которая своей

власти подвергла обширное Ликургово царство , коимъ едва можетъ женское управляти имя , простирающимся отъ покрывшей льдомъ Родопы къ тѣнистому Ему, и гдѣ священный Евръ быспряя свои въ море изливаешъ воды ; которой дѣвство пы въ несчастливое нарушилъ время , и цѣломудрый поясъ измѣническою развязалъ рукою. Сваха Тисифона была тогда въ чертогахъ , и пыпынная пища пѣла въ ужасъ приводящія и злополучіе предвѣщающія пѣсни , присудствовала Алексона обвиняющую имѣя голову корошкыми змѣями , и видимы были глазамъ движущіяся на гробахъ свѣчи. Однако я прискорбна всхожу на высокіе камни , по заросшимъ хожу кустами , берегамъ , и сколь далеко простирается мое зрѣніе , смотрю въ море. И днемъ , когда солнце согреваетъ землю , и ночью , когда холодныя сіяютъ звѣзды , примѣчаю , которыми моря возвѣваются въпромъ. И еслили какіе изъ дали плывущіе увижу парусы , потъ часъ думаю , что то мои Боги. Выбѣгаю къ морю , и едва удерживаютъ меня волны , что бы не спала я на самомъ краю берега у первыхъ водъ морскихъ. Чѣмъ ближе они къ землѣ приходятъ , тѣмъ больше я

серд-

сердцемъ унываю. На послѣдокъ ошиба-
 ешь меня обморокъ , и падаю въ руки
 рабынь. Есть заливъ искривленный умѣ-
 ренно въ дугу , на концахъ котораго
 ужасные каменные утесы ; отсюда
 хопѣла я себя свергнуть въ протекаю-
 щія въ низу воды , и для того что ты
 невѣрности твоей не перемѣняешь ,
 низвергну. Пускай шѣло мое морскіе
 валы несутьъ ко брегамъ твоимъ , что
 бы твои глаза увидѣли меня непогре-
 бенную. Хопя ты жестокостію пре-
 восходишь желѣзо , діамантъ и самого
 себя , однако скажешь : не такъ было
 тебѣ , Филлида , надлежало слѣдовать
 за мною. Часто я жажду оправы ,
 часто думаю пронзить грудь свою ме-
 чемъ и кровавою погибнуть смертію.
 Приходитъ мнѣ въ мысль и шею свою
 за то , что невѣрные обнимали ее ру-
 ки , сомкнуть вервью. Приняла я твер-
 дое намѣреніе безвременною спыдѣ мла-
 дости моей наградить смертію , а на
 избраніе смерти не надобно будетъ
 долгаго времени. Напишущь на гробѣ
 моемъ твое имя какъ ненавистнаго при-
 чинителя моей смерти ; и будешь ты
 потомкамъ извѣстенъ сими или симъ по-
 добными стихами. Димофоонтъ умер-
 твилъ Филлиду , угощенный любящею ,
 онъ

онъ подалъ ей причину смерти , а на смерть употребила она собственную руку.

Перевелъ съ Латинскаго Г. К.

II.

ФИВЪ и ДАФНА.

Изъ первой книги Овидіевыхъ превращеній.

Первая Фивова любовь была Пинейская Дафна ; которую въ немъ зажегъ не случай нечаянный , но жестокой гнѣвъъ Купидоновъ. Дилійскій богъ , нѣкогда побѣдою змія возгордившійся , увидѣвъ Купидона натягивающа пепиву и напрягающа лукъ , сказалъ : на что тебѣ , сладострастный мальчикъ , храброе оружіе ? сіе украшеніе прилично моимъ раменамъ. Я могу не минувшими уязвлять звѣрей , могу неприятелей уязвлять ранами. Я недавно надменнаго и ядовитымъ чревомъ поликое пространство полей покрывающаго Пинеона безчисленными низложилъ стрѣлами. А ты будь доволенъ тѣмъ , что твоею свѣчою можешь не вѣдомо ка-

какую возжигашь любовь , и похвалы , копорая мнѣ прилична , себѣ не приписывай. На сіе сынъ Венеринъ ему такъ отвѣшествовалъ : пускай швой лукъ , Фивѣ , всѣхъ поражаетъ , а мой тебя. И сколько всѣ звѣри тебѣ уступаютъ , столько слава твоя моей меньше. Сіе сказавъ , воспрепешалъ крыльями , и разсѣкая воздухъ со щаніемъ , спалъ на пѣнистой вершинѣ Парнаской ; и вынялъ изъ спрѣлоного колчана двѣ спрѣлы различнаго рода. Одна изъ нихъ прогоняетъ , а другая раждаетъ любовь. Та , копорая раждаетъ , позлащенна , и блиспаетъ острымъ копейцомъ , а копорая прогоняетъ , тупа , и подъ тростію имѣетъ свинецъ. Послѣднею спрѣлилъ Богъ на Пинейскую Нимфу , а первую поразилъ Аполлоновы кости , и въ оныхъ мозгъ. Вдругъ сей началъ любить , а ша и отъ имени любящаго опвращается , и подражая безбрачной Фивовой сеспрѣ ходитъ по густымъ лѣсамъ , за единое увеселеніе почитая дикихъ ловитъ звѣрей. Волосы у нее не были ни когда убраны , однако связаны повязкою. Многіе желали ее имѣть себѣ женою ; однако она гнушалася всѣми , и не терпя за мужемъ

быть,

бытъ , и не познавъ ни когда мужа ,
 по непроходимымъ бѣгаетъ дубровамъ ,
 и не печется о томъ , что бы ей знать ,
 что есть Именей , что любовь , и что
 бракъ . Часто ей отецъ говорилъ : ты
 мнѣ дочь моя должна зятемъ ; часто
 ей отецъ говорилъ : ты мнѣ дочь моя
 должна внуками . Но она ненавидя
 брачныхъ свѣтъ , какъ нѣкоего безза-
 конія , слыша сіи слова , на прекра-
 сныхъ своихъ устахъ незапно выспутив-
 шій являла румянецъ , и обнявъ отече-
 скую шею ласкавыми руками просила
 его такъ : Дай мнѣ , дражайшій мой
 родитель , вѣчнымъ наслаждайся дѣв-
 ствомъ , и Діанѣ прежде меня отецъ
 ея поже дозволилъ . И хотя онъ на
 прошеніе свое склонился , однако своя
 красота запрещаетъ тебѣ тѣмъ бытъ ,
 чѣмъ ты желаешь , и желанію своему
 прелестный твой видъ пропивится .
 Фивъ любитъ , и увидѣвъ Дафну , же-
 лаетъ бракомъ съ нею сочетаться , а
 чего онъ желаетъ , то и получить на-
 дѣется ; въ чемъ онаго обманываютъ и
 собственные его отвѣты . И какъ су-
 хая солома по снятіи съ нее колосовъ
 горитъ , или какъ загороды изъ хворо-
 сту пылаютъ отъ свѣчей , которыя
 прохожіе иногда ненарочно очень близ-
ко

ко ихъ несуть , или уже на разсвѣтѣ
 подвѣ оныя бросають , такъ Богъ весь
 пламенемъ сталъ обвѣять , такъ всѣмъ
 сердцемъ горитъ , и неплодную любовь
 пишаетъ надеждою. Смотритъ на не-
 убранные висящiе на шеѣ волосы , и
 говоритъ : что бы было , если ли бы
 они были убраны ? Видитъ огнемъ бли-
 спающiе двумъ звѣздамъ подобныя очи ,
 видитъ маленькiя уста , на которыя
 не можно довольно взглядыся : хва-
 литъ пальцы , руки , плечи , и до
 половины обнаженные локти , и вообра-
 жаетъ въ мысляхъ своихъ гораздо луч-
 шимъ все то , что отъ глазъ его скры-
 то. Но она отъ него бѣжитъ скорѣе
 быспрыхъ въпровъ , и не останавли-
 вается ни сими назадъ ее отзываютъ
 щими рѣчьми. Нимфа , прошу , Пинеева
 дочь , постой : не неприятель за то-
 бою гонится. Нимфа , постой. Такъ
 агнецъ бѣжитъ отъ волка , такъ лань
 отъ льва , такъ отъ орла препенуци-
 ми летятъ крыльями голуби. Однако
 они всѣ бѣгутъ отъ своихъ неприятел-
 лей : а мнѣ за тобою слѣдовать ве-
 литъ любовь. Ахъ , берегись , чтобъ
 не упала , и нѣжныхъ своихъ ногъ не
 поколола тернiемъ , я боля себѣ сего
 буду причиною. Мѣста шѣ , куда бѣ-
жишь,

жишь , не равны ; пожалуй бѣги
пише , и уменьши скорости въ бѣгѣ
швоемъ ; по и я спану пише за по-
бою гнашься. Однако испытай и увѣ-
дай прежде , кому ты мила. Я не жи-
лецъ сихъ горъ , я не пастухъ ; не
хожу я здѣсь ни за быками ни за ов-
цами. Не знаешь , безрассудная , не
знаешь , отъ кого бѣжишь , и для
того ты бѣжишь отъ меня. Миѣ
Делфійская страна , и Кларъ , и Те-
недъ , и Папарейская служить область.
Юпитеръ мой отецъ , чрезъ меня все
что будетъ , было и есть , извѣстно ,
чрезъ меня пѣние со струнами согласу-
еть. Стрѣла моя мѣшка , однако есть
одна и моей мѣщѣе , которая неповин-
ную мою грудь поразила язвою. Вра-
чебная наука есть мое изобрѣшеніе ,
и спасительнымъ меня весь свѣтъ на-
рицаеть : всѣ правы и силы ихъ въ
моей власти. Увы ! что любовь ни-
какими правами неизлѣчима ; и что
искусство мое , пользующее всѣхъ ,
самого меня не пользуется. Больше бы
онъ еще говорилъ , но Пинеева дочь
устрашеннымъ бѣгомъ его оставила , а
съ нимъ и слова его не совершенныя.
И тогда показалась приятною. Тѣло
ея открывали вѣпры , и пропивающу-
юся

юся имъ одежду возвѣвали; нерасчесанные волосы по зади парящъ; и бѣгомъ умножается краса. Младшій богъ не можешъ уже болѣе шerpѣть, чшобъ ласкапельства его напрасно пропадали, и возбуждающей его любви, усугубивъ силы, за нею въ слѣдъ бѣжишь. Какъ когда Галскій пещъ на чистомъ полѣ увидитъ зайца; и сей ногами спасенія себѣ ищешъ, а шощъ добычи. Одинъ изъ нихъ подобный хощащему впиться думаетъ, что онъ уже держишь, и прощянувъ шею, заднихъ лапъ чущъ чущъ зубами не захватываетъ. Другой самъ не знаетъ, пойманъ ли онъ, и вырывается изъ самой пасти, и зубы уже его касающіеся оставляетъ. То было тогда съ богомъ и дѣвицею. Одного изъ нихъ надежда дѣлала скорымъ, а другую страхъ. Однако шощъ, который гонится, вспомошествоемъ крыльями любви, скорѣе, и не даетъ себѣ покоя; и бѣгущую уже догоняетъ и по шеѣ распрепанные вздуваетъ волосы. Дафна лишенная силъ поблѣднѣла, и трудомъ скоропостижнаго бѣга утомленная, взираетъ на Пинеевы воды и говоритъ: подай мнѣ, опиче, помощь; естли вы, рѣки, не напрасно нарицаешесь богами. Лице, коню-

☪

рымъ

рымъ я безмѣрно понравилась , пускай или земля поглотитъ , или образъ сей приносящій мнѣ вредъ , превращеніемъ пускай уничтожится. Лишь только сію молитву окончила , потѣ часъ всѣ члены начали мерзвѣть : нѣжную грудь покрыла тонкая кора ; изъ волосы выросли вѣшви , изъ раменъ сучья , ноги недавно толь скорыя , пустивъ изъ себя корни , водрузились въ землю : изъ успѣ и изъ лица здѣлался верхъ дерева. Единая красота осталась и въ превращенной. Фивъ ее еще любя , приложивъ ко пню правую руку , чувствовалъ какъ сердце препетало подъ корою : и обнявъ своими руками вѣшви , не иначе какъ члены , цѣловалъ дерево , но отвращалось отъ поцѣлуевъ его и дерево ; тогда къ ней богъ шакъ молвилъ : когда ты супругою моею быть не можешь , то будешь конечно моимъ деревомъ. Ты у меня всегда будешь на волосахъ , на гусяхъ и на нашемъ , Лаврѣ , колчяѣ , ты будешь при Полководцахъ Римскихъ тогда , когда радостнымъ гласомъ воспѣвать будутъ : Тріумфъ , и когда долгой торжественной ходъ проспираться будетъ даже до Капитоліи. Ты предъ дверьми у Августовъ вмѣсто вѣрнѣйшаго стоять будешь

будешь стража имѣя посреди себя дубѣ.
И какъ на юношеской моей главѣ воло-
сы не осприжены, такъ и ты будь
всегда почтенна неувядающею зеленью.
Окончилъ рѣчь свою Пеанъ, а Лавръ
недавно произрощія вѣтви склонилъ,
и поколебалъ свой верхъ подобно какъ
голову.

Переведъ съ Латинскаго Г. К.

III.

ЕЛЕГІИ

I.

Престаньте вы глаза дражайшею прельщаться;
Уже приходитъ часъ мнѣ съ нею разставаться.
Готовьшесь шеперь горчайши слезы лить.

Драгія мысли васъ мнѣ должно премѣнить;
Приходитъ вашъ конецъ въ несчастливой судь-
бинѣ:

Мнѣ тяжко будешь все, о чемъ ни мыслю нынѣ,
Какъ буду разлученъ, на чію тогда взгляну,
Я всею тебя я всею драгая вспомяну,
Все будешь предо мной тебя изображати,

И горести, мои всечасно умножатся.
 Увы сурова честь велишь сказать прости!
 О время! о часы? Возможноль то снести!
 Весь полонъ ею духъ, я стражду неистъльно,
 Всѣмъ чувствіемъ люблю и мучуся смертельно.
 О гнѣвная судьба, иль вынь изъ сердца страсть,
 Или ее оставь и дай иную часть!
 О бесполезный гласъ! О тщетное желанье!
 О краткая любовь и вѣчное степенанье!
 Нѣтъ помощи нигдѣ, приближица не знашь,
 На слезы осужденъ и вѣчно воздыхашъ.
 На что я ни взгляну печальными глазами,
 Все жалко предо мной, и все грозитъ слезами,
 Противъ желанія твердятся тѣ часы,
 Въ которыя она вѣрала мнѣ красы,
 Когда свою любовь вздыхая утверждала,
 И нѣжно утмаясь безсчетно цаловала,
 И къ будущей поскѣ, когда преидетъ сей сонъ,
 Мнѣ нѣкогда еще умножила мой стонъ:
 Когда ты, мнѣ сказавъ разстанешься со мною,
 И будешь полоненъ любезною иною,
 Я буду по тебѣ всегда грустити степеня,
 А ты ее любя не вспомнишь про меня,
 И для ради ея противъ мя все исполнишь,
 Съ презорспвомъ говоря, когда меня вспомнишь.
 Презорспво ли еѣ умѣ! инья ли любви!
 Ты въ памяти моей, гдѣ, свѣтъ мой, ни живи.
 Не плачь о томъ не плачь, чтобъ былъ иною
 плѣненъ,
 Вздыхай, что нѣтъ съ тобой! не буду я премѣненъ:
 Вздыхай,

Вздыхай, что мы съ тобой лишилися ушѣхъ,
И въ слезы обращенъ съ играніемъ нашъ смѣхъ,
Вздыхай лишася думъ, въ котсырхъ упражнялись,
И тѣхъ дражайшихъ дней въ котсыры мы ви-
дались!

Пускай судьбина мнѣ что хочетъ приключитъ.
Мя только смерть одна съ тобою разлучитъ.
Грущу : пускай умру , увянувъ въ лучшемъ
цвѣтѣ;

Коль нѣтъ тебя , ни что не надобно на свѣтѣ.
Во что драгая ты , во что меня ввела !
На что ты , ахъ ! меня , на что въ свой плѣнъ
брала ?

Когда бы я не сталъ тебѣ , мой свѣтъ , угоденъ,
Я бѣ жилъ въ спокойствіи и былъ всегда
свободенъ ;

А днесь не буденъ въ вѣкѣ минуты мнѣ такой ,
Въ которую бѣ я могъ почувствовать покой.
Недѣстная любовь ! мученіе презлое !

Любвишая на насъ ! оспальте насъ въ покоѣ !

О гнѣвная судьба ! немилосердый рокъ !

Ахъ ! дайте отдохнуть и предложите срокъ !

Отчаянье , тоска , и несшерпимо время .

Оспаньте днесь ошъ насъ хотя на мало время !

Хоть на не многи дни , престаньте мучить насъ !

Еще довольно ихъ оспанется для васъ .

Недѣсанье не грози , разлукою такъ строго ;

Любовникамъ одна минута спонтъ много .

Мѣсна свидѣтели вздыханій , ахъ ! моихъ ,

Жидище красоты, гдѣ свѣтъ очей драгихъ,
Пишалъ мой алчный взоръ, гдѣ не было печали,
И дни спокойныя въ весельи пролетали!

Мнѣ вашихъ красныхъ роць, долинь прирѣч-
ныхъ горъ,

Во вѣки не забыть. Куда ни вскину взоръ,
Какъ Ехо вопіетъ во гласъ самомъ слезномъ,
По роцамъ о своемъ Нарциссѣ предлюбезномъ,
Такъ спранствуя и я въ пустыняхъ и горахъ,
Не видя ни чего приятнаго въ глазахъ,
Когда я васъ лищаюсь свѣсеннымъ духомъ вспомню,
Противную страну степеніемъ наполню.

Брега журчащихъ струй гдѣ склонность я приалъ,
Гдѣ въ самый первый разъ ее поцаловалъ!

Вы будете всякъ часъ въ умѣ моемъ твердиться,
И въ мысляхъ съ цюкомъ слезъ всегда чрезъ го-
родъ лищься.

Лишаюсь милыхъ губъ и поцалуевъ ихъ,
И ахъ! лишаюсь я всѣхъ ушѣхъ моихъ,
Лишаюсь увы! всево единымъ словомъ.

Покроется ль земля своимъ ночью покровомъ,
Иль солнце жаркѣй лучъ на небо вознесетъ,
Мнѣ все повердишь одно что ужъ любезной нѣтъ,
Мѣста и времена мнѣ будутъ премѣняшся,
Но съ нею ужъ ни гдѣ мнѣ больше не выдашся:
Забава будетъ вся вздыханіе и стонъ:

И сколько разъ она отниметъ сладкѣй сонъ,
Какъ узрю по во лжи что въправдѣ мнѣ бывало.
Проснусь и воспеню, что то уже пропало
Пропсти страна и градъ гдѣ а шакъ щастливъ былъ,

И мѣсто гдѣ ее незнаю полюбилъ,
 Простите берега гдѣ тайности открылись,
 И вы прошедши дни, въ комнаты мы любилсь.
 А ты любезная мя такъ же не забудь,
 И въ вѣрности своей подобна мнѣ пребудь!
 Воспоминай союзъ всегда хранимый нами?
 Какъ взглянешь на мѣста омытыя слезами,
 Въ которыхъ я тебя узрю въ послѣдній разъ,
 Гдѣ ты упустишь мя на многи дни изъ глазъ,
 Вздохи воспоминаувъ какъ мы съ тобой про-
 цуались,
 Съ какой болѣзнію другъ съ другомъ разставались.
 И къ услажденію сей горести моей,
 Пусти, пусти хотя двѣ слезки изъ очей!
 И естли буду милъ тебѣ и по разлукѣ;
 Такъ помни что и я въ такой же спражду мукѣ,
 Помоществуй и ты мнѣ время по неси!
 Прости дражайшая, въ послѣдніе прости.

* * *

II.

Другимъ печальный стихъ рождаетъ стихот-
 ворство,
 Когда переходивъ мысль восторгнута въ прет-
 ворство,
 А мнѣ стиги родивъ случай не должно злой,
 Отвѣта отъ меня свобода и покой.
 Въ сей злой, въ сей злѣйшій часъ любовь, мой
 духъ, превоживъ,
 И вѣкѣй люшый гибевъ се смяшене множивъ.

Лечу изъ мысли въ мысль , бѣгу изъ страсти
 въ страсть ,

Природа надъ умомъ приемлетъ полную власть ;

Но тщетенъ весь мой гнѣвъ , ково я ненавижу !

Она не виновна въ томъ что я ее не вижу .

Сержусь что нѣтъ въ глазахъ ; но кто виновенъ
 тѣмъ !

Причина днесъ случай въ несчастіи моемъ .

Напрасно на нее рождается досада ,

Она бы всякой часъ со мной быть купно рада .

Сержусь , и думаю почто не избежитъ

Къ тому удобна дня , а ей въ томъ воли нѣтъ .

Но какъ во многихъ дняхъ , не сыщеть дня та-
 кова ,

Сулитъ увидиться , сулитъ не держитъ слова ,

А я въ обманѣ семъ мученіе терплю :

Сержусь , но гнѣвомъ тѣмъ лишь нуще я люблю .

Не лзя престать любить ; я ею ужъ уврениъ ,

Что мнѣ она вѣрна ; и я быть долженъ вѣренъ .

Я вѣренъ ; ахъ ! но что имѣю изъ того !

Я днесъ отъ безпокойствъ , терпѣнья моего ,

Лишенный всѣхъ забавъ ни чѣмъ не улаждаюсь :

Съ утра до вечера въ вздыханьи упражняюсь .

Въ отчаяньи , въ тоскѣ , терпя мою бѣду ,

Съ утра до вечера покойной ночи жду .

Хожу таская грусть чрезъ горы , доли , рощи ,

И съ неперѣннѣемъ желаю темной ночи :

Брожу по берегамъ и прохожу лѣса :

Нечувстввенна земля , не видны небеса ;

Повсюду предо мной моѣй любезной очи :

Одна она въ умѣ. Дождавшись тихой ночи,
 Хочу сомкнуть глаза, и проводить часы
 Въ забвеніи и снѣ; но ахъ! ея красы
 И сомкнуты глаза сквозь вѣки проницаютъ,
 И мя среди ночи съ постели подбимаютъ:
 Проснувшись ловлю ея пустую шѣнь,
 И осязая вракъ, желаю чтобъ былъ день.
 Лишаясь сладка сна, и моля слезами,
 Что видѣлъ, ни чего не вижу предъ глазами.
 О мысль! о тяжка мысль, бродяща по всему,
 Найди убѣжище и ахъ! пристань къ чему!
 О страсть! о люта страсть! погибни иль
 умалься!

О сердце отдохни на часъ и не печалься!
 Бѣгу безъ памяти, вездѣ ее ищу,
 Бѣгу во всѣ страны, во всѣхъ странахъ грущу.
 Озаюсь, и стану полнъ лютейшаго досады;
 Но только вспомяну ея пріяныя взгляды,
 Въ минушу я когда ярюсь, какъ лютый Левъ,
 Въ нѣжнѣйшую любовь переходитъ пущій гнѣвъ.
 Ты въ вѣрности ко мнѣ въ умѣ моемъ лепещъ,
 Какъ таю я тобой, ты мной взаимно ташъ.
 Но естли гнѣвъ мой правъ, увы! когда то такъ;
 Моя любезнѣйша мнѣ стала злѣйшій врагъ.
 Какое слѣдствіе, мы нѣжности имѣемъ!
 Ты ахъ! злодѣйка мнѣ, мнѣ бытъ твоимъ
 злодѣемъ.

Злодѣйствуй, только я не буду твой злодѣй:
 Ты будешь навсегда жить въ памяти моей.

Хоть и не хочешь ужь меня ты больше видѣть,
 Но мнѣ тебя не лъзя, мой свѣщъ, возненавидѣшь,
 Не лъзя преспать любишь, хотя бы я хощѣлъ;
 Великое число приятствъ твоихъ имѣлъ:

Изъ коихъ хоть одно на умъ когда приходишь,
 Опять меня въ любовь и въ прежнюю мысль
 приводишь.

Отъ лютыя поски скрываюсь отъ людей,
 Но скрившися еще спрадаю больше въ ней,
 Когда печальныхъ думъ ни кто не разрушаетъ,
 И зрака пвоево отъ глазъ не отимаешь.
 Во множествѣ людей, въ весельяхъ межъ красотъ,
 Когда часы летятъ, мнѣ часъ, не часъ, но годъ;
 Дупчайша красота очей не притягаетъ,
 И хочешя уйши ни что мя не прельщаетъ.
 О дни! какихъ я дней до нынѣ не имѣлъ!
 Отъ васъ днесь гибнешъ жизнь и духъ мой весь
 омѣлъ.

Часы, коцорыя въ ушѣхахъ пролетали,
 Вы зѣлали мнѣ скорбь и вѣчной мукой спали!
 Мой духъ воспламени и вся пылаешь кровь:
 Несчастливъ человекъ, кто чувствуешь любовь.

* * *

III.

Ты только для того любовь уничтожаешь,
 Что не вкусишь ее въ ней сладости не знаешь.
 Престань употреблять во зло свою ты власть!
 Вкуси любезная, вкуси любовну еярасть!
 Коль сердце дадеко отъ сердца пребываетъ:

Учши-

Учтивый твой приемъ меня не услаждаетъ ;
 Сей даръ побой мнѣ не къ облегченью данъ ;
 Но къ расправленію неизлѣчимыхъ раиъ .
 Когда бы отъ тебя я слышалъ гордо слово ,
 Или бы на меня взирала ты сурово ;
 Тогда бѣ меня сей огонь не такъ свирѣпо жогъ ;
 Я бѣ духу томному подаши помощь могъ ;
 А видя отъ тебя пріятства непрестанно ,
 Я чувствую всегда мученье несказанно .
 Хочу и силюся свободу воспріять ,
 Сшаряюсь красотою другою плѣннымъ спастъ ,
 И думаю, когда твое толь сердце строга ,
 Что есть и безъ тебя красотѣ на свѣтѣ много ;
 Но весь разумокъ сей пребудетъ суетой :
 Я плѣненъ на всегда твоею красотою .
 Въ нее лишь мысль моя едину устремилась ,
 И думается мнѣ, что ты одна родилась ,
 Котора можетъ мысль мою къ себѣ привлечь ,
 Пышеть мои глаза , и кровь мою зажечь .
 Нѣтъ жаждоси въ тебѣ ; за все мое исканье ;
 За все почтѣнїе , ты зря мое желанье ,
 И зная подлинно какую скорбь шерплю ,
 Не хочешь и внимаешь , что я тебя люблю .
 Поступокъ таковой ни мало бѣ не былъ дивенъ ,
 Когда бы я позналъ что я тебѣ противенъ ,
 Но знаю что тебѣ со мной пріятно бытъ ,
 Стараешься со мной всѣхъ больше говорить ,
 Всѣхъ больше отъ тебя пріятства получаю ,
 Гдѣ бѣ я съ тобой ни былъ , вездѣ твой взоръ
встрѣчаю .

Къ

Къ чему жѣ мнѣ то? или пѣмѣ хочешъ умертвить?
 Ахъ! сей ли склонность плодѣ должна произра-
 стить?

Сего ли ради я съ побою опознался,
 Что бѣ я тобой прельщенѣ скорай съ душой раз-
 стался?

А естли не умру отѣ муки своя ;
 Къ чему останется печальна жизнь моя?
 Коль жить и мучиться; такѣ ето смерти зде,
 А паче мучася отѣ той кшо всѣхѣ миле.
 Внемли возлюбленна сѣю прискорбну рѣчь,
 И дай, какѣ я твой взорѣ привлекѣ и духѣ при-
 влечь!

Сними то бремя ты, которо ты взложила,
 И сердце исцѣли которо ты пронзила!
 Хотя ты не винна, что я тобой прельщенѣ:
 Пусть мой безѣ швоея духѣ воли возмущенѣ;
 Но принимаючи съ привѣтствіемѣ покорство,
 И зная, что мой жарѣ любовь а не притворство,
 Или съ забавой зришѣ разрушивѣ мой покой,
 Что, какѣ предѣ варваромѣ, я спсражду предѣ
 тобой?

Однимѣ мучителямѣ забава та природна:
 Другихѣ погибель имѣ, лишь имѣ однимѣ угодна;
 Однако и они не всякаго губятѣ,
 Губятѣ лишь тѣхѣ однихѣ колоры согрубятѣ.
 Не видя отѣ меня ни лести ни обмановѣ,
 Иль хочетѣ превзойти свирѣпствомѣ и ширановѣ?
 Оставь мнѣ дерзку рѣчь и вѣ злобу не вмѣни,
 И нестерпимую любовь мою вини:

Не я, но жаръ ея суровость извергаетъ,
 Вся кровь буннуется умъ страсти уступаетъ.
 Разсудокъ мой погибъ, перивъше прошло,
 И огорченіе пущь дерзости нашло.
 Дражайшая! на что ты мнѣ любезна стала?
 На что жестокая ты ласку мнѣ казала?
 Попщитесь мысли спросить хоть мало обуздать
 Принудите томный духъ въ шерпнѣии страдашь!
 Вы очи, иль на мя вы иѣжно не глядите,
 Иль сердце даратой съ собою согласите!
 Я часъ въ который я увидѣлъ васъ клянусь.
 Оставь дражайшая, оставь мою вину!
 И за преступокъ мой яви мнѣ вмѣсто казни,
 Хотя малѣйшій знакъ сердечныя приязни!
 Чтѣю я себя люблю, повѣрь мой свѣпнѣ повѣрь!
 Почувствуй ону спрось что я шерплю теперь!
 Ты мучила меня уже и такъ не мало:
 Иль сердце въ вѣкъ швое на мя ожесточало?
 Свободу потерялъ, надежды днесь не знашь:
 Я въ горести своей не знаю что зачатъ.
 Что здѣлалъ я тебѣ? доколь спрадашь, доколь?
 Терзай меня, когда въ швоей живу я волѣ?
 Насытсья зрѣнїемъ мученья моего,
 Ищи погибели и смерти ты шово,
 Кто, чрезъ твою къ себѣ неизреченну злобу,
 Въ потъ часъ, въ потъ страшный часъ, когда
 влечешся къ гробу,
 Когда кончается сей жизни суета,
 И вѣчности предъ нимъ растворенны врата,
 Когда ужасный рокъ шоску ево сугубишь,

Послѣ сообщаю я ему тѣ сочиненія, которыя ко мнѣ какъ къ Смотрителю присылаютъ, и выдамъ я на свѣтѣ по своему требованію письмо, которое онѣ весьма хвалили. Вотъ оно:

ГОСПОДИНЪ СМОТРИТЕЛЬ!

Увеселяя городъ насмѣшесивомъ надъ деревнею почти цѣлой мѣсяцъ, по справедливости должно, чтобъ по деревня городу отсмѣяла. Съ того времени какъ васъ съ нами нѣтъ, красавицы со всѣмъ изшались. Ихъ юбки, которыя пучиться и разширяться начали предъ вашимъ отѣздомъ, дѣлаютъ теперь преужасную окружность, которая день отъ дня увеличивается: однимъ словомъ, съ того времени какъ наши дамы не спали бытъ подъ вашимъ надсмотрѣніемъ, нѣтъ средства ихъ удержатъ ни въ какихъ предѣлахъ. Вы хвалили прѣстолу ихъ головныхъ уборовъ нѣсколько ранѣе, нежели надлежало; по крайней мѣрѣ, какъ вредительная мокрота въ больномъ часто выгоняется изъ одного мѣста въ другое, такъ излишность ихъ украшеній, вмѣсто того чтобъ быть со всѣмъ искорененной, кажется перешла только отъ головы къ нижнимъ частямъ; они приобрѣли въ широтѣ то, что въ высотѣ

поше-

потеряли и противъ всѣхъ правилъ Архитектуры расширяють основаніе , а верхъ уменьшаютъ. Ежели бы они такъ какъ Испанскія лошади дѣлались опѣ въпру беременными , такъ бы они ни когда не могли изобрѣсть лучшей выдумки. Однако ни кто насъ по сіе время не увѣдомилъ о особливой надобности сихъ фишбейныхъ юбокъ , ниже о томъ , что они въ себѣ нѣчто другое заключаютъ , кромѣ самыхъ узкихъ вещей ; такъ что мы въ великомъ затрудненіи постичь намѣреніе , ради чего они дѣлаются.

Дамы утверждаютъ , защищая сіи юбки , что они легки , и способны въ жаркое время ; но сіе есть только видъ одинъ ихъ выправки и обманъ : ибо весь свѣтъ знаетъ , что нѣсколько уже годовъ не имѣли мы жаровъ поль умѣренныхъ , какія въ нынѣшнемъ лѣтѣ , и такъ жаръ , на которой они жалуются , не отъ воздуха происходитъ. Не все еще тушъ : я бы охотно спросилъ сихъ такъ нѣжныхъ дамъ , для чего имъ прохлажденіе больше надобно , нежели маперямъ ихъ оно надобно было.

Многія разсмотрительныя особы думаютъ , что съ нѣкотораго времени нашъ полъ сдѣлался весьма смѣлымъ , и
что

чно сіи киповыми обручами обложенныя юбки введены въ употребленіе для шово, чтобъ насъ не близко къ себѣ допускать. Сіе подлинно, что женская чеспъ не можетъ быть лучше ограждена какъ симъ числомъ обручей, на нѣкоторое разстояние одинъ отъ другава положенныхъ, среди шоль великаго множества разныхъ наружныхъ укрѣпленій и окопныхъ линий. Такимъ образомъ одѣтая киповыми костями дама безопасна отъ приступовъ нахала, которой бы лучше спалъ любовь свою въ чану объявлять, по примѣру Рыцаря Георгія Эпередга, нежели среди шоль многихъ обручей.

Есть такія суевѣрныя люди, которыя почитаютъ сію обложенную обручами юбку нѣкоторымъ чудомъ. Нѣкоторыя думаютъ, что она предвѣщаетъ паденіе Короля Французскаго, утверждаясь на томъ, что подвязныя женскія подушки проявились въ Англии, немного прежде разоренія Монзрхія Гиспанской. Иныя воображаютъ что она предсказываетъ войны и кровопролитія, и что она такое же вредное вдохновеніе имѣетъ какъ хвостъ кометы. Что касается до меня, такъ я весьма склоненъ вѣрить, что она намъ предвѣщаетъ

У

етъ

есть умноженіе въ свѣтѣ людей , а не умаленіе.

Увидѣвъ въ первой разѣ нѣкоторую даму въ такой юбкѣ , не могъ я удержаться , чтобъ ее внутренно не похулишь за то , что она опиваживалась ходишь по улицамъ въ такое время , когда она на сносахъ была ; но скоро вышелъ я изъ своего заблужденія , когда всѣ прочія новомодныя дамы показались мнѣ столько же беременны какъ она. По большей части думають люди , что нѣкоторыя хитрыя женщины осѣтили другихъ въ свои обручи , чтобъ ихъ здѣлать участницами своего собственного стыда , которой они скрывать хотѣли , и чтобъ симъ средствомъ избѣжать нареканія народнаго , по примѣру тѣхъ хитрыхъ полководцевъ , которыя склоняють иногда по двѣ или по три дюжины своихъ друзей одѣваться въ такое же платье какъ они , чтобъ не однимъ имъ подверженнымъ быть особливымъ нападеніямъ неприятеля. Распухлая юбка опровергаетъ всѣ различности людей , равняетъ мать съ дочерью , дѣвицъ , степенныхъ женщинъ , замужныхъ женъ и вдовъ.

Между тѣмъ крайне я соболѣзную , видя многихъ неповинныхъ дѣвушекъ хоро-

хорошаго стану такъ раздушыхъ , что они идучи на силу переваливаются , какъ будто брюхатыя .

Ежели бы сія мода заразила простыхъ бабъ , такъ бы способа почти не было по улицамъ ходить ; и такъ ужъ есть многія большія церкви , которыя весьма пѣсны спановятся ; и еслии сей новой обычай распространится далѣе , то должно опасаться , чтобы многія изъ нашихъ ремесленницъ не принуждены были ийти искать себѣ мѣстъ въ предѣлахъ . Съ другой стороны , ежели бы мужчины вознегодовавъ на сію шалость женщинъ , вздумали носить широкія на китовыхъ костяхъ здѣланныя шпаны , такъ бы мужъ и жена заняли цѣлую лавку .

Вы знаете , государь мой , что Александръ великій , во время похода въ Индію , приказалъ зарыть въ землю различныя оружія , которыя очень велики были для воиновъ ево , чтобы дать пошомкамъ высокія мысли о своей особѣ , и имъ вперись , что онъ Гигантами повелѣвалъ . Ежели бы какая изъ нашихъ новомолныхъ юбокъ повѣшена была въ какомъ нибудь хранилищѣ любопытныхъ вещей , и тамъ бы по прошествіи нѣсколькихъ колѣнъ найдена

дена была , такъ я не сомнѣваюсь , чтобъ она не ввергла въ тоже заблужденіе тѣхъ , которыя послѣ насъ будутъ , по крайней мѣрѣ ежели только они не забудутъ почтенія къ своимъ прабабкамъ , и не подумаютъ , что они дѣлали себя чудовищами , чѣобы приятныя были.

Когда я разсматриваю сей новаго завода фонарь , и озираю ево со всѣхъ сторонъ , то топчасть вспомню древняго того мудреца , которой пробѣжавъ храмъ въ Египтѣ , и искавъ идола , которому тамъ кланялись , нашелъ на послѣдокъ маленькую черную обезьяну , поставленную среди сего пространныго зданія и вскричалъ къ великому соблазну поклоняшелей ; *возможно ли сіе , чтобъ такое великолѣпное зданіе служило жилищемъ такому смѣшному жителю.*

Аопя вы и восприяли намѣреніе въ одной вашей рѣчи не касаться до описанія уборовъ , однако я себѣ льщу , что при такомъ чрезвычайномъ случаѣ вы не почтете прекраснаго пола , недостойнымъ вашихъ попеченій , и что вы приѣдете какъ возможно поскорѣе извлечь ево изъ запруденія окружающихъ ево обручей , выльчипъ ево ошъ новомодной болѣзни , которая ево
му

мучить. Я почти не сомнѣваюсь, что бы юбка сама отъ себя томъ часъ не опончала, какъ скоро вы въ городъ покажешесь, или по крайней мѣрѣ черта вашего пера принудитъ ее сжаться, какъ чувствительная права свертывается, когда къ ней прикоснутся. Напослѣдокъ вы пѣмъ одолжите немалое число людей, которыхъ сіе новое чудо въ страхъ и прелесть приводитъ, а особливо того, которой естъ и пр:

Переводилъ съ Французскаго перевода И. Д.

V.

ИЗЪ МНѢНІЙ ОКСЕНШТИРНА.

I.

О двухъ путяхъ, которыми люди въ свою жизнь идушъ.

Въ семъ свѣтѣ естъ только два пути; одинъ веселой, другой полезной.

ной. Первой протоптанъ людьми ищущими только своихъ забавъ , и вдающимися во мнимыя увеселенія сея жизни: а второй приступенъ только тѣмъ, которыя стараются во всемъ быть основательны, и про ширають оное даже до самыхъ свѣтскихъ поведеніи.

Путь веселой съ виду весьма приятенъ , и съ обѣихъ сторонъ осажденъ деревьями произносящими прекрасный и зрѣніе наше увеселяющій плодъ , которой на подобіе содомскихъ яблокъ гнилью въ срединѣ наполненъ. Нѣскольکو сего подалѣе множество ключей вмѣсто воды самыми лучшими винами проіпекають : по обѣимъ сторонамъ онаго пущи находятся пространныя луга покрывающіяся прекраснѣйшими цвѣтами , которыхъ духъ чрезвычайно тяжель. Оныя луга окончиваются небольшими холмами , на коихъ стоить великолѣпное зданіе , которое окружають не большія какъ помаранцовыя , такъ и другихъ отличныхъ деревъ рощицы. Внутри сего зданія раздаются смѣхи и пѣнія , въ однихъ комнатахъ приготовлены столы съ самымъ лучшимъ кушаньемъ , въ другихъ ласковое угощеніе бываетъ приходящимъ; въ одномъ мѣстѣ составляютъ нѣжной хоръ
му-

музыки ; въ другомъ пляшутъ и играютъ ; здѣсь представляются разныхъ видовъ позорищи , тамъ въ пребогатыхъ уборахъ щеголяютъ , а въ иномъ мѣстѣ бываетъ подобие ярманки , гдѣ множество вещицъ искусно здѣланныхъ , но бесполезныхъ : Наконецъ путникъ съ наполненными мыслями оныхъ бездѣлицъ въ передъ устремляется , и не знаетъ , что въ продолженіи онаго пути прошло уже три части его жизни. Но вдругъ зачинаетъ онъ чувствовать нѣкоторое упомненіе о тѣхъ дальняго ему пути , который чрезъ ужасныя степи приводитъ его къ старому соломенному шелашу , при коего дверяхъ находитъ онъ нагбеннаго , дряхлаго , и едва шѣло имѣющаго старика , котораго впалыя глаза и распрепанные по плечамъ сѣдые волосы наносятъ ему ужасъ. Между тѣмъ спрашиваетъ онъ о названіи онаго мѣста , и имени сего мужа. На что онъ ему отвѣчаетъ : сие мѣсто называется слезы и сожалѣніе , а имя мое бѣдность. Я по опредѣленію судьбы здѣсь живу для угощенія тѣхъ , кои онымъ веселымъ путемъ идутъ. Бѣдной пришлецъ будучи смущенъ такимъ отвѣтомъ , спрашиваетъ его , нѣтъ ли по близости другаго

какого мѣста, гдѣ бы онѣ могъ успокоиться. Есть, отвѣчаетъ ему бѣдность, не далеко отъ меня живетъ мой сосѣдъ отчаянїе; но я хочу тебѣ сказать, что тѣ, которыхъ отъ меня къ нему пошли, за лучшее почивали назадъ ко мнѣ возвратиться. И такъ или у него, или у меня окончивается путь веселой, которымъ ты шелъ.

Что жъ касается до пути полезнаго, такъ его приступъ прежняго гораздо пруднѣе. Въ него вступаютъ караванемъ на спремѣнистыя горы; и оному труду всю свою младость посвятить должно: прежде нежели взойти на верхъ высочайшей горы должно частымъ паданїемъ вдатся великимъ опасностямъ, что необходимо случается въ ономъ пути. Имъ идущій не имѣетъ ни одного товарища кромѣ работы и труда, который будучи совокупленъ съ надеждою приноситъ ему наслажденіе съ пользою соединенное; а надежда день отъ дня его утѣшаетъ, что уже не далеко ему итти осталось. Его собственные желанія увѣряютъ его что надежда ему не льститъ. И такъ подкрѣплясь приятными ея обѣщанїями непрестанно устремляется на верхъ ужасныя сея горы, откуда видишь про-

стран-

странное поле, на которомъ великолѣпное зданіе касается облаковъ, и прекраснымъ видомъ зрѣніе наше услаждаетъ. Онъ спрашиваетъ, какъ называется оное мѣсто, такъ же и какъ имя его господина. Ему отвѣчаютъ, мѣсто сіе называется выгодноснѣ, а его господинъ покой. Тупъ въ несказанную радость приходитъ, и по столь великимъ трудамъ, которыхъ онъ имѣлъ въ пути, спѣшитъ войти въ оное зданіе, и успокоить свои упомленные чувства. Господинъ сего мѣста оповидитъ ему команду по его желанію, а надежда ему говоритъ: *Ты уже вселился въ оное мѣсто на всѣ оставшія дни твоего вѣка.* Бѣдный пунникъ необычайную радость чувствуешь, и уже усремляетъ свои мысли, какъ бы овладѣть всѣмъ онымъ зданіемъ. Въ который часъ онъ вымышляя къ оному способы беспокоится, и будучи недоволенъ опведеннымъ ему мѣстомъ суежится, въ тотъ часъ приходитъ къ нему смерть съ грознымъ лицомъ помавая ему рукою, чшобъ слѣдовалъ за нею немедленно. Онъ ей прошивишся, и плача жалуется на жестокую судьбу повелѣвающую ему такъ скоро оставить сіе покойное мѣсто, которое ему столь многого труда и по-

ту спояло. Но непреклонная смерть безъ милосердія хватаетъ, и повергаетъ его въ землю сажени на двѣ. Гдѣ лежа, крышкой землею служитъ въ пищу червямъ, и въ награжденіе всѣхъ своихъ трудовъ имѣетъ нѣскольکو словъ вырѣзанныхъ на мраморѣ, которыя попомкамъ его повѣствуютъ, что такой по человекъ по свѣтски жилъ мудро. Но наконецъ, *vanitas vanitatis et omnia vanitas*: суета суетъ и все суета.

Переводилъ съ Французскаго С. Н.

II.

Путь отъ рожденія до смерти.

Человѣческое тѣло подобно кораблю, въ которой душа вселяется при ево зачатіи, чтобъ преплыть свирѣпствующія воды сея жизни, и достигнуть вѣчности. Обыкновенно пять чувствъ суть служители сего корабля, а кормщикъ онаго самолюбіе. Указателемъ пупи роскошь, а знаменемъ безуміе. Благополучныя вѣтры, обманчивая лѣсть сего свѣта, а парусы выпканы изъ погрѣшностей человѣческихъ, веревки ево суть тѣ бездѣлицы, въ которыхъ слабой нашъ разумъ упражняется, а якорями служитъ ему

тщес-

тщетная надежда, грузъ ево пороки, а пристань ево еспь раскаяние и отчаяние, и попому не удивительно, что шоль слабый корабль пакъ худо оснащенный и пакъ безразсудно управляемы, часто погибаетъ, не удивительно что и душа прешерпъваетъ кораблекрушеніе, претыкаясь о многіе сокровенные камни шоль пространнаго океяна, прежде нежели доспитгнетъ до спокойнаго пристанища.

Безразсудная юность, которая отъ природы со всѣмъ слѣпа, вдается волнамъ, безъ всякой предосторожности, не снабдившись довольно потребностями, для шоль безъизвѣстной дороги необходимо нужными, и вручаетъ обыкновенно правило, стремленію страстей своихъ: благоразсудный на пропивъ сего приемлетъ за указателя пути волю божескую, а числосердечіе избираетъ себѣ кормиломъ, печали сея жизни почиаетъ онъ благополучнымъ себѣ въпромъ, и парусы ево преисполнены терпѣнія, мореходцы ево суть, добродѣтели, а божество всѣмъ управляетъ кораблемъ, грузъ ево, добрыя дѣла, веревки постоянство, а якори твердая надежда; слѣдовательно пристанище ево, копораго онъ на конѣ

нецъ достигаетъ , есть царство вѣчнаго блаженства. Туда выходить онъ какъ на берегъ , на которомъ поскользнуться уже не можетъ, но насыщается тамъ сладкимъ покоемъ , которой заслужилъ онъ прошедшими своими подвигами , тамъ оставляетъ душа тлѣнную свой корабль , дабы обиташь въ сихъ приятнѣйшихъ мѣстахъ , угощиванныхъ ко увеселенію избраннымъ.

III.

О Лести.

Нѣкогда спрошенъ былъ Философъ , кто изъ всѣхъ зѣрей опаснее чело-вѣку ? Между дикими , отвѣчалъ онъ , поноситель , а между ручными льстецъ. Справедливо льстецъ заключаетъ въ себѣ многія злыя пороки , онъ лжецъ , потому что онъ не такъ говоритъ какъ думаетъ , онъ невѣренъ для того что онъ прошивное говоритъ своимъ мыслямъ , а трусь потому , что не отваживается открытъ точно своего мнѣнія , онъ золь потому , что поливаетъ масломъ огонь самолюбія въ своемъ ближнемъ , онъ преисполненъ пороковъ , потому что похваляетъ пороки своего ближняго , на конецъ онъ врагъ всѣмъ тѣмъ,

тѣмъ, кому называется другомъ, потому что удерживаетъ ихъ во злыхъ ихъ обычаяхъ. Лестъ ни что иное какъ подслащенной ядъ, которымъ удобнѣе оправлять родъ человѣческій. Удивительно что сей порокъ дошелъ до такой высокой степени въ свѣтѣ, что безъ ево вспомошествованія честному человѣку жить весьма трудно. Но сему конечно самолюбіе весьма властвуетъ людьми, когда приемлютъ они похвалы ни мало имъ не принадлежащія, и благодарятъ тѣмъ которыхъ смѣются надъ ними, приписывая имъ достоинства, которыхъ они во все не имѣютъ. Я примѣтилъ, что весь свѣтъ негодуетъ словами на лестъ, а не видалъ я, ктобъ сердился поочно на льстецовъ; и такъ остается думать, что сей порокъ не можетъ иначе погибнуть, какъ развѣ вдругъ со свѣтомъ.

Переводилъ съ Французскаго Сергѣй Глѣбовъ.

IV.

О Несовершенствѣ человѣческомъ.

Нѣтъ на свѣтѣ толь совершеннаго человѣка, которой бы не имѣлъ какого порока: нѣтъ напротивъ того и такого, которой бы лишенъ былъ всѣхъ

всѣхъ дарованій. Древнія писатели обвиняютъ въ Омирѣ суету, въ Александрѣ свирѣпость, въ Цесарѣ высокомѣріе, въ Помпее гордость, въ Аннибалѣ вѣроломность, въ Веспасіанѣ сребролюбіе, въ Троянѣ насиліе, а въ Маркѣ Антоніи сластолюбіе. И такъ изъ всѣхъ сихъ славныхъ мужей нѣтъ ни одного, которои бы не имѣлъ въ себѣ порока. Издревле примѣчено, что великія люди почти всегда имѣютъ въ себѣ великой какой ни будь недостатокъ. По видимому природа во всѣхъ своихъ дѣлахъ прилѣжно наблюдаетъ равенство. Такъ оставимъ осужданіе слабости протчихъ въ нашихъ разсужденіяхъ, и постараемся добродѣтели хвалить, и сожалѣть о порокахъ; ибо ихъ всѣ мы имѣемъ; слѣдовательно и сожалѣніе должны имѣть взаимное.

У.

О Вѣрности.

Вѣрность дружеская есть мѣсто спокойное нашей пайны, и подобна драгоценному камню, порока не имѣющему. Она ни чѣмъ заплачена быть не можетъ, какъ только взаимностію. Щасливѣе тотъ, кто ее находитъ въ своемъ

своемъ другѣ; онъ вѣряя ему свою тайну веселился, и надѣясь на его вѣрность, оспается спокоенъ въ своихъ мысляхъ. Діодоръ Сицилійскій говоритъ, что у Египтянъ за незаконіе почиталось открывать повѣренную тайну и доказываетъ тѣмъ; что одинъ изъ жрецовъ за оное выгнанъ изъ Египта. По моему разсужденію нѣтъ ни чего справедливяе, какъ порученную другому тайну и вѣрно соблюдаемую почитать за нѣчто священное: нѣтъ напротивъ и ни чего хуже, какъ открыть оную подъ какимъ нибудь видомъ. Плутархъ пишетъ, что Аѳиняне въ бывшую войну съ Филипомъ Царемъ Македонскимъ перенятыхъ писемъ, отправленныхъ отъ него къ Олимпіи своей супругѣ, не читавъ и не развертывавъ назадъ послали; ради того что ихъ права запрещали открывать тайны. Мнѣ кажется, что невѣрность въ дружбѣ противна самой природѣ; открыть тайну есть такое дѣло, которое приводитъ челоуѣка въ презрѣніе. Тотъ, кто сказываетъ другому свою тайну подобенъ тому, кто отдаетъ свое оружіе, и со всѣмъ отдается въ неволю. Что жъ можетъ быть сего безчестняе, какъ употребить оное противъ того, отъ кого

кого подучено? и такъ вѣрность есть самое лучшее сокровище, какое только сыскать можно; а порученная шайна послѣдній знакъ искренняго дружества.

VI.

О многоговорливомъ.

Сказываютъ, что кто много говоритъ, тотъ часто вретъ. Многоговорливый по справедливости достоинъ сей Надписи. Искусство его такъ далеко простирается, что не даетъ ни кому слова выговорить. Онъ всѣмъ досажда-етъ своимъ крикомъ, и опни-маетъ самъ у себя способность разсуждать о своемъ разговорѣ. Мало имѣетъ времени къ распоряженію своихъ мыслей, а и того меньше къ извѣсненію оныхъ пристойными словами; и такъ, какъ сы-рья, ихъ выплевываетъ, которыя толь невкусны, что всѣмъ слуша-телямъ омерзѣніе причиняютъ. Онъ го-воритъ безъ разбору обо всемъ томъ, что на мысль ни придетъ. Расказы-ваетъ всѣмъ, что знаетъ, а часто че-го и не вѣдаетъ, и для удовольство-ванія языка вмѣшиваетъ столько не-нужныхъ обстоятельствъ, что нако-нецъ забываютъ содержаніе его разго-

воровъ. Онъ тогда уже примѣтитъ ,
что скучна его бесѣда , какъ никого
изъ бывшихъ со мною не увидитъ. Сло-
вомъ :

Кто много говоря тѣмъ щипитя угождать ,
Тотъ всѣмъ милый бы былъ , когдабъ умѣлъ
молчать.

Переводилъ съ Французскаго Алексей Нарышкинъ.

VI.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРСТВА.

САТИРА.

Кто въ самой глубинѣ безумства пребываетъ ,
И потъ себя между разумными считаетъ.
Не видимъ никогда мы слабостей своихъ ,
Все мнитя хорошо что зримъ въ себѣ самихъ.
Пороки, кои въ насъ, вмѣняемъ въ добродѣтель;
Хотя тому одинъ нашъ страстный умъ сви-
дѣтель :

Лишь онъ доводитъ то , что то конечно такъ :
И добродѣшленъ и мудръ на свѣтѣ всякъ.
Пороки опознани , невѣжество сокрылось ,

Иль будетъ такъ , когда еще не учинилось.
 Буянь закашлся бороться и скакать ,
 А Пешиметръ вздоръ предъ дамами болпашъ.
 Не будетъ пьяница пить кромъ только квасу ,
 Подьячій за письмо просить себѣ запасу ,
 Дьячькамъ понамарямъ умершихъ будетъ жаль ,
 Скукой ущедрившись сосиронивъ Госпиталь
 Когдажъ надѣяшся премѣнъ бышь подикой ?
 Когда на Язу сойдешъ Иванъ великой ,
 И на Неглинной мы увидимъ корабли ,
 Волкъ спанешъ живъ въ водѣ , бѣлуга на земли ,
 И будетъ омыватъ Нега Кремлевы стѣны .
 Но скороль таковой дождемся мы премѣны !
 Всякъ хочетъ щеголять достоинствомъ своимъ ,
 И думаетъ что все , что хорошо , то съ
 нимъ ,
 Не мыслитъ лстецъ пово , что онъ безмѣрно
 гнусенъ ,
 И мнитъ онъ то , что онъ какъ жить съ людъ-
 ми искусенъ :
 Коль нужда въ комарѣ , зовепъ его сломъ ,
 Когда къ боярину придетъ съ поклономъ въ
 домъ ,
 Серпитъ предъ мухою боярской безъ препоны ,
 И отъ жены своей ей дѣлаетъ поклоны .
 Скупой съ усмѣшкою надежно говоритъ :
 Желудку что ни дай онъ все равно варитъ .
 Вина не любитъ онъ , здоровяе де пиво ,
 Пить вины Фряжскія , то очень прихотливо :
 Ощецъ де мой весь вѣкъ все медъ да пиво пилъ ;
 Однако

Однако онъ всегда здоровъ и крѣпокъ былъ,
 Безумецъ не о томъ мы рѣчь цѣперъ имѣемъ,
 Что мы о здравіи и крѣпости жалѣемъ:
 Тыбъ съ радостью всю жизнь горячкой проле-
 жалъ,

Когда бы деньги кто за то тебѣ давалъ;
 Не здравіе тебѣ быть кажепся полезно;
 Сокровище свое хранишь и тебѣ любезно,
 Которо заперъ ты безвинно въ сундуки,
 И опираясь безноженъ на клюки,
 Забывъ здоровъ ли ты теперъ или ты боленъ,
 Кончая драхмъ вѣкъ со всѣмъ бы былъ дово-
 ленъ,

Когда бы чаялъ ты, какъ спанешь умирашь,
 Что будешь лъзя съ собой во гробъ богатство
 взять.

Здоровье ли въ умѣ? мѣшки лишь въ мысли
 числишь,
 Не спишь, не ѣшь, ни пьешь, о деньгахъ только
 мыслишь,
 Въ конторыхъ, коль ты ихъ не прашивъ, нужды
 нѣтъ,
 Ты мнишь себя богатъ; такъ мни что твой весь
 свѣтъ.

Чтожъ мыслишь о себѣ безмозгой Пешиме-
 теръ?
 Гдѣ въ людяхъ умъ живетъ, набитъ въ немъ
 тамо вѣтеръ.

Онъ думаетъ что въ томъ премудрость состоитъ,
 Коль кудри хороши, кафтанъ по модѣ сшитъ.

И что въ пустой ево главѣ едина мода ,
 Оплаченнымъ чинишь себя отъ подлаго народа.
 Какой не лѣпой ты плѣтешь себѣ обманъ ,
 Что отдѣлишь себя отъ подлости кафтанъ !
 Какъ Солонъ и Ликургъ законы составляли ,
КАРТЕЗИЙ И НЕВТОНЪ Системы вымыш-
 ляли ,
 Не умствовали такъ , какъ Пепимешрѣ тогда ,
 Какъ платье шить даешь , иль радишься когда .
 Что все на щоголъ играешь и прясется ,
 Велика польза тѣмъ народу принесется !
 Старуха своя лишена красоты ,
 Ругается смотря на Свѣтски суеты .
 Вступила дѣвушка съ мужчиной въ рѣчь свободно ;
 Старухѣ кажется то быть не благородно .
 Ей миштя : доведешь до худа тѣ слова .
 Я , мыслишь , въ младости была не шакова .
 То станется , что ты поменше говорила ;
 Но молча можетъ быть , и больше что творила .
 Невѣжа говоришь : я помню чей я внукъ ,
 По дѣдовски живу , ненадобно наукъ :
 Пусть разоряюся уча рабашокъ моты ,
 Мой мальчикъ не ученъ , а въ тѣжѣ поидетъ
 вороты .
 На прикладъ : о звѣздахъ попребноль вѣдать миѣ ,
 Иль знать Ерусалимъ въ которой сторонѣ ,
 Иль съ кѣмъ Темираксакъ имѣлъ войны кровавы ?
 На что миѣ чтобы знашь чужихъ народовъ
 правы ,
 Или спараться знашь чужія языки ?

Какъ

Какъ будто безъ шово ужъ мы и дураки.
 Что онъ въ незнаѣи живешъ , о томъ не пу-
 житъ ,
 И мнитъ что по ему еще и кѣславъ служитъ.
 А естли , что наукъ не надобно намъ знать ,
 Не вскользь , доводами захочешъ утверждать :
 Тогда онъ бредитъ такъ : какъ можешъ быть
 извѣстно ,
 Живущимъ на земли , строеніе небесно ?
 Кшо можешъ по сказать , что на небѣ бывалъ ?
 До солнца и соколъ еще не долеталъ.
 О небѣ разговоръ ученыхъ очень пышенъ ;
 Но что ? одинъ лишъ взоръ въ пустыхъ рѣчахъ
 ихъ слышенъ.
 Ужъ насмотрѣлись мы , какъ вѣренъ календаръ ,
 Отъ стужи спынешъ кровь , а тамъ написанъ
 жаръ.
 Но ты не знаючи ни малыхъ силъ науки ,
 Коль не пишашъ шово , что будешь честь отъ
 скуки ?
 Ищи шутъ правды , гдѣ не думано о ней ,
 И проклинай за то ученыхъ ты людей.
 О правахъ бредитъ такъ : я плюю на рассказы ,
 Что за моремъ плетунъ ; потребно знашь указы.
 Не спорю , но когда сидишь судьей гдѣ ,
 Разсудокъ надобноль имѣть тебѣ въ судѣ ?
 Коль теменъ разумъ твой , приказъ тебѣ му-
 ченье ,
 Хоть упрямъ примешся сто равъ за уложенъе.
 Обманщикъ думашъ : тотъ доброй человекъ ,
 А а 3 Кото-

Который ни ково не обманулъ во вѣкѣ,
 Но добрымъ у него несмысленный зовенся,
 А онъ умомъ своимъ до самыхъ звѣздъ несется.
 Не надобно ума, что взять и не опадать;
 Что вѣрено кому по можно удержать.
 Погибнетъ де шѣмъ честь, да епо дѣло мало,
 Во мнѣ де никогда ее и не бывало.
 Когда де по ся намъ правиламъ ходить,
 Такъ въ свѣтѣ живучи и курѣ не разводить.
 Тотъ гордостью надутъ людей уничижаеиъ,
 Въ пусной себя главѣ съ Юліемъ равняетъ,
 И мыслитъ: естлибъ онъ на мѣстѣ былъ ево,
 Тобѣ сей Герой предъ нимъ не стоилъ ни чево.
 Чтожъ гордостя сея безмѣрная причина?
 Не знаю: гордой нашъ дѣшина какъ дѣшина.
 Съ чевожъ онъ сходенъ съ нимъ? на сей скажу
 вопросъ:

Что есть и у него и въ томъ же мѣстѣ носъ.
 Иному весь шипулъ, что только благороденъ;
 Крася шѣмъ мой другъ что обществу ты годенъ.
 Коля хочешь быть почтенъ за свой высокой родъ;
 Яви отечеству того достойный плодъ!
 Но еспьли только ты о томъ лицѣ помы-
 шляетъ.

Какъ волосы подзистъ, какъ шляпу надѣваешь,
 Какъ златомъ и серебромъ стягичь свои плеча,
 И знаешь, по чему гдѣ купишь парча,
 Какъ дамы рядяшя, котора какъ танцуетъ,
 Какъ ходишь, какъ сидишь, въ послѣдакъ какъ
 и паетъ:
 Коля

Коль емдешь женскій видѣ и Купидоновѣ взорѣ,
 Коль брѣдишь безо сна, и мелешь псалко вздорѣ;
 Такова видя мнѣ передѣ собой урода,
 Прилично ли сказать, что ты высока рода!
 Ты чesяю хвалишься, копора не швоя:
 Будь пращурѣ мнѣ Капонѣ; но по Капонѣ не я.
 На что о прадѣдахѣ пакѣ много ты хлопчешь,
 И спесью дуешься? будь правнукѣ чей ты хочешь:
 Родитель твой былѣ Пиррѣ, и Ахиллесѣ твой дѣдѣ;
 Но естѣли ихѣ въ тебѣ достоинствѣ знака нѣпнѣ;
 Какова ты осла почтишь себя заставишь?
 Твердя о нихѣ, себя ты пуще лишѣ безславишь:
 Такой ли, скажущѣ, плодѣ являетѣ намѣ та
кровь!

Посѣянѣ ананасѣ, родилася морковь.
 Не побѣдителя, кляченка возитѣ, воду,
 Хоть Буцефалова былабѣ она приплоду.
 Но чемѣ увѣришь насѣ о прабабкахѣ своихѣ,
 Что не было ушѣхѣ спороннихѣ и у нихѣ?
 Ручаешься ли ты за вѣрность ихѣ къ супругамѣ,
 Что не былѣ ни къ одной кто съ боку взятѣ къ
услугамѣ,
 Что всякая изѣ нихѣ Лукреція была,
 И каждая по днесѣ все Пирровѣ родѣ вела?
 Прерви свой муза гласѣ, престанѣ пуское мы-
слишь!
 Удобнее песокѣ на днѣ морскомѣ исчислишь,
 Какѣ наши дурости подробно перечести.
 Да и изѣ что, когда дается вракамѣ честь?

МОНОЛОГЪ.

Изъ Трагедіи Пепра Корнелія.

ПОЛІЕВКТЬ.

Спрямишься роскошь ты источникъ лютой части,
Прельщеньемъ пагубнымъ мой воздвигнуть стра-
сти.

О припязненія плотскихъ мирскихъ заразъ!

Оспавьте вы меня коль я оспавилъ васъ:

Ступайте нынѣ прочь играніе и смѣхи,

И честь и щасіе и всѣ мои утѣхи;

Искати васъ мое желанье протекло;

Вы свѣплы шаковы и ломки какъ стекло;

Не буду воздыхать о васъ на свѣтѣ болѣ:

Не подвергаюся я больше вашей волѣ.

Вы щещино силитесь принудить сердце паста,

Являя божіихъ враговъ и честь и власть,

На ихъ Богъ яростно десницу простираетъ,

И беззаконниковъ ногами попираетъ.

Хотя не мнятъ они что правда имъ грозитъ;

Незаконный ихъ ударъ поверженъ и сразитъ.

Ненасытимый Тигръ, Монархъ немилосердый!

Противу божіихъ рабовъ въ гоненьи твердый;

Ты скоро щасливой судьбы узришь конецъ:

Престолъ твой зыблется отъ Скивоу и вѣнецъ.

Примешь скоро изду которой ждушъ тираны,

Отмстишься Христіянъ невиѣна кровь и раны.

Дрожи и трепещи отъ страшнаго часа;

Голуба молиѣа оставитъ небеса,

И громъ отъ горнихъ мѣстъ въ тебя ударишь
грозно!

Раскаешься тогда, но все по будетъ поздно.
Пускай свирѣпости миѣ Феликсъ днесъ явишь,
Пускай Севера чпя онѣ зяпя умершвишь,
Невольникъ онѣ хопя симъ градомъ онѣ и пра-
вишь.

Пускай онѣ смертїю моею себя прославитъ.
О свѣтѣ, отъ золь пвоихъ избавилъ я себя,
И ужъ безъ горѣсти оставляю я тебя!
Я прелести пвои всѣмъ сердцемъ ненавижу:
Павлину я теперь препятство щастья вижу:
О радость вѣчная, о сладость небеси,
Наполни разумъ мой и крѣпость принеси!
Духъ мыслїю мой ты святою просвѣщаешь,
Неувядаемо миѣ щастье обѣщаешь,
Сулишь душѣ моею премножество блаженствъ;
Но дашь и больше миѣ дарами совершенствъ.
Ты жаръ божественный въ груди моею пылаешь,
Безъ опасенья зрѣшь Павлину посылаешь.
Я зрю ее она сюда ко миѣ идетъ;
Но ужъ въ лицѣ ея заразовъ больше нѣтъ,
Которы надобной имѣли столько мочи;
Уже ее мои безстрастно видяшъ очи;

Переводилъ съ Французскаго А. С.

*

*

*

МОНОЛОГЪ.

Изъ Китайской трагедіи называемой
Сиропа.

Мнѣ кажется, что всѣхъ несчастъе челоуѣковъ,
На сердце ахъ мое едино устремилось.
Дщерь царска: весь мой родъ злодѣемъ истре-
бленъ;

Лишь только сирота, котораго держу,
Младенецъ только сей на свѣтѣ семъ остался:
Вспоминаетъ онъ, что мнѣ ево родитель,
Любезный мой супругъ при смерти завѣщалъ:
Коль сынъ твою по мнѣ упробу облегчилъ,
Сказалъ онъ, ты зови ево онъ Тхаовъ рода,
Онъ царска племени оставшимъ сиротою:
Старайся ты о немъ, чибъ онъ когда взростетъ,
Мою и моего кровь рода ошомтилъ.
О небо какъ изнесъ изъ сей ево темницы!

Переводилъ съ Нѣмецкаго перевода А. С.

* * *

СТИХИ.

Здѣланныя изъ чужихъ русскихъ Сти-
ховъ, на побѣду надъ Прусаками 12
Юля 1759.

Европа и весь миръ **МОНАРХИЯ** свидѣтель,
Какъ Вышнему **ТВОЯ** любезна добродѣтель;

Бла-

Благословяетъ онъ главы ТВОЕЙ вѣнецъ,
И въ воинствѣ ТВОЕМЪ безстрашіе сердецъ;
Умножилъ мужество и дѣйствія Геройски,
Бѣгущъ разсыпанны враговъ ТВОИХЪ днесь
войски.

Союзникамъ ТЫ щипъ и ужасъ ТЫ врагамъ,
Благополучіе и вѣчна слава намъ:

А мы любя и чтя свою ИМПЕРАТРИЦУ,
Цѣлуемъ радостно пресильную десницу
А. С.

* * *

VII.

КРАТКЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ

О естествѣ, пользѣ и необходимой
попребности войны и ссоръ.

ИЗЪ КНИГИ СЛАВНАГО АГЛИНСКАГО СА-
ТИРИКА

ІОНАѠАНА СВИФТА

называемой: сказка о бочкѣ.

Вещь сія очень важна, и для того
авторъ нашъ думаетъ о ней осо-
бливо

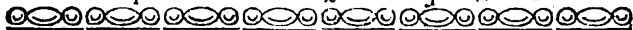
бливо пространное разсужденіе написать , а теперь здѣсь краткое только изображеніе онаго предлагаетъ.

Война есть такое состояніе , въ которое отъ естества всѣ живущія твари приведены , и состоитъ въ томъ когда мы то , что другіе имѣютъ , и что мы лучше у себя имѣть желаемъ , нежели чѣмъ оно у другихъ было , силою отнять у нихъ стараемся . Каждый человекъ , которой о своихъ собственныхъ заслугахъ гораздо больше увѣренъ , нежели о заслугахъ другихъ , имѣетъ естественное право , у нихъ все то отнять , чего онъ по своему мнѣнію больше достоинъ нежели они : и каждое животное имѣющее великую нужду въ какой нибудь вещи , по праву естества можетъ все то себѣ присвоить , безъ чего ему обойтись нельзя . Скопы въ сихъ требованіяхъ гораздо умереннѣе , нежели человекъ , и чернь больше нежели люди знатные . Чѣмъ больше кто требованій сего рода имѣетъ , чѣмъ больше мятежа въ свѣтѣ дѣлаетъ ; тѣмъ онъ благополучнѣе , и тѣмъ больше заслуживаетъ онъ имя вѣзья . Великіе духи , которыхъ требованія всегда столь велики , сколь велики ихъ заслуги , имѣютъ полное пра-

во взять у народа все то , чего имъ не достаесть , и сіе' по есмь основаніемъ ихъ высокости , и Геройскаго сана , такъ же и различныхъ онаго степеней. Слѣдственно война къ содержанію порядка между людьми , къ заведенію городовъ , къ учрежденію гражданства и къ усиленію цѣлыхъ государствъ необходимо нужна. Она не меньше надобна и для того , чтобъ гражданскія тѣла отъ излишнихъ мокротъ освободить. Мудрые правители непрестанное имѣютъ попеченіе о томъ , что бы внѣшнюю войну безперерывно продолжать , не для иного чего , какъ только что бы тѣмъ внутренній миръ укрѣпить. Война , голодъ и моровая язва суть обыкновенныя лѣкарства противу болѣзней случающихся въ гражданскихъ тѣлахъ отъ великаго излишества. Авторъ обѣщаетъ каждой изъ сихъ прехъ вещей похвальное сочинить слово. Большая часть человѣческаго рода любятъ больше войну нежели миръ. Всеобщая человѣческая склонность спремится къ сему концу : и тѣ , которые не имѣютъ столько силъ и храбрости , что бы имъ самимъ воевать , нанимаютъ другихъ за деньги , чтобъ они вмѣсто ихъ по дѣлали. Отъ сей людской склонности

ности съскиваютъ себѣ пропитаніе бойцы , опчаянные , убійцы . разбойники , стряпчѣе и военные люди . Сколько бы хорошихъ наукъ были со всѣмъ бесполезны , и непопробны , когда бы непрерывной въ свѣшѣ былъ миръ ! Изъ чего слѣдуетъ , что у звѣрей нѣтъ ни кузнецовъ , ни инженеровъ , ни начальниковъ , ни лѣкарей . Звѣри , для того , что ихъ похоти въ весьма тѣсные предѣлы заключены , не могутъ войны продолжать пропиву подобныхъ себѣ : они не могутъ содержать цѣлыхъ войскъ для истребленія оныхъ . Сіи преимущества принадлежатъ однимъ только человѣкамъ . Изящество чело-вѣческаго естества ясно мы видимъ изъ великаго числа похотей ихъ , страстей и недоспашковъ , которыми мы окружены . Сочинитель будетъ о семъ пространнѣе говорить въ своемъ похвальномъ словѣ на весь родъ челоѣческой .

Переведъ съ Нѣмецкаго перевода Г. К.

VIII.

ЕПИГРАММЫ.

I.

Какъ я женатъ , тому четырехъ нѣтъ недѣль ,
А видно , что уже потребна колыбель !

Иной

Иной бы за такой проступокъ осердился ;
 А я увидючи то , много веселился .
 И мнѣ еще жена тѣмъ больше угодитъ ,
 Когда рабенковъ мнѣ двенадцать въ годъ родитъ .

II.

Прикащикъ въ деревняхъ , или въ домѣ управитель ,
 Или ясный сказать надъ деньгами властитель ,
 Хозяя къ помѣщику радѣиѣемъ горитъ ,
 Однако въ свой карманъ побольше наровитъ .

III.

Жишу на свѣтѣ я ужъ лѣтъ десятковъ шесть ,
 И хопь мое житье въ приказахъ и преславно ;
 Однако не могу пожитковъ я завести ,
 Почеже взяпки всѣ въ кабакъ ношу исправно .

IV.

Въ пресильномъ я любви горю къ себѣ огнѣ ,
 Равно какъ ты горишь любезный мужъ ко мнѣ ;
 Себя не такъ люблю какъ мужа дарагова ;
 Но во сно больше разъ еще люблю друзей .

V.

Ты мужъ мой сердишься , зовешь меня суровой ,
 Что рѣдко видишь ты привѣтливѣе мой свѣтъ .
 На то скажу : что мнѣ къ любому быть готовой ,
 Мнѣ много и опричь тебя въ любви суетъ .

VI.

Я съ малыхъ лѣтъ одной привычки сей держуся :
 Безъ денегъ ни съ какимъ красавцемъ не люблюся ;
 А для прибытка я со всѣми не дика :
 За деньги я люблю гогова хопь быка ,

ЕПИГР : VII. ЕПИТАФІЯ.

Подьячій здѣсь зарытѣ, нашелѣ который кладѣ ;
 У бѣдныхъ онѣ людей пожитковѣ поубавилѣ ;
 Однако ничево не снесѣ съ собой во адѣ ;
 Но все имѣніе на кабакаѣ оставилѣ.

А. А.

VIII.

Мужикѣ не позабудетѣ
 Какѣ кушалѣ полокно ;
 И посаженѣ хоть будетѣ
 За красное сукно.

А. С.

О г л а в л е н і е.

страни.

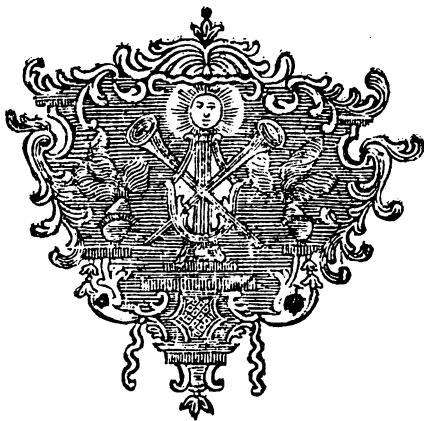
I.	Письмо Филлиды къ Димофоонту.	515
II.	Фивѣ и Дафна. - - - - -	524
III.	Елегіи. - - - - -	531
IV.	рѣчь XXVII. изѣ Смощрителья.	542
V.	изѣ мнѣнній Оксенштирна.	549
VI.	Разныя стихотворства. - - -	561
VII.	О войнѣ изѣ Свифта. - - -	571
VIII.	Епиграммы. - - - - -	574

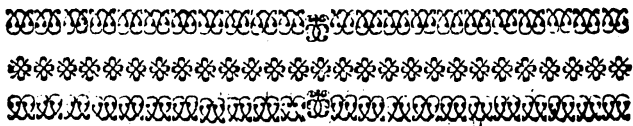
ТРУДОЛЮБИВАЯ
П Ч Е Л А.

Октябрь 1759 года.

ВТОРЫМЪ ТИСНЕНИЕМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
при Императорской Академіи Наукъ
1780 года.

I.

С Л О В О П О Х В А Л Ь Н О Е О Г О С У Д А Р Ъ И М П Е Р А Т О Р Ъ П Е Т Р Ъ В Е Л И К О М Ъ ,

Сочиненное ко дню Тезоименишства ЕЯ ИМПЕ-
РАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА 1759 года.

Торжествуй Россія день Имени швоея
ОБЛАДАТЕЛЬНИЦЫ , возъиграй-
те Невскіе брега , возрадуйтеса обипа-
тели ПЕТРОВА града и возвеселитеса
всѣ повинующіяся волѣ ЕЯ насѣянныя
по Сѣверу народы. Слава сего Имени ,
со славою Имени ПЕТРОВА , къ чести
нашего народа , къ чести нашего вѣка ,
вѣчно въ попомствѣ гремѣть будеть.
Жестокосердыя люди наполняютъ сер-
ца легкомысленныхъ людей единымъ
страхомъ и уменшаютъ должную къ
человѣколюбивому Создателю любовь ,
и грознаго только въ немъ судію устпра-
шенному духу представляють ; хопя
все свойство Божества и основаніе всѣхъ

дѣйствию Его есть едино милосердіе. Намертанныи въ сердцахъ нашихъ законъ, и той же законъ изображенный во Священномъ писаніи, не шягоспенъ добродѣтельной душѣ, и жестоко судя въ немъ не видно. Казни за беззаконія суть орудія привлекающія насъ на пуши добродѣтели. Воздаяніе и наказаніе праведнаго суди не превосходящъ мѣръ заслугъ и преступленія. Слабости претпятствуютъ милосердію и покаряются ему, беззаконія супротивляются милосердію и воужаются противъ него. Слабости челоѳчествомъ извиняются, беззаконія и звѣрствомъ самимъ извиниться не могутъ. Праведный судя рачительно и тонко разсмаприваетъ дѣйствія наши, и дѣйствіями нашими входитъ во внутренности сердецъ нашихъ. Сямъ образомъ судитъ Богъ, сямъ образомъ судити долженъ Царь. Тако царствовалъ надъ нами **ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ**, тако царствуешь надъ нами и **ТЫ ВЕЛИКАЯ ЕЛИСАВЕТА**. Истинною и милосердіемъ получаютъ Государи любовь отъ подданныхъ своихъ. Не страхъ но любовь народа, есть ограда престола и украшеніе величества. Взоры царствующаго тиранна ужасаютъ подданныхъ, слова его въ претель

пѣть приводятъ, дѣйствія благополучіе отъемлютъ. ТВОИ взоры милосердая ГОСУДАРЫНЯ увеселяютъ насъ, ТВОИ слова ободряютъ насъ, ТВОИ дѣйствія благополучіе подають. Подражай ВЕЛИКАЯ ГОСУДАРЫНЯ, подражай всегда великому ТВОЕМУ Родителю, Основателю нашего щасія, Основателю нашея славы, на всякой часъ нами воспоминаемаго, о дѣлахъ Копораго я теперь говорить покушаюся. Не ожидайте отъ меня новости въ проповѣдываніи дѣлъ великаго мужа; дѣла ЕГО всему миру извѣстны. Малыя вещи сокровенны бытъ могутъ, а великія никогда. Лестію соплетенныя Скипетродержателямъ похвалы съ сими Вѣщеносцами и со льщенцами исчезаютъ, и вѣчному предаются забвенію, подобіемъ на кратчайшее время возжсннаго пламени, котораго лучи въ узкомъ распространяются объятіи: солнце всегда горитъ, и по всей вселенной простираетъ неугасающія лучи свои. Нѣтъ ни чего новаго о ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ; слава ЕГО, по всей простираяся подсолнечной, всему миру извѣстна. Проповѣдыватели имени ЕГО не о размноженіи славы ЕГО пекутся, но только о возобновленіи оныя въ па-

мяти слышателей. Сіе есть мое намѣ-
 реніе. До временъ ПЕТРА ВЕЛИКАГО
 Россія не была просвѣщенна ни ясымъ
 о вещахъ понятіемъ , ни полезнѣй-
 шими знаніями , ни глубокимъ ученіемъ ;
 разумъ нашъ упопалъ во мракъ невѣже-
 ства , искры остроумія угасали и вос-
 пламенились не имѣли силы. Вреди-
 тельная тьма разума приятна была ,
 и полезный свѣтъ тягостенъ казался.
 Родился ПЕТРЪ , наступило ЕВО мла-
 денчество. Возшла на мрачный гори-
 зонтъ предвѣспница Солнца , багряная
 Аврора. Возрадовалася истинна и ужас-
 нулося суемудріе. Суевѣры почипая
 просвѣщеніе разума пупемъ отвращаю-
 щимъ насъ отъ познанія Божества ,
 кричали : предвѣщается паденіе благо-
 честія , и паки : со младенчествомъ
 сего Царевича , страхъ нашъ минется ,
 освѣщеніе исчезнетъ и почтенное наше
 невѣжество , удерживающее насъ на
 пути истинны не разрушится. Возму-
 жалъ ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ , возшло солн-
 це , и мракъ невѣжества разсыпался.
 Обманулися невѣжи и упрямы , съ
 суевѣрами возбудителями своими , въ
 мерзской своей надеждѣ. Но прежде
 прибѣгаютъ къ оружію вредоносныхъ
 челоуковъ : мздою , пѣанствомъ и
 суе-

суевѣрїемъ ослѣпляютъ ихъ , и возмущаютъ войско. Улицы , дома , дворъ Царскій , Храмы Божїя , обограются невинною кровїю : изъ Царскихъ чертоговъ свойственники ПЕТРА ВЕЛИКАГО на копья низвергаются. Сама Царица Матерь ПЕТРА ВЕЛИКАГО препенешетъ , и единоупробнаго Своего брата отдаетъ на смерть , руками своими , пресступникамъ законовъ Царскихъ , законовъ естественныхъ , законовъ Божїихъ. Прости , говоритъ она , прости любезный братъ : умирай за вину мою , за сію вину , что я родила ПЕТРА и Россїи сладчайшую произнесла надежду. Едва выговорила Царица слова сіи , стрѣльцы свергли на копья брата ея , и многократно на остропѣ копій въ верхъ ево мешали. Тако утверждалося невѣжество подъ именемъ благочестїя. Властолобіе и лихоимство безсовѣстныхъ людей прибѣгали къ суевѣрїю , суевѣрїе къ варварству ; ибо варварство во всѣ времена паче всего суевѣрїю повиновалося. Въ перемѣнѣ одѣянїя и въ бритїи бородъ не было бы ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ ни малѣйшія нужды , ежели бы старинное плащє не покрывало стариннаго упрямства , а борода въ подлхъ голо-

вахъ не умножала гордости. Сія есть первая ересь просвѣщающемуся вѣку отъ суевѣровъ налагаемая. Младый Царевичъ заводилъ новое и порядочное войско, предвозвѣщающее ограду престола, безопасность отечеству, и страхъ непопечелямъ. Новость и порядокъ по расужденію ослабленныхъ стариною и праздностию людей, суть тяжкія грѣхи: вторая ересь. Учишься языкамъ народовъ не Православнаго закона, почиталось суевѣрами, учишься безбожію: а во дни ПЕТРА ВЕЛИКАГО Лапшинской языкъ, который суевѣрами для раздѣленія Римской съ Греческою Церковію проклятымъ почитался, сами духовныя зная, и помощію онаго въ учении просвѣщаяся, посреди храмовъ Вышняго слова Божіе проповѣдывали; но кто всѣ мнимыя ихъ ереси исчислить можетъ! Все то что было ново, было ересь, а ново было только то, что похвально. Нагое благородство, было главное достоинство того вѣка, а украшеніе благородства гордость. Восприяли стрѣльцы достойную казнь и исчезли. Загнали суевѣры мерскія уста свои, и безсильный ядъ въ скаредныхъ своихъ сердцахъ заключили. Полезно было паденіе суевѣровъ, по-

лезно

лезно было паденіе стрѣльцовъ. Первыхъ паденіемъ возсіяло благочестіе въ полной истинѣ, и стрѣлы, ненасытныя злобы, покрывающіяся именемъ ревности ко православію, припустилися, сіи стрѣлы защищающія невѣжество, корысть тунеядцовъ, легкомысліе тщетныхъ людей, сіи стрѣлы устремляющіяся противъ ученія и премудрости, противу свободы разума и совѣсти, противу благополучія подданныхъ и противъ законной власти обладателей. Вторыхъ паденіемъ возсіяло оружіе въ полной силѣ. Вы Полтавскія поля тому свидѣтели! вы тому свидѣтели во времена и по временахъ ПЕТРА ВЕЛИКАГО многократно Россійскимъ оружіемъ одержанныя побѣды. Самыя вязкія блага, самыя густыя лѣса, самыя высокія горы и безводныя степи, не могли препящивовати ТВОЕМУ ВЕЛИКІЙ ПЕТРЬ оружію. На сихъ дняхъ, на сихъ послабныхъ дняхъ ТВОИМЪ оружіемъ ДЩЕРЬ ТВОЯ надъ сильными неприятелемъ двѣ преславныя побѣды одержала. Бѣгутъ о Фридерикъ! разсыпанныя Твои войски, отъ побѣдоноснаго оружія ЕЛИСАВЕТЫ, спасая только жизнь. Аршиллерія Твоя осмачается,

знамена валяшся. Тако побѣждалъ ПЕТРЪ, тако побѣждаетъ ЕЛИСАВЕТА. Мужество ТВОЕ Великій Мужъ, Воинство ТВОЕ Великій Вождь, Скипетръ ТВОЙ Великій Императоръ, Разумъ ТВОЙ ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ, положили благополучію Россіи вѣчное и неколебимое основаніе. Подражайте будущихъ вѣковъ Монархи Россійскіе дѣламъ ЕГО, симъ образомъ, которымъ ЕМУ ЕЛИСАВЕТА подражаетъ! Подражайте потомки наши вѣрности предковъ вашихъ, вѣрности нашей! живите для опечесства, умирайте за опечество! Возри Россія на Финскій Понпѣ покровенный швоими кораблями! Сѣи по водамъ летающія зданія, попирающія морскія волны, и презирающія бурю и лучину, до временъ ПЕТРОВЫХЪ тебѣ и извѣстны не были. ТЫ ВЕЛИКІЙ ИМПЕРАТОРЪ положивъ Скипетръ не погнушался прияти сѣкиру и въ созиданіи кораблей самъ трудиться; чтобъ точно и подробно изслѣдывать сѣ искусство. ТЕБѢ ТВОЯ сѣкира больше приносила славы, нежели многимъ Монархамъ ихъ Скипетры. Не въ великолѣпніи ищутъ Великія Государи Величества, не въ великолѣпніи искалъ ево и ТЫ ВЕЛИКІЙ

КІЙ ГОСУДАРЬ. ТВОЕ великолѣпіе было попеченіе о государствѣ, едино украшеніе и сіяніе вѣнца; ибо все прочее пустой только блескъ. Гражданскій судъ и расправу въ лучшее привелъ онъ состояніе, и привелъ бы къ совершенству, ежели бы вѣкъ ЕГО прудлился. Въ какое краткое и въ какое браноносное время создалъ онъ сей градъ, сей великолѣпный градъ, ты о томъ вся Россія вѣдаешь, вѣдаешь о томъ ты вся Европа, вѣдаешь о томъ ты вся подсолнечная. На горахъ Кіевскихъ Проповѣдыватель новыя благодати водрузилъ Крестъ и начерпалъ на немъ: На семъ мѣстѣ Православіе будетъ. На берегахъ Невскихъ кровію вооружившихся противъ насъ непріятелей Александръ побѣждая предвозвѣстилъ, будущія ПЕТРОВЫ побѣды и созданіе Санктпетербурга, и будпо рекъ: На семъ мѣстѣ поставленъ великій градъ будетъ, и всѣ силы человѣческія не преодолѣютъ его. Ремъ за малое почелъ стѣнки новаго городка, и перескочилъ черезъ нихъ поругавшися брату своему. Кто изъ недальновидящихъ людей не могъ за малое почестъ, перьвый домъ въ Петербургѣ, перьвое морское судно, перьвое

изъ

изъ рабяткоу состоящее войско ПЕТРА ВЕЛИКАГО? Ромуловъ городокъ сшалъ Мира всего повелишедемъ , ПЕТРОВА хижинка стала Сѣвернымъ Римомъ , ПЕТРОВЪ ботикъ сталъ отцемъ великаго флота , ПЕТРОВО потѣшное войско , сшало страхомъ сильнѣйшихъ Россіи непріятелей. Величайся великолѣпный градъ , красуйся своимъ мѣстоположеніемъ ; ба ша , пворящія ево къ поселенію неспособнымъ , осушены , и чего ему въ одареніи природы не доставало , шѣмъ ево искусство снабдило , и къ обиталищу Великаго Монарха способнымъ учинило. Брега Невскія , верей вратъ Бальтійскаго моря! вы ради шого блажомъ покровенны были , чтобъ и въ шомъ ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ явилъ дѣло къ умноженію многочисленныхъ чудесъ своихъ. О врата , врата Бальтійскаго моря , отверзающія намъ легкія пущи ко многимъ обласнямъ , врата къ Россіи которыми входитъ и умножается богатство ея , величайтесь пользопріношеніями великой Имперіи , величайтесь Престоломъ ВЕЛИКІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ , величайтесь Именемъ ВЕЛИКАГО ПЕТРА! А шидъ о Море ликовшуй видѣвъ , на грозныхъ валахъ пущины своей Рос-
сій-

сїйскаго Императора Россійскимъ и еще
 тремя флотами правяща , и съ радо-
 стїю омывая стѣны увеселительнаго
 жилища ПЕТРОВА , ЕГО повелѣніемъ
 посланнаго и ИМЪ самимъ ЕВО утѣ-
 шеніемъ нареченнаго , опколѣ взираль
 онъ съ утѣшеніемъ на плывущія ко пре-
 красному Невскому Амфитеатру и воз-
 вращающіяся корабли. Тамъ видятъ
 обольщенныя очи изображеніе погибшаго
 вертограда , гдѣ Тигръ съ Евфратомъ
 соединяются. Когда вы тамо низпа-
 дающія потоки бѣгуще съ высокихъ
 горъ и вы къ верьху бїющія ключи
 взоръ и слухъ нашъ увеселяете , вы
 воспоминаете : мы тѣмъ мужемъ про-
 изведены , которымъ твое Россія ща-
 стіе произведено : мы того мужа уве-
 селяли , которымъ ты увеселялася Рос-
 сія. Хотя прохладныхъ роцей , дороги
 приятнѣйшаго сада ! вы возвѣщаете :
 здѣсь часто гуливалъ ПЕТРЪ ВЕЛИ-
 КІЙ , здѣсь часто размышлялъ онъ о
 твоємъ Россія соспоянїи , о твоємъ
 Россія прославленїи , и радовался пвер-
 до уповая , что ты ЕВО во вѣки не
 забудешь. Ежели забудемъ ТЕБЯ
 ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ; забвенна буди
 предъ Господомъ десница наша : ежели
 не воспомянемъ ТЕБЯ вѣдая о благо-
 полу-

получии опечества ; прильпни языкъ нашъ горшани нашей. Сіе мѣсто , гдѣ въ Петрополѣ науки возрастають , и сіе почтенное мѣсто **ТОВОЮ** основано. Довольно бы для другога было обладателя спараться только о введеніи наукъ и художествъ въ области свои , а **Ты ВЕЛИКІЙ ГОСУДАРЬ** спарался вводя ихъ и о возвращеніи оныхъ. Проникъ Ты до самаго жертвенника славы и благополучія нашего , и олтари премудрости воскурился. Путешествія всегда полезны , а Россійскому народу тогда были они еще полезнее. **МОНАРХЪ** нашъ не пропустилъ того и благоволилъ посылать молодыхъ дворянъ снискаши для нихъ самихъ и для опечества сію пользу , чтобъ они въ юности своей увидѣвъ разныя области и познавъ разныя нравы и разныя обычаи удобнѣе могли отринути вкорененныя и невѣжествомъ , упрямствомъ и стариною утвержденныя грубости , и подражаши благоприспосойнымъ поведеніямъ избирая лучшія. Самъ путешествовалъ : Германія , Франція , Англія и Голландія ! многое тогда видѣлъ у васъ **ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ** ; но вы тогда еще болѣе видѣли ; видѣли **ПЕТРА ВЕЛИКАГО**. А ты о Швеціи видѣла **ПЕТРА**

ПЕТРА ВЕЛИКАГО на поляхъ Полтавскихъ. Конечно Россія , конечно ради того провидѣніе Божіе противъ **ПЕТРА** Карла , противъ **ЕЛИСАВЕТЫ** Фридерика , противъ тебя храбрая Ихъ войски восстани попустило , чтобы твоими побѣдами надъ такими великими Вождями и надъ такими мужественными войсками , явисти миру силу и славу твою , къ умноженію славы твоего **ИМПЕРАТОРА** и твоея **ИМПЕРАТРИЦЫ**. Много пользы принесли **ТЕБѢ** и **ТВОЕЙ** Имперіи , **ВЕЛИКІЙ ИМПЕРАТОРЬ** путешествія по чужимъ обласнямъ ; но не меньше подали пользы путешествія и по собственнымъ **ТВОИМЪ** обласнямъ. Тамо собиралъ Ты плоды и удивилъ Россію , здѣсь собиралъ **ТЫ** плоды и удивилъ Европу. Путешествія Россію обогащали , брани укрѣпляли ея безопасность. Взята Ливонія и часть Финскія земли , берега Невскія и берегъ Каспійскаго моря : прятался Персія , ужасалася Хина , и попрысался бы Отомонская Порта, ежели бы многія противности не воспрепятствовали успѣхамъ нашего **МОНАРХА**. Великъ былъ **ПЕТРЪ** во время брани , великъ во время мира , великъ въ обстоятельствахъ благопо-

луч-

лучныхъ , великъ и въ противныхъ.
 Спрогъ прошиву злодѣевъ , Щедръ ко
 почитателямъ добродѣтели , Правосу-
 денъ и Милостивъ. Не упускалъ , без-
 законій безъ наказанія, заслугъ безъ воз-
 даванія. Искусный Мореплаватель, иску-
 сный Полководецъ , искусный Мужъ въ
 дѣлахъ Государственныхъ , премудрый
 Законодатель и Отечества СВОЕГО
 Преобразитель. Доколѣ будетъ Солнце
 освѣщать вселенную, Слава ТВОЯ ПЕТРЪ
 ВЕЛИКІЙ во Вселенной пребудетъ. А
 ты Россія радуйся и благодари Вышняго
 видя на твоёмъ Престолѣ ДЩЕРЬ
 ПЕТРА ВЕЛИКАГО , и проси Всемогу-
 щаго Создателя, чтобъ далъ Онъ ЕЙ
 многія лѣта , и чтобы кровь ПЕТРА
 ВЕЛИКАГО тобою обладала во вѣки.

* * *

А. С.

БЕЖЕТЕ БЕЖЕТЕ БЕЖЕТЕ БЕЖЕТЕ БЕЖЕТЕ БЕЖЕТЕ БЕЖЕТЕ БЕЖЕТЕ БЕЖЕТЕ БЕЖЕТЕ

II.

Е К Л О Г И.

I.

Д А М О Н Ъ.

Еще густая тѣнь хрустально небо крыла,
 Еще прекрасная Аврора не взошла ,

Коо

Корабль покоился на якорѣ въ водахъ,
И земледѣцѣ былъ въ снѣ крѣпкомъ по трудахъ,
Сатиры по горамъ лѣсовъ не пребѣгали,
И Нимфы у рѣчныхъ потоковъ почивали,
Какъ вдругъ восшалъ злой вѣтръ, и воды
возмуцалъ,

Сердитой вѣлъ Морской долины потоплялъ,
Громъ страшно возгремѣлъ и молніи сверкали,
Дожди изъ грозныхъ пучъ озера проливали.

Сокрыли небеса и звѣзды и луну,
Левъ въ лѣсѣ бѣжалъ густой, а китъ во глубину,
Орелъ подъ хворостомъ онъ спреха укрывался,
Подобно и Демонъ сей бури испужался,
Когда ужасенъ всей природѣ былъ сей часъ;
А онъ безъ шелаши свою скотину пасъ.

Демонъ не зналъ куда отъ беспокойства дѣться:
Бѣжалъ найши шелашъ обсохнуть и согрѣться:
Всѣхъ ближе шелашей, шелашъ пастушкнѣ
былъ,

Котору онъ предъ тѣмъ недавно любилъ,
Котора и въ него влюбилася подобно,
Хоть сердце поступью къ нему казалось злобно;
Она шала то, что чувствовала въ ней духъ;
Но дерзновенный вшелъ въ шелашъ ея, пастухъ.
Однако какъ тогда погода ни мутилася,
Прекрасная ево отъ сна не пробудилася,
И лежа въ шелашѣ на мягкой муравѣ,
Что съ вечера она имѣла въ головѣ,
То видѣтъ и во снѣ: ей кажется, мидуетъ,
Кто въ явь въ оной часъ, горя, ее цалуетъ.

Сей дерзостью ей сонъ еще приятный былъ ,
 Дамонъ ей истинну съ мечпой соединилъ ,
 Но ясная мечта съ минутою только длилась ,
 Излишества ея пастушка устрашилась ,
 И пробудилася. Пастушка говоритъ :
 За чемъ приходишь ты, туда, гдѣ дѣвка спитъ ?
 Но привидѣнїемъ толь нѣжно упоминаясь ,
 Что за преступокъ сей не очень разсердилась.
 То видючи Дамонъ надежно отвѣчалъ ,
 Что онъ ее любя въ вину такую впалъ.
 И часть сея вины на бурю возлагая ,
 Взгляни , проснѣ ея взгляни , въ луга драгая ,
 И зри попоки водѣ пролившихся дождей !
 Меня загнали вѣтръ и громъ къ красѣ твоей ;
 Дожди изъ грозныхъ тучъ водѣ море проливали ,
 И молнїи опѣ всѣхъ сторонѣ въ меня сверкали.
 Не гнѣвайся воспань , и выглянь за порокъ !
 Увидишь ты сама , какой лѣется токъ.
 Она по сихъ словахъ смотрѣть потоковѣ встала ,
 А что цалована , ему не вспоминала ,
 И ни чего она о томъ не говоритъ ;
 Но кровь ея , но кровь бунтуешъ и горитъ.
 Дамона опѣ себя обратно посылаетъ ,
 А чтобъ онъ побылъ съ ней сама того желаетъ.
 Не можетъ утаишь любви ея притворѣ
 И шлетъ Дамона вонъ и входитъ въ разговоръ ,
 Ни слова изъ рѣчей ево не примѣчаетъ ,
 И на вопросъ ево другое отвѣчаетъ.
 Дамонъ прощенїя въ винѣ своей прося ,
 И извиненїе любезной принося ,

Разженъ ея красой себя позабываетъ,
 И въ новую вину забывшиися впадаетъ:
 Ахъ! сжался, говоритъ, но говоритъ по въ
 слухъ,
 Ахъ! сжался надомной и успокой мой духъ;
 Молвь миѢ люблю, или отбей миѢ мысль пе-
 чальну,
 И окончай животъ за спрасъ сїю нахальну!
 Я больше ужъ не могъ въ молчанїи горѣть,
 Люби, иль отъ своихъ рукъ дай миѢ умереть.
 О чемъ миѢ говоришь коль громко ты толь
 смѣло,
 Дамонъ опомнися, какое ето дѣло,
 Она ему на то сказала во слезахъ,
 И вспомни въ каковыхъ съ тобою я мѣстахъ!
 Или бѣды мои Дамонъ тебѣ игрушки;
 Не очень далеко отсѣль мои подружки;
 Пожалуй не вопи! или ты люпый звѣрь?
 Ну естли кто изъ нихъ услышитъ по те-
 перь,
 И посмотрѣть придетъ, что стало съ ихъ
 подружкой?
 Застанетъ паспуха въ ночи съ молодой паспу-
 шкой.
 Какой ея глазамъ съ побой явлю я видѣ,
 И ахъ, какой тогда ты здѣлаешь миѢ стыдѣ!
 Не прилагай слѣдовъ ко миѣ ты громкимъ гла-
 сомъ,
 И что бышь хочешь мнѣ скажи ичимъ миѣ
 часомъ.

Я часто прихожу къ рѣкѣ въ шалашъ пустой ,
 Я часто прихожу въ березникъ сей густой ,
 И тамо опѣ жаровѣ въ полудни отдыхаю :
 Подѣ сею иногда горой въ бору бываю .
 И шамѣ , ищу грибовѣ : подѣ дубомѣ на рѣкѣ ,
 Который шамѣ споминѣ опѣ паства иѣ далекѣ ,
 Я и вчера была : шамѣ мѣсто уединенно ;
 Ты можешь зрѣть меня и тамо несумнѣнно .
 Въ приспѣиоль мѣсто ты склоняшь меня зашелѣ ?
 Такой ли объявляшь любовь ты часѣ нашелѣ ?
 Дамонѣ отвѣтствовалъ на нѣжныя ты пѣни ,
 Передѣ любезной спавѣ своєю на колѣни ,
 Цалую руку ей , приявѣ тишайшій гласѣ :
 Способно мѣсто здѣсь къ любви , способенѣ часѣ ,
 И естли сердце мнѣ твое не будетѣ злобно ;
 То все намѣ , что ни есть , любезная способно .
 Пастушки , чаю , спяшѣ избавясь бури злой ,
 Господствуемѣ опять въ часы свои покой ,
 Ужѣ на небѣ шучѣ нѣшѣ , опять сѣяющѣ звѣзды ,
 И птицы стерегутѣ свои безѣ страха гибзды ,
 Орелѣ своихѣ пшеновѣ подѣ крыльями согрѣлѣ ,
 И воробей къ своимѣ яичкамѣ прилепѣлѣ :
 Блеяшѣ овецѣ ни въ чьемѣ не слышно стадѣ ,
 И все что есть , въ своей покоинся отрадѣ .
 Что дѣлать ей ; Дамонѣ ийти не хочетѣ прочѣ ?
 Возводишѣ къ небу взорѣ , о ночь , о темна ночь ,
 Усугубляй свой мракѣ , мой разумѣ опсшупаетѣ ,
 И скрой мое лицо ! вздыхаючи вѣщаешѣ .
 Дамонѣ ! мучитель мой ! я мню что и ше-

 лашѣ ,
 Смѣтешѣ

Смѣшся зря меня и слыша голосъ нашъ.
 Чшобъ гласъ не слышенъ былъ, шумите вы о роши,
 И возвратись насъ скрышь о темноту полунощи!
 Ей мнилось что о нихъ вѣсть паствомъ понеслась,
 И мнилось что тогда подъ ней земля шряслась.
 Не знаячи любви, любя. сказашь не смѣшь;
 Но молвивъ множество забавъ она имѣетъ,
 Который чувствуешь взаимно и Дамонъ;
 Збылся пастушка твоя, збылся приащный сонъ.
 По семъ изъ волнъ морскихъ Аврора вышупала,
 И спящихъ въ роцахъ Нимфъ играя возбуждае,
 Зфиръ по камышкамъ на ключевыхъ водахъ
 Журчалъ, и нѣжилъ въ пологихъ берегахъ.
 Лѣса, поля, дуга, сѣаньемъ освѣщались,
 И горы въ далекъ Авророй озлащались.
 Воспали пастухи, пришелъ пуродовъ ихъ часъ,
 И былъ изъ далека свирѣльный слышенъ гласъ.
 Пастушка съ пастухомъ любезнымъ разлучалась;
 Но какъ въ послѣдній разъ она подаловалась,
 И по веселостяхъ введа ево въ печаль,
 Сказала: коль тебѣ со мной распаться жаль;
 Приди ты подъ вечеръ ко мнѣ подъ дубъ шамъ
дальшій
 И успокой, Дамонъ теперь свой духъ печальный,
 А между тѣмъ меня на памяти имѣй,
 И не забудь, мой свѣтъ, горячности моей.

* * *

II.

КАЛИСТА.

Близъ паства межѣ луговъ и роць гора ле-
жала ,

Которую вода морская омывала :

Пустыня вся была видна изъ высоты.

Увеселяли взоръ различны красоты ,

Во изумленіи въ дуга и къ роцямъ зряща ,

Печальна Аписа , на сей горѣ сѣдяща .

Ни что увеселить сво не возмогло ;

Прельстивше пастуха лицо всю кровь въ немъ
жгло .

Тогда въ природѣ былъ часъ тихія погоды :

Онъ смотритъ изумленъ въ спящую воду ,

Въ которыхъ въ далекомъ край неба погруженъ ,

И дальностію взоръ пастушій пресѣченъ .

Въ смущеніи своемъ на воды онъзираетъ ,

И пляско воздохнуеъ , отъ горести вѣщаетъ :

Какъ море къ глубинѣ твоей болѣ ны лихъ ,

Однако и тебѣ есть вѣкогда опдыхъ :

А я , ково люблю , нещадно мучимъ ею ,

Ни на единый часъ опдыха не имѣю .

Волненіе твое царь вѣтровъ укротилъ ,

Мучителей твоихъ въ пещеры заключилъ ,

А люту страсть мою ни что не укрощаетъ ,

Любовь начавъ терзать всегда меня терзаетъ .

Калиста , посреди стениаія сево ,

Уединеніе разрушила ево .

Я слышу , говоритъ ему , пастухъ ты спонешъ :

Во шдепной ты любви кб Альфизб Аписб
тонешь ;

Какихъ ты отб нея надбешся утбхб ?

Она степенаніе швое приемлетб вб смбхб .

Ты знаешь что она тебя уничтожаетб ,

Свирбди твоея и рбсенб не внимаетб .

Цвбшы вб швоихб грядяхб проспая ей права ,

И рбсенб жалоспныхб пронзаящи слова ,

Когда ты свой поешь неугасимый пламень ;

Приходящб вб сердце кб ней какб спрблы вб
твердый камень .

Покинь суровую , ищи другой любви ,

И злое ушולי шерзаніе крови !

Пускай Альфиза всбхб приятняе красюю ;

Но зная что она гнушается тобою ,

Опешань и позабудь ты Розинб духб и видб :

Все то шобб тогда гвоздичка замбнипб .

Ты все пригожспво то что зришь шеперь не-
щастно ,

Увидишь и вб другой , кбмб сердце будетб
спрастно ,

И шпоманувб тогда пастушки сей красы ,

Потужишь что перялб ты вздохи и часы :

Нашедб любовницу сб пригожспвомб ей , подоб-
нымб ,

Сыдидься будешь ты размученб сердцемб злоб-
нымб .

На увбщаніе то Аписб говоритб :

Ни что сей склонности во мнб не истребитб .

Ты Ехо наши всб здбсь гласы повторяешь !

Ты Солнце всякой день здѣсь пашво освѣщаешь,
 И видишь пастуховъ пасущихъ здѣсь спада:
 Вамъ вѣстно рвался такъ любовью кто когда!
 И вамъ извѣстно то могуль я оплюбитья!
 Не буду никогда Калиста я спыдишья,
 Что шу суровую всѣмъ сердцемъ я любилъ,
 Которой я за то ни мадо не былъ милъ.
 Еще не упадешь со хладнаго снѣгъ неба,
 И земледѣецъ съ нивъ еще не снимешъ хлѣба,
 Какъ съ сей прекрасною пустыней я прощусь,
 И жизни своя ненадобной лишусь.
 Низвергнусь съ сей горы; мнѣ море дастъ могилу:
 Я шамо пошоплю и спрашь и жизнь унылу.
 И ежели а тѣмъ ей жалость приключу;
 Такъ я желанья часъ хопь въ смерти получу,
 А ешьли жизнь моя суровой къ смѣху свянешъ;
 Ужъ мой, досады сей, духъ чувствованья не
 спашешъ.
 Ты хочешь, говоришь, Пастушка, жизнь
 прещь,
 Опчаянная мысль, опчаянная рѣчь,
 Цвѣтущей младости ни мало не обычна:
 Кинь прочь о смерти мысль, къ мей старыхъ днѣ
 прилична;
 А ты довольствуйся утѣхой жиста.
 Хопь будетъ у неба любовница не ша,
 Такужъ опъ другой имѣши спашешъ радость,
 Цандишь веселости доколь пребудешъ младость.
 Ахъ! ешьлибъ проныцашъ шы мысль мою
 хопьблъ,
 Такъ

Такъ пыбъ уже хотя не о себѣ жалѣлъ ,
 И жаркія любви къ несклонной пы убавилъ ,
 А послѣбъ и со всѣмъ суровую оставилъ .
 Я мысли твоея проникнуть не хочу ,
 Ошвѣстествовалъ онъ ей , и глазъ не отврачу ,
 Ни для ради ково и въ срспаси безполезной ,
 Онъ мучащихъ меня очей моей любезной .
 Какъ шарый Кедръ свои корни распростра-
 нилъ ,
 Ея взоръ такъ любовь мнѣ въ сердце вкоренилъ .
 Свирѣпой , Апису Калиста отвѣчала ,
 Душа твоя , мое желаніе , познала ,
 И тако принялъ ты мой жаръ и ибжну страсть !
 Тебѣ приятнае въ страданіи пропасть ,
 Какъ зрѣть себѣ меня любовницею вѣрной !
 Незря въ очахъ моихъ любви къ себѣ безмѣрной ,
 Вдыхай , вокругъ ходячи Альфизиныхъ овецъ ,
 И помори свою скотину на конецъ .
 Когда сѣя гора сойдепъ въ морску пучину ,
 Альфиза сократитъ пепершну кручину .
 Но ешьлибъ ты пастухъ меня не пренебрегъ ;
 Ты вмѣсто здѣсь тоски имѣлъ бы пѣмы ушѣхъ .
 Я спсало бы свое съ твоимъ совокупила ,
 По роцямъ бы съ шобой повсякой день ходила :
 Калистѣ бы ты былъ участникомъ всево ;
 Кудабъ я шла одна ; шлабъ съ просу швогго ,
 Безъ волибъ твоея не здѣлала ступени :
 И клалабъ на свои я Аписа колъни :
 Рядилась бы я шакъ какъ надубно шеебъ ,
 И словомъ , абъ жила шеебъ а не себѣ .

Ахъ! Аписъ ты со мной извѣстное теряешь,
 А неизвѣстнаго напрасно ожидаешь.
 Ты тщетною себѣ надеждою маня,
 Что я ни говорю, не слушаешь меня.
 Отъ тѣхъ часовъ, какъ ты въ несчастную страсть

попался,

Ахъ Аписъ! Аписъ! гдѣ разсудокъ твой, дѣ-
 вался?

Ей Аписъ говоритъ: когда тебѣ я милъ,
 Ябъ сердце красотѣ шеперь твоей вручилъ;
 Но сердце у меня Альфизой взято вѣчно,
 И буду ею рванъ по смерть безчеловѣчно.
 Любви достойна ты; но мнѣ моя душа,
 Любить тебя препишъ, хоть ты и хороша.
 Ты пѣни голосомъ пріятнѣйшимъ вспѣваешь,
 И гласы соловьевъ сихъ родей посрамляешь.
 На тѣлѣ видится твоемъ Лилеинъ видъ,
 Въ щекахъ твоихъ цвѣтѣвъ царица зракъ свой
 зрима.

Зефиры во власы твои пристрастно дуютъ,
 Гдѣ пляшешь ты когда, тамъ Граціи ликуютьъ.
 Сравненна можетъ быть лишь пѣнь твоя съ
 тобой,

Когда ты гдѣ сидишь въ день ясный надъ водой.
 Не превзошла тебя красой и та богиня,
 Которой съ паствомъ здѣсь подвластна вся
 пустыня.

А къмѣ въ несчастіи я мучася горю,
 О той красавицѣ тебѣ не говорю;
 Альфизѣ похвалу я въ сердцѣ заключаю,

И красоту ея ни съ чьею не равняю.
 За вѣрность такую, отвѣтствуешь она,
 Альфиза покорить тебѣ свой духъ должна,
 Но знаю что того ты не дождешься вѣчно.
 А лбѣ тебя мой свѣтѣ любила, ахъ! сердечно,
 И вѣрной Горлицѣ начавши подражать,
 Не сталабѣ о другомъ до смерти воздыхать.
 Любить меня другимъ ужѣ не былобѣ уснѣха,
 Всябѣ стала состоять Калистина уснѣха,
 Чтوبѣ съ Аписомъ ей быть, на Аписа взирать,

Имѣть ево въ рукахъ и часто цаловать.
 Прости, мой взорѣ тебя напрасно потревожилѣ,
 И помни что ты пу пастушку уничтожилѣ,
 Которубѣ ты любя, миляй ей жизни былѣ,
 И ахъ! которой ты еще свирѣпой милѣ.
 Во пвердости своей пастухѣ не колебался,
 И радѣ былѣ что онѣ съ сей пастушкою разстался.

Ахъ! такѣ ли ты любовь стѣнящихѣ веселишь!
 За что Альфиза ты въ поскѣ мнѣ жить велишь,
 И жалобы вѣщать пустыни безнолезно!
 Скорбящій говорилѣ стѣня любовникѣ слезно:
 Суюль пастушка мзду за искренность ты мнѣ:
 Печешся приключишь въ спокойной сей странѣ,
 Что младости моей ты лѣша дарагѣя,
 Преобращаешь мнѣ во времена презлыя:
 Бѣ жилище пагубно, приятнѣйши мѣста?
 За толи такѣ моя къ тебѣ любовь чиста?
 Калиста, какѣ меня въ любовь ни приводила,

Движенья малаго во мнѣ не учинила.
 Ты волосомъ темна, Калиста имъ руса.
 Но все то и для всѣхъ равно колы есть краса.
 Душа ево еще, еще обремѣенна:
 Не мнитъ онъ что была Калиста наученна,
 Извѣрить пастуха приявъ въ любви приговоръ,
 И страстный съ нимъ вела безстрастно раз-
говоръ.

Альфиза Аписа Калистой искушала.
 О Гиласѣ въ пошлѣ часѣ Калиста помышляла,
 Когда любовну рѣчь со Аписомъ вела:
 А съ Гиласомъ она въ любви ужъ жила,
 Хотя ихъ еще любовь была и неизвѣстна.
 И тако рѣчь ея казалась быть недестна.
 Хотя о дружбѣ сихъ пастушекъ Аписъ зналъ,
 Но слыша спростну рѣчь все правдой прини-
малъ.
 Едва сошедъ съ горы пастухъ приходитъ къ
стаду,

Онъ зрѣтъ любезну и чувствуетъ оспраду:
 Альфиза у его овецъ уже была,
 И ласково съ собой гулять ево звала,
 Часъ времени ему тогдашней похваляя.
 Какъ скоро съ нимъ отшедъ отъ стада ево
драгая,

Къ открышью пламени убѣжище нашла,
 Вся прежняя отъ нее суровость ошошла.
 Обманомъ ихъ союзъ Калиста утвердила,
 И часно смѣючись тѣмъ Аписа дразнила,
 А предъ Альфиною, на Аписа предъстась,

И передъ Гиласомъ винулася смѣясь.
 Не тщетно Аписъ ты пастушкою былъ мученъ:
 Благополученъ ты пастухъ благополученъ,
 Что върности своей, ты къ ней не премѣнилъ,
 И хладно отъ себя Калисту отпустилъ;
 Когдабъ ты былъ не швердъ и къ ней въ любовь
 склонился,
 Ты тщетной радостью, прямыя бы лишился,
 И щастіе свое при дзержѣ погубя,
 Рвался бы суешно сердца на себя.

А. С.

III.

С Л О В О

М. ТУЛЛІЯ ЦИЦЕРОНА

ЗА КВ. ЛИДАРІЯ

къ К. ЦЕСАРЮ.

О новомъ, и до сего дня неслыханномъ, Кай Цесарь, преступленіи донесъ тебѣ ближній мой Квинтъ Туберонъ на Квинта Лигарія, что былъ онъ

онъ въ Африкѣ: о чемъ и Каїй Панса, мужъ превосходнаго разума, уповая можетъ быть на твое съ нимъ обхождение дерзнулъ засвидѣтельствовать. И такъ, куда мнѣ обратишься, не вѣдаю. Я было пришелъ съ тѣмъ, что бы, когда еще ты дѣла ни самъ собою не узналъ, ни онъ другихъ слышать не могъ, въ свою пользу употребить твое незнаніе для избавленія онаго несчастнаго человѣка: но когда уже то, что шайлось, стараніемъ соперника найдено; то думаю, что я оное признанъ долженъ: особливо для того, что свойспивенникъ мой Каїй Панса мнѣ то упайтъ воспрепятствовалъ. Ради того оспая прѣвнїе, должно мнѣ всю рѣчь обратишь къ твоему милосердію, которымъ премногіе спаслися не въ винахъ оправдавшись, но получивъ въ погрѣшностяхъ прощеніе.

И такъ, Туберонъ, ты уже то имѣешь, чего доносителю весьма желать должно; признавается винный; однако такъ признавается, что онъ въ той области былъ, въ которой ты, Туберонъ, въ которой мужъ всякой похвалы достойной, отецъ твой, были; и для того прежде вамъ самимъ признаваться, должно въ своемъ преступленіи,

пленіи , нежели обвинять Лигаріа. Квинтъ Лигарій въ Африку посланъ при КаіѢ Консидіи военачальникомъ еще въ то время , когда о войнѣ ни малѣйшаго не было чаянїя : въ которой должности у гражданъ и союзниковъ въ такую пришелъ онъ довѣренность , что ежели бы Консидій , при отбѣздѣ своемъ , надъ тою страню начальникомъ не его поставилъ , тобы всѣ люди не довольны были. И такъ Лигарій долго отъ того отрицаяся ничего не усилъ , и противъ воли правленіе страны принялъ , которою онъ въ мирное время такъ правительствовалъ , что и гражданамъ и союзникамъ праводушіе и вѣрность его крайне угодны были.

Внезапно загорѣлась война : и бывшіе въ Африкѣ прежде услышали о бранныхъ дѣйствїяхъ , нежели о приутопвленїяхъ. Отъ сей вѣсти , частію по безразсудному желанію , частію по нѣкоторому слѣпому страху , сперва для спасенїя своего , а по томъ и для склонности искали себѣ предводителя ; когда Лигарій взирая на домъ свой , и желая къ своимъ возвратиться ни въ какое дѣло вступать не хотѣлъ. Между тѣмъ прибылъ въ Утику Публій

лїй. Акцій Варъ , который въ Африкѣ бывалъ Преторомъ. Къ нему немедленно збѣжались. А онъ съ не малою жадностію ухватилъ повелительство надъ войскомъ , ежели только по повелительствомъ назвать можно , что человеку безвластному ; крикомъ безразсуднаго народа, безъ общаго совѣта поручено.

И такъ Лигарій , который отъ всякаго таковаго дѣла желалъ бы уклониться, не много прибытіемъ Варовымъ успокоился. По сіе время, Каіи Цесарь, не видишь ты никакой вины Квинша Лигарія. Онъ вышелъ изъ дому , когда не только войны , но и ни малѣйшаго чаянія о войнѣ не было : отправился военачальникомъ въ мирное время , и въ странѣ безмятежнѣйшей поступалъ какъ человекъ миролюбивой. Отвѣздъ его во истинну не можешь тебя ни мало озлобить. Развѣ то , что онъ остался тамъ? Сіе и того меньше. Ибо отвѣздъ его въ себѣ никакого безчестія не содержалъ , а пребываніе по необходимости похвально было.

И такъ сіи два времена , преступленію не причастны , одко когда отправился онъ военачальникомъ , другое когда по требованію народа поставленъ надъ

надъ Африкою правилелемъ. Третье время то, въ которое онъ по прибытїи Варовомъ въ Африкѣ оспался. Ежели сіе виноно; то вина сія учинена по нуждѣ, а не по намѣренїю. Ежели бы онъ могъ какимъ ни будь образомъ отпуда удалиться: то лучше ли бы онъ пожелалъ быть въ Утикѣ, нежели въ Римѣ; лучше ли съ Публиемъ Акціемъ, нежели съ единокорными братьями; лучше ли съ чужими, нежели съ своими? Когда само военачальство преисполненно было желанїемъ и попеченїемъ отъ безмѣрной къ братьямъ любви, то могъ ли онъ быть безъ сердечнаго смятенїя отпоргнувъ войною отъ братьевъ?

Доселѣ еще, Цесарь, не видишь ты въ Квинтѣ Лигарїи ни каковаго знака отчужденныхъ тебя мыслей, котораго я дѣло, смотри, съ какою вѣрностію защищаю, когда своего предателемъ дѣлаюся. О предивное милосердіе и всякой похвалы, проповѣдыванїя, преданїя писанїю, и вѣчнаго воспоминовенїя достойное! Маркъ Цицеронъ защищаетъ предъ тобою другаго, что въ тѣхъ не былъ мысляхъ, признаваясь, что онъ самъ былъ въ оныхъ: ниже опасается сокровенныхъ

своихъ помышленийъ : ниже ужасается того , что тебѣ въ мысли приходитъ о немъ самомъ , когда ты о другомъ слушаешь . зри колико я не ужасаюся : зри коликой свѣтъ щедроты и премудрости твоей меня объемлетъ , меня сіе тебѣ вѣщающа . Сколько возмогу , пощуся возвысити гласъ мой , да услышанъ буду отъ всего Римскаго народа .

Когда брань началась , Цесарь , и уже по большей части производилась , то я ни съ какого принужденія по собственному разсужденію и волѣ къ той часи войскъ отправился , которые прошивъ тебя вооружены были . Такъ предъ кѣмъ сіе вѣщаю ? то есть предъ тѣмъ , который хотя по вѣдалъ , однако меня прежде , нежели увидѣвъ , возвратилъ опечеству ; который ко мнѣ изъ Египта письмо прислалъ , чѣмъ я потѣ же былъ , который былъ ; который будучи одинъ военачальникомъ въ цѣломъ государствѣ Римскаго народа , мнѣ другому бытъ дозволилъ ; котораго допущеніемъ отъ сего самаго Каія Пансы увѣдомясь , консульскіе я знаки лавромъ обвитые имѣлъ , доколѣ разсудилось ; который думалъ , что тогда мнѣ возвратитъ жизнь , когда оную возвратитъ со всѣми прежними украшеніями .

Раз-

Разсуждай Туберонъ , дерзну ли я Лигаріево дѣло исповѣдывать , когда о своемъ говорить не усумнѣваюсь. И то я о себѣ для того говорилъ , чтобъ миѣ Туберонъ , ежели и объ немъ тоже изреку , простилъ ; котораго я прудамъ и славъ усердствую или для близкаго сродства , или что его разумомъ и науками увеселяюсь , или для того что отъ похвалы юноши ближняго моего нѣскольکو , какъ думаю , и на меня къ нѣкопорому моему удовольствію изливается.

Но я вопрошаю , кто вмѣняетъ въ преступленіе , что Лигарій былъ въ Африкѣ ? то есть томъ , который и самъ желалъ быть въ Африкѣ , и жалуется , что въ томъ ему Лигарій воспрепятствовалъ , и который во истинну прошивъ Цесаря вышелъ вооруженъ. Скажи Туберонъ , что твой сной обнаженный мечъ на Фарсальскомъ сраженіи дѣлалъ ? въ чье ребро конецъ оный устремлялся ? какое намѣреніе было твоего оружія ? что ты имѣлъ въ мысли ? что оказывалъ глазами ? руками ? яростію твоего сердца ? чего желалъ ? чего алкалъ ? Излишно наступаю , смущенной видъ оказываетъ юноша : обращаюсь къ себѣ : и я былъ въ томъ же оружіи.

Но что мы другое, Туберонъ, дѣлали, какъ не то, чтобъ какое получить могущество, какое сей имѣешь. Такъ копюрыхъ помилованіе швоему, Цесарь, милосердію хвалу приносишь, шѣхъ самихъ слово къ жестокосердію поощряешь тебя будешь? Въ семъ дѣлѣ, Туберонъ, и швоего нѣсколько, а много больше отца швоего пребуемаго благоразумія не вижу: что онъ будучи превосходень природою и науками, не могъ видѣшь, какое ешо дѣло. Ибо естли бы видѣлъ, тобъ конечно желалъ, чтобъ ты оное производилъ какимъ жотя другимъ, а не таковымъ образомъ. Ты обличаешь вину исповѣдующаго. Сего не довольно. Доносишь на него въ таковомъ дѣлѣ, которое, какъ я говорю, лучше швоего: или, какъ ты желаешь, швоему равно.

Но слѣдующее о тебѣ не только дивно, но чудовищу подобно. Доносъ швой на Лигарія клонится не къ обвиненію онаго, но къ отнятію живота: чего до тебя никто изъ Римлянъ не предпріялъ. Таковыя нравы чужды. Ненависть возбуждать даже до пролитія крови, сродно или малодушнымъ Грекамъ, или жестокосердымъ Варварамъ.

рамъ. Ибо о чемъ ты иномъ стараешься? Чѣмъ не былъ онъ въ семь графъ? чѣмъ лишенъ былъ дому? чѣмъ съ дражайшими своими братьями, чѣмъ съ Типомъ Брокхомъ дядею своимъ, чѣмъ съ сыномъ его, своимъ двоюроднымъ братомъ, и чѣмъ съ нами не жилъ? чѣмъ не былъ въ отечествѣ? Но въ отечествѣ ли онъ? и можно ли его больше лишить всего того, какъ уже лишенъ. Въ Италии ему быть запрещено, спранствуетъ. Конечно ты его не отечества, котораго онъ опчужденъ, но живота лишишь желаешь.

Но таковаго дѣла и таковымъ образомъ никто не имѣлъ и у того Дикшатора, который всѣхъ ненавидимыхъ себѣ казнилъ смертію, который самъ повелѣвалъ убивать, хощя истецовъ не было: не довольно того, награжденіями привлекалъ. Однако сіе онаго безчеловѣчіе, по нѣсколькихъ лѣтахъ, отмстилъ сей самый, котораго ты теперь жестокосердымъ здѣлать стараешься. Ты скажешь, я того не пребуду. И я во истинну таково о тебѣ, Туберонъ, мнѣнія; я знаю тебя, знаю отца твоего; знаю вашъ домъ, и знатность онаго; и самую склонности рода и племени вашего къ добро-

дѣтели , обхожденію , и знанія ваши во многихъ искусствахъ и наукахъ , всѣмъ извѣстны.

Я подлинно знаю , что вы не требуете крови. Но безъ разсмотрѣнія начали вы дѣло. Представленіе ваше является по себѣ ; будто бы вы не довольны были наказаніемъ , которое доселѣ терпитъ Лигарій. И шакъ , какая иная можетъ слѣдовать казнь кровѣ смерти ? Ежели уже онъ дѣйствительно въ ссылкѣ , то чего вы больше требуете ? Не того ли чтобъ не былъ помилованъ ? Но сіе несказанно жестокае , и несказанно тягостнѣе. О чемъ мы мольбою , слезами , повергаясь къ ногамъ , на дому умоляемъ , не столько надѣясь на безпорочность дѣла , сколько на сего великодушнаго ; въ испрошеніи того намъ ты противоборствовать будешь ? и набѣжишь на нашъ плачь ? и намъ лежащимъ въ ногахъ воспрепятствуешь проносить прозъбы ?

Ежели бы въ то самое время , когда бы мы на дому о семъ дѣлѣ просили , какъ то и учинили , и какъ думаю , не щепно учинили , ты нечаянно ворвался и кричать началъ : К. Цесарь , не вѣрь , не прощай , не прекло-

клоняйся на мольбы братьевъ за брата приносимыя : не лишился ли бы ты всего человѣчества ? Но сіе коль безчеловѣчнѣе , о чемъ мы просимъ на дому , въ помъ намъ въ судѣ препяпствовашь , и въ толикомъ многихъ нещасіи затворять прибѣжище милосердія.

Скажу не обинуюсь , К. Цесарь , что въ сердцѣ имѣю. Ежели бы не было толь велико твое милосердіе при семъ толикомъ твоемъ блаженствѣ , до котораго ты самъ собою , самъ собою , говорю , достигъ , (вѣдаю , что вѣщаю) то бы побѣда сія преисполненна была горчайшаго рыданія. Сколь бы многие нашлись изъ оставшихся при тебѣ побѣдишелями , которые бы желали видѣть тебя жестокосердымъ , когда таковы и изъ побѣжденныхъ являются ? Сколь бы много и таковыхъ было , которые бы желая тебя здѣлашь неумолимымъ , удерживали твое милосердіе , когда уже и помилованные тобою не хотятъ тебя видѣть къ другимъ милосерда.

Естьли бы я Цесарю доказать могъ , что Лигарій въ Африкѣ подлинно не былъ , и естьли бы той честностью и милосердой неправдою искалъ посо-

бить несчастному гражданину : тобѣ и шутѣ не достойно челоуѣка , чтобѣ въ злодикомѣ бѣдствіи и злополучіи согражданина опровергать меня , и изобличать во лжѣ. А хопя бы кому и можно , то конечно не тому , копорый самѣ былѣ въ одномѣ случаѣ и несчастіи. Но иное не желать Цесарю бытъ обманушу , иное милосерду. Ты бы только могѣ сказать : Не вѣрь К. Цесарь : Лигарій въ Африкѣ былѣ : прошивѣ тебя шель съ оружіемѣ. А теперь что говоришь ? Не продай ; коротаго слова отѣ челоуѣка , и къ челоуѣку ожидать не можно. И ежели кто оное предѣ тобою , К. Цесарь , упушрѣбитѣ , то пусть увѣренѣ будетѣ , что скорѣе самѣ лишитѣся челоуѣчества , нежели оное у тебя исторгнетѣ.

Первой Тубероновѣ приступѣ и требованіе слова сіе , думаю , было : хочу довести о беззаконіи Квинта Лигарія. Я не сумнѣваюсь , Цесарь , что сіе тебя привело въ удивленіе , или для того что никто другой ни о комѣ , или для того что шотѣ доноситѣ , копорой самѣ былѣ въ томѣ же дѣлѣ , или отѣ недоумѣнія , какое объявлено будетѣ новое беззаконіе. Туберонѣ , пы
без-

беззаконіемъ называешь ? Для чего ? Сего имени оное дѣло по сіе время не имѣло. Иныя называютъ погрѣшно-стію ; иныя боязнію , которые жесточае , тѣ надеждою , жадностію , ненавистію , упрямствомъ ; которыя съ вѣщшею жестокостію , тѣ безуміемъ ; беззаконіемъ еще никто кромѣ тебя.

Есть ли бы кто пожелалъ знать о свойственномъ и истинномъ имени сего нашего злоключенія , то я бы оное назвалъ пагубнымъ рокомъ , пошемненнымъ человѣческимъ разумомъ овладѣвшимъ : чтобъ никто не удивлялся , что человѣческія совѣты преодолены Божескою судьбою. Пусть мы бѣдны , хотя при такомъ побѣдителѣ быть пому не можно : но я говорю не о насъ ; я говорю о убиенныхъ.

Пусть были между нами жадныя , разгнѣванныя и упрямыя. Но имя беззаконія , ярости и человѣкоубійства ниже умершему Кн. Помпею , ниже другимъ многимъ не налагается. Кто когда , Цесарь , отъ тебя сіе слышалъ ? Или какое другое намѣреніе было твоего оружія , какъ не то одно , чтобъ отвратить отъ тебя поношеніе ? Что произвѣстъ старалось оное твое непобѣдимое воинство , какъ не то , чтобъ

защитить свое право, и свое достоинство? Что? Когда желалъ ты мира, то для того желалъ, чтобъ съ незаконными, или чтобъ съ честиными гражданами благоденствовать?

Мнѣ бы твои, К. Цесарь, великія ко мнѣ благодаренія такими во истинну не казались, ежели бы я думалъ, что тобою пощаденъ какъ незаконникъ. И какимъ бы ты образомъ себя прославилъ въ республикѣ, ежели бы толь много незаконныхъ людей оставилъ при ихъ прежнихъ достоинствахъ? Съ начала починалъ ты оное, Цесарь, не войною, но раздоромъ, и не неприятельскою враждою, но гражданскимъ несогласіемъ, гдѣ обѣ стороны благосостоянія республики желали, но отъ части совѣтами, а отъ части склонностями отъ общей пользы опступили. Начальниковъ достоинство съ обѣихъ сторонъ почти равное было, но послѣдовавшихъ имъ, думаю, не равное. Намѣреніе, которой стороны похвальнѣе, тогда недовѣдомо было. Ибо каждая сторона имѣла нѣчто похвальное, а нынѣ ты безъ сумнѣнія лучшею и справедливѣйшею почесть должно, которой и Боги споспѣшествовали. И когда извѣстно намъ стало твое милосердіе,

діе , то кто не предпочтетъ тоя побѣды , въ которой никто , кромѣ падшихъ въ сраженіи , живота не лишился.

Но оставивъ общее дѣло , приступимъ къ нашему. Или ты думаешь , Туберонъ , что удобнѣе было Лигарію выѣхать изъ Африки , нежели вамъ въ оную не прийти? Ты скажешь : Можно ли было противиться , когда повелѣлъ Сенатъ ? Естли отъ меня мнѣнія пребуешь , никакъ не можно. Но и Лигарій отъ того же Сената посланъ. И онъ въ то время повинулся , когда необходимо надлежало : вы тогда , когда всякъ , кто хотѣлъ , могъ послушаться. Такъ думаешь , что тебя обвиняю ! нѣтъ. Ниже родно было съ вашимъ родомъ , именемъ , племенемъ и наукою. Но сего не дозволяю , чтобъ вы то въ другомъ оуждали , въ чемъ себѣ славы ищите.

Когда Туберону вышелъ изъ Сената жребій въ ево за болѣзнію отсудствіи , то намѣренъ онъ былъ отрицаться. Сіе мнѣ извѣстно по общему между нами во многомъ союзу. Мы въ одномъ домѣ купно обучались , въ военной службѣ товарищи , по томъ сродственники , на конецъ во всю жизнь други были. И

шо немалой союзѣ , что въ однихъ наукахъ поучались. И такъ мнѣ подлинно извѣстно , что Туберону бхашь не хотѣлось.

Но нѣкоторые такъ наступали , и такъ священнѣйшее республики имя проповолагали , что хотя бы онъ инако размышлялъ , однако самыхъ словъ , которыя почиталъ важными , снести не могъ ; и такъ уступилъ власти преименитаго мужа , или паче реку повинулся. Отправился купно съ его послѣдователями : но медлѣлъ въ пути : и такъ приѣхалъ въ Африку уже занятую. Описюду раждается преступление Литаріево или паче вражда Туберонова. Ибо есть ли въ томъ какое преступление , что онъ желалъ ; то не менѣе и ваше , что Африкою , всѣхъ областей крѣпостію , рожденною для всегдашней войны сему граду , овладѣть желали , и то больше , нежели кто другой : но и шомъ другой , не Литарій. Варъ сказывалъ , что онъ власть имѣлъ. Снопцы , и подлинно имѣлъ. Но какъ бы то ни было , сія ваша , Туберонъ , жалоба сколь важна ? мы не впущены въ провинцію. Что ? ежели бы впущены были ? Цесарюль бы оную предали , или противу Цесаря удержали.

Видь ,

Вижьдъ , Цесарь , сколько вольности , или паче дерзновенія , щедроша пвое намь даешъ . Есшьли скажетъ Туберонъ , что Африку , куда онъ отъ Сенапа и по жребію посланъ , шебѣбъ отецъ его поручилъ : шо не убоюсь предъ тобою самимъ , которому шо полезно было , паковое его намѣреніе поругать жесточайшими словами . Ибо хотябъ шы оную его поступку принялъ за приятную , однако не за похвальную . Но я уже все сіе оставляю , не пакъ для опвращенія онъ кропкаго пвоего слуха противности , какъ для того , чшобъ не навешъ на Туберона подозрѣнія въ томъ , о чемъ онъ ни когда не думалъ . И такъ шли вы въ Африканскую спрану , которая одна сей побѣдѣ паче всѣхъ неприязненна : въ которой находился сильной Царь , противникъ въ бывшемъ нашемъ приключеніи , и въ которой были опвращенные отъ насъ сердца , многочисленныя и пѣсныя сходбища . Скажи , что бы вы учинили ? Но сомнѣніе мое уже самая ваша поступка разрѣшаетъ . Воспрепятствовано вамъ и ногою вступитъ въ вашу обласъ : въ чемъ поступлено съ вами тогда и нынѣ весьма неправедно . Какъ вы шо снесли ? кому объ
оной

оной оказанной вамъ обидѣ принесли жалобу? то есть тому, къ копорому шли въ сообщество войны, будучи приведены его великостію. Если вы шли въ Африку для Цесаря: то конечно къ нему пошли, когда были изъ оной выгнаны: но вы возвратились къ Помпею. И такъ какъ ваша Цесарю жалоба, когда ему на того доносиле, на котораго жалуется, что воспрепятствовалъ воевать противу Цесаря? Но я и шѣмъ вамъ славиться, хотя и ложно, если желаете, позволяю, что вы въ оную страну пропиву воли Вара и другихъ Цесарю предали. Яжъ Лігаріево пресупленіе въ томъ признаю, что онъ къ полученію толикой похвалы лишилъ васъ случая.

Послушай, молю, Цесарь, о постоянствѣ почтеннаго мужа Лукія Туберона, которую добродѣтель хотя я всегда почиталъ и почитаю, однако не упомянулъ бы здѣсь объ ней, если бы изъ устъ твоихъ не слышалъ, что та всѣхъ достохвальнѣе. Въ комъ другомъ примѣчено когда было толикое постоянство? постоянствомъ называю? Не знаю, не лучше ли называть ее терпѣливостію. Многіе бы по учинилъ

по-

пожелали, чтобъ бывъ не принятымъ во время междусобнаго несогласія , и съ жеспокостію отверженнымъ, паки къ той же споронѣ возвратишься ? . Что великаго нѣкоего духа и такого мужа достойно , котораго бы онѣ предпріяпатаго дѣла и положеннаго намѣренія ни какое ругательство , ни какая наглость , ни какое бѣдствіе отвратишь не сильно было.

Пусть Туберонѣ все прочее равное имѣлъ съ Варомъ ; но честь его , благородство , слава , природа несравненно больше : сіе во истинну первое , для чего Туберонѣ , по опредѣленію Сената съ власпію въ страну свою отправился. И когда въ оную не впущенъ , то не къ Цесарю, чтобъ то не казалось быть отъ оскорбленія : не въ домъ, чтобъ не остаться праздно : не въ другую страну , чтобъ не показать тѣмъ раскаянія : въ Македонію къ полкамъ Кнея Помпея возвратился , къ той самой споронѣ , отъ кошорой съ обидою отверженъ.

Что ? Когда прибытіе ваше никакого не произвело дѣйствія въ сердцѣ Помпеевомъ : съ меньшею , думаю , ревностію поступали ? оспались при охраненіи одного мѣста ? и уже мысли ва-
ШИ

ши отъ стороны его отвращались? Или мы всѣ , какъ то обыкновенно въ междусобныя брани бываетъ , и по не больше вы , какъ и всѣ прочіе , желаніемъ побѣды одержимы были? Что до меня касается , по я прежде всегда совѣтовалъ примириться : но тогда было поздно : и безумно бы было , видя усстроеныя къ брани полки , помышлять о примиреніи. Должно сказать , что всѣ мы побѣдить желали : а ты во истинну всѣхъ больше , когда въ такомъ стоялъ мѣстѣ , гдѣ , естлибъ не побѣдилъ , погибнуть надлежало : хотя теперь не сомнѣваюсь , что при нынѣшнихъ щастливыхъ обстоятельствахъ спасеніе сіе побѣдѣ оной предпочитаешь.

Я бы о семъ , Туберонъ , умолчалъ , естлибъ , или вы о своемъ постоянствѣ , или Цесарь о своемъ благодѣяніи раскаивался. Теперь вопрошаю , за свои ли обиды , или за общественныя Лигарія гоните ? Когда за общественныя , по что отвѣщевать будете о вашемъ упорствѣ ? когда за ваши собственныя , по смотрите , не обманитесь , когда думаете подвигнуть на гнѣвъ Цесаря противу вашихъ непріятелей , который и своихъ простилъ. Такъ ты думаешь , Цесарь , что я Лигаріево дѣло защищаю. Или
его

его поступку оправдись желаю? Все, что я ни говорил, къ единому швоему человекѣлюбію, милоспи и милодердію клонитса.

Я многія судныя защищаль дѣла, и то съ побою, когда ты по чинамъ швоимъ въ судѣ присудспивоваль, однако никогда такъ не говориваль: *Простите судіи; обманулся; погрѣшилъ; не думаль; естли влредь*: такъ защищаемъ предъ родителями. А предъ судіями, не учи нилъ; не помыслиль: *ложные свидѣтели; вымышленное беззаконіе*. Скажи, Цесарь, что ты судія Лигаріеву дѣлу: и вопрошай меня, которій городъ защищаль Лигарій: я молчу; и шакowychъ представлений не собираю, которыябъ, можетъ быть, и предъ судіею сильны были. Онъ отправился военачальникомъ до брани, и оставленъ на правленіи въ мирное время; войною утѣсенъ, не былъ жестокъ, всѣмъ еще сердцемъ къ тебѣ склонялся: симъ образомъ производится дѣло предъ судіями. Но я говорю предъ ошцемъ, заблудилъ, безразсудно поступилъ, раскаяваюсь; къ швоему милосердію прибѣгаю; прощенія вины прошу. Естли онаго никшо у тебѣ не получилъ, то было бы прошеніе мое дерзновенно: а ежели многіе,

по споспѣшествуй тому, которому ты далъ упованіе.

Или Лигаріо къ надеждѣ нѣтъ причины, когда мнѣ есть мѣсто къ предспашельству за другаго? Правда, Лигаріева надежда не состоитъ въ моемъ словѣ, ниже въ усердіи просителей, приятелей твоихъ. Видѣлъ я и уразумѣлъ, на что ты больше зриаешь, когда многіе о спасеніи чьемъ прудятся. Тебѣ благоприятнѣе важность предспавленій, нежели лице просителей: и ниже зриаешь на то, въ какой довѣренности у тебя проситель, какъ въ какой дружбѣ съ тѣмъ, о комъ предспашельствуетъ. И такъ ты удаляешь своимъ приятелямъ столько милости, что иногда щаспливѣе мнѣ кажутся тѣ, которые у тебя оною наслаждаются, нежели ты самъ, который столько имъ дозволяешь. Однако со всѣмъ тѣмъ причины предспашелей, какъ я уже сказалъ, у тебя важнѣе; нежели прошенія: и тѣ тебя больше въ сожалѣніе приводятъ, въ которыхъ при прошеніи усмаприваешь истинное соболѣзнованіе.

Помиловавъ Квинта Лигарія, ты многимъ угодишь своимъ приятелямъ: но прими то въ разсужденіе, на что
обык-

обыкновенно взираешь. Могу тебѣ представить храбрыхъ мужей довольно извѣстныхъ тебѣ Сабинянь, и весь уѣздъ Сабинской, цвѣшъ Италиі, крѣпость нашей республики. Сіи тебѣ коротко извѣстны. Посмотри на ихъ горестъ и печаль. Сего Типа Брокха, о копоромъ какого ты мнѣнія не сомнѣваюсь, и сына его слезы, и видѣ горестной видишь.

Что скажу о его братьяхъ? Не думай, Цесарь, чтобъ дѣло сіе обѣ одного главѣ происходило. Должно тебѣ или трехъ Лигаріевъ удержатъ въ гражданствѣ, или трехъ изъ опечества выгнать. Симъ желательнѣе всякая ссылка нежели опечество, домъ и домашніе боги, когда тотъ одинъ въ ссылкѣ. Ежели они братолюбно, ежели сердечно, и со взаимнымъ сожалѣніемъ между собою поступаютъ: то сжался на ихъ слезы, сжался на любовь, сжался на дружелюбіе. Да будетъ сильно оное твое слово, копорымъ ты побѣдилъ: ибо слышали мы твои о насъ рѣчи, что мы всѣхъ тѣхъ почитали пропивниками, копорые не по насъ поборяли: а ты всѣхъ тѣхъ называлъ своими, копорые противу тебя не вооружились. Зриши ли сію славу, весь

сей домъ Брокховъ, сего Лукія Маркія, Каія Кесетія, Лукія Корфидія, всѣхъ сихъ вишязей Римскихъ, которые здѣсь въ печальномъ одѣянїи предстоятъ, которые мужи не только тебѣ извѣстны, но и досповѣрны. Всѣ сіи съ тобою были, и на сихъ нашъ гнѣвъ горѣлъ, ихъ мы требовали; и нѣкоторые изъ насъ имъ угрожали. И такъ сохрани твоимъ друзьямъ тѣхъ, которыхъ они называютъ своими: что бы какъ всѣ прочія свои слова, такъ и оное имѣло истинное исполненіе.

Ежели бы ты могъ проникнуть внутрь согласія Лигаріевъ: то бы ты думалъ, что всѣ братья съ тобою были. Кто можетъ помыслишь, чтобъ Квинтъ Лигарій, ежели бы былъ въ Италїи, иную принялъ сторону, какъ ты, которую братья его держали? Кто не вѣдаетъ о единомысленномъ и почти единодушномъ согласїи и равенствѣ сіе братство умѣряющемъ? Кто не такого мнѣнія, что все удобнѣе статься могло, нежели чтобъ сіи братья разныя мысли и стороны приняли? И такъ сердцемъ они всѣ съ тобою были: не погодою одинъ отпорженъ: который, хотя бы то и умышенно здѣлалъ, однако былъ бы подобенъ своимъ братьямъ,

кото-

которыхъ ты оставилъ невредимыми.

Положимъ , что пошелъ бы онъ на брань : и отступилъ бы не только отъ себя , но и отъ братьевъ : но о семъ тебя сіи твои приятели просятъ . Я по всѣмъ бывшимъ о тебѣ дѣламъ присутствовалъ , и для того помню , какія имѣлъ мысли о тебѣ , и швоемъ достоинствѣ городской Квесторъ Тимъ Лигарій . Но сего не довольно , что я одинъ только помню : надѣюсь , что и ты помнишь , который кромѣ обидъ ничего не забываешь , какъ по твоему духу , какъ по твоей природѣ приличесвенно ; и когдамышляешь о другихъ Квесторахъ , то и его на мысль приводишь .

И такъ сей Тимъ Лигарій , который тогда о томъ одномъ старался , (ибо сего не предвидѣлъ) чтобъ заслужить у тебя имя усерднаго и честнаго человека , теперь тебя смиренно проситъ о живощъ своего брата ; котораго живощъ , естли ты , вспомнивъ услуги сего Тима , для обѣихъ братьевъ сохранишь , то подаришь трехъ дружелюбныхъ и честныхъ братьевъ не шелько самимъ себѣ , не только намъ его приятелямъ , не шелько симъ многимъ преименитымъ мужамъ , но и республикѣ .

Что ты прежде сего въ Сенатѣ

Марку Маркеллу благородному и знашному челоуѣку оказалъ , понынѣ окажи предъ народомъ чеспнымъ и всему собранію сему возлюбленнымъ браньямъ. Какъ онаго уступилъ Сенату , такъ сего уступи народу : котораго , желаніе всегда тебѣ приятно было : и ежели ты оной день считаешь для себя славнымъ , для народа Римскаго вожделеннымъ , то не оставляй , Кай Цесарь , и всегда искашь хвалы подобной оной славы. Нѣтъ ничего угоднѣе народу , какъ милость ; и нѣтъ ни одной изъ многихъ твоихъ добродѣтелей , которой бы столько удивлялись , и коиморую бы столько почитали , какъ милосердіе. Челоуѣкъ ни чѣмъ такъ Богамъ не уподобляется , какъ соблюденіемъ жизни другаго. Ничего нѣтъ большаго въ твоёмъ щастіи , какъ могущество , и ничего лучшаго въ твоей природѣ , какъ хотѣніе сохранить многихъ.

Дѣло сіе , можетъ быть требуетъ пространнѣйшаго слова , но природа твоя крапчайшаго. И такъ почитая за полезнѣе , чтобъ ты самъ съ собою , нежели я , или другой кто , о семъ съ тобою говорилъ , окончаю мою рѣчь : лишь только то скажу , что ежели ты

смерти жена, или по смерти опцовоу сынъ или дочь, послѣ приказнова челоуѣка по миру ходили; всегда послѣ ихъ имѣнїя остаются довольны; развѣ покойникъ чаще бывалъ на кабажѣ нежели въ приказѣ. По долгомъ ея прошенїи согласился на конецъ Юпитеръ ударити громомъ; но клялся Стиксомъ, что онъ того въ другой разъ не здѣлаетъ; лучше, говорилъ онъ, ихъ исправлять, нежели испреблять; и хощя Истинна и увѣряла ево, что удобнѣе лешиметера удержатъ отъ нарядовъ, нежели подвѣчева отъ взятокъ; однако Юпитеръ согласился однажды только громомъ ударить и сказалъ: Хощя бы я и не клялся; я бы въ другой разъ не здѣлалъ сего, убѣгая пореканїя; беззаконники за сурогость тебя и меня поносятъ и ежели по большеству голосовъ насъ обвинять станутъ; такъ мы отъ повошенїя не убѣжимъ. Почтенна ты на свѣтѣ; но Политика тебя еще почтеннѣе; безъ тебя на свѣтѣ обойтися удобно, а безъ нея ни какъ не возможно. Истинна не имѣла большой нужды усиливать Юпитера о будущихъ послѣ испребленїяхъ, имѣя надежду, что по единственномъ испребленїи приказнаго рода, шакова грабительства уже

Не гнѣвнаяль опять Юнона
 Сражаеть, у Пергамскихъ стѣнъ!
 Не Греки, Россы развярены,
 Поля Франкфуртски обагрены,
 И дымъ восходитъ до небесъ:
 Побѣдъ ПЕТРОВЫХЪ шамо дѣшны,
 Россійскій шамо Ахиллесъ,
 Со Именемъ ЕЛИСАВЕТЫ.

*

Подобныя ему Герои,
 Примѣру слѣдуютъ ево:
 За ними всѣ Россійски вои,
 И не страшатся ни чево.
 Не грозна смерти имъ держава;
 Имъ смерть, ихъ честь и вѣчна слава,
 И похвала Россіи всей:
 Гдѣ шамъ пылаетъ больше пламя,
 Туда въ отважности своей,
 Бѣгутъ, несущъ Россійско знамя.

*

Враговъ бѣютъ и попираютъ;
 Отъ Росска знамени гоня,
 И неподвижны помираютъ,
 Съ оружіемъ среди огня:
 Разятъ къ отечеству въ любви;
 Громъ молніи и шоки крови,
 Не могутъ поколебнуть ихъ:
 Сердца побѣдой утѣшаютъ,
 Въ Геройскихъ дѣствіяхъ своихъ,
 И смерть безъ горести вкушаютъ.

Тамъ пламенныя вѣтры дуютъ,
 Земля дрожитъ какъ бурный поитъ:
 Стихи тако возбуншуютъ,
 И встревожатъ горизонтъ,
 Когда придетъ ужасно время,
 Окончишь земнородныхъ племя,
 И пребыванье существа,
 Когда вся тварь исчезнетъ тлѣнна,
 Погибнетъ сила естества,
 И разрушится вся вселенна.

*

Уже противники препещутъ,
 И мѣста брани не брегутъ,
 Оружье, знамена мещутъ,
 И въ разныя пути бѣгутъ.
 Побѣда возвѣщая свѣту,
 Вездѣ гласитъ ЕЛИСАВЕТУ,
 И слава повтораетъ вѣшь.
 О храбрыя Россіи чета,
 Хвала безмерна, вѣчно честь,
 И вамъ за мужество награда!

* * *

ДИОИРАМВЪ.

Позволь великій Бакусъ, нынѣ,
 И правили гремящу Лиру,
 И во священной мѣ воспоргѣ,
 Тебѣ воспѣшь похвальну пѣсь!

*

Внемли вселенная мой гласъ,

Лѣса дубровы горы рѣки ,
 Луга и степь и тучны нивы ,
 И ты пространный Океанъ !

*

Тобой сталъ ногай я Орфей !
 Звѣгайтесь на гласъ мой звѣри ,
 Слепайтесь ко гласу птицы ,
 Сплывайтесь рыбы къ верьху водъ !

*

Крѣпчайшихъ винъ горю въ жару ,
 Во иступленіи пылаю :
 Въ лучахъ мой умъ блистаетъ солнца ,
 Усугубляя силу ихъ .

*

Прекрасное свѣщило дня ,
 Отъ огненныхъ колесницы ,
 Въ Рифейски горы мещетъ искры ,
 И расплячется мешалъ .

*

Трепещетъ яростный Плутонъ ,
 Главу во мракъ сокрываеиъ :
 Изъ ада серебро лѣется ,
 И золото ошполь печетъ .

*

Уже сталъ таяиъ вѣчный ледъ ,
 Судамъ дорогу отверзая :
 На сѣверѣ я вижу полдень ,
 У Колы Флору на лугахъ .

*

Богини , кою Актеонъ ,

Узрѣлъ несчастливый нагую ,
 Любезный братъ ! о сынъ Латоны !
 Любовникъ Дафны ! жги еoirъ !

*

А пы о Семеленъ сынъ ,
 Помчи меня къ Каспійску морю !
 Я Волгу обращу къ вершинѣ ,
 И упомленный лягу спашь !

*

*

*

ЧАСЪ СМЕРТИ.

О мысли люпы !

Кончается мое ,
 На свѣтѣ , бытіе ,
 Преходитъ житіе ,
 Пришли послѣднія минуты ,
 Пришелъ ко мнѣ той часъ ,
 Который преселяетъ насъ ,
 Во мрачну безконечность .

Отверста моему смятенну духу вѣчность :
 Погаснутъ данныя мнѣ искры Божества ,
 Пошухнутъ мысли всѣ и чувство вѣщества ,
 Въ ничію преобращусь на вѣкъ изъ существа .

Престрашною судьбою ,
 Расстанусь , на всегда ,
 Со свѣтомъ и съ собою :

Засну и не проснуся никогда .
 На шоль я , Боже мой , произведенъ тобою ,
 Чтobъ сей вкусилъ я страхъ ,

И претворился въ прахъ!
 Щедролюбивая и всемогуща сила,
 Не лзя, чтобъ дѣйствиѣ люшѣйшее сносила;
 Восстану я опять;
 Но, ахъ, возможно ли исчезнуть и востать!
 Когда есть Богъ; возможно:
 А Богъ конечно есть, мы знаемъ по неложно.

* * *

ХОЗЯЙКА СЪ ПОДНОСОМЪ.

По старинѣ, когда на столѣ поставятъ ѣсть,
 Хозяюшка сама должна была поднести,
 Для прочищенья глотки,
 Гостямъ по чаркѣ водки,
 Для лучшей кушань имъ охотки,
 А какъ подносъ имъ станешъ подавать
 Должна она по темъ гостей поцаловать:
 И моду похваляю такую,
 И лишъ одно покривую:
 На пищу по охоты придаетъ;
 Хозяйкинѣ поцалуй поаромашитъ губы,
 А водка зубы,
 Да естели ты дурна, хозяйюшка, мой свѣтъ;
 Такъ водку подноси, какъ кончится обѣдъ.

* * *

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ САМОЛЮБІЕ.

Съ Нарциссомъ ты въ одной судьбинѣ;
 Такъ будь Нарцисса нынѣ.

Да для чевожѣ?
 Нарциссѣ вить былѣ хорошѣ,
 Гора безумнымѣ жаромѣ,
 А ты дурна:
 То даромѣ;
 Но въ себя не меньше влюблена.

* * *

КЪ БАХУСУ.

Бахуса я вижу зла.
 Разбяренну пьяну мершву,
 Принесу ему на жертву,
 Я козла:
 Чувствую ево я грозу,
 Поднялѣ съчѣ меня виноградну лозу:
 Естѣлижѣ хочешѣ онѣ, дамѣ ему и козу.

* * *

СТОЛПЫ ТОРЖЕСТВЕННЫХЪ ВОРОТЪ.

Простойте твердо, многи лѣта,
 Столпы торжественныхѣ и славныхѣ шѣхѣ во-
 ротѣ,
 Въ которы входитѣ смертныхѣ родѣ,
 Во всѣ четыре части свѣта!

* * *

ДИКОВИНКА.

Какой диковинки я въ вѣкѣ не ожидаѣ ,
 Такою случай миѣ увидѣть нынѣ далѣ :
 Я шелѣ задумавшись ; разбились мысли шукомѣ ;
 Но что увидѣлѣ я ! подъячій бдетѣ шукомѣ .
 Я руки къ небу взвелѣ ; и закричалѣ тогда :
 О Солнце , ты весь мирѣ издревле обшекаешь .
 И взорѣ на землю всю вседневно , ниспускаешь !
 Такое зрѣлище видалоль ты когда ?
 Съ досады я , по томѣ , едва сыскалѣ дорогу ,
 Ворча , управилѣ бы я васѣ ; да то бѣда ,
 Бодливому быку судьба не ставитѣ рогу .

* * *

А. С.

Оглавленіе.

. стран.

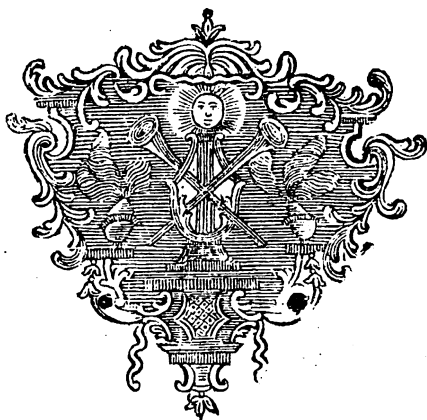
I.	Слово похвальное о Государѣ Импера-			
	торѣ ПЕТРѣ ВЕЛИКОМѣ .	-	-	579
II	Еклоги .	-	-	592
III	Слово М. Туллія Цицерона за Кв. Ли-			
	гарія къ Каію Цесарю .	-	-	605
IV.	Письмо .	-	-	631
V.	Разныя стихотворенія .	-	-	633

) o (

ТРУДОЛЮБИВАЯ
П Ч Е Л А.

Ноябрь 1759 года.

ВТОРЫМЪ ТИСНЕНИЕМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
при Императорской Академіи Наукъ
1780 года.

I.

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА

КНИГИ ПЕРВОЙ

САТИРА I.

По какой причинѣ, Меценатъ, никто пою часпю доволенъ не бываетъ, которую онъ либо самъ себѣ по своему разсужденію избралъ, либо судьба ему опредѣлила? для чего всякъ другихъ щасливѣе себя почиаетъ? О коль благополучны купцы! говоритъ воинъ лѣтами опягченный, у котораго уже всѣ члены отъ многого пруда разслабѣли. Напротивъ того купецъ полуденными вѣтрами носимый по морю: Военная служба лучше. Ибо что? сражаются: во мгновеніи ока или скорая тебя смерть постигнетъ, или радостную одержишь побѣду. Искусный въ правѣ и законахъ, когда въ куроглашеніе требующіе его совѣтовъ въ двери

спучатся , хвалишь земледѣльца . А сей , давъ поруки , изъ села во градъ влекомый , вопіеть : Одни градскіе жипели благополучны . Прочихъ симъ подобныхъ жалобъ поль много , что исчисленіе оныхъ можетъ ушомипь и говорливаго Фабія . Но чтобъ тебя не задержатъ , послушай , къ чему моя рѣчь клонится . Ешьли бы какой богъ сказалъ : Я ваши желанія исполню ; ты , воинъ , будь купцемъ , а ты , спряпчій , селяниномъ . Вы опсюда , а вы опшуда , получивъ перемѣну своихъ состояній , опходите . Ну ! что медлите ? Нѣтъ ; не захотятъ . Вишь имъ дозволяется бышь благополучными ! Лъзя ли чтобъ по справедливости Юпиперь на нихъ не вспылалъ , и обѣ щеки надувъ , не сказалъ бы , что онъ впредь уже не будетъ такъ милостивъ , что бы къ прошенію ихъ приклонялъ ухо . Въ прочемъ что бы мнѣ сего , какъ будто шутокъ смѣхомъ не представлять ; хопя и въ смѣхѣ говорить правду что препятспвуетъ ? Такъ какъ ласковые учипели рабятамъ даютъ пирожки , что бы скорѣе азбуку выучили . Однако мы оставивъ шушки , спанемъ дѣло говорить . Тотъ кто пвердую землю тяжкимъ разсѣкаетъ раломъ , и сей об-

маномъ живущій корчемникъ , также воинъ и пловцы дерзосно всѣ моря обтекающіе говорятъ , что они съ тѣмъ намбреніемъ трудъ сей претерпѣваютъ , что бы приобрѣвъ себѣ довольное пропитаніе , въ старости дни свои спокойно и безпечально провождать могли ; и предсказываютъ въ примѣръ маленькаго многотруднаго муравья , который ршомъ своимъ все , что можетъ волочепъ , и въ собираемую кучу кладетъ , разсуждая и промышляя о будущемъ. Но лишъ только водолей подаетъ печальный видъ къ концу обратившемуся году , то уже онъ ни куды не выпалзываетъ , и благоразумно пользуется тѣмъ , что прежде собралъ : а себя ни чрезмѣрный жаръ , ни зима , ни огонь , ни море , ни оружіе отъ корысти отвратить не могутъ ; всѣ бѣды презираешь , лишъ бы только тебя никто богатѣе не былъ. Что пользуешь ; когда въ вырытой тайно землѣ со страхомъ погребешь несмѣтное множество серебра и золота ? А ежели оное розочнешь сойдетъ на бѣдной пѣнязь. Но естли того не будетъ , что утѣхи въ собранной кучѣ ? Хотя бы на твоёмъ гумнѣ по сну пысачь мѣръ хлѣба молошили ; однако

твое чрево не болѣе вмѣститъ моего. Такъ какъ будучи слугою, ежели бы ты мѣшокъ съ хлѣбами своего хозяина на плечахъ несъ, не больше получишь какъ тотъ, которой не несъ ни чего. Или что разности живущему въ предѣлахъ естества взорать сно четвертой земли или пысячу? Но приятно изъ великой кучи брать. Когда намъ изъ малой столько же брать можно, то для чего ты свои житницы предпочитаешь будешь нашимъ кошамъ. Такъ какъ естъ либы тебѣ спаканъ или крушка воды надобны были, и ты бы сказалъ, я лучше изъ большой рѣки нежели изъ сего малаго источника столько же почерпнуть хочу. Изъ чего бываетъ, что ежели кто изобиліемъ больше потребнаго насладиться желаетъ, тѣхъ быстрый Афидъ оторвавъ купно со брегами уноситъ. А кто столько требуетъ, сколько надобно, тотъ ни мутной съ иломъ воды не черпаетъ, ни жизни въ водахъ не лишается. Но большая часть людей ложнымъ желаніемъ прельщенныхъ говорятъ, все не довольно, для того что столько тебя почитаютъ, сколько имѣешь. Что съ такимъ дѣлать? пускай по своей охотѣ будетъ бѣденъ, по елику онъ самъ то дѣлаетъ. Какъ
раска-

расказываютъ о нѣкоторомъ богатомъ и чрезмѣрно скупомъ человѣкѣ въ Аѳинахъ, который народную молву обыкновенно презиралъ тако : Народъ меня просвистываетъ, а я дома самъ себѣ въ ладоши бью, когда на деньги въ сундукахъ смотрю. Жажущій Танпалъ убѣгающій отъ устъ ея ловитъ воды. Чему смѣшился? Подъ прѣмѣннымъ именемъ о тебѣ баснь говорится. Ты на собранныхъ отъсюды въ кучу мѣшкахъ спишь, дрожа отъ жадности, и принуждаешь себя щадѣть оныя какъ будто священныя вещи, и веселишься какъ живописными картинами. Не знаешь куды годишься, и на что употребляется деньга? Купить хлѣба, зелени, сткляницу вина, и все то, безъ чего человѣческое естество унываетъ. Или тебѣ приятно едва живу отъ страха, всегда и днемъ и ночью бодрствовать, бояться злыхъ воровъ и пожаровъ, слугъ, чтобъ обокравъ тебя не зѣжали? Сихъ благъ всегда бы я желалъ вовсе лишеннымъ быть. А еспьли тѣло твое лихорадкою спраждеть, или другая какая болѣзнь на одръ тебя повергнетъ, такъ есть кому при тебѣ сидѣть, припарки дѣлать, врача просишь, что бы тебя исцѣлилъ,

и возвратилъ своимъ дѣтямъ и любезнымъ родственникамъ. Ни жена, ни сынъ, не желаютъ тебѣ здравія, всѣ сосѣды ненавидятъ, знакомые, рабы и рабыни. Дивишься, когда ты серебро всему предпочитаешь, что никто тебѣ не оказываетъ любви, которой ты не достоинъ? Но ежели ты у родственниковъ, которыхъ отъ естества безъ всякаго своего труда имѣешь, любви не потеряешь и друзей удержишь хочешь; то напрасно ты, несчастный, о семъ стараешься, не иначе какъ шопъ, которой бы училъ осла бѣгать на полъ и повиноваться правленію узды. Здѣлай когданибудь конецъ спяжанію, и чѣмъ болѣе имѣешь, тѣмъ меньше нищеты бойся; и начни очоучивать бѣдствія, приобрѣвъ желанное, и не дѣлай такъ, какъ нѣкто Умидій: баснь не долга: шоль богатой, что деньги свои мѣрталъ, который такъ былъ скупъ, что никогда лучше раба одѣтъ не бывалъ, и до конца жизни боялся, что бы съ голоду не умереть, но освобожденная раба храбростію Тиндаровыхъ дочерей превосшедшая по поламъ его сѣкирою разрубила. Чтожъ, ты мнѣ совѣтуешь жить такъ какъ Меній, или какъ Номеншанъ? Ты двѣ вовсе между собою

бою проливныя вещи совокупити щещи-ся. Когда я тебѣ запрещаю бытъ ску-нымъ , по не повелѣваю бытъ мошомъ и бездѣльникомъ. Есть разнспвіе ме-жду Танаидомъ и Виселліевымъ теснемъ. Есть мѣра во всемъ , и всему извѣстны предѣлы , за которыми ни на сей ни на той сторонѣ справедливости бытъ не можно. Но уже туда , откуда отошелъ, обращаюсь. Ни кто ли, какъ скупой , собою не будетъ доволенъ , и только лишь другихъ станеть ща-стливѣе себя почитать и чахнущъ , видя у чужой козы сосцы полнѣе не-жели у своей ? Не сравнитъ ли себя съ большимъ числомъ людей , которые бѣднѣе его , и только будетъ спа-рапья , какъ бы по того по другого превзойти ? Такъ стремясь ко стяжа-ніямъ видитъ онъ всегда впереди дру-гихъ богатѣе себя. Такъ когда кони на рыстаніяхъ пущенныя изъ ограды мчатъ колесницы , возница щещитя обѣѣхать бѣгущихъ вѣпереди, а остав-шагося на зади, котораго онъ минулъ, презираетъ. Для того мы рѣдко кого находимъ , который бы сказалъ , что онъ жилъ благополучно , и который бы окончивъ время жизни , отходилъ изъ свѣта такъ доволенъ какъ насы-

ценный гость изъ пира. Полно: что бы ты не подумалъ, что я обокралъ кипы писемъ Криспина Липпа; не скажу больше ни слова.

Переводилъ съ Латинскаго Филиппъ Геннингеръ.

II.

СКИЛЛА

ИЛИ

БЕЗБОЖНОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

изъ VIII книги Овидіевыхъ превращеній.

Миной прежде вступленія съ воинствомъ въ Аѳинскую обласшь разорялъ Лелегейскіе брега, и испытывалъ своего Маворта силы при Алкаѳоевомъ городѣ, въ копоромъ царствовалъ Нисъ украшенный почтенною сѣдиною. На самомъ верху главы имѣлъ онъ отличный отъ прочихъ червленнымъ цвѣтомъ волосъ, отъ котораго вся надежда великаго царства зависѣла. Въ шестый уже разъ
ока-

оказывались рога восходящей луны , а шастіе войны еще было въ равковѣси , и побѣда долгое время на срединѣ между обѣихъ споронѣ сомнительными лѣпала крыльями. Царская башня была сооружена во гласныхъ спѣвахъ , на кошорыхъ Лапониѣ сынъ , говорятъ , полагалъ позлащенную свою лиру ; голосъ ея оспался въ камнѣ. Часпо шуда всходила Нисова дочь , и маленькимъ кремешкомъ ударяла въ звенящій камень , когда еще былъ миръ : и во время войны часпо она опшуда смотрѣла на сраженія жестокаго Маворпа. И уже по причинѣ долговременной сей войны извѣстны ей были и имена неприятельскихъ полководцевъ , также и оружіе ихъ и кони и плашье и Кидонійскіе колчаны. Лучше всѣхъ знала она лице произшедшаго отъ Европы вождя , и больше , нежели знашь ей надлежало. По мнѣнію ея Миной , когда было шишакомъ перьями украшеннымъ покроешь главу , былъ красивъ во шлемѣ , или когда блиспающій злапомъ возмешъ щитъ , то и щипъ ему носить приличествовало , когда напряженными мышцами бросалъ копье , то дѣва похваляла присовокупленное къ силамъ искусство , когда наложивъ спрѣлу широкій

кѣй лукъ натягивалъ , то клялась , что такъ только Фивъ стрѣляетъ изъ лука. А когда было снявъ шлемъ , лицомъ обнаженнымъ , самъ прекрасенъ , благо коня хребетъ покрытой златопшанными одеждами угнѣтаетъ , и пѣнящіяся уста управляетъ уздою ; тогда Нисова дочь едва своя была , едва здраваго разсужденія причастна. Благополучнымъ называла то копье , которому онъ прикасался ; благополучною узду шу именovala , которую онъ держалъ въ рукахъ. Приходило ей на мысль , ежели бы только было дозволено , дѣвическія стопы направить въ неприятельское полчище ; на мысль ей приходило , съ высокихъ башенъ броситься въ Гносійскій станъ ; или желѣзными затворами укрѣпленныя градскія врата опшпереть неприятелю ; или ежели бы чего нибудь другаго пожелалъ Минной. И какъ сидѣла смотря на бѣлый Дикшейскаго Царя шатеръ , начала говорить такъ. Радоваться ли мнѣ , или печалиться о многоплачевной войнѣ , сомнѣваюсь. Скорблю о томъ , что Минной неприятель любящей его : но когда бы не было войны , возможно ли , чтобъ я его знала ? Однако если бы меня ему опдали въ залогъ , то можетъ быть

быть онъ пересталъ бы воевать съ нами: имѣлъ бы онъ меня , какъ залогъ мира всегда съ собою. Ежели родившая тебя , прекраснѣйшій , была такова , какъ ты самъ , то достойна она была любимую быть богомъ. Требляженна была бы я въ свѣтѣ , если бы я пресѣкая воздухъ крыльями , могла прилетѣть въ спальню царя Гносійскаго. Объявила бы я ему о себѣ , исповѣдала бы пламень любви моей , и спросила бы , какихъ онъ брачныхъ даровъ за мною требуетъ. Ахъ , когда бы только онъ не требовалъ отеческаго замка ! Пускай прежде погибнешь вождельбнный мною одръ его , нежели чтобы я предательствомъ на оной взошла. Хотя часто крошкаго побѣдителя милосердіе многихъ побѣду здѣлало полезною. Справедливую по истиннѣ имѣетъ онъ пропаву насъ войну за убіеніе сына своего ; и дѣло его праведно ; и кажется , что споспѣшествующимъ праведному его начатию войны оружіемъ мы будемъ побѣждены. И если такая судьбина граду нашему предопредѣлена , то для чего отворитъ ему сіи стѣны его Маворпъ , а не любовь наша ? Лучше онъ можетъ побѣдить безъ убійства , безъ дальняго продолженія времени , и безъ про-

пролитія своей крови. А , какъ я спрашусь , что бы кто тебя , Миной , въ грудь не уязвилъ не нарочно ! Ибо кто такъ будетъ жестокъ , который бы свирѣпое свое дерзнулъ направить въ тебя копье , развѣ въ невѣденіи ? Намѣреніе мое похвально : непремѣнно отдамъ я ему съ собою въ даръ и отечество , и окончу кровопролитную войну. Однако хотѣнія не довольно. Всѣ исходы заняты спражею , и отъ градскихъ вратъ ключи хранитъ отецъ. Сего я одного бѣдная боюсь : одинъ онъ въ желаніи моемъ мнѣ препяпствуемъ. Дали бы боги , чтобъ я была безъ отца. Всякъ себѣ во истинну бываетъ богомъ : моленіямъ нерадивымъ пропивитъ счастье. Другая разженная толкимъ Купидоновымъ пламенемъ давно бы уже всѣми силами старалась преодолѣть все , что препяпствуемъ любви. Для чегожъ бы другая была храбрѣе меня ? Пошла бы и я сквозь огонь и чрезъ мечи. Однако въ семь дѣлъ ни огней ни мечей не надобно : надобенъ мнѣ волосъ опцовъ. Тотъ червленый волосъ драгоценнѣе мнѣ злата : онъ меня здѣлаемъ щасливою , онъ желаніе мое исполнитъ. Въ сихъ ее рѣчахъ постигла ночь , великая сердечныхъ печалей пи-
ша-

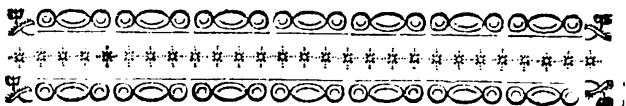
пательница. Темнопа прибавила ей смѣлости. Первымъ сномъ были объ-
 япы дневными попеченіями упомянутые
 люди , когда она пихонько въ опече-
 скую вошла спальню ; и роковой дочь
 у отца своего опрѣзала волосъ ; и по-
 лучивъ безбожную добычу , вынесла съ
 собою корысь своего злодѣянія ; и вы-
 шедши изъ градскихъ воротъ , сквозь
 неприпельскіе полки : сполько она надѣ-
 ялась на свою заслугу : пришла къ Ца-
 рю , которому ужасомъ одержимому
 такъ говорила : Любовь меня ввела въ
 беззаконіе. Я дочь Царя Ниса , Скилла,
 отдаю тебѣ во власть и моихъ доча-
 шнихъ и опечества моего Боговъ. На-
 гражденія за то не требую ни какого ,
 кромѣ самаго тебѣ. Въ залогъ моей
 любви прими сей червленый волосъ ,
 и вѣрь , что не волосъ я тебѣ вручаю ,
 но опцову голову. Промолвивъ сіи сло-
 ва , изъ рукъ своихъ беззаконныя дары
 подавала , но Миною отъ подаваемыхъ
 опвратился , и смущенный новаго зло-
 дѣянія воображеніемъ опвѣтствовалъ.
 Боги да изринуть тебѣ , о безчестіе
 нашего вѣка , изъ обладаемаго ими свѣ-
 та. Ни земля ни море тебѣ да не при-
 имѣтъ. Я конечно никогда не заблаю ,
 чтобы Юпитера въ пеленахъ липав-
 шій

шій Критъ , надъ которымъ я влады-
 чествую , поликаго чудовища осквер-
 ненъ былъ прикосновеніемъ. По сей
 праведный сей законодавецъ давъ плѣ-
 неннымъ неприятелямъ законы , прика-
 залъ флоту яко и извлечь , и веслами
 отъ бреговъ отгребаться. Скилла уви-
 дѣвъ на морѣ уже плывущіе корабли ,
 лишенная ожидаемой за беззаконіе свое
 награды , отъ суетной прозбы къ же-
 стокости переходитъ гнѣву ; и распре-
 павъ въ бѣшенствѣ волосы , ламаю ру-
 ки , вопиетъ. Куды бѣжишь , оста-
 вивъ ту , которая тебѣ толика здѣ-
 лала благодѣянія , о предпочтенный
 моему отечеству , и моему предпочтен-
 ный отцу. Куды бѣжишь , безчеловѣч-
 ный? Побѣда твоя , мое и беззаконіе и
 благодѣяніе. Не зриаешь ты ни на
 данные мною тебѣ дары , ни на лю-
 бовь мою къ тебѣ ; ниже на то , что
 я всю мою надежду на одного тебя
 положила. Куды мнѣ оставленной обра-
 титься ? Въ отечество ? Но оно уже
 лежитъ поверженно. А хотя бы и не-
 вредимо спояло , то за предательство
 мое мнѣ заключено. Прелъ лице ли
 опцово ? Но я онымъ тебя подарила.
 Сograждане мои по справедливости меня
 ненавидятъ ; окрестные жители при-
 мѣра

ибра моего спрашашся. Заградила я себѣ сама входѣ во всѣ части свѣта для того только , что бы мнѣ въ Критѣ войпи было можно. Ежели ты меня и пуды не впускаешь , ежели ты , неблагодарный , оставляешь меня , то не Европа мать швоя , но либо непроходимая и неприсупная Сирпа , или Арменская Тигрида , или южнымъ возмущенная въпромѣ Харивда. Не Юпитерѣ швой отецѣ ; и мать швоя не прельщена прекраснымъ видомъ ммиаго быка. Ложное то рода вашего происхожденіе. Буѣй и ни какою юницею не распаленный былѣ томѣ быкъ , который тебя родилѣ. Нисѣ отецѣ , наказывай меня. Не давно преданный мною градѣ радуйся о моихъ нещаспяхѣ. Признаваю , что я сіе заслужила и достойна погибнуть. Однако пускай бы меня кто нибудѣ умершвилѣ изѣ шѣхѣ , коихѣ я безбожная озлобила. Для чего ты , беззаконіемѣ моимѣ побѣдившій , опомщеваешь мнѣ за беззаконіе. Сіе злодѣяніе отцу и отечеству учиненное ты благодаріемѣ почищать долженѣ. Тебя по истиннѣ достойна та супруга , которая склонила звѣрообразнаго быка обманчивымѣ древомѣ ко прелюбодѣянію , и разнovidный плодѣ во чревѣ носила.

Доходятъ ли мои рѣчи къ ушамъ твоимъ ; или вѣспры уносятъ щещныя мои слова , купно и твои , неблагодарный , корабли ? Не дивно , что Пасифая предпочла тебѣ быка : ты больше въ себѣ имѣлъ свирѣпости. Ахъ , безщасна я ! сибшить должно : уже сѣкомая веслами вода шумитъ. Со мною вмѣстѣ , увы , и земля моя удаляется. Напрасно бѣжишь , въ конецъ забывъ мои услуги ; я противу воли твоей пойду за шобою въ слѣдѣ , и ухвачась за искривленную корму по просиранному влекома буду морю. Едва сіе выговоривъ , скочила въ воду , и спутницею Гносійскаго корабля была ненависть возбуждающею. Что увидѣвъ отецъ ; который уже тогда лепалъ по воздуху , превратясь недавно въ морскаго орла желтовидныя крылья имѣющаго ; хотѣлъ ее терзать кривымъ носомъ , но она отъ страха пустила корму. Показалось , что легкой воздухъ падающую ее поддержалъ , чтобы не прикоснулась къ водѣ ; а то были перья. Перьями превращена въ птицу ; называется Кира ; и имя сіе получила отъ стриженаго волоса.

Переведъ съ Латинскаго Г. К.

III.

ПУБЛІЯ ОВИДІЯ НАСОНА

ЕЛЕГІИ

изъ первой книги Печалей.

ЕЛЕГІЯ II.

Боги моря и небесъ! (ибо что уже
мнѣ кромѣ молитвъ осталось?)
не допустите развалишься частямъ ко-
рабля волнами поврежденнаго, и не со-
глашайшесь, молю, на гибль великаго
Кесаря. Часто, когда одинъ богъ
успѣсняетъ, другой подаютъ помощь.
Вулканъ ополчался противу Трои, а
Аполлонъ за Трою споялъ. Венера бы-
ла Тевкрамъ доброжелательна, а Пал-
лада на нихъ враждовала. Ненавидѣла
Сатурнова дочь, будучи Турну милоспи-
ва, Енея; однако онъ подъ защище-
ніемъ Венеринымъ безопасенъ пребы-
валъ. Часто жестокой Нептунъ на ос-
порожнаго нападалъ Улисса, но не одно-
Ж ж 2 крап-

кратно его Минерва опѣ своего дяди избавляла. И хопя я себя съ ними не равняю, однако что препяписвуешь, что бы и при мнѣ неприсудствовало какое нибудь божество, когда на меня одинъ изъ боговъ прогнѣвался? Воище я бѣдный погубляю бесплодныя слова: свирѣпья воды забрызгиваютъ уста мои сіе вѣщающія, и ужасный полуденный вѣтрѣ развѣваетъ мои рѣчи, и молитвамъ моимъ возбраняетъ летѣть къ тѣмъ богамъ, къ копорымъ я оныя возсылаю. И такъ тѣже вѣтры, чтобъ мнѣ не въ одномъ спрадашь, невѣдомо куда и парусы и моленія мои несутъ. Ахъ бѣдной я! Коликія горы водѣ валятсѣ! почти уже до высопы звѣздъ досязаетъ. Коликія въ разступившемся морѣ являютсѣ долины! почпи уже шемнаго Таршара касаютсѣ. Куда ни посмотришь, нѣтъ ничего, кромѣ моря и воздуха; одно волнами надменно, другой грозенъ облаками. Между обоими шумящъ въ ужасныхъ вихряхъ вѣтры; морскіе валы не вѣдаютъ, которому повиноватсѣ господину. Ибо шо отъ багряновиднаго востока Еврѣ усиливаетсѣ, шо Зефирѣ отъ вечернихъ странъ исходящій дышетъ; иногда хладный Вореи отъ не погружающихся
въ

въ морѣ небесныхъ медвѣдицъ свирѣп-
ствуешь , иногда сражаешься съ нимъ
Ношъ пропиву устремленными силами.
Не знаетъ кормщикъ , что дѣлать : не
вѣдаешь , чего беречься , и за что при-
няшься : самое искусство въ сомнитель-
ныхъ бѣдствіяхъ приходитъ въ изум-
леніе. Конечно погибаетъ ! и нѣтъ ,
кромѣ суетной , надежды спасенія : и
когда я сіе говорю , лице мое заливаютъ
волны : угасятъ сію душу волны : и всуе-
молящимися устами умерщвляющую про-
глотятъ воду. А любезная моя супруга
ни о чемъ другомъ , какъ только о
ссылкѣ моей соболѣзняетъ. О сей од-
ной моей бѣдѣ вѣдаешь она и возды-
хаетъ. Не вѣдаешь что тѣло мое по
пространному носится морю , не вѣда-
ешь , что оно гонимо вѣтрами , не вѣда-
ешь , что мнѣ приближается кончина.
Слава богу , что я не дозволилъ ей
со мною на корабль взойти. А то бы
по истиннѣ мнѣ бѣдному двояды смерть
преперпѣтъ надлежало. Нынѣ , хотя
я и умру , но для того что она въ без-
опасности пребываетъ , то половина
жизни моей всеконечно останется еще
на землѣ. Увы ! коль скорымъ освѣпи-
лись облака пламенемъ ! коликой на воз-
духѣ слышали мы трескъ ! И не мен-

шею силою волны бьютъ корабль, какъ тяжкое бремя шарановъ градскія ударяетъ стѣны. Сія находящая волна превосходитъ всѣ волны: она идетъ послѣ девятой, а прежде одиннадцатой. Я смерти не боюсь: но смерть сія бѣдна. Не дайте мнѣ утонуть; смерть мнѣ будетъ вмѣсто дара. Есть въ томъ нѣкоторое удовольствіе, или своею смертію умирающему, или падающему мечемъ, лишшающееся чувствъ нѣло положить на твердой землѣ. Не малая опрада надѣяться погребенія завѣщаннаго своимъ родственникамъ, и не бытъ въ пищу рыбамъ морскимъ. Представьте себѣ, что я такой смерти достоинъ: но я не одинъ здѣсь плыву. Почто и неповинныхъ казнь моя постигаетъ? О вышніе; и вы, лазоревые боги, коимъ моря подвластны: оба собора, престаныше уже грозить; и котораго живоша гнѣвъ кропчайшаго Кесаря у меня не отнялъ, дозвольте мнѣ безщасному оной, довестъ до опредѣленнаго мѣста. Ежели вы на меня хотите наложить заслуженную мною казнь; по по разсужденію самаго его, вина моя смерти недостойна. Ежели бы Кесарь похощлъ низвергнуть меня въ Спигійскія воды,

не

не требовалъ бы въ томъ вашей помощи. Власть его пролишь мою кровь не здѣлаешь его ненавистнымъ. И что онъ мнѣ даровалъ, самъ, когда восхощешь, отъимешь. Вы только боги, никакимъ моимъ беззаконіемъ не раздраженные, будьте довольны моими бѣдами. Однако хотя бы вы всѣ бѣднаго сохранить восхощали, но уже погибшій человекъ спасеннымъ быть не можетъ. Хотя бы утонуло море, хотя бы мнѣ вѣяли способные вѣтры; хотя бы вы мнѣ простили, не буду ли я шѣмъ въ ссылкѣ? Не плыву я по пространному морю, имѣя ненасытное желаніе ко приобрѣтенію безмѣрнаго богатства замбною поваровъ: не ѣду я, куда прежде ѣздилъ, учишься въ Аѳины, ни въ Асійскіе города, ни въ шѣ мѣста, гдѣ я прежде бывалъ: и не для того, чтобы прибывъ въ славной Александровъ градъ видѣшь свои, роскошный Нилъ, увеселенія. На что я способные призываю вѣтры; кто можетъ повѣрить? Сарматская ша страна, въ которую прибхать желаю. Обѣщаны пворю, чтобы приплыть къ дикимъ берегамъ свирѣпаго Понта: и приношу жалобы, что я такъ медлѣнно въ ссылку ѣду изъ отечества. И чтобы

увидѣть невѣдомо гдѣ въ мирѣ обитающихъ Томитовъ , сокращаю сей путь моими мольбами. Ежели вы меня любите , укропите толикія волны ; и покажите надъ нашимъ кораблемъ свое благоупробіе : а естли паче ненавидите , допустите приплыть мнѣ къ опредѣленной спрѣ , копорую я за часъ моей казни почитаю. Жестокіе вѣтры , что мнѣ здѣсь дѣлать ? несице мои парусы. За чѣмъ мои парусы въ виду Авсонскихъ предѣловъ ? Не угодно сіе Кесарю. На что вы шого удерживаете, копорато онѣ изгоняетъ ? Пускай узритъ Поншійская страна лице мое. Сіе и онѣ повелѣваетъ , и я то заслужилъ ; и почитаю за неправедное и незаконное дѣло приносить оправданіе въ тѣхъ преступленіяхъ , за копорыя онѣ меня осудилъ. Но ежели человѣческія дѣла всегда богамъ извѣстны , то вы сами вѣдаете , что вина моя незаконію не причастна. И во истинну такъ. Вы то вѣдаете. Ежели я погрѣшностію въ сію вину впалъ , и намѣреніе мое безразсудно , а не незаконно было ; ежели я хопя изъ послѣднихъ шому дому доброходствовалъ ; ежели я Августовы повелѣнія довольно свяшо хранилъ ; ежели я го-

ворилъ , что при еѡ владѣнїи благополучный вѣкѣ ; и какѣ за Кесаря , шакѣ и за весь его домѣ богамѣ кадило приносилъ ; ежели я сіе имѣлѣ въ сердцѣ ; такѣ пощадите меня боги ; а естли нѣтъ , то да пожретѣ меня глубина морская . Не мечту ли я зрю ? или начинающѣ исчезать обремененныя облака ? и укрощенный гнѣвъ премѣнившагося гибнешѣ моря ? Не случай , но вы , обѣщанами призваные сердцевѣдцы боги , сію мнѣ подаете помощь .

Е Л Е Г І Я III.

Когда мнѣ на мысль приходитѣ печальнѣйшїй образѣ той ночи , которая мнѣ послѣднимѣ временемѣ была во Градѣ ; когда воспоминаю ту ночь , въ которую я сполько утѣхѣ моихѣ оставилѣ ; по и шеперь еще изѣ очей моихѣ капли слезѣ каются . Наступалѣ уже потѣ день , въ которой Кесарѣ велѣлѣ мнѣ выѣхать за послѣднїе Авсонскїе предѣлы . Ни способныхѣ мыслей , ни довольнаго времени не было ко приуготовленїю . Сердце мое было каменно долгое время . Не имѣлѣ я попеченїя ни о избранїи рабовѣ , ни спутника , ни личной изгнанцу одежды , ни припа-

Ж ж 5

совѣ.

совѣ. Не, инако я омертвѣлъ, какъ пораженный Юпитеровыми огнями; копорой живѣ, однако о жизни своей самѣ не знаетъ. Но какъ сіе изспупленіе ума самая печаль истребила, и на конецъ чувства мои получили прежнюю силу; то въ послѣдніе отходя началъ я говорить съ прискорбными друзьями, изъ которыхъ множества одинъ только или два были. Супруга горя ко мнѣ искреннюю любовь, плачущаго меня держала, сама рыдая горестнѣе, и дождемъ слезъ не повинное свое лице омывая. Дочь моя была далече отъ меня въ Ливійскихъ странахъ, и не могла вѣдать о моей судьбинѣ. Куда ни поглядишь, плачь и воздыханія раздавались: и видѣ внутри былъ зримъ истиннаго погребенія. Женскій и мужескій полъ и малые отроки скорбѣли о моемъ погребеніи: и не было въ домѣ мѣста, гдѣ бы слезы не проливались. Ежели можно въ маломъ великіе употребить примѣры; таковъ былъ видѣ Трои при расхищеніи ея. И уже гласы людей и псовъ умолкли; и луна нощными коньми на высотѣ управляла. На оную я взирая, и посредствомъ свѣта ея видя Капитолію, вопще смежную съ моими Ларами, сказалъ: Боги
въ

въ сосѣдственныхъ обителѣхъ живущіе,
 и храмы, которыхъ больше глаза мои
 зрѣшь не будушь, и прочія мною остав-
 ляемая божества въ высокомъ градѣ
 Квирина пребывающія, примите отъ
 меня послѣднее сіе поклоненіе. И хотя
 я уязвленъ, поздно щипъ приемлю, од-
 нако изгнаніе сіе избавьте отъ ненави-
 стіи; и богоподобному скажите мужу,
 какимъ заблужденіемъ я преткнулся,
 чтобъ онъ вины не почелъ беззаконіемъ,
 и что вы вѣдаете, зналъ бы то и
 виновникъ моей казни. Умилоспививъ
 бога, не могу я бышь бѣднымъ. Столь-
 ко моливъ проливалъ я предъ вышни-
 ми; а жена моя больше. Тяжкія ды-
 ханія слова ея пресѣкали. Она съ рас-
 трепанными волосами ницъ падши предъ
 Ларами, трепещущими устами угасше
 лобызала жертвенники, и на отвра-
 тившихся домашнихъ боговъ многія про-
 изнесла рѣчи немоущія оплаканному
 пособить мужу. И уже спремящаяся
 къ Западу ночь болѣе мнѣ медлить не
 позволяла, и Паррасійская медвѣдица
 отъ своей оси отвратилась. Что мнѣ
 было дѣлать? Любовь дражайшаго
 отечества меня удерживала: но она
 ночь была послѣднею моему отше-
 спивію. Ахъ! сколько разъ я говорилъ
по-

побуждающему: Что нудишь? Смотри куда спѣшишь, или откуду? Ахъ! сколько разъ перемѣнялъ я часъ опредѣленный къ подлежащему мнѣ пупи. Трожды я спупалъ на порогъ, прожды возвращался; и сами ноги угождая мыслямъ были косны. Часто я сказавъ, прости; опять говорилъ много; и будто отходя, послѣднее давалъ цѣлованіе. Часто повпоралъ одни повелѣнія, и самъ забывалъ оныя, возрѣвъ на любезнѣйшихъ моихъ. На конецъ сказалъ я, что спѣшу? Скиѣская та страна, въ которую посылаюшъ: Римъ долженъ я оставить; для обѣихъ причинъ медлѣніе справедливо. Жена на вѣки у живаго меня живая отъемлется, и домъ, и живущіе въ немъ вѣрные мои и любезные, и друзья, которыхъ я какъ братьевъ любилъ. О сердца Оисеевою вѣрностию со мной сопряженныя! когда еще можно, обѣиму васъ: можетъ быть уже болѣе ни когда не уластся: который мнѣ данъ часъ, тѣмъ я пользуюсь. По семъ немедленно оставилъ я неоконченныя разговора рѣчи, подлежащее все отъемля мыслию. Когда я говорилъ, и всѣ мы плакали, то на небесной высотѣ пропивная намъ звѣзда взошла, пресвѣтлая денница.

Раз-

Разспавался я не инако , какъ члены свои оставляя : и казалось , что часть отъ шѣла моего отпоргнулась . Тогда разлучающіеся со мною воздвигли вопль и сненанія , бія обнаженную грудь отъ горести руками . Тогда при опшествіи жена бросаєсь мнѣ на шѣю , сіи печальныя слова своими растворяла слезами : Не разлучишься со мною : купно , ахъ ! купно поидемъ ! говорила : послѣдую за побою , и изгнаннаго изгнанная буду женою ; и мнѣ путь уготованъ , и меня приметъ опдаленнѣйшая земля . Весьма малою тягостію буду я идущему въ ссылку кораблю . Тебѣ повелѣваетъ отъ опечеснѣва удалиться гнѣвъ Кесаревъ , а мнѣ любовь . Сія любовь будетъ мнѣ вмѣсто Кесаря . На сіе она успремлялась какъ и прежде , и едва польза желаніе ея преодолѣла . Вышелъ я (или то безъ выносу было погребеніе) въ горестномъ видѣ , съ распущенными по сѣтующему лицу волосами ; а она обремененна печалію , покрыта мракомъ , среди дому , какъ говорятъ , пала полумертва . Но какъ пришла въ себя , и оскверненную гнуснымъ прахомъ главу и хладные отъ земли воздвигла члены , то себя , то оставленныхъ домашнихъ боговъ оплакиваль , и похищеннаго

наго мужа имя часто гласишь , и не меньше спенашь начала , какъ бы или дочернее , или мое видѣла пѣло на возженномъ срубѣ положенное , и хотѣла умереть и чувствѣ лишиться смертію : но любовь ея ко мнѣ въ помѣ воспрепятствовала. Пускай живетъ : и отсутствующему , когда такъ судьба опредѣлила ; пускай живетъ , и во все время подастъ помощь и облегченіе. Уже погрузился въ Океанъ спражь Ериманѣйской медвѣдицы и созвѣздіемъ своимъ возмутилъ морскія воды : однако мы не своею разсѣкаемъ Іонійское море волею : но страхъ принуждаетъ насъ быть отважными. Ахъ несчастный я ! коль сильными вѣтрами воздымаются моря ; и со дна подвѣшый кипитъ песокъ ! и не меньше горъ валы на носъ и искривленную корму насканиваютъ , и ударяютъ въ изображенныхъ боговъ ! Все строеніе корабля звучитъ , и прѣщатъ канаты вѣтромъ ударяемые , и само корабельное дно въ бѣдахъ нашихъ состенаетъ. Кормщикъ блѣдностію лица оказавъ хладный страхъ , не правитъ корабля искусствомъ , но гонимому слѣдуетъ. И какъ безсильной всадникъ щетно удерживая твердоустую лошадь , на конецъ попускаетъ

скасть узду , такъ корабельщикъ не куда самъ хотѣлъ, но куда волнъ стремленіе несло , Ъхаль. И ежелибъ Еоль не выпустилъ другихъ вѣтровъ , по принеслобъ меня къ мѣстамъ , въ копорыхъ мнѣ вѣкъ не быть. Ибо оставя далеко въ лѣвой сторонѣ Иллирическіе берега, вижу запрещенную Италію. Прессіаньпе, прошу, вѣпры, гнать въ заказанную землю ; и великому со мною повинуйтесе богу. Когда сіе говорю, и желаю , купно и боюсь удалиться, коликою силою волна въ корабль ударила! Пощадите вы , пощадите лазореваго моря боги : пускай одинъ Юпитеровъ гнѣвъ меня поражаепъ. Вы томный духъ сохраните отъ жестокой смерти; ежели только погибшій погибнуть не можетъ. Переводилъ съ Латинскаго Киріакъ Кондрашовичъ.

IV.

Изъ IX. книги Фарсалии.

МАРКА АННЕЯ ЛУКАНА

I.

КАТОНОВО УВѢЩАНІЕ

Къ воинамъ идущимъ съ нимъ въ Африку.

Храбрые воины , которые послѣдую мнѣ въ моему стану , избрали себѣ одну

одну спасенія надежду сію , чтобъ неуспрашиваемъ умереть сердцемъ , пригоповыше мысли ваши къ великому мужества дѣйствию и ко снесенію крайнихъ трудовъ. Мы шествуемъ на бесплодныя поля , въ созженную солнечными огнями мира спирану ; гдѣ чрезмѣрный зной , и рѣдкія въ источникахъ воды ; гдѣ иссохшія степи преисполнены змievъ смертоносныхъ. Ужасный сей и прискорбный путь предложитъ намъ къ законамъ нашего гражданства и къ любезному упадающему уже отечеству. Прейдите Ливію , испытайте непроходимыя спези , вы , которые не съ тѣмъ шествуете желаніемъ , чтобы на конецъ изъ оныхъ выйши , но довольствуетесь только тѣмъ , чтобъ ити чрезъ оныя. Не намѣренъ я никого обманывать , и сокрывъ страхъ , вестъ народъ въ опасности. Пускай тѣ мнѣ будутъ спутниками , которые сами успремляются на бѣдствія , которые въ моемъ присутствіи и самыя крайнія нещастія сносить почитаютъ за дѣло прехвальное и свойственное Римлянамъ. Кто изъ воиновъ потребуетъ поруки о своемъ спасеніи , и сладостію жизни прельщается , тотъ пускай удобнѣйшимъ путемъ идетъ

идеть къ Господину. Я первый взойду на пески, первый здѣлаю слѣды на сухомъ томъ прахѣ; пускай меня прежде небесный озжесть зной, пускай прежде со мною ядовитый встрѣшится змій: а вы предвидущею моею судьбиною испытывайте ваши бѣдствія. Жаждите, когда увидите, что я пить буду; чувствуйте жаръ, когда узрите, что я подъ тѣнью древесъ сокроюсь; ослабѣвайте, когда усмотрите меня на конѣ предъ вами пѣшими; однимъ словомъ, унывайте, когда вы какое нибудь между собою и мною примѣните различіе, когда я чѣмъ нибудь окажу, что я какъ полководецъ, а не какъ воинъ вамъ предшествоую. Змій, жажда, зной, пески, мужеству сладки и приятны. Терпѣніе радуется, видя предлежащія себѣ тяжкія трудности. Ежели мы какое честное и благое дѣло великими и неизреченными совершаемъ трудами, то большую тогда сами въ себѣ ощущаемъ радость. Одна только Ливія толкимъ множествомъ бѣдъ наполненна, что не стыдно и храбримъ мужамъ убѣгать оныя.

II.

РѢЧЬ ЛАБИЕНА ПРИ ХРАМѢ ЮПИ-
ТЕРА АММОНА КЪ КАТОНУ ; И
ОТВѢТЪ СЕГО НА ОНУЮ.

Случай и щастіе пути, Катонъ, да-
руетъ намъ зрѣнь лице толь вели-
каго бога, и внушитъ изъ устъ его
неложные совѣщны. Сего предводитель-
ствомъ можемъ мы пройди безопасно
Сирты, и изъ отвѣта его несомнѣн-
но узнать о будущихъ войны приклю-
ченіяхъ. Ибо кому вышніе боги вян-
ше объявятъ свои тайны, кому лучше
скажутъ истинну, какъ добродѣтель-
ному Катону? Во истинну ты жизнь
свою всегда направляешь по божествен-
ному закону, и послѣдуешь богу. Зри,
ты имѣешь здѣсь вольность говорить съ
Юпитеромъ. Испытай судьбу беззакон-
наго Кесаря, и увѣдай о будущемъ оте-
чествѣ состояніи: будутъ ли когда на-
роды своими и законовъ наслаждаться
правами, престанетъ ли междоусобная
война? Прими и вложи въ сердце швое
священны гласъ, или по крайней мѣрѣ
какъ любитель строгія добродѣтели
вопроси, что есть добродѣтель, и пре-
буи примѣра чесности.

Катонъ

Капонъ богомъ, котораго сокровенно въ мысляхъ носилъ, возбуждаемъ, изрекъ въ отвѣтъ слѣдующія достойныя внутренняго священища слова.

О чемъ ты, Лабенъ, вопрошаешь повелѣваешь? Лучше ли я желаю въ оружіи скончать жизнь свою, нежели погибшую видѣть вольность? Житіе наше, хотя и долгое, ни что ли оно, или различествуетъ вѣка долгою? Можетъ ли какая ни будь сила честному вредъ принести человѣку? Укроются ли грозы щастія противоборствомъ добродѣтели? Довольно ли человѣку одного хотѣнія похвальныхъ дѣлъ? и не возрастаетъ ли никогда честность со временемъ? Вѣдаемъ мы, и Аммонъ сего намъ не водрузитъ глубочае въ сердце. Всѣ мы въ богъ и въ таинственномъ его храмѣ. Ничего мы безъ божеской не дѣлаемъ воли. Богъ ни какихъ не пребудетъ гласовъ. Сказалъ творецъ однажды при нашемъ рожденіи, что намъ вѣдать можно. Не избралъ онъ себѣ неплодныхъ песковъ, что бы въ нихъ открывать судьбы свой немногимъ; не зарылъ онъ въ прахъ семь истинны. Кое есть жилище божіе? Не земля ли, и море и воздухъ, и небо, и добродѣтель? гдѣ мы еще больше

вышнихъ искать боговъ будемъ? Юпитеръ ешь, что ни видишь, въ чемъ ни движешься. Пускай провѣщающихъ по жребіямъ ищутъ тѣ, которые обрѣтаются въ непрестанномъ сомнѣніи, и всегда о будущемъ мятущся. Меня не опивѣты въ храмахъ подаваемая увѣряютъ, но извѣстная и неминуемая смерть. Трепещущему и мужеспвенному умереть должно. Сіе намъ сказалъ Юпитеръ: сего довольно.

Перевелъ съ Латинскаго Г. К.

V.

ОСТАВШИЯСЯ ДВѢ ОДЫ САПФОНЫ.

I.

НА АФРОДИТУ.

РАзнопрестольная безсмертная Афродита, Діева дщерь, льстесоплешательница, молю тебя, не опягощай моего сердца пагубными печальми, всѣми чпимая. Но снийди ко мнѣ, ежели когда для Еропа слышишь мой гласъ, кошорому ты внимала часто; и оставивъ

вивъ опческой домъ, сѣдши на златую колесницу приходила. Прекрасные вели тебя и прыпкие воробьи, черными крыльями скоропосшижно слепая еб небесъ по воздуху. Они вспять ошлепали, а ты, блаженная, оскабляясь безсмертнымъ лицемъ, вопрошала. Чѣмъ я спражду, и за чѣмъ тебя къ себѣ призываю? и чего всенеистовое мое желаетъ себѣ сердце, какого краснорѣчія, и какихъ уловляющихъ приапносней? Кто тебя, Сапфона, обижаетъ? ибо ежели онъ тебя убѣгаетъ, шотъ часъ будешь за тобою гнаться; ежели не принимаетъ даровъ, самъ дастъ; ежели не любитъ, спанетъ любить немедлѣнно, и дѣлать, что прикажешь. Прийди ко мнѣ и нынѣ, и отъ люпыхъ избавь меня печалей, и всѣ души моей желанія исполни, и будь мнѣ ты сама поборницей.

II.

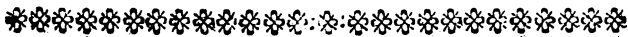
НА ДѢВИЦУ.

Тотъ мужъ мнѣ кажется равенъ быти богамъ, который предъ тобою сидитъ, и въ близи сладкаго твоего гласа слушаетъ и смѣха приапнаго; что мое сердце въ груди какъ громомъ поражаетъ. Какъ увидѣла я тебя, горпань мой изсохъ, и голосъ весь презъ
 3 3 3 сѣкъся,

сѣкся, языкъ мой сокрушился, и самой пончаишій огонь потѣ часѣ разсыпался по всему тѣлу: глазами ничего не вижу, и уши мои шумомъ полны: лѣется хладный потѣ, и дрожь всю меня пронимаетъ: блѣднѣе я злака, и не мною разнствуя отъ мершвой, лежу безъ дыханія.

Переведъ съ Греческаго Г. К.

VI.

ПѢСНИ.

Слѣдующія пѣсни нашель я между прошчими напечатанными пѣснями съ приложенными нопами, подѣ чуднымъ Типломъ, которыя отъ части были испорчены; чего ради долженъ я ихъ поправивъ, какъ они отъ меня сочинены, выдаши въ сихъ изданіяхъ, чтобы чужія погрѣшности не были почтены моими, при томъ желая, чтобъ сія дерзость издавати чужія сочиненія, безъ воли Авторовъ, не умножилася, а еще меньше то портиши, что другія тщашельно сочиняли и меньше еще налагати чужимъ прудамъ непристойныя Типла, чево ни гдѣ не водится, и что ни гдѣ не позволяется.

I.

Сокрылись тѣ часы, какѣ ты меня искала,
 И вся моя побой утѣха опияша:
 Я вижу, что ты мнѣ не вѣрна нынѣ спала,
 Пропивъ меня со всемъ ты спала ужѣ не ша.
 Мой спонв и грусти люшы,
 Вообрази себѣ,
 И вспомни тѣ минушты,
 Какѣ былъ я милъ п. бѣ.

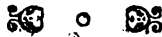
*

Взгляни на тѣ мѣста, гдѣ ты со мной вилалась,
 Все пѣжности они на намаявъ приедунт.
 Гдѣ радости мои! гдѣ страсть швоя дѣлала!
 Прошли и въ вѣкѣ ко мнѣ обратно не придунт.
 Настала жизнь другая;
 Но жалѣ ли я шакой!
 Пропала жизнь дрная,
 Надежда и покой.

*

Нещастенъ сталъ я тѣмъ, что я съ тобой
 признался;
 Началомъ было то, что муки я терплю,
 Нещастные еще, что я побой прельщался,
 Нещастные всево, что я себя люблю.
 Сама воспламенила
 Мою ты хладну кровь;
 За что жѣ ты премѣнила
 Въ недружество любовь?

Но въ пеняхъ пользы нѣтъ, что я лишася свободы,
 И радостей лишентъ едину страсть храня.

На что избоблчашъ ; безсильны всѣ доводы,
Коль болѣе уже не любишь ты меня.

Ужъ ты и то забыла ;
Мои въ плѣнѣ мысли взявъ ,
Какъ ты меня любила ,
И время тѣхъ забавъ.

* * *

II.

Въ какой мнѣ вредный день , ты въ помѣ
меня увѣрилъ ,

Что ты передо мной въ любви не лицемерилъ ?

Что лести я твоей повѣрила себя ,

Ты виненъ , только я виновная еще себя.

Любовью распаленна ,
Любви дала я власть ;
Сама вошла въ напастъ ,
Я страстью ослѣпленна.

*

Не помнишь ты моей горячности ни мало ,

И что мое тобой спокойствіе пропало :

Вздыхаешь о другой : должна ли я то зрѣть ?

Досады таковы должна ли я терпѣть ?

Я рвусь , мой духъ слабѣешь ,

Разсѣянъ разумъ мой ,

А ты владѣешь мной ,

Она тобой владѣешь.

*

На то ли я тебѣ , въ вѣкъ , сердце поручила ,

Чтобъ , въ вѣкъ , меня съ тобой другая разлучила ?

А ты

А ты лишьвѣ меня жеспокая утѣхѣ,
Ругайся мнѣ что въ шомѣ имѣшѣ ты успѣхѣ !

Ты леснѣю искала,
Паля притеорствомѣ кровь,
Ково моя любовь
И вѣрность распалала.

*

Кѣмѣ стали на всегда, мои всѣ чувства пѣбныи,
О ты кѣмѣ грудь моя и мысли напоенны!

Приди вѣ себя хопѣ разѣ и разсмотри дѣла,
Куда она тебя обманомѣ завела.

Прельцаешься ты ею,
Какѣ началѣ завсегда,
Не пронутѣ никогда,
Горячнотѣю мою.

* * *

III.

Мы другѣ друга любимѣ, чтожѣ намѣ вѣ шомѣ
сѣ побою?

любимѣ и страдаемѣ всякой часѣ,
Боремся напраси мы сѣ своей судьбою,
Нѣмѣ на свѣтѣ радостей для насѣ.
Сѣ лестною надждой нашѣ покой сокрылся,
Мысли безмтежныи опниавѣ:
Отѣ сердецѣ разгнннхѣ случай удалился,
Удалилось время всѣхѣ забавѣ.

Зрюль тебя, не зю ли, равну грусть имѣю,
Равное мучене терплю;

Ужъ казать и взоромъ я тебѣ не смѣю,
 Ахъ! ни воздоханьемъ, какъ люблю.
 Всѣ любовныя знаки въ сердцахъ заключенныхъ,
 Должно хладѣ являти и горѣть;
 Мы съ тобой, драгая! вѣчно разлучены;
 Миѣ тебя оспалось только зрѣнь.

*

Жизнь мою пріятну премѣнилъ рокъ въ злую,
 Сладость общения въ горестъ мнѣ;
 Только нынѣ въ мысляхъ я тебя цадую,
 Говорю съ тобою лишь во снѣ.
 Гдѣ любви нашей прежня уснѣхи,
 Гдѣ онѣ дѣвались, мой свѣтъ!
 О печально сердце! гдѣ твои уснѣхи!
 Все прошло, и ужъ надежды нѣтъ.

* * *

IV.

Позабудь дни жизни сей,
 Какъ о мнѣ вздыхала;
 Выдь изъ памяти моея,
 Коль не вѣра спала
 Гасни пламень мой въ крови;
 Ахъ, чего желаю!
 И шреблая жаръ любви,
 Больше лишь пылаю.

*

Правдой принимаю лестъ,
 Я въ швоемъ ошнѣнѣ;
 Миѣ и льстия всево что естъ,

Ты милая на свѣтѣ.
 Въ томѣ, что нынѣ ясно зрю,
 Самъ себѣ не вѣрю:
 День и ночь тобой горю,
 Сердцу лицемѣрю.

*

За невѣрность виѣ себя
 Я сердца бываю,
 Но увижу лишъ себя,
 Все позабываю.
 Я не помню въ оный часъ
 Твоя досады,
 И во взорахъ милыхъ глазъ
 Я ищу опрады.

*

Только то одно манишь,
 Сердце подкрѣпляешь.
 Мню пусшой меня лишъ видъ
 Ревность ослабляетъ.
 Нѣтъ, не тѣмъ шеперь моя
 Грудь ошагощенна,
 Зрю невѣрность нынѣ я,
 Тѣмъ душа смущенна.

• •

У жѣ прошелъ мой вѣкъ драгой,
 Миновался мой покой
 И веселье скрылось.
 Миѣ прошивна жизнь и свѣтъ,
 Для меня забавы нѣтъ,

Все перемѣнилось ;
 Ужъ не мной горишь любя ,
 Я тобой забвенна ,
 А лишившись тебя ,
 Я всево лишенна .

*

Въ тѣ часы, какъ рокъ виною ,
 Воздыхаю и стению ,
 И прегорько плачу :
 Ты, среди своихъ утѣхъ ,
 Все приемлешь только въ смѣхъ ,
 Какъ я жизнь ни трачу .
 Сносноль мнѣ, что ты зовещъ
 Не меня драгою ,
 И склонивъ меня живещъ
 Ты въ любви съ другою !

*

Слався, что мой умъ плѣня ,
 Обманушь ты могъ меня ,
 И любимъ спадъ мною .
 Я винна въ томъ предъ собой ;
 Только ты меня какой
 Обличишь виною ?
 Въ часъ несчастный, ты любовь ,
 Въ сердце мнѣ вселилась ;
 И во зау минушу кровь
 Ты воспламенилась .

*

Чувствууй радости свои ,
 Ты, чрезъ жадобы мои ,

Въ жалость не приходишь ;
 Веселясь моею поскою ,
 Провожденныхъ дней со мной ,
 Въ память не приводишь .
 Нестерпимъ миѢ сей ударъ ;
 Какъ ты духъ мой въ пѣлѣ ?
 О любовь ! о вредный жаръ !
 Что сего тяжелѣ !

*

Коль привелъ меня ты въ страсть ;
 Умножай мою напасть ,
 За любовь сердечну ,
 Щастье ты мое унесъ ,
 И влечешь потоки слезъ ,
 За горячность вѣчну .
 Хоть увидь меня во снѣ ,
 Въ сей моей неволѣ ;
 Но не хочешь обо мнѣ
 Ты и слышать болѣ .

* * *
 VI.
 * *

Тщешно я скрываю сердца скорби люты ,
 Тщешно я спокойною кажусь :
 Не могу спокойна быть я ни минуты ,
 Не могу , какъ много я ни щусь .
 Сердце тяжкимъ стономъ . очи токомъ слезнымъ ,
 Извлекаю пѣ тайну муки сей :
 Ты мое старанье здѣлалъ бесполезнымъ :
 Ты , о хищникъ вольности моей !

Ввергнута тобою я въ сѣю злу долю ;
 Ты спокойный духъ мой возмутилъ ;
 Ты мою свободу премѣнилъ въ неволю ,
 Ты утѣхи въ горесть обратилъ :
 И къ любѣйшей мукѣ ты шово не зная ,
 Можетъ быть издыхаешь о иной ;
 Можетъ быть , безплоднымъ пламенемъ згарая
 Спраждешь ея такъ какъ я тобой .

*

Зрѣшь тебя желаю , а узрѣвъ мячуся ,
 И боюсь , чтобъ въ рѣ не измѣнилъ ;
 При тебѣ смущаюсь , безъ тебя крушуся ,
 Что не знаешь сколько ты мнѣ милъ ;
 Стыдъ изъ сердца выгнать страсть мою стре-
 мится ;
 А любовь стремится выгнать стыдъ :
 Въ сей жестокой брани мой разсудокъ тмишся ,
 Сердце рвется , спраждетъ и горитъ .

*

Такъ изъ муки въ муку я себя ввергаю ;
 И хочу открыться , и стыжуся ,
 И не знаю прямо , я чего желаю ,
 Только знаю то что я крушуся :
 Знаю , что всемѣстно плѣнна мысль тобою ,
 Восбражаетъ мнѣ твоей милый зракъ ;
 Знаю , что вспаденной спррастѣю прездою ,
 Мнѣ забышь тебя не лзя никакъ .

А. С.

* * *

УІІ.

ПИСЬМА

І.

О нѣкоторой заразительной болѣзни.

Была ли сія заразительная болѣзнь, о которой я писать хочу, извѣстна во времена Иппократовы, о томъ я не могу сказать, а по многому видно, что она въ его время не весьма сильна была, ибо ей и Греческаго названія нѣтъ. Во время Галеново можетъ быть сна была уже, что я заключаю изъ Латинскаго ея названія, а можетъ быть она и послѣ времени Галеновыхъ проявилася. Сіе Латинское названіе и у насъ нынѣ, когда начали возрастать науки, къ украшенію нашего языка юсіпріято. У лѣдовъ нашихъ было имя сей болѣзни Взяшки, а мы просвѣтившіся ученіемъ даемъ ей имя Латинское Акциденція. Нѣкоторыя называютъ скорбь сію естественною, а нѣкоторыя преестественною, доказывая, что Іюда взялъ уже

шо-

тогда прищипать сребрениковъ, когда въ него вселился дѣволъ. А я сіе двоякое мнѣніе въ едино совокупаю, и бѣрояшно утверждаю, что тѣло сею скорбію естесвенно заражается, и что дѣволъ беретъ душу такового человѣка по зараженіи естесвенномъ, и что ежели бы сребролюбивый Іюда не заразился сею язвою, шакъ бы въ него дѣволъ не вселился. Въ здѣшнихъ областяхъ началась скорбь сія Подьячими. Когда была Столица въ Новѣградѣ, въ Кіевѣ и во Владимирѣ, скорбь сія уже была, однако была весьма слаба. Усилилася она тогда, какъ на Каменномъ мосту, въ Москвѣ, зачалася винная продажа. Вышелъ нѣкогда чортъ изъ подкаменнова моста, и опознавшися съ Подьячимъ Корчемной каншоры прохаживаяся по городу, шелъ мимо Петровскаго кружала, и услышалъ огромную музыку и пѣніе: извѣстно что черти до музыки охотники, а особливо до гудковъ: и зашелъ туда по зову Подьячева, которой ему объявлялъ, что въ томъ домѣ продаютъ разныя напитки, а при томъ на всякой день представляютъ Оперу, въ которой самая лучшая Инструментальная музыка, Гудки, Волянки, Рыль, Бала-

ла-

лалайки и прочее, и что самыя пущь лущія Пѣвцы и Танцовщики, а иногда и бапаліи представляются: черти до пляски великія охотники, а до драки еще и больше; зашли на кружало, и забавляясь, до полуночи, Оперою нахлюстались, а сверьхъ того и на дорогу спкляницу водки и чарку взяли, съ совершеннымъ, пошедъ, удовольствіемъ, повторяя тѣ Аріи, копорыя они слышали, крича по улицамъ, какъ и нынѣ ходя по улицамъ пьяницы, не спрашася Полиціи, распѣвають. Шедъ по Пречистенкѣ и позабывъ поворошить на лѣво къ мосту, куда имъ дорога лежала, прошли прямо, и къ самымъ Пречистинскимъ воротамъ, а разсмотрѣвъ что Каменная моста пущь нѣтъ, и вспомня что въ лѣвѣ, поворотилися отъ воротъ на лѣво, и вмѣсто Каменная моста попали на Алексѣевскую башню. Куда меня занесъ чертъ, говорилъ подьячій: Куда меня завелъ подьячій, говорилъ чортъ. Что они пьяныя вскарабкалися на башню, ешо имъ чудно казалось, а какъ опшолъ сойти, ешо имъ было непоняшно. Чортъ вѣдаетъ, какъ опселъ сойти, говорилъ Подьячій, а чортъ говорилъ ему, что онъ ешо ва

не вѣдаетъ. Выпьемъ мы другъ мой сердечной съ грусти хотя по чаркѣ водки, говорилъ чорту Подьячій. Чортъ наливъ чарку говорилъ, за здоровье вашей инклинаціи, и выпилъ. Подьячій то же наливъ себѣ водки молвить хотѣлъ, да не зная по Французски ещо ва не умѣлъ выговорить, и сказалъ только: преждереченному послѣдствую, а позабывшися передъ чаркою перекрестился. Черпъ исчезъ, а Подьячій повисъ на зубцахъ, и закричалъ: караулъ, возми ево и меня! Что подьячій пивъ водку повисъ на зубцахъ Алексѣевской башни, сія Исторія въ Москвѣ, не только старымъ бабамъ, но и малымъ ребятамъ извѣстна. Сняли и взяли чортова наперспника подъ караулъ, отвели на сѣбзжую, отослали въ приказъ, и посадили на цѣпь. Проспавшися хватилъ Подьячій шапки, которую снявъ онъ на башнѣ при чаркѣ водки чорту кланялся, и какъ скоро онъ сорвался съ цѣпи, пошелъ за шапкою. О ежели бы онъ позабылъ тамъ свою подьяческую голову, или бы на зубцахъ повѣшенъ оспался! но рокъ того не учинилъ. Пошелъ Подьячій за шапкою, и нашедъ шапку, нашолъ чорповы крючки, которыя онъ провалившися схватилъ

шпш

тимъ не успѣлъ. Подьячій сей болѣз-
ни, копорая нынѣ подѣ именемъ Ак-
циденціи распросперлася, имѣлъ уже
нѣкоторыя припадки, а скорбь сія
слыла еще тогда шильничесивомъ.
Шильничество такъ мало передѣ Ак-
циденціею какъ мошенничество передѣ
грабительствомъ. Какъ скоро Подьячій
крючекъ ешотѣ получилъ; шотчасѣ
шильничество стало жестокою зарази-
тельною болѣзнію, копорая нынѣ Ак-
циденціею называется, а бредни въ
болѣзни сей по происхожденію своему
названы крючками. Тѣми крючками вы-
паскиваютѣ черпи у худыхъ людей
души; а сими выпаскиваютѣ Подьячій
у добрыхъ людей деньги. По произхож-
денію крючковъ сихъ изѣ подѣ Каменнова
моста, въ память шого, называются вы-
вѣдовальщики винной продажи Крючка-
ми. По сей же причинѣ Подьячій литерѣ
никогда равно не ставятѣ, но всегда
крючками. Омѣ сего литера Р съ боль-
шимъ ставитѣся крюкомъ; и въ подья-
ческихъ названіяхъ такъ употребляетѣ-
ся, да и названия ихъ безѣ сея литеры
не бывають; ибо ето ихъ гербѣ. Подья-
чійя однимъ пишутѣ почеркомъ лите-
ры, связывая для шого, что бы и въ
шомъ больше крючковъ было, и для

умноженія оныхъ крючковъ часто ли-
перы въ верьхъ кидаютъ. Точекъ и за-
пятыхъ не ставятъ они для того ,
что бы слогъ ихъ темные былъ , ибо
въ мутной водѣ удобнѣе рыбу ловить.
Язва Акциденціи день ошъ дня прс-
ужасно размножается , и число боль-
ныхъ неописанно велико , а ежели не
употребятся къ тому способы , чтобъ
оную болѣзнь истребить , такъ послѣ-
дуетъ неизлѣчимое разоренье.

* * *

II.

О думномъ дьякѣ , которой
съ меня взялъ пятьдесятъ
рублевъ.

Извѣстно , что въ древнія времена Оберъ
секретарей еще не было , а вмѣсто
ихъ были Думныя Дьяки : изъ кошо-
рыхъ нѣкто съ меня списалъ пятьде-
сятъ рублевъ , а я въ томъ извиняюся
слѣдующими причинами : я былъ двс-
нащдани лѣтъ тогда , и что за взянк-
ки приказано вѣшать , я етова еще не
зналъ : вторая причина была , мое лю-
боньство , узнашь , какимъ образомъ
Акциденція берется : яренья причина ,
что ежели бы я не далъ ему денегъ ,
такъ бы дѣло то не было здѣлано.

Вопль

Вотъ какъ берутся взятки : приѣхалъ я ко двору его высокородія Думнаго Дьяка зимою въ саняхъ , и подѣвѣхавъ ко двору радовался , что я скоро буду въ шенль , а етова я не зналъ , что чело- бивичики къ Думнымъ Дьякамъ на дворъ не вѣзжаютъ , и выходятъ у воротъ . Ворота у Дьяковъ всегда запираются замками изъ нутри , понеже де то отъ воровъ имѣеть быть безопаснае : больше получаса спучался я у воротъ : опперли калитку , выглянулъ приворошникъ , и спрашивалъ , какъ ему назвать мое здоровье : Я не зналъ какъ ему отвѣчать и промолчалъ ; ибо такой вопросъ и не рабенку спраненъ покажется : онъ спрашивалъ какъ назвать вашу милость , ето я зналъ , по тому что оно нѣсколько употребително , а по нашему : какъ тебя зовутъ : Я ему сказался ; а онъ калиткой хлопнулъ и ее заперъ . Слуга мой былъ по искуснае меня , и говорилъ : надобно дашь деньги . Я опять постучался , онъ опять выглянулъ , я давалъ деньги , чтобъ онъ отнесъ ихъ къ Думному Дьяку , а меня бы впустилъ , однако онъ ихъ не взялъ извиняся , что господинъ ево можетъ подумать , будто онъ не всѣ сполна ему отдасть , а мнѣ чаялося , что вездѣ

деньги берутся въ пѣхъ мѣстахъ , куда безденежно не впускають у дверей; ибо я бывалъ на Комедіяхъ , смотрѣлъ Александра и Лодвика, Парижъ и Вѣну и другія Комедіи , на что я и ссылался , а онъ отвѣчалъ , то де враки , а здѣсь дѣла. Очень досадно мнѣ это стало , что Дьяковъ онъ , писателямъ Драммъ предпочитаетъ , какъ будто сердце слышало , что я по времени буду имѣть нещастіе , бытъ Драмматическимъ Стихотворцемъ. Однако служителю знатнаго человѣка долженъ я былъ уступить , а мой слуга сунулъ ему въ руку пять копѣекъ , которыя онъ съ меншею принялъ учтивостію , нежели Подлѣкаръ и Дьячекъ. Дома ли , спрашивалъ я , ево благоушробіе : етова я еще не знаю , отвѣчалъ онъ , я пойду о томъ; дома ли онъ или нѣтъ доложу ево милосердію , и вашей чести донесу. Еще съ полчаса прошло того времени , въ которое мнѣ зябнуть предписано было , возвратился дворникъ и объявилъ , что бояринъ ево дома : не Дьякомъ назвалъ онъ его , бояриномъ , а въ етомъ было въ древности различіе. На дворахъ приказныхъ служителей стоятъ на часахъ собаки , и кто изъ нихъ больше чиномъ , у шово больше собака

бака и толще лапшѣ. Подворотни у Дьяковѣ превысокія , и для челобитчи-ковѣ изѣ подѣ калипки не вынимаются, а ворота и не отворяются: калипка была очень узка, и человекѣ мой пролѣзѣ бокомѣ на дворѣ , а я будучи малѣ че-резѣ подворотню на силу перелѣзѣ. Какѣ только собака насѣ увидѣла , преужа-сно залаяла. Церберѣ не испугалѣ Герку-леса въ Адѣ , а меня Дьячій Церберѣ гораздо испугалѣ , по тому что я рабе-нокѣ былѣ , да жѣ и не Геркулесѣ хотя и въ Адѣ вошелѣ. Слуга мнѣ говорилѣ , чтобѣ я поклонилѣя Церберу. Какѣ , спрашивалѣ я , что бы я собакѣ покло-нилѣя? Хотя ето и собака , однако Дьячья , говорилѣ онѣ. Но когда я уже дошелѣ до такой подлости , чтобѣ кланяться Дьяку ; великое ли ето уже униженіе , чтобѣ и собакѣ не покло-нитѣся : поклонилѣя : да еще и при-стойнае было , чтобѣ я собакѣ покло-нилѣя , нежели ея помѣщику ; она де-негѣ не возметѣ у меня , а безсовѣсп-ной ея помѣщикѣ сѣ меня счиститѣ. Я рѣдко вспоминаю , что я дворянинѣ , а въ то время вспомнилѣ я ето , и раз-мышлялѣ идучи по двору : Дьякѣ бога-тѣе меня , а я несу ему деньги : Дьякѣ хуже меня , а я иду ему кланяться ; и

ежели бы я философъ былъ , конечно бы закричалъ : О времена ! О нравы ! Вшелъ я въ боярскія покои : подошла ко мнѣ боярская боярыня . Не чудно ли это , что Дьячью служанку , называли боярынею ? Сія боярыня была охвата въ два , въ подкапкѣ , въ шѣлогрѣби и босикомъ . Бояринъ , говорила она въ мыльнѣ , и ужъ выпарился , скоро изволишь выйти . Подьяческое племя съсамаго младенчества привыкаетъ , и терпятъ они легко какъ ихъ по спинѣ сѣкутъ , а намѣреніе то , чтобы не тако трудно было шѣлесное наказаніе , ежели по силѣ уложенья и указовъ , нужда того потребуетъ , и заставляють Подьячія холопамъ своимъ сѣчь себя въ банѣ , и велятъ себѣ до шѣхъ сѣчь порѣ , пока мѣсть побагровѣетъ спина , и какъ они подъ папюгами не кричатъ , однако , когда то окончится , такъ они спановятся еще бодрѣе того нежели были , и ради того папюги ихъ обыкновенная забава , и чтобы воскресенье какъ праздничный день проводить имъ повеселяе , такъ они по всякую субботу себя сѣчь приказываютъ , хотя иныя говорятъ , будто они терпятъ это добровольно за содѣланныя во всю недѣлю плушны , и что передъ праздникомъ полагаютъ на себя

себя сію епитимію, подобіемъ Христіянъ Западной церквы, и что Подьячія не давъ себя ввечеру въ субботу высѣчь не ходятъ къ обѣдни въ воскресенье, а когда и придуть, такъ стоятъ только въ трапезѣ будучи оскверненны. Я бы къ нему въ субботу ввечеру конечно не поѣхалъ, вѣдая, что всѣ приказныя служители сѣкутся въ это время въ баняхъ пашожьями; да что дѣлать! я былъ Кадеши; въ прошія дни надлежало учиться и быть у себя, а воскресенье для Кадеповъ день опідохновенія, а для Подьячихъ день пьянства, и такъ одинъ только вечеръ субботы лиѣ къ тому оспался. Вышелъ бояринъ изъ заштѣнка: я ему подалъ письмо, а пово, что я съ деньгами пришелъ, онъ не вѣдалъ и принялъ меня спесиво. Я ему подалъ грамотку, онъ надѣлъ очки, грамотку распечаталъ и почалъ читать. Суровый его видъ перемѣнился, когда онъ дочелъ до того мѣста, гдѣ о пятидесяти рубляхъ упомянуто было. Прочетъ письмо обозрѣлъ меня очень жадно со мною ли тѣ деньги, и когда я ему спалъ ихъ подавать, говорилъ онъ: на что это? это право напрасно. О приказная душа? на что было такое лицемѣріе? го-

И и с

воришь,

воришь, на что ето и берешь: а что ето напрасно, ето подлинно: я ето зналъ, хотя бы ты и не сказалъ. Взялъ пятьдесятъ рублей, и поднесъ мнѣ спаканъ меду, и какъ я больше половины спакана выпить не хотѣлъ, такъ онъ меня гораздо подчивалъ, и увѣрялъ меня, что ето медъ спавленой и хмелю въ немъ нѣтъ. Я етому вѣрю, отвѣчалъ я, да я и безъ меду иззябъ. Нѣтъ ничево выкушай, говорилъ онъ, ето питье хорошо. А я думалъ то что въ шеплѣ бытъ и братъ за ничто чужія деньги ето хорошо, а въ холодѣ бытъ и отдавать за ничто свои деньги, ето не гораздо хорошо. Отдалъ ему свои деньги и поѣхалъ домой, всѣмъ пѣмъ копороя нарушая честность и присягу, корыстуются взятками желая висѣльницы.

* * *

III.

КЪ ПОДЪЯЧЕМУ, ПИСЦУ или ПИСАРЮ, то еснъ, кѣ такому человеку, которой пишеть, не зная того что онъ пишеть.

Писарь! ты хулишь изданія подъ именемъ ТРУДОЛЮБИВОЙ ПЧЕЛЫ, болая что въ нихъ только Сшихи: ето неправда, не одни Сшихи въ нихъ

да

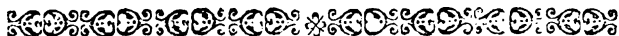
да и Стиховъ ни кто кромѣ тебя и тебѣ подобныхъ невѣжъ не уничтожаетъ. А о себѣ ты бредишь такъ: я бы перевелъ **ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО, ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА, ІОАННА ЗЛАТОУСТА**; но кто бы узналъ ихъ во твоёмъ переводѣ? Я тебѣ скажу на это прибаутку. Просила нѣкогда жена мужа что бы онъ укралъ ей пшеницы испечь пироги, попчивать гостей. Мужъ говорилъ: у насъ отъ роду пшеничныхъ пироговъ не бывало; шакъ узнаютъ по всѣ что пшеница украдена. Не свое то дѣло, говорила она, я шакъ испеку пироги, что они черные оржаныхъ будутъ.

*

*

*

А. С.

VIII.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОДА.

Все въ пустомъ лишъ только цвѣтъ,
 Что ни видимъ, суепа:
 Добродѣтель ты на свѣтъ,
 Намъ едина красота!
 Кто страстямъ себя ввѣраетъ,

Только

Только время онъ терпѣнъ,
И ругательство влеченъ;
Въ той безчестіе забавъ,
Кая непричастна славъ;
Щастье съ славою шечетъ.

*

Чувствуютъ сердца то наши,
Что природа намъ дала:
Строги Стойки! не ваши
Проповѣдаю дѣла.
Я забавъ не отмечаю;
Выше смертныхъ не взлещаю;
Беззаконія бѣгу,
И когда ево гдѣ вижу,
Паче смерти ненавижу,
И молчати не могу.

*

Смертнымъ слабости природы,
Трудно сердцу повелѣть,
И старанія безплодны,
Всю природу одолѣвъ,
А неправда съ перва вѣка,
Никогда для человѣка,
Отъ судьбины не дана:
Естьли честность мы имѣемъ,
Побѣждаемъ ее умѣемъ.
Не вселился въ насъ она.

*

Не съ пристрастіемъ но здраво,
Разсуждайте обо всемъ:

Предпштите оно право,
 Утверждайтесь на немъ:
 Не желай, другому доли
 Ни какой, противу воли,
 Тако буди бы себѣ:
 Безпорочна добродѣтель,
 Совѣши пвоей свидѣтель,
 Правда судѣя тебѣ.

*

Не люби злодѣйства, лести,
 Сребролюбіе гони,
 Жертвуй всѣмъ, и жизнью честн,
 Поселящая всѣ ей дни:
 Къ вѣчнѣсти нашъ вѣкъ дорога;
 Помни ты себя и Бога,
 Гласу ищущиы немани:
 Духъ не будетъ вѣчно въ тѣлѣ;
 Взирашимся всѣ опселя,
 Скоро въ нѣдра мы земли.

• * *

П Р И Т Ч А.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАДЪ.

Лисица валестъ
 На виноградъ кошѣла,
 Кошѣлась ягодъ ей поѣсть,
 Полеза попошѣла:
 Хоть любъ кусокъ,
 Да виноградъ высокъ,

И не къ се на немъ плоды созрѣли долѣ;
Пришло оставишь ей закуски по неволѣ.

Какъ добычи лисица не нашла,

Пошла,

Яряся злобно,

Что ягодъ было ей покушать неудобно:

Какой ворчала то невкусной виноградъ,

До самыхъ не созрѣлѣ такихъ онѣ позднихъ чи-
селѣ;

Хорошѣ на взглядѣ,

Да, киселѣ.

Довольно таковыхъ

Лисицѣ на свѣтѣ,

И гордости у нихъ

Такой вѣ отвѣтѣ.

*

*

*

П Ъ С Н Я.

У Спокой смятенный духъ,

И крушась не старай!

Не тревожь меня пастухъ,

И вѣ свирѣль не играй!

Я и такъ тебя люблю, люблю мой свѣтѣ;

Ни чево тебя милай, ни чево лутче вѣтѣ.

*

Мысли всѣ мои вѣ тебѣ,

Всеминушно хощаю;

Сердце опиялъ ты себѣ;

Очи къ сердцу лещаю.

Ты изъ памяти моей не ходишь вонъ ,
 Всякую тебя миѢ ночь представляетъ и сонъ.

*

Но въ мечтѢ , не съ сей судьбой ,
 Предсавляется миѢ ;
 Я цалуюся съ тобой ,
 Обнимаюся во снѢ ,
 Я во снѢ тебя въ шелашѢ сама зову :
 Успокой смященный духъ ; будешъ то на яву !

* * *

РОНДО.

НЕ думай ты чѣмъ я другихъ ловила ;
 И чью бы грудь я взоромъ уязвила ;
 Напрасно миѢ пеняешь ты груба ;
 Я та же все ; не возмущай себя ;
 Хотя твое я сердце расправила .
 Любовь меня еще не изрѣвила ,
 Невѣрности миѢ въ сердце не вдавила .
 И что горю другимъ я кѣмъ любя ,
 Не думай ты .
 Измѣною я мыслей не кривила ,
 Другимъ любви я съ роду не явила ,
 Свободу кѣмъ и сердце погубя .
 Твой страхомъ духъ я тщетно удивила ,
 Но чѣмъ любить я стала и тебя ,
 Не думай ты .

* * *

О АМЕРИКЪ.

Коснулись Европейцы суши,
 Куда ихъ наглассть привела,
 Хотяшъ очиснить смертныхъ души,
 И поражаютъ ихъ тѣла:
 Въ рукѣ святыя держашъ правы,
 Блаженство истинныя славы,
 Смиренымъ мзду и казни злымъ,
 Въ другой острѣ мечѣ: ярьсь пыдаютъ,
 И ближнимъ щаспїя желаютъ,
 Подобно какъ себѣ самимъ.

* * *

А. С.

Оглавленіе.

страни.

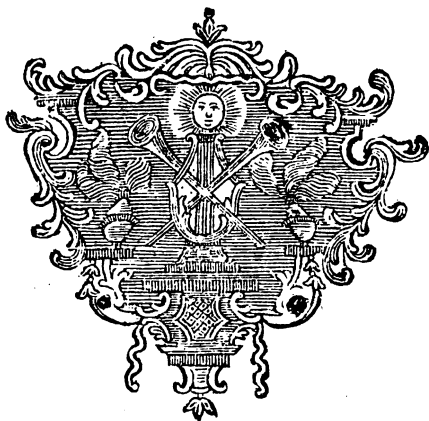
I.	Квинта Горація Флакка Сатира.	643
II.	Скилла или безбожное предательство.	650
III.	Публія Овидія Насона Елегїи.	659
IV.	Изъ IX. Книги Фарсалии Марка Аннея Лукана.	671
V.	Оставшіяся дѣѢ Оды Сапфонны.	676
VI.	Пѣсни.	678
VII.	Письма.	687
VIII.	Разныя. Спихотворенія.	699

) ○ (

ТРУДОЛЮБИВАЯ
П Ч Е Л А.

Декабрь 1759 года.

ВТОРЫМЪ ТИСНЕНИЕМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
при Императорской Академіи Наукъ
1780 года.

I.

Р Ъ Ч Ъ

О ПОЛЬЗѢ И ПРЕВОСХОДСТВѢ СВО- БОДНЫХЪ НАУКЪ.

Говорена Маркомъ Антоніемъ Муретомъ, Пресвитеромъ, Законоучителемъ и Гражданиномъ Римскимъ въ Венеціи 1555 году.

Многихъ я знаю, которые с свободныхъ наукахъ имѣя сіе пвердо въ мысляхъ своихъ вкоренившееся мнѣніе, почитаютъ: что упражненіе въ оныхъ маловажно и не нужно: что шѢ, кои юношеству преподають оныя, или не весьма великой трудъ подвѣмлютъ, или ученіе ихъ по крайней мѣрѢ обществу не великой плодъ приноситъ, на конецъ думаютъ: что ошѢ нихъ не пребуешся ни какая высокая и сокровенная,

но площадная нѣкая , или на распутіяхъ , и зборищахъ людей случайно спекшихся почерпнутая наука. Съ копорыми я будучи несогласенъ на противъ утверждаю : что ихъ самая важная должность между всѣми въ учительскомъ званіи находящимися , и что нѣтъ другихъ болѣе обществу плода и пользы приносящихъ , нѣтъ такихъ людей , отъ коихъ бы можно требовать большаго , и поль многообразнаго въ наукахъ знанія. Чего ради вознамѣрился я сего дни , господа Сенаторы , и прочія почтеннѣйшіи мужи , сию для слова моего избрать мѣстерю , и благороднѣйшую наукъ часпъ , сколько силъ моихъ станеть , отъ презрѣнія и несноснаго нападенія ученыхъ людей защитить. И что мнѣ въ разсужденіи либо времени сего , либо званія моего приличнѣе здѣлать можно ; кромѣ того , чтобъ всякое приложаспраніе словомъ моимъ взаимно принестъ нѣсколько чести и славы тѣмъ наукамъ , которыми какъ въ другихъ мѣстахъ , такъ и въ самомъ семъ градѣ приобрѣлъ я себѣ почтеніе , отъ которыхъ , будто отъ нѣкихъ источниковъ , сія моя какая нибудь въ народѣ изліялася слава? Наипаче когда ненавистники сихъ наукъ особ-

особливую и во всѣхъ дѣлахъ довольно показанную вашу, Сенаторы почтеннѣйшіи, премудрость опорочить покушаются. Ибо, ежели все сіе пакъ маловажно, какъ они представляющъ, какая васъ въ прошедшемъ годѣ побудила причина изданнымъ въ народъ объявленіемъ процрять сердца людей ученыхъ къ благородному оному показанію природной своей оспроты и усѣховъ въ наукахъ, и къ опредѣленію по томъ довольнаго награжденія тѣмъ, коихъ въ семъ подвигѣ достойными вы усмотрите? Одно сіе довлекло бы къ обученію ихъ дерзости, и естли бы они отъ естества такимъ умомъ и разсужденіемъ не были одарены, чтобъ сами могли постигнушь сихъ вещей извѣщество, однако надлежало бы имъ почипашъ то за великое и преславное, что отъ васъ, толь благоразумныхъ мужей, за полезное признано. Но когда надобно мнѣ употребить доказательства противу презирающихъ премудрѣя мнѣнїя знатныхъ людей, приклоните сердца ваши слышатели, и меня, въ крапцѣ показующаго коль многое и различное знаніе отъ обучающихъ свободнымъ наукамъ пребуенся, при томъ коликой плодъ отъ труда и старанїя

ихъ получаетъ общество со вниманіемъ послушайте. А чѣмъ лучше о семъ прѣдѣлѣ разсудить, то должно съ перва увѣдомиться, что говорятъ сіи словесныхъ наукъ хулители. Кои видя, что упражняющіеся въ оныхъ ни къ какимъ важнымъ дѣламъ не приглашаются, ни къ суду, ни къ защищенію просителей, и что ихъ совѣта въ нужныхъ случаяхъ не пребуютъ, легко имъ мнѣніемъ заражающіяся, будиши они кромѣ нѣкоторыхъ стихотворческихъ басенъ для увеселенія дѣтскихъ сердецъ сложенныхъ, и нѣсколько скудныхъ и недостапочныхъ правилъ для украшенія рѣчи собранныхъ во все ни чего не умѣютъ. Что за великое дѣло, говорящъ, въ собраніи опроверговъ такіе басенки рассказывать, и предлагашъ имъ въ нѣжномъ слоѣ и суешное услажденіе приносящемъ то Фивейскую, то Троянскую войну, то Улиссово, или Енеево по пространному морю бѣдственное странствованіе, и часто будиши бы изъ ковчезцевъ нѣкихъ, на испещреніе слова пригошованные взымать краски? Что за великая мудрость, знать съ колѣкимъ числомъ кораблей Греки для завоеванія Иліи приѣхали, сколько дѣтей было у Пріама.

Елену

Елену ли похитилъ Александръ , какъ Омиръ , или Еленинъ образъ , какъ Еврипидъ повѣствуетъ ? Какая польза отъ знанія , и какой ущербъ отъ невѣденія всего сего воспослѣдовать можетъ ? Напротивъ того сколько плода прочихъ наукъ учителя приносятъ , всякому видѣшь удобно . Посмотрѣть на Дialeктиковъ , они преподають извѣстные нѣкія правила къ познанію лжи и истины , ихъ дѣло знать , и другихъ обучать ; что съ каждою вещью сходно , что ей противно , что изъ чего слѣдуетъ , какимъ образомъ чтонибудь раздѣлять , опредѣлять или описывать , какъ сопавлять доказательства . Что ? испытатели естества , которыхи начала и причины вещей описываютъ , которыхи учатъ какъ вещь каждая рождаешся , и какъ погибаетъ , которыхи дождей , молній , погодъ причины , которыхи небесныхъ шѣлъ величину , разстоянія , теченія , движенія въ передъ , споянія , которыхи свойство души , которыхи силу чувствъ , которыхи всѣхъ животныхъ рожденія , пищу , образы , которыхи произращеній , которыхи всѣхъ почти вещей отъ земнаго нѣдра исходящихъ свойства такъ описываютъ , что нѣтъ того на небѣ , въ морѣ и на

землѣ , какѣ стихотворцы говорятѣ , въ чемѣ бы они любопытства своего не употребили , сему они уча мало ли пользы государству приносятъ ? Ежели возришь на упражняющихся въ шой части любомудрїя , которая наставляеишь чего желать надобно , а чего убѣгать , то увидишь , что никогда ничѣмѣ прудовѣ ихѣ довольно наградишь не возможно . Видимѣ мы о какихѣ и коль славныхѣ вещахѣ бывають у нихѣ разсужденїя . Но тому что во первыхѣ обучають они , что полагають за предѣлѣ и конецѣ совершеннаго благополучїя , на которой одинѣ взирать , къ коему всѣ дѣиствія , всѣ помышленїя , всѣ намѣренїя относить долженствуемѣ , сколько родовѣ добродѣтелей и пороковѣ , и какѣ оныхѣ достигнуть , а отѣ сихѣ возможемѣ уклониться , какимѣ образомѣ подобаеишь намѣ обуздать свирѣпые и разуму не повинующїяся страсти : по семѣ какѣ надобно поступать каждому въ правленїи своего дому : на конецѣ учаишь тому , чего нѣтъ ничего лучше , ничего славнѣе , чего божественнѣе и помыслишь не возможно , то есть : какими обычаями , установленїями , законами исправлять общеснва , какое онымѣ полагають основанїе , и какѣ

учре-

учреждать , какъ увеличивать и распро-
 сранять , какъ можно здѣлать много-
 людными и богатыми , однимъ сло-
 вомъ , благополучнѣйшими . О вещи пре-
 славные , и достойнѣйше не только
 прилѣжнаго упражненія , но и безмѣр-
 ныхъ трудовъ душою и тѣломъ подвѣ-
 емлемыхъ ! О Философія правительница
 жиція человѣческаго ! О мать всѣхъ
 добродѣтелей , всѣхъ пороковъ истре-
 бительница ! Ты укрощаешь дерзость
 ложныхъ мнѣній ; ты обуздываешь и
 истребляешь всю суесту и заблужде-
 ніе : ты вырываешь корни , обрѣзываешь
 и опсѣкаешь опрасли , погубляешь сѣ-
 мена пороковъ . Справедливо говаривалъ
 божественной Платонъ , что безсмерт-
 ныи Боги не могли ничего лучшаго те-
 бя дать роду человѣческому . Пусть
 придѣлѣнъ и теперь сіи учителя словъ ,
 толкователи басенъ , соплетатели ра-
 сказовъ , и опвергни , ежели у нихъ есть,
 стыдъ , пусть похвалятся , что можно
 ихъ хотя мало соравнить съ учителя-
 ми любомудрія . Кои , ежели какую не
 удобовразумительную рѣчь , или нѣкое
 не всеобщее словце , или какую нибудь
 не всякому извѣстную басню сыщутъ ,
 то думаютъ , что они золотой спа-
 шуи достойны , а иногда о такихъ без-
 дѣлицахъ

дѣлицахъ между собою такъ спорящъ , что кажется будто бы они за вѣру и отечество въ сраженіе вступили. Таковая, Сенапоры почипениѣйшии , и сей подобная рѣчь, прилѣжаніе и пруды наши унизить покушающихся : кои когда похвалами превозносятъ любомудріе, веселюся и похваляю , для того что ни когда ни кому не уступаю , чшобъ больше любилъ или почишалъ оное : а когда думающъ , что науки наши не имѣющъ съ нимъ ни какого общенія , сколько въ семь ошибаются легко изъ , слѣдующихъ рѣчей моихъ уразумѣтся. Ибо прежде всего, ежели позволить имъ се , что мы ни чему кромѣ стихотворческихъ басенъ , и правилъ для украшенія слова собранныхъ не учимъ , однако изъ сего еще не слѣдуешъ , какъ имъ хочется , что вся наша наука суетна и смѣхотворна , ниже куда инуды годна , какъ только усладить дѣтскія сердца празднымъ нѣкіимъ увеселеніемъ. По тому , что стихотворческіе бадни , которые они такъ много гонящъ и ненавидящъ , не маловажныи нѣкіи , и безплодныи вымыслы праздныхъ людей , но въ нихъ вся извѣщная наука , все честнаго человѣка достойное знаніе, вся премудрость буд-
то

по подѣ покровомѣ и олежлою содержиша. Обѣ Ерашосѣенѣ нѣкоемѣ повѣснвуютѣ, копорыи такѣ презираѣ спихотворспво, что Омира ѣзываетѣ учинелемѣ ни къ чему годнаго много глаголанія. Но по истиннѣ Платонѣ и Аришотель, кои въ большемѣ у всѣхѣ почшевіи, нежели оной невѣдомо какой Ерашосѣенѣ, такѣ часто употребляють взяшыя изѣ него свидѣтельства къ утвержденію своихѣ мнѣній, что кажеша не только его читали съ прилѣжаніемѣ, но егда когда изѣ рукѣ выпускали. Чего ради часто удивляюся, когда нѣкіи желая показатѣся Философами, да еще такими Философами, кои думаютѣ о себѣ, что не инако на брови ихѣ утверждено любомудріе, какѣ небо на Атлантѣ, таковое къ спихотворцамѣ оказываютѣ презрѣніе, что не хопяшѣ ихѣ удостоить и того, чтобѣ посмотрѣть на ихѣ сочиненія. Какіи они Философы, пусть сами подумаютѣ, когда презирають тѣхѣ, копорыхѣ верхонисѣ между любомудрыми Платонѣ иногда отцами и вождами премудрости, иногда божіими посланниками и сынами называетѣ. Аришотель же, когото прямыми подковащелами себя называютѣ,

не

не только, какъ я прежде упомянулъ, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ часто употребляетъ свидѣтельство стихотворческія, но и въ первой книгѣ о премудрости утверждаетъ, что всякой Философъ баснолюбецъ. Но что Аристотелевыми учениками нарицаются, справедливѣе можетъ быть, а безъ сомнѣнія съ правдою сходнѣе, ежели бы о себѣ утверждали, что они подражатели Епикуровы: ибо изъ всѣхъ дре нихъ повѣстей вѣдаемъ, что онъ только одинъ былъ такой Философъ, которой все краснорѣчіе, а наипаче презиралъ писанія стихотворцевъ. Безстыдно и безумно поступаютъ они въ томъ, когда, для одного только презиранія стихотворцевъ, желаютъ между Аристотелевыми учениками и послѣдователями быть почиаемы. Но я не имѣю намѣренія теперь говорить о похвалѣ стихотворцевъ: а если бы имѣлъ, то бы могъ легко доказать, что они насъ всѣмъ правиламъ въ жизни, всѣмъ должностямъ добродѣтельнымъ, ни чѣмъ не хуже Философовъ научаютъ. И такъ толкуя мы стихотворческія книги не праздными басенками по обыкновенію кормилицъ сердца веселимъ, но посвѣаемъ добродѣтель и уче-

и ученіе ; не въ маловажныхъ и безплодныхъ вещахъ прудъ полагаемъ, но правила любомудрїя для удобнѣйшаго понятїя приятнымъ нѣкимъ удивительныхъ и разныхъ вещей присовокупленіемъ украшаемъ. Что ? наставленіе подая въ краснорѣчїи играемъ, или учимъ тому, что за первое всегда во всякомъ благоучрежденномъ гражданствѣ почишалось ? Развѣ мы не вѣдаемъ, что краснорѣчіе отъ знаменнѣйшихъ писателей царицею всего именуется ? Сїя то есть оная сила, которая по своему произволенію на всѣ спороны сердца слушателей преклоняетъ, и свѣтомъ красоты своея лишивши чувства ; будто нѣкоею уздою складнаго слова управляетъ оныя. Сїя то есть оная, которая утѣшаетъ сѣшующихъ, страждущихъ ободряетъ, падшихъ возстановляетъ, которая беззаконнымъ погибелю, неповиннымъ защитою, злодѣямъ страхомъ, добродѣтельнымъ людямъ есть украшеніемъ. На сію уповая Цицеронъ, Катилинино бѣшенство и злоумышленными на отечество совѣты разсыпалъ, сею, будучи безоруженъ, такъ побѣдилъ вооруженныхъ, что по признанію и самихъ непріятелей заслужилъ онъ Лавръ слав-

славнѣйшій всякаго торжественнаго входа во градъ всѣхъ Римскихъ побѣдителей. Сею одаренныи имѣють большую власть надъ людьми, нежели Тиранны. По тому, что Тиранны имѣють власть на шѣла вериги налагать, а душамъ не могутъ причинять никакого насилія; а сіи обладаютъ душами; и что они за честное и полезное почитаютъ, не только дѣлать, но и желать того другихъ принуждаютъ: шѣхъ повелѣнія съ отвращеніемъ, а сихъ съ усердіемъ исполняются: тѣ и ненавидятъ всѣхъ, и всѣми ненавидимы: а при сихъ, всему человѣческому роду благодѣтельницамъ, непремѣнная всѣхъ благосклонность пребываетъ неотступно. И хотя прищорно презирающіи краснорѣчіе избѣщаютъ онаго довольно вѣдаютъ, однако для того, что усиль въ немъ не могутъ, желаютъ лучше завистливо ругать оное, нежели искренно слабость силъ своихъ исповѣдать. И такъ сіе есть рѣчи моей содержаніе, что хотя бы ничего другаго отъ насъ не требовалось кромѣ того, чтобъ мы толковали стихотворческія басни, и показывали бы юношеству будто путь, по которому возможно дойти къ способности
красно

красно говорить ; однако мы и тѣмъ самимъ обществу какъ не малую пользу приносимъ , такъ и въ немалыхъ и презрѣннѣя достойныхъ вещахъ упражняемся . А отъ насъ не только сіе одно требуется , но при томъ нѣтъ ни одной науки , достойной упражненія человѣка честно воспитаннаго , въ которой бы нѣкоего знанія не должно имѣть званіе свое похвально оправдывать помышляющему . Чего ради сіе между ими и нами разнствіе , что они толкуютъ писателей такихъ , которыхъ цѣлое сочиненіе до одной только науки надлежитъ . Ибо въ книгахъ Діалектиковъ и Фисиковъ , или касающихся до врачебнаго , и правъ гражданскихъ знанія , почти ничего не сыщешь , чего бы не изъ тѣхъ же самыхъ наукъ , отъ коихъ надписаніе свое получили , выразишь тебѣ было не возможно : а намъ ежедневно толковать надобно книги , сочиненные людьми во всѣхъ наукахъ искуснѣйшими , и содержащія въ себѣ безчисленные мѣста , изъ всѣхъ наукъ почерпнушыя . Слѣдовательно прочи , хотя въ одной только своей наукѣ искусны , а во всемъ другомъ крайнѣи невѣжи , однако къ отправленію своей должности способ-

собными почитаются. Ни кто не вмѣ-
 няемъ никогда за бесчестіе врачу не
 знашь законовъ, или законоучителю не
 вѣдашь врачебной и звѣздочетной науки.
 Мы только одни, коимъ необходимо
 должно всю сію свободныхъ наукъ об-
 ширность хотя не вовсе общеть, и
 измѣрять, однако осмопрѣшь, и полу-
 чить объ оныхъ нѣкоторое по крайней
 мѣрѣ понятіе. Не надобно далеко
 искать намъ доказательствъ. Прошла-
 го года толковалъ я Цицероновы рѣчи
 прошиву Верра. Помнятъ бывшіи то-
 гда въ присутствіи, коль много мѣспѣ
 извѣсняя я такихъ, въ коихъ для не-
 знанія гражданскаго права почти всѣ
 другіи ошибались. Теперь его же кни-
 ги о самомъ вышнемъ благополучіи и
 крайнемъ нещастіи толковать я возна-
 мѣрился. Коль много вещей должно
 мнѣ заимствовать изъ всѣхъ часшей лю-
 бомудрія, коихъ не вѣдая, и сихъ
 книгъ во все разумѣть не возможно!
 Что небесныхъ свѣтилъ знаніе? Что
 описаніе земель? Ежели кто сихъ на-
 укъ ни мало не вкусилъ, можетъ ли
 себя назвать довольно способнымъ Спи-
 хопворцевъ толкователемъ? Однако со
 всѣмъ тѣмъ есть такіи ненавистники,
 которыи думаютъ, что мы играемъ,
 и

и кощунствуемъ , ничему не учимъ , но только о дѣтскомъ увеселеніи имѣемъ попеченіе. При семъ и по упомянушъ надобно , что отъ учителей вышнихъ наукъ ни краснорѣчія , ни чистаго Лашинскаго слога во многихъ случаяхъ не требуется. Хотя бы они пустиословили , не чисто , не свойственно , странно говорили , все имъ дозволяется : а мы , когда говоримъ , имѣемъ будто сѣби нѣкіе на насъ поставляющихъ пакъ , что , ежели ошибкою какое словце слуху не весьма приятное изъ устъ вылетитъ , тотъ часъ вселятъ намъ принести оправданіе , для чего Лашинскому языку учинили мы насиліе , и что за крайнюю несправедливость почитать должно , думаяшъ , что погрѣшаемъ , ежели и въ нечаянно случившемся разговорѣ нашемъ не обрѣтается краснорѣчія. И такъ кто сего не видитъ , что надобно намъ подвергнуть себя трудамъ безконечнымъ , ежели такимъ людямъ во всемъ удовлетворить пожелаемъ. Того ради да престанутъ сіи похвальныхъ упражненій презиратели умалять чужую славу , да заградятъ себѣ уста , показующія зависть и безуміе. А вы , почтеннѣйшіи Сенаторы , продолжайте милость и щедро-

пы вами являемые изливатьъ на пруды наши, дабы сіе цвѣтущее и въ наукахъ свободныхъ прилѣжно упражняющееся юношество, ученіемъ симъ нашимъ къ добродѣтели приуготованное, возмогло удобнѣе въ правленіе сего благополучнѣйшаго обществѣ подражать впредь вашему благоразумію.

Съ Латинскаго перевелъ Н. М.

II.

ЕСХИНА

СОКРАТИЧЕСКАГО ФИЛОСОФА РАЗГОВОРЪ

О ДОБРОДѢТЕЛИ:

Можно ли оную присобрѣсть ученіемъ?

Собрать и другъ его.

Сокр. **М**ожно ли научить кого, быть добродѣтельнымъ, или нѣтъ? а когда послѣднее истинно, то оны естества ли бываютъ люди добрые, или инымъ какимъ образомъ?

Друг.

Друг. Не могу я тебѣ , Сократъ , на сей вопросъ отвѣтствовать.

Сокр. Такъ спанемъ мы теперь о семъ разсуждать. Естли кто хочетъ имѣть успѣхи въ помѣ искусствѣ , по которому бывающъ хорошіе повары, то откуда оное себѣ приобрѣсти можетъ?

Друг. Непремѣнно отъ ученія у искусныхъ поваровъ.

Сокр. А естли кто хочетъ искуснымъ быть врачомъ , то къ кому пойдетъ учиться сей наукѣ?

Друг. Извѣстно, что къ какому нибудь искусному врачу?

Сокр. Естли же кто желаетъ похвалу себѣ заслужить у всѣхъ тѣмъ , что онъ искусный здастель?

Друг. Такому надлежитъ обучаться у здастелей.

Сокр. Хорошо отвѣчаешь. А ежели кто похочетъ достигнуть къ совершенству въ добродѣтели , на верхъ кошораго восходятъ люди добрые и премудрые; то гдѣ онъ сему учисья долженъ?

Друг. Я думаю , что онъ и сему научится не у кого другаго , какъ у добрыхъ людей, лишъ бы только было можно ученіемъ приобрѣсти честность.

Сокр. И такъ посмотримъ , какіе у насъ

насъ были люди добрые; и они ли шѣ, кои другихъ дѣлають добрыми?

Друг. Фукилидъ иThemistocle и Аристидъ и Периклъ.

Сокр. Кто таковы были ихъ въ семь учителя, извѣстно ли?

Друг. Ни какъ. Я про то ни отъ кого не слыхалъ.

Сокр. Такъ не слышно ли хотя объ ученикахъ? не учился ли кто у нихъ изъ чужестранныхъ или изъ гражданъ; либо другой кто, вольный или рабъ? и нѣтъ ли кого нибудь, о кошоромъ бы говорили, что онъ отъ обхожденія съ ними дѣлался добрымъ и премудрымъ?

Друг. И про ето никто ничего не говорить.

Сокр. Не отъ зависти ли полно не хотѣли они другихъ людей дѣлать участниками своей добродѣтели?

Друг. Можетъ быть.

Сокр. И то надѣюсь для того, чѣмъ имъ подражателей и противниковъ не было въ искусствѣ ихъ, какъ дѣлають повары, врачи и златели, ибо не столько имъ прибыльно, когда много есть имъ равныхъ, да и жить имъ между многими искусству ихъ подражателями не полезно. И такъ не иначе ду-

думаю, и добрымъ людямъ пользы въ томъ нѣтъ, чѣмъ живишь съ подобными себѣ.

Друг. Можешь спастись.

Сокр. А они сами не были ли люди добрые и справедливые ?

Друг. Истинно такъ, были.

Сокр. По сему еси такіе люди, которымъ полезнѣе жить съ худыми, нежели съ добрыми людьми ?

Друг. Не могу сказать.

Сокр. Не можешь ли мнѣ и того сказать, добрыхъ ли людей дѣло вредить, а худымъ приносишь пользу; или вопреки ?

Друг. Вопреки непременно.

Сокр. И такъ добрые приносятъ пользу, а худые вредъ ?

Друг. Конечно такъ.

Сокр. Но можешь ли кто быть таковъ, который бы лучше хотѣлъ претерпѣвать вредъ, нежели имѣть пользу ?

Друг. Никакъ.

Сокр. Того ради нѣтъ никого, кто бы желалъ жить лучше съ худыми, нежели съ добрыми ?

Друг. Да, такъ.

Сокр. По тому никто изъ добрыхъ людей и не завидитъ другому въ томъ, чтобы здѣлать его добрымъ и подобнымъ самому себѣ.

Друг. Кажется такъ по твоимъ рѣчамъ.

Сохр. Слышалъ ли ты , что Θεμισтоклъ имѣлъ сына Клеофанша ?

Друг. Слышалъ.

Сохр. И такъ не завидѣлъ Θεμισтоклъ и сыну , чтобъ онъ былъ самымъ лучшимъ , для того что онъ ниже другому кому завидѣлъ , ежели только онъ былъ человекъ добрый , а что онъ былъ таковъ , прежде сказано.

Друг. Правда.

Сохр. Но знаешь ли ты , что Θεμισтоклъ сына своего научилъ искусно и хорошо ѣздить на лошадяхъ , ибо онъ стоя прямо садился на лошадь , и копьемъ мешалъ съ лошади сидя прямо ; и многія другія удивительныя вещи онъ дѣлалъ , научився отъ хорошихъ учителей. Не слышалъ ли ты про это у стариковъ ?

Друг. Слышалъ.

Сохр. По сему , природа сына его , не возможно , чтобъ была худа.

Друг. Изъ рѣчей твоихъ объ немъ заключить сего не лзя.

Сохр. А о томъ , что бы Клеофаншъ , Θεμισтокловъ сынъ , былъ добрымъ и премудрымъ человекомъ , каковъ былъ отецъ его , слышалъ ли ты отъ

какихъ нибудь молодыхъ или старыхъ людей ?

Друг. Нѣтъ не слыжалъ.

Сохр. И такъ должно думать , что онъ сына своего хотѣлъ обучить показаннымъ выше искусствамъ ; а въ той премудрости , которую онъ самъ имѣлъ , не здѣлалъ его ; естли только добродѣтели учить можно ; ни чѣмъ лучше другихъ своихъ сосѣдовъ ?

Друг. Кажется , что нѣтъ.

Сохр. Таковъ сей твой учитель добродѣтели , котораго ты мнѣ предложилъ. Разсмотримъ другаго Ариспида , который воспиталъ Лисимаха , и избравъ хорошихъ учителей , обучилъ его лучше всѣхъ Аѳинянъ , а добрымъ человекомъ его не здѣлалъ. Сего и ты знаешь и я , и въ одно время онъ жилъ съ нами.

Друг. Знаю.

Сохр. Не неизвѣстно тебѣ также , что у Перикла были сыновья Паралъ и Ксанфиппъ , изъ которыхъ одному и ты былъ другомъ. Сихъ онъ , вѣдаешь , научилъ очень хорошо ѣздить на лошадяхъ ; были они искусны въ мусикѣ и въ другихъ къ подвигамъ надлежащихъ упражненіяхъ , и прочія нѣкоторыя искусства , коимъ можно было научиться ,

знали не худо ; а добрыми людьми не хотѣлъ ли онъ ихъ здѣлать ?

Друг. Можетъ быть они, Сократъ, и были бы добрыми ; естли бы въ молодыхъ лѣтахъ не умерли.

Сокр. Ты и теперь ихъ по прежней твоей любви защищаешь. Но Периклъ естли бы можно было добродѣтели научить , и онъ бы былъ въ силахъ се здѣлать , то конечно прежде всего здѣлалъ бы ихъ премудрыми въ той добродѣтели , которую самъ имѣлъ , а потомъ бы велѣлъ ихъ обучать мусикѣ и другимъ къ подвигамъ надлежащимъ шлестымъ упражненіямъ. Однако я не думаю , что бы можно было научить добродѣтели. И Фукидидъ имѣлъ также двухъ сыновей , Мелисія и Стефана , о которыхъ ты не можешь того сказать , что сказывалъ прежде о сынахъ Перикловыхъ : ты знаешь , что одинъ изъ нихъ достигъ старости , а другой несравненно долѣе перваго жилъ. Сихъ обучилъ отецъ , какъ прочимъ многимъ искусствамъ , такъ и особливо борбѣ , отдавъ одного въ науку Ксанфію , а другаго Евдору. Куды , какъ искусно они боролись ! лучше ихъ борцовъ въ Афинахъ не было.

Друг. Правду говоришь.

Сокр.

Сохр. Какъ же ты думаешь ? Развѣ Эукидидъ училъ только дѣтей своихъ тому , чему употребя не малое издивеніе , учить было можно : а тому ихъ онъ знать не училъ , на что не надобно было ничего издерживать , по есть , что бы здѣлалъ ихъ добрыми людьми , естли бы возможно было сему научить ?

Друг. Вѣроятная догадка. Но можетъ быть Эукидидъ самъ о томъ не радѣлъ.

Сохр. Не было ли у него премного друзей не только изъ Аѳинянъ , но и изъ союзниковъ ихъ ? не было ли у него довольно родственниковъ и домашнихъ ? не великъ ли и не знаменъ ли онъ былъ въ другихъ Еллинскихъ городахъ не меньше какъ и въ семъ ? И такъ хотя бы самому ему и недосужно было по причинѣ гражданскаго правленія , къ чему онъ прилагалъ всевозможное стараніе , однако сыскалъ бы онъ кого нибудь изъ одноземцовъ своихъ или изъ иностранныхъ приятелей ; который бы сыновъ его здѣлалъ добрыми людьми , естли бы только было можно сему научить. Но видно , другъ мой , что добродѣтели учить дѣло не возможное.

Друг. Такъ кажется. А естли добродѣтели не лзя научишь , такъ слѣдуешь , что опъ естества бывають люди добрые.

Сохр. Разсмотримъ и сіе : а восли-бо правду сыщемъ. Естль ли лошади опъ природы добрыя ?

Друг. Естль.

Сохр. По сему естль и такіе люди , которые сіе искусство знають , чтобъ по оному узнавать природу добрыхъ лошадей , не только въ ходѣ изъ сложена тѣлеснаго , но и рьяны ли они или нѣтъ въ разсужденіи духа ?

Друг. Безъ сомнѣнія.

Сохр. Какъ сіе искусство называютъ ? естль ли ему какое имя ?

Друг. Знаніе о лошадяхъ.

Сохр. Подобнымъ образомъ и въ разсужденіи псовъ , естль ли какое искусство , коимъ природу добрыхъ и худыхъ псовъ узнавають ?

Друг. Также естль.

Сохр. Какъ оное зовутъ ?

Друг. Знаніе о псахъ.

Сохр. Не дѣлается ли поже и съ золотомъ и серебромъ ? нѣтъ ли такихъ людей , которые однимъ взоромъ узнавають , которое лучше или хуже ?

Друг.

Друг. Кто сего не знаетъ, что есть и пакіе люди.

Сокр. Какъ ихъ называютъ?

Друг. Серебрениками.

Сокр. Да и надзирашели дѣтей въ училищахъ, гдѣ обучающа пѣлеснымъ упражненіямъ, разсматривая не только у опроковъ, но и у пѣхъ, кои посна-рѣе, естественный человекскаго пѣла составъ, который изъ нихъ годенъ или неспособенъ къ понесенію всякихъ трудовъ, въ передъ узнавають; ко-торыя пѣла досшойны рачительнаго при-зиранія, и въ кошорыхъ есть надежда преизряднаго успѣха въ опправленіи пѣлесныхъ подвиговъ.

Друг. Такъ не ложно.

Сокр. Въ гражданствѣ нужнѣе ли добрыя лошади и псы и прочее сему подобное, или люди добрые?

Друг. Люди добрые нужнѣе.

Сокр. Какъ же ты думаешь? Естьли бы люди опѣ природы имѣли расположе-женіе и способность къ добродѣтели, не спарался ли бы всѣми силами весь че-ловѣчскій родъ распознать оныя?

Друг. Вѣроятно.

Сокр. Чтожъ, не можешь ли ты мнѣ сказать, какое бы сіе искусство было, которое природы людей доб-рыхъ

рыхъ разсматриваетъ, и съ доказатель-
ствами рассуждаетъ объ оныхъ ?

Друг. Не знаю никакого.

Сокр. Великой бы по истинѣ цѣ-
ны стояло такое искусство, и имѣ-
ющіе оное. Ибо сіи намъ показывали
бы малолѣтнихъ еще отроковъ, копо-
рые добрыми будущею людьми : а мы
бы оныхъ хранили въ замкѣ, какъ об-
щенародную казну или и вѣчно боль-
шее, чтобъ никакого не претерпѣли
вреда ни во время войны, ниже въ дру-
гихъ какихъ града бѣдствіяхъ : по
оспались бы невредимы на избавленіе и
благодѣшительствованіе всему обществу,
когда совершеннаго достигнуть возра-
ста. Однако сомнительно, чтобъ лю-
ди могли себѣ приобрѣсть добродѣтель
или ученіемъ или отъ природы.

Друг. Какимъ же образомъ, Сократъ,
бывающъ по твоему мнѣнію люди доб-
рые, естли ни отъ природы ни уче-
ніемъ ?

Сокр. Я думаю, что ясно сего по-
казать неудобно : а догадываюсь, что
сіе есть божественное иѣкое дарованіе,
и люди бывающъ добрыми не иначе какъ
провѣщатели и прорицатели. Ибо и
сіи ни искусствомъ ни отъ природы
таковы бывающъ, но божіимъ мановен-

веніемъ. Такъ и добрые люди предвѣщающѣ всегда государствамъ будущее вдохновеніемъ божественнымъ и гораздо яснѣе и извѣстнѣе, нежели прорицатели. Женскій полъ вообще говоритъ такъ: сей мужъ есть божественный. И Лакедемоняне когда кого великолѣпными ублажаютъ похваами, божественнымъ мужемъ нарицаютъ. Часто и Омиръ упошребляетъ сіе слово и другіе спихотворцы. И ежели хочетъ богъ какое государство здѣлать благополучнымъ, то производитъ въ немъ людей добрыхъ: естли же опредѣлитъ въ нещастіе ввергнуть, то добрыхъ людей изъ онаго изъемлетъ. И такъ кажется, что добродѣтели ни научиться не можно, ниже отъ естества получить, но стяжающіе оную приемлютъ непосредственно отъ судьбъ божіихъ.

Перевелъ съ Греческаго Г. К.

*

*

*

III.

Изъ второй книги исторій

ТИТА ЛИВІЯ ПАТАВИТЯНИНА

О походѣ Фабіевъ противу веентянъ.

Получивъ ударъ отъ Веентянъ безразсудностию одного Консула Римляне потеряли бы все войско, еспли бы Кесонъ Фабій въ самое то время не подоспѣлъ на помощь. Съ тѣхъ поръ Римляне съ Веентянами ни совершеннаго мира ни прямой войны не имѣли; и дѣло сіе было больше всего похоже на разбойничество. Когда Римскіе выходили на нихъ полки, то они въ городѣ отступали, а по возвращеніи полковъ въ Римъ дѣлали нападенія на поля, ухищреннымъ образомъ отъ себя отвращая войну миромъ, а миръ войною. И такъ ни оставить сего дѣла, ни окончить было не лзя: другія войны не мнимо и въ скоромъ времени предстояли, какъ то отъ Еквовъ и Волковъ до тѣхъ

тѣхъ только порѣ мирно живущихъ , покаместѣ новополученный боль недавно бывшаго пораженія пройдетѣ. Казалось, что и Сабины , наши всегдашнїе непрїатели, и вся Етрурїя на насѣ вскорѣ возстанетѣ. Но Веенпяне , не столько нанося великой вредѣ, какѣ безпрестанно непрїательски нападая , чаще духѣ нашѣ въ огорченїе приводили , нежели были опасны. Ибо ни въ кое время ихѣ пренебречь было невозможно , и не лзя было для нихѣ ни куда инуда силѣ своихѣ обратишь. Тогда родѣ Фабїевѣ пришелѣ въ Сенатѣ: Консулѣ именемѣ всѣхѣ началѣ говорить такѣ: Вы сами знаете , почтенные Сенаторы , что война съ Веенпянами не такѣ многочисленнаго войска , какѣ безпрестаннаго пребуепѣ сопротивленїя. И такѣ вы о томѣ имѣйше попеченїе, какѣ съ прочими воевать народами , а Фабїамѣ однимѣ поручите войну противу Веенпянѣ. Мы васѣ въ томѣ увѣряемѣ, что при семѣ нашемѣ предпрїяшїи величество народа Римскаго пребудетѣ безопасно. На сїю войну будто какѣ на свою домашнюю собственное наше иждивенїе употребить мы намѣрены. Пускай намѣ на то не даетѣ общество ни воиновѣ не денегѣ. Великое имѣ благодаренїе за

то приносили. Консулъ вышедши изъ Куріи , пошелъ домой ; а за нимъ и весь родъ Фабіевъ , которое въ сѣняхъ предъ Курією стоя сенапскаго ожидали опредѣленія. Приказъ отданъ слѣдующаго дни всѣмъ въ ружьѣ у Консулскаго двора собраться; по семъ разошлись они по домамъ. Тотъ часъ по всему городу пронесся слухъ : Фабіевъ превозносили до небесъ похвалами за то , что одинъ родъ принялъ на себя бремя всего общества ; говорили , что война противу Веентянъ изъ общей здѣлалась учасною , и участнымъ иждивеніемъ и стараніемъ будетъ производиться. Когда бы , говорили , еще два роды были въ Римѣ такъ сильныя и такъ богатые , то бы непременно одинъ изъ нихъ противу Волсковъ , другой противъ Еквовъ подобнымъ образомъ предпріяшь войну позволенія у Сенапа пребовали. И такъ при ненарушимомъ покоѣ народа Римскаго легко бы можно покорить всѣ сосѣдственныя народы. Фабіи на другой день вооруженные всѣ пришли на означенное мѣсто. Консулъ въ багряницѣ вышедши въ сѣни , весь родъ Фабіевъ увидѣлъ въ строю , и вошедъ въ средину келѣлъ поднять знамена , и въ походъ ити. Не видалъ еще никогда Римъ
па-

такого войска, которое бы и такъ малоллюдно было, и съ такою славою и всенароднымъ удивленіемъ шло чрезъ городъ. Триста шесть воиновъ, всѣ Сенапторскіе дѣти, всѣ одного рода, изъ которыхъ бы каждаго имѣть вождемъ не постыдился избранный Сенапъ во всякое время. Они шествовали, силами одного рода грозя Веептянамъ гибель и конечное разрушеніе. Слѣдовалъ за ними сонмъ, одинъ родспвенниковъ и приятелей, которые ни спрахомъ не были одержимы, ни надеждою, и не имѣли въ мысляхъ своихъ ничего, что бы малымъ и подлымъ могло назваться, но все чрезвычайное, все высокое; другой общенароднымъ попеченіемъ возбужденный и въ разныя углубленный размышленія, удивленіе купно и доброжелательство свое оказывая восклицалъ: Шествуйте, храбрые мужи, шествуйте благополучно; дай Богъ, что бы предпріятыя ваши безпрепятственно желаемого достигли конца; и по возвращеніи вашемъ имѣйте твердую надежду, что мы васъ возведемъ на Консулскія достоинства, и побѣдоносному оружію вашему торжественный входъ въ сей городъ дозволимъ. А когда они мимо замка, мимо Капшоліи, мимо

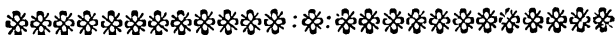
Л л

дру-

другихъ храмовъ шли , тогда всѣ единомышленно возсылали молишвы къ богамъ не только тѣмъ , на коихъ храмы взирали , но и которые въ то время представлялися ихъ мыслямъ , что бы идущему воиновъ собранію щедротами своими щастіе и благополучіе даровали , и скорымъ онаго при ненарушимомъ здравіи возвращеніемъ обрадовали родителей ихъ и все опечесство.

Перевелъ съ Латинскаго Г. К.

IV.

СОНЪ,

ЩАСТЛИВОЕ ОБЩЕСТВО.

Заснувъ нѣкогда увидѣлъ я въ успокоеніи моемъ мечтаніе благополучія общества , приведеннаго въ такое состояніе , каковаго несовершенство естества достигнуть можетъ. Былъ я въ мечтательной странѣ , и разсмотрѣлъ подробно мечтательное оныя благо-

со-

востояніе. Справа сія обладаема великимъ человекѣмъ, котораго неусыпное попеченіе, съ помощію избранныхъ ево помощниковъ подало подвласному ему народу благоденствіе. Желая объявить о порядкѣ ево владѣнія начну я собственную ево особую. Сей Государь во многодѣліи своемъ смѣшанныхъ мыслей и слѣдственно мрачнаго вида не имѣетъ. Онъ имѣетъ обыкновеніе не всегда въ дѣлахъ, но иногда и въ забавахъ упражняться, однако и въ нихъ не погубляетъ онъ драгоценнаго времени; ибо и они на всенародной основаны пользѣ. Всѣхъ подданныхъ своихъ приемлетъ онъ ласково, и всѣ дѣла выслушиваетъ перпѣливо. Достоинство не оспаривается безъ воздаянія, беззаконіе безъ наказанія, а преступленіе безъ исправленія. Симъ имѣетъ онъ народную любовь, страхъ и почтеніе. Получить ево милость нѣтъ иной дороги кромѣ достоинства. Раздразжить ево кромѣ беззаконія и нерадѣнія ничемъ не возможно. Слабоспи прощаетъ онъ милосердо, беззаконія наказуетъ строго. Начальниками дѣлаетъ онъ людей честныхъ, разумныхъ и въ званіи своемъ искусныхъ. Ошроки по склонностямъ въ обученіе отдаются, люди совершеннаго возра-

ста по способности распредѣляются ; а въ начальники производятся по достоинству, и ошѣшого, имѣ, подчиненныя исполняютъ ихъ повелѣнїя съ великимъ усердїемъ, а они о ихъ благополучїи стараются. Сей Государь ни чего служащаго пользѣ общества не забываетъ, а о собственнѣйшей своей пользѣ кромѣ истинной своей славы никогда не думаетъ. Благочестіе не допускающее примѣситься себѣ суевѣрїю въ сей странѣ, есть основаніе всего народнаго благополучїя. Духовныя содержатся въ великомъ почтенїи, котораго они, и достойны. Они во многомъ подобны Стоическимъ Философамъ; ибо спрасти самую малую искру обласпи надъ ними имѣютъ, а они равны и во благополучїи и во злополучїи. Къ пищу привыкли они необходимой. Кромѣ необходимости, ни въ чемъ, ни чего не требуютъ, и довольствуются содержанїемъ безъ малѣйшаго излишества, не имѣя при томъ и ни малѣйшаго, вреднаго человѣческому естеству недостатка. Всѣ они люди великаго ученїя и безпорочныя жизни. Первое служатъ ко наставленїю добродѣтели, а второе къ показанїю образца проповѣдуемой ими добродѣтельной жизни.

Свѣш-

Свѣтскія почитаютъ ихъ безмѣрно ; но сіе не приключаетъ имъ высокобрія, но увеличиваетъ ихъ челоѡколюбіе. Во Свѣтскія дѣла они ни подѡ какимъ видомъ не вмѣшиваются, а науки благочестія, просвѣщеніемъ почитаютъ. О домостроительствѣ они не пекутся; ибо содержатъ ихъ обществу, и получаютъ они опредѣленное, а больше того имъ ни кто участно даѡ не держитъ; ибо по наказанію подвержено, да они и сами въ сіе преступленіе не впадаютъ; сіе нарушаетъ правила ихъ и опровергаетъ почтеніе, заслуженное ими по справедливости. Они ко Свѣтскимъ, а Свѣтскія къ нимъ имѣютъ любовь, и оцѡ того между духовными и Свѣтскими согласіе, что на свѣтѣ бываетъ рѣдко. Суевѣрія и лицемѣрія они неприятели, первое язвою благочестія почитая; а второе лукавствомъ затмѣвающимъ сіяніе благочестія, подѡ ложнымъ видомъ умноженія лучей ево, и маскою злодѣянія; ибо де истинное благочестіе припворства не требуетъ. Главное Свѣтское правленіе называется тамъ, Государственный совѣтъ. Въ него ни какихъ участныхъ дѣлъ не вносится. Тамъ, распорядки, исправленія, узаконенія и прочія государ-

ственныя основанія, или по повелѣнїю
 Монарха или ко предложенїю оному.
 Узаконенія въ области сей дѣлающіяся
 очень рѣдко, а опмѣняются еще рѣже.
 Книга узаконеній ихъ не больше наше-
 го Календаря, и у всѣхъ выучена на-
 изушъ, а грамотѣ шамо всѣ знаютъ.
 Ся книга начинается тако: **ЧЕВО СЕ-**
БѢ НЕ ХОЧЕШЬ, ТОВО И ДРУГОМУ
НЕ ЖЕЛАЙ. А оканчивается: **ЗА**
ДОБРОДѢТЕЛЬ ВОЗДАЯНІЕ А ЗА
БЕЗЗАКОНІЕ КАЗНЬ. Права ихъ опъ
 того въ такую малую вмѣщены книгу,
 что всѣ они на одномъ естественномъ
 законѣ основаны. Преступишь законъ,
 шамо народъ весьма опасается; ибо за-
 служивъ приличное винѣ своей наказа-
 нїе, уменьшенїе онаго имѣшь не упова-
 ешь, а живучи честно ни чево не
 опасается. Дражайшая безопасность,
 упованїе на невиѣнность, и неизбѣжное
 наказанїе, твердо содержащъ людей
 сего народа въ границахъ честности:
 Въ Государственномъ совѣтѣ и во всѣхъ
 судебныхъ мѣстахъ больше судей не-
 жели писцовъ, и бумаги исходитъ
 очень мало. Писцы ихъ пишутъ очень
 коротко и ясно. Дѣла во всѣхъ при-
 казахъ вершались не по числу голосовъ,
 но по книгѣ узаконеній, опъ чего ни
спо-

споровъ ни неправды не бываетъ. Тѣ, которые неправильно бьютъ челомъ, сверхъ потерянія тяжбы и убытка, у всѣхъ въ презрѣніе приходящъ, а тѣ, которые не по книгѣ узаконеній дѣла вершатъ, за неправду лишаются должностей своихъ; и для того узаконенія ясно изображенныя, свято и не нарушимо наблюдаются. Дѣла окончателю очень скоро, для того что очень мало спорятъ, а еще меньше пишутъ, и ни челобитчиковъ, ни отвѣтчиковъ лишняго говорить не допускаютъ, а главная причина скорости ихъ безпристрастіе. За малѣйшія взятки лишается судья и чина своево и всево имѣнія; однако дѣти винныхъ людей ни чего не теряютъ; ибо все имъ возвращается. Дѣти тамо за отеческія прослужки не наказываются, а за услуги не награждаются. Не имѣютъ тамо люди ни благородства, ни подлордства, и преимуществуютъ по чинамъ даннымъ имъ по ихъ достоинствамъ, и сколько же права крестьянской имѣетъ сынъ быть великимъ господиномъ, сколько сынъ перваго Вельможи. А сіе подаютъ охоту ко снисканію достоинства, ревность ко услугамъ отечеству и отвращеніе отъ шунеядства. Всякая наука,

всякое полезное упражненіе, всякое художество, и всякое ремесло, по размѣру своея доброты и по размѣру успѣха пруждающагося, тамо въ почтеніи, а тунеядство въ превеличайшемъ презрѣніи, и слово тунеядецъ жестокая тамо брань, которая гнушаяся, къ работѣ люди съ самаго младенчества привыкають. Пьянство мгла благоразумія и источникъ наглыхъ и вредительныхъ поведеній, такъ же въ великомъ тамо презрѣніи, и благоразумнымъ обыкновеніемъ вкореняется оное нго въ людахъ отвращеніе при воспитаніи. Денежныя игры приличныя тунеядцамъ и добывателямъ безполезнаго обществу труда денегъ и погубителямъ времени, могущаго употребленнымъ быть на что нибудь надобное, у нихъ почитая вольность, хопя и не заказаны, подобно какъ и пьянство, однако часто упражняющіяся въ нихъ люди, презираются. Больше мѣсяца въ судебныхныхъ тамо мѣстахъ ни какое дѣло не продолжается, а по мѣсяцу времени берутъ только самыя завящивыя дѣла. Что не требуетъ раздумчивости, на то въ самую минушу предложенія дѣлается и рѣшеніе. Всякое челобитье у нихъ законною нуждою почитается,

ра-

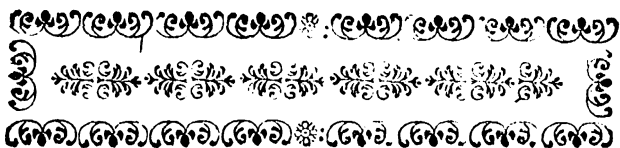
ради которой челобитчики и отвѣтчики отъ своихъ должностей увольняются, а ежели должностъ прѣсящихъ суда или оправдающихся по важности увольненія не терпятъ, тогда опредѣленные на то стряпчія всѣ собравъ доказательства и оправданія, съ принадлежащими справками, подписанными судейскими руками, о дѣлѣ стараются, подъ смотрѣніемъ начальника стряпчихъ, что у нихъ чинъ великой. Дѣла изъ города въ городъ и изъ приказа въ приказъ не переносятся, а ежели судящія несправедливо осудятъ, тогда оное дѣло разсматривается въ государственномъ совѣтѣ, что бываетъ очень рѣдко, а по сему разсмотрѣнію слѣдуетъ судьямъ наказаніе; а когда проситель судей обнесетъ неправильно; онъ еще большому наказанію подвергается, что еще рѣже бываетъ. Судьи для подозрѣнія отъ дѣлъ не отстрѣшаются; ибо никто противъ узаконеній голоса подать не дерзаетъ, подобно какъ законодавцы не должны дерзать дѣлать узаконеній противъ истинны; и тако не судьи тамо страшны, но судъ, который основанъ на узаконеніяхъ, а узаконенія на истиннѣ. Войски ихъ состоятъ подъ воинственнымъ совѣтомъ

а сей совѣтъ подѣ Государственнѣмъ. Главныя люди въ воинской службѣ называются Военачальниками, а подѣ ними Полководцы, и такѣ ниже. Всякой Военачальникѣ и всѣ воинскія начальники прежде бытъ рядовыми, всѣ нижнія степени пройши, и всѣ оныхѣ исполненія познавъ и въ нихѣ совершенно углубившя оцолженны. Но не только едина привычка, ниже при томѣ и мужество еще не довольны тамо для Военачальника. Остроуміе и великое званіе сверхѣ того ему необходимы: первое для скорого проицанія, а второе для благоразумнаго расположенія сво предпріяній. Воины по степенямѣ исполняютѣ повелѣнія своихѣ начальниковѣ съ претеликимѣ наблюденіемѣ, и дѣлають имѣ великое почтеніе, а начальники ни малѣйшаго къ подчиненнымѣ не имѣють уничтоженія. Въ мирное время войски ихѣ непрестанно воинскимѣ обрядамѣ обучаютѣся, и снабѣнны всѣмѣ во всякое время ко бранному походу готовы. Кѣ суровой жизни военные люди всѣми мѣрами спаряются привыкнуть, и какѣ защитники отечества народомѣ почитаемы и любимы. Они имѣють похвалу; что коль велико во время сраженія ихѣ мужество,

жество, полики послѣ побѣды ихъ чело-
 ловѣколюбіе и великодушіе. Симѣ при-
 носьтъ они сугубую славу своему оше-
 честву, и сугубое почтеніе отъ самихъ
 неприяшелей. Подчиженныя шакъ обы-
 каи повиновашься своимъ начальникамъ,
 что во время жесточайшаго распаленія
 единымъ словомъ обуздываются. До-
 бычь воинская имъ не извѣстна; по у
 нихъ заказано, а что получишья, по
 послѣ порядочно и разсмотрительно
 раздѣляется, отъ чево воины думаютъ
 о побѣдѣ а не о добычѣ. Побѣжден-
 ныхъ и непрошивящихся убивать за-
 прещено, подѣ лишениемъ жизни бо-
 лше бы мнѣ еще грѣзилось; но я живу
 подѣ самую колокольнею: спали зео-
 нишь и меня разбудили, и лишили ме-
 ня сего приятнѣйшаго привидѣнія. Дай
 боже, что бы сны подобныя сну сему
 многимъ видилися, а особливо наперс-
 никамъ Форшуну,

А. С.

* * *

У.

ИЗЪ ГОЛЬБЕРГОВЫХЪ ПИСЕМЪ.

ВЫ хотите знать отъ меня, какъ самымъ лучшимъ образомъ слово Пепиметеръ изобразить можно. Я самъ долгое время въ изобрѣженіи онаго всуе трудился. И для сего спрашивалъ я у другихъ, которыя сильняе меня въ языкѣ; однако до сего времени ни кто не имѣлъ щаспїя найти шакова слова, которое бы точное пому знаменованіе имѣло. Нѣкоторыя думаютъ, что слово Пепиметеръ можно всево способняе такъ выразить: двуногой комаръ; ибо почти ни одно животное столько много ненаскучить какъ комаръ; но сіе слово такъ же несовершенно, не упоминая того, что комаръ только лѣтомъ летаетъ и людей беспокоиваетъ; напротивъ того Пепиметеръ во весь годъ другихъ людей беспокойствомъ мучитъ, а зимою всего несносняе бываетъ; ибо въ сіе время большая часть людей переднїя большихъ

господь наполняешь. А въ то же самое время и Театральныя дѣйствія представляются, гдѣ господа Петиметеры способнѣйшій случай имѣютъ оказывать свои чудныя свойства. Въ первомъ мѣстѣ, то есть, въ переднихъ большихъ господь, подаютъ они случай другимъ людямъ удивляясь ихъ благодарной вольности, новомодному плащю, размѣрнымъ вышупкамъ и пр: при чемъ крайнія свои силы употребляютъ они, показать своимъ согражданамъ, что они самый лучший сокъ изо всѣхъ жителей той земли, и что они и малѣйшія знаки истребили и отбросили всего того, что мѣщанствомъ и подлостію называется. При Театральныхъ представленіяхъ осуждаютъ они все то, что слышатъ, и все то, чего и не слышатъ, презираютъ то все, что другія хвалятъ, какъ будто нарочно ради того они сотворены. Сіи и другія сему подобныя свойства, которыми Петиметеръ отъ другихъ людей отличается, причиняютъ трудность въ изысканіи приличнаго слова къ изъясненію Петиметера. Надлежало бы желать, чтобъ толико же трудно было сыскивать и самихъ Петиметеровъ, сколько трудно сыскивать слова къ изъясненію ихъ качества: однако

ша-

такихъ животныхъ тварей много въ за-
 пасѣ , и какъ думаешь можно , такъ
 родъ сей никогда не вымреть , пока-
 мѣсь не заляжетъ дорога между дру-
 гими городами и Парижемъ, откуда по-
 вседневно великое число рекрутцовъ вы-
 ѣзжаетъ ; ибо Парижъ есть прямое и
 собственное мѣсто , гдѣ сіи овощи ро-
 дятся, и куда изъ всѣхъ земель молодые
 люди въ великомъ числѣ прибѣгаютъ
 снимать образцы съ Парижскихъ подлин-
 никовъ, въ чемъ они удивительно щасли-
 вы. Впрочемъ же слово Пепиметеръ
 въ новѣйшія времена извѣстно стало , и
 какъ думаютъ, во времена Герцога Ма-
 зарина впервые появилось , которой
 былъ сынъ Маршала ** и пожалованъ
 былъ чиномъ Гранмешера надъ Арти-
 лерією. А имя Пепиметеръ придавалось
 молодымъ придворнымъ людямъ , кошо-
 рья однихъ лѣтъ съ Герцогомъ и Гран-
 мешеромъ были, и во всѣхъ поступкахъ
 и поведеніяхъ ему подражали. Послѣ шо-
 го придали сіе имя всѣмъ пѣмъ , кои
 принятымъ на себя знатнымъ видомъ и
 поступками стараются опмѣнять себя
 опъ другихъ. И присвоютъ, себѣ право
 разсуждать объ остроумныхъ, а особливо
 о Театральныхъ изданіяхъ , и оху-
 ждаютъ все, что не на ихъ чистой вкусъ
 здѣла-

здѣлано. Авторы и Актеры принуждены были по тому учреждать свои дѣла, и для того по Парижскія Комедіи пришли въ столь худое состояніе, въ которомъ мы ихъ нынѣ видимъ; ибо сіи Пешиметеры поставляютъ себѣ за честь, уничтожатъ самыя лучшія Драмы, ни для чего инова какъ только что старыя разумныя люди доброй вкусъ и красоту въ оныхъ находятъ; хотя сами ни малой способности не имѣютъ подать о томъ своихъ разсужденій; ибо во время представленія, глаза ихъ больше къ женскимъ ломамъ нежели къ Театру обращаются. Въ началѣ имя сіе придавали только дворянамъ молодымъ: а теперь уже носятъ оное и мѣщанскія дѣти, которыя имъ подражаютъ, и которыя во Франціи подъ именемъ Пешиметеровъ Тюльерійскихъ извѣстны. Не возможно довольно надивиться, какъ наши образцы съ Парижскими подлинниками сходны, хотя имъ оное, какъ думать можно и не безъ труда досталось; ибо природа не во всѣхъ народахъ такое дѣйствіе имѣть можетъ какъ во Французахъ; чего ради нѣкоторой писатель справедливо говоритъ: Французъ въ самой скорости и безъ труда можетъ Пешиметеромъ здѣлаться; но другой

гой

гой родившійся не во Франціи, не такъ легко: хотѣль и хотѣль, до того достигнетъ. Белокъ въ одной изъ своихъ Сапиръ весьма смѣшнымъ образомъ Пешиметера прѣдспавилъ, да и по справедливости ни какая вещь не можетъ подашь ни чево лучшаго къ шупкѣ и смѣху какъ сія; ибо примѣчено, что сіи господчики не только всякаго рода дурачествами, какія выдумать можно, наполнены; но и сіе особое имѣютъ они, что члены свои ломаютъ и коверькаютъ походку, и всѣ дѣйствія спраннымъ и особливымъ образомъ располагаютъ, а сіе у нихъ за особливую красоту починается. Они презираютъ своихъ согржданъ и смѣются ихъ прадѣловскимъ поступкамъ, которыя обратно смѣются надъ ихъ Парижскимъ дурачествомъ. Когда разумнымъ людямъ не взачай случается съ Пешиметеромъ быти гдѣ въ гостяхъ, такъ они не могутъ довольно извяснити всѣхъ слабостей ихъ; напротивъ того и пѣ не оставляютъ разсужденія, о ихъ грубости и худыхъ поведеніяхъ жизни. Въ прощемъ свойство Пешиметера соспойтъ въ томъ, что онъ другихъ пересужаетъ, и обратно отъ другихъ пересужается. Онъ есть какъ нѣкто-

рой

рой Французской Спихотворецъ говоришь: живошное крипикованное, крипикующее и крипикуемое. Пешиметеръ наполненъ дурачествомъ, но спарается показывать себя еще глупее нежели въ самомъ дѣлѣ онъ. Его поведеніе учпивости и нахальства смѣсь. Онъ говоритъ много, а не думаетъ почти никогда. Палепрагъ говоритъ: Пешиметеръ есть такая шварь, которая во всемъ кривому пути слѣдуетъ, для того что прочее подло и помѣщански. Какъ монахи Картезіянскаго устава никогда не говорятъ, такъ Пешиметеръ говоритъ непрерывно; однако изо всево его болшанья наконецъ выйдетъ: Ничево; развѣ почестъ за разговоръ звукъ потъ, копорой онъ пабакеркою, перчатками, простью и комплеменстами дѣлаетъ, что такъ вразумительно, какъ и спукъ на улицѣ причиненный его карешою. Такъ описываютъ Пешиметера, сами Французскія разумныя, и всѣ другія писатели. Я упомянулъ то, что слово сіе не можетъ хвалиться древностію своего происхождения; но изъ того не слѣдуетъ, чтобъ люди, копорыя имъ означаются, хотя подъ другими именами прежде сего на свѣтѣ не были. Цесарь Неронъ

М м

имѣлъ

имѣль при своемъ дворѣ нѣкоторой родъ
 Пешимешеровъ, которыя надъ Сенекою
 какъ надъ Педаншомъ смѣялись; на-
 прошивъ тово, безъ сумнѣнія думать
 можно, что и Сенека ихъ не щадилъ
 насмѣшествомъ. Когда все сіе подробно
 разсудите, такъ найдете, что весьма
 трудно сыскать, равносильное Фран-
 цускому слову Пешимешеръ. Въ заклю-
 ченіежь объявлю то, что Пешимешеры
 не во всѣхъ мѣстахъ по одному образцу
 здѣланы. Наши гадкія Пешимешеры
 сущь справедливыя и точныя образцы съ
 Парижскихъ подлинниковъ; такъ что
 другога различія между ими не примѣча-
 ютъ, какъ между снятаго образца и
 подлинника; а въ другихъ земляхъ,
 находятъ между ими великую разность.
 Нѣкоторой новой писатель, между
 прочимъ упоминаетъ, какъ Француз-
 скія Пешимешеры отъ Аглинскихъ отличны.
 Французской Пешимешеръ, гово-
 ритъ онъ, познавается по своему цир-
 кулемъ вымѣренному и уставному убору,
 по пустымъ и ни чево незначащимъ рѣ-
 чамъ, по слабому разсужденію, по мно-
 гому ворчанію и спуту, по безмозгой
 головѣ, которая со всѣмъ опустошена и
 вычищена отъ всего того, что здра-
 вымъ разсужденіемъ называется. Аглин-
 ской

ской Пепиметеръ , различается отъ другихъ , короткимъ и непудреннымъ парикомъ , плашкою на шби , которой она вмѣсто галстука употребляетъ , нахальными и подлыми рѣчьми , подражаніемъ грубыхъ поступокъ и подлыхъ нравовъ. Изъ сего видно , что Французской Пепиметеръ , походитъ на обезьяну , а Англинской можетъ уподобленъ быть медвѣдю. Да и по справедливости кажется , что оба съ великимъ трудомъ домогаются , чтобъ ихъ больше между людьми не числили.

Перевелъ съ Дацкаго Иванъ Борисовъ.

VI.

КЪ ИЗДАТЕЛЮ ТРУДОЛЮБИВОЙ ПЧЕЛЫ.

Государь мой!

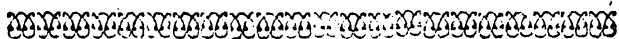
Благодарность всѣхъ любящихъ Словесныя науки , и особливо Россійской языкъ , котораго вы силу и красосу въ разныхъ вашихъ сочиненіяхъ къ общей пользѣ и удовольствію от-

крыли, и что еще и нынѣ новыми Вашими изданіями ихъ удовольствіе продолжаете, оставляя способы и правила вамъ подражать, заставляя меня къ вамъ сіе писать письмо. Вы показали въ вашихъ Драматическихъ сочиненіяхъ чистоту, великолѣпіе и нѣжность нашего языка, вы установили Россійской Театръ. Скорыя онаго успѣхи, склонность дѣйствующихъ, способность языка, и ваше особенное о томъ раченіе намъ неоспоримыя того свидѣтели. Всѣ пользу онаго болѣ чувствуемъ, нежели я извѣснить могу. Желательно чтобъ и прочія ваши нравоучительныя сочиненія такой же успѣхъ имѣли: а особливо тѣ, гдѣ вы въ Вашихъ Періодическихъ изданіяхъ говорите о лихоимствѣ вреднѣйшемъ злѣ Государства. Вы имѣли даръ возбуждать и умножить омерзѣніе честныхъ людей къ сему злѣйшему пороку. Я не сомнѣваюся, что вы устыдите и усовѣстите цѣлѣ подлая души, естли въ нихъ еще какой либо добродѣтели есть остатки. Я пишу къ вамъ сіе отъ въкотораго общества, которыхъ благородныя мысли отвѣтствуютъ знатности ихъ и благороденію: они такъ ненавидятъ порокъ лихоимства, какъ

какъ гонителей оного почитаютъ ,
ваше имъ изобличеніе и ихъ незаконіе
доказываютъ , столько они вами одол-
женны , и сколько тишь , которой не-
навидя лихоимства , особливо честь
имѣтъ быть .

Вашимъ , Государь мой ! покорнымъ слугою .

К * * *

VII.

О КОПИСТАХЪ.

Я ни какова не имѣю недвижимаго
имѣнія , и слѣдственно не должно
бы мнѣ имѣти было ни какова съ подья-
чими дѣла , и подлинно то , что я
уже безо всякаго сообщенія съ симъ ро-
домъ живошныхъ , большую половину
моего вѣка прожилъ , радуясь тому ,
что хотя я деревень и не имѣю , да
и не имѣю и дѣла съ подьячими ; но
судьбина моя не допустила меня до-
жить оставшія мои дни во спокойствѣ ,
и быть избавленну отъ сообщенія сихъ
людей , которыхъ едино имя возму-
щаетъ

шаетъ весь мой духъ. Думалъ ли я когда, возшедъ на Геликонъ и наслаждаяся потоками Иппокрены, что я еще увижу сіи швари, которыя мнѣ столько подають омерзѣніе, и что они востревожатъ мое спокойство, и отъ тебя, возлюбленная Мельпомена! на вѣки меня отторгнутъ, и въ самое то еще время, въ которое Стихотворства жаръ паче прежняго сердце мое наполняетъ и мое искусство на самой верхъ силы моя восходитъ. Что только видѣли Аѳины и видѣли Парижъ, и что они по долгомъ увидѣли времени, ты вынѣ то вдругъ Россія спараніемъ моимъ увидѣла. Въ то самое время, въ которое возникъ, приведенъ и въ совершенство, въ Россіи, Театръ твой, Мельпомена! всѣ я преодолѣлъ трудности, всѣ преодолѣлъ препятствія. На конецъ видите вы любезныя мои сограждана, что ни сочиненія мои ни Актеры вамъ стыда не приносятъ, и до чего въ Германіи многими Стихотворцами не достигли, до того я одинъ, и въ такое еще время, въ которое у насъ Науки словесныя только начинаются, и нашъ языкъ едва чиститься началъ, однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ.

вы тому свидѣтели , сколько единой
 моею Трагедіи скорый переводъ чести
 мнѣ дѣлалъ! Лейпцигское ученое собраніе
 удосноило меня своимъ Членомъ , а въ
 Парижѣ вознесли мое имя въ Чужестран-
 номъ журналѣ , колико возможно , а я
 далъ еще Драмматическими моими со-
 чиненіями хощѣлъ возвестися ; но ска-
 жу словами Апостола Павла : Дадесе
 мнѣ пакосникъ Ангелъ Сапанинъ , ко-
 торый мнѣ пакости дѣлаешь ; да не
 превозношуся. Озлобленый мною родъ
 подьяческій , которымъ вся Россія оз-
 лобленна , извергъ на меня самаго без-
 грамнаго изъ себя подьячева и самаго
 скареднаго крючкотворца. Преворил-
 ся скарелъ сей въ клопа , и вползъ на
 Геликонъ , ввернулся подъ одежду Мель-
 помены и грызеть прекрасное шбло ея ;
 и хопя грызение такой малой пивари ей
 и сносно , но духъ , который се жи-
 вотное выпускаешь не сносенъ ей. Спра-
 даетъ Богиня , а клопъ забавляется и
 говоритъ ; Высокопревосходительная ,
 Высокоблагородная и Высокопочтенная
 Госпожа , Госпожа Богиня ! не имѣлося
 у меня съ вашимъ Благородіемъ ни ка-
 кой каришпанденціи до 1759 года ,
 Генваря до 6 дня , а ошъ того числа ,
 ошправляю я при Россійскомъ Телярѣ

Прокурорскую должность , и ежели
 что при ономъ вышереченномъ Телятрѣ
 не въ силу указовъ и Уложенья дѣй-
 ствуется , долженъ я о томъ по при-
 сяжной моей должности прошествовать
 и записывать то въ Протоколъ и
 реестръ , чтобы вирши были по силѣ
 правъ и не могло бы послѣдовать отъ
 какой нибудь буквы , какова ущербъ
 казенному , интересу ; а нынѣ мною
 усмотрѣно , что обрѣцающіяся при вы-
 шеобъявленномъ Телятрѣ копейскыя шпа-
 ги носятъ , отъ чего протимъ При-
 казнымъ служителямъ не безъ обиды ;
 понеже не почю копейскыя но ниже Кан-
 целярскыя и судебныхъ мѣстъ , ни гдѣ
 шпагъ не носятъ ; и дабы отъ Вашего
 Высочайшего превосходительства воспослѣдо-
 вала резолюція , чтобъ у вышепомяну-
 тыхъ копейсковъ шпаги оплобратъ , не
 взирая на то что оное главному рода
 нашего неприятелю С * * * * смертно
 досадно будетъ ; понеже мнѣ того по
 и хочется ; а ежели отъ Вашего Вы-
 сокостяительства , милосливой резолю-
 ции не воспослѣдуетъ ; такъ я изъ подъ
 пѣлогрѣби Вашего Высочайшего пре-
 восходительства не выползу , и скарднымъ духомъ
 заражу весь Парнасъ , и не только себя
 одну , но всѣхъ Музъ и Аполлона съ

Паръ

Парнасса згоню , и осѣдлавъ Пегаса какъ хочу , самъ развѣзжапи на немъ буду , и спану дѣлать вирши , Приказнымъ порядкомъ и Канцелярскимъ шпилемъ , на зло тебѣ , другимъ Музамъ и Аполлону. Мельпомена, избавляя себя и Парнассъ , исполнила ево прошеніе. Вся во мнѣ загорѣлася кровь тогда : прибѣжалъ я къ Богинѣ , и говорилъ ей : то ли я заслужилъ о Богиня , чшобы ты въ угожденіе клопу , не памятуя того , что я во весь вѣкъ мой проносилъ тебѣ жерпвы , опняла у меня охоту , прославляши имя пвое , увеселяя нашу **МОНАРХИНЮ** и любезное мое отечеспво ? Ни кто больше не поидешъ по стопамъ моимъ , когда мнѣ отъ тебя щакое воздаяніе. Хотя бы я и не бросилъ пера изъ руки моей ; но кто списывать будетъ сочиненія мои ? Или ты хочешъ того , чшобы я и Стихотворецъ былъ и копистъ ? а въ Россіи мало еще людей , которыя по правописанію копировать могутъ , и ежели и сіе ободреніе опнять у обучаемыхъ отъ меня людей ; такъ ни когда пушноа кописта я не увижу ; ибо всякой писецъ лутче захочетъ быти безграмотнымъ Регистраторомъ и грабиль , нежели обучаться правописа-

нїю и таскашься безъ шпаги; или Домашнїя учителя, Домашнїя Секретари, камердинеры и повара доспонные шѣхъ кописцовъ, коперыя мною обучающя? По чему они подьячїя, нижаншїя степени, какъ ихъ благовонныя клопъ называетъ? Они, ни справокъ, ни выписокъ, не пишутъ. А ежели они подьячїя, по тому только что они пишутъ; такъ и я подьячїй; ибо и я пишу. Подьячїйшо, кто писани правильно не умѣетъ и беретъ за плушки Акциденцію, а они пишутъ умѣютъ и Акциденціи не берутъ, и пишутъ они не польяческія, но Драмматическія сочиненїя. И можетъ ли шо статься чтобы у жесточайшаго непрїятеля польяческаго рода, кописцы ево сочиненїй, были подьячїя? Мельпомена устремившися онъ пакостнаго освободиться запаха не отмѣнила своево опредѣленїя, а я, Аполлономъ и всѣмъ Парнасомъ, клялся ей, что доколѣ ея опредѣленїе не отмѣнишя, я больше ни чево Драмматическаго писать не спану, и слова своево я не отмѣню.

А. С.

*

*

*

VIII.

VIII.

КЪ НЕСМЫСЛЕННЫМЪ РИѦМО- ТВОРЦАМЪ.

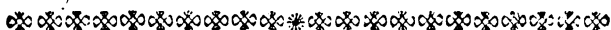
Я не знаю кратчайшаго способа ста-
ти Стихотворцемъ , какъ выучив-
шися грамотѣ , научись узнать что
стиха , а это наука самая легкая , и
только трехъ часовъ времени требуетъ,
начать писать и отдавати въ печать.
Сей новый и краткій способъ уже нѣ-
сколько восприялъ ; но я желая успѣха
словеснымъ наукамъ , оный всѣмъ охот-
никамъ мараю бумагу и мучишь Типо-
графщиковъ и Справщика , больше пре-
поручаю , и ободряю молодыхъ людей :
Врите друзья мои изо всей силы , а я
вамъ порука , что вы не только самыхъ
крайнихъ невѣжъ , но и шаковыхъ лю-
дей , которыхъ учеными почиютъ , или
паче Стихотворцами , найдете въ чи-
слѣ вашихъ похвалителей ! не пишете
только Трагедій ; ибо въ нихъ невѣже-
ство Автора паче всего открывається ,
и не уповайте на искусство Актеровъ ,
чая получиши во вздоръ вашемъ помо-
щю

щю оныхъ какой успѣхъ; дурная женщина и въ робѣ дурна, а хорошая и въ пблогрѣби хороша. Всево болѣе совѣщую вамъ въ великолѣпныхъ упражняясь Одахъ; ибо многія чипашели, да и сами нѣкоторыя Лирическія Спихотворцы разсуждаютъ тако, что не какъ не возможно, чтобъ была Ода и великолѣпна и ясна; по моему мнѣнію пропади такое великолѣпіе, въ которомъ нѣтъ ясности. Многія говорили о Архиепископѣ Теофанѣ, что проповѣди ево не очень хороши, по тому что они просты; что похвальнай естественныя просты, искусствомъ очищенно, и что глупяе сихъ людей, которыя виѣ естесства хипросни ищутъ? Но когда такихъ людей много; слагаише несмысленныя Виршесплетатели Оды; лишъ только темныя пишите. А ежели вы хотите послѣдовать искренности моея; такъ учитесь сперва, и по ежели имѣете способность, и пишите; но здѣлайте по съ первыми сочиненіями своими, что здѣлалъ я съ своими, дѣвать лѣтъ писавъ; бросьте всѣ оныя въ печь; сѣ жертвоприношеніе Аполлону приятняе будешь, нежели изданіе вашего вздора въ печати. Языкъ вашъ великато исправленія потребуешъ, а вы
 ево

ево своими изданіями еще больше пор-
 шите. Былъ нѣкогда и я сему подвер-
 женъ согрѣшенію, кошорому вы себя
 подвергаете и слабыя стихи выпустилъ;
 но я былъ по здѣлаши нѣсколько при-
 нужденъ, да они же и выпущены какъ
 онъ рабенка, и не отъ меня, но отъ
 Кадетскаго Корпуса напечатаны, для
 показанія только моего ученичества а
 не Спихотворства, да въ поже время
 и Спихотворцевъ у насъ еще не было
 и научиться было не у ково. Я будпо
 сквозь дремучій лѣсъ сокрывающій отъ
 очей моихъ жилище Музъ безъ провод-
 ника проходилъ, и хощя я много дол-
 женъ Расину, но ево увидѣлъ я уже
 тогда, какъ вышелъ изъ сего лѣса, и
 когда уже Парнасская гора предъявилася
 взору моему. Но Расинъ Французъ и
 въ Росскомъ языкѣ мнѣ дать наставле-
 нія не могъ. Русскимъ языкомъ и чи-
 стоюю склада, ни Спиховъ, ни Прозы,
 не долженъ я ни кому кромѣ себя: да
 долженъ я за первыя основанія въ Рус-
 скомъ языкѣ опцу моему, а онъ тѣмъ
 долженъ Зейкему, который выписанъ
 былъ онъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
 ПЕТРА ВЕЛИКАГО въ учителя, къ
 господамъ Нарышкинымъ, и который
 послѣ былъ учителемъ ГОСУДАРЯ
 ИМ-

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВТОРАГО.
 Не подумайте вы, что я изъ ревности васъ отвращаю отъ Стихотворства; вы знаете, что я къ тому ни малѣишя не имѣю причины, и что ущерба чести моей быть не можетъ, когда мои сограждана хорошо Стихи писать будутъ. Я люблю нашъ прекрасный языкъ, и сталъ бы радоваться ежели бы познавъ онаго красоту въ немъ Русскія люди больше нѣнѣшняго упражнялись и успѣхи получали, и чтобы не языкъ но свое нерадѣнїе обвиняли: но любя языкъ Руской, могли я такія похваляти сочиненїя, которыя ево безобразящъ? лучше не имѣти ни какихъ Писателей нежели имѣти другихъ. И сіе одно нашему языку дѣлаетъ насилїе, когда Писатели разносити литеръ не умѣютъ, о чемъ можетъ быть имъ и въ мысли не впадало, да и самъ я въ тончайшее онаго разсмотрѣнїе вшелъ недавно. Не знаю кому, или лучше не хочу сказать, кому, не показалася литера І. и того же произношенїя литера И; и для того уставилъ онъ новое и спранные правило очень часто премѣняти ея въ литеру Е. А по еще и спранныя, что многія правилу сему, ни на естество языка, ни на древнихъ книгахъ, ни на

на употребленіи основанному слѣдуютъ, по только въ доказательство приема: *такъ сказалъ Пифагоръ*; а Пифагоръ Московскаго нарѣченія не знаетъ; ибо онъ родился въ деревнѣ шакова уѣзда, гдѣ говорятъ не только крестьяня, но и дворяня очень дурно; а мы Москвитяня должны ли сему правилу повиноваться, хотя бы оно золотыми лиширами напечатано было? *Достоинъ* называется *Достоевъ*, *Бывшій* *Бывшей* и пр: Всѣ которыя въ Русскомъ языкѣ сильны, въ опроверженіи сею со мною согласны; не отвѣтъ ли такія правила нашему языку? Правописаніе наше подъячія и такъ уже со всѣмъ испортили. А что свойственно до порчи касается языка; Нѣмцы насыпали въ него словъ Нѣмецкихъ, Петиметеры Французскихъ, предки наши Татарскихъ, Меданпы Лапшевскихъ, Переводчики Священнаго писанія Греческихъ: опасно, чтобы Кирейки не умножили въ немъ и Польскихъ словъ. Нѣмцы складъ нашъ по Нѣмецкой учредили Грамматикѣ. Но что еще больше испортилъ языкъ нашъ? худыя Переводчики, худыя Писатели; а паче всего худыя Спихопворцы.

ІХ.

РАСТАВАНІЕ СЪ МУЗАМИ.

Для множества причинъ,
 Противно дима мнѣ Писателя и чинѣ;
 Съ Парнасса нисхожу, схожу прошику воли,
 Во время пущаго я жара моего,
 И не изойду, по смершь, я больше на нево:
 Судьба моей по доли.

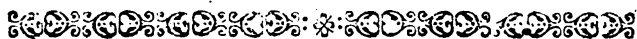
Прощайте музы на всегда!

Я болѣ пишу не буду никогда.

* * *

А. С.

ТРУДОЛЮБИВОЙ ПЧЕЛЫ КОНЕЦЪ.

О г л а в л е н і е.

страни.

I.	рѣчь о пользѣ и превосходствѣ Свободныхъ наукъ.	- - - - -	707
II.	рѣчь Сократическаго Философа о добродѣтели	- - - - -	722
III.	Изъ Гиппа Ливія.	- - - - -	734
IV.	Сонъ.	- - - - -	738
V.	Изъ Гольберговыхъ писемъ.	- - - - -	748
VI.	къ издателю трудолюбивой Пчелы.		755
VII.	О кописцахъ.	- - - - -	757
VIII.	къ есмьденнымъ ремесловцамъ.		763
IX.	раставаніе съ Музами.	- - - - -	768